УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 10-11

2005

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории и археологии

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 10–11

Власть и общество в российской провинции

Издательство «Академкнига»
Екатеринбург
2005

ББК 63.3(2Р36)
У 68
УДК 947(470.5)

У68 **Уральский исторический вестник.** № 10-11. (Власть и общество в российской провинции). — Екатеринбург: «Академкнига», 2005. — 340 с.

ISBN 5-93472-073-2

Данный выпуск посвящен проблемам взаимоотношений власти и общества в России, которые рассматриваются в теоретико-методологическом, историографическом и историческом аспектах. Проанализированы вопросы взаимодействий государства с отдельными социальными слоями, механизмы институционализации взаимоотношений власти и общества, влияние политики на процессы социального развития. Существенное внимание уделяется региональным аспектам взаимодействия властных структур и общества. Издание рассчитано на историков, политологов, социологов, экономистов, регионоведов; научных сотрудников, преподавателей и студентов.

Главный редактор

академик РАН В. В. Алексеев

Редакционная коллегия:

к.и.н. Е. Т. Артемов; д.и.н. В. С. Балакин;
чл.-корр. РАН А. В. Головнев; д.и.н. В. В. Запарий; к.и.н. К. И. Зубков;
д.и.н. Г. Е. Корнилов; д.и.н. К. И. Куликов; к.и.н. И. Л. Манькова;
к.и.н. М. Ю. Нечаева (ответственный секретарь);
к.и.н. И. В. Побережников (зам. главного редактора);
д.и.н. С. П. Постников; к.и.н. А. Ф. Сметанин;
д.и.н. А. В. Сперанский; д.и.н. В. П. Тимошенко;
д.и.н. Г. Н. Чагин; к.и.н. А. Т. Шашков; д.и.н. А. Ф. Шорин.

ISBN 5-93472-073-2

© УрО РАН, Институт истории и археологии, 2005
© Оформление. Издательство «Академкнига», 2005

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Очередной выпуск Уральского исторического вестника, подготовленный историками академических и вузовских учреждений Екатеринбурга, Перми, Омска, Челябинска, Нижнего Тагила, зарубежными специалистами-русистами (США), посвящен проблемам взаимодействия власти и общества в истории России.

Актуальность темы определяется тем, что взаимоотношения властных структур и общества серьезно менялись в контексте российской истории, с одной стороны, а, с другой стороны, оказывали существенное воздействие на ее характер. Изучение данной темы, таким образом, позволяет углубить представления о специфике и этапах отечественного прошлого. Необходимо при этом отметить, что в мировом обществоведении роль такого мощного средоточия власти как государство; механизмы воздействия государственных и институциональных структур на модернизацию и общество получили различные, зачастую диаметрально противоположные оценки и интерпретации. Различные концептуальные схемы применяются для описания российского политического режима различных исторических эпох: «абсолютизм», «деспотический абсолютизм», «просвещенный абсолютизм», «полицейское государство», «регулярное государство», «тоталитаризм», «авторитарный режим», «административно-командная система» и др. За этими формулировками стоят различным образом организованные интерпретации взаимоотношений власти и общества: от тотального подавления властью общества до достаточно рыхлого симбиоза бюрократических институций с общественными формами самоуправления. Понятно, что такое разнообразие мнений свидетельствует о недостаточной изученности вопроса, необходимости его углубленной проработки.

Данная тема имеет и прикладное социальное значение. Для отечественной и зарубежной общественности стало привычным воспринимать Россию как страну, лежащую между Европой и Азией, между двумя различными «цивилизациями». При этом подобная локализация в значительной степени увязывается с особым характером взаимоотношений власти и общества в России.

Понятно, что то или иное видение исторического опыта, «помещение» России в то или иное историческое пространство («Запад», «Восток», «Промежуточная цивилизация», или вообще другая система координат) в значительной степени детерминируют выбор стратегий и инструментов развития и реструктуризации общества в условиях современных перемен.

Сами понятия «власти» и «общества» являются многозначными, многоуровневыми. Столь же разнообразны механизмы взаимодействия между ними, которые анализируются в журнале в теоретико-методологическом, историографическом и историческом аспектах.

Существенное внимание уделено проблемам взаимодействия государства и его институтов (в частности, вооруженных сил) с отдельными социальными слоями, механизмам институционализации взаимоотношений власти и общества, влиянию политики на процессы социального развития, отражению данных взаимоотношений в ментальных структурах. При этом акцент делается на региональные аспекты подобного взаимодействия. Проанализировано воздействие диффузионных факторов на трансформацию взаимоотношений властных структур и общества.

В рубрике «Публикации» помещены ценные источники по истории взаимоотношений власти и общества, местного самоуправления, социальных конфликтов. Теоретические проблемы взаимодействий властных структур и общества в контексте модернизации обсуждаются в разделе «В помощь преподавателю вуза и школы». В рубрике «Научная жизнь» помещены рецензии на книги по региональной истории, истории управления и самоуправления.

Главный редактор
академик РАН *В.В. Алексеев*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

К. И. Зубков

Церковь и государство в поле культурной диффузии: предпосылки петровской модернизации России*

В оценке источников, хода и последствий петровской модернизации России начала XVIII в., несомненно, центральное место занимает проблема «европеизации» — процесса, обычно представляемого в виде мощной волны прямых и по большей части форсированных культурных заимствований и копирований западноевропейской «современности». Обоснованно рассматривая многие петровские нововведения как эксплицитные проявления культурной диффузии, в которых весьма отчетливо прочитываются исходный прототип, мотивация и наглядные результаты внешних заимствований в конкретных областях общественной жизни, необходимо все же заметить, что их скорость и результативность во многом зависели как от глубины предшествовавших им внутренних трансформаций ценностно-символической структуры общества-«реципиента», так и от той метафизической «оболочки», в которую облекался сам процесс культурной диффузии. Иными словами, для более глубокого понимания механизмов культурной диффузии необходимо раздвинуть границы анализа до определения основных параметров того идейно-культурного формата, который как бы с двух сторон — со стороны общества-«реципиента» и со стороны «донорской» культуры — обусловливал и делал возможным этот процесс.

В историографии уже прочно утвердилось представление о том, что так называемая «старомосковская» традиция — как противостоящая смелым преобразовательным замыслам Петра рутинная реальность — к рубежу XVII–XVIII вв. сама едва ли может рассматриваться как внутренне однородная, монолитная, непроницаемая для внешних влияний культурная субстанция. Как убедительно показывает в своих работах А.М.Панченко, до Петра «европеизация» уже в течение нескольких поколений производила обновляющую инкультурацию русской жизни и просматривалась в ней если не в виде устойчивой восходящей тенденции, то, по крайней мере, как некоторое внушительное по охвату жизненных проявлений «неоднородное и пестрое наследство» [1]. Правда, столь же бесспорным является подчеркнутый в свое время А.С. Лаппо-Данилевским факт напряженной раздвоенности, определявшей культурный прогресс России в XVII в., — раздвоенности, выражавшей достаточно сложный, драматичный переход русского общества к полноценному усвоению и переработке шедших с европейского Запада влияний, превращению их из внешнего, по большей части эпигенетического фактора эволюции в механизм сознательного и целенаправленного обновления культурных оснований [2]. По-видимому, именно в этом последнем смысле — с точки зрения преодоления этой раздвоенности и ясно обозначенной определенности правительственного курса — можно квалифицировать петровские реформы как подлинную культурную «революцию».

На наш взгляд, подготовленную предшествующим развитием русской жизни интенсификацию процессов культурной диффузии в правление Петра I нельзя объяснять только продолжающимся обновлением культурного «поля» зримыми приметами западноевропейских влияний — появлением

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ-Урал (проект № 04-01-83117а/У).

в русской городской среде отдельных «вкраплений» западного быта (Немецкая слобода в Москве), а в быту правящей элиты предметов европейского домашнего обихода, придворного театра, внедрением элементов европейской военной науки и полков «иноземного строя», распространением образцов западной книжной и художественной культуры, возникновением первых образовательных учреждений по типу западных и тому подобным новациями — и, как можно было бы предположить, их накоплением до определенной «критической массы», то здесь, то там предназначенной прорывать «оболочку» национальной традиции. Довольно резкой черты, отделявшей в XVII в. Россию от Европы в культурном отношении, не устраняло даже наличие в правящем слое когорты по-европейски образованных людей отчетливой «западнической» ориентации (А.С. Матвеев, А.Л. Ордин-Нащоков, Ф.М. Ртищев, В.В. Голицын и др.). Гораздо более важными для понимания причин успеха петровской «европеизации» России как широкомасштабного проекта преобразований являются процессы, протекавшие в подспудном, «глубинном», слое национальной культуры. Речь идет, прежде всего, о принципиальных изменениях самой русской культурной модели (скорее структурных, чем элементных), которые можно уподобить сдвигам цивилизационного характера. По сравнению с поверхностными заимствованиями, фиксируемыми в «верхнем» слое бытовой культуры, эти изменения характеризуются неизмеримо более сложным, преображенным, зачастую переосмысленным в национальном контексте характером усвоения западных влияний — причем влияний по большей части латентных, затрагивающих даже не идеологический строй культуры, но ее сокровенную метафизику и всю связанную с ней систему ценностей. Этот уровень бытования культуры отличает известная парадоксальность: с одной стороны, происходящие в нем структурные сдвиги до такой степени ограничиваются превращениями в замкнутом круге ценностей и символов национальной культуры, что их исходные западноевропейские прообразы угадываются в них с большим трудом и возникает соблазн отнести их к разряду случайных контаминаций; с другой же стороны, только такого уровня сдвиги в самом «ядре» национальной культуры отмечены широтой, способной обеспечить надежную почву для более или менее органичного усвоения внешних символов западноевропейской жизни.

К числу таких принципиальных культурных сдвигов, подготовивших петровские преобразования, можно отнести в первую очередь изменения во внешне-ориентированном, геополитическом и религиозном самосознании русской культуры. Как отмечал Е.Ф. Шмурло, новые международные задачи, со всей определенностью обозначившиеся перед Россией в XVII в. как ее геополитическая миссия, «не были чем-либо ясно осознанным, не были целью, поставленной намеренно; пока никто еще их тогда даже не формулировал — они сложились исторически, без участия чьей-либо индивидуальной воли; их создала вся обстановка жизни, весь предыдущий ход событий» [3]. Еще в XVI в. Русь мыслила себя по преимуществу в категориях «одинокого» православного царства, предназначенного после падения Византии хранить «светоч» истинного христианства и тем приуготовляющего себя к Спасению. Самодостаточный характер этой миссии и связанный с ней комплекс исключительности не могли не служить стимулом к прогрессирующей культурной самоизоляции России от Европы. Показательно, что возвращение русско-православного самосознания к мышлению масштабом всей Slavia orthodoxa происходило в XVII в. в результате серии внешних толчков, в которых религиозно-племенной и внешнеполитический аспекты оказались тесно связанными. Смута и польская интервенция начала XVII в. насильственно втягивают Россию в «магнитное поле» экклезиастического соперничества и конфессиональных конфликтов, которые в то время как никогда сильно будоражили Европу. Краткое воцарение на московском престоле католического перекрещенца Лжедмитрия, личность которого А.М. Панченко характеризует как законченный тип «европейского авантюриста», конфессиональная пестрота его пришлого двора (католики, православные, социниане-«ариане») могли рассматриваться в миниатюре как трансляция на русскую почву той конфессиональной ситуации, которая сложилась в Речи Посполитой [4], и как толчок к обостренной рефлексии православного самосознания по поводу отношения не только к своим религиозным антитезам,

но и к тому цинично-релятивному в своих посылках, секулярному, сугубо политическому стилю мышления, в духе которого теперь развертывается борьба за власть.

Фактически, еще раньше подобное же травмирующее воздействие на русско-православное самосознание оказала Люблинская уния 1569 г., отдавшая православную Литовскую Русь в объятия католической Польши. Историческая задача возвращения «отчинных» русско-литовских земель в лоно России, до этого рассматривавшаяся как преимущественно внутренняя, как бы продолжающая политику «собирания» русских земель, превращалась тем самым во внешнеполитическую, образуя прочнейшую, хотя и напряженную, перманентно конфликтную, связность русско-польских и католическо-православных отношений. Нелишне заметить, что и сама польско-католическая экспансия на восток во многом предстает как отражение более широких религиозных брожений, охвативших Европу: резко возросшая активность католической церкви на востоке континента, ее настойчивая работа по обращению «схизматиков» были, по существу, разновидностью реванша, за счет которого католицизм пытался компенсировать невозвратные потери в ходе Реформации своей паствы в Западной и Центральной Европе. Усиление позиций католицизма в русско-литовских землях придает религиозной проблематике совершенно новый смысловой контекст. Немаловажным штрихом к этой новой для России ситуации является и то, что в это время для всей Европы в целом жизненно важное значение приобретает еще одно геополитически обусловленное измерение международных отношений, как будто оправдывающее напряженный характер межконфессиональных борений в европейском христианстве, но ставящее их в подчиненное положение по отношению к геополитической проблематике. Осада Вены в 1583 г. турецкими войсками актуализирует планы создания объединенного фронта христианских народов против османской угрозы. На волне успехов, достигнутых Польшей на завершающем этапе Ливонской войны, Стефаном Баторием вынашиваются амбициозные планы объединенными усилиями католической Польши и поверженных московских «схизматиков» кардинально решить задачу освобождения балканских христианских народов от иноверного ига Османской империи. Это в свою очередь послужило прямым прологом к возникновению и пропаганде идей католическо-православной унии. В 1589 г. константинопольский патриарх Иеремия II рукоположил киевским митрополитом сторонника унии — архимандрита Минского Вознесенского монастыря Михаила Рогозу, а в 1595 г. православные епископы — луцкий Кирилл и владимирский Ипатий представили папе Клименту VIII проект восстановления церковной унии в Киевской православной митрополии. В октябре 1596 г. в Бресте поместный церковный собор, созванный под водительством Михаила Рогозы, утверждает акт об унии [5]. (Небезынтересно отметить, что это явное торжество католицизма в деле подчинения «схизматиков» папскому престолу и рассмотрение унии как обрядовой уступки и переходного этапа на пути к полному окатоличиванию православного населения западно-русских земель не отменяли и антиосманского подтекста ее заключения. Неслучайно один из противников унии, экзарх константинопольского патриарха Никифор после проведения в Бресте альтернативного собора, направленного на защиту православия, был заключен в тюрьму по обвинению в шпионаже в пользу Турции).

Таким образом, к началу XVII в. Россия вовлекается в сложный контекст религиозных споров и конфликтов, в которых вольно или невольно проецируется и третий конфессиональный фактор в лице господствовавшего в Юго-Восточной Европе ислама. Сам же конфликт между православием и католичеством моделируется и как своеобразный «канал» культурной диффузии. Дело в том, что униатская проблема существенно разнообразила палитру религиозных оттенков, характеризовавших конфессиональную ситуацию в Восточной Европе. Помимо вполне объяснимых колебаний в вероисповедных вопросах среди православных иерархов западно-русских земель, обозначившихся мотивов искания в них политической выгоды, общую «мозаичность» конфессиональной картины дополняли фактически автокефальный статус православного епископата на западно-русских землях, его подчинение по обряду рукоположения антиохийскому и константинопольскому патриархам. Характерно, что в заключенном в январе 1654 г. Переяславском договоре о переходе Малороссии

под власть московского царя еще специально оговаривалась самостоятельность Киевской митрополии по отношению к русской церкви. Хотя в 1685 г. по соглашению московского патриарха Иоакима и гетмана Малороссии Ивана Самойловича Киевская митрополия соединяется с Русской православной церковью, киевский митрополит продолжает исполнять роль официального посредника в сношениях русского и польского правительств по церковным делам и контролировать четыре православные епархии на территории Речи Посполитой: Могилевскую, Луцкую, Львовскую и Перемышльскую [6].

Вынужденная «интернационализация» вопроса о защите позиций православия перед натиском католической экспансии создала новые мощные стимулы для внутреннего обновления православной церкви. Двумя надежными опорами православия в Западной Руси являлись украинское казачество и утвердившиеся в городах Речи Посполитой внесословные православные братства. Возникновение последних относится еще к XV в., однако именно в первой половине XVII в. их деятельность приобретает едва ли не решающее значение в межконфессиональной схватке России и Польши за украинско-белорусскую паству. Существуя в условиях острого противоборства с католической экспансией и находясь на переднем крае борьбы с ней, православные братства становились важными генерирующими центрами православной учености, а в интересах полемики с идейным противником они энергично осваивали достижения латинско-католической схоластической науки. В создаваемых для этих целей православных «братских» школах изучались церковно-славянский, греческий, латинский и польский языки, традиционные для средневековой образованности тривиум (грамматика, диалектика, или логика, риторика) и квадривиум (арифметика, геометрия, астрономия, музыка), создавались передовые для своего времени учебники (прежде всего, для обучения русскому языку); большое значение в преподавании придавалось изучению богословских предметов, искусству проповеди и гомилетике (богословской полемики).

Существование этих очагов православия в условиях иноверного гнета и откровенной политической дискриминации оборачивалось повышением общего тонуса духовной жизни православных общин (включая их активную проповедническую и миссионерскую деятельность) и намечало тенденцию к интенсивному усвоению православием плодов западноевропейской схоластики — уже не только как средства идейной борьбы с католичеством, но и как атрибута христианской учености вообще. Развивавшаяся в Малороссии христианская ученость оказывалась в большей степени погруженной в стихию новых культурных веяний, чем московское православие, долгое время пребывавшее в состоянии духовного оцепенения. Известно, например, что украинские «братские» школы в XVII в. повсеместно служили образцом для создания учреждений духовного (и отчасти светского) образования в России. Все новое проникало в русское православие незаметно, подспудно, в облике восстановления традиции. Поэтому нараставшее с середины XVII в. религиозно-культурное сопряжение Москвы и Малороссии, знаменовавшее как будто восстановление (!) единства и непоколебимости православной веры, на деле служило мощным источником трансляции новых идей и тенденций в осознании отношений между религией и политикой, верой и наукой, клиром и мирянами.

Немаловажно в этой связи заметить, что устроенные по корпоративному бессословному принципу православные братства не только открывали России западную схоластическую ученость, но и, развиваясь во враждебном политическом окружении, вырабатывали новые, более демократичные принципы организации церковной жизни. Все содержание клира, а также оказание взаимопомощи и благотворительности в рамках православных общин обеспечивались на средства общих касс, в связи с чем братства принимали непосредственное участие в выборе епископов и митрополитов, могли до известной степени контролировать церковную иерархию. Напряженная борьба за души мирян, которую приходилось вести православным братствам, должна была придавать особое значение распространению православной образованности, а также укреплению единства клира и мирян. Это до известной степени сближало православные братства если не по догматике, то по духу с «диссидентскими», внецерковными версиями протестантизма, культивировавшими народное просвеще-

ние и «очищенный», опять же просвещенный евангелизм. В этой атмосфере естественным должно было выглядеть если не явное тяготение, то эпизодические апелляции к оппозиционной католицизму западноевропейской рационалистической традиции.

Суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что бурный и конфликтный XVII век при всем видимом нарастании полемического накала в трактовке религиозных проблем нес в себе симптомы ослабления и даже известного кризиса религиозной сферы не только в Западной, но и в Восточной Европе. На востоке континента растущая секуляризация общественного сознания если не проявлялась прямо в жестком разграничении светской и духовной сфер, то, по крайней мере, обнаруживала себя в возросшей его подвижности и пластичности в вопросах вероисповедания. С очевидностью открывалась совершенная зависимость церкви от «большой» политики, превращение ее в служебное орудие реализации амбициозных политических проектов, что проявлялось не только в большей простоте и легкости обращений из одной конфессии в другую в политических целях, но и в явно обозначившемся политиканстве самого духовенства. Униатство (как и вообще конфессиональная ситуация в Западной Руси) весьма показательно в этом отношении: оно демонстрировало принципиальную возможность разграничения обрядово-догматической и политической сторон религии. Прагматизм в вопросах вероисповедания становился общим знамением времени.

Не менее прагматичным становилось отношение между религией и просвещением. Несмотря на непримиримый догматический и политический конфликт с католицизмом, западно-русское православие культивировало вполне комплиментарное отношение к «латинской» учености. Эта своеобразная субкультура настолько пропитывала украинскую православную традицию, что она, уже будучи перенесенной в Московскую Русь, воспринималась ревнителями православной веры как «латиномудрствующее», подозрительно схожее с католицизмом и потому еретическое направление. Для жаждущих знаний православных священников западная схоластическая ученость превращалась в своеобразную самоцель, ради которой считалось вполне допустимым временное, пусть и всего лишь показное, отречение от «отеческой» веры. На Украине в конце XVII в., например, вполне рутинной становилась практика, когда выпускники знаменитой Могилянской академии («коллегии») при православном Киево-Братском монастыре, во многом копировавшей, кстати, программу обучения иезуитских школ, отправлялись продолжать учебу не только в Польшу, но и в Рим, где иезуитами же по повелению папы Григория VIII для подготовки униатских миссионеров из среды славян была учреждена специальная коллегия Св.Афанасия [7]. По возвращении из-за границы иезуитским воспитанникам оставалось лишь замолить грех вероотступничества и вернуться в лоно православия. Самоценность учения в конечном счете оправдывала прогрессирующий вероисповедный релятивизм.

Нечто подобное этой эстафете учености зачиналось в Москве. Как отмечал М.К. Любавский, подобно тому, как Украина тянулась за образованностью к Западу, Московская Русь пока еще медленно и неуверенно, но все же втягивалась в орбиту малороссийского церковного влияния. Например, в 1640-х гг., еще до массовых переездов в Москву европейски образованных украинских священников, любителем просвещения боярином Ф.М. Ртищевым на собственные средства на Воробьевых горах в Москве был устроен Андреевский монастырь, где выписанные из Киева и ряда других монастырей ученые монахи обучали русскую молодежь славянской, греческой и латинской грамматике, риторике, философии и прочим «западным» наукам. Наиболее отличившиеся и жаждущие более обширных познаний ученики отправлялись за счет Ф.М. Ртищева доучиваться в Киево-Могилянскую академию [8].

Те культурно-религиозные новации, которые в XVII в. ярко проявились в украинском православии, после присоединения Левобережной Украины с Киевом к России в 1667 г. уже, по существу, могли рассматриваться и как часть русской церковной жизни — по крайне мере, в аспекте складывания условий для их более свободной циркуляции в русском обществе. Однако, в целом Московская Русь оставалась более инертной, косной, догматичной средой с точки зрения способности и желания воспринимать внешние влияния, в том числе и становящуюся все более привлекательной за-

падную ученость. Если касаться наиболее продвинутых образцов западной учености, то общую ситуацию можно было бы охарактеризовать следующим образом: то, что на Украине становилось достоянием многих и вполне рутинной практикой, в России было начинаниями просвещенных одиночек, зачастую не имевшими продолжения.

Вместе с тем, и для России в XVII в. можно констатировать глубокие, хотя и не столь очевидные, сдвиги в метафизике культурно-религиозной жизни. Они вполне аналогичны тому, что имело место в Малороссии, однако, отражали несколько иные геокультурные ориентиры и содержательные предпочтения. А.С.Лаппо-Данилевский объясняет это большей вероисповедной цельностью тогдашней русской культуры, в которой критерии религиозной оценки приходящих извне знаний всецело продолжали господствовать и исключали возможность более или менее четкого выделения из них собственно светского компонента [9]. Тем не менее, А.М. Панченко и в этой цельной своим религиозным духом традиционности усматривает отдельные новаторские стороны: они выразились не только в участившихся фактах неканонического «отклоняющегося поведения» и еретичества, в распространении еще мыслимых в рамках православной традиции, но уже отчетливо внецерковных, «народных» форм религиозности, но и в большей обращенности клира к социальной деятельности и попытках известной демократизации религиозного обихода. Даже весьма консервативный и почти не затронутый идеями секуляризации кружок «ревнителей благочестия» («боголюбцев»), в 1645—1652 гг. задававший тон в официальной церковной политике, уже стремится по-своему ревизовать древнерусский церковный обиход, призывая вместо созерцательной неподвижности монастырских заточений «спасаться в миру», заводить школы и богадельни, т.е. открываться «миру». Новацией становилось и то, что исповедно-духовное «учительство» как форма общения клира с мирянами сменялось жанром личной проповеди перед массовым слушателем, эффект которой многократно усиливался через печатные «поучительные словеса», распространение книгопечатания. Это была уже своеобразная «просветительская» струя, но еще целиком облеченная в религиозную форму и даже как будто инспирировавшая известный взлет религиозности [10]. Если же спроецировать эти новые веяния на позднейшие, ярко обнаружившиеся в русском расколе социальные импликации в толковании обрядово-догматических проблем, можно констатировать, что оживление ранее почти неподвижной религиозной жизни, пронизывающая ее экзальтация и ее схождение в «мир» являлись симптомами зарождения собственно русской версии Реформации, парадоксальная черта которой заключалась, однако, в том, что ревизию обряда жестко проводила в жизнь как раз официальная церковь, а традиционализм с его явным «национально-охранительным» уклоном — вожди раскола.

Религиозный критерий, господствовавший в восприятии и оценке русским православием идей просветительства, во многом обусловил то, что, наряду с подозрительно встречаемыми латинско-польскими влияниями, шедшими через Малороссию и на поверку реализовавшими более спрямленный, радикальный путь сближения России с Западом, русским православием закономерно был использован и более щадящий его самолюбие, отраженный вариант просвещения, представленный «греко-эллинской» образованностью, культивируемой восточными православными церквями. Перед откровенным «западничеством» он обладал, по крайней мере, тем преимуществом, что снимал смущавший сознание вопрос о конфессиональной принадлежности приобретаемых знаний и замыкал просветительство в рамки православной традиции.

Однако, первоначальный успех так называемых «восточников» на ниве русского просвещения опирался не только на подкупающий факт «единоверного» происхождения идей и знаний, которые несли на Русь греческие учителя, но и на глубоко укорененные в русском сознании притягательные символы — на вновь обретавшие актуальность византийские политические концепции, в которых русское самодержавие находило свое исторический смысл, и на идею «Святой Руси» как единственного «светоча» православной веры и ее политического палладиума. Значительно усилившееся в XVII в., русское самодержавие в условиях продолжающейся борьбы с Крымом и Турцией, приобретавшей теперь уже почти общеевропейское, экуменическое и подчер-

кнуто религиозное значение, не могло не примирять на себя роль покровителя восточно-православных церквей и надежды балканских христиан на избавление от «басурманского» ига. Вместе с тем, подчеркнутое сакрально-религиозное оформление этой политической идеи удивительным образом разбудило в Русской православной церкви такие политические амбиции, которых оно никогда, уже веками пребывая под покровительством великокняжеской, а потом и царской власти, не проявляло. Если для молодого царя Алексея Михайловича идея превращения Русского государства во Вселенскую Греко-Российскую Восточную империю выглядела привлекательной, но политически далекой и туманной, то патриарху Никону, опиравшемуся на сохранявшиеся систематические контакты с иерархами «низведенных долу» восточно-православных церквей, грандиозная идея обретения духовной власти вселенского размаха виделась куда более практичной и осуществимой. Исследуя причины и подоплеку раскола, А.В. Карташев едва ли не главным побудительным мотивом богослужебной реформы Никона называет обуревавшую его идею «осуществить через Москву Вселенское православное Царство» [11]. И.А. Крывелев при этом отмечает, что энергично начатая деятельность Никона и его окружения по исправлению богослужебных книг по греческому чину вдохновлялась не только желанием «подобрать» под себя восточные греческие церкви, но и привести к полной «покорности» свою собственную: это была «пробная лагерная тревога» на беспрекословную верность патриарху при довольно циничном отношении его самого к «душеспасительной» стороне вопроса [12].

Расколовшая русское общество реформа богослужения по единоверному, но все же «иноземному» обряду была той единственной существенной подвижкой в общем устроении Русской православной церкви, в которой можно было усмотреть отчетливое адресное влияние зарубежного образца. Присутствие в ней яркого просветительского начала — особенно на фоне впечатляющего по духовной силе полемического творчества вождей антиниконианства — с полным основанием можно ставить под сомнение, но при этом нельзя отрицать ее громадного значения как индикатора важных политических процессов. Несостоявшиеся теократические притязания Никона, как и весь напряженный поединок между «царством» и «священством», были явно запоздалыми по общему духу эпохи. Можно было бы усмотреть в этом подмеченную еще А.С. Лаппо-Данилевским закономерность, характеризующую культурную диффузию как растянутый во времени процесс: происходившая в Западной Европе смена культурно-просветительских парадигм и их конфессиональных доминант (в частности, смена католической культуры протестантской) на востоке Европы запаздывала примерно на век-полтора [13]. Однако, в нашем случае, даже принимая отчасти эту посылку, видимый архаизм конфликта между царем и патриархом не может объясняться во всей полноте даже влиянием отсталого и ущербного образца (греческого), подчеркивавшего эфемерность «царства» перед вечностью веры. Этот архаизм, по существу, маскирует новизну, достаточно современную и для тогдашней Европы — возросшую политизацию и прагматизацию конфессиональных вопросов, которая латентно подготавливала секуляризацию общественного сознания.

Однако, на Западе и в России этот общий феномен приобретал существенно разную конфигурацию. Если в Западной Европе секуляризация общественного сознания шла по линии высвобождения дела просвещения из-под влияния церкви, придания ему светского характера, то в России, учитывая неизбежность стадиального отставания, она находила соответствие западному образцу в основном в завершении процесса секуляризации государства. Иначе говоря, высвобождающейся из-под влияния церкви «культуре» как функции формирующегося общества западного типа в России в этот переломный период субститутом служило «государство», одерживающее окончательную победу над церковью. Если анализировать с этих позиций проведенную Петром I в 1721–1724 гг. церковную реформу, то вопрос о роли культурной диффузии в принятии того или иного иностранного образца государственного управления церковью не сводится, конечно, лишь к проблеме выбора между католическими симпатиями Стефана Яворского или протестантскими — Феофана Прокоповича. Значение здесь, скорее, имеет исходное позиционирование самого государства по отношению

к обществу и церкви, ресурсы его «свободы» (можно сказать, и произвола) в реформировании хотя и основательно поколебленных, но все еще глубоко традиционных институтов. Как явствовало из самой буквы «Духовного регламента» 1721 г., учрежденная Петром Духовная коллегия есть «Коллегиум правительское под Державным Монархом есть и от Монарха установлено» [14] — что ясно свидетельствовало не только о полном подчинении церкви государству, но и о превращении управления церковью в разновидность и отрасль государственного управления. Если сам коллегиальный принцип государственного управления был, как это уже в достаточной степени выяснено, заимствован Петром из шведской модели государственного устройства [15] (что лишний раз подчеркивает значение конфликта как превращенного механизма культурной диффузии!), то столь же очевидно, что синодальная организация Русской православной церкви может быть соотнесена с синодальным (по существу, общинным, конституциональным и в силу этого достаточно демократичным) строем протестантских евангелических церквей Западной Европы лишь по внешней форме, но не по содержанию деятельности и принципам организации. Содержащиеся в подготовленном Феофаном Прокоповичем «Духовном регламенте» аллюзии и аргументы в пользу коллегиального управления церковной жизнью, помимо ссылок на примеры классической древности, хотя и в общей форме, но слишком очевидно намекают на драматичные реалии предыдущего царствования, в первую очередь на достопамятную «распрю» между царем и верховным пастырем, упорно именовавшим себя «великим государем». «Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от Самодержавной; но, великою Высочайшего пастыря честию и славою удивляемый помышляет, что таковый правитель есть то второй Государь Самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чин есть другое и лучшее Государство, и се сам собою народ тако умствовати обыкл. Что же егда еще и плевелныя властолюбивых духовных разговоры приложатся, и сухому хврастию огнь подложат?», — риторически вопрошал автор «Регламента» [16]. Это, разумеется, не снимает вовсе вопроса о роли предпочтительных культурных ориентаций лиц, стоявших у кормила церковной реформы (комплиментарное отношение и Петра I, и самого Феофана Прокоповича к протестантскому рационализму уже является достаточно доказанным фактом), хотя бы даже с точки зрения внешних ее отправлений, но известное сужение вероятного «поля» культурной диффузии и осторожность в истолковании культурных тенденций в свете всего вышеизложенного представляется далеко не лишней.

Вместе с тем, говоря о механизмах культурной диффузии в процессе ранних модернизаций, следует не меньшее внимание уделить и тем специфическим формам адаптации содержания и качеств «донорской» культуры, благодаря которым перенос составляющих ее содержание идей и ценностей на новую почву становится возможным и реальным. К тому же, такой анализ абсолютно необходим для правильной интерпретации самих модернизационных процессов. Очевидно, что занимавший предшествующую историографию вопрос о «буржуазности» или «крепостническом характере» реформ Петра I если не снимается вообще, то основательно видоизменяется, если рассматривать самого Петра как одного из первых представителей зачинающегося русского Просвещения и составляющей его основу рационалистической тенденции.

Перенимающий эстафету из XVII века, русский абсолютизм предстает в контексте петровской модернизации не столько как политический строй или политический режим, венчающий собой компромисс различных фракций дворянского класса, сколько как системообразующий и личностно-ориентированный прототип новой социальной организации общества — причем понимаемой опять же в типичном для Просвещения смысле. Отсюда и то неподвластное строгой социально-классовой идентификации особое качество развития, которое А.Я. Аврехом было в свое время охарактеризовано в известной дискуссии об абсолютизме как «предбуржуазность» [17] (термин, как представляется с высоты сегодняшнего времени, не очень удачный, хотя сама исследовательская парадигма заслуживает того, чтобы вернуться к ней на новом этапе изучения). В контексте первой русской модернизации и питавшего ее просвещенческого рационализма абсолютизм следует рассматривать скорее не как органичный продукт развития общественных отношений с заранее положенными ему пределами, но как «тоталь-

ную», руководимую «свободным разумом» проективную культуру, в которой представление о единственно «разумной» реальности и есть в значительной степени сама воссоздаваемая реальность.

По большому счету, эпоха Просвещения почти не знает компромиссов и сомнений относительно всеобщей и конечной правоты «разума», который сам мыслится как вещь достаточно самовластная и деспотичная. Раннее Просвещение больше, чем что-либо еще, допускало и освящало своим культом интеллектуализма деспотизм обретшего подлинную и безраздельную свободу индивидуального разума. «... Результаты разумного инстинкта превращаются более сильными особями рода, в которых именно поэтому этот инстинкт выражается наиболее громко и сильно, вследствие столько же естественного, сколько излишне торопливого стремления возвысить до себя весь род, или скорее, поставить себя самих на место рода, а авторитет, приказывающий внешним образом и осуществляемый принудительными мерами» [18], — эта более чем красноречивая характеристика предпосылок перехода к «царству разума» как будто списана И.-Г. Фихте с фигуры Петра Великого.

Иначе говоря, европейское Просвещение, мысля категориями абстрактного человека и сводя прогресс преимущественно к «робинзонаде» интеллектуальных форм, выработало достаточно безнациональную и бескачественную, можно сказать, универсальную парадигму общественных преобразований, в рамках которой антитеза «цивилизации» и «варварства» теряла свою географическую и этнокультурную заданность, обретая взамен всемирность. Это-то и делало просветительскую идеологию удивительно пластичной и адаптивной, позволяло ей «завоевывать» все новые и новые страны (прежде всего, конечно, на европейской «полупериферии»). Своим космополитизмом Просвещение принципиально отрицало национальные, социально-кастовые и конфессиональные барьеры, сдерживающие свободную циркуляцию передовых идей и знаний среди просвещенных умов континента. Новый дух открытости исподволь вовлекал в свою орбиту и Россию. В 1711 г. знаменитый В.Г. Лейбниц во время встречи с Петром I в Торгау, уже покоренный «властелином, призванным более, чем всякий другой, споспешествовать мировой цивилизации в обширном смысле этого слова», убеждает царя не только способствовать организации всемирной «республики ученых», но и развернуть перед папой план созыва вселенского собора, призванного установить унию латинской и греческой церквей. В первом письме философа к русскому царю (январь 1712 г.) его космополитические убеждения, как и мысли об избранности просветительского сообщества как носителя идеи всемирности, выражаются предельно откровенно: «Я не принадлежу к числу тех, которые питают страсть к своему отечеству или какой-либо другой нации, мои помыслы направлены на благо всего человеческого рода; ибо я считаю отечеством Небо и его согражданами всех благомыслящих людей...» [19].

В подобном же духе, позднее знаменитому законодателю просветительской «моды» Вольтеру главная «польза» и смысл науки виделись, прежде всего, «в сравнении законов и нравов чужих стран с собственными, которое может сделать государственный деятель или гражданин; это [сравнение] побуждает современные нации соревноваться друг с другом в искусствах, торговле, земледелии» [20]. В этом рассуждении Вольтера фактически уже набрасывает концептуальный эскиз идеологии ранних модернизаций, основной мотивацией которых выступали заимствование достижений передовых государств Запада странами европейской «полупериферии», а главным орудием — преодолевающая косность подданных воля просвещенного правителя.

Просвещенческая идеология вполне толерантно относилась к тому, что касалось самих методов осуществления прогресса «разума». С этой точки зрения вся реформаторская деятельность Петра I не может быть интерпретирована в чересчур резком контрасте с Европой — лишь как насаждение европейской цивилизации специфическими русскими, то есть принудительными, средствами и методами. Для Европы XVIII столетия последние, по-видимому, вообще были довольно типичны и находили свое обоснование именно в рационалистической философии Просвещения, в самой постановке дела государственного благосостояния и управления на началах «разума». В этой связи весьма красноречива, например, характеристика К.Марксом прусского короля Фридриха II (кстати, как и Петр I, вошедшего в анналы истории с эпитетом Великий) как «друга просвещения с помощью

розги» [21]. Наиболее деспотичные стороны в политике этого государственного «гения» Пруссии (насильственные в ряде случаев вербовки и захваты «живой силы» для растущего мануфактурного сектора, расцвет солдатчины и гипертрофированная роль армии в жизни страны, усиление налогового гнета, культивирование призванных упорядочить общество «кастовых» барьеров и запретов в социальном строе и т.п.) являлись отнюдь не «отступлениями» от духа Просвещения (как это подчас трактуется в контексте чрезмерной идеализации просветительской идеологии), а скорее прямыми следствиями того «свободного» (то есть религиозно-индифферентного, полуатеистического, а потому морально ничем не связанного), глубоко личного стиля правления и организации государственных дел, который для практикующего Просвещения был как раз типичен.

Следовательно, в случае петровской модернизации речь, скорее, следует вести о внедрении европейских порядков вполне типичными (по крайней мере, приемлемыми и рационально оправданными) для идеологии европейского же Просвещения средствами, которые в России неизбежно приобретали специфически русскую окраску и — в силу новизны самой задачи — были явлены миру, как писал К.Д. Кавелин, «со всею неопытностью, мечтательностью, пренебрежением к действительности, как является всякое новое начало, верующее только в себя и в свою силу» [22].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Панченко А.М. Начало петровской реформы: идейная подоплека // Из истории русской культуры. Т. III. (XVII — начало XVIII века). М., 1996. С. 505.
2. См. об этом подробнее: Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 17–24.
3. Шмурло Е.Ф. История России. 862–1917 гг. М., 2001. С. 248.
4. Панченко А.М. Русская культура накануне петровских реформ. Л., 1984. С. 16–17.
5. История религии. В 2 тт. Т. 2. М., 2002. С. 205.
6. Там же. С. 208.
7. Смирнов В.Г. Феофан Прокопович. М., 1994. С. 11, 16.
8. Любавский М.К. Русская история XVII–XVIII вв. СПб., 2002. С. 152.
9. Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 17–18.
10. См.: Панченко А.М. Русская культура... С. 24–27.
11. Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. I. М., 1991. С. 148.
12. Крывелев И.А. История религий. Том второй. М., 1976. С. 35.
13. Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 19.
14. Регламент или Устав духовныя коллегии, по которому оная знать долженства своя, и всех духовных чинов, також и мирских лиц, поелику оныя Управлению Духовному подлежат, и при том в отправлении дел своих поступать имеет // Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 142.
15. См. об этом интересную статью Э.П.Федосовой: Fedosova E.P. Swedish Experience in Russian Statehood // State and Minorities. A Symposium on National Processes in Russia and Scandinavia. Stockholm, 1997. P. 21–28.
16. Регламент или Устав духовныя коллегии... С. 143.
17. См.: Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2; Он же. Утраченное «равновесие» // История СССР. 1971. № 4.
18. Фихте И.-Г. Сочинения в двух томах. Т. II. СПб., 1993. С. 368.
19. См.: Фишер К. Лейбниц, его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1905. С. 245–246.
20. История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 13.
21. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 519.
22. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 163.

CHURCH AND STATE IN A FIELD OF CULTURAL DIFFUSION: PRECONDITIONS OF PETER MODERNIZATION IN RUSSIA

Diffusion's mechanisms of formation of preconditions of Peter modernization in Russia are analysed in the article. The attention is accented on internal transformations of value-symbolical structure of the Russian society and metaphysical «environment» in which process of cultural diffusion was enclothed. Basic changes of the Russian cultural model, isomorphic to shifts of civilized character (changes in geopolitic and religious consciousness of Russian culture, modelling of the conflict between Orthodoxy and Catholicism as an original «channel» of cultural diffusion; distribution not canonical «deviating behaviour» and heresy, «folk» forms of religiousness, activization of clergy social activity and attempts of democratization of religious practice are revealed).

K.I. Zubkov

В. А. Шкерин

Государство и экономика: ведомственные противоречия в управлении уральским горнозаводским регионом в XVII — первой половине XIX в.

Представление о государстве как о некоем «монолите» или «машине», работающей ради достижения общей глобальной цели, приемлемо только с учетом существенных оговорок. Само деление государственно-административного аппарата на ведомства и министерства, учреждения и органы свидетельствует о множественности проблем управления, за которой кроется многообразие общественных интересов. Несовпадения, а часто и противоречия этих интересов находят отражение в конкурентных взаимоотношениях (в том числе и конфликтах) ведомств и учреждений. Позитивная роль таких отношений заключается в выявлении и решении проблем функционирования государственной системы, ее оптимизации, приспособлении к постоянно меняющимся условиям и задачам. Предметом настоящей работы является анализ конкурентных отношений ведомств и учреждений Российской империи в сфере управления уральским горнозаводским регионом в XVIII — первой половине XIX вв.

Применительно к XVII столетию говорить о горнозаводском регионе на Урале было бы еще преждевременно [1]. Это было время разведок рудных месторождений и строительства первых небольших медеплавильных и железоделательных предприятий. Необходимость конкретизации статусов и полномочий местных властей в этот период еще не назрела: в каждом случае вопросы решались индивидуально. Воеводским структурам либо отводилась второстепенная роль финансового и транспортного обеспечения присланных из Москвы поисковых партий (как это было в 1618–1620 гг. с экспедицией Ч. Бартенева и Г. Леонтьева и в 1626–1628 гг. с экспедицией Г. Загряжского и С. Беликова), либо они начинали поиски по своей инициативе и затем получали соответствующие полномочия из столицы (как было в 1644–1646 гг. с верхотурским воеводой М.Ф. Стрешневым). Организация производства также могла быть доверена местным правителям: в частности, такие поручения в 1629–1631 гг. получали тобольские воеводы князь

А.И. Трубецкой и Г.А. Загряжский, да и первые петровские заводы в начале XVIII в. возводились под патронатом тобольского воеводы князя М.Я. Черкасского. Зато казенный медеплавильный завод, работавший в Пыскоре в 1634–1648 гг., управлялся напрямую из Москвы, что свидетельствует о созревании особого отношения столичных властей к нарождавшейся металлургической промышленности Урала [2].

Проведенная Петром I массированная индустриализация удаленного от столиц и малонаселенного края поставила государство перед необходимостью распутывать клубок, в который, наряду с сугубо экономическими проблемами, оказались вплетены политические, социальные и культурно-просветительские. Нужда молодой империи в металле и оружии была столь велика, что послужила причиной формирования системы особой горной власти. Субординальный статус екатеринбургского главного командира (такое название должность главного начальника уральских горных заводов носила до 1802 г.) был приравнен к губернаторскому. Горная власть изначально не вписалась в губернские рамки: заводы на восточном склоне Уральского хребта находились в Сибирской губернии и назывались, соответственно, Сибирскими, заводы же Западного Урала относились к Казанской губернии и именовались Пермскими. Главный командир, в отличие от губернаторов, пользовался правом нерегламентированных обращений в Сенат, Кабинет его императорского величества и даже непосредственно к монарху. Будучи доверенным лицом последнего, он обладал негласной возможностью оспаривать решения высшего органа управления горнозаводской промышленностью империи — столичной Берг-коллегии.

Система обеспечения предприятий рабочей силой (в первую очередь, приписка государственных селений) создала, вероятно, первое значимое пересечение компетенций горной и гражданской администраций. Учреждения горного ведомства (горные начальства, Екатеринбургская и Пермская конторы судных и земских дел) проводили рекрутские наборы и сборы лошадей, распределяли наряды на работы, собирали подушные и оброчные сборы, осуществляли межевание земель, вели судебно-следственные дела. Для решения перечисленных и им подобных задач в подчинении горной администрации было создано так называемое Екатеринбургское ведомство, состоявшее из дистриктов. «Образно говоря, Екатеринбургское ведомство представляло «горнозаводской уезд» в составе Сибирской губернии», — пишет современный исследователь Н.С. Корепанов [3]. Говоря же юридическим языком, территория ведомства была изъята из уездного деления Сибирской губернии. Фактически горная администрация дублировала функции губернской и провинциальных канцелярий, Екатеринбургской таможни и иных органов губернского подчинения.

Показателем осознанной силы горной администрации стал проект переноса одной из крупнейших российских ярмарок из Ирбитской слободы на Уктусский завод, выдвинутый первым екатеринбургским главным командиром В.Н. Татищевым и поддержанный его преемником В. де Генниным. В 1723 г. проект рассматривался на имперском уровне: Берг-коллегия обратилась в Камер-коллегию, которая, в свою очередь, издала указ об организации нового торжища без ликвидации Ирбитской ярмарки. Но обсуждение вопроса об учреждении Уктусской ярмарки затянулось вплоть до 1736 г. Указ Тобольской губернской канцелярии об ужесточении правил провоза товаров через Екатеринбург обострил отношения с горным центром и поставил крест на данном проекте [4].

Времена фавора горных властей миновали в середине XVIII столетия, когда по воле императрицы Елизаветы Петровны все казенные заводы Урала, за исключением Екатеринбургского и Каменского, были приватизированы придворной аристократией. Одновременно сановники гражданского ведомства усилии натиск на права горной администрации. Так, оренбургский губернатор Д.В. Волков предлагал ограничить приписку селений к заводам, утверждая, что «сим же способом можно будет избежать развалочку государственных крестьян, кои ..., не сделавшись хорошими заводскими работниками, потеряли крестьянское домостройство и зделались сперва бродягами и бурлаками, а наконец и возмутителями» [5]. Грозным предупреждением для горной администрации стало издание в ноябре 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи»,

давшего старт губернской реформе Екатерины II. В число государственных учреждений, подлежавших ликвидации согласно этому документу, попала и Берг-коллегия.

В мае 1780 г. «правящим должность генерал-губернатора в предположенные к открытию наместничества Пермское и Тобольское» был назначен Е.П. Кашкин. Ему предписывалось «объехать места, назначенные к составлению сего наместничества» и представить соображения по его организации [6]. Требуемые соображения были сформулированы во всеподданнейшем докладе от 14 января 1781 г. В их основе лежал компромисс между стремлением центральной власти к унификации регионального и местного управления и желанием уральской горной администрации сохранить специфику руководства промышленным регионом. В соответствии с требованием губернской реформы, Кашкин предлагал ликвидировать Канцелярию Главного заводов правления, горные начальства, контору судных и земских дел, Екатеринбургское комиссарство и казначейскую контору. Руководство горнозаводской промышленностью края передавалось Пермской казенной палате. С другой стороны, Пермский и Екатеринбургский суды горных дел (горные правления), начальство золотых промыслов, монетную экспедицию и экспедицию изыскания цветных каменьев и мраморной ломки предлагалось сохранить, передав их в подчинение казенной палате [7].

Ответный указ Екатерины II последовал уже 30 января, что едва ли предполагало серьезное изучение генерал-губернаторских предложений. Была создана максимально простая схема руководства заводами и рудниками, на каждый из которых горная экспедиция при казенной палате командировала специального пристава с необходимым числом канцелярских служителей и иногда с помощником. Многие горные чиновники оказались не у дел, и Кашкин использовал их при комплектовании аппарата наместничества в качестве советников казенной палаты, уездных землемеров, чертежников [8]. Практика показала, что простота схемы была чревата неэффективностью. Пагубный непрофессионализм Пермской, Вятской и Уфимской казенных палат в управлении горнозаводским производством стал очевиден уже к 1790 г., когда Сенат переподчинил горные экспедиции непосредственно вице-губернаторам. Данная полумера не спасла положения. По свидетельству историка «управления горной частью на Урале» П.А. Иванова, вице-губернатора «мало интересовало горное дело, ему совершенно незнакомое, а потому действительными и единственными заправилами являлись советник и асессор горной экспедиции, которые, в свою очередь, будучи связаны канцелярской формалистикой и не имея никакой личной власти, смотрели только за тем, чтобы заводы не останавливались и выплавляли металлы, а о ремонте, устройстве, улучшении и расширении их не заботились нисколько» [9].

Следующей полумерой стало назначение в апреле 1796 г. пермским губернатором К.Ф. Модераха. Это был один из лучших инженеров России, впрочем, отличившийся не по горной части, а на строительных работах в екатерининском Петербурге. Но именно наличие на Урале горнозаводской промышленности определило выбор Екатерины II, вопреки желанию самого Модераха, просившегося на губернаторство в Выборг.

В ноябре того же года в Петербурге возобновила работу Берг-коллегия. И хотя ее полномочия были усечены по сравнению с петровской эпохой, с этого момента началось восстановление автономности горного ведомства. В декабре была ликвидирована горная экспедиция при правлении Государственного Ассигнационного банка, а подчиненные ей Богословские заводы были переданы Берг-коллегии [10]. В январе 1797 г. Павел I восстановил должность главного начальника и директора Канцелярии Главного заводов правления и монетных дел. Тот же документ объявлял «о бытии Главным Начальником Статскому Советнику Ярцову». Сын управителя Верх-Исетского и Алапаевского заводов, выпускник Екатеринбургской горной школы, строитель заводов в Вятской провинции и бывший главный командир Олонецких заводов А.С. Ярцов был «плотью от плоти» горного ведомства. С новым назначением он не только получил чин действительного статского советника, но и был приравнен по своему статусу к губернатору. Модерах, поначалу не придавший значения перемене положения горных властей, уже в 1797 г. был обвинен Ярцовым в превышении полномочий «по упорядочению промыслов и заводов», за что едва не лишился губернаторского поста [11].

Ярцов энергично занялся реставрацией вертикали горной власти на Урале. При решении кадровых вопросов он не скрывал предпочтения чиновникам, служившим в ведомстве Канцелярии Главного правления до ее закрытия. Ведомости таких чиновников были составлены по его требованию Пермской казенной палатой, а оставшиеся в ведомстве Главного правления вакансии были заняты приказными служителями Московской берг-конторы и ее монетного департамента. Но не все задуманные Ярцовым преобразования удалось воплотить в жизнь. Не были созданы зональные горные начальства в Оренбурге и Казани, что не позволило горному Екатеринбургу забрать у губернских правлений функции сбора податей и судебных разбирательств. Екатеринбургская заводская полиция, учрежденная сенатским указом в декабре 1797 г., уже в августе следующего года была ликвидирована царем, благодаря настойчивости гражданского ведомства. Директор Берг-коллегии М.Ф. Соймонов отклонил предложение А.С. Ярцова о создании для охраны топливных ресурсов подчиненной Главному правлению лесной экспедиции [12].

Фактом своего «второго бытия» независимая от гражданских властей горная администрация Урала была, вероятно, в немалой степени обязана известному стремлению Павла I к переиначиванию распоряжений Екатерины II. Александр I, занявший престол в результате государственного переворота 1801 г., считался продолжателем курса своей державной бабки, но не отца. В феврале — марте 1802 г. Канцелярия Главного правления заводов вновь подверглась ликвидации, разделив полномочия между горными начальствами: Екатеринбургским, Пермским и Гороблагодатским. В сентябре того же года в России была проведена министерская реформа. В результате этих перемен учреждения горного ведомства на Урале попали в сложную ситуацию. С одной стороны, они были включены в структуру Министерства финансов. С другой стороны, «усеченная пирамида» оказалась в ведении губернаторов, формально подчиненных Сенату, но фактически являвшихся ставленниками Министерства внутренних дел [13]. Продолжавшее действовать екатерининское «Учреждение о губерниях» 1775 г. определяло полномочия губернаторов как «хозяев» губерний крайне широко и недостаточно конкретно. В числе прочего в их обязанности входил надзор за развитием промышленности [14].

Было от чего всполошиться горным чинам. Для разбора письменных предложений по преобразованию управления горнозаводской промышленностью, поданных А.С. Ярцовым и начальником Гороблагодатских и Пермских заводов А.Ф. Дерябиным, в 1803 г. был учрежден особый комитет. В его состав вошли: товарищ министра финансов граф Д.А. Гурьев, президент Берг-коллегии А.И. Корсаков, горные деятели М.Ф. Сойманов, А.С. Ярцов, А.Ф. Дерябин, Г.С. Качка и некто Полторацкий. Первым делом комитет выработал «основания предстоявшего труда», отдельно утвержденные императором в 1805 г. Историк горнозаводского Урала В.Д. Белов писал: «Сущность этих оснований сводилась к устранению зависимости горного начальства от гражданского и расширению власти местных заводских начальств» [15]. Вероятно, часть «оснований» была обсуждена с монархом еще до официального утверждения. Так, было предложено учредить пост генерал-губернатора для губерний Пермской и Вятской. Уже в 1804 г. пермским и вятским генерал-губернатором стал К.Ф. Модерах, выведенный таким образом из под влияния Министерства внутренних дел.

Созданный комитетом проект горного положения был утвержден императором в июле 1806 г. Хотя действие этого документа предполагалось ограничить пятилетним сроком (1807–1812 гг.), но его положения сохраняли силу на протяжении двух десятилетий, а многие из них легли в основу горных уставов 1832, 1842 и 1857 гг. Согласно проекту, при Министерстве финансов был создан Горный департамент (с июля 1811 г. — Департамент горных и соляных дел), заменивший Берг-коллегию. Горные начальства ликвидировались, зато в Перми было образовано единое для всего заводского края Горное правление. Этот орган был законодательно подчинен монарху и Сенату, по горнозаводскому управлению — Министерству финансов, по делам созданной в соответствии с проектом горной полиции — Министерству внутренних дел, по судопроизводству — Министерству юстиции, по финансовым расходам — государственному казначею [16]. Возглавлял правление генерал-губернатор, а его заместителем стал человек горного ведомства — берг-инспектор. В мае 1811

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
от «___» _____ 20__ г.

К.Ф. Модерах был уволен с генерал-губернаторского поста с производством в сенаторы. Поскольку новый генерал-губернатор назначен не был, берг-инспектор П.Е. Томилов возглавил горнозаводскую промышленность Урала не только фактически, но и юридически.

В соответствии с проектом 1806 г., были созданы казенные горнозаводские округа: Екатеринбургский, Пермский, Гороблагодатский, Богословский, Камско-Воткинский, а в 1811 г. — еще и Златоустовский. Эти образования представляли собой единые хозяйственно-территориальные комплексы, объединявшие металлургические заводы, рудники и прииски, леса, использовавшиеся для углежжения, реки и гидротехнические сооружения, дававшие энергию, вспомогательные производства. Округа возглавили горные начальники, каждого из которых проект недвусмысленно называл «хозяином заводов». Их полномочия были весьма широки, включая право назначать заводских управителей. Надзор за частными округами осуществлялся с помощью горных исправников.

Укреплению власти горного ведомства на Урале было призвано способствовать учреждение горных городов по образу подобных центров в европейских странах. В духе либеральных увлечений Александра I проект предусматривал в таких городах «производство горных работ вольными людьми, а не из принуждения» и даже особо оговаривал, что «сей предмет есть главнейший, и сия польза не только для заводов, но и для государства есть самая важнейшая» [17]. Документ предусматривал создание горных городов по числу казенных округов. В 1806 г. соответствующий статус получил Екатеринбург, которому было суждено остаться единственным горным городом России [18].

Положение горной власти на Урале в 1811—1826 гг. можно охарактеризовать как неоднозначное, запутанное и нестабильное. С одной стороны, Горное правление было подотчетно целому ряду ведомств, которые могли предъявлять к нему противоречивые требования. С другой стороны, генерал-губернаторский статус руководителя обеспечивал соответствующий уровень независимости от всех ведомств сразу, включая Министерство финансов. Наконец, региональная горная администрация избавилась и от генерал-губернаторского контроля, поскольку само генерал-губернаторство было ликвидировано с отъездом Модераха. Все заинтересованные стороны понимали, что такая неразбериха не может длиться вечно. К концу 1825 г. было подготовлено два встречных проекта: один из которых (автор В.Ю. Соймонов) предлагал преобразовать горное ведомство в самостоятельное министерство, а другой (автор министр финансов Е.Ф. Канкрин) — учредить пост главного начальника горных заводов хребта Уральского, подчиненного непосредственно министру финансов. Ревизия флигель-адъютанта графа А.Г. Строганова, выявившая повальное взяточничество чиновников Пермского Горного правления, решила дело в пользу второго варианта [19].

В ноябре 1826 г. новый император Николай I подписал указ о назначении первым главным начальником генерала А.А. Богуславского. Главный начальник был назван «командиром и хозяином заводов», при этом власть его распространялась как на казенные, так и на частные округа. Декларировалось, что целью создания новой должности было «сохранить единство в управлении заводами и иметь необходимый ближайший надзор по всем частям горного устройства». Главный начальник являлся директором Горного правления, постановления которого он был волен единолично отменять. Должность вице-директора правления досталась берг-инспектору. При главном начальнике была образована особая канцелярия, имевшая право разбирать дела, минуя Горное правление. Вместе с тем, особо оговаривалось, что «Горное Правление, кроме Императорского Величества и Правительствующего Сената, ни от кого не принимает указов» [20]. Богуславский подозрительно отнесся к привыкшему к бесконтрольности Горному правлению. Перенеся свою резиденцию в Екатеринбург («чтобы быть более самостоятельным и ближе к центру заводов», — комментировал П.В. Иванов), он оставил правление в губернской Перми. Лишь в 1831 г., вскоре после смерти первого главного начальника, правление перебралось в Екатеринбург.

Подчиненные горной администрации заводские округа располагались на территориях четырех губерний: Пермской, Оренбургской, Вятской и Казанской. При этом на пермских землях действовало более сотни металлургических заводов, что почти троекратно превышало их количество в ос-

тальных губерниях вместе взятых. Понятно, что именно пермские губернаторы должны были особенно остро ощущать ущербность своей власти, для которой были полудоступны или вовсе недоступны существенные части территории и населения их губерний, включая богатейший Екатеринбург. В то же время, сведения о сколько-нибудь серьезных осложнениях взаимоотношений главных начальников заводов с оренбургскими, вятскими и тем более казанскими губернаторами отсутствуют. Не возникало проблем и по поводу частичного и формального подчинения главного начальника оренбургскому военному губернатору по «заведованию ... линейными Оренбургскими № 7, 8, 9 батальонами» [21], переданными для обеспечения общественного порядка и безопасности заводского края.

Горная власть на Урале достигла своего апогея в период правления главного начальника генерала В.А. Глинки (1837–1856 гг.). Исследователи дружно сравнивают его былое могущество с губернаторским и генерал-губернаторским [22]. По иронии судьбы одновременно Пермскую губернию возглавлял один из самых деятельных ее губернаторов И.И. Огарев (1837–1854 гг.). В ряду своих предшественников и преемников оба сановника стали абсолютными рекордсменами по продолжительности службы на Урале. «Оба этих начальника, будучи одинаково властолюбивы, как два медведя в одной берлоге, плохо уживались между собою и ревностно, где только можно, отстаивали прерогативы своей власти», — писал мемуарист А. Корельский [23].

Если попыток контроля за хозяйственной деятельностью горных округов со стороны И.И. Огарева не было, то этого нельзя сказать о социально-политических сторонах жизни заводских поселений. Так, в марте 1840 г. пермский губернатор, опираясь на соответствующее распоряжение министра внутренних дел Д.Н. Блудова (бывшее поначалу секретным даже для начальника уральских заводов), предпринял попытку передачи старообрядческой Свято-Троицкой часовни в Нижнем Тагиле единоверцам. Спровоцированные этими действиями волнения охватили весь Нижнетагильский округ, населенный преимущественно староверами. Они не только защитили свою тагильскую святыню, но и открыли опечатанную ранее часовню в Черноисточенском заводе. Положение губернатора было весьма щекотливым, особенно если учесть, что его предшественник Г.К. Селастеник лишился поста и был предан суду за «нераспорядительность» во время крестьянских волнений 1837 г. Между тем, В.А. Глинка, располагавший всеми властными ресурсами, включая воинские подразделения, ничего не предпринял для прекращения волнений. Лишь в середине мая лично прибывший в Тагил губернатор положил конец затянувшейся истории силовым захватом часовен и передачей их единоверцам [24].

Вновь разгорелась борьба за управление Екатеринбургом, который после 1806 г. превратился в заложника правового противоречия: как горный город он был подчинен горной администрации, а в качестве уездного центра остался в ведении гражданских властей. В 1847 г. Пермь подняла вопрос о возможности утверждения должностных лиц екатеринбургского городского самоуправления минуя начальника заводов. Реакция Глинки была незамедлительной: он просил о предоставлении горной власти исключительного права утверждения лиц городского общественного управления. В 1849 г. такое право было им получено, а в 1851 г. состоялась полная передача управления Екатеринбурга в ведение горного ведомства. Но в 1854 г. только что вступивший в должность пермский губернатор П.Н. Клушин опять поднял вопрос о статусе Екатеринбурга. Глинке пришлось в очередной раз доказывать, что «к городу Екатеринбургу, а, следовательно, и к заведывающей общественными делами Думе Горный Начальник состоит в таком же положении, как Губернатор к прочим городам». Лишь в 1859 г. Министерство внутренних дел отказалось от претензий на управление Екатеринбургом. А уже в 1863 г. оно одержало окончательную победу, поскольку статус горного города был ликвидирован в ходе либеральных реформ Александра II [25].

Путь разрешения межведомственных конфликтов проходил не через прямые контакты представителей ведомств в регионах, а посредством обращения в вышестоящие инстанции. В приведенном выше случае официальная переписка между губернской Пермью и горным Екатеринбургом практически не велась. Губернатор обращался к министру внутренних дел, а главный начальник

заводов — к министру финансов. Переговоры переносились в столицу. Часто роль арбитра в министерских спорах выполняли Сенат, Государственный Совет или сам император. Дело могло быть решено и путем прямой консультации министров. В 1831 г. министр внутренних дел граф А.А. Закревский, согласно представлению пермского губернатора, советовался с министром финансов графом Е.Ф. Канкриным по поводу переноса Ирбитской ярмарки в Пермь и получил отрицательный отзыв [26]. Такой путь разрешения межведомственных конкурентных отношений и конфликтов указывает, что, по справедливому замечанию Б. Гурнея, они «зачастую являются лишь отражением частичного противоречия целей, преследуемых правительством» [27].

Благодаря усилиям Глинки Екатеринбург стал единственным городом на Урале, в котором имелась контора Государственного Коммерческого банка с временным отделением в Ирбите. Подобные конторы существовали еще в семи российских городах: Москве, Одессе, Архангельске, Риге, Астрахани, Киеве и Харькове [28]. Особенностью екатеринбургской конторы была тесная связь с горным ведомством. Царский и сенатский указы декларировали в январе 1847 г., что она создана «в видах содействия частным горным заводам хребта Уральского к выгоднейшему сбыту их произведений и для облегчения денежных оборотов Ирбитской ярмарки». Во главе ее стояли управляющий и трое директоров, один из которых назначался из числа чиновников горного ведомства. Благодаря банковской конторе горная администрация получила не только мощный рычаг воздействия на владельцев частных заводских округов (уже к началу 1850-х гг. в списке получателей кредитов числились Демидовы, наследники Губиных и иные заводчики), но и возможность влияния на крупное торжище, борьба за которое шла со времен Татищева [29].

Логической вершиной противоборства горной и губернской властей стало предложение В.А. Глинки об учреждении особой подвластной ему губернии. Генерал высказал его в феврале 1852 г. в письме к Олонецкому (бывшему Пермскому) архиепископу Аркадию. Он рассчитывал на создание нового территориального образования в «будущем году» из ряда уездов Пермской губернии, а также городов Туринска и Кургана Тобольской губернии, Челябинска Оренбургской губернии [30]. Очевидны как генетическая связь проекта с существовавшим в XVIII в. институтом Екатеринбургского ведомства, так и рост «аппетитов» горного ведомства в период правления влиятельного генерала Глинки. Проект не был реализован, но примечателен уже тем, что в нем едва ли не впервые нашла отражение идея создания губернии с центром в Екатеринбурге.

Горнозаводское население хорошо осознавало мощь горной власти и редко смотрело на губернские администрации, как на могущую противостоять ей силу. По причине территориальной близости к Перми несколько большие надежды на губернаторские структуры возлагали рабочие Западного Урала. Так, на рубеже 1839—1840 гг. приисковые работники Крестовоздвиженских золотых промыслов княгини В.П. Бутера-Радоли дважды совершали многолюдные походы в губернский город с жалобами на чрезмерное отягощение работами и скудость содержания. Переговоры с пермскими чиновниками были бесплодны. В январе 1841 г. на промыслы прибыла рота Оренбургского линейного батальона, а вслед за ней — сам генерал Глинка, который и «внушил крестьянам по-прежнему работы исполнять» [31]. Крестовоздвиженцам было показано «кто в доме хозяин».

Рабочие промышленных предприятий восточного склона Уральских гор предпочитали обращаться с прошениями либо к горным властям (как это было в 1830 г., когда сотня углежогов Сергинских заводов К.М. Губина ходила жаловаться на заводчика в Екатеринбург), либо, минуя губернский уровень, непосредственно в столичный Петербург. Поверенный мастеровых Березовских золотых приисков Е.Т. Дюрягин был человеком грамотным, лично писал прошения. В конце 1820 г. он просил царя поставить во главе следствия о причинах недовольства его поручителей сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского (более известного ему в качестве бывшего государственного секретаря) и «Пермского Гражданского Губернатора и разных орденов Кавалера...». Далее в черновике прошения следует пропуск, из чего можно заключить, что фамилия «орденов Кавалера» была не известна Дюрягину. Осенью 1821 г. он таки адресовал очередное прошение начальнику Пермской

губернии, назвав адресат «Гермесом» [32]. Между тем, Б.А. Гермес оставил губернаторский пост еще в мае 1817 г., а с августа того же года в Перми служил новый губернатор — А.К. Криднер.

Иногда своеобразие горной власти осознавалась рабочими как предмет гордости. Писатель П.П. Бажов вспоминал слышанный в детстве рассказ отставного мастерового Платона о горном городе Екатеринбурге: «Другого такого по всей земле не найдешь. В прочих городах, известно, всегда городничий полагается и другое начальство тоже, а у нас один горный начальник. И никто ему не указ, кроме самого царя, да сенату. Губернатор ли там, исправник — ему ни при чем. Что захочет, то и сделает. Такое ему доверие дано» [33].

По особому сценарию развивалось соперничество за право управлять такой отраслью горнозаводской промышленности Урала, как камнерезное производство. Добыча и обработка самоцветов были основаны горными властями во времена Татищева и Геннина. В 1751 г. Канцелярия Главного правления заводов открыла в Екатеринбурге гранильную фабрику. Но в целом середина XVIII в., как писалось выше, была отмечена ослаблением горных властей. Екатеринбургские каменно-мраморные дела выполняли в этот период крупные заказы для строительства дворцового комплекса в Царском Селе. В 1765 г. по ходатайству президента Академии художеств и главы комиссии от строений домов и садов И.И. Бецкого «дела» упразднили, а вместо них создали экспедицию изыскания цветных каменьев и мраморной ломки, подчиненную указанной комиссии. В январе 1782 г. экспедиция вместе со всем горнозаводским хозяйством Пермской и Вятской губерний перешла в ведение генерал-губернатора Е.П. Кашкина и казенных палат. В 1797 г. палаты потеряли права на управление промышленностью, а экспедиция вернулась в распоряжение Академии художеств. Через двадцать лет горная власть, вступив в очередной виток усиления, добилась совместного с Академией управления Екатеринбургской гранильной и шлифовальной фабрикой и Горнощитским мраморным заводом (оставшимися после реорганизации экспедиции в 1804 г.) [34].

Год 1811-й лишил оба ведомства могущественных руководителей: скончался президент Академии художеств граф А.С. Строганов и покинул Урал генерал-губернатор К.Ф. Модерах. В том же году уральское камнерезное производство «прибрал к рукам» Кабинет его императорского величества, ведавший «совокупностью угодий, принадлежавших лично царю». В данном случае речь шла о создании для монарха источника получения ценных сувениров, которые он мог бы раздавать как наградные подарки. На рубеже 1820—1830-х гг. в борьбу вступил вице-президент Департамента уделов Л.А. Перовский. Подчинив Департаменту Петергофскую гранильную фабрику, он стал добиваться того же относительно Екатеринбургской. Департамент являл собой иную ветвь придворного ведомства, ведавшую угодьями, доходы с которых шли на содержание членов царской фамилии. В 1831 г. Кабинет, не отказываясь от своих прав на гранильную фабрику и мраморный завод на Урале, согласился на добычу ими изумрудов и иных ценных камней в пользу Департамента. Эта уступка позволила последнему провести летом 1835 г. ревизию на Екатеринбургской гранильной фабрике, результатом которой стал арест ее командира Я.В. Коковина [35].

Разумеется, взаимоотношения ведомств на горнозаводском Урале нельзя сводить исключительно к конкуренции, соперничеству. Межведомственная кооперация не является предметом рассмотрения данной работы, но предполагается по умолчанию. В конечном итоге именно она позволяет говорить о едином государстве, о проведении государственной политики во всех сферах социального бытия. Но, предостерегая от иной крайности, представленные материалы показывают, что и в условиях абсолютизма политика не являлась результатом лишь рациональных разработок и волевых решений некоего субъекта, будь то конкретный монарх или обезличенная «государственная машина». Оформленное указом царя или Сената решение всегда было следствием взаимодействия интересов, воль и возможностей различных ведомств, плодом компромиссов между ними. Ведомства представлены в этих процессах не только головными столичными учреждениями, но и региональными структурами.

На протяжении первых полутора столетий истории горнозаводского Урала конкуренция в сфере его управления реализовалась главным образом между горным и гражданским ведомствами. Каж-

дое из них стремилось пополнить материальные ресурсы и укрепить свой статус за счет другого. Политика губернских властей и Министерства внутренних дел в конечном итоге сводилась к унификации управления, к установлению единых «правил игры», первым из которых было: губернатор — «хозяин» на всей вверенной ему монархом территории. Со своей стороны, горное ведомство стремилась к административной независимости от гражданской администрации и ресурсной самодостаточности, к созданию подотчетного лишь царю, Сенату, Берг-коллегии или Горному департаменту «государства в государстве», будь то Екатеринбургское ведомство или особая губерния в проекте генерала Глинки.

Межведомственная борьба велась с переменным успехом. Горное ведомство добилось права на управление приписанным к заводам населением, тем самым ограничив полномочия гражданской администрации. Но снижение статуса последней не получило должного юридического оформления вплоть до конца рассматриваемого периода. Недостаточная определенность законодательного разграничения функций и прав гражданского и горного управлений создала конкурентную среду. Ослабление горной власти в середине и второй половине XVIII в. спровоцировало попытку гражданской администрации взять на себя все функции конкурирующего ведомства, добившись его ликвидации. После того, как административный эксперимент 1781–1797 гг. показал свою экономическую несостоятельность, гражданские власти более не покушались на право руководить горнозаводским производством. Предметом спора осталась сфера управления горнозаводским населением. В первой половине XIX в. спор обострялся по мере расширения соответствующих прав горного ведомства. Монархия укрепляла власть горной администрации над подчиненным ей населением, пытаясь восстановить былую мощь государства на базисе крепостнической экономики.

Особую судьбу камнерезной отрасли обусловили как ее «нестратегический» характер, так и интерес к ней, как к источнику роскоши, влиятельных персон, в первую очередь императорской фамилии. В распоряжение последней отрасль перешла менее чем через полтора десятилетия после открытия Екатеринбургской гранильной фабрики (Академия художеств, наряду с рядом иных учреждений культуры, находилась в составе придворного ведомства). Понятно, что тягаться с таким соперником горной администрации было не под силу. По сути ее роль свелась к обеспечению работы отрасли. Конкурентная борьба разворачивалась между различными ветвями придворного ведомства: Академией художеств, Кабинетом его императорского величества, Департаментом уделов.

В эпоху «великих реформ» межведомственные конкурентные взаимоотношения на горнозаводском Урале, конечно, не исчезли, но претерпели слишком значительные изменения, чтобы рассматривать их в рамках данной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В настоящей работе не рассматривается история солеварения в Прикамье, ведущая отсчет с первой половины XV в.
2. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 85; Новичкова М.А. Система государственного управления на Урале XVI–XVIII вв. // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 312; Манькова И.Л. Участие местных властей в поисках и разработке рудных месторождений в XVII в. // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1999. С. 110–113; Курлаев Е.А. Открытие горы Магнитной на р. Тагил // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С. 76.
3. Корепанов Н.С. Уральское горное управление в XVIII — начале XX в.: исторический опыт // Уральский исторический вестник. № 3. Екатеринбург, 1996. С. 220.
4. Он же. Проект Екатеринбургской ярмарки в 20–30-е гг. XVIII в. // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 103–108.

5. Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII — первая половина XIX века). М., 2000. С. 201.
6. См.: Побережников И.В. Деятельность Е.П. Кашкина на посту Пермского наместника (1781–1788 гг.) // Урал в прошлом и настоящем... С. 316–320.
7. Хохолев Д.Е. Проект реформы управления горнозаводской промышленностью Среднего Урала Е.П. Кашкина (1781 г.) // Урал на пороге ... С. 119–121.
8. Шилов А.В. «Учреждения для управления губерний» 1775 года и образование Пермского наместничества // Тезисы докладов межрегиональной научно-практической конференции «Пермская губерния: история, политика, культура, современность» (К 200-летию образования губернии). Кунгур, 1997. С. 6.
9. Иванов П.А. Краткая история управления горной частью на Урале. Екатеринбург, 1900. С. 13.
10. Кричевцев М.В. Управление Богословским горным округом в 1791–1796 гг. (опыт внедрения кабинетной системы хозяйственного управления) // Уральский исторический вестник. № 3. Екатеринбург, 1996. С. 88.
11. Пермские губернаторы: традиции и современность. Пермь, 1997. С. 52.
12. Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999. С. 91–94, 111–112.
13. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 84.
14. Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб, 1864. С. 120, 146.
15. Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб, 1896. С. 51.
16. Корепанов Н.С. Уральское горное управление ... С. 225.
17. Маньковский Г.И. А.Ф. Дерябин о преобразовании горной промышленности России // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 25. М., 1959. С. 76.
18. Горловский М.А. Горный город Екатеринбург. 1807–1863. Свердловск, 1948. С. 5–19; Blackwell W.L. The Beginnings of the Russian Industrialization. 1800–1860. Princeton, 1968. P. 160–161.
19. Новокрещенных Н.Н. Из истории Кыштымских горных заводов // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. II. Пермь, 1893. С. 62, 64–66; Беркович А.В. Учреждение должности главного горного начальника заводов хребта Уральского: причины и следствия // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 40–41.
20. Свод учреждений и уставов Горного управления // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 7. Ч. 3: Уставы: монетный, горный и о соли. СПб., 1832. Ст. 279, 312; Устав Горный // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 7. Ч. 3: Уставы: монетный, горный и о соли. СПб., 1842. Ст. 510, 658; Устав Горный // Свод законов Российской империи издания 1857 года. Т. 7: Уставы: монетный, горный и о соли. СПб., 1857. Ст. 576, 718.
21. Дорофеев В.В. Василий Перовский и Оренбуржье. Оренбург, 1995. С. 24.
22. Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк // Город Екатеринбург. Екатеринбург, 1889, С. 35; Владимир Андреевич Глинка. Галерея уральских деятелей // Уральское горное обозрение. 1900. № 48. С. 1–2; Иванов П.А. Указ. соч. С. 21; Сумцов В.Н. Аракчеевцы на Урале. Нижний Новгород, 1913. С. 122.
23. Корельский А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время // Русская старина. 1905. № 10. С.150.
24. Шкерин В.А. Закрытие старообрядческих часовен в Нижнетагильском заводском округе в 30–40 годы XIX века // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1995. С. 98–100.

25. Горловский М.А. Указ. соч. С. 72–73, 76; Шкерин В.А. Генерал Глинка: Личность и эпоха. Екатеринбург, 1998. С. 109–111, 118; Беркович А.В. Из истории городского самоуправления на Урале // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С. 126.
26. Сутырин Б.А. К истории Ирбитской ярмарки во второй четверти XIX в. // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975. С. 21–25.
27. Гурней Б. Введение в науку управления. М., 1969. С. 295.
28. Мехряков В.Д. Развитие кредитных учреждений в России. М., 1996. С. 13–14.
29. Шкерин В.А. Открытие Екатеринбургской конторы Государственного Коммерческого банка // Первые Татищевские чтения. С. 112–115; Он же. Герцог Максимилиан Лейхтенбергский и учреждение Екатеринбургской конторы Государственного Коммерческого банка // Россия. Романовы. Урал. Вып. 3. Екатеринбург, 1997. С. 29–31.
30. Дмитриев А.А. Давность вопроса об учреждении особой Екатеринбургской губернии // Екатеринбургская неделя. 1893. № 46.
31. Шилов А.В. Волнение на Крестовоздвиженских золотых промыслах в 1839–1845 гг. // На Западном Урале. Вып. 6. Пермь, 1964. С. 69–76.
32. Государственный архив Свердловской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 357. Л. 19–20 об.; 45 об. — 46.
33. Бажов П.П. Наш город (Из воспоминаний) // Свердловск. Свердловск, 1946. С. 94.
34. Семенов В.Б., Шакинко И.М. Уральские самоцветы. Свердловск, 1982. С. 5–47; Побережников И.В. У истоков камнерезного искусства на Урале (вторая половина XVIII в.) // Чердынь и Урал ... С. 146–150.
35. Ферсман А.Е. Очерки по истории камня. Т. II. М., 1961. С. 75–77; Шакинко И.М. Загадка уральского изумруда. Свердловск, 1980. С. 243–295; Семенов В.Б., Шакинко И.М. Указ. соч. С. 70–78; Семенов В.Б. Был ли вором Яков Коковин? // Екатеринбургская неделя. 1997. 28 февраля.

STATE AND ECONOMY: DEPARTMENTAL CONTRADICTIONS IN MANAGEMENT OF THE URAL MINING REGION IN THE XVIII — THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Competitive relations between the ministries, departments and other state structures of Russian empire (the Ministries of Internal Affairs and the finance, the general-governorships, court department) in sphere of management the Ural mining region are analyzed in the article. Competitive (including disputed) relations are considered as the natural form of interaction of the administrative institutes, favouring revealing and the decision of problems of functioning of the state system, its optimization and adaptation to constantly changing conditions and problems.

V.A. Shkerin

М. О. Акишин

Армия, общество, колонизация
(Тобольский драгунский полк на Урале в первой половине XVIII в.)

Русская колонизация Среднего Урала и Южного Зауралья стала возможной только после падения ханства Кучума и основания русскими землепроходцами городов Тюмени (1586), Верхотурья (1598) и Туринска (1600). К 30-м годам XVII века в бассейне р. Туры и ее южных притоков Тагила и Ницы появились селения Тагильской, Чубаровой, Ницинской, Ирбитской, Киргинской и других слобод. В 1640 — 1670-х годах стали заселяться берега самого южного притока Туры — Пышмы; опираясь на Ялуторовский и Исетский остроги, русские землепроходцы продвигались на плодородные земли вверх по среднему Тоболу, его притоку Исети и по р. Миасу. По замечанию В.И. Шункова, основание к концу XVII века на этих реках более 50 слобод «укрепило за этим районом славу самого земледельческого района Сибири» [1]. Возникшие в это время Шадринская, Ялуторовская слободы и Царево городище в конце XVIII века превратились в города (Шадринск, Ялуторовск, Курган).

Движение русских земледельцев в этот район было вызвано его чрезвычайно благоприятными климатическими условиями, но затрудняли его колонизацию в первой половине XVII века набеги тюркоязычных племен («...через Чюбарову слободу из степи лежит старая дорога большая, которой дорогой... ходил под Уфу сибирский Кучюм царь»), а во второй половине века — встречное продвижение башкир, казахов и каракалпаков. Для обороны Южного Зауралья тобольские власти расселили в крестьянских слободах беломестных казаков. Но в конце XVII века этого оказалось уже недостаточно. На этой территории были построены Невьянский (1701), Каменский (1701), Алапаевский (1704) и Уктусский (1704) заводы. Проблема защиты уральского металлургического комплекса имела общегосударственное значение, для ее решения и была создана первая регулярная военная часть Урала и Сибири — Тобольский драгунский полк.

Сформирован драгунский полк был по указу Петра I от 13 декабря 1698 года «иноземному» офицеру Давиду Мейну, выехавшему из Германии на службу к русскому царю, о наборе 1000 драгун в слободах Тобольского уезда [2]. Штаб полка был расположен в Исетском остроге. Личный состав полка был набран из беломестных казаков (т.е. крестьян, освобожденных от податей при условии несения военной службы) Южного Зауралья. После создания полка драгун освободили от податей и установили им жалование (рядовому драгуну полагалось 3 рубля, 3 чети муки, 2 пуда соли и кумач на обмундирование в год). Полк сразу же создавался как регулярная военная часть Нового времени с соответствующей организацией, военной формой и дисциплиной. Командиры полка получили звания унтер-офицеров, прапорщиков, поручиков, капитанов, майоров, «полуполковников» и полковника.

Однако офицерский состав полка, за исключением Мейна, оказался русским: тобольские воеводы князья Черкасские отдали под его команду сибирских детей боярских и дворян, которые уже зарекомендовали себя на государевой «обереговой службе». Старшими офицерами были назначены Федот Матигоров, Степан Текутьев и Леонтий Парфеньев [3]. Остановлюсь на предшествующей службе последнего из них. Прадед и дед Леонтия служили дворянами «по московскому списку», отец — прослужил в чине тобольского сына боярского «больше 40 лет». Сам Леонтий с 1689 года в чине сына боярского посылался «с государевыми делами» в Москву, Енисейск, Нерчинск и Якутск. В 1694 году его отправили «на приказ» в Окуневскую слободу, находившуюся вблизи от места будущей дислокации драгунского полка. Парфеньев укрепил ее «острогом с башнями» на случай набегов кочевников, поселил в ней 130 крестьян.

Офицеры совмещали командование драгунами с должностями казенных приказчиков в острогах и слободах государевых крестьян, где размещался полк. Так, в 1701 году судьям Сибирского приказа бил челом Иван Томилов. Он писал, что «в прошлых годех» «строил на р. Пышме Белоярскую слободу своими статками на пустом месте... и в тоей слободе острог рубленой да церковь во имя Николы Чюдотворца и таможенную избу и крестьян населил», в 1694 году у него были куплены на государя три двора в Ирбитской слободе, в одном из которых после этого была размещена таможня. За эти заслуги Томилов просил послать его «на приказ» в Белоярскую слободу, а его сына Василия — в Арамильскую слободу. Причем, в связи с тем, что в Арамильской слободе располагались беломестные драгуны Василия необходимо было пожаловать в капитаны. Прежнего приказчика Арамильской слободы капитана Ивана Буткеева челобитчик предлагал перевести капитаном и приказчиком Катайского острога, где также располагались драгуны. Думный дьяк А.А. Виниус «с товарищи» приговорили удовлетворить эту просьбу [4]. В 1708 — 1709 году приказчиком Катайского острога был майор Дмитрий Угримов, ранее числившийся в тобольских детях боярских [5].

При таком подходе к формированию полка создать регулярную часть в полном смысле этого слова не удалось, что обнаружилось после смерти Мейна 3 апреля 1702 года [6]. На его место тобольские воеводы послали представителя очень известного рода сибирских дворян Ивана Ивановича Аршинского, бывшего до этого «головой» и «полковником тобольских пеших казаков» [7]. Но в 1703 году воеводам (возможно, по указу Сибирского приказа) пришлось пересмотреть свое решение и назначить командиром полка «иноземца» Александра Линга, типичного представителя иностранного офицерства. В 1695 году этот офицер-наемник выехал «из Бранденбургской земли», принял православие и поступил на службу в русскую армию. Он служил капитаном в Смоленске, майором в Казани и Уфе. Именно на таких офицеров Петр I и возлагал первоначально надежды при создании регулярной армии, призванный сменить бородатое стрелецко-дворянское войско.

Переломить традиций русской армии XVII века такие офицеры оказались не в состоянии, частным примером чему явилась и судьба Линга. Еще до назначения к драгунам его пытались назначить командиром томских казаков на смену казачьему голове Осипу Качанову. Последний обладал большим авторитетом в томском «войске», сговорился с воеводой Григорием Петрово-Соловово, собрал казачьих командиров и «слушать им ево (Линга — М.А.) ни в чем не велел. Линг по-существу был арестован на своем дворе, где, как он позже жаловался, «держали ево... з женою и детьми за крепким караулом и морили голодною смертию». «Иноземец» бежал из Томска в Тобольск и именно после этого был назначен полковником драгунского полка. Драгуны его также не приняли, Линг от них бежал и в 1705 году тобольские воеводы разыскивали его «на Уфе и в Казани» [8]. В данном случае сначала томские казаки, а затем тобольские драгуны отстояли свое традиционное право влиять на назначение своих командиров. С 1703 и до 1720-х годов почти бессменно командовал полком Парфеньев.

Основной обязанностью полка была «обереговая служба» на границах уральского металлургического комплекса. Боевое крещение полк принял в августе 1703 года. «Немирные» кочевники из «Казачьей орды» совершили налет на русские слободы, разорили несколько деревень и угнали 45 крестьян в плен. В погоню за ними отправился отряд драгун во главе с Парфеньевым. Они «настигли» кочевников, разбили их и отбили полоняников. Парфеньев в этом бою получил ранение. Крупные схватки с кочевниками драгунам пришлось выдержать в 1704 и 1709 годах.

В 1705 году началось восстание башкир, которое охватило не только территорию Казанского уезда, но затронуло и уральскую часть Тобольского уезда. В 1707 и 1708 году приказчики Уктусского и Каменского заводов Степан Павлуцкий и Матвей Городничий писали сибирским воеводам о намерении башкир идти «по сибирскую сторону Уралу Камени», разорять русские жилища и о «похвалах» их «царя Салтана», что он для Сибири «прямой царь».

Набеги башкир на сибирские слободы начались весной — летом 1708 года. В мае 1708 года они совершили набег на Чусовскую слободу, разорили пять деревень, убили и отогнали в плен 26 крестьян. Тогда же башкиры взяли в осаду Чюмлядкую слободу (ее обороняли крестьяне с приказ-

чиком); совершили набег на архиерейское с. Воскресенское, где захватили двух крестьян в плен; разорили и выжгли Сполошную деревню Уткинской слободы. В мае 1709 года башкиры с каракалпаками совершили набеги на Богаряцкую, Белоярскую, Красномыскую слободы и Катайский острог.

В 1709 году набеги продолжились. В июне приказчик Уктуского завода писал, что «ныне на Уктуских заводах от воровских воинских людей башкирцев седим в осаде», а в мае и июне башкиры разграбили деревни Арамильской слободы, крестьян «побили» и 126 человек «в полон взяли», угнали весь скот «и церкви и часовни, и деревни дворы пожгли». В июле 1709 года русские крестьяне не выдержали: без всякого разрешения, «своею охотою» сначала арамильские крестьяне «ста с четыре и больши», а затем уктусские мастеровые «ста с три» совершили походы на башкирские улусы «и улус татарский разбили». В отражении этих набегов участвовали отдельные отряды драгун во главе с полуполковником Парфеньевым и майором Дмитрием Угримовым, в отдельных случаях им удавалось отбить «русский полон» [9].

Но этих разрозненных действий было явно недостаточно. В марте — апреле 1710 году драгунский полк во главе с полковником Парфеньевым совершил поход в башкирские волости, располагавшиеся на Урале и в Зауралье. Командир полка в мае 1710 года доносил в Сибирский приказ, что он с «ратными людьми поиск над ворами учинил, тех башкирцев побил, в полон взял, юрты разорил». Во время этого похода Парфеньев был трижды ранен и за его успешное завершение награжден чином «старого полковника» [10]. Однако в мае — июне 1710 года вновь произошли бои с башкирами в Арамильской слободе и под Уктусским заводом. Даже на Невьянском заводе А.Н. Демидова из-за набегов башкир стало «вельми опасно жить» [11].

После окончания похода 1710 года между офицерами полка (Парфеньевым, полковником П. Нефедьевым и капитаном В. Пономаревым) возникла распря. Сама по себе она была малоинтересной борьбой за власть между офицерами, но некоторые обвинения выдвинутые против Парфеньева позволяют рассмотреть важные аспекты жизни полка. Во-первых, Парфеньев обвинялся в том, что во время похода он «не советовался... с войском». С точки зрения воинских традиций XVII века это было достаточно серьезное обвинение, но петровская регулярная армия основывалась на принципе единоначалия. Думается, это обвинение свидетельствует о становлении в полку принципа единоначалия, т.е. превращении драгун в регулярную военную часть.

Во-вторых, Парфеньева обвинили в ведении переговоров с «немирными» башкирами, т.е. государственной измене. При разборе этого обвинения следует учитывать то, что Парфеньев, как и другие драгуны, имел достаточно широкий круг знакомств среди башкир и других кочевников, т.к. прожил в их окружении уже более двух десятилетий. Основой взаимоотношений русских землепроходцев и кочевников была не война, а торговля, мирное сосуществование. Вовсе не случайно поголовный опрос драгун, проведенный во время следствия, обвинения Парфеньева в государственной измене не подтвердил.

В 1713 году в организации и составе полка произошли значительные изменения. Сибирский губернатор князь М.П. Гагарин указал прекратить выплачивать драгунам жалованье и перевести их на службу «с пашни». В ответ, рядовые драгуны отказались служить. Но пашенные крестьяне Царева городища, Утяцкой и Иковской слобод подали губернатору челобитную о том, «чтоб им быть в беломестных драгунах и податей государевых не платить», т.е. согласились служить без жалования при условии освобождения от податей. По указу Гагарина крестьяне были поверстаны в драгуны, в Царевом городище и слободах возведены новые укрепления.

История поверстания крестьян в драгуны всплыла во время следствия о злоупотреблениях князя Гагарина. В 1718 году фискал А. Филышин донес в розыскную канцелярию л.-гв. майора И.И. Дмитриева-Мамонова о том, что в 1713 году по мирскому челобитью Гагарин за взятку поверстал 500 семей крестьян в драгуны, от чего они «податей государевых не платили по 2000 рублей» в год [12]. Следователи запросили справку в губернской канцелярии и выяснили, что в 1710 г. в Царевом городище и слободах было учтено 537 дворов, с которых собиралось податей по 455 рублей в год.

На допросах в розыскной канцелярии бывшие старосты и выборные, а ныне сержанты и прапорщики этих слобод показали, что «по совету с мирскими людьми» они просили губернатора зачислить их в драгуны «против Асламинских слобод, а какой они губернии, того сказать не знают». За удовлетворение этой просьбы они дали Гагарину взятку в 1500 рублей и его дворовому, через которого передали взятку, Д. Молчанову — 300 рублей. В 1713 году Молчанов переписал крестьян и записал в беломестные драгуны «без жалования, с пашни» [13].

Поверстание крестьян в драгуны, отмена жалования, с одной стороны, превращало драгунский полк в иррегулярную воинскую часть; с другой, привело к усилению власти офицеров, а, следовательно, принципа единоначалия. Офицеры даже стали злоупотреблять своим положением. Во время следствия о князе Гагарине 232 жителя Царева городища, Иковского и Утяцкого станцов подали 23 доношения о насилиях и грабежах на своего командира Парфеньева. Согласно этим доношениям, он «вымучил» у своих подчиненных в 1713 — 1719 годах 1418 рублей, полфунта золота, меха, скот, заставлял работать в своем хозяйстве. Жителям Утяцкого станца запомнился своими зверствами полковник П. Нефедьев. Приведу лишь одно обвинение против него. Вдова драгуна Авдотья Калининых писала, что он ее «держал... за караулом и бил своими руками и стегал плетьми смертно и из-за того мучения... взял... 10 рублев». Однако расследование этих преступлений привело только к тому, что с Парфеньева и Нефедьева была взыскана лишь часть наворованного у драгун имущества.

Изменения в рядовом составе драгун и вымогательства командиров не сказались на боевых качествах полка. Более того, драгун успешно использовали для усмирения крестьянского восстания. В 1714 году в соседних с Царевом городищем Ишимских слободах начался бунт. Крестьяне «отказали... от суда» приказчику С. Немтинову, «пограбили» его «пожитки» и распустили собранных для отправки в Тобольск рекрут. На следствии Немтинов сообщил, что крестьяне «хотели его, Семена, и драгун (живших в слободах — М.А.) убить до смерти».

Для следствия о «противности» крестьян Ишимских слобод губернскими властями был послан полковник Нефедьев с отрядом драгун, но «крестьяне угрожали ему... и присланным с ним... смертным убийством и из слобод его выгнали». Следом из слобод был изгнан сибирский дворянин М. Городничий, посланный в слободы из Тобольска «для розыску... и збору податей». Та же судьба постигла и майора И. Бобровского, отправленного в слободы с солдатами и пушками. Около 1000 крестьян «збили» его караульных, отбили две пушки, называли майора «вором и выслали из слобод... вон».

Более успешными оказались действия полковника Андрея Парфеньева (сына Леонтия). Несмотря на то, что крестьяне заперлись от него в слободе, стреляли по его отряду из ружей и пушек, ранили пять драгун, он смог захватить и доставить под следствие в Тобольск 101 бунтовщика. Однако на этом восстание не закончилось. В январе 1715 года из Тобольска в Ишимские слободы был послан приказчиком князь Н. Лихудьев, но его «в судной избе ишимский крестьянин зарезал до смерти при всех крестьянах». Усмирить восстание удалось только полковнику Ф. Матигорову, посланному в слободы с отрядом драгун, он захватил и «заводчиков» выступления И. Заматоху и Ф. Ведерникова [14].

В 1710-х годах полк продолжал играть важную роль в «обережи» уральских заводов и сибирских слобод. В эти годы наибольшую опасность представляли набеги на русские слободы казахов и каракалпаков. По данным Тобольской губернской канцелярии в 1717 — 1719 годах кочевники совершили семь нападений. В апреле 1717 года «человек с пятьдесят и больши» казахов и каракалпаков напали на д. Предеину Утяцкого станца, убили одного крестьянина, девять человек пленили и отогнали лошадей. В августе 1717 года «человек с тритцать» «воинских людей» совершили набег «вверх Тобола-реки», пленили одного драгуна и двух татар. В мае 1718 года «человек с пятьдесят» казахов напали на деревни Ишимских слобод, сожгли заживо в домах 13 крестьян, увели в плен 22 крестьянина и отогнали лошадей. В августе 1718 года казахи вновь напали на крестьян Ишимских слобод, убили крестьянина и пленили 10 мальчиков. В сентябре 1718 года кочевники напали на Усть-Ламинскую слободу, «изрубили» крестьянина и шесть человек пленили [15].

В 1719 году полковник Л. Парфеньев доносил тобольским властям, что «Казачья орда» подошла к самым границам уральских заводов и сибирских слобод. В этом году он около д. Коркиной отбили у драгуна 40 лошадей, в Ишимских слободах убили одного человека и пятерых пленили, в Асламинских юртах пленили шесть татар [16]. В том же году кочевники напали на Усть-Ламинскую слободу, пленили девять крестьян и отогнали лошадей; «разбили» дер. Кашеирскую Емуртлинской слободы [17].

Набеги кочевников препятствовали развитию металлургии Урала. В 1719 году комиссар Уктусского завода Т. Бурцев направлен на Полевский рудник для разработки руды мастера Ф. Молодого с рабочими и драгунами. Они начали копать руду, в шахты были спущены срубы, сделана изба и баня. Однако летом приехали татары и башкиры и заявили, что «та де земля вотчина наша, и буде вы впредь на ту гору промышлять медную руду приедете, и мы вас прибьем до смерти и будет де с вами о сей нашей вотчине война немалая». Они сожгли постройки и прогнали рудокопщиков [18].

В 1720 году тобольские власти сообщили комиссару Уктусского завода Т. Бурцеву о предупреждении башкира Катайской волости Камая. Он предупредил русских чиновников, «чтоб в русских острогах и слободах жили с великим опасением для того, что де к ним, башкирцам, пришли воинские люди Казачьей орды пятьдесят человек и у них с оными, с Казачьею ордою, совет, чтоб воевать русские слободы» [19].

В 1722 — 1736 годах начальнику уральских заводов генерал-майору В. Геннину постоянно приходилось решать проблему умиротворения кочевых народов, соседствовавших с металлургическим комплексом. В июне 1723 года он доносил Петру I, что башкиры напали около места, где он намерен строить Полевский завод, на русских и убили трех крестьян и одного драгуна. В том же году Геннину сообщал, что башкиры пяти волостей, «человек тысяча», на «совете» решили: «Хотя де всем принять смерть, а в их вотчинах руд искать никого не пускать — ежели де руд искать допустить, будут и городы строить, и заводы заводить». В 1724 году Геннин был взволнован войной между казахами и башкирами, которая происходила «близь заводов Екатеринбургского ведомства». Петру I он писал: «И ежели б Бог Сибирь не хранил, то б оные варвары могли и всю Сибирь без помешательства им разорить и в Тобольск въехать» [20].

Одной из причин набегов было желание отдельных ханов и батыров разбогатеть на торговле русскими рабами и поживиться за счет крестьянского скота. О объеме работорговли в Средней Азии этого времени позволяют судить «ведения», которые составил Л. Парфентьев для Геннина. «Старый полковник» сообщил, что с 1690 по 1724 год казахи, каракалпаки и башкиры «больше 15 тысяч (русских крестьян и татар — М.А.) в полон побрали и многих побили». Интересны судьбы некоторых «полоняников», о которых рассказал Парфеньев. Прапорщик И. Давыдов пробыл в плену с 1697 по 1704 год. За это время его пять раз перепродавали на невольничьих рынках Средней Азии. Только в Бухаре Давыдов видел 10 тысяч русских рабов. С 1694 по 1714 год пробыл в плену казак Ф. Пошехонов. Он несколько раз пытался бежать, его ловили и вновь продавали в рабство все далее от границ России (так он побывал даже на невольничьем рынке в Индии).

Тобольский драгунский полк продолжал играть в эти годы основную роль в отражении набегов кочевников. Во время уже упоминавшегося набега казахов на Коркину слободу в мае 1718 года отряду из 70 драгун удалось отбить 18 из 23 русских пленников [21]. Драгуны не только отражали набеги, но и ходили походами «в степь» — в 1714, 1717 и 1718 годах. В 1723 году казахи совершили набег на Окуневский дистрикт. Были «выжжены» с. Кислянское и д. Белая, крестьяне захвачены в плен. Драгуны не приняли участия в отражении этого набега, т.к. ни одного их подразделения в дистрикте не располагалось, но полк был выслан вдогонку за кочевниками [22].

Однако этих действий для обороны уральских заводов и сибирских слобод было явно не достаточно, что привело к обсуждению вопроса о мерах по ее усовершенствованию. Парфеньев считал, что наиболее важным является вопрос о ужесточении позиции по отношению к кочевникам. Геннину он писал, что в участившихся набегах кочевников отчасти виновата сибирская администрация: в 1716 году губернатор князь Гагарин позволил «Казачьей орде» кочевать «вблизи» русских слобод,

а накануне налета казахов на русские слободы в 1723 году вице-губернатор А.К. Петрово-Соловово заявил, что они — мирные и русских не разоряют.

Тобольские власти считали основным в обороне уральских заводов и тобольских слобод укрепление регулярных воинских частей. В 1723 году на строительство Екатеринбургского завода был направлен майор Бригаузен с 554 солдатами Тобольского полка [23]. В 1724 году сибирский губернатор князь М.В. Долгорукий добился от Сената и Военной коллегии мер по доукомплектованию личным составом и вооружением Тобольского драгунского полка до штатной численности гарнизонного полка, обеспечения солдат и офицеров жалованьем [24].

Наиболее развернутый план обороны рубежей уральских заводов предложил Геннин в донашениях Петру I и Екатерине I. В 1723 — 1726 годах под его руководством на Урале было построено восемь новых заводов — Екатеринбургский, Лялинский, Пыскорский, Егошихинский, Полевский, Верх-Исетский, Синячихинский, Верхний Уктусский, вопрос о их защите не мог не волновать горного командира. К этому вопросу Геннин подошел очень основательно: опросил офицеров Тобольского драгунского полка и горных управителей о состоянии обороны заводов, послал шпионом в Башкирию купца Д. Юхнева.

По мнению Геннина, для обороны уральских заводов было необходимо «собрать» разрозненные крестьянские селения к большим слободам, «зделать кругом фортификации и поставить по нескольку пушек». Крестьянам следовало раздать оружие и учить их владеть им подобно тому, «как в Германии есть лант-милицы». По этой укрепленной линии необходимо было разместить три драгунских полка вместо одного. «В пристойных местах» следовало сделать маяки и в случае нападения кочевников с маяков будет подаваться тревога, крестьяне начнут готовиться к обороне в «крепостях», а драгунские полки выходить на опасные к нападениям места [25].

План Геннина в 1720 — 1730-х годах был реализован только частично: создать укрепленную линию и развернуть по ней три драгунские полка не удалось. Во время башкирских восстаний 1734 — 1736, 1737 — 1739 и 1740 годов на защите рубежей уральских заводов, как и прежде, оказались Тобольский драгунский полк и вооруженные «мужики». Управлявший в 1734 — 1737 годах уральскими заводами и в 1737 — 1739 годах Оренбургской экспедицией В.Н. Татищев писал, что на этом рубеже «у меня в команде был один Тобольской драгунской полк, да Оренбургскаго было человек 500, и те без амуниции. И дела бездельные оными засчисчал: полковник Аресеньев от Течинской слободы до Тобола, из того числа драгуны содержали форпосты по Таболу, а рота драгун у заводов. Салдат тобольских был баталион, по крепостям дворян и казаков сибирских... явилось мало, а у меня заводскую границу на трехстах пятидесят верстах содержали мужики. И оных воровских набегов на таком великом пространстве так малым числом людей пресечь было никак невозможно, однако ж при мне они нигде великого вреда не учинили» [26].

Заканчивая рассказ о истории первых десятилетий Тобольского драгунского полка хотелось бы остановиться на общей оценке значения этой воинской части в истории Урала. В справочнике о полках петровской армии М.Д. Рабинович, упомянув полк Д. Мейна, писал, что он «неоднократно принимал участие в ***карательных*** экспедициях против народов Сибири и восставших башкир» [27]. Думается, такая оценка не учитывает исторических реалий XVII — XVIII веков.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что в истории Тобольского драгунского полка своеобразно преломились традиции русской колонизации, позволившие русским землепроходцам освоить в течение тысячелетия огромные пространства Восточно-Европейской равнины и бескрайние просторы Азии. Характерными чертами ее были неразрывная связь усилий народа и государства в освоении новых земель, стремление наладить добрососедские отношения с коренными народами. Русские первопроходцы VI — XVII веков были не только земледельцами, но и воинами. В новых местах они были способны оказать вооруженный отпор нападениям аборигенов. Тобольский драгунский полк, с одной стороны, был первой регулярной частью на Урале и в Сибири; с другой, сформирован

он был на основе поверстания в драгуны беломестных казаков и крестьян, которые и после создания полка остались земледельцами, жившими со своими семьями в селах и деревнях Южного Зауралья.

Размещение драгунского полка в Южном Зауралье стало одним из важнейших элементов государственной политики по колонизации этой территории и создании в ее пределах уральского металлургического комплекса. Земледельцы-драгуны, защищая рубежи уральских заводов и сибирских слобод, защищали и свои семьи. Без их ратного труда было бы невозможно мирное развитие этого региона.

Наконец, драгунский полк был именно «обереговой» военной частью, боевые действия в степи драгуны вели только при отражении набегов кочевников. Между тем, набеги эти были вызваны отнюдь не стремлением башкир, казахов и каракалпаков защитить свои земли или насилиями российской администрации. Уральские заводы и русские слободы оказались «порубежными» с их землями, но вовсе не нарушали их землевладельческих прав. Постоянные набеги на русских крестьян были следствием одной из особенностей кочевого и полукочевого хозяйства — его экономической нестабильности, толкавшей кочевников в случае угрозы голода от падежа скота на грабежи окрестных народов.

Такие отношения между русскими и кочевниками вовсе не означали возможности только немирных контактов. Между этими народами велась активная торговля, зауральские башкиры в XVII – XVIII веках под русским влиянием стали переходить к земледельческому хозяйству, некоторые башкиры и татары стали опытными рудознатцами и способствовали развитию уральских заводов. Таким образом, в XVII – XVIII веках происходил процесс сближения русских переселенцев и коренного населения, установления добрососедских отношений в этом регионе. Организация крупной военной части в Зауралье в конце XVII века ускорила этот процесс.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. М., 1956. С. 38–41.
2. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 729. Л. 3.
3. Там же. Л. 5.
4. Там же. Кн. 1310. Л. 408–408об., 413.
5. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.–Л., 1936. С. 233, 250, 268, 272.
6. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1350. Л. 499об.
7. Там же. Оп. 5. Д. 729. Л. 5.
8. Там же. Л. 1–2об., 5.
9. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 212, 234–235, 243–246, 270–273.
10. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1857. Л. 15об.
11. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 275–276.
12. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2623. Л. 1–1об.
13. Там же. Л. 6–6об.
14. Там же. Ф. 248. Кн. 19. Л. 486 – 492об.; Акишин М.О., Шашков А.Т. Фискальный гнет Петровской эпохи и сибирское крестьянство (к вопросу о достоверности переписей конца XVII – начала XVIII в.) // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI — XX вв. Новосибирск, 1998. С. 96 — 111.
15. РГАДА. Ф. 248. Кн. 373. Л. 643 — 646об.
16. ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 175 — 175об.
17. РГАДА. Ф. 248. Кн. 373. Л. 643 — 646об.
18. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 99, 424.
19. ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 281.

20. Геннин В. Уральская переписка... С. 96 — 98, 103 — 104, 247 — 248.
21. РГАДА. Ф. 248. Кн. 373. Л. 644.
22. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 97 — 97об.
23. Там же. Л. 1.
24. РГАДА. Ф. 248. Кн. 711. Л. 497об.
25. Геннин В. Уральская переписка... С. 249 — 250, 269 и др.
26. РГАДА. Ф. 248. Кн. 308. Л. 278об. — 279.
27. Рабинович М.Д. Полки петровской армии, 1698 — 1725: Краткий справочник (Труды ГИМ, вып. 48). М., 1977. С. 85.

ARMY, SOCIETY, COLONIZATION
(the Tobolsk dragoon regiment in the Urals in first half of the XVIII century)

A role of the Tobolsk dragoon regiment in conditions of colonization and industrial development of the Southern Urals bordered in first half of the XVIII century with nomadic peoples is analysed in the article. The close interrelation of the armed formation with local peasant communities, from which structure the dragoons were recruited and at the same time kept a peasant way of life is shown. The author considers formation and accommodation the dragoon regiment in the Southern Zauralye as one of the major elements of the state colonization policy of this territory and creation of the Urals metallurgical complex in its limits.

M.O. Akishin

Д. А. Редин

Крупные заводовладельцы и торгово-предпринимательская заводская прослойка на Урале во второй половине XVIII в.

(аспекты взаимоотношений)

Уже с 1960-х гг. исследованиями в области социально-экономической истории уральской металлургической промышленности был сформулирован вопрос о появлении в среде мастеровых и работных людей и приписного крестьянства зажиточной прослойки, обогащавшейся за счет занятий ремесленным производством и торговлей [1]. Изучение этой неоднородной в сословном отношении общности показало, что ее происхождение и существование было своего рода «побочным продуктом» развития крупной металлургической мануфактуры. Торгово-предпринимательская прослойка (представители которой проживали как непосредственно в заводских поселках, так и за их пределами, в поселениях сельского типа) была неотъемлемой частью своеобразной горнозаводской инфраструктуры. Обеспечение основной массы заводчан одеждой, обувью, домашней утварью, продуктами питания и т. п. было возможным благодаря предпринимательской деятельности части работных людей и заводских крестьян [2]. Сегодня можно уверенно говорить о том, что заводские «торгаши» (как их именовали некоторые заводчики) представляли собой мелкую буржуазию, сумевшую оформиться вопреки крепостническому законодательству и приспособиться к нелегким условиям социальной практики того времени.

Отношение заводовладельцев к торгово-предпринимательской прослойке отличалось двойственностью и непостоянством. С одной стороны, «торгашей» не любили. Будучи сплоченной, хорошо разбиравшейся в правовых вопросах и материально независимой группой, они могли активно отстаивать свои корпоративные интересы и в ряде случаев противостоять воле хозяев-заводчиков [3]. Таким образом «торгующие» были небезупречны с точки зрения социально-политической лояльности. Но большую озабоченность вызывали соображения экономического характера.

Предпринимательские занятия мастеровых и работных людей в определенной мере шли вразрез с интересами промышленников. Неслучайно, поэтому, многие источники сообщают нам о стремлении горнозаводских магнатов максимально ограничить или вовсе пресечь самостоятельную хозяйственную активность в среде заводских жителей. Вот лишь некоторые примеры такого рода.

Безусловным строжайшим запретам на протяжении всей второй половины XVIII в. подвергалась торговая деятельность приказчиков и служителей. Их высокое положение в заводской иерархии и доступ к деньгам и материальным ценностям хозяина и без того стимулировали «лакомство» — стремление поживиться за счет не принадлежавшего им добра. Известны многочисленные случаи хищений и перепродаж приказчиками партий произведенной продукции, использования хозяйских речных судов для тайного провоза на них своих собственных товаров для сбыта на рынках Поволжья и Центральной России, другие виды злоупотреблений такого рода. Б.Б. Кафенгауз приводил и совершенно уникальный случай приказчичьего «предпринимательства», выделявшийся своей дерзостью даже на фоне других, достаточно бесцеремонных афер, когда служители Петербургской домовой конторы Демидова осуществляли у частных лиц денежные займы от имени хозяина и пускали их на собственные торговые операции [4]. Разрешение на торговую деятельность еще более развязало бы руки представителям заводской администрации. Поэтому заводчики не только регулярно подтверждали свои запреты, но и специально следили за действиями попавших под подозрение служителей [5]. Разоблаченные в хищениях и незаконной торговле, независимо от прежних заслуг увольнялись от должностей без права дальнейшего продвижения по службе и лишались имущества. Полный крах некогда могущественного И. Андреева наступил не столько после отставки за допущенные жестокости и его самодурство в 1763 г., сколько позже, за вскрытые финансовые махинации. Перспективный молодой приказчик Андриан Белов был сослан в заводские работы без содержания, с вычетом крупных сумм в 1797 г. «за производимую им торговлю и понаровку жителям» [6]. Подобные примеры можно было бы продолжить.

Достаточно планомерно пресекались некоторые промыслы и торги, производимые мастеровыми и работными людьми. Осенью 1750 г. Н.А. Демидов, узнав о том, что молотовые мастера его заводов пользуются в работе привозным углем, в то время как по определению покойного Акинфия Демидова они сами должны были возить этот уголь к молотам, распорядился принудить мастеров к установленному порядку, «несмотря ни на какие их отговорки и широкие горла» и расследовать, по чьей вине произошло это нарушение. Интересно то, что в ходе разбирательства выяснилось, что молотовые, имевшие лошадей, не возили уголь только к «своему ремеслу», но охотно поставляли его «обще с протчими бобылями» к домнам, выполняя таким образом подрядные операции и получая от этого прибыль [7].

Под пристальным вниманием промышленника находились заводские кузнецы, чье ремесло само по себе подвигало последних к работе в собственных интересах.

Первые шаги к ограничению количества кузнецов, работавших на господских кузницах, восходят к концу 1750 г. Тогда главная Невьянская заводская контора обратила внимание на то, что при Нижнетагильском и Выйском заводах «от неразсмотрения прикащиков и надзирателей находится кузнецов много излишних». По мнению главного приказчика И. Андреева они не загружены работой, необходимой производству и зря получают плату. Ордером приказывалось установить необходимый минимум кузнецов и организовать за ними строгий надзор. Остальных же предписывалось перевести в цеха «к протчим работам», следя при этом, чтоб они находились «без прогулок и на стороне б не работали» [8]. Последняя фраза указывает, что работа «на стороне» была

характерна для кузнецов, получавших, главным образом, сверх определенной платы дополнительный заработок от своего ремесла. Если в 1750 г. речь шла о сокращении числа кузнецов при господских кузницах и надзора за тем, чтобы они не работали на частный заказ, то позже в поле зрения промышленника попали «обывательские кузницы», чей мелкоремесленный облик и сориентированность на местный рынок, думается, не оставляет сомнений. В ордере от 17 апреля 1784 г., посланном Н.А. Демидовым в Нижнетагильскую заводскую контору, устанавливалось предельно допустимое количество частных горнов: 4 для Нижнетагильского завода, 2 — для Нижнесалдинского, по 1 для Черноисточнинского, Висимо-Уткинского, Висимо-Шайтанского, Выйского и Верхнесалдинского заводов. Тон ордера позволяет предположить, что первоначально заводовладелец намеревался вовсе запретить частное кузнечное ремесло. Он нехотя позволял оставить указанное число горнов («... хотя по изъявляемой необходимости для заводских жителей обывательских кузниц иметь и позволяю...»). Он предписывал как первое и главное условие «иметь за теми обывательскими кузницами наистрожайшее смотрение, дабы не могло происходить от них таковаго ж злоупотребления как и прежде». Что за злоупотребления имеются в виду как не частный промысел кузнецов, поставленный вероятно, на довольно широкую ногу, с незаконным использованием «заводского припаса»? Недаром вторым условием, определявшим функционирование горнов, Демидов ставит жжение угля для них «из валежнику и подстойнику, а по неимению онаго — в отведенных от оной канторы местах без излишества, а не так кто где захотел, тут и курень завел». Кроме того, каждый кузнец и работник, в качестве расплаты за разрешение на работу и потраченный уголь должен был поставить по 20 лишних коробов угля на производство [9]. Гораздо радикальнее пытался пресечь частные промыслы заводских кузнецов А.Ф. Турчанинов. Он прямо указывал на то, что хозяева мелких кузниц «краденое ис фабрик железо переделывали в разныя поделки и тайно продавали». Заводчик «истребил» кузницы и «обобрал» у их хозяев инструменты. Но в данном случае владелец Полевских заводов проиграл. Если Н.А. Демидов был волен распоряжаться своими людьми практически беспредельно, поскольку в подавляющем большинстве они являлись его крепостными, то А.Ф. Турчанинов в своем произволе был ограничен. Получив в 1759 г. Полевской, Северский и Сысертский заводы из казенного содержания, он получил вместе с ними и казенных мастеровых и работных людей. Обиженные ремесленники, пользуясь отлучкой хозяина и своим статусом государственных, добились от Канцелярии Главного заводов правления того, что последнее предписало заводской конторе вернуть жалобщикам конфискованное имущество. Считая, что Канцелярия сделала своим приговором «помешательство в установлении... добрых заводских обрядов, а плутам явный повод», промышленник не преминул сообщить об этом в «изъяснении», поданном в Берг-коллегию 5 марта 1763 г. [10]. Несколько позже Н.А. Демидов постарался разделаться с «обывательским кирпишным промыслом», когда ордером от 2 апреля 1764 г. приказал производить бытовой кирпич на нужды заводчан в «господских кирпичных сараях» [11].

С другой стороны, еще Б.Б. Кафенгаузом было замечено, что тот же Н.А. Демидов порой поощрял «торгашество» в среде мастеровых и работных людей, во всяком случае, если оно не наносило ущерба основным заводским работам [12]. Это замечание требует уточнения. Похоже, что благосклонное или терпимое отношение заводчика к торговым операциям работных распространялось не на всех, а лишь на тех, «которыя в отъездах торгуют», т.е. на верхушку торгово-предпринимательской прослойки. Вот как поясняет ситуацию известная инструкция от 1 ноября 1762 г. В п. 21, посвященном, по сути, вопросу финансирования производства, Никита Акинфиевич заводит речь о торгующих заводских жителях. Он предписывал отпускать таким торговцам на продажу посуду и другую бытовую продукцию, «чтоб при заводах продажа умножилась и деньги содержанию заводов выручались. Ибо к пересылке денег ныне за умножением медной монеты неспособно». Ради увеличения сбыта и привлечения наличных средств, промышленник разрешал даже выдачу товара в кредит, лишь ставя условие, чтобы выдача производилась «надежным» людям и с возвратом денег в течение полугода, предостерегая приказчиков производить отпуск

железа и посуды «не по страсти, одному дать много, а другому — ничего...» и не запускать доимку по прошествии срока.

Следующий, 22 пункт инструкции, на первый взгляд разъясняет дополнительные мотивы заводчика. «Заводских же жителей, которые в отъезд торгуют, — писал Демидов, — слышно, до сих пор не отпускают... покамест всей заводской работы не оправит». Вследствие этого происходят вещи, нежелательные для производства. Во-первых, чтобы исполнить возложенные заводские обязанности, торговец нанимает за себя «с передачею» работника. От этой «передачи» происходит «возвышение» цен, сложившихся на рынке наемного труда. Во-вторых, наем происходит в среде бедных жителей того же завода, которые, по сути, оказываются перед непосильной задачей выполнения двойной отработки, отчего запускают собственную работу или вовсе с ней не справляются. Казалось бы, во исправление этих явлений, Демидов и предписывал приказчикам беспрепятственно отпускать «торгашей» с заводов с оформленными паспортами [13]. Но сделанная оговорка: «... токмо с надежными поруками, что положенную заводскую работу оставшихся в доме его отправят», приводила к логическому противоречию. В самом деле: контора не отпускала торговца, пока тот не выполнит возложенных на него работ; торговец нанимал за себя работника и это, с точки зрения заводовладельца, приносило вред. Но отпускать торговца, не выполнившего своих производственных обязанностей, тоже вредно. Значит пусть торговец едет по своим делам, но не нанимает посторонних в заводскую отработку, а возлагает ее выполнение на «оставшихся в дому». Однако, если до инструкции 1762 г. торгующие заводчане прибегали к найму, а их родственники, т.е. те самые, «оставшиеся в доме его» не привлекались к отработкам, странно было бы предполагать, что после инструкции порядок изменится и обязанности уехавшего по торговым делам жителя лягут на его родственников, как определял Демидов, а не на нанятых людей. Странно предположить и то, что сам Демидов этого не понимал. Противоречие может быть снято, если мы рассмотрим этот пункт в русле предыдущего. Потребность в деньгах на содержание заводов — вот одна из главных причин поощрения торгующих. Все остальные, изложенные в п. 22 — побочные. Главная санкция, содержащаяся в п. 22 — беспрепятственный отпуск торговцев за пределы завода. Но не мог же Демидов не признать и правоты заводской конторы: любой заводской житель в первую очередь должен рассчитаться по своим обязательствам перед производством: ведь это требование постоянно повторял он сам. Вот и пришлось сделать формальную оговорку об обязательной отработке силами родственников, отдавая, видимо, отчет в том, что родственники, как и раньше, останутся в стороне. Легализированная торговля металлической посудой и другими «железными припасами» продержалась на демидовских заводах долго, 20 лет. Вероятно, отпуск заводской продукции в кредит стал столь выгоден отпускающим (приказчикам и служителям) и предпринимателям, что начал наносить урон интересам заводовладельца. Ордером от 14 декабря 1782 г. выдача товара в долг была запрещена, а 1 октября 1785 г. Н.А. Демидов вынужден был этот запрет повторить, ввиду того, что конторские продолжали старую практику «или из лакомства, или же в угодность по выбору любимым торгашам», как выразился Никита Акинфиевич [14]. Еще спустя некоторое время, в марте 1798 г., уже Николай Демидов, вообще ужесточивший систему выдачи паспортов своим крепостным, распорядился «пашпорта давать» заводским жителям, «в торгах обращающимся» «с наивозможною осмотрительностию» [15]. Но несмотря на желание строго регламентировать труд на своих заводах, не смог Николай Никитич, хронически испытывавший нехватку оборотных средств с 1794 г. [16], обойтись без финансовой поддержки «прожиточных» людей. В ордере от 11 июля 1798 г. в большой группе награжденных за разные заслуги лиц всех должностей и состояний, были перечислены 11 «первостатейных» жителей [17], оказавших «в течении же того (1797. — *Д.Р.*) году усердие свое съсудою денег»[18]. Крепостным кредиторам обещано было прислать сукна на кафтаны. Среди отмеченных первое место занимал Гавриил Борисович Заверткин, единственный названный в ордере (кроме ранее отмеченного Г.Г. Белого, находившегося тогда уже на пенсии) по отчеству и «с вичем». Заслуги Г.Б. Заверткина превозносятся и в другом документе: разрешении женить его сына на дочери

покойного приказчика С. Бредихина, данного Н.Н. Демидовым 7 декабря 1798 г. «Я, известен будучи о оказываемых им, Заветкиным, во время бывших пред сим при заводах моих в деньгах недостатков съсудах, без всякого интересу, а у единаго ево усердия и благодарности, немалыми суммами... женить... сына... позволяю», — постановил заводчик [19].

Таким образом заводовладельцы были вынуждены терпеть «торгашей», видимо, не только потому, что они обеспечивали предметами потребления и продовольствием жителей заводских поселков, но и потому, что они выполняли и другую важную функцию: служили источником наличных денег, так необходимых для производства, функционировавшего в условиях медленного оборота капитала и слаборазвитого кредитования.

Наконец, материалы демидовского делопроизводства выявляют еще одну сферу, в которой заводовладелец мог опереться на «прожиточных» людей, а потому должен был мириться с их определенной хозяйственной самостоятельностью. Не знаю, насколько нижеприводимые факты были типичны для других заводов, но они настолько примечательны сами по себе, что не могут быть обойдены вниманием. Известно, что среди многочисленных государственных повинностей одной из наиболее тяжелых являлась рекрутская. Невыгодна была она и заводовладельцам, вынужденным отдавать в рекруты квалифицированных мастеровых, что не могло не сказываться на состоянии производственного процесса.

Попытки промышленников всякими путями освободиться от рекрутских поставок или обойти их встречали поддержку и одобрение заводчан. Разумеется, добиться полного освобождения заводов от рекрутской повинности их владельцы не могли. Поэтому долгое время хозяева мануфактур добивались разрешения уплачивать вместо рекрутов определенные суммы. Сложность заключалась в том, что уплата денег вместо поставки рекрутов законодательно распространялась лишь на те частные заводы, при которых не числились приписные крестьяне. Поскольку большинство заводов Среднего Урала имело в приписке крестьян, их хозяевам приходилось затрачивать много сил для получения необходимых льгот. Однако же в этом вопросе государство было не склонно к компромиссу. Хлопоты заводовладельцев, даже таких могущественных как Демидовы, оставались безрезультатны. В течение 1750—60-х гг. их просьбы о приеме денег вместо рекрутов неоднократно отклонялись [20]. Поэтому для сбережения квалифицированных мастеровых заводчики старались отдавать приписных и купленных крестьян и тех мастеров и работных, которые по той или иной причине не были заняты в производстве или имели серьезные провинности. Ревизские сказки 1782 г. показывают, что почти все крепостные, купленные у помещиков центральных губерний России на заводы Н.А. Демидова, начиная с 1760-х гг., к началу IV ревизии оказались отданными в рекруты взамен демидовских мастеровых. Собственные (и весьма немалые) деньги в покупку крестьян вкладывали постоянные жители Нижнетагильских заводов.

Механизм расчетов между работниками и хозяином по рекрутским делам был прост. Покупка осуществлялась на средства заводовладельца, а затем возмещалась сборами среди заводчан. Собранных денег не всегда хватало на полное погашение нужной суммы, но заводские прилагали все усилия для скорейшего возмещения долга. Во «всепокорнейшем доношении» двух десятков нижнетагильских мастеровых и работных, посланном Н.А. Демидову в январе 1770 г., авторы, «нехотя отлучены быть своего отечества» и «желая быть всегда при заводах вечно во крестьянстве», как раз и сообщали о нехватке средств для покупки полного числа рекрутов в зачет текущего года. Хотя на собранные деньги «несколько человек и куплено... но точию сколко потребно не полное число», — сообщали они. Для того, чтобы ускорить покупку недостающих людей, заводской мир направил к Демидову своего выборного «надежного человека, Нижнетагильскаго завода жителя» Власа Чеусова (самогу, кстати, активного участника подобных операций). Чеусов должен был поступить в распоряжение хозяина, «дабы как наивозможно чрез старание и неусыпное к тому попечение потребное число крестьян куплено и отдано (в рекруты. — *Д.Р.*) было». Деньги, затраченные на это из средств Демидова, авторы обязались вернуть «по первому сигналу», «в самой скорости» [21].

В этом отношении очень интересна «Роспись... сколко от нижеобъявленных жителей принято на наем рекрут денег...» за 1770 г. [22], подробно зафиксировавшая взносы заводских. Годовые суммы достигают колоссальных размеров: от 100 (в двух случаях) до 248 руб. 38 3/4 коп. (в пяти случаях). Средняя величина взноса равняется, примерно, 210 руб. Всего же за 1770 г. с сорока двух человек сбор составил 8775 руб. 19 1/2 коп. Среди регулярных вкладчиков находились, конечно, весьма состоятельные люди, верхушка заводского общества. И уж явно их финансовые возможности складывались не за счет годового окладного жалованья или оплаты «поторжных» работ. Из четырех десятков фамилий «Росписи» только единицы принадлежат представителям служительских семей: Бредехин, Пресняков, Котовщиков. Здесь же уже знакомые по наградным спискам 1790-х гг. мастеровые Бердниковы (Андрей и Яков), Иван Зимин, означенный «государственным молотовым мастером» Семен Масленников. Все эти люди — «первостатейные заводские жители»; в основной своей массе они числились работными людьми, но реально вели собственное дело. Они оплачивали не только свои потребности, но вкладывали деньги за все количество рекрутов, «разверстанных» на заводское население в целом, в том числе и на цеховых мастеровых.

Впрочем, и небогатые семьи принимали посильное участие в покупных операциях, беря нужные суммы в долг, ибо Н.А. Демидов и его приказчики всячески поощряли всех, кто прилагал старание к сбору средств. В 1772 г. приказчики главной Нижнетагильской конторы через обербергмейстера Г.Н. Клеопина, демидовского уполномоченного, предложили ввести льготы для тех семей, которые внесли за своих членов рекрутские деньги. Для бедных, «дабы они могли окупить заработанные ими на то долги», предлагалось снизить норму заготовляемого угля с 60 до 40 коробов, причем 10 коробов из этих 40 следовало, по мнению приказчиков, оплачивать по «вольной цене». Члену зажиточной семьи эту норму предлагалось уменьшить с 60 до 50 коробов. Сверх этого полагалось вдове уменьшить нормы поставок господского сена, возки железа на пристани и «протчих случающихся заводских работ». Интересно, что среди предложенных поощрительных мер приказчики предусматривали разрешить работать за указанных людей «все семейство» или других заводских жителей, «как им должны или кого и другого наймут». Все эти льготы мыслилось распространить на шестилетний срок. Демидовское определение на предложение приказчиков, данное в том же, 1772 г., оказалось проще и щедрее. Заводовладелец распорядился со всех «покупателей за себя рекрут», не зависимо от того, богаты они или бедны, взыскивать только половину налагаемых на них работ, а за все сделанное или произведенное сверх указанной половинной нормы платить по вольным ценам [23]. Благосклонное отношение Н.А. Демидова к людям, вносившим деньги на покупку рекрутов, реализовалось в виде различных льгот и уступок в их пользу и позднее [24].

Итак, документы рисуют нам интересную картину своеобразного симбиоза полуфеодальной корпорации крупных заводовладельцев (или, по крайней мере, ее представителей) и мелкобуржуазной торгово-предпринимательской прослойки заводского населения. Обе стороны до известной степени были экономически заинтересованы друг в друге. Заводовладелец давал «юридическое прикрытие» торгующим заводским работникам, вольно или невольно облегчал им ведение их коммерции в обход законодательству. «Торгаши», в свою очередь, обеспечивали жизнедеятельность заводских поселков, ссужали хозяина наличностью, тратили средства на сбережение квалифицированных трудовых ресурсов.

Но и те, и другие были всегда готовы нарушить это, в общем-то вынужденное, содружество, если дело касалось ущемления интересов одной из сторон. Ведь заводовладелец видел, что доморощенные предприниматели нарушают заводские положения, уклоняются от работ, а при случае и приворовывают, и рад был ликвидировать их как группу. В свою очередь представители торгово-предпринимательской прослойки охотно освободились бы от всех производственных обязанностей, сохраняя при этом статус заводских жителей. Это не могло не приводить к периодическим столкновениям сторон.

Тем не менее думается, что в этих сложных взаимоотношениях превалировали общие интересы. Во всяком случае, когда пугачевское восстание угрожало разрушением горнозаводской мануфактуры — той экономической среды, которая питала и тех, и других, — горнозаводчики и «первостатейные заводские жители» оказались по одну сторону крепостного вала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например: *Вагина П.А.* Материально-бытовое положение мастеровых и работных людей Урала во второй половине XVIII века по данным «Именной росписи» // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961; *она же.* Материально-бытовое положение мастеровых и работных людей Южного Урала во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 3; *Черкасова А.С.* О роли сельского хозяйства в промыслах населения горнозаводских центров Урала в XVIII в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963; *Томсинский С.М.* Торговля и подрядничество крестьян Приуралья в 1720-1740-х годах // История СССР. 1965. № 2; *Кондрашенков А.А.* Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Челябинск, 1969. Ч. II. и др.
2. См. об этом: *Кондрашенков А.А.* Указ. соч.; *Черкасова А.С.* Социально-экономические связи горнозаводских центров и деревень Урала в середине XVIII в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986; *Байдин В.И.* Формирование буржуазии в среде государственного крестьянства Среднего Урала во второй половине XVIII в. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988; *Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В.* Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал и Западная Сибирь XVIII — первой половины XIX в.). Екатеринбург, 1995; *они же.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречие (XVIII — первая половина XIX века). М., 2000 и др.
3. Показательны в этом смысле выступления мастеровых и работных людей в ходе волнений приписной деревни в 1760-х гг., их борьба за правовой статус в 1780–90-х гг. на заводах Демидовых и Яковлевых. Во всех случаях зачинщиками были представители именно этой группы.
4. *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 287.
5. Например: приказ Н.А. Демидова Нижнетагильской заводской конторе от 6 мая 1761 г. о надзоре за караванными приказчиками Соловьевым и Баклыковым, заподозренных в подтасовке отчетности, закупке личных товаров на господские деньги и провоза их на караванах. (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 84 Л. 23). Аналогичное распоряжение по отношению ко всем караванным приказчикам содержится в другом демидовском ордере от 4 апреля 1764 г. (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1.Д. 121. Л. 74).
6. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 295. Л. 56.
7. Там же. Д. 34. Л. 93, 96.
8. Там же. Л. 44–44 об.
9. Там же. Д. 263. Л. 20–20 об.
10. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1223. Л. 32–32 об.
11. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 121. Л. 103–103 об.
12. *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 288.
13. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 17. Л. 402–404.
14. Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 263. Л. 93 об.
15. Там же. Д. 335. Л. 41 об.
16. Рапорты Нижнетагильской конторы на этот счет регулярны на протяжении трех лет с 1794 по 1797 гг. (ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 60. Л. 60, 65, 75, 89 и далее).

17. Сверка списка награжденных с имеющимися у меня реестрами мастеровых и работных людей Нижнетагильских заводов за 1770 и 1778 гг. показала, что по меньшей мере трое из «прожиточных» людей могут принадлежать к кругу цеховых мастеровых. Среди молотовых Салдинского завода находим фамилии Бердникова и Вдовиных, причем один из Вдовиных полный тезка из «наградного» ордера, — возможно, одно и то же лицо. Фамилия Зимина имеется в списке плотников 1-й статьи.
18. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 335. Л. 82.
19. Там же. Л. 159.
20. Там же. Д. 70. Л. 1, 97; Д. 112. Л. 120–120 об.
21. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 259. Л. 67–68.
22. Там же. Л. 230 об. — 231.
23. Там же. Д. 296. Л. 424–425.
24. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 263. Л. 30.

OUTSTANDING PLANT OWNERS AND TRADING-ENTERPRISE FACTORY STRATUM IN THE URALS IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURE (aspects of interrelations)

The article is devoted to an estimation of some aspects of mutual relations of outstanding plant owners and the trading-enterprise stratum of the factory population in the second half of the XVIII century. Activity of the trading-enterprise elite quite often went counter with interests of factory production and not always kept within frameworks of the serf class legislation. Nevertheless factory owners often were compelled to be reconciled with existence of factory employers as, to a certain extent, they were economically interested in them. The author pays attention to that the trading-craft upper strata of mining factories was a source of cash crediting for plant owners and promoted the savings of the qualified manpower, investing in purchase of the serfs given in recruits instead of workshop artisan.

D.A. Redin

Е. В. Алексеева

ЭКЗОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ И ДИФФУЗИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Местонахождение России на перекрестке европейской, переднеазиатской и дальневосточной цивилизаций предопределило живое восприятие и усвоение ею идей и вещей пограничных миров, а также выполнение роли своеобразного посредника, не только генерирующего, транслирующего, но и трансформирующего знания, технологии, феномены материальной и духовной культуры. История

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ-Урал (проект № 04-01-83117а/У).

России знала несколько периодов интенсивного внешнего влияния. В эпоху Древней Руси и русского средневековья заметное воздействие на нее оказывали скандинавский, византийский, тюркский миры. Становление России как империи в XVIII — XIX столетиях разворачивалось в тесном взаимодействии с миром Европы и великими державами эпохи modernity. Переплетена с ними ее судьба и в XX веке. Кардинальные изменения в пост-имперском российском обществе, происходящие на наших глазах, демонстрируют сложную и драматичную диалектику развития процессов вестернизации и антивестернизации в политике и социальной практике, находящей отражение в публицистической и специальной литературе. Истоки этих процессов уходят еще в допетровскую эпоху, а ныне проявляются в колебаниях между включением в глобальный контекст и изоляционизмом, стремлением угнаться за быстро меняющимся миром и необходимостью сохранить свою идентичность.

Диалог между различными обществами, государствами, усвоение «чужого», соотнесение его со «своим» — одна из вечных тем в истории. Проблема определения места России в мировом сообществе, характера и результатов ее взаимоотношений с другими государствами, степени ее зависимости от внешнего мира и собственной способности изменять мир имеет большое значение в осмыслении исторического прошлого и реального настоящего нашего отечества. Наибольшее внимание она притягивает в кризисные, переломные периоды в истории российского общества, когда жизнь со всей остротой ставит вопрос о радикальных преобразованиях социальных и политических структур, и необходимо выбирать пути и средства дальнейшего развития страны. Так было в конце XVII века, в середине XIX столетия, в революционные десятилетия начала XX века и после крушения Советской империи в его конце. К этой проблеме обращаются современные мыслители, исследователи, политики и государственные деятели самых различных, иногда прямо противоположных, взглядов. *Сосредоточим наше внимание на научной историографии последних двадцати пяти лет, которые* в очередной раз во весь рост поставили вопрос о самоидентификации России в современном мире и ориентирах ее перспективного развития.

Наличие достаточно обширной и разноплановой исторической литературы, отражающей взаимосвязи Российской империи и западного мира, определяет необходимость историографической классификации. В соответствии с задачами нашего подхода к проблеме — сосредоточения интереса на роли вестернизации в судьбе Российской империи в XVIII — начале XX вв. — представляется логичным разделить имеющуюся историографию на два блока публикаций.

Авторы первого из них рассматривают проблему взаимоотношений России и внешнего мира и значения их для России с широких культурологических, философских, геополитических позиций.

Непреходящая актуальность темы, с одной стороны, и ее принципиальная противоречивость, с другой, определяет наиболее типичную черту новейшей историографии: следование в русле полуторовековой полемики западников и славянофилов. Отношение России к европейскому прогрессу, целесообразность и результаты его адаптации к отечественной почве по-прежнему остаются главным содержательным вопросом, поднимаемым в работах современных историков. В них присутствует вся палитра мнений и оттенков. Точка зрения, согласно которой всему лучшему в своей истории Россия обязана европейскому гению Петра, высказывается в работах В.В. Мавродина, Н.Я. Эйдельмана [1]. Положительно оценивают петровские преобразования, приведшие к разрыву с прошлым и поставившими Россию на путь современности, Н.Н. Молчанов, Н.И. Павленко, А.И. Юхт [2].

Е.В. Анисимов, детально изучая петровскую эпоху, подчеркивает необходимую диалектичность ее оценок: с одной стороны «Петр резко интенсифицировал происходившие в стране процессы, заставил ее совершить гигантский прыжок, перенеся Россию через несколько этапов», с другой стороны, исследователь полагает, что деятельность Петра имела «консервативный характер» и заключалась в «консервации основополагающих принципов традиционного режима...самодержавной формы правления» [3].

Некоторые современные авторы, солидаризируясь со славянофильской позицией, считают, что Петр I прервал историческую традицию отечественного развития, нарушил его органику, исказил

русскую культуру западными заимствованиями. Я.Е. Водарский, признавая масштаб исторической величины личности Петра, пишет, что Петр не вывел Россию «на путь ускоренного экономического, политического и социального развития, не заставил ее «совершить прыжок» через несколько этапов... Его действия не были исторически оправданными и в максимальной степени соответствующими интересам развития России... Напротив, эти действия в максимально возможной степени затормозили прогрессивное развитие России и создали условия для его торможения еще в течение полутора столетий» [4].

Обращаясь к следующему этапу модернизации России — преобразований в империи на рубеже XIX-XX вв., — авторитетный славист Т. Шанин объясняет российскую непохожесть на другие государства, трактуя ее (уже в конце XIX в.!) как развивающееся общество. Т. Шанин отвергает оба устоявшихся диаметральных подхода к России и как к абсолютно уникальной стране, и как к отсталым задворкам Европы. По его мнению, Россия «не была ни «феодальной», ни последовательно и просто «капиталистической», равно как и переходной смесью того и другого. На рубеже девятнадцатого века Россия стала первой страной, в которой материализовался специфический общественный синдром, который мы называем сегодня «развивающееся общество». Он сочетал в себе особый тип социальной структуры и положения в мире, долгую имперскую историю, сформировавшийся костяк государственного аппарата и высоко образованную и политически ориентированную интеллектуальную элиту» [5]. Он убежден, что «развивающиеся» или «периферийные» общества следует рассматривать как особую форму социальной организации, определенным образом отвечающей на генерируемые центральными государствами импульсы (6).

Сформулированный Т.Шаниным подход получил дальнейшее развитие в историографии. Известный социолог, историк и общественный деятель Б.Кагарлицкий, включаясь в дискуссию о характере и темпах отечественного развития, утверждает, что проблемой России «была не «отсталость», а нечто иное. «Отсталость — это запоздалое развитие. Отсталой страной была Германия по сравнению с Англией. Россия была частью периферии. А это уже совершенно другой вариант развития» [7].

Применяя в своем труде «Периферийная империя. Россия и миросистема» к российской истории от варягов до современности метод «миросистемного анализа», основанного И. Валлерстайном, С. Амином и А. Франком, Б. Кагарлицкий отстаивает позиции исконной вовлеченности Московии в европейское развитие. «Петр отнюдь не был правителем, внедрившим в Московском государстве западную технологию или установившим связи с Европой. И то и другое произошло задолго до него. Точнее, связи с Западом никогда и не прекращались» [8]. Петр не изменил курса, которым шла Россия, но он совершил культурную революцию, обеспечив культурные и политические условия, без которых этот курс не мог бы успешно проводиться. Перечисляя петровские инновации и констатируя их противоречие российским условиям, автор задается сакраментальным вопросом: «может быть трагедия русской отсталости предопределена вовсе не отдаленностью и оторванностью от Европы, а как раз наоборот — ее близостью и связью с Западом, тем, что при всем желании Россия, ни московская, ни петербургская, никуда не могла от него деться?» [9].

Подъем петербургской империи при Екатерине Великой Кагарлицкий интерпретирует как часть европейской экономической экспансии XVIII столетия. Также внешними экономическими причинами — отменой «хлебных законов» и торжеством фритредерства в Англии объясняет исследователь и развитие русской истории до середины XIX в. Основой развития капитализма в России во второй половине XIX в. опять же была европеизированная знать и правительство в союзе с иностранным капиталом, а не «национальная буржуазия» [10].

Универсальный взгляд на российскую историю от Ивана III до Путина в контексте ее взаимоотношений с Западом представляет в своих работах А.И. Уткин [11]. Двумя главными, определяющими обстоятельствами российской истории по его мысли является то, что на Западе уже в течение пяти столетий идет важнейшая в новой мировой истории революция, охватывающая все сферы человеческого бытия; в то время как Россия, при всех поворотах ее исторического существования, уча-

ствовала в этом фундаментальном мировом процессе лишь частично [12]. Запад рассматривается исследователем как внешний источник российской модернизации. Уткин акцентирует внимание на возникновении (в результате ориентации на запад в поисках эффективной стратегии развития) оппозиции власти по отношению к собственному народу. В этой связи на протяжении последних трех веков автору представляется главным вопрос о цене модернизации: «если цена будет непомерной, то модернизация должна будет в России снять с себя одежды вестернизации, и массовое производство должно быть налажено на основе восточно-европейского, а не западного стереотипа» [13].

Ставя вопрос о соотношении внутренних потребностей развития и внешних толчков, исследователь отмечает, что оба эти явления существуют, как правило, одновременно. В России внутреннее осознание необходимости развития произошло под влиянием западного примера и, исходя из страха перед будущим в условиях отсталости [14]. Позиция исследователя выражена словами: «начиная с Петра Великого, реформы Романовых представляли собой одну постоянную, далеко протяженную по времени вестернизаторскую реформу, проводимую то быстрее, то медленнее, с переменным успехом» [15]. Уникальность российского опыта модернизации заключается в том, что это был исторически первый случай, «когда потенциальная жертва Запада сознательно поставила перед собой цель овладения материальной техникой Европы ради самосохранения» [16]. Уткин выделяет три периода сближения с Западом на протяжении имперской эпохи ее истории: петровский; время после триумфального вступления русских войск в Париж; и годы формирования Антанты.

Взгляды А.И. Уткина во многом перекликаются с мыслями Т. фон Лауэ, который ранее обосновал подход к российским реформам как к перманентной революции сверху, проводившейся правительством из вестернизированной столицы, Санкт-Петербурга, против косности непонимающего и враждебного ей населения. Во имя защиты политической и духовной идентичности Святой Руси, она копировала западные методы, безуспешно пытаясь создать видимость внешней безопасности и внутренней преемственности, отвечающей высокой культуре западной Европы [17].

Н.А. Нарочницкая в монографии «Россия и русские в мировой истории» анализирует дискутируемый вопрос с религиозно-философской точки зрения. В рамках этого подхода она трактует историю отношений нашей страны и внешнего мира как перманентный, крайне затратный и непродуктивный для нашего отечества конфликт православной России с Западом [18]. Рассмотрение ею в христианских понятиях вселенской дилеммы «Россия и Европа» объясняет путь России к катастрофам начала XX века и его конца. В их основе — тотальное отрицание Европой самостоятельного, прогрессивного развития России, внедрение в российское общество либеральных идей как инструмента внутреннего саморазрушения, неизменно поддерживаемого извне. «Поистине наша национальная катастрофа есть плод 200-летнего русского западничества», — утверждает автор [19].

Схожую по масштабам (и даже по названию), но совершенно иную по подходам, попытку осмыслить место России в мировой истории предпринимает американский исследователь М. По [20]. Его монография «Значение России в мировой истории» также прослеживает историческое развитие России в широком контексте от древних славян до современности. Автор стремится сформулировать на основе обзора русской историографии свое понимание российской уникальности, определиться в цивилизационной атрибуции России, решив извечный вопрос: догоняет ли Россия Запад или идет собственным путем? Суть авторской интерпретации поставленных проблем заключается в тезисе о том, что Россия — не Восток и не Запад и не их сплав. Россия — это Россия, самородок мировой цивилизации. Особенность России состоит в том, что она не впитала в себя ни основ государственности Европы, ни ценностей и культуры Востока. Россия шла своим путем, за счет сильной авторитарной власти и уникальной способности к самозащите избежав судьбу объекта европейской колониальной экспансии и глубокого влияния.

Анализ власти в России в контексте модернизационной и мобилизационной моделей развития предпринят Д.А. Андреевым и Г.А. Бордюговым [21]. Авторы приходят к мнению, что «режим

модернизации так и не привился в России за два с половиной века романовского царствования. Он продолжал оставаться для страны, возникшей и развивавшейся по принципиально иному цивилизационному пути, чужеродным и противоестественным. А, значит, и губительным» [22]. Актуализируя вопрос о предпочтительных моделях развития России в XXI веке, Д.А.Андреев и Г.А.Бордюгов отвергают как стагнационный вариант модернизации, так и ее классическую западную модель. По их мнению, стране требуется некий «новый строй», в котором народ как главный производитель энергии развития должен стать полноправным субъектом пространства власти [23].

Для западных исследователей базовой является теория «догоняющего развития». Она имеет глубокие и разветвленные корни. Еще А. Де Кюстин замечал: «Куда ни посмотри, Россия во всем отстала от Европы на четыре столетия» [24]. «Русская нация, позже других взошедшая на великую сцену мира, гением своим избрала подражательство, а орудием — подмастерье плотника!» [25]. Критикуя русскую цивилизацию, французский маркиз писал: «ничто в ней не вышло из почвы или из народа — прогресса не было, в один прекрасный день все ввезли из-за границы» [26]. А. Дж. Тойнби специально обращавшийся к истории взаимоотношений России и Запада [27], писал о неоднократных попытках России «догнать западную технологию», делающую броски вперед и оставляющую Россию позади [28]. В то же время, историк отдавал должное роли России в выработке модели взаимодействия незападных стран с Западом, отмечая, что Петр «на два с половиной столетия избавил мир от попадания в полную зависимость от Запада, научив его противостоять западной агрессии ее же собственным оружием. Султаны Селим III и Махмуд II, президент Мустафа Кемаль Ататюрк в Турции, Мехмед Али Паша в Египте, высшие государственные чиновники, совершившие вестернизацию Японии в 1860-х годах — все они, вольно или невольно, ступали по тропе, проложенной Петром Великим» [29].

Современные зарубежные исследователи продолжают опираться на эту традицию. Х.Рэгсдэйл в книге «Русская трагедия. Бремя истории» описывает особенности России как восточной цивилизации, европейской, но не западной по своей сути и проявлениям. Он прослеживает периодические попытки Российского государства в течение трех веков «догнать» Запад, но не стать западным. Автор показывает как проблема трансформации государства и общества пост-советской России в «нормальную» страну и сегодня сталкивается со старой дилеммой [30].

В работах Р.Пайпса доминирует взгляд на Россию как на страну замкнутой на себя политической культуры, неизменно воспроизводившей в веках свою архаику и не способной к самостоятельному инновационному развитию. Т.Шанин также приходит к выводу, что «в России шел процесс развития капитализма, уже свершившийся в Западной Европе, она находилась на несколько ступеней ниже на лестнице общественного прогресса» [31].

Тема «догоняющего развития» России затрагивается также в книгах Д.Хоскинга, В. Линкольна, Д. Роберсона, М. Раева, Д.Ле Донна, С. Диксона и других исследователей [32].

После распада советской империи идея «зависимого развития» [33], «догоняющего развития» стала активно внедряться в российские издания и массовое сознание. Согласно этой точке зрения, как было отмечено выше, Россия как цивилизационно менее продвинутый социум есть общество догоняющего развития. Модернизационные процессы в ней происходят позже, чем в европейских странах [34].

Ныне большинство авторов утверждает, что Россия принадлежит к числу государств «догоняющего» типа экономического развития, вступивших на путь современного индустриального роста позже ведущих стран Западной Европы и США. Экстенсивность, детерминированная исторически, не позволяет выдерживать конкуренцию со странами Запада по многим параметрам. На вызов конкурента Россия вынуждена давать ответ в форме форсированных модернизационных обновлений по западным технологическим образцам. Необходимый уровень достигается принудительной мобилизацией ресурсов, а для населения оборачивается понижением уровня жизни, ограничением свобод. Социальные издержки поддержания державного равновесия через некоторое время приво-

дят к спаду и очередному отставанию от западных стран. Возникает новый вызов, требующий нового адекватного ответа и очередных сверхнормальных усилий. В достаточно жестких условиях существования выживать, отстаивать суверенитет, обеспечивать развитие, сохранять территориальную целостность, экономическую независимость, удерживать регионы, развивать инфраструктуру при относительно высокозатратном и малопродуктивном земледелии помогать хозяйствующим крестьянам, поддерживать малоимущих, содействовать развитию национальных регионов — все это способна осуществлять только достаточно эффективная, жесткая государственная власть [35].

В сравнительно-историческом контексте российский абсолютизм и административные реформы в России в XVIII – XIX вв. исследовал А.Н.Медушевский (36). Исследователь отмечает, что радикальные реформы в России проводятся государством сверху с периодичностью примерно раз в полстолетия и направлены на модернизацию социальных отношений, управленческих структур, армии и в целом образа жизни по европейскому образцу [37]. Автор сравнивает петровские реформы с крупнейшими реформами того времени в других абсолютистских государствах Восточной Европы и Азии. Он признает, что «административные реформы Петра, воплощая в себе догоняющее развитие, модернизацию и европеизацию, выступали первыми в ряду подобных преобразований нового времени, обнаружив ряд устойчивых признаков, которые затем прослеживаются в реформах, проводимых в Пруссии, Австро-Венгрии, Турции, Египте, Японии, других государствах вплоть до нашего времени. Это наблюдение уже само по себе снимает вопрос о закономерности или случайности преобразовательной деятельности Петра. Переход от традиционной организации управления к рациональной, создание государственности нового типа явились объективным этапом общественного развития нового времени. Петровская реформа в этом отношении — важная веха в мировой истории, ибо она символизирует начало процесса модернизации и европеизации в мировом масштабе» [38]. Для А.М. Медушевского, таким образом, догоняющее развитие, модернизация и европеизация являлись доминирующей тенденцией русского национального развития XVIII – XIX вв.

В книге культуролога В. Хороса «Русская история в сравнительном освещении» [39] Россия вписана в общемировой процесс модернизации как страна второго эшелона. Автором сформулировано существенное противоречие российской модернизации: выборочное заимствование технических и организационных достижений на фоне ужесточения эксплуатации традиционными, добуржуазными методами. Автор обращается к процессам развития русской общественной мысли: становлению национального сознания, анализу смысла и роли России в новом для нее мире, стремительно утрачивающем привычные контуры. Заслуга автора как исследователя — вписывание народничества в традицию мирового популизма. Хорос фиксирует закономерный, типический характер возникновения подобных движений для стран запоздалой модернизации (40).

В капитальном двухтомнике Б.Н. Миронова, посвященном социальным трансформациям российского общества в период имперской истории, отражена суть России, находящейся в ловушке вечной дихотомии «русского» и «европейского» [41]. Один из спорных разделов книги затрагивает тему постоянных дебатов в России — отношения с Европой и уровень отставания в развитии от нее. По версии Миронова, Россия — «нормальная страна», начиная с XVIII в. она «развивалась по тем же направлениям, что и Запад, только с опозданием». Иными словами, Россия была и, возможно, остается отдаленной версией Европы: в России мы видим образ Европы, какой она была в прошлом [42].

Несмотря на широкое распространение концепции «догоняющего развития», некоторые исследователи скептически относятся к использованию термина «догонять» при характеристике общественных явлений. По мнению А.Б. Каменского, сам глагол «догонять» достаточно удобен для описания явлений в экономической сфере, где существуют конкретные цифровые показатели, но он гораздо менее пригоден, когда речь идет о социально-политических процессах. Представление, что Россия все время «догоняла» Европу, заставляет предполагать, что тот или иной момент ее исторического развития как государства соответствовал более раннему этапу в истории Западной Европы. Но такое предположение, как полагает историк, во-первых, не учитывает взаимовлияния народов,

которое даже в XV — XVII вв., и в особенности на территории Европы, было столь сильным, что вряд ли можно представить, чтобы в России могли возникать политические или социальные институты, попросту копирующие аналогичные институты европейских стран за несколько веков до того. Во-вторых, Россия в любой момент своей истории, несомненно, сочетала в себе как сугубо национальные черты, так и черты, делавшие ее похожей на ее соседей этого или предшествующего времени, черты общеевропейские. Причем в любой момент своей истории Российская империя, как система, сочетала в себе разнообразные элементы, аналоги которых можно обнаружить в истории стран и Востока, и Запада разных исторических периодов. Такое сочетание, по мнению Каменского, и делало исторический путь России на протяжении многих веков «особым» и «уникальным» [43].

Конкретный анализ взаимосвязи и взаимообогащения культур России и Франции в XVIII — XX вв. позволяет О.Б. Поляковой сделать вывод «о неверности получившей распространение концепции «догоняющего развития»». Для исследовательницы очевидно, что развитие экономики, политики и культуры в разных странах происходит неравномерно, в отдельных сферах одни страны могут обгонять другие — таково развитие мировой культуры. Однако общение позволяет быстро усваивать ее новые и даже новаторские элементы [44].

Следование концепции догоняющего развития сопряжено со скрытым комплексом неполноценности и вины — полагает А.С. Панарин. Эта вина перед собственной традицией, которую хотят дискредитировать, вина, связанная с несовершенством интерпретации чужого опыта. По его мнению, идея догоняющего развития оскорбляют достоинство незападных народов, ставя их в неравное положение перед лицом Истории. Согласно ей, «западные народы живут в истории собственной жизнью», а всем остальным предлагается жить чужой историей. «Чужая история, в отличие от прежних форм отчуждения, отчуждает не только нашу способность к труду, нашу социальную и экономическую перспективу», но сам наш способ бытия в мире. Незападные народы обрекаются либо на статус маргиналов и париев прогресса, либо на статус западников, с презрением относящихся к «туземной» истории [45].

Хочется продолжить данное направление мысли вопросом: разве социалистические преобразования в государстве, пришедшем на смену Российской империи по своей сути, идее и отчасти реализации не опережали развитие остального мира? Так стоит ли автоматически клеймить отсталостью всю российскую историю?

В последнее время наметилась тенденция менее тенденциозного и более взвешенного позиционирования России на исторической арене и в зарубежной историографии. Авторы сборника «Имперская Россия: новые истории для империи» заявляют новый подход к проблемам российской истории, отвергая традиционную посылку о различиях, разделяющих русских и европейцев. Большинство его участников расценивают сдвиги в российской политической теории и институтах в большей степени как примеры культурных пересечений, а не как заимствования из чужеродного источника [46]. Русские были включены в общеевропейский контекст в своих поисках лучших форм управления, культурных учреждений и прочего, внося свою лепту в общечеловеческую копилку цивилизационного опыта. Исследователи полагают Россию европейской абсолютной монархией, но отвергают шаблонную применимость к ней «западных» моделей (будь то английская, французская или германская) в качестве мерила успеха. Они расценивают Российскую империю как безусловно европейскую по своему имперскому и абсолютистскому статусу, и заостряют внимание на России как на одной из своеобразных европейских империй, которая обладала космополитичной элитой, многонациональными окраинами и очевидным разнообразием. Более того, авторы сборника отходят от стереотипных обвинений России в демократической отсталости. Например, большинством западных историков (а последнее время вслед за ними и отечественными) русская история клеймится за неразвитость институтов частной собственности и права. Однако почему, — вопрошает один из авторов сборника, С.Хох, экономическая система, обеспечивающая высокую степень выживаемости общества и ставящая определенные ограничения стремлению помещиков извлечь максимальную

прибыль, должна расцениваться как неправильная? Наклонность западных исследователей считать западные практики универсальными ценностными стандартами, препятствует пониманию успешности русского способа обеспечения материальных потребностей народа, — полагает автор [47].

Таким образом, обращение к ретроспективе показывает, что современные обществоведы активно развивают давно существующую в историографии традицию осмысления истории России и оценки путей ее развития в широком контексте ее взаимоотношений со странами, базирующимися на иных цивилизационных основаниях. Предпринятая попытка анализа принципиальных положений ряда трудов последних десятилетий, в некоторой степени отражающих один из срезов рассматриваемой историографии, приводит к констатации *двух основных позиций*. Первая сводится к тому, что историческое развитие России своеобразно и отлично как от западной, так и от восточной моделей (трактовка России как самородка, самобытного общества, особой социальной формы с собственным путем и набором возможностей). (Иронизируя над этой позицией, некоторые западные исследователи пишут, что «для русских исключительность их страны — это, по сути, религиозная догма» [48]). Адептами этих взглядов экзогенные факторы отечественного развития оцениваются неоднозначно: как вынужденные, но не всегда благотворные. Данный подход в большей степени свойственен патриотическому направлению отечественной историографии. Однако в последнее десятилетие и в западных публикациях наметилась тенденция рассматривать Россию как своеобразную европейскую монархию и при этом отвергать ее оценку только через призму соответствия западным моделям развития.

Согласно второй, Россия рассматривается как «развивающееся общество», отсталая версия «классического» капитализма (концепции «догоняющего развития», «зависимого развития», «развивающегося общества», «периферийной империи»). Исследователи, разделяющие такой подход, полагают, что внешнее участие в судьбе России способствует преодолению этого разрыва, а ее развитие ускоряется путем заимствования опыта других, прежде всего европейских, стран [49].

Таким образом, в современной историографии манифестируется дихотомия отношения к европейскому прогрессу и результатов его распространения на Россию, берущая свое начало в оппозиции интеллектуальной прослойки нового российского общества в начале XVIII в. и приверженцев старины, в спорах славянофилов и западников XIX столетия, в противостоянии официальной власти и диссидентов советской эпохи, патриотов и либералов наших дней. Общая позиция современных исследователей заключается в признании наличия мощного полюса цивилизации модернити, постоянно (на протяжении веков) и с большой силой влиявшего на развитие России, которая, обладая меньшим потенциалом, но большой «массой», вынуждена усиливаться за счет инфильтрации его элементов. Борьба «традиции» и «модернизации», таким образом, находит свое отражение в теоретической плоскости — в историографическом зеркале реальных процессов. При этом, как подметил А.Н. Медушевский, западническая ориентация преобладает в эпохи радикальных реформ, преобразований, модернизации традиционных устоев и, напротив, консервативно-националистическая (славянофильская) — в периоды относительно стабильного или даже застойного состояния общества. Западничество впервые четко проявилось в период реформ Петра I, во время преобразований Екатерины II, при Александре I и Александре II, в конце XIX — начале XX в., в 1990-е гг. [50].

Любая историческая эпоха есть результат ответа человеческого общества на те вызовы, которые ставит перед ним жизнь. Главным вызовом России со стороны Запада в XVIII — XX столетиях стала модернизация, понимаемая как комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций традиционного общества, происходивших в мире с XV в. и достигших своего апогея в XX в. в облике современности (modernity). Российские революции и застои, беды и победы являлись плодами перехода от традиционного, патриархального, сельского, аграрного общества к современному, индустриальному, городскому, демократическому. Значительная часть современных исследователей осмысливает отечественное развитие, мировой статус России и западное влияние на ее историю в контексте модернизации.

В литературе давно обсуждается проблема соотношения понятий «модернизация» и «вестернизация». В социологических теориях модернизации «классического» периода (1950–1960-х гг.) сам процесс перехода от традиционного к современному обществу рассматривался обыкновенно как «вестернизация» или «европеизация». В современных вариантах теории модернизации понятия модернизации и вестернизации были разведены; получили признание различные пути развития, в частности: вестернизации без модернизации, модернизации без вестернизации, догоняющей модернизации (С. Хантингтон). «Сторонники школы модернизации отказались от одностороннего представления о модернизации как о движении в сторону западных институтов и ценностей и пришли к убеждению о возможности собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно имеющих местную культурную окраску)» [51]. Хотя исследования по-прежнему фокусируются во многом на внутренние факторы модернизации, ученые не отрицают роли, которую играют внешние факторы в модификации процессов развития. Модернизация рассматривается современными исследователями скорее как эндогенно-экзогенный процесс. Подобное видение существенно отличается от классического, в рамках которого ученые анализировали преимущественно внутренние переменные, такие как социальные институты и культурные ценности [52].

Авторитетный исследователь модернизационных преобразований в России А.С. Сенявский, высказываясь по поводу сущности и форм современного развития, убежден, что «модернизация не равнозначна «вестернизации», то есть такого ее варианта, который навязывает цивилизации чуждые ей формы жизни и, что важнее и опаснее, ценности, подрывает цивилизационный генотип» [53].

Тем не менее, распространенным до сих пор является мнение, что «вестернизация» — это понятие, характеризующее развитие России с XVIII века в экономической, политической и культурной областях. Оно охватывает модернизацию технологии, развитие новых институтов и эффективную администрацию, распространение нового стиля жизни. Даже те, кто называет вестернизацию модернизацией или просто развитием, так или иначе, на том или ином отрезке исторического пути вынуждены признать, что речь идет, по существу, о всемирно-исторической победе Запада [54].

Достаточно подробно на этом вопросе остановился А.Н. Медушевский. Он отметил разнообразие трактовок понятия «европеизация» западными авторами и говорит о европеизации как о «частном случае» модернизации [55]. Медушевский разделяет позицию, что «поскольку в новое время в качестве эталона модернизации выступают передовые страны Западной Европы, данный процесс определяется и как «европеизация» [56]. Аналогичного мнения придерживается А.Б. Каменский: «применительно к России и, в частности, к России XVIII в., понятия «модернизация» и «европеизация» практически тождественны» [57]. Понимая вслед за С. Блэком, под модернизацией трансформацию традиционных институтов в ответ на разнообразные вызовы времени, А.Б. Каменский пишет, что побуждения к модернизации могут носить как внутренний, так и внешний характер. Для России внешние причины имели западноевропейское происхождение, и именно поэтому процесс модернизации в ней был по существу тождествен европеизации [58].

Есть и еще один взгляд на рассматриваемую проблему. Ряд исследователей полагает, что петровская вестернизация была ре-европеизацией, разворачивавшейся на базе древнерусской традиции общения с Европой IX — XII веков. После вынужденного монголо-татарским нашествием перерыва, ре-европеизация возобновилась задолго до преобразований Петра I, — еще в XVI в., — через инфильтрацию западных элементов через Польшу и Украину. Сама европеизация не означала иностранного доминирования, но была плодотворным стимулом дальнейшего развития, подобно воздействию итальянского и французского ренессанса на немецкую культурную историю [59].

Итак, части авторов в современной историографии близка мысль о том, что истинная модернизация есть наиболее полная вестернизация и интеграция в западный мир. В то же время, некоторые исследователи убеждены, что сведение политической модернизации России к вестернизации, простому заимствованию западных моделей политического развития, представление о политической модернизации как об импортировании новых социальных ролей и политических институтов, сфор-

мировавшихся в рамках западных демократий, является упрощением [60]. Такой подход, по мнению В.А. Кулинченко, А.В. Кулинченко, приводит к тому, что отечественные ученые тратят немало сил и времени на то, чтобы выяснить, почему у нас «не вполне получаются» демократические преобразования по западным моделям, в чем именно состоит наше «фатальное» отставание от Запада и как его преодолеть. Россия при этом ставится в ряд стран второй (если не третьей) волны модернизации, которая осуществляется под жестким контролем со стороны стран эталонов.

Труды второй группы авторов посвящены изучению конкретных направлений взаимодействия России с зарубежными странами, затрагивают вопросы перенимания опыта социально-политического, культурного и материально-технологического развития, рассматривают психологические особенности восприятия западных ценностей.

Многие годы широкий круг исследователей изучал различные конкретные аспекты взаимосвязей России с зарубежными странами. Примерами успешных результатов их трудов может служить серия сборников «Британский ежегодник», «Американский ежегодник», «Россия и Франция XVIII — XX века», публикации по истории русско-германских отношений.

К числу активно разрабатываемых в отечественной и зарубежной историографии относится тема русско-французских взаимоотношений [61]. За последние десятилетия вышли как общие работы, освещающие взаимосвязи России и Франции, так и труды, сконцентрированные на отдельных аспектах этих контактов. К числу первых относится монография П.П. Черкасова, посвященная проблемам становления русско-французских отношений в XVIII в., когда в результате петровских преобразований, Россия утвердилась в качестве европейской державы. Характер источников — автор изучал дипломатические архивы России и Франции — предопределил основное направление исследования: дипломатическую, политическую историю разворачивания соперничества и сотрудничества двух стран [62]. С.А. Мезин рассмотрел конкретный вопрос: возникновение и развитие в общественно-политической и исторической мысли Франции XVIII в. темы реформ Петра I и оценки его деятельности по европеизации России [63]. Сборник «Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII — XX вв.)» посвящен истории научных русско-французских и, шире, русско-европейских контактов в области общественных и гуманитарных наук в XVIII -XX вв. [64]

Взаимовлиянию культур России и Франции во второй четверти XIX — начале XX века посвящена содержательная статья О.Б. Поляковой [65].

Изучая конкретный вопрос — становление мостостроительной школы в России в XVIII -начале XIX в., — Д.Ю. Гузевич пришел к выводу, что за основу в создании русской инженерной транспортной школы был взят творчески переработанный опыт французской организации транспортного дела. Отечественная транспортная школа в целом в 1810-1820 гг. находилась под влиянием французской [66].

Обширнейшая литература посвящена истории немецко-русских контактов. Общеизвестна роль немецких ученых в организации первого русского университета и Российской Академии наук. Система образования, ремесла, новые производства, торговля, администрация, армия и военное дело — во всех этих областях выходцы из Германии сыграли выдающуюся роль. С середины XVIII в. и до конца монархии все русские царицы, за единственным исключением были немками; династия, по-прежнему носившая имя Романовых, после смерти Елизаветы Петровны стала Гольштейн-Готторпской. Количество немецких научных, технических и военных терминов, вообще слов немецкого происхождения в русском языке огромно. Немецкая философия, литература и музыка традиционно составляют неотъемлемую часть духовного багажа всякого культурного человека в нашей стране [67].

Британское влияние на модернизационные процессы в России исследуются в работах отечественных и зарубежных историков [68]. Различные вопросы из истории взаимоотношений наших государств обсуждаются на специальных конференциях. В 1996 г. Королевским обществом в Эдинбурге была организована конференция «Шотландия и российский флот», посвященная 300-летию отечественного флота. В 1997 г. университетом Данди была проведена конференция, посвященная

взаимоотношениям шотландцев и славян начиная с XVII в. [69]. В докладах, вписанных в широкий географический и модернизационный контекст рассматривается как и почему выходцы из Шотландии на протяжении столетий оказывали влияние на славянский мир и играли определенную роль в его истории. Тему шотландского влияния на Петра I и культурное развитие России в первой четверти XVIII в. рассматривал также П. Дьюкс [70].

Под редакцией С. Диксона и Э. Кросса в 1998 г. в Лондоне был издан сборник документов, посвященный 300-летию визита Петра Великого в Англию. Он отражает интенсивное развитие взаимосвязей в период с 1697 по 1725 гг. [71]. Профессор Кембриджского университета, член Британского королевского общества Э. Кросс — на обширном историческом материале всесторонне рассматривает русско-английские культурные связи в XVIII в. Автор рассказывает о россиянах, которые приезжали на берега Темзы, чтобы учиться у англичан новейшим приемам ведения сельского хозяйства, судостроения, наукам и об их попытках внедрения увиденного на родине [72].

В сборнике воспоминаний, очерков, статей и писем «Я берег покидал туманный Альбиона...» отражены впечатления от Англии русских писателей на протяжении трех веков (1646-1945 гг.). Размышляя на тему увиденного в «стране удивительного прогресса», наводили писателей на сопоставление русской и английской истории, и это сопоставление показывало, насколько Россия отставала от Европы [73].

Американское экономическое влияние на Россию, распространение американских технологических новинок в Российской империи XIX столетия находилось в центре внимания Ф. Карстенсена и П. Квина [74]. В книге Дж. Брэдли «Ружья для царя: американские технологии и производство огнестрельного оружия в России в XIX в.» [75] американский автор описывает как с помощью американского опыта царское правительство после Крымской войны 1853-56 гг. смогло наладить производство и экипировать армию боевыми винтовками ближнего боя.

Статьи сборника «Взаимодействие культур СССР и США. XVIII — XX вв.» отражают историю первых контактов русских с Америкой, с американской демократической мыслью и американской системой, показывают возникновение представлений об общности судеб исторического развития России и Америки [76]. Его авторы обсуждают проблему взаимодействия культур, придерживаясь, по сути, разных позиций. С одной стороны, высказывается мысль о том, что возможность взаимодействия культур весьма относительна. «Воспринимающая сторона не столько усваивает чужой опыт, сколько переделывает его на свой лад — в соответствии со своим историко-культурным опытом, со своей национальной психологией, со своим социально-экономическим и политическим устройством, в соответствии со своей идеологией. При этом не обходится без искажений, что порой рождает враждебность, конфликты» [77]. С другой стороны, анализируемая история русско-американских отношений знает много примеров конструктивного и плодотворного сотрудничества. Монография А.В. Павловской специально посвящена исследованию темы восприятия россиянами США и американской жизни второй половины XIX столетия [78].

Очень активно проблемы взаимодействия и взаимовлияния культур исследуются в Институте Российской истории РАН [79]. С 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН работает группа по изучению международных культурных связей. На ее основе был создан и успешно действует научный семинар по проблемам взаимовосприятия культур, в который входят, помимо основного состава группы, как исследователи из ИРИ РАН, так и представители различных научных учреждений России и зарубежные исследователи. В 1994-2000 гг. было проведено 7 ежегодных «круглых столов» на тему «Россия и внешний мир» [80]. На основе их материалов вышли два издания, соответственно «Россия и Европа в XIX—XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур» (М., 1996) и «Россия и внешний мир: диалог культур» (М., 1997), а также коллективная монография «Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в.» (М., 1998), получивших высокую оценку научной общественности [81]. Весомый вклад в историографию пред-

ставляет сборник «Россия и мировая цивилизация», в котором, в частности, рассмотрены различные вопросы реформ Петра I и Екатерины II в контексте европейской истории; шведского опыта в строительстве российской государственности; династических связей российского и европейских монархических домов [82]. Данные работы существенно восполняют пробел в историографии, на стыке истории, культурологии, социальной психологии исследуя проблему взаимодействия и взаимовосприятия культур на протяжении последних двух столетий.

Многие авторы обращались к рассмотрению самых разнообразных конкретных аспектов воздействия европейских государств на Россию [83]. В.А. Ковригина, основываясь на широком комплексе архивных источников, опубликованных документах и записках современников, предприняла попытку всестороннего изучения деятельности иностранцев — жителей Немецкой слободы Москвы в конце XVII — первой четверти XVIII в. — в мануфактурном, ремесленном производстве, в медицинском обеспечении, в области образования, в распространении новшеств в домашнем воспитании дворян, в развитии архитектуры и живописи [84].

Особо стоит остановиться на монографии К. Петерсона, посвященной одной из наиболее дискуссионных в историографии проблем — влиянию шведских административных институтов и шведского законодательства на созданную Петром новую систему управления страной. Автор детально анализирует перенос шведского административного и законодательного опыта на российскую почву, в том числе в период реформы центрального управления 1715-1722 г. и местной административной реформы 1719 г. [85]. Результаты исследования позволяют шведскому автору оспорить общепринятое среди советских историков мнение о «творческой переработке» шведских административных форм и правовых концепций. В результате тщательного сравнительного анализа с привлечением архивных источников К. Петерсон пришел к выводу, что влияние шведских образцов при проведении административной, в первую очередь, коллежской реформы было даже более сильным, чем считалось прежде. Это выразилось не только во внешней структуре учреждений, но и во внутренней организации их деятельности. Особенно значительным было влияние шведских образцов на формирование фискальных функций административных органов. Вместе с тем, Петерсон указывает, что, по всей видимости, система управления русской армией создавалась независимо от влияния шведских прототипов. Автор признает, что находившихся в его распоряжении источников было недостаточно для адекватного исследования данной проблемы [86].

Тема иностранного влияния на становление коллежской системы в России была также объектом внимания американского исследователя П. Петшауера. В статье «Философ и реформатор: царь Петр I, Г.Лейбниц и коллежская система» автор рассматривает германские интеллектуальные и правовые основы камералистской (коллежской) административной традиции [87]. По мнению исследователя, Лейбниц предложил царю очень многие идеи — от создания учреждения, отвечающего за науку и образование до экспедиции к Берингову проливу; он рекомендовал привлекать способных иностранцев; импортировать из-за рубежа то, что заслуживало внимания и т.д. Причем предложения Лейбница, как утверждает Петшауер, относятся к 1711 г., и историк опровергает первенство Г.Фика в идее введения коллегий в России [88].

В отечественной историографии Э.П. Федосова рассматривала историю переноса шведского административного опыта в Россию Петром I [89]. К сожалению, вышеуказанный труд нашего шведского коллеги исследовательницей не упоминается. Приводимые ей факты, тем не менее, также свидетельствуют об абсолютной значимости шведских ориентиров в коллежской реформе Петра I. О шведском, голландском влиянии на преобразования в России в эпоху Петра Великого писал Е.В. Анисимов [90].

Под руководством В.И. Бовыкина велись очень интересные исследования о роли иностранного предпринимательства и заграничных инвестиций в истории России [91]. Эта тема давно и остро дискутируется не только в ученом мире, но и в обществе. Еще в середине 1890-х гг. в связи с активизацией заграничных капиталовложений в российскую промышленность на страницах периодичес-

ких изданий живо обсуждались вопросы их целесообразности. Затем дискуссия о роли иностранного капитала разгорелась в 1920-е гг. между «национализаторами» и «денационализаторами». Идут споры по этому вопросу и в наше время. Книга очерков «Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России» освещает историю иностранного предпринимательства в России, его правовое регулирование, этапы и направления развития, организационные формы и масштабы прямых заграничных инвестиций в российскую экономику, роль иностранного капитала в хозяйственной жизни и индустриализации страны, его взаимоотношения с отечественным капиталом [92]. Отечественные историки не сомневаются в отставании России от передовых индустриальных стран, но предостерегают против того, чтобы представлять из России нетронутую самостоятельным промышленным развитием целину.

Тема иностранных заимствований как одно из направлений исторической лингвистики, традиционно привлекает внимание филологов и весьма популярна в современный период [93]. Основная тема книги В.М. Живова «Язык и культура в России XVIII века» — эволюция русского литературного языка в петровское время. Автор интерпретирует происходившие в XVIII веке изменения в языке как результат целенаправленной реформы. Она началась с пробразования азбуки и воплотилась в создании русского гражданского шрифта. Результатом «петровской языковой политики» стало возникновение нового литературного языка, который, по мысли Живова, «должен был стать средством выражения новой секулярной культуры, порвавшей с традиционными культурными ценностями» [94]. Интересны и размышления Живова о судьбе заимствований и европеизации в России. «Европеизация русской культуры оказывается не столько перенесением, сколько переосмыслением европейских моделей, причем в процессе этого переосмысления меняют свое содержание основные категории и структуры европейской мысли» [95], — полагает исследователь.

Фиксируя наличие исследовательского интереса к проблеме использования иностранного опыта в отечественной истории, можно констатировать, что он концентрируется преимущественно в двух далеко отстоящих друг от друга областях научного дискурса. С одной стороны, существует почтенная исследовательская традиция осмысливать взаимоотношения России и Европы в философских и культурологических категориях и теориях. С другой стороны, основательно «вспахано» поле исторической эмпирии: описаны контакты в конкретных отраслях взаимодействия. И лишь только в историографии последнего десятилетия появилась и развивается тенденция к изучению распространения инноваций с точки зрения включения России в контекст модернизационного развития. Это направление представляется очень перспективным, так как позволяет увидеть «европейские корни» многих современных российских явлений, оценить историческую динамику и результаты обращения к европейскому опыту модернизационного развития. Для плодотворной работы в данном направлении может быть весьма полезна давно существующая идея диффузии инноваций, распространения культурных кругов.

Перенос и диффузия важнейших инноваций из одной страны в другую является рабочей парадигмой теории модернизации. Модернизация рассматривается как система эпохальных нововведений, возникших на территории Западной Европы и распространившихся по всему миру. Доминирующими в этой связи выступают два аспекта: модернизация удовлетворяет в значительной степени тому, что считается универсальными материальными желаниями человека; и ее адаптация является обязательной для сохранения статуса независимости и положения среди государств современного мира. Такой подход является базовым для рассмотрения модернизационных процессов в незападных странах, применяясь, в частности, для анализа современных трансформаций в России, Китае, Японии, Иране и других странах неклассической модернизации [96].

Теория диффузионизма призвана способствовать уяснению роли и механизмов внедрения модернизационных инноваций в российскую социальную практику. Основой диффузионизма, возникшего в конце XIX в., послужила идея культурно доминирующих центров. В рамках школы диффузионизма сложилось несколько течений, наиболее важными из которых являлись историко-гео-

графическое направление (Э. Норденшельд, Р. Хайне-Гельдерн, К. Биркет-Смит; ставили в качестве своей задачи восстановление временной последовательности культурного развития на основе изучения распространения культур); учение о культурных кругах или культурно-историческая школа (Ф. Гребнер, В. Шмидт, В. Копперс; учение преемственно связано с антропогеографической теорией Ф. Ратцеля и с «культурно-морфологической» теорией Л. Фробениуса;); теория культурных ареалов (К.Уислер, Э.Сепир, К.Кребер; сторонники данного течения исходили из наличия тесной взаимосвязи между географической средой и развитием культуры); гелиолитическая школа (Г. Эллиот-Смит, У. Перри, У. Риверс; выводили культурное развитие из Древнего Египта) [97].

В 1962 г. в монографии «Диффузия инноваций» Э.М. Роджерс предложил теоретическую модель распространения нововведений [98].

Решающими моментами в процессе диффузии, по мнению Роджерса, являются: сама инновация (которая может быть идеей, практикой или объектом); каналы передачи инновации (устная коммуникация, средства массовой информации и т.д.); время, необходимое для выработки решения о принятии инновации индивидуумом или группой и скорость усвоения инновации; социальная система, членам которой предстоит усвоить инновацию.

Процесс заимствования нововведения по Э. Роджерсу состоит из следующих пяти стадий: 1) узнавание (получение информации о наличии инновации и ее функциях); 2) убеждение (формирование благоприятного отношения к новшествам); 3) решение о принятии нововведений (индивид оценивает применимость идеи к своему настоящему опыту и прогнозируемым ситуациям в будущем и принимает решение, стоит или не стоит подвергнуть данную идею практическому испытанию); 4) внедрение (стадия испытания инновации на практике, как правило, в небольшом масштабе, чтобы определить ее полезность); 5) усвоение (подтверждение принятия, основывающиеся на позитивных результатах). Важным элементом теории Э.Роджерса является понятие критической массы, под которой понимается точка во времени, когда достаточно индивидуумов усвоили инновацию.

Поскольку динамика усвоения инновации в значительной степени зависит от характеристик самой инновации, Э. Роджерс выделяет пять характеристик инновации, которые оказывают наибольшее влияние на темпы ее усвоения: 1) относительное преимущество указывает на степень превосходства инновации в сравнении с идеями и продуктами, которые ей предстоит заместить. Данная характеристика определяется такими параметрами, как эффективность, стоимость, новизна, ощутимая выгода; 2) совместимость — степень согласованности инновации с принятыми ценностями, опытом, потребностями реципиента; 3) сложность определяется степенью трудностей в усвоении и использовании инновации; 4) испытуемость — степень, в которой инновация может быть опробована в ограниченном масштабе. Преимуществом для инновации считается возможность ее предварительного испытания; 5) очевидность означает видимость эффективного результата принятия инновации для окружающих.

Э.Роджерс также выделяет три типа принятия решений по поводу усвоения инновации: 1) опциональный, когда индивидуум или организация имеет реальную возможность выбора в вопросе принятия или непринятия инновации; 2) коллективный, когда большинство членов сообщества должно убедиться в необходимости принятия инновации; 3) авторитарный, когда решение о принятии инновации навязывается другим лицом или организацией, обладающими необходимой властью, положением или техническими знаниями.

Различные категории общества, выражающие свое отношение к инновации могут быть определены как: 1) новаторы (которым свойственны предприимчивость и риск); 2) авторитетные адепты инноваций — те, кто сразу принял нововведения; 3) осторожное и осмотрительное большинство, принявшее нововведения на раннем этапе внедрения; 4) скептическое большинство, подключившееся к принятию инновации позже; 5) отстающие (традиционалисты).

Применительно к процессу модернизации Гур Офер выделяет несколько факторов, от которых зависит процесс диффузии фундаментальных инноваций и степень его успешности: 1. Состояние

развития и уровень инновации на момент диффузии; 2. Статические и динамические условия (иными словами, предпосылки; как социально-экономические, так и морально-психологические, в том числе, готовность к восприятию внешних заимствований), способствующие абсорбции новой технологии; 3. Необходимость догнать «лидеров модернизации». При этом, чем больше разрыв между лидерами и стартовавшими позже, тем более кардинальные меры требуются для прорыва, что зачастую приводит к неравномерности и частичности модернизации; 4. Наконец, диффузия модернизации может осуществляться разными путями (иностранные инвестиции, импорт заводов и оборудования, приобретение чертежей, обучение кадров) [99].

На примере различных социальных групп разных стран Э.Уоллес рассматривает три базовых процесса, посредством которых технологическая инновация встраивается в существующую культуру. 1. Отторжение, в тех ситуациях, когда все заинтересованные группы удовлетворены существующей технологией и отвергают очевидно превосходящие инновации поскольку они вызовут нежелательные перемены в технологиях и идеологии; 2. Принятие, в тех ситуациях, когда новая технология принимается всеми, поскольку она может выполнять те же социальные и идеологические функции, что и худшая или неэффективная традиционная технология; 3. наиболее часто в сложных обществах — конфликт по поводу принятия или отторжения в тех случаях, когда новая технология, поддерживаемая одной группой, поскольку ее внедрение отвечает их интересам, отвергается другой группой, которая воспринимает ее как угрозу собственному благосостоянию [100].

В отечественной историографии методологическую схему анализа диалога культур предложил Ю.М. Лотман в работе «Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении» [101]. Он полагал, что развитие этнической культуры есть непременное сочетание внутренних механизмов развития и внешних «влияний». При этом по отношению к культуре-донору в случае навязывания ею позиции доминирования зачастую нарастает неприязнь со стороны культуры-реципиента.

Взгляды диффузионистов подвергались серьезной и часто справедливой критике, но при этом нельзя отрицать в этой теории рационального звена: элементы материальной и духовной культуры народа неизбежно распространяются за пределы ареала его расселения и оказывают влияние на жизнь соседей. Пока дело касается второстепенных вещей, то такого рода «культурный обмен» является частным достоянием, обогащающим личность и общество. Однако интродукция новейших изобретений, социальных, военных, культурных и иных технологий, созданных в странах-лидерах мирового прогресса, в соответствующую практику иных государств, открывает путь крупным переменам, дает шанс интенсивного развития и реальной конкуренции за место в мире. Признавая огромную роль диффузии в процессе социальных изменений, современные исследователи исходят из того, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той средой, которая выступает их реципиентом, возможны случаи традиционалистской реакции и отторжения внешних заимствований спустя некоторое время после их внедрения [102].

Возможность использования в изучении истории России диффузионистского подхода, и в частности, теории «культурных кругов» была рассмотрена в статье В.В. Алексеева, С.А. Нефедова, И.В. Побережникова [103], в которой анализируются диффузионные волны X – XVI веков. Диффузионистская трактовка истории Московской Руси конца XV–XVI вв. предложена в статье С.А. Нефедова, опубликованной в журнале «Вопросы истории» [104]. Проведен также первоначальный анализ реформ середины XVII с точки зрения внешних заимствований [105]. Отдельные аспекты диффузионистского подхода рассматривались в работах Е.В. Алексеевой [106].

«Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса» и повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям, — отмечает И.В. Побережников [107]. В этом контексте представляется важным подчеркнуть, что, с позиций мировой цивилизации, привнесение новаций извне

в собственную культуру не может иметь a priori негативного значения, так как всегда обогащает ее. Заимствованное явление переносится в новый контекст — поэтому возникший в результате взаимодействия симбиоз всегда делает мировую культуру богаче. Время показало, что только преобразуя свой вековой уклад в соответствии с военно-технологическими, экономическими, социально-культурными требованиями новой эпохи (то есть, живо реагируя на новейшие тенденции европейского развития), Россия смогла сохранить свой суверенитет, подняться на уровень ключевых держав современности, стать империей. В то же время, неизменно актуальна конкретная оценка значения и роли внешних заимствований в развитии страны. И сегодня, в начале XXI столетия, дискуссия о месте России между Востоком и Западом продолжается. В современном тревожном мире Россия продолжает мучительно искать пути своего дальнейшего развития. Серьезную помощь в этом поиске может оказать осмысление богатейшего опыта, накопленного российской общественной мыслью и нашей историей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эйдельман Н.Я. Твой XVIII век. М., 1986. Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988.
2. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1986; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1998; Юхт А.И. Денежная реформа Петра I // Вопросы истории. 1994, №3.
3. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С.13.
4. Водарский Я.Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. №6. С. 77.
5. Shanin T. Russia as a «Developing Society». The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Vol.I. London, 1985. P.XI.
6. Ibid. P.183.
7. Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2003. С.348.
8. Там же. С.218.
9. Там же. С.237.
10. Там же. С.255, 300-302, 326.
11. Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 2003; Он же: Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000.
12. Уткин А.И. Вызов Запада ... С.5.
13. Там же. С.98.
14. Там же. С.97.
15. Там же. С.103.
16. Там же. С.103.
17. Laue Von Theodore H. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective; New York, Oxford.1987. P.43.
18. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003.
19. Там же. С.520.
20. Poe M.T. The Russian Moment in World History. Princeton — Oxford, 2003.
21. Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство российской власти: в поисках оптимальной формулы // Свободная мысль — XXI. 2004. №3. С. 13-32.
22. Там же. С. 22.
23. Там же. С. 31-32.
24. Кюстин де А. Россия в 1839 году. Т.1. М., 2000. С. 120.
25. Там же. С. 421.
26. Там же. С. 281.
27. Тойнби А. Дж. Россия и Запад // Цивилизация перед судом истории. СПб., 1996.

28. Там же. С.158.
29. Там же. С.158-159.
30. Ragsdale H. The Russian Tragedy. The Burden of History. N.- Y., London, 1996.
31. Shanin T. Russia as a «Developing Society». The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Vol.I. London, 1985. P.123.
32. Хоскинг Д. Россия: народ и империя. 1552-1917. Смоленск, 2000; Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М., 2000; Lincoln W.B. The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. Illinois, 1990; Roberson J.R. Transforming Russia: 1682 to 1991. N.Y.: Atheneum, 1992; Raeff M. Peter the Great Changes Russia. L., 1972; Donne, Le J. The Russian Empire and the World, 1700-1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. N.-Y., Oxford. 1997; Dixon S. The Modernization of Russia. 1676-1825. Cambridge, 1999; Modernization and Revolution: Dilemmas of Progress in Late Imperial Russia: Essays in Honor of A.P. Mendel / Ed.: E.H. Judge. N.Y., 1992.
33. Shanin T. Russia as a «Developing Society». The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Vol.I. London, 1985.
34. Россия в начале XX в. М., 2002. С.168.
35. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000. С. 109.
36. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994; Он же. Административные реформы в России XVIII – XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. Научно-аналитический обзор. М., 1990; Он же. Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе // Вестник высшей школы. 1990. №2.
37. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С.48.
38. Медушевский А.Н. Реформы Петра I и судьбы России: научно-аналитический обзор. М., 1994. С.77-78.
39. Хорос В. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.
40. Яковенко И.Г. Свежий взгляд на историю // ОНС. 1999. №1. С.111.
41. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. т.1; т. 2.
42. Там же. Т. 2. СПб., 1999. С.291-304.
43. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С.48.
44. Полякова О.Б. Взаимовлияние культур России и Франции во второй половинеXIX — начале XX века // Россия и Франция XVIII – XX века. Вып. 4. М., 2001. С.204.
45. Философия истории. Под редакцией д.ф.н., профессора А.С.Панарина. М., 1999. С.19.
46. Imperial Russia: New Histories for the Empire / Ed. by Burbank J., Ransel D. Bloomington, 1998.
47. Hoch S. The Serf Economy, the Peasant Family, and the Social Order // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Ed. by Burbank J., Ransel D. Bloomington, 1998.
48. Lieven D. Dilemmas of Empire 1850-1918. Power, Territory, Identity // Journal of Contemporary History. 1999. Vol. 34. P. 164.
49. Shanin T. Russia as a «Developing Society». The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Vol.I. London, 1985; Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994; Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2003; Уткин А.И. Вызов Запада и ответ

России. М., 2003; Он же: Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000; Laue Von Theodore H. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective; New York, Oxford.1987; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. т.1; т. 2; Хорос В. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996 и др.

50. Медушевский А.Н. Реформы и контрреформы в истории России XVIII – XIX вв. // Вестник высшей школы. 1990. №4. С. 67.
51. Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С.236.
52. Там же. С.243-244.
53. Сенявский А.С. Цивилизационный подход в изучении Российской истории XX века: некоторые теоретико-методологические аспекты // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 566.
54. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000.С.33.
55. Баггер Х. Реформы Петра Великого: обзор исследований. М., 1985. С.183.
56. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С.47.
57. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С.41.
58. Там же. С.42.
59. Rauch von G. Political Preconditions for East-West Cultural Relations in the XVIII Century // Canadian-American Slavic Studies. Special Issue. Russia and the West in the XVIII Century. 1979. Vol.13. #4.
60. Кулинченко В.А., Кулинченко А.В. О духовно-культурных основаниях модернизации России // Полис. 2003. №2. С. 150.
61. Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.). Сб. науч. ст. СПб., 1995; Россия и Франция XVIII – XX вв. вып.1. М., 1995, Вып.2. М., 1998; Вып. 4. М., 2001; Kraatz A. La Compagnie francaise de Russie. Histoire du commerce franco-russe aux XVII et XVIII siecles. Paris. 1993; Журнал «Родина». №8. 2002. Специальный выпуск. Россия и Наполеон; Герра Р. Они унесли с собой Россию...: Русские эмигранты-писатели и художники во Франции: 1920-1970. СПб., 2003; Черкасов П.П. Двуглавый орел и Королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700-1775. М., 1995; Pingaud L. Les Francais en Russie et les Russes en France. Paris, 1886; Veuclin E.V. L'amitie franco-russe, ses origins. La genie francais et la Russie sous Pierre le Grand, Catherine I et Elizabeth. Documents inedits. Brionne, 1896; Haumant E. La culture francaise en Russie (1700-1900). Paris, 1910; La France et la Russie au siecle des Lumieres. Relations culturelles et artistiques de la France et la Russie au XVIII siecles. Paris, 1986.
62. Черкасов П.П. Двуглавый орел и Королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700-1775. М., 1995.
63. Мезин С.А. Взгляд из Европы. Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.
64. Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII – XX вв.). М., 2002.
65. Полякова О.Б. Взаимовлияние культур России и Франции во второй половине XIX — начале XX века // Россия и Франция XVIII – XX века. Вып. 4. М., 2001.
66. Гузевич Д.Ю. Становление мостостроительной школы в XVIII — второй четверти XIX вв. и проблемы сохранения и использования ее наследия (история техники мостостроения в России). Автореферат дис. на соиск. уч. ст. к.тех. наук. Л., 1990.
67. Немцы в России: люди и судьбы. СПб., 1998; Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999; Немцы в России: проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998;

Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000; Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998; Немцы в России: три века научного сотрудничества. *СПб., 2003; Немцы России на рубеже веков: история, современное состояние, перспективы.* Материалы международной научно-практической конференции. Оренбург. 2000; Немцы на Урале и в Сибири (XVI-XX вв.). Материалы научной конференции «Германия-Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI-XX вв.». Екатеринбург, 2001; Дмитриев М.В., Пушкарева Н.Л. Русские и немцы: представления друг о друге // *Вопросы истории.* 1991. №6; Остроух И.Г., Шервуд Е.А. Немцы в России. // Этнографическое обозрение. 1993. №3; Русские императоры, немецкие принцессы. Династические связи, человеческие судьбы. М., 2002; Шилов С.П. Немецкие фирмы на судостроительном рынке России перед первой мировой войной. // Вопросы истории. 2001. №3. С. 110-121; Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М., 2000; Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII – XX вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991; Дякин В.С. Германские капиталы в России. Л., 1971; Журнал «Родина». №10. 2002. Специальный выпуск. Россия и Германия. XX век; Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торг. отношения в конце XIX в. – 1914 г.) М., 1996; Александр Гумбольт и исследования Урала. Материалы российско-германской конференции. 20-21 июня 2002 г. Екатеринбург, 2002; Губкина Н.В. Немецкий музыкальный театр в Петербурге в первой трети XIX в. СПб., 2003; Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России — ее настоящем, прошлом, будущем. М., 2003; Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М., 2002; Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга: Немецкий дух. СПб., 2003; Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX — начало XX вв. Барнаул, 2003; Martin M. Maria Feodorovna en son temps (1759-1828). Contribution a l'histoire de la Russia et de l'Europe. Paris, 2003.

68. Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVIII веке. Вып. 1. М. 1994; Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996; Третькова С.Н. Английский писатель-путешественник Стефан Грэхем о России начала XX века. // Вопросы истории. №11. 2002. С.156-160; Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М., 1982; Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. М., 1996; Кудрякова Е. Б. Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами // М.: ИНИОН РАН, 1995; «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646-1945. М., 2001; Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI – XVIII вв. Ярославль. Верхне-Волжское кн. изд-во. 1992; Neilson K. Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia. 1894-1917. Oxford. 1995; Scotland and the Slavs: Cultures in Contact (1500-2000). Ed. M.Cornwall, M.Frame. Newtonville. MA; St.Petersburg, 2001; Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) // Литературное наследство. М., 1982. Т.91; Британия и Россия. М., 1997; Завьялова Л.В. Петербургский Английский клуб, 1770-1918: Очерки истории.СПб.,2004; Россия-Британия. М., 2003.

69. Доклады участников этих конференций опубликованы в книге «Scotland and the Slavs. Cultures in Contact. 1500-2000. /Ed. by M.Cornwall and M.Frame. Newtonville, St.-Petersburg, 2001.

70. Dukes P. Some Aberdenian Influences on the Early Russian Enlightenment // Canadian-American Slavic Studies. Special Issue. Russia and the West in the XVIII Century. 1979. Vol.13. #4. P.436-451.

71. Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. Translated and edited by S.Dixon and A.Cross. London, 1998.

72. Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. М., 1996.

73. «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646-1945. М., 2001

74. America through Russian Eyes. 1874–1926. New Haven; L., 1988; Carstensen F.V. American Enterprise in Foreign Markets: Studies of Singer and International Harvester

Company in Imperial Russia. Chapel Hill, 1984; Queen G.S. The United States and the Material Advance in Russia, 1881–1906. N.-Y., 1976.

75. Bradley J. Guns for the Tsar. American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth — Century Russia. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1990.
76. Взаимодействие культур России и США XVIII – XX вв. М., 1987.
77. Там же.
78. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия глазами американцев 1850-1880-е годы. М., 1998.
79. Диалог культур. Россия и внешний мир. (Диалектика взаимовосприятия). М., 1998; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в советском обществе. М., 1998; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX вв. М., 1998; Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815-1829 гг. М., 1998; Петров Ю.А., Семин А.А. Немцы Москвы. Исторический вклад в культуру столицы. М., 1998; Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад: век XIX. М., 1999; Россия и мировая цивилизация М., 2000; Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. М., 2000; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002; Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002.
80. Отчеты см.: Отечественная история. 1995. №3; Там же. 1998 №3; Там же. 1999. № 1,6.
81. Рецензии см.: Отечественная история. 1998. №5; 1999. №6.
82. Россия и мировая цивилизация. М., 2000.
83. Андросов С.О. Русские заказчики и итальянские художники в XVIII в. СПб., 2003; Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986; Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997; История России и Запад // Образ России: русская культура в мировом контексте. М., 1998. Гл.1. Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX — XX вв. А.Н.Сахаров, Ю.С.Борисов, А.В.Голубев; Медушевский А.Н. Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе // Вестник высшей школы. 1990. №2; Россия и мировой бизнес: дела и судьбы: Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель. М., 1996; Россия, Запад и Восток: История взаимоотношений: Материалы 29-й Всероссийской заочной научной конференции 1998 г. СПб., 2003; Чеснокова А. Иностранцы и их потомки в Петербурге. Немцы. Французы. Британцы. 1703-1917. Историко-краеведческие очерки. СПб., 2003; Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург: главы из истории шведов на берегах Невы. Стокгольм, СПб., 2003.
84. Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII века. М., 1997.
85. Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979.
86. Ibid.
87. Petschauer P. The Philosopher and the Reformer: Tsar Peter I, G.W.Leibnitz and the College System // Canadian-American Slavic Studies. Special Issue. Russia and the West in the XVIII Century. 1979. Vol.13. #4.
88. Ibid. P.477-478.
89. Федосова Э.П. Из истории российской государственности (Шведский опыт). // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С.185-195.
90. Анисимов Е.В. «Шведская модель с русской особостью» // Звезда. 1995. №1; Он же. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. Часть 2; Он же. На голландский манир. Родина. №3, 2003 и др.
91. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М., 1997.

92. По теме экономического влияния на Россию см. также: Европа и Россия: опыт экономических преобразований. М.,1996; Красильщиков В., Зиборов Г., Рябов А. Модернизация России (мировой опыт и наши перспективы) // Кентавр. 1992. № 5–6; Россия и мировой бизнес: дела и судьбы: Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель. М., 1996; Чеснокова А. Иностранцы и их потомки в Петербурге. Немцы. Французы. Британцы. 1703–1917. Историко-краеведческие очерки. СПб., 2003.
93. Смирнов Н. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910. СПб. ОРЯС. Т.88. №2; Горяев Н. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2. Тифлис, 1896; Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Вып. 1-14. М., 1910-1918; Соболевский А.И. Заимствованные слова в русском языке. (Литографированный курс лекций). СПб., Приблизительно 1901; Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд.4, М., 1907; Черных П.Я. Очерки русской исторической лексикологии. М., 1956; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. СПб., 1996; Большой словарь иностранных слов в русском языке. М., 1998. 784 с.; Hellie R. Russian Clothing and its International Context: 1600-1725 // Древнерусская культура в мировом контексте. Археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. М., 1999. С. 284-302.
94. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 90-91.
95. Там же. С. 65.
96. The Modernization of Japan and Russia. A Comparative Study. N.Y., 1975; Gur Ofer. The Modernization of Russia and China // Patterns of Modernity. Vol.II. Beyond the West. Ed. by. S.Eisenstadt. N.Y., 1987; Yasusuke Murakami. The Case of Japan // Patterns of Modernity. Vol.II. Beyond the West. Ed. by. S.Eisenstadt. N.-Y., 1987; McDaniel T. Autocracy, modernization and revolution in Russia and Iran. Princeton, 1991.
97. Обстоятельное изложение истории диффузионистских идей см.: Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976; Артановский. С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967; См. также: Левин М.Г., Токарев С.А. Культурно-историческая школа на новом этапе // Советская этнография», 1953, № 4; Токарев С.А. Венская школа этнографии // Вестник истории мировой культуры, 1958, № 3; http://www/countries.ru/library/ideas/tck.htm; Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) //Уральский исторический вестник. 2000. №5-6.
98. Rogers E. M. Diffusion of innovations (4th ed). N.-Y., 1995.
99. Gur Ofer. The Modernization of Russia and China // Patterns of Modernity. Vol.II. Beyond the West. Ed. by. S.Eisenstadt. N.-Y., 1987. P.37-38.
100. Wallace A. Technology in Culture: The Meaning of Cultural Fit // Science in Context. 1995. Vol.8. №2, pp.293-324.
101. Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь / Отв. ред. Г.К.Вагнер. М., 1989.
102. Побережников И.В. Социальное изменение в теоретических проекциях // Уральский исторический вестник. №7. 2001. С. 63.
103. Алексеев В.В., Нефедов С.А, Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии // Уральский исторический вестник. № 5-6. Екатеринбург. 2000. С. 152-184.
104. Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 30-53.
105. Он же: Реформы середины XVII века: попытка модернизации России по голландскому образцу // Западноевропейские специалисты в России XV-XVII веков. М., 2002. С. 40-43. Он же: Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века.// Вопросы истории. 2004. №4.

106. Алексеева Е.В. Россия и Запад: проблемы общения и взаимодействия культур. Учебно-методический комплекс. Екатеринбург, 2003; Она же: Европейские ориентиры государственных преобразований в Российской империи // Теория, методология и методика изучения и преподавания историко-юридических наук. Вып.2. Екатеринбург, 2003. С.5-15.

107. Побережников И.В. Социальное изменение в теоретических проекциях // Уральский исторический вестник. №7. 2001. С. 62.

EXOGENOUS FACTORS AND DIFFUSION MECHANISMS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN EMPIRE: HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS

The author reviews an extensive and versatile complex of modern historical literature (both home and foreign) reflecting the relations between the Russian Empire and the West. It is fixed that the research interest to the issues of westernization and its role in Russian history focuses on two separate fields of scientific discourse: those of philosophy and concrete history. Only historiography of the last decade witnessed the trend toward the research of the diffusion of innovations from the standpoint of Russia's participation in the process of global modernization. This trend appears rather perspective because it offers a possibility to find «the European roots» of many present Russian phenomena, to trace their historical dynamics and to assess the results of Russia's call to the European experience of modernization.

E.V. Alexeyeva

Е. Г. Неклюдов

Государство и уральские заводчики: формы «нехозяйственного» управления горнозаводскими округами Урала в первой половине XIX века*

Одним из существенных способов влияния государства на развитие частной горнозаводской промышленности Урала в первой половине XIX в. оказалось так называемое «нехозяйственное» (в отличие от «хозяйственного» или хозяйского) управление горнозаводскими округами, при котором владельцы полностью или частично отстранялись властями от управления. Оно являлось многовариантной санкцией казны против «нерадивых» заводчиков, накопивших недоимки по горным податям, казенным или частным займам, не вовремя снабжавших заводы оборотным капиталом и пр.

В конце XVIII в. по отношению к должникам использовались в основном штрафные санкции, установленные по указам от 5 марта 1772 г. (за невзнос в срок десятины начислялось по 6 % в год) и 10 сентября 1784 г. (взыскание штрафа стало осуществляться «с расчетом»: за первый год просроч-

* Исследование выполнено при поддержке при поддержке РГНФ–Урал; грант № 04-01-83111 а/У.

ки — по 6 %, а за последующее время еще по 6 % «на ту сумму, какая по день последнего платежа причитаться будет») [1]. Но они оказались недостаточно эффективными.

Поэтому по указу от 19 мая 1813 г. санкции были существенно расширены: 6-процентная пеня сохранялась, но в тех случаях, «где мера сия окажется недействительною», заводским исправникам предписывалось «секвестровать из наличных или находящихся в разных местах металлов и изделий, неисправному заводу принадлежащих, такое количество, какое на выручку податей и пени достаточно быть может, предоставляя самому содержателю завода продажу оных за наличные деньги». Если секвестрованных металлов не хватало на уплату недоимок, то закон предусматривал продажу заводов «с публичного торга без всякого отлагательства». В этом случае недоимки взимались из вырученных от продажи денег [2].

Последняя мера вытекала из сенатского указа от 26 мая 1809 г., установившего санкции властей против заводовладельцев по более широкому кругу причин (казенные долги по ссудам и залогам, частные долги). Заводы, «на которых ненадлежаще поступается, отчего пришли они в упадок и недействие, а с тем купно и владельцы впали в долги казенные и партикулярные, не имея на заплату оных других имений», по этому указу назначались «к публичной продаже... на удовлетворение кредиторов». Но в случае, если завод находился «не в упадке, а в полном действии», его нельзя было подвергать продаже за долги владельца, а надлежало брать в опеку и выплачивать долги «из доходов заводских» [3]. До указа от 21 мая 1801 г. опека иногда использовалось властью в качестве «предупредительной меры» над «расточительными» владельцами из дворян и по их просьбе. Но с того времени подобные опеки отменялись, сохраняясь только «над имуществом и личностью» малолетних или недееспособных дворян (для купцов, мещан и разночинцев действовали сиротские суды) или над имениями до признания законных наследников, как то полагалось по общим гражданским законам [4].

Указ 1809 г. вновь допускал учреждение опеки над задолжавшими владельцами (если владельцев было несколько, то в опеку бралась только та часть, которая принадлежала должнику), причем независимо от их желания, сословной принадлежности и статуса заводов (посессионные или владельческие). В этом случае местные (уездные или губернские) дворянские опеки назначали, как правило, двух опекунов, которые брали на себя управление имением за фиксированную долю прибыли (5 %) и обязаны были сами изыскивать средства «на заводское действие». Владелец устранялся «от собирания и пользования доходами», которые поступали на уплату недоимок, и ему даже запрещался въезд в «просроченное имение» [5]. По указу от 11 ноября 1836 г. в тех случаях, когда на подвергшихся опеке заводах «состояли горные недоимки или какие-либо задолжения из сумм горного ведомства», в состав опекунского управления по распоряжению горного начальства «отряжались» горные чиновники. Если же заводы состояли в залоге «банковых установлений», то и от них назначался делегат или его обязанности возлагались на горных чиновников [6]. По указам от 16 января 1836 г. и 26 ноября 1840 г. опека над владельческими заводами могла быть введена и «в случае справедливых жалоб рабочих людей на недостаточное и стеснительное содержание» [7].

Разновидностью опекунского управления являлось попечительство, устанавливавшееся в исключительных случаях по просьбе самого владельца и с разрешения императора. Так же, как и при опеке, владелец удалялся от управления, но назначение попечителей согласовывалось с ним. Попечительство принимало на себя «управление и распоряжение всем без изъятия имением» владельцев «непосредственно и без их участия» за особо установленную долю дохода в пользу попечителей и владельцев, но без права заклада и продажи заводов. За частные долги заводы, как правило, попадали «под запрещение» (владелец не мог совершать продажи, залоги и прочие действия, связанные с правом владения), но могло быть учреждено и так называемое «конкурсное» или «кредиторское» управление, составлявшееся из кредиторов обанкротившегося владельца. По утвержденному 12 ноября 1830 г. «мнению» Государственного Совета, конкурсы получили право продавать заложенные в банке имения должника [8].

Еще одной «обеспечительной мерой» являлся казенный присмотр над заводами, который (в соответствии с проектом инструкции 1858 г.) устанавливался в четырех случаях [9]. Первый был связан

с предоставлением заводам ссуд Горного правления. По указу от 19 мая 1813 г. заводчики могли получить оттуда денежное «вспоможение» (установленное в размере не более 25 тыс. руб. асс. или 7,5 тыс. руб. в пересчете на серебро) на срок до трех лет. По указу от 20 сентября 1825 г. им могли передаваться также суммы, остающиеся «за удовлетворением нужд непременных работников». «Для обеспечения таковой ссуды» следовало секвестровать «готовосделанные металлы». Но если «по каким-либо обстоятельствам» просроченная ссуда не могла быть обеспечена металлами, то «для предупреждения неприятностей... и для соблюдения казенного дохода» учреждался казенный присмотр, как правило, в лице того же заводского исправника или назначенного горного чиновника. Присмотру поручалось «без стеснения управляющих в хозяйственных их распоряжениях наблюдать, чтобы полученные ими всевозможные суммы были бы ни на что другое употреблены как на горное и заводское производство и на заготовление нужных для того припасов и провианта и чтобы металлы при заводах сих, таковым способом получаемые, и изделия из них были выпущены в продажу не иначе как с ведома и позволения Горного правления, а вырученные за них под его же присмотром деньги обращались на продолжение действия заводов и уплату задолженной суммы от казны». Казенный присмотр действовал, «доколе выданная на вспоможение сумма не будет уплачена» [10].

Два других случая предполагали задержку выплаты ипотечных или подтоварных ссуд из «кредитных установлений». Долгосрочные ссуды (от 5 до 37 лет) под залог заводов и крепостных с 1787 по 1812 и с 1823 г. предоставляли Государственный Заемный банк и с 1772 г. — сохранные казны Московского и Петербургского воспитательных домов по решению их Опекунских советов (с 1824 г. — только владельческим заводам). Этими «кредитными установлениями» допускались также перезалоги имений «по числу прибыльх ревизских душ». В 1798 г. ипотечные ссуды на 25 лет выдавал Дворянский Вспомогательный банк из расчета дохода с имения. Краткосрочные ссуды под залог металлов с 1817 г. предоставлял Государственный Коммерческий банк. Уральские заводчики стали активно пользоваться его помощью после открытия по предложению герцога М. Лейхтенбергского 31 января 1847 г. Екатеринбургской конторы банка, созданной специально для «поддержания заводчиков пособием от правительства» [11]. «Высочайшим» указом от 1 сентября 1859 г. производство ссуд из кредитных учреждений под залог недвижимого имущества было прекращено, а из Государственного казначейства ссуды производились «только в крайних случаях по уважению потерь от пожаров, наводнений и тому подобных бедствий» [12]. На основании банковских правил по уведомлению о просрочке министр финансов отдавал распоряжение об установлении казенного присмотра со стороны Горного правления [13].

В соответствии с указом от 26 ноября 1840 г. казенный присмотр устанавливался на посессионных заводах и «в случае справедливых жалоб рабочих людей на недостаточное и стеснительное содержание со стороны владельцев» [14]. По Уложению о наказаниях 1845 г. в первый раз можно было «ограничиться напоминанием заводчикам об исполнении их обязанностей», но, если жалобы повторялись, посессионные заводы брались в казенный присмотр, а владельческие поступали в опеку, «принимая предосторожности для предупреждения между заводским населением неправильных толков, могущих повести к самому волнению». В этом случае обязанностью осуществлявшего контроль горного чиновника являлось составление и введение «особого штатного положения, сообразно местным условиям и применяясь к штатам казенных заводов». Предполагалось, что это новое «положение» разрешит возникшие противоречия и будет действовать после возвращения заводов прежнему владельцу [15].

Высшей формой контроля над частными заводами являлось в первой половине XIX в. казенное управление. Официально оно было введено в перечень «обеспечительных мер» указом от 11 ноября 1836 г., хотя на практике применялось и раньше. Казенное управление учреждалось «не иначе как по каким-либо особенным уважениям, когда на то будет предварительное согласие министра финансов и воспоследует Высочайшее разрешение» и не требовало согласия обанкротившегося владельца. Оно было сопряжено с его полным отстранением от управления (но не владения, как это зачастую трактуется в литературе) и получения доходов, назначением управляющего со стороны горных властей и

предусматривало государственное финансирование предприятий. Главной задачей казенного управления было недопущение остановки заводов до их продажи «с публичных торгов» [16].

Проведенное нами исследование показывает, что в 1800–1861 г. испытали на себе различные формы казенного и общественного контроля владельцы 29 (из 50, или 58 %) горнозаводских хозяйств Урала. Сумели избежать этих мер или их угрозы только «тагильские» Демидовы, «верхисетские» Яковлевы, Строгановы, Голицыны, Лазаревы, Белосельские-Белозерские, Балашевы, Лебедевы, А. Г. Лаваль, А. П. Полторацкая и Е. В. Дашкова, а также Осокины и их преемники Д. Е. Бенардаки, Пастуховы и Коровины [17].

Самым распространенным средством, использовавшимся горными властями при решении фактически всех проблем частных заводов, оказалось в первой половине XIX в. учреждение опекунского управления. С начала XIX в. нам известно 19 опек (за исключением тех, которые автоматически устанавливались над малолетними владельцами) над 13 горнозаводскими округами (в том числе восьми посессионными и пяти владельческими). Две из них (на Кагинских заводах в 1823–1825 гг. и Кирсинско-Кажимских — в 1820–1823 гг.) были учреждены по «объективной» причине «неутверждения наследников» в правах владения для того, чтобы заводы не находились в это время без «хозяйственного распоряжения». Виновниками остальных опек оказались сами владельцы. В пяти случаях (Кагинские заводы наследников И. Е. Демидова в 1827–1830 гг.; Сысертские заводы наследников А. Ф. Турчанинова в 1823 и 1825–1839 гг., где опека в 1826–1828 гг. была сопряжена с деятельностью особой комиссии Министерства финансов, разрядившей конфликтную ситуацию на этих заводах; две опеки Шайтанских заводов наследниц И. М. Ярцова в 1847–1850 гг.) к этому приводили споры владельцев о дележе заводской собственности. Восемь опекунских управлений были учреждены за недостаточное финансирование заводов владельцами или их расточительность (Пожевские заводы В. А. Всеволожского в 1797–1802 гг., Таишевские — Иноземцевых в 1809–1814 гг., Богоявленский — П. П. Бекетова в 1828–1832 гг., Сергинско-Уфалейские — «расточительного и слабоумного» К. М. Губина в 1844 г., Авзяно-Петровские — П. М. Губина в 1848–1857 гг. и три опеки над частями наследников М. С. Яковлева в Невьянских заводах в 1848–1861 гг.). Еще четыре опеки были учреждены за «беспорядочное управление» и до раздела между Пашковыми Белорецких заводов в 1839–1854 гг., «за беззаботное правление» Ф. И. Мосолова Каноникольским заводом в 1841–1846 гг., «за беспорядочное управление и по жалобам людей» владельцев того же завода Е. И. Шешуковой и ее сына А. П. Загряжского в 1861–1864 гг. и, наконец, «за злоупотребления заводчика» Н. Н. Подъячева, владельца Шильвинского завода, в 1859–1862 гг. Складывается впечатление, что власти прибегали к опеке, когда сами не могли или не хотели заниматься поправлением дел заводов. Опекунское управление, как правило, оказывалось и самым неэффективным.

Проблемой для этого типа «нехозяйственного» управления зачастую становился уже сам выбор ответственной опеки и назначение опекунов. По представлению Горного правления управление должны были брать на себя уездные дворянские опеки. Но случалось, что таковых по месту расположения заводов не оказывалось или в их составе не находилось желающих брать на себя ответственность по управлению сложным горнозаводским хозяйством. Когда в 1838 г. оренбургской опеке было предписано установить свое управление Белорецкими заводами, оказалось, что командировать для выполнения этого поручения было некого. В опеке состояло только два члена, один из которых был «одержим болезненной лихорадкой», а другой находился в постоянных разъездах «для производства следствий по трем уездам» [18]. В 1823–1825 гг. четыре опекуна, последовательно назначавшиеся уфимской дворянской опекой на Кагинские заводы, отказались вступить в управление «за болезненными припадками». В результате в этой роли пришлось выступить заводскому исправнику. Та же уфимская опека три года тянула с установлением своего управления над Таишевскими заводами Иноземцевых, полагая, что они, как купцы, подлежали надзору сиротского суда. По той же причине в 1819 г. елабужская дворянская опека отказалась принимать в свое управление Коринский завод Красильниковых, в результате чего он оказался

в двойном ведении опеки и сиротского суда. В такую парадоксальную ситуацию ставило местные опеки законодательство, установившее брать задолжавшие заводы, кому бы они ни принадлежали, именно в опекунское управление.

«Отрицательная» позиция местных дворянских опек вовсе не выглядит безосновательной. Во-первых, в их составе, как правило, действительно не было лиц, способных управлять заводами; во-вторых, маломощные (из-за слабой роли помещичьего землевладения, особенно в Пермской и Вятской губерниях) уральские опеки не обладали большими финансовыми возможностями, необходимыми для подъема разоренного хозяйства. Горные чиновники справедливо рассуждали, что «надобно уметь оным [заводским имением] управлять и, чтобы получать с него доходы, нужно вложить в оное... еще капитал» [19]. Хотя Горное правление оказывало помощь опекам над заводами, назначая в их состав горных чиновников и выделяя денежное пособие, но происходило это далеко не в каждом случае или не в должном объеме. К тому же усложнение состава опек зачастую приводило к конфликтной ситуации. Так, «взаимные претензии чиновника на опекуна и опекуна на чиновника» по управлению Каноникольским заводом Ф. И. Мосолова в 1843—1844 гг. потребовали даже проведения особого расследования.

По компетентному свидетельству главного начальника уральских заводов Ф. И. Фелькнера, «для заводов, закрывающих производство свое по невозможности приобретения необходимого на оборудование их весьма значительного капитала, опекунское управление, которое не в состоянии будет доставить сей же час этот капитал, не только не приведет к цели, но не может даже приступить к спасительным для заводов действиям, требующим необходимо обширных денежных средств, и должно будет на первом своем шагу сознать свое бессилие» [20]. Поэтому вполне закономерным результатом такого управления становился дальнейший упадок заводов. Так, из-за невозможности наладить стабильное финансирование безрезультатно закончились опеки над Таишевскими, Кагинскими, Авзяно-Петровскими и Каноникольским (в 1841—1846 гг.) заводами. До упадка довели подопечные заводы некомпетентные опекуны Богоявленского (в 1828—1830 гг.), Белорецкого, Каноникольского (в 1861 г.) и Шильвинского заводов. Над растратившими заводские капиталы опекунами Богоявленского завода было даже заведено уголовное дело.

В такой ситуации влиятельные заводчики добивались открытия опекунского управления в Петербурге или Москве, где опеки состояли из знатных и влиятельных особ и были способны найти необходимые капиталы. Зачастую в состав учрежденных там управлений назначались близкие родственники заводчиков, что повышало ответственность опекунов. Из учтенных нами таковыми являлись опеки над В. А. Всеволожским в 1797—1802 гг., П. П. Бекетовым в 1830—1832 гг., наследницами И. М. Ярцова в 1847—1850 гг. Все они оказались недолгими, по характеру своей деятельности во многом напоминали попечительства и завершались передачей заводов в «хозяйственное» управление «исправившегося» владельца. Особым случаем являлось опекунское управление над Сысертскими заводами, в котором опекун играл роль арбитра между двумя управляющими от двух враждующих групп владельцев. В отдельных случаях опекуны играли вовсе малозаметную роль, когда только контролировали начисление доходов своим задолжавшим подопечным, владевшим частью заводов (опеки над К. И. и П. Г. Яковлевыми, которым принадлежали всего $^{1}/_{105}$ и $^{6}/_{105}$ частей Невьянских заводов).

Известны три случая, когда «расточительные» владельцы добровольно отказывались от управления заводами с учреждением над ними попечительства. В 1833—1848 гг. попечительство управляло Пожевскими заводами Всеволожских, в 1835—1847 гг. — Суксунскими заводами Демидовых и в 1839—1861 гг. — частями П. Д. Соломирского в Сысертских заводах (попечительство над Лысьвенскими заводами В. П. Шуваловой в 1823—1827 гг. было учреждено не столько за долги, сколько из-за сложившейся ситуации с владением и управлением огромным наследством графини после внезапной смерти мужа, а попечительство над Сысертскими заводами в 1824—1825 гг. оказалось ошибкой властей, вскоре исправленной). Привлекательность этой формы «общественного» контроля для заводчика

состояла в том, что в его роли временно выступали, как правило, представители высшей столичной бюрократии, с помощью которых можно было рассчитывать на получение различных льгот. Так, за время управления Попечительством Суксунскими заводами (куда входили в разное время начальник III Отделения А. Х. Бенкендорф, сенатор и член Государственного Совета П. И. Кутайсов, член Хозяйственного комитета Сената Д. Н. Замятнин, директор Заемного банка Н. Попенполь) были отсрочены выплаты по ссуде Заемному банку, заводы перезаложены на 37-летний срок, выделены две ссуды в 200 тыс. руб. сер. из Горного правления, также рассроченные на длительное время, и получено предварительное согласие императора на новую огромную ссуду в 1,6 млн руб.

Эти льготы приносили временное облегчение и создавали видимость благополучия. Но они не могли продолжаться бесконечно; к тому же новые долги только усугубляли и без того сложную финансовую ситуацию. Видимо, не всегда рационально расходовались и полученные прибыли. «Для восстановления заводов необходимо учредить такую администрацию, которая могла бы направить все средства заводов наилучшим путем к сколь возможно большему извлечению выгод, — замечали члены Уральского Горного правления по поводу сложившейся ситуации во время управления Попечительства Суксунского округа в 1847 г. — А для этого заводам нужны не одно денежное пособие, но советы и указания лица опытного в заводском хозяйстве и достаточно обладающего техническими знаниями» [21]. Этим требованиям более соответствовали попечители П. Д. Соломирского. Они наняли опытных инженеров, сумевших резко поднять производительность Сысертских заводов, но так и не справившихся с финансовыми проблемами. Предприимчивые попечители Всеволожских, видимо, более заботились о собственном кармане, чем о пользе заводов. В итоге все три попечительства оказались бессильны противостоять главной причине бед — недостатку оборотного и отсутствию запасного капиталов и были ликвидированы. Находившиеся под их попечением заводы и заводчики оказывались перед выбором между казенным управлением (Сысертский округ), акционированием (Суксунский округ) или разделом, сопряженным с арендой (Пожевский округ).

Наличие одних «партикулярных» долгов по закону не считалось свидетельством упадка заводов. Взыскивать их поэтому предписывалось не путем продажи заводов, а из доходов от продажи металлов. Особой, не предусмотренной законодательством, формой контроля становилось в таком случае кредиторское (или конкурсное) управление заводами должника. Поскольку такая мера, инициированная кредиторами, предусматривала устранение владельца от управления и должна была гарантировать уплату горных и других податей, ее учреждение обязательно согласовывалось с горными властями.

Учреждение четырех известных нам кредиторских управлений явилось следствием банкротства заводовладельцев. Но ни одно из них не справилось со своими задачами. Преображенский завод П. М. Гусятникова вскоре после развала кредиторского управления (1796—1814? гг.) был продан наследниками вместе с так до конца и не выплаченными долгами. Конкурсное управление Таишевскими заводами А. С. Иноземцева (1809—1814 гг.) из-за недостатка капиталов само «отозвалось» от своих обязанностей. Переданные под казенный присмотр, эти заводы были проданы с публичных торгов. Московская Комиссия кредиторов владельца Холуницких заводов А. И. Яковлева (1831—1838 гг.) и кредиторы владельца Ютовских (Кнауфских) заводов А. А. Кнауфа барон А. Ралль и «английский негоциант» Доути (1818—1828 гг.) не только не сумели наладить стабильное финансирование перешедших под их контроль заводов, но и сами задолжали огромные суммы казне, которая вынуждена была вмешаться в дела по управлению. Холуницкие заводы были выставлены на продажу и проданы за сумму, компенсировавшую в основном лишь казенные долги. Кнауфские заводы, продажа которых не могла покрыть не только многомиллионные частные, но и казенные долги, были взяты во временное казенное управление. Четверть века (1828—1853 гг.) потребовалось государству, чтобы вернуть только свои капиталы. Возвращение частных долгов было предоставлено самим кредиторам, в акционерную собственность которых передавались Кнауфские заводы.

Нам известны четыре попытки учреждения акционерных компаний по управлению уральскими горнозаводскими округами в первой половине XIX в. Первая была предпринята 19 московскими кре-

диторами А. И. Яковлева, предложивших Е. Ф. Канкрину в 1831 г. передать им Холуницкие заводы «с разделением долга на акции». Вместо этого, как уже упоминалось, заводы были отданы им в кредиторское управление. Вторая попытка, предпринятая попечителями Петра и Павла Демидовых для предотвращения продажи Суксунских заводов с публичных торгов, завершилась учреждением первой на Урале акционерной компании (Товарищества Суксунских заводов) в 1848 г. В 1853 г. была учреждена Компания Кнауфских заводов, хотя разрешение о ее составлении было дано кредиторам еще в 1824 г. Наконец, в 1860 г. Н. В. Всеволожский пытался акционировать принадлежавший ему Никитинский округ с участием немецкого банка. Но тогда его постигла неудача.

Передача управления заводов двум акционерным компаниям (суксунской и кнауфской), состоявшим в основном из кредиторов бывших владельцев, была следствием безвыходной финансовой ситуации, сложившейся в этих горнозаводских округах. Но при отсутствии не предусмотренного такой формой акционирования достаточного притока капиталов «со стороны» компании не смогли обеспечить полноценного финансирования хозяйств. Одними из первых они не выдержали испытаний рубежа 1850–1860-х гг., привели заводы «в совершенный упадок» и в 1863 и 1864 гг. сами инициировали передачу округов в казенное управление.

Из форм казенного контроля над частными заводами наиболее широко практиковался присмотр за ними горных властей. Нам известны 16 случаев казенного присмотра, которому в первой половине XIX в. подверглись 14 горнозаводских хозяйств (девять посессионных: Шильвинский завод в 1809–1813 гг., Ревдинско-Рождественские — в 1813–1815 гг., Шурминско-Залазнинские — в 1821–1822 гг., Кыштымские — в 1825–1832 гг., Кагинские — в 1836–1844, 1850–1853 и 1860–1862 гг., Суксунские и Шайтанские — в 1847–1848 гг, Невьянские — в 1852–1857 гг., Кирсинско-Кажимские — в 1857–1858 гг. и пять владельческих: Таишевские — в 1814–1826 гг., Белорецкие — в 1836 г., Пожевские — в 1855–1864 гг., Никитинские — в 1856–1861 гг. и Каноникольский завод в 1859–1861 гг.) за податные недоимки, долги по казенным ссудам и «по жалобам рабочих». В большинстве случаев присмотр не достигал своей цели, причины чего крылись в самом его «содержании».

Так, осуществлявший присмотр над заводами Всеволожских инженер-капитан Банников в 1855 г. жаловался, что предусмотренное правилами «наблюдение» «с самого начала ставило чиновника в затруднительное и неопределенное положение» относительно как Горного правления, так и местного заводоуправления, требуя от него составления плана и полной отчетности «в то время, как все распоряжения по заводскому действию остаются в руках управляющих, которые поручаются казенному присмотру по одной хозяйственной части без стеснения». Он справедливо полагал, что, «не входя в искусственную часть, казенный присмотр не может составлять и не может также ручаться за все выводы заводоуправления; проверить же их затруднительно для одного чиновника». «Невыгодность» казенного просмотра, считал опытный чиновник, «будет обнаруживаться и впредь... доколе положение его не подвергнется совершенному преобразованию» [22]. О том, что казенный присмотр «может приносить пользу лишь как мера обеспечительная, когда идет дело о выручке с заводов небольшой казенной ссуды», свидетельствовал и Ф. И. Фелькнер. «Там, — считал он, — где нужно изыскать способы для продолжения готового прекратиться заводского действия, водворить правильное хозяйство и восстановить упавший кредит, казенный присмотр при своих ограничительных правилах совершенно неуместен» [23].

Поскольку казенный присмотр не давал ничего, что бы могло помочь заводам выбраться из сложной ситуации, а лишь усложнял «хозяйственные распоряжения», недовольной оказывалась и другая сторона. Тем более, что грань, отделявшая вмешательство от невмешательства горного чиновника в частное управление, была довольно зыбкой. Следствием этого становились разногласия между чиновником и заводоуправлением, порой перераставшие в серьезные конфликты, ставившие под угрозу заводское действие. «При крутом обращении Лихачева, поселяющем неуважение крестьян к присутствующим лицам, — жаловалась контора Белорецких заводов в 1838 г. на осуществлявшего присмотр

чиновника, — встречаем особое затруднение в распоряжениях своих, и что Лихачев позволяет себе в противность указа Горного правления во многом изменять прежде существующий порядок даже по внутренним распоряжениям и по частям, не входящим в состав заводского управления». «Если не укротит настоящие свои действия, — грозили приказчики, — то контора ни за какие последствия во вред заводовладельца ручаться не может» [24]. Особенно раздражало владельцев и их торговых агентов присутствие чиновников, наблюдавших за продажей металла на ярмарках. В глазах покупателей такой контроль свидетельствовал об упадке заводов и опасности иметь с ними дело. Поэтому общим для владельцев и горных властей оказывалось желание поскорее освободиться от взаимно обременительного присмотра, который, как правило, не был продолжительным.

Как доказывают примеры Ревдинско-Рождественского (1815–1829 гг.), Кнауфского (1828–1853 гг.), Сергинско-Уфалейского (1841–1848 гг.) и Кыштымского округов (1843–1852 гг.), наиболее эффективными способами восстановления доведенных владельцами до банкротства заводов оказывались казенное управление и близкий к нему полный казенный присмотр (когда финансовая сторона полностью отделялась от частной администрации). Правда, в пяти из 12 известных нам случаев казенное управление устанавливалось скорее по ошибке, чем по действительной необходимости, и вскоре заменялось присмотром, опекой или возвращением владельцу (Кагинские заводы в 1834–1836 гг., Холуницкие — в 1829–1831 гг., Белорецкие — в 1837–1838 гг., Авзяно-Петровские — в 1847 г., Каноникольский — в 1817 г.); однажды (Шайтанские заводы в 1808–1809 гг.) управление было учреждено по просьбе самого владельца; дважды (Сысертские заводы в 1861–1864 гг. и Шурминско-Залазнинские — с 1861 г.) казенное управление «вразумляло» владельцев уже в основном за рамками изучаемого периода.

Казенное управление, как правило, устанавливалось до продажи пришедших в упадок заводов с публичных торгов, но в случае затруднений с продажей могло быть сохранено властью на более длительные сроки (от семи до 25 лет). За это время в лице государства заводы находили более опытного управленца, чем владельцы или их кредиторы, а главное, надежного «спонсора», имевшего в своем распоряжении такой источник финансирования, как государственный бюджет. «Казенное управление, — констатировал Ф. И. Фелькнер, — имеет огромное преимущество перед опекой в том отношении, что правительство, разрешая эту меру с Высочайшего соизволения, дает обыкновенно средства к продолжению действия заводов». Поэтому зачастую оказавшиеся в безвыходной ситуации владельцы просили именно о такой помощи государства, хотя она полностью лишала их распорядительных прав. Так, обанкротившиеся суксунские попечители в 1847 г. считали, что только казенное управление «неминуемо восстановит благосостояние заводов, как показывает пример заводов Расторгуевых и Губиных, которые при попечении Главного горного начальства в непродолжительное время пришли в цветущее состояние» [25].

Однако к учреждению казенного управления высшее начальство прибегало не часто, справедливо полагая, что эта мера «сопряжена вообще с большими затруднениями и даже пожертвованиями со стороны казны, ибо редко случалось, чтобы в подобном случае она не принуждена была задолжать на безостановочное действие заводов значительных капиталов, с трудом впоследствии возвращаемых, не говоря уже о том, что для такого управления надобно отделять сведущих к оной чиновников, в коих и казенные заводы имеют надобность» [26]. Поэтому не только известный своей бережливостью Е. Ф. Канкрин, чьи слова приведены выше, но и другие министры зачастую отказывали владельцам или Уральскому Горному правлению в просьбе учредить казенное управление, если имелся хоть какой-то иной шанс уберечь заводы от полного банкротства и остановки. Не было необходимости у казны и в национализации частных заводов, практиковавшейся в XVIII в., но совершенно прекратившейся в первой половине XIX в. Типичным ответом на подобное предложение становился отказ, обоснованный отсутствием необходимости в увеличении числа казенных заводов, которых уже «имелось достаточное количество для удовлетворения всех надобностей армии и флота». Поэтому казенные управления заканчивались либо возвращением их владельцам или акционерам, либо, если не выказывалось с их стороны такого желания, продажей заводов с публичных торгов.

Заметно, что наибольшее число «нехозяйственных» управлений касалось посессионных округов. Из 28 таких хозяйств (включая округа, где были заводы обоих статусов) 20 (или 71 %) подверглось с конца XVIII в. по 1861 г. каким-либо формам общественного или казенного контроля, в то время как в группе владельческих округов только девять из 22 (то есть 41 %). Среди первых особо выделялись Юговские (в общей сложности находившиеся 43 года в «нехозяйственном» управлении), Сысертские (39 лет), Суксунские (27), Кагинские (24), Кыштымские (18), Ревдинско-Рождественские (17), Авзяно-Петровские (11), Холуницкие (10); из вторых — Пожевско-Никитинские (24), Белорецкие (19), Таишевские (18) и Каноникольский (10) заводы.

Посессионные округа абсолютно лидировали и по количеству случаев установления разнообразных форм контроля (42 из 59 или 71 %), в особенности по казенным управлениям (10 из 12). Среди них своего рода «рекордсменами» оказались Кагинские (три казенных присмотра, одно казенное управление, две опеки и продажа с публичных торгов), Сысертские (казенное управление, опека, два попечительства и управление комиссии), Суксунские (казенный присмотр, попечительство и акционерно-кредиторское управление) и Кнауфские (кредиторское, казенное и акционерно-кредиторское управления) заводы. Из владельческих округов отличились не случайно, видимо, ликвидированные Таишеские заводы (казенный присмотр, опека, конкурсное управление, продажа с публичных торгов и, наконец, ликвидация), а также Пожевско-Никитинские (три казенных присмотра, опека и попечительство) и Каноникольский (казенное управление, казенный присмотр и две опеки) заводы.

Все это свидетельствует о действительно масштабном «участии» государства в управлении частными горнозаводскими округами в первой половине XIX в. Это еще раз подтверждает распространенный в историографии тезис о том, что вмешательство власти в сферу общественно-экономических отношений являлось наиболее характерной чертой российского абсолютизма [27]. Но, как показывает практика, это вмешательство фактически всегда являлось закономерным следствием сложившейся на заводах ситуации с частным управлением или владением, вынуждавшей власть к каким-либо предусмотренным законодательством действиям. Интенсивность такого участия возрастала с 4 - 6 случаев в 1800–1810-е до 9-14 — в 1820 – начале 1860-х гг., причем в основном за счет казенных присмотров и опекунских управлений. Это свидетельствует, во-первых, о нарастании с 1820-х гг. негативных тенденций в частном секторе уральской горнозаводской промышленности и все более активном участии государства и общества в решении проблем его развития. Во-вторых, о том, что более широко стали использоваться далеко не самые эффективные формы контроля, которые не только не могли поправить шаткое положение заводов, но и зачастую ухудшали его.

Поставленная перед дилеммой окончательного разорения заводов, заводчиков и заводского населения (что было чревато утратой казенных доходов и социальными потрясениями), власть вынуждена была брать на себя часть управленческих и даже владельческих функций, хотя наиболее оптимальным способом решения этих проблем справедливо считала продажу заводов. Но, как владельцы, так и казна, в большинстве случаев затруднялись в скором отыскании нового и эффективного собственника дорогостоящих и сложноорганизованных горнозаводских имений. Ни одно из 28 назначений к публичной продаже не увенчалось успехом с первого раза, даже несмотря на то, что начальная цена определялась со значительным понижением. Между назначением к продаже и продажей проходило от трех до 26 лет. В итоге осуществленными оказались только шесть публичных продаж, из которых (по ближайшим или отдаленным ко второму поколению «новых» владельцев последствиям) ни одну нельзя назвать удачной. Нередко сами заводчики находили покупателя, лишь предоставляя ему льготные условия продажи (в рассрочку или под залог). Но и из 26 частных продаж заводов только восемь оказались удачными (причем половина из них была осуществлена между «старинными» заводчиками), а в семи случаях последовала новая перепродажа. Возможности «капиталистых» людей в России того времени отставали от уже сформировавшейся потребности в эффективном перераспределении крупной заводской собственности, а финансовый рынок не получил еще достаточного развития.

Но, как показывает практика, многовариантная помощь заводчикам со стороны государства и общества лишь в редких случаях была эффективной. Таковыми можно признать всего две центральные опеки и четыре казенных управления, т. е. только 10 % всех учтенных форм контроля. Остальные оказывались либо малоэффективными, либо вовсе безрезультатными и даже вредными по своим последствиям. В большинстве случаев вмешательство государства только затягивало уже проявившиеся кризисные явления, катализаторами которых в дальнейшем стали мировой финансовый кризис 1858–1859 гг. и начавшиеся в стране реформы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСЗ–I. Т. 19. № 13770; Т. 22. № 16066; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2905. Л. 28.
2. ПСЗ–I. Т. 32. № 25384. Отд. 3; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 524.
3. ПСЗ–I. Т. 30. № 23662; ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 537.
4. ПСЗ–I. Т. 20. № 14392. Ст. 212, 213; Т. 26. № 19881; СЗ 1857 г. Т. 10. Ст. 213, 217–225; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1251. Л. 3; Оп. 23. Д. 5280.
5. СЗ 1857 г. Т. 10. Законы гражданские. Ст. 225–234, 250–256, 284; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5328. Л. 15; Д. 5432. Л. 8.
6. ПСЗ–II. Т. 11. № 9699; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 530.
7. ПСЗ–II. Т. 11. № 8782; Т. 14. № 13993; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 1503.
8. РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 611.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5254. Л. 10.
10. ПСЗ–I. Т. 32. № 25384. Ст. 2–9, 13; Т. 40. № 30497; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 546.
11. Проскурякова Н. А. Земельные банки Российской империи. С. 37–82; СЗ 1857 г. Т. 11. Ч. 1. Учреждения и уставы государственных кредитных установлений. Продолжение. Ст. 330, 331; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5893. Л. 11.
12. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 242. Л. 402.
13. СЗ 1857 г. Т. 11. Ч. 1. Учреждения и уставы государственных кредитных установлений. Продолжение. Ст. 544; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 525.
14. ПСЗ–II. Т. 14. № 13993; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 1453.
15. ПСЗ–II. Т. 20. № 19283–19286; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 101. Л. 40–45 об.; Д. 242. Л. 278.
16. ПСЗ–II. Т. 11. № 9699; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 529; Т. 10. Ст. 3821.
17. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.
18. ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1986. Л. 10, 75.
19. Там же. Оп. 2. Д. 1107. Л. 189.
20. Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 12–20.
21. Там же. Оп. 2. Д. 1909. Л. 303–310.
22. Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4737. Л. 328–336.
23. Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 12–20.
24. Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5186. Л. 123.
25. Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1909. Л. 61–62.
26. Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5186. Л. 211–212.
27. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.

STATE AND URAL FACTORY OWNERS: FORMS OF «UNECONOMIC» MANAGEMENT OF THE URAL MINING DISTRICTS IN THE FIRST HALF OF THE XIŌ CENTURY

A little-known plot from history of interrelations of the state and the Ural factory owners — use by treasury of various forms of «uneconomic» management (state supervisions and managements, trusteeship, guardianship and so forth) above private mining districts of the Urals in first half XIX century is researched in the article. The author comes to conclusions about scale of such practice, inevitability and legality of application of similar measures and at the same time inefficiencies of the majority of them.

E.G. Neklyudov

В.А. Воропанов

О статусном положении гражданских судей в российской империи первой половины XIX в. (на материале губерний Урала и Западной Сибири)*

Эволюция правового положения судей Российской империи до введения Судебных уставов 1864 г. не являлась объектом специального и глубокого исследовательского интереса. Между тем, изучение вопросов, связанных со складыванием судейского статуса во многом способствует пониманию характера эволюции самодержавия. Сложный процесс становления независимой и авторитетной судебной власти включает этап деятельности непрофессиональных судейских чиновников и сословных депутатов. На обеспечение самостоятельности коронных и выборных судей было направлено последовательное законотворчество абсолютистского правительства.

В то же время, возможности установления связей индивидуумов с государством посредством участия в деятельности правовых учреждений рассматриваются в исторической литературе как основание для формирования официальной правовой культуры. Возникновение правосознания связывается с длительным опытом взаимодействия граждан с институтами правосудия, защищающими общественные и личные интересы [1].

Законодательные основы системы сословного самоуправления были заложены правительством Екатерины II [2]. Предоставив право определения кандидатов на большинство должностей в местных судах населению, верховная власть разделила с подданными ответственность за отбор носителей судейских полномочий. До реформы 1797 г. разнородность российского населения отражалась в составе судебных «присутствий» I и II инстанций. Проблема языковых «барьеров» в судебном процессе была решена. Близость социального происхождения облегчала сельским обывателям принесение жалоб на противоправные поступки должностных лиц, что укрепляло их веру в значение и силу государственного права [3]. Коллегии судебных палат формировались при участии Правительствующего Сената и монарха.

Юридическое закрепление основ статусного положения судей свидетельствовало о качественном изменении правового строя. Судебные «места» были включены законодателем во властную

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-03-00159а/т).

субординацию губернских учреждений. Судебная власть была сопряжена с исполнением сопутствующих правоохранительных функций. Судьям поручались ответственные обязанности по управлению земскими и городскими делами. Утверждение правомерности в деятельности государственных служащих достигалось посредством регламентированных средств и методов правового надзора.

Преодоление особенностей в положении отдельных групп судей и освобождение их от ведомственной опеки и контроля высшей администрации было поставлено в зависимость от распространения в стране общих и специальных учебных заведений, обусловливалось эволюцией подданных от фрагментарного сообщества к гражданской целостности, процессами постепенного внедрения официального права в общественные отношения.

Правление Павла I ознаменовалось усилением централизации в государственном управлении, сопровождавшимся временными изменениями в порядке замещения судейских вакансий, комплектовавшихся с 1797 г. Сенатом по спискам Герольдии [4]. С 1802 г. самодержавная власть в лице Александра I возвратилась в кадровой политике к практике сословных выборов, в том числе судей, поддерживавших интересы сельских обывателей. В состав судебных палат были введены дворянские и купеческие заседатели.

Отбор дворянских судей в Северном Приуралье и Сибири был оставлен в руках губернского руководства [5], что, по мнению Вятского правителя А.С. Латышева, являлось слабой стороной кадровых замещений, поскольку безукоризненные аттестаты не отражали реальных способностей приезжих чиновников. Между тем, полагал А.С. Латышев, взаимодействие с сословным собранием позволяло бы достигнуть необходимой степени качества именно в специализированном кадровом отборе [6].

Особые трудности испытывала сибирская администрация. Классные вакансии замещались наличными чиновниками в соответствии с достигнутым в службе статусом. Губернское начальство мирилось с необходимостью назначения в должности лиц, привлеченных к суду за правонарушения, совершенные в другом ведомстве. В Сибири не соблюдался указ о неназначении в учреждения лиц, связанных родством или свойством [7].

Решая проблему малочисленности чиновников, правительство поощряло переезд на Урал и в Сибирь льготами в чинопроизводстве [8]. Для сибирских служащих был установлен особо высокий пенсион за выслугу лет [9]. В 1826 г. генерал-губернатор Западной Сибири добился санкции на расширение круга лиц для отбора в заседатели окружных судов казачьими офицерами [10]. Начальник Оренбургского края, ссылавшийся в 30-х гг. на недостаток чиновников в губернии, не сумел убедить монарха в необходимости предоставить иррегулярным военнослужащим право избираться судьями [11]. Тем не менее, губернское руководство в Сибири постоянно испытывало затруднения в замещении должностей квалифицированными кадрами [12]. В 1852 г. Тобольский губернатор В.А. Арцимович традиционно сообщил в отчете о нехватке «благонамеренных и способных чиновников», что, прежде всего, связывалось с отсутствием дворянских обществ и образовательных учреждений [13].

Комплектование присутствий в Южном Приуралье проводилось с участием Уфимского губернского собрания. С начала XIX в. администрация вручала предводителям сведения о карьере чиновников, баллотировавшихся в должности, уведомляла собрание о формальных и иных причинах их увольнения с места прежней служебной деятельности [14]. Законодатель позволил избирателям выдвигать кандидатов, чьи чины не соответствовали классу должностей, увеличив, таким образом, правомочия съездов [15]. Членам «общества», подвергшимся за правонарушения выговорам, штрафам или освобожденным от административно-дисциплинарных наказаний Манифестом 1814 г., собрание могло выразить доверие, допустив их к участию в выборах, признав способными и достойными принять должностное звание [16].

Правовая практика рождала новые элементы регламентации службы по выбору, поощрявшие гражданскую ответственность ее исполнителей. Чиновников, не выслуживших в должности полного трехлетия, не позволялось избирать на высшие места. Напротив, лиц, назначенных из числа кандидатов и отслуживших две трети срока, закон запрещал против желания выбирать к низшим долж-

ностям. Правила распространялись на городское сословие, располагавшее собственной структурой общественных вакансий [17].

Голосование по баллам проводилось в соответствии с правилами о выборах депутатов от 14 декабря 1766 г. В законодательстве были предусмотрены ситуации, в которых число одобрительных и неодобрительных шаров могло превышать число голосующих [18].

Порядок проведения дворянских съездов был скорректирован Положением о выборах 1831 г. Право выборов монарх отметил как «одно из самых важных преимуществ», присвоенных первому сословию, обеспечивавшему охрану правосудия и гражданского порядка. Среди избирателей император отдал предпочтение людям материально обеспеченным, морально устойчивым, способным беспристрастно решать судьбу кадрового отбора, и являвшимся безусловной опорой абсолютистского государства.

О своей готовности исполнять должности личные дворяне губернии заблаговременно оповещали уездных предводителей, как и те из потомственных дворян, кто не желал быть избранным, поскольку отказаться от возложенных «обществом» почетных обязанностей было невозможно. Собрание могло выдвигать кандидатов не только в уездные судьи, уездные и губернские заседатели, но и в председатели палат, утверждавшихся Сенатом. Вмешательство в дела собрания запрещалось начальнику и прокурору губернии, присутствовавшим на съездах по служебной необходимости. Споры «общества» с начальником губернии по отдельным кандидатурам рассматривались министром внутренних дел [19]. Особый порядок назначения «неблагонадежных» по определению правительства лиц на компетенцию собрания не влиял [20].

Самодержавная власть формально повысила служебный ценз для занятия судейских мест. С 1831 г. должность уездного судьи соответствовала VII классу Табели о рангах, на вакансии II инстанции могли представляться чиновники не ниже статского советника. Претенденты на пост председателя судебной палаты были обязаны иметь в послужном списке полный срок пребывания в должности губернского заседателя, уездного судьи или уездного предводителя, ранее служившего в судебных учреждениях.

Выборы должностных лиц из городских и сельских сословий проводились в первой половине XIX в. на основе нормативных актов Екатерины II. Собранием городского «общества» руководил голова. Формально-правовые возможности избирателей обусловливались их социальным положением и конфессиональной принадлежностью. Купцы I гильдии были вправе выдвигаться кандидатами в заседатели судебных палат и совестных судов. Из купцов II гильдии должны были комплектоваться присутствия магистратов и ратуш. Мещане могли занимать низшие должности, не замещавшиеся купцами.

Закреплением обязательных юридических преимуществ людей наиболее богатых правительство предполагало достичь в перспективе развития торгово-ремесленного сословия оптимально компетентного кадрового состава, реально способного нести ответственность за нелицеприятный суд в области товарного оборота. Не случайно особое внимание было уделено выборам в члены «судоходных» расправ, звание судей в которые рекомендовалось «для пользы судоходцев» возлагать «с великою осмотрительностию и разборчивостию» на честных и опытных купцов I и II гильдии [21].

Права сектантов были ограничены. Духовные консистории контролировали выборы, не допуская избрания в обход законов и усиления общественного влияния иудеев и «неправоверных» христиан [22].

Малочисленность «третьего» сословия, уравнительный принцип исполнения должностей и уклонение от них людей, активно занятых торговлей и промыслами, объективно препятствовали соблюдению законодательных норм. Начальник губернии утверждал мещан на всех вакансиях, замещаемых по выбору городских собраний. В городах, населенных, преимущественно, старообрядцами, к должностям исключительно не допускались только инославные, отрицающие сакральность царской власти и брачное состояние — «малаканы», «субботники», «духоборцы», «скопцы» и другие сектанты [23]. После 1822 г. купеческие «общества» Тобольска и Томска добровольно воздержались от сословного представительства в губернских инстанциях [24].

Делопроизводственная документация выборов содержала не только «клятвенные обещания» избирателей, ведомости о голосовании и свидетельства о согласии «общества» с его итогами, но и дополнительную информацию о выдвинутых кандидатах, включавшую сведения о прежней общественной деятельности, облегчавшую работу главы администрации [25].

Если дворянские и городские выборы были прямыми, то сельские являлись двухстепенными. Поверенные лица выдвигались на сельских сходах по одному от 500 душ м.п. [26] и направлялись с оформленными «приговорами» в уездный центр. Фрагментарность населения подвергалась значительному влиянию со стороны сословного законодательства, объединявшего казенных поселян всех разрядов в сотрудничестве с государственной властью.

Реализация правоположений по отбору судебных депутатов зависела от внутренней готовности сельских обывателей действовать в соответствии с инструкциями, и законодатель обратился к морально-религиозным воззрениям подданных, превращавшим исполнение законов в естественный гражданский долг. До начала «баллотирования» прибывшие из волостей поселяне отстаивали церковную литургию и затем приводились к присяге о бескорыстном и беспристрастном выборе [27]. Особый вариант клятвы, оформлявшийся на татарском языке, предлагался мусульманам [28].

Составление баллотировочных списков входило в обязанности полицейской администрации. В ведомости включались сведения о должности, на которую претендовал поверенный, о возрасте, грамотности, семейном и имущественном положении, роде хозяйственной деятельности, состоянии в штрафах и наказаниях. Поселянами выдвигались лица не моложе 30 лет, имевшие благоустроенное хозяйство, жен и детей, не подвергавшиеся ответственности по суду и не ославленные среди соседей праздностью или пьянством [29].

Голосование проходило «с тихостию, учтивостию и безмолвием» посредством избирательных шаров. Действия полицейских чинов и стрятчих в момент баллотирования закон ограничил охраной установленного порядка. Действия избирателей фиксировал протокол. Официально максимальный срок выборов сельских заседателей составлял 3 дня [30].

Документация о ходе и результатах произведенного баллотирования, списки и характеристика кандидатов поступали к главе администрации для ревизии. Материалы выборов возвращались губернскому правлению с замечаниями о нарушении правил, ошибках и неполноте прилагавшихся сведений. Депутатов, утвержденных в качестве судей и заседателей, начальник губернии предлагал допустить к должностям с соблюдением предписаний, остальным особам объявлялось о причинах отклонения их кандидатур [31]. Начальник губернии следил за очередностью уездного представительства в совестном суде, отвлекавшего крестьян от хозяйственных занятий [32].

Выборные судьи в Сибири проявляли известную пассивность, отмеченную ревизорами [33]. Важным фактором инертности сибиряков оставались особенности генезиса волостного общества — искусственность административных границ, социальная, культурно-бытовая, религиозная разобщенность, подвижность населения [34]. В 1822 г. институт сельских депутатов в окружных и земских судах Сибири, представлявший интересы коренных жителей, старожилов, колонистов и ссыльнопоселенцев, был упразднен.

Таким образом, формирование судейского состава в первой половине XIX в. было обусловлено развитием сословного строя в России. В качестве опоры в осуществлении кадровой политики самодержавие рассматривало дворянское сословие, и определение судейских чиновников в Южном Приуралье сопровождалось оценкой избирателями их квалифицированности и морально-нравственных качеств. Отбор членов присутствий в Северном Приуралье и в Сибири составлял предмет усилий губернского руководства, заключавшихся в поиске лиц, способных исполнять специфические служебные обязанности, имевших практические навыки судопроизводства.

Сословные выборы смягчили социальные противоречия в среде разнородного российского населения. Текст «клятвенного обещания» около 100 лет утверждал идею общественного служения. Подобно событиям второй половины 70-х гг. XVIII в. на заключительных в истории дореформенной судеб-

ной системы сословных выборах городские и сельские обыватели объявили «надежду» на то, что избранные ими «по качеству ума и совести» представители покажут себя «усердными сынами отечества и ревностными о общем благе сограждан» исполнителями воли самодержавного монарха [35].

Втягивание правительством широких социальных слоев в официальное правовое поле создавало в исторической перспективе благоприятные условия для прогрессивной перестройки судебной системы. За Уралом формирование гражданской общности, способной выражать интересы на сословных выборах, осложнялось незавершенностью колонизационных процессов, прочностью традиционной культуры коренных народов Сибири, а также ростом контингента ссыльнопоселенцев, что обусловило повышенную роль государственной бюрократии в урегулировании общественных отношений.

Государственные органы, не вмешиваясь в работу сословных собраний, контролировали проведение выборов в соответствии с законами, поддерживали условия для беспрепятственного применения избирательных прав, препятствовали наделению властными полномочиями лиц, не отвечавших установленным требованиям. Ограничение в гражданских правах касалось противников Русской Православной церкви, деятельность которых нарушала общественную стабильность и противоречила государственным устоям.

Вступление в судейскую должность, сопровождалось принесением присяги, носившей исключительно сакральный характер и осуществлявшейся с участием христианских и исламских священнослужителей [36].

Срок освоения и реализации обязанностей сословными судьями составлял 3 года. Единовременный период работы избранного председателя уездного суда с 1831 г. увеличился до 6-ти лет в целях оптимизации судебной деятельности чиновников с различным опытом государственной службы, основательного приобретения и применения ими практических знаний.

В законе было закреплено право увольнения судей в отпуск на 29 дней и сверх нормы [37]. В увольнениях, осуществлявшихся в летнее время, судьи должны были соблюдать строгую очередность так, «чтобы в каждом месте для производства и слушания текущих дел оставалось всегда налицо не менее половины присутствующих» [38]. Сельские заседатели временно отпускались с целью поддержания хозяйств и хлебопашества [39]. Бургомистры и ратманы отлучались «для неминуемых надобностей» по торговым делам в города и уезды без специального разрешения начальства, но с уведомлением о факте, причинах и сроках отсутствия [40], официально продлевая время разъездов при условии наличия в присутствии не менее 3-х коллег [41].

Уклонение судьи от исполнения должности влекло административно-дисциплинарную ответственность [42]. Отсутствие члена суда по причине болезни проверялось посредством стряпчих и полицейских [43].

Для досрочного оставления должности требовалось медицинское свидетельство о неспособности исполнять обязанности по состоянию здоровья [44]. Причина увольнения чиновника по состоянию здоровья могла свидетельствоваться губернским предводителем или собранием дворян. Без «предосуждения» губернского «общества» избранный не мог быть смещен с должности в административном порядке [45]. Лишение судьи служебного статуса осуществлялось на основании судебного приговора [46].

Чиновников, выбывших до истечения срока, администрация замещала кандидатами, обозначенными в баллотировочных списках [47], или допускала к должности желающих служить отставных «беспорочных» чиновников, получив согласие и одобрение предводителя губернского «общества» [48]. Представители купеческого сословия вызывались для исполнения обязанностей из торговых поездок [49]. Завершение списков требовало проведения в уездных городах внеочередных дополнительных выборов [50].

Дела, подлежавшие до 1797 г. суждению нижних расправ, с 1803 г. разбирались сельскими заселателями во главе с уездным судьей. Смешанный состав судей собирался по процессам, касавшимся одновременно дворян или разночинцев и государственных поселян [51]. Со второго десятилетия XIX в. правительство обратилось к усилению роли профессиональных служащих, росту специализации

и образованности которых способствовало законодательство. Первое исключение в общем порядке подсудности дел в 1810 г. Государственный совет сделал для учреждений Сибири [52].

В 1824 — 1825 гг. сенаторы А.А. Долгоруков и Е.А. Дурасов, ревизовавшие Вятскую губернию, отметили праздность в уездных судах дворянских заседателей, объяснявшуюся малочисленностью первого сословия в Приуралье. Указав на особую роль и значительную служебную нагрузку судьи, руководившего деятельностью малограмотных сельских депутатов, сенаторы внесли в правительство предложение о расширении правомочий чиновников в пользу ускоренного решения поступающих в вятские суды дел. В январе 1827 г. Государственный совет одобрил представление Сената и распространил действие нового закона на все уездные суды империи [53].

За распределением служебной нагрузки среди членов палат следил председатель [54]. Временно отсутствующий руководитель палаты замещался равным по положению коллегой или служащими по старшинству должностей и чинов: совестным судьей, советниками, асессорами, дворянскими заседателями в зависимости от наличного состава служащих. Обязанности совестного судьи временно исполнялись председателем одной из палат [55].

Правоприменительную деятельность судей регулировали указы монарха и высших учреждений, поступавшие из губернского правления. Так, в Челябинском магистрате к 1815 г. состояло 67 объемных «указных книг» [56]. С начала XIX в. присутствия снабжались сборниками нормативных актов. В Барнаульском военном суде в 1819 г. числилось 13 книг с указами, 15 отдельных законодательных актов, а также несколько томов систематизированных законов, выпущенных правительственной Комиссией [57]. В 1837 г. в распоряжение судей стали поступать тома Свода законов [58].

Повышению компетентности судей способствовала справочная юридическая литература. В 1819 г. в Барнаульский военный суд были переданы публикации 1817 — 1818 гг.: «Всеобщий стряпчий или поверенный в 12-ти частях», «Краткое извлечение из законов, служащее руководством при производстве и решении военно-судных дел», «Памятник из законов с 1811-го по 1816-й», «Полный всеобщий стряпчий или Словарь руководствующий, к познанию всех дел гражданского делопроизводства», «Ручная книга о правах и обязанностях тяжущихся», «Систематическое собрание законов», «Словарь юридический» и другие издания, подготовленные столичными авторами [59].

Обеспечивая реализацию прав и обязанностей в области судебного разбора дел, законодатель оградил судящих как от внешнего, так и внутреннего воздействия. Прокурорские чины удалялись с началом прений. Порядок обсуждения дел был нормативно закреплен с 1775 г. [60]

Судей, проводивших следствие, закон отстранил от суждений по уголовному делу и участия в вынесении приговора [61]. Коронные и выборные судьи получили во второй четверти XIX в. правовую возможность уклоняться от производства следствия. Участие судейских лиц в следственных мероприятиях было возможно с разрешения министра юстиции [62].

В разборе дел Николай I напомнил об обязанности каждого судьи выражать мнение по долгу службы «свободно и явственно, по прямому своему разумению и чистой совести, несмотря на лица и не уважая ни посторонних предложений, ни частных писем, хотя бы они были от первейших особ в государстве, поступая во всем так, чтобы мог ответ в том дать перед Императорским Величеством и перед Самим Богом» [63].

При подписании протоколов неграмотные сельские заседатели пользовались именными печатями [64]. Закон поддерживал самостоятельность младших членов коллегии от старших, предписывая отклонять предложения, несогласные с юридическими нормами [65]. Облечение с 1837 г. сельских заседателей в особые служебные мундиры было направлено на усиление чувства служебной дисциплины и ответственности [66].

Немаловажную гарантию правосудия правительство находило в религиозных чувствах судейских лиц. Неизменным атрибутом помещений вкупе с «зерцалом» и бессистемным собранием нормативных актов, являлись святые образа, апеллировавшие к совести православных судей и заседателей. Так, «красный» угол совещательной комнаты Челябинского магистрата состоял из иконопис-

ных изображений Христа, Богоматери, Николая Чудотворца и Михаила Архангела [67]. В «камоpe» Томского магистрата находилось 8 икон и 2 распятия [68], Барнаульском военном суде — 3 иконы [69]. Судьи мусульманского вероисповедания хранили в присутствии Коран [70].

Мерой предотвращения противозаконных действий служили денежные взыскания, налагавшиеся на судей I инстанции за нарушения в делопроизводстве коллегиями судебных палат [71], за медленность в решении дел и различные «упущения» по службе губернским правлением [72].

Регламентация денежных взысканий с судей и секретарей за неправомерное решение дел получила в законодательстве с начала XIX в. особое развитие. Прежде всего, реагируя на жалобы служащих и сообщения надзорных органов, правительство усовершенствовало законодательство о штрафах, включавшее терминологию 20 — 40-х гг. XVIII ст. По указу от 29 января 1802 г. за противоправное окончание судных, вексельных и прочих долговых дел и споров о недвижимой и движимой частной собственности взыскивалась сумма по 5 коп. с каждого рубля от стоимости объекта владения. По вотчинным делам штраф составлял 10 коп. с десятины и 10 руб. с пустоши.

Признав решение незаконным, Сенат подвергал материальному наказанию судей и секретарей двух инстанций. Штраф накладывался пропорционально установленным окладам жалованья. Купцы и мещане выплачивали штрафы по окладам дворянских заседателей, равных им по классам мест. За неоднократные взыскания судьи могли быть удалены от исполнения обязанностей как несоответствующие требованиям кадрового отбора [73].

После 1824 г. взыскание стало распространяться на определенную часть постановления, признанную неправомерной и отмененную. Совершенствуя юридическую систему, Сенат прекратил прием жалоб от чиновников нижних присутственных мест о штрафах, налагаемых палатами гражданского суда по делам, не переданным в высшую инстанцию из-за пропуска апелляционного срока. За возвращение дел для производства суда по форме, дополнения справками и другими сведениями взыскание не допускалось [74]. Дополнительными юридическими нормами малоимущие судьи привлекались к выплате штрафа по общим правилам о несостоятельных должниках [75].

С началом царствования Николая I штрафы за неправое решение гражданских дел, исключая межевые споры, были отменены. Верховная власть признала устаревшими принципы наложения денежных взысканий, введенные в 1715 г. В условиях длительного функционирования судебных учреждений, органов правового надзора, развития процессуальных прав подданных штрафы были признаны излишними, дезорганизующими деятельность системы [76]. За незаконные приговоры к телесным наказаниям, правомочность обжалования которых не была равной для сословий, в феврале 1835 г. монарх определил особые штрафы: 200 рублей за каждый невинно данный удар [77].

В круг обязанностей судей и заседателей входило поддержание внешнего достоинства судебной власти: ведение нравственного образа жизни, соблюдение благочиния при отправлении правосудия и сохранение тайны совещания, воздержание от неофициального общения с фигурантами дел, невмешательство в канцелярское делопроизводство. Публичный авторитет судейских лиц, включая сельских заседателей, призванных поддерживать законность и правопорядок, охранялся всеми органами государственной власти [78].

Поощряя исполнение гражданского долга и помощь в управлении жизнедеятельностью сословия, Николай I освободил мещан, пребывавших в должностях в течение 9-ти лет, от привлечения к рекрутской повинности. Обыватели, вступившие в должностные обязанности, были наделены иммунитетом в рекрутской очереди и избавлены от телесных наказаний по решению суда [79]. Лицам, добросовестно исполнившим должности, с XVIII в. вручались аттестаты о том, что справедливостью и добропорядочностью они заслужили «похвалу» и предписанные законом преимущества [80].

Если для представителей сельского и городского населения работа в суде являлась почетной сословно-общественной обязанностью, и только для крестьян формально поощрялась выплатами из казны, то оплата труда судейских чиновников, как части аппарата служащих, являлась государственной задачей. Правительство периодически повышало оклады жалованья чиновникам ведомства юстиции.

Особый порядок вознаграждения действовал для сибирских чиновников. Однако материальное обеспечение неквалифицированных судей не носило характер безусловной социальной защиты.

В начале XIX в. заседатель уездного суда в Пермской и Оренбургской губерниях получал 250 руб. год, в Вятской — 275 руб., в Тобольской и Томской — 375 руб. Уездным судьям выплачивалось по 300, 360 и 450 руб. в год соответственно. Жалованье губернских заседателей на Урале составляло 360 руб., в Сибири — 600 руб., советников судебных палат — 600 и 900 руб., председателей — 840 и 1350 руб. [81] В марте 1825 г. оклады губернских чиновников на Урале были увеличены в 2-3 раза [82]. С 1835 г. с учетом инфляции выплаты уездным заседателям выросли до 800 руб., уездным судьям до 1200 руб. в год [83]. Согласно штатному расписанию 1837 г. заседатели сибирских судов получали 1000 руб., окружные судьи — 1500 руб. в год. Советникам губернского суда отчислялось по 2000 руб., председателю 4000 руб. в год [84].

Долговые обязательства чиновников перед крестьянами и инородцами были запрещены [85]. В то же время монарх подтвердил действие указа о передаче судьям половины сумм от денежных взысканий с лиц, подавших апелляционное прошение на законное постановление суда [86].

Повышение окладов производилось правительством в 40-х и 50-х гг. По штату 1856 г. судебный заседатель в Сибири получал 350 руб. серебром, окружной судья — 600 руб. На Урале выплаты после 1859 г. заседателям составляли 350 руб., судьям — 525 руб. серебром [87].

Таким образом, в законодательстве абсолютной монархии предусматривались порядок отбора кандидатов и процедура вступления в судейское звание, правила увольнения в отпуск, досрочного оставления должности, замещения и удаления от исполнения обязанностей. Законами регулировались правоотношения общественных депутатов с чиновниками, мерами взысканий и поощрений усиливалась ответственность перед сословием и государством. Законы и ценностные ориентиры официальной культуры обеспечивали условия для объективного разбора дел. Поддержка специализации государственной службы способствовала повышению компетентности, рациональному расширению юрисдикции судейских чиновников. Развитие правомерности в функционировании судебного аппарата сопровождалось изживанием жестких форм государственной опеки правосудия, заложенных в период становления абсолютизма, ослаблении роли «полицейско-просветительского» регулирования.

В абсолютистском строе глава администрации, контролировавший правоприменительную сферу [88], закономерно сохранял средства воздействия на непрофессиональных исполнителей судебных функций. Поощрение заслуг и наказание за правонарушения чиновников и судебных представителей зависело от губернского начальства. Губернатор менял режим заседаний суда [89], мог удержать судей при накоплении дел сверх срока службы [90], подписывал прошения судей об отпусках, наконец, определял содержание увольнительных паспортов [91]. Целью полномочий высшей администрации являлось ускорение и обеспечение законности судебного делопроизводства.

Становлению формально-правовых отношений между должностными лицами исполнительной и судебной ветвей государственной власти способствовали разработка и утверждение в практике государственного управления норм, ясно определяющих статус ведомства и пределы полномочий. Губернская прокуратура, подчиненная министру юстиции, выполняла задачи правового ограничения деятельности губернских властей [92].

Результаты поступательного складывания статуса российских судей, обусловленного действием системы сословного самоуправления, были закреплены в Своде законов. В середине XIX в. тенденция унификации и профессионализации судейского «корпуса» Российской империи очевидно усилилась. В мае 1847 г. окончательно было уравнено статусное положение судей и заседателей уездных и межевых судов [93]. Чиновники судебных учреждений в 40 — 50-е гг. регулярно командировались по делам гражданского населения в аудиторы, асессоры и презусы военно-судных комиссий [94].

Организация сословного правосудия способствовала устойчивости абсолютистской государственной системы. Активное законотворчество второй четверти XIX в. подготовило основательную юридическую базу для деятельности профессиональных судей. Прогрессивное изменение устарева-

ющих форм государственности, свойственное действующему по инерции политическому режиму, наиболее заметно проявилось для «общественности» введением Судебных уставов. Новый этап гражданского созидания открыл для правительства возможности пересмотреть судейский статус, детализация и обеспечение реальности которого не получили завершения вплоть до 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Бербанк Дж. Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: перспективы начала XX века // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 269 — 298.
2. См.: Мигунова Т.Л. Российский суд во второй половине XVIII в. Н. Новгород, 2001; Омельченко О.А. «Законная» монархия Екатерины II. М., 1993.
3. См.: Воропанов В.А. Практика местного правосудия: государственные суды для сельских обывателей Оренбургской губернии в последней четверти XVIII — начале XIX вв. // Ab Imperio. 2002. № 3. Российская империя / СССР и парадоксы модернизации. С. 137 — 160.
4. ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19418.
5. ГАКО (Государственный архив Кировской области) Ф. 1321. Оп. 1. Д. 490. Л. 3; ГАПО (Государственный архив Пермской области) Ф. 316. Оп. 1. Д. 76. Л. 26; Д. 112. Л. 151 об.
6. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780 — 1880. К истории Вятского края. Вятка, 1880. С. 317.
7. Андриевич В.К. . Сибирь в XIX столетии. Часть 2 (период с 1806 по 1819 г.). СПб., 1889. С. 282 — 283; Козьмин Н.П. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. С. 53.
8. ПСЗ-I. Т. XXV. № 18450; Т. XXVII. № 21042; Т. XXVIII. № 21595; Т. XXXI. № 24162; ПСЗ-II. Т. I. № 426; Т. VII. № 5267; Т. X. № 7903; Т. XIV. № 12281, 12977.
9. ПСЗ-II. Т. IV. № 3037; Т. VIII. № 6212; Т. XI. № 9207; ТФ ГАТО (Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области) Ф. 329. Оп. 2. Д. 223. Л. 2 — 482.
10. ПСЗ-II. Т. I. № 691, 698.
11. ПСЗ-II. Т. VI. № 4657.
12. См. подр.: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 197 — 232.
13. Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / Под ред. В.В. Коновалова. Тюмень, 2000. С. 300.
14. ПСЗ-I. Т. XXX. № 23538.
15. ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19961.
16. ПСЗ-I. Т. XXXIII. № 26016.
17. ПСЗ-I. Т. XXXVII. № 28084.
18. ПСЗ-I. Т. XXI. № 15220.
19. ПСЗ-II. Т. VI. № 4984. С. 249 — 266.
20. ГАТО (Государственный архив Томской области) Ф. 3. Оп. 2. Д. 548. Л. 1 — 2.
21. ПСЗ-II. Т. I. № 37.
22. ГАКО Ф. 582. Оп. 47. Д. 115. Л. 1 — 7 об.; ТФ ГАТО Ф. 329. Оп. 11. Д. 243. Л. 235 — 236.
23. ГАКО Ф. 582. Оп. 47. Д. 115. Л. 17 — 19 об.; ТФ ГАТО Ф. 329. Оп. 11. Д. 243. Л. 245 — 246.
24. ГАОО (Государственный архив Омской области) Ф. 3. Оп. 1. Д. 85. Л. 22 — 22 об., 26 — 26 об.; ГАТО Ф. 51. Оп. 1. Д. 400. Л. 68 — 70.

25. ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 940. Л. 12 — 14 об.; Ф. 51. Оп. 1. Д. 400. Л. 16 — 54; ЦГИА РБ (Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан) Ф. 6. Оп. 1. Д. 103. Л. 118 — 131; Д. 365. Л. 9 — 10, 194.
26. ПСЗ-I. Т. XX. № 14816. П. 30.
27. Там же. Т. XXIII. № 17272; ГАКО Ф. 583. Оп. 16. Д. 1317. Л. 6; Оп. 603. Д. 370. Л. 259; ГАСО (Государственный архив Свердловской области) Ф. 8. Оп. 1. Д. 217. Л. 33; ГАТО Ф. 50. Оп. 1. Д. 680. Л. 1 — 24; ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области) Ф. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 6; ЦГИА РБ Ф. 6. Оп. 1. Д. 104. Л. 270.
28. ЦГИА РБ Ф. 6. Оп. 1. Д. 365. Л. 58.
29. ПСЗ-I. Т. XVII. № 12801.
30. ГАКО Ф. 583. Оп. 603. Д. 171. Л. 14, 72 — 73, 174.
31. ГАОрО (Государственный архив Оренбургской области) Ф. 6. Оп. 8. Д. 193. Л. 24 — 35; ГАТО Ф. 51. Оп. 1. Д. 400. Л. 54; ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 940. Л. 12 — 14 об.; ОГАЧО Ф. 15. Оп. 1. Д. 1046. Л. 14 — 15 об.; ЦГИА РБ Ф. 1. Оп. 1. Д. 496. Л. 19 — 195; Д. 910. Л. 150; Д. 1261. Л. 50 — 64; Ф. 6. Оп. 1. Д. 104. Л. 270; Д. 365. Л. 58.
32. ГАКО Ф. 582. Оп. 47. Д. 115. Л. 1 — 7 об.
33. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Тюмень, 2000. Т. 1. С. 350.
34. Суворова Н.Г. Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII — первой половине 60-х гг. XIX вв. (организация, функции, правовая регламентация). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997. С. 14 — 17.
35. ГАСО Ф. 8. Оп. 1. Д. 1925. Л. 49.
36. ГАКО Ф. 582. Оп. 44. Д. 237. Л. 85; Ф. 583. Оп. 603. Д. 171. Л. 54; ГАСО Ф. 8. Оп. 1. Д. 1925. Л. 96; ОГАЧО Ф. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 40; Д. 28. Л. 12; Ф. 15. Оп. 1. Д. 814. Л. 4; Ф. 44. Оп. 1. Д. 38. Л. 8 — 9; ЦГИА РБ Ф. 6. Оп. 1. Д. 365. Л. 58.
37. ПСЗ-I. XXII. № 16388; ГАКО Ф. 583. Оп. 16. Д. 706. Л. 1 — 4; Ф. 1321. Оп. 1. Д. 255.
38. СЗ Т. II. Ч. 1. С. 7.
39. ГАПО Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; ГАСО Ф. 491. Оп. 1. Д. 46. Л. 104.
40. ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20908; ТФ ГАТО Ф. 364. Оп. 1. Д. 41. Л. 2; Д. 63. Л. 1 — 6.
41. ГАСО Ф. 106. Оп. 1. Д. 92. Л. 3, 6, 17.
42. ПСЗ-I. Т. XXX. № 23538.
43. ГАТО Ф.22. Оп. 1. Д. 66. Л. 3 — 5; ОГАЧО Ф. 117. Оп. 1. Д. 4. Л. 222.
44. ПСЗ-I. Т. XXII. № 15763; ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 940. Л. 64.
45. ПСЗ-I. Т. XXX. № 23538.
46. ПСЗ-I. Т. XXI. № 15565; ПСЗ-II. Т. VI. № 4984. С. 264.
47. ПСЗ-II. Т. VI. № 4984. С. 260 — 262.
48. ГАОО Ф. 6. Оп. 2. Д. 143; ЦГИА РБ Ф. 1. Оп. 1. Д. 1091; Д. 1261. Л. 1.
49. ОГАЧО Ф. 15. Оп. 1. Д. 2367. Л. 3 — 5.
50. ПСЗ-II. Т. X. № 8662; ОГАЧО Ф. 15. Оп. 1. Д. 814. Л. 18; Д. 2489. Л. 1 — 4.
51. ПСЗ-I. Т. XXVI. № 20006.
52. ПСЗ-I. Т. XXXI. № 24319.
53. ПСЗ-II. Т. II. № 862.
54. ГАПО Ф. 177. Оп. 2. Д. 269. Л. 39 об.
55. ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21738.
56. ОГАЧО Ф. 15. Оп. 1. Д. 1379.
57. ЦХАФ АК (Центр хранения архивного фонда Алтайского края) Ф. 1. Оп. 2. Д. 2147. Л. 209 — 209 об., 466 — 467.
58. ЦХАФ АК Ф. 2. Оп. 2. Д. 26. Л. 16 об.

59. Там же. Л. 169 — 169 об.
60. ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Ст. 182 — 184, 324 — 326, 368 — 370; Ст. 409. П. 8.
61. СЗ. Т. II. Ч. 2. С. 476.
62. ПСЗ-II. Т. VIII. № 6387; Т. X. № 8475; Т. XI. № 9820; Т. XVI. № 14441; Т. XXI. № 20139.
63. СЗ. Т. II. Ч. 1. С. 20.
64. ПСЗ-I. Т. XXXVIII. № 29092; ГАКО. Ф. 1321. Оп. 1. Д. 306; ТФ ГАТО Ф. 329. Оп. 13. Д. 117. Л. 6 — 6 об.
65. СЗ Т. II. Ч. 1. С. 15.
66. ПСЗ-II. Т. XII. № 9983, 10690; Т. XVII. № 15328.
67. ОГАЧО Ф. 15. Оп. 1. Д. 1379.
68. ГАТО Ф. 50. Оп. 1. Д. 1032. Л. 12.
69. ЦХАФ АК Ф. 1. Оп. 2. Д. 2147. Л. 465.
70. ОГАЧО Ф. 115. Оп. 1. Д. 99. Л. 11 — 12.
71. ПСЗ-I. Т. XXI. № 15519; ЦГИА РБ Ф. 1. Оп. 1. Д. 1759. Л. 1 — 4.
72. ГАОрО Ф. 6. Оп. 3. Д. 3642. Л. 28 — 30; ГАПО Ф. 177. Оп. 1. Д. 49. Л. 5.
73. ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21554.
74. ПСЗ-I. Т. XXXIX. № 30066; Т. XL. № 30503, 30594; ПСЗ-II. Т. II. № 861.
75. ПСЗ-I. Т. XXXIX. № 29895.
76. ПСЗ-II. Т. III. № 2148.
77. ПСЗ-II. Т. X. № 7783.
78. ГАОрО Ф. 6. Оп. 3. Д. 6425; ГАТО Ф. 22. Оп. 1. Д. 292. Л. 1 — 5 об.; ОГАЧО Ф. 115. Оп. 1. Д. 14; 26; 90; ЦГИА РБ Ф. 100. Оп. 1. Д. 1.
79. ПСЗ-II. Т. VI. № 4461; Т. XVII. № 15206; ГАПО Ф. 177. Оп. 1. Д. 86. Л. 95.
80. ГАКО Ф. 1378. Оп. 1. Д. 39. Л. 6; ОГАЧО Ф. 44. Оп. 1. Д. 126. Л. 3.
81. ПСЗ-I. Т. XLIII. № 24985.
82. ПСЗ-I. Т. XL. № 30291.
83. ПСЗ-II. Т. IX. № 7369; Т. X. № 7744, 7858.
84. ГАТО Ф. 3. Оп. 19. Д. 116. Л. 32 — 35.
85. ПСЗ-II. Т. X. № 7779.
86. ПСЗ-II. Т. XII. № 10662.
87. Журнал министерства юстиции. СПб., 1859. Т. I. С. 11 — 16.
88. См.: Градовский А.Д. Высшая администрация в России и генерал-прокуроры // Соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 37 — 297.
89. ГАТО Ф. 3. Оп. 11. Д. 457. Л. 1 — 3 об.
90. ПСЗ-I. Т. XXXI. № 24916.
91. ГАКО Ф. 582. Оп. 2к. Д. 16. Л. 43 — 45; ГАОО Ф. 6. Оп. 5. Д. 10796. Л. 50 — 51 об.; ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 1064. Л. 2.
92. См.: Казанцев С.М. История царской прокуратуры. СПБ., 1993; Басков В.И. История прокуратуры Российской империи // Вестник Моск. ун-та. Сер. Право. 1997. № 2. С. 3 — 12.
93. ГАПО Ф. 77. Оп. 1. Д. 8. Л. 159.
94. ГАПО Ф. 36. Оп. 2. Д. 236а. Л. 260 — 275, 375 об.; ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 498. Л. 308, 312, 329 об., 343 об., 387 об.; ЦГИА РБ Ф. 1. Оп. 1. Д. 2896. Л. 320.

ABOUT STATUS POSITION OF CIVIL JUDGES IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY (on the materials of provinces of the Urals and Western Siberia)

The article is devoted to a problem of status position of judicial persons in first half of the XIX century on an example of the Urals and Western Siberia: Vyatskaya, Orenburgskaya, Permskaya, Tobolskaya and Tomskaya provinces. Principles of selection of candidates and legal bases of activity of judicial officials and judicial representatives are revealed in the article on the basis of the analysis of acts, record-keeping documentation, and also the historical literature. The organization of class justice promoted stability of the absolutism political system. Retraction by the government of wide social strata in an official legal field created favorable conditions for progressive reorganization of judicial system in historical prospect. Lawmaking of the second quarter of the XIX century prepared legal base for activity of professional judges.

V.A. Voropanov

Е. Ю. Апкаримова

Власть и общество в уральской провинции во второй половине XIX — начале XX в.*

Специфика Урала второй половины XIX — начале XX в. во многом определялась значительным числом горнозаводских поселений, их высоким уровнем развития и большой ролью в социально-экономическом и культурном развитии региона. По ряду критериев, в первую очередь имеются в виду функциональные особенности, городские и горнозаводские поселения на Урале имели общие черты, причем последние не всегда уступали первым и даже превосходили их по некоторым показателям социально-экономического развития. Вместе с тем, наблюдались и существенные различия в общественной жизни этих поселений с разным официальным статусом. Представляется весьма плодотворным сравнительный анализ их эволюции в период Великих реформ. Такой подход способствует более глубокому пониманию специфики российского города вообще и его уральского варианта в частности, а также выявлению особенностей развития горнозаводских поселений на Урале в рассматриваемое время. Цель данной статьи — рассмотреть эволюцию власти и общества на примере горнозаводских и городских поселений Урала в пореформенный период.

Наиболее аргументированным критерием при разделении городских и не городских поселений в России XIX в. представляется их юридический статус. Так определяли их и сами современники, и значительное число авторитетных в российской урбанистике специалистов. Помимо отличающих города экономических функций им были присуще особое общественное устройство. Горожане обладали соответствующими гражданскими правами. Города выполняли свойственные только им функции. В XVIII — XIX вв. российский город был средоточием различного рода власти. Вполне справедливо Б.Н.Миронов вслед за другими отечественными историками соответственно определил и процесс городообразования «как возникновение новых центров, фокусирующих различного рода

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-01-83107 а/у.

власть». Предпосылкой городообразования, пишет он, могло быть официальное учреждение города или определенные экономические процессы. А удержание статуса города оказывалось возможным при условии, если данное поселение «удовлетворительно функционировало в качестве средоточия экономической, административной, судебной и другой власти» [1].

Официального деления поселений на городские и не городские придерживался, например, знаток городов первой половины XIX в. Н.А.Милютин, эту точку зрения разделяет современный исследователь Б.Н.Миронов [2], а также специалист по проблемам российского города второй половины XIX в. П.Г.Рындзюнский. Последний, в частности, утверждал: «При достаточно широком подходе к общественным явлениям и должном внимании не только к производительной деятельности людей, но и ко всем существенным сторонам их общественной жизни рассмотрение городов в том их составе, каким он был официально признан, получает свое оправдание и представляется единственно возможным» [3].

П.Г.Рындзюнский исследовал процесс появления новых городов в пореформенное время, осветил механизм перехода поселений в города, требовавший рассмотрения этого вопроса в нескольких инстанциях. Он отметил, что ближайшими кандидатами в города являлись заводские поселения, подкрепив этот тезис примерами. Вместе с тем, одним из первых этот историк указал и на другую тенденцию — «столкновение живых городообразовательных процессов с сохранявшимися от дореформенного времени порядками», что наглядно выразилось в длительном и безуспешном обсуждении вопроса о преобразовании ряда селений в города на Урале. Речь шла о таких крупных промышленно-торговых центрах как Нижний Тагил и Невьянск [4]. В числе причин, мешавших их преобразованию в города, П.Г.Рындзюнский выделял: отсутствие единодушия в отношении к реформе у самих жителей поселений, «грабительские намерения заводовладельцев» [5]. Представляется важным более глубоко проанализировать их историю в контексте актуальной для пореформенного времени проблемы — власть и общество в уральской провинции.

Следует подчеркнуть, что Нижний Тагил был одним из наиболее крупных горнозаводских центров на Урале. Его история тесно связана с биографиями Демидовых. Само это поселение возникло в октябре 1722 г. при строительстве Н.Демидовым Выйского медеплавильного завода. В декабре 1725 г. у подножия горы Высокой был построен чугуноплавильный завод, имевший самую крупную в Европе домну. Тагильские железные полосы с демидовским клеймом высоко ценились не только в России, но и в Европе. В 1807 г. Нижне-Тагильский завод вошел в состав Тагильского горного округа, принадлежащего наследникам Н.Демидова. После открытия в 1814 г. Меднорудянского месторождения в Нижнем Тагиле началась добыча малахита, развитие медной и золотоплатиновой промышленности [6]. И в дальнейшем горнозаводское дело определяло экономический уклад и накладывало свой яркий отпечаток на весь облик этого поселения.

Великие реформы всколыхнули общественное сознание всех слоев российского общества. В эпоху Александра II, пользовавшегося большой народной любовью, произошли и существенные изменения в общественной жизни Нижнего Тагила. Недаром тагильцы предусмотрели ряд мер, способствовавших сохранению памяти о царе-освободителе. После издания Манифеста об освобождении крестьян из крепостной зависимости, изданного в марте 1861 г., верующие в Нижнем Тагиле отслужили благодарственный молебен о здравии и благоденствии царя и всего царствующего дома и единодушно постановили увековечить память об этом великом событии, поставив в церквах иконы св. Благоверного князя Александра Невского. Кроме того, прихожане Свято-Троицкой единоверческой церкви решили устроить в церкви особый придел также во имя ангела-хранителя царя. Все эти решения были выполнены. Однако и этим верующие Нижнего Тагила не ограничились, «пожелав более видимым, отдельным памятником освятить это вожделенное событие», и приступили к сооружению нового, каменного храма во имя Благоверного князя Александра Невского. Кроме того, чтобы «и самое название места не напоминало более крепостной неволи, целовались просить Всемилостивейшего отца-освободителя, чтобы благоволил Нижнее-Тагильск, имеющий 26 тыс.

жителей, обширную торговлю и все элементы городского быта, — преобразовать в город с наименованием его Александровским» [7].

8 сентября 1861 г. на полном сходе Нижне-Тагильской волости присутствующими был подписан приговор о преобразовании Нижнего Тагила в уездный город Александровский. Эта просьба, поступившая от них в министерство внутренних дел, аргументировалась как удобством географического расположения Нижнего Тагила, так и показателями его экономического потенциала: «Нижне-Тагильск, по географическому положению своему, находится в центре городов Пермской губернии, именно: от Екатеринбурга с юга в 150 от Верхотурья с севера в 160 от Ирбита с востока и Кунгура с запада в 200 верстах, и что по освобождении крестьян от крепостной зависимости, многие из них занялись торговлей и промышленностью, деятельность которых при новых условиях общественного быта, быстро развивается, и все это становит Нижне-Тагильск, имеющий более 26 тыс. душ населения, на степень городов весьма торговых и промышленных». Отмечалось также, что даже не будучи городом, он отнесен по торговле к 3 разряду патентной пошлины наравне с Пермью, Екатеринбургом и Ирбитом, тогда как Верхотурье, в уезде которого Нижний Тагил находился, «по отсутствии в нем торговой деятельности и жители которого и занимались преимущественно хлебопашеством», относился к 5 разряду. Говорилось, что купцы, проживавшие в Нижнем Тагиле и занимавшиеся в нем торговлей, ежегодно «отвлекались» в Верхотурье как для получения и предъявления торговых свидетельств, взноса в казначейство различных платежей, а особенно для выполнения общественной службы, требовавшей ежедневного присутствия и заставлявшей временно прекращать коммерческую деятельность и временно переселяться в Верхотурье. В Министерство внутренних дел поступили: приговор жителей Нижнего Тагила о ходатайстве, план поселения и согласие на это заводовладельца Демидова [8].

Министр внутренних дел командировал статского советника Мордвинова удостовериться, «точно ли все заводские мастеровые и прочие жители желают иметь в Нижне-Тагильске уездный город и знают ли они, что будучи мещанами, они лишаются прав на пользование покосами и пашнями, кои отойдут во владение помещика Демидова». Вопрос обсуждался вновь на волостном сходе в присутствии старосты и выборных от общества 25 августа 1863 г. На нем было принято решение просить мирового посредника довести до сведения начальства о желание общества мастеровых «быть причисленным к городскому сословию с переименованием Нижне-Тагильска в уездный город с теми учреждениями и управлениями, какие присвоены уездным городам». Этот приговор был отправлен местному посреднику Эйлеру 2 сентября 1863 г. для Мордвинова. С тех пор прошло более 10 месяцев, а вопрос оставался нерешенным. Уполномоченные от 26 тыс. жителей Нижнего Тагила — ирбитские купцы П.И.Живилов и В.И.Урожденский — вновь ходатайствовали перед властями о выполнении просьбы [9].

Что касается мнения самого статского советника Мордвинова, то он, отчитываясь перед земским отделом Министерства внутренних дел, докладывал, что при посещении Нижнего Тагила он на сходе подробно объяснял мастеровым «невыгоды перечисления их в мещане и преимущественно указывал на прекращение для них всех прав на заводские земли и на упразднение их волостного управления». При этом он отмечал, что местный волостной старшина заслуживал «полного одобрения», а волостной суд, имевший заседание в его присутствие, «разбирал взаимные споры мастеровых между собой добросовестно и со знанием дела», а очередные судьи были людьми, «пользовавшимися уважением и авторитетом». И все-таки сам Мордвинов при рассмотрении рассматриваемых приговоров «со своей стороны не находил основания к отказу в ходатайстве мастеровых» [10].

Несмотря на положительные оценки, данные Мордвиновым волостным управлению и судопроизводству в Нижнем Тагиле, есть свидетельства очевидцев прямо противоположного характера (о медленности работы волостного суда и волостного правления в целом), которые дают основания для некоторых сомнений в эффективности функционировавшего в Нижнем Тагиле управления. Недаром вопрос о городском статусе жители Нижнего Тагила непосредственно связывали с идеей формирования нового, более действенного местного управления. В пореформенный период здесь было организовано 5 сельских обществ, составлявших до 1883 г. одну волость — Нижнее-Тагильскую.

В газете «Екатеринбургская неделя» один местный крестьянин отмечал, что управлять такой громадной волостью было «чрезвычайно трудно, особенно при значительном контингенте лиц некрестьянского сословия, составляющих terra incognita для должностных лиц волостного правления». Расходится с мнением Мордвинова и его характеристика руководителей волостного управления. В газетной заметке крестьянин утверждал, что общество мастеровых почти с самого основания волости не могло выбрать хорошего волостного старшину, хотя, на его взгляд, в числе мастеровых было много «людей довольно развитых и распорядительных, но ни один из них не шел на должность старшины...». Современник жаловался на медленное решение дел в волостном управлении, «плохие порядки» в волости в целом и в частности на их последствие — значительные недоимки в податях. Инициатива губернатора в деле разделения Нижнего Тагила на три волости нашла поддержку у большинства мастеровых. Однако все тот же крестьянин, ссылаясь на недостаток самостоятельности должностных лиц и при такой системе управления, писал: «Очень жаль, что мастеровым никто не растолковал, что разделение на три волости не только не улучшит дела, но много ухудшит его. Если уж нельзя изменить положение волостных и сельских должностных лиц относительно начальства, то лучше бы Тагил сделать городом». Он предполагал, что с получением статуса города повинности с жителей уменьшились бы, возросла бы эффективность общественного самоуправления. Критикуя назревавшее преобразование одной Нижне-Тагильской волости в три волости, он указывал на определенные трудности и недостатки такого реформирования. В частности, как заинтересованное лицо, отмечал он увеличение расходов на содержание еще двух волостных правлений, 2-х старшин и 2-х волостных писарей, на устройство помещений для волостных правлений и их обстановку; перспективы деления волостного имущества в связи с разделом и т.д.Свою полемическую статью крестьянин завершал словами: «Не лучше ли волостным и сельским властям придать побольше самостоятельности? Тогда они имели бы больше времени заниматься крестьянскими делами, и дела эти пошли бы гораздо лучше...».

Такое разделение Нижнего Тагила на три волости предполагалось осуществить к 1882 г., но реально оно состоялось с 1 января 1883 г. Каждая волость имела свой орган управления — волостную управу во главе с волостным старшиной; единого же общетагильского института самоуправления до революции не было, функции последнего осуществляла заводская администрация. Волостное управление состояло из волостного схода, волостного правления во главе с волостным старшиной и волостного суда. На уровне сельского общества представительным институтом являлся сельский сход, выбирались также исполнительные лица: сельский староста, два сборщика податей, сотские и десятские [11].

Чтобы лучше представить, что собой представлял Нижний Тагил в середине XIX в., обратимся к сведениям о составе его населения. Основное ядро в нем составляли лишившиеся крепостной зависимости мастеровые, принадлежавшее ранее Демидову: 9144 муж. и 10083 жен. Кроме того, в Нижнем Тагиле проживали представители разных иных сословий — дворян, чиновников, духовенства, мещан, крестьян из других губернии и ведомств, а также купцов — 2243 муж. и 2206 жен.

Нижний Тагил отличался от многих других поселений Уральского края значительным числом различных культурных учреждений — в нем насчитывалось: православных церквей — 4, единоверческих — 3, каменных домов — 129, деревянных — 3805, торговых лавок и магазинов — 319, училищ — 4 и приютов — 2, а также народная школа [12].

О значительности экономического потенциала Нижнего Тагила указывает численность заводов, фабрик и других промышленных заведений и количество работавших на них людей (см. таблицу 1).

Кроме того, отдельно следует сказать о 3200 рабочих, трудившихся при чугуноплавильном, медиплавильном и железоделательном заводах Павла Павловича Демидова.

Что касается иных учреждений, то винных складов в Нижнем Тагиле было 6, питейных и постоялых домов — 126, трактиров — 2. гостиниц — 4. Всего занимавшихся торговлей и промышленно-

Таблица 1.

Численность заводов, фабрик и других промышленных заведений с указанием количества работавших на них людей

Предприятия	Число	Количество работников
Кожевенные	8	37
Салотопенные	6	14
Мыловаренные	4	11
Прядиленное	1	17
Канатный завод	1	36
Бумажная фабрика	1	20
Подносные	22	188
Лаковая фабрика	1	16
Ковшечных	7	45
Сундучных	7	64
Лудиленных	5	46
Иконостасных и живописных	4	7
Красильных	5	35
Кузнечных заведений*	30	162
Гвоздарных	9	27
Экипажных	2	11
Столярных	7	16
Слесарных	2	7
Пряничных	1	17
Шваленных	39	170
Чеботарных	4	48
Маслобойных	6	21
Скотобоен	7	10
Мукомольных мельниц	5	62
Итого	193	1114

* Кроме того, домашних кузниц у мастеровых было 170.

Источник: РГИА. 1287. Оп.38. Д.462. Л.81.

стью в Нижне-Тагильском заводском селении купцов насчитывалось 97, мещан — 256, мастеровых — 244. На нижне-тагильский рынок ежегодно привозилось до миллиона пудов хлеба [13].

Весьма приятное впечатление Нижний Тагил и его жители произвели на В. Немировича-Данченко, проезжавшего в 1875 г. по Уралу. «В Тагиле, — писал он, — до сорока тысяч населения, из них четвертая часть живет, исключительно, заводским делом. Я не ошибусь, если скажу, что до такой степени развитой в умственном отношении народ мне попадался только на мальцевских заводах, да на далеком севере, в Поморье».

Социокультурный портрет тагильца, нарисованный В. Немировичем-Данченко, представляет особый интерес: житель Нижнего Тагила «старается быть чисто одетым, хорошо держится и, вообще, мало похож на рядом живущего уральского мужика, даже на тут же бок-о-бок потеющего под огнем выйского мученика. Ругань здесь не в обычае, и нецензурные слова не слышатся на каждом шагу, как в других местах нашего в этом единственном отношении, весьма либерального отечества. Тагильцы очень вежливы друг с другом, о драках у них не слыхать. Люди тут себя «соблюдают в аккурате», и с первого взгляда вы замечаете уже в них некоторую выдержку» [14].

Впрочем, указал писатель и на некоторые общественные пороки: «Тагильцы, вообще, кажутся на Урале несколько высшей расой, хотя те же развитые люди вовсе не считают преступлением, например, кражу золота, платины, железа. Это своего рода подвиг, молодечество. Им хвастаются и между собой вовсе уже не скрывают. ...Оказалось, что похищение этих металлов здесь весьма вежливо называют «переводом». Народ, вообще, ловкий» [15].

Обратил В.Немирович-Данченко и на особенности праздничной культуры тагильцев, в том числе на некоторые элементы городского быта. В частности, рассказывал он о времени «каникул», которые каждый завод в конце лета давал рабочим на полевую страду, косьбу и другие хозяйственные дела, и эти месяц-полтора являлись для них вполне праздником. «Бабы, — пишет очевидец, — надевают лучшие платья — глаза слепит от них; мужчины не отстают и щеголяют напропалую. Нанять в это время никого невозможно, даже за тройную цену. Работы приостанавливаются». Как неотъемлемый атрибут праздника упоминает Немирович-Данченко танцы: «Тагильцы во время страды, по вечерам после работы, собираются и под музыку открывают даже что-то вроде балов. Бабы и парни пляшут «по-городскому». Хороводов не водят, давно от них отстали. «Помилуйте, мужицкое дело!» [16]. Значительно позже общественные праздники и обычаи жителей Нижнего Тагила в конце XIX — начале XX в. стали предметом специального профессионального внимания В.Ю.Крупянской и Н.С.Полищук, выявивших в них черты городского и крестьянского быта, что было обусловлено спецификой горнозаводского поселка. Например, указывая на долгое сохранение в Нижнем Тагиле элементов аграрной обрядности, в частности зимнего и весенне-летнего циклов, они отмечали, что и эти обряды впитали в себя ряд городских черт, таких, как святочные маскарады, масленичные балаганы, карусели, катание на лошадях и пр. Нижний Тагил был известным религиозным центром, притягивавшим к себе особенно в большие христианские праздники жителей из окрестных сел. Своими особенностями отличались престольные праздники, в целом выдержанные в сельских традициях, но сопровождавшиеся отдельными элементами городских гуляний. К ним относились: «иллюминация» Гальянки, торговля сластями на Лисьей горе, катание на лодках и пр. [17]

Более высокая грамотность на Урале была характерна для городского населения. Однако и здесь Нижний Тагил не отставал от городов. В.Немирович-Данченко отмечал «почти поголовную грамотность» среди тагильчан, описывал механизм достижения такого результата. По распоряжению местной конторы все заводские рабочие, не умевшие читать и писать, должны были посещать школу. Через некоторое время оставшиеся «в прежнем состоянии неведения древа познания», изгонялись с завода. И мальчики, и взрослые, посещавшие учебные курсы, получали за это деньги, как за рабочий день. Эта мысль обязательности обучения грамоте (с зачетом рабочего дня), как и ее практическое воплощение, принадлежала Кронебергу и Нитте. В школу, рассчитанную на 80 учеников, приходило до 300 человек. Обращали на себя внимание случаи прихода в школу шестидесятилетних стариков. Тогда уже задумывалось открытие в Нижнем Тагиле высших технических школ. С учетом подверженности края расколу школьная программа здесь была несколько скорректирована — класс закона Божия заменялся рассказами из священного писания, евангелия и житийной литературы. Школьное дело успешно развивалось и имело практический характер. При школах, устроенных в рудниках, имелись все инструменты рудничного дела. Если при маленьких заводиках не хватало места, школа устраивалась даже в оставленных сушильных больших печах. Кроме этих начальных училищ в нижнем Тагиле действовали народжные школы с четырехлетним, реальное с шестилетним и женское училище — тоже с шестилетним курсом. Практическая специализация в реальном училище осуществлялась в последние 2 года, когда каждый воспитанник должен был избирать себе специальность: лесную, заводскую, горную или бухгалтерскую. Окончивших курсы брали во все окрестные заводы (Алапаевские, Паядинские) «за высшее вознаграждение». Местное управление этому не мешало. На народное образование тратились значительные средства — ежегодно по всему тагильскому округу на народное образование расходовалось около 95000 руб. (зем-

ских и владельческих). Обучение было везде бесплатным, а семьям бедных учеников даже оказывалось пособие (в совокупности на это ежегодно шло 2000 руб.). В результате развития образования грамотность в Нижнем Тагиле, свидетельствует Немирович-Данченко, «подвинулась настолько, что рабочие читают, и довольно усердно, газеты, понимают их; не редкость у них найти книгу и, разумеется, не ту гниль и глупость, какие по лицу земли Русской распространяют гг. Леухины, Манухины, а нечто обнаруживающее уже несколько пробудившийся вкус...» [18]. Вся эта характеристика относилась именно к собственно заводскому населению, в ином положении находились хлебопашцы.

По сравнению со многими другими населенными пунктами Урала Нижний Тагил отличался лучшей благоустроенностью. Тот же В.Немирович-Данченко констатировал: «Тагильцы и живут гораздо чище других жителей уральских сел и городов. Даже гигиенические условия их обихода — иные. Весь Тагил разбит на участки, и ежедневно смотрители обходят свои участки, наблюдая за чистотою во дворах, в домах. Об осмотре записывается в бланк, выдаваемый домохозяину. Причем отмечаются неисправности, которые немедленно должны быть устранены» [19].

Еще одним ярким показателем культуры тагильцев было развитие медицинского обслуживания. В местной больнице «не было отбою от желающих лечь в нее». «Лекарства, — следует из рассказа современника, — прописываются медиком, принимаются точно, советы выполняются буквально. Доверие — полное. При малейшем недомогании рабочий идет к доктору. Вместе с врачами здесь работают ученики и фельдшера. Те и другие — из местной фельдшерской школы, куда они поступают, окончив реальное училище». Главным профессором фельдшерской школы был Руднавский. При Нижне-Тагильской школе было отделение фельдшериц, первый выпуск его учениц состоялся в 1870-м году [20].

Можно видеть, что Нижний Тагил представлял собой не только экономический, но и культурный центр в Верхотурском уезде. При этом в материальной и духовной культуре тагильцев в последней четверти XIX — начале XX в. отчетливо прослеживались элементы городского быта.

Однако по вполне понятным причинам его общественный уклад в целом и система управления были весьма отличными от городской. В монографии В.Ю.Крупянской и Н.С.Полищук сформулирован вывод: «специфические городские формы общественного быта не получили здесь сколько-нибудь заметного развития. В Нижнем Тагиле не было ни цеховых организаций, ни органов городского самоуправления. Только общественная и культурная деятельность местной либеральной интеллигенции приняла здесь формы, типичные для русского города тех лет». Так, в конце 1870-х годов в Нижнем Тагиле был организован санитарный комитет, тогда же возникло благотворительное общество; в 1880-е годы здесь появился «Комитет Красного Креста», а в начале 1890-х годов по инициативе одного из местных священников открылся Комитет попечения о народной трезвости. Спустя десятилетие в Нижнем Тагиле возникли: Кружок по устройству развлечений и чтений для народа, общества потребителей и ссудно-сберегательные товарищества [21].

Жители Нижне-Тагильского завода, мечтая о преобразовании Нижнего Тагила в город, надеялись на ряд новых позитивных изменений, в частности, что проживавшие там «сторонние люди» войдут в «здешнее городское сословие и будут важной поддержкой общества»; торговые люди, причисленные к другим обществам, но проживавшие в Нижнем Тагиле, не будут вынуждены выезжать в другие места для взноса податей и получения паспортов, «не будут тратить много и напрасно денег, а главное не будут отвлекаться от заводской службы для общественной». Они также надеялись на введение в Нижнем Тагиле городского самоуправления по Городовому положению, формирование городской полиции и пожарной команды, «что гораздо лучше будет обеспечивать тишину и спокойствие, и общественную безопасность в селении». Наконец, просители полагали, что городской образ жизни и соответствующие городам учреждения «конечно больше будут действовать на нравственное и умственное развитие населения и избавят заводы от содержания госпиталей, училищ и церквей». Кроме того, возлагались надежды на более интенсивное развитие местной про-

мышленности, благодаря которой и заводы обеспечивались бы многими необходимыми для их работы «припасами».

Что же касается невыгодных последствий в результате возможного преобразования Нижнего Тагила в город, то они связывались с возможностью потери «заводским сословием» права на надел его покосами и лесом и получении только усадеб и выгона, а также с упразднением обязательств заводовладельца по содержанию местной полиции, пожарной команды, церкви, училища, больницы, равно как и обязательств по оказанию содействия «в содержании общественного управления, чистоты и опрятности в селении» (последнее свидетельствовало о необходимости расходов, которые могли стать «обременительными» для большинства бедных людей). Высказывались опасения, связанные с потерей опеки заводского начальства, увеличением «расстояния» между городским сословием и заводским начальством, отчего «бедный класс» мог многое потерять «в правах своих на помощь и содействие со стороны заводского начальства, как по содержанию их, так и в других нуждах». Местные торговцы побаивались городских торговых сборов, что больше бы сказалось на заводских людях, чем на приезжих купцах. Волновала тагильчан в целом проблема дальнейших взаимоотношений рабочих и заводского начальства при большем недостатке рабочих в результате их возможного перехода в городские сословия и новым образом жизни, что придало бы этим взаимоотношениям, «непрестанным и сложным, характер «боле стеснительный для обеих сторон» [22].

Однако и в общественных, и во властных кругах стали все отчетливее осознаваться преимущества такого реформирования. В 1871 г. в Комитете Министров рассматривался рапорт сенатора Клушина, ревизовавшего Пермскую губернию и отстаивавшего идею перенесения уездного города из Верхотурья в Нижний Тагил «в видах административных и с целью развития горнозаводской промышленности и торговли». Параллельно предлагалось город Далматов Шадринского уезда преобразовать в село.

В рапорте приводилась сравнительная характеристика Нижнего Тагила и Верхотурья, свидетельствовавшая не в пользу уездного города. Если население Нижнего Тагила превышало 25 тыс. жителей, его годовой оборот доходил до 9 млн. руб., то в Верхотурье проживало всего около 4 тыс. жит., стоимость его недвижимости не превосходила 26 тыс. руб. Приводились данные и о заштатном городе Далматове, в котором насчитывалось «114 душ городского населения муж. п. и 1627 душ крестьян», обосновывалось необходимость его преобразования в село, т.к. «тяжесть городского положения падала на крестьянское население, не пользовавшегося выгодами городской жизни» [23].

Эти данные еще раз подтверждают традиционное для российской (в том числе уральской) действительности несоответствие между уровнем социально-экономического развития населенных пунктов (городских и не городских) и их официальным статусом, усилившееся в пореформенное время (впрочем, как и само желание, и ходатайство жителей Нижнего Тагила о преобразовании поселения в город) [24]. Анализируя региональную специфику уральских поселений, В.П.Семенов-Тян-Шанский выделял особый горнозаводской тип заселения, для которого характерна прямая зависимость способности к городской жизни от интенсивности горнопромышленной деятельности. Он пришел к этому, вычислив по уездам процентное распределение населения, жившего несельскими занятиями по отношению ко всему населению каждого конкретного уезда, сопоставив данные с показателями «торгово-промышленной бойкости» территорий на рубеже XIX-XX вв. Последний показатель представлял собой количество торгово-промышленного оборота на 1 жителя. Так, в Верхотурском уезде процент населения, незанятого сельским хозяйством, составлял 52% при «торгово-промышленной бойкости» в 150 руб. Что касается критериев для определения истинного города (вопрос весьма дискуссионный в историографии и поныне), то В.П.Семенов-Тян-Шанский, полагал, что «В Европейской России с ее территориальной пестротой экономической жизни едва ли можно установить один общий критерий для минимального количества населения, образующего истинный город, как это имеет место в Западной Европе» [25]. Разделяя точку зрения, что решающим для определения города применительно к пореформенному периоду российской истории является официальный статус, тем не менее, считаю возможным использование данных о так называ-

емых «экономических городах» В.П.Семенова-Тян-Шанского и его экономический подход для общей сравнительной характеристики рассматриваемых уральских поселений [26]. В.П.Семенов-Тян-Шанский предложил установить минимальные нормы для признания города: численность душ обоего пола в населенном пункте не ниже 1000 и величина торгово-промышленного оборота не меньше 100000 руб. Что касается Нижнего Тагила и Верхотурья, то оба они соответствовали этим критериям «истинного города». Вместе с тем, диспропорция в тех же показателях их развития была очевидна. Так, на рубеже XIX-XX вв. Нижний Тагил, расположенный в Верхотурском уезде Пермской губернии, не являвшийся «административным пунктом», по демографической классификации В.П.Семенова-Тян-Шанского относился к категории «средних городов» (населенных пунктов с численностью жителей от 10000 до 40000 чел.). По Первой всероссийской переписи 1897 г. в нем насчитывалось около 31,4 тыс. душ, на рубеже XIX-XX вв. около 35 тыс. Показатель «торгово-промышленная бойкости» в Нижнем Тагиле к началу XX в. достигал 284 руб. (это был средний показатель по собственно экономической классификации В.П.Семенова-Тян-Шанского). Промышленность в Нижнем Тагиле играла значительную роль, составляя 36% в торгово-промышленной деятельности. Верхотурье же по населенности относилось к категории городков. По Первой всероссийской переписи населения в этом городе насчитывалось око 3,2 тыс. жителей, на рубеже XIX-XX вв. — 3,5 тыс. человек. Показатель «торгово-промышленной бойкости» здесь к началу XX в. составлял 117 руб. (это был также средний, но в 2 раза меньший по сравнению с Нижним Тагилом показатель по собственно экономической классификации В.П.Семенова-Тян-Шанского). Промышленность в Верхотурье была развита незначительно, составляя менее 1% в торгово-промышленной деятельности [27]. Эти данные об экономическом потенциале рассматриваемых поселений также свидетельствуют, что определенные основания для постановки вопроса о статусе Нижнего Тагила действительно были.

В начале XX в. в Нижнем Тагиле действовали около 40 промышленных предприятий и около 300 торговых заведений. Его жители занимались также кустарными промыслами: выделкой подносов, сундуков, железных ведер, туесов и т.п. В 1909 г. в Нижнем Тагиле проживало 34,7 тыс. чел. По численности населения он уступал только двум городам Пермской губернии — Перми и Екатеринбургу. При этом он являлся экономическим и культурным центром. В нем находились: главная контора горного округа, горнозаводское училище, 2 женские гимназии, высшее начальное училище, 2 двухклассных училища, 7 православных храмов, 2 клуба, театр, заводской госпиталь, земская больница, аптека, заводская библиотека, 3 кинотеатра, почта-телеграф, детский приют, горнозаводской музей, метеостанция. На торговой площади располагался памятник Александру II [28]. Между тем, в досоветское время Нижний Тагил так и не получил официального статуса города со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он стал городом только в 1919 г. Между тем, Верхотурье и Долматов во второй половине XIX — начале XX в. официально оставались городами. Впрочем, показательно, что Верхотурье в 1926 г. было переведено в разряд сельских поселений [29].

Сохранению статусов рассматриваемых поселений в дореволюционное пореформенное время способствовал ряд обстоятельств. Не последнее место играло мнение местной власти в целом и в частности лично губернатора. Так, вопрос предварительно изучался на уровне губернского правления, которое сочло возможным оставить Верхотурье уездным городом, сделав из Нижнего Тагила новый город, равно как и сохранить status quo в ситуации с Долматовым, не найдя достаточных оснований для его реформирования. Сам же губернатор в целом разделял позицию губернского правления относительно Верхотурья и Далматова, но его беспокоили перспективы Нижнего Тагила, население которого, на его взгляд, не имело, «за самым незначительными исключениями, никаких прочных задатков ни в поземельном, ни в торговом, ни в промышленном отношениях, для самостоятельности городского населения и находится в совершенной зависимости от заводских работ, сокращение или уничтожение которых, независимо от того, пройдет или не пройдет железная дорога через Тагил, низведет Тагил на степень обыкновенного селения» [30].

Побывавший весной 1899 г. в Нижнем Тагиле знаменитый ученый Д.И.Менделеев изложил свое видение проблемы: «Нижнее-Тагильск — целый город, 32 тыс. жителей, с широкими улицами, с прекрасными церквами, с монументами на площадях, с пожарной каланчой на соседнем холме, как на многих заводах, а считается селом, хотя в нем одном три волости. Не сделан он городом, вероятно, по той причине, что состоит в посессионном владении рода Демидовых, и с городским устройством еще более запутались бы и без того сложнейше путанные отношения между владельцем, казною и жителями» [31].

Вместе с тем показательно, что одновременно на Урале существовали города, которые весьма пассивно реагировали на новое законодательство и соответствующие возможности преобразования общественной жизни. Так, в 1878 г. было введено Городовое положение в Алапаевске. Однако в следующем году на странице газеты «Екатеринбургская неделя» отмечалось, что действие городского управления ограничилось лишь избранием законного числа гласных, городского головы и секретаря, членов городской управы, хотя уже истекал год их существования. Автор газетной статьи критиковал невнимание власти к проблеме благоустройства Алапаевска. В заключении он выражал опасение: «Если действия ее (власти — Е.А.) не расширятся далее стен канцелярии, то не в далеком будущем мы будем тонуть в грязи» [32].

Что собой представлял город Алапаевск в пореформенний период видно из еще одной газетной заметки, написанной «одним обывателем» и опубликованной также в «Екатеринбургской неделе». Ее автор констатировал: «Наш город, заключающий в себе, как известно, Нейво-Алапаевский завод наследников С.С.Яковлева, принадлежит к числу главнейших центров Верхотурского уезда. В нем имеется до 6 тыс. населения и живут все предержащие власти округа, за исключением мирового посредника, почему-то переселившегося в соседний Нейво-Шайтанский завод». Он отмечал, что в городе действовали две народные школы (мужская и женская), не имевшие общественных домов, помещавшиеся в съемных квартирах. В Алапаевсе ежегодно устраивались три значительные по торговли ярмарки: Алексеевская (в марте), на которую съезжалось по пути домой много торговцев с Ирбитской ярмарки; Михайловская (в начале ноября) и «наконец наименьшая из трех» Троицкая (перед днем св. Троицы). С горечью современник писал: «Кроме этих ярмарок торговля в Алапаевске, точно также как и общественная жизнь в Алапаевске, находятся в застое. Застой этот нарушается только происшествиями уголовного характера, неторгового, а подчас и торгового свойства». Обратил внимание он и на негативные явления социальной жизни алапаевцев: «Население Алапаевска по преимуществу заводское, получающее сравнительно незначительное жалованье (за исключением управляющего, его помощника, управителей, бухгалтера и вообще главных служащих — труд которых оплачивается щедро). Если иному способному мастеровому и удастся получить хороший заработок, то не иначе как тяжелым, подчас непосильным трудом. Алапаевцы, подобно остальному заводскому люду. Любят отдыхать за шкаликом вина, тратя на него не только излишек, но и часто весь заработок. Трактиров и гостиниц у нас, правда, нет, — но зато есть множество кабачков и разного рода портерных. У нас пьют также бабы, пьют и ребятишки» [33].

И все же с течением времени потребность в эффективном самоуправлении все более остро ощущалась как городскими, так и горнозаводскими поселениями [34]. Стремление жителей Нижнего Тагила о преобразовании этого поселения в город свидетельствует о том, что горнозаводские люди отчетливо осознавали определенные преимущества и привилегии городов, в частности, связанные с правом на самоуправление. В этом смысле показателен еще один пример. Жители Каменского завода Камышловского уезда Пермской губернии также ходатайствовали о проведении в нем реформы управления (на основании постановления от 3 июля 1897 г.). При этом вопрос о реформе управления здесь тесно связывался с идеей о преобразовании Каменского завода в безуездный город. Губернатор, отправляя 18 декабря 1898 г. данные о Каменском заводе в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, полагал возможным сформировать «городское сословие и ввести упрощенное городское общественное управление на основании правил, приложенных к ст. 23

Городового положения 1892 г., к чему селение Каменского завода близко подходит как по своему торгово-промышленному значению и достаточному числу жителей для городских обывателей, так и по имущественному цензу жителей оного» [35]. Однако мнение жителей было не единогласным. Сельские обыватели не желали присоединяться к ходатайству «разночинцев» Каменского завода о введении в нем Городового положения. Что касается управителя Каменского казенного завода, то 13 февраля 1898 г. он писал, утверждая, что введение в Каменском заводе Городового положения «для заводоуправления и служащих оного крайне желательно и необходимо» [36].

Уральский материал позволяет заключить, что в пореформенный период проблема самоуправления приобрела огромную актуальность и для городского, и для горнозаводского населения. Верховная власть, даровав Городовые положения, распространяла их лишь на соответствующие поселения, пассивно откликалась на пересмотр статуса других населенных пунктов, в социально-экономическом и культурном отношении иногда не уступавших и даже превосходивших по отдельным показателям поселения с официальным статусом города. Наличие права на самоуправление и муниципальную собственность, обусловленное юридическим статусом города, стало предметом ходатайств горнозаводского населения, общественное сознание которого заметно эволюционировало в эпоху Великих реформ. Именно во второй половине XIX в. несоответствие между юридическим статусом поселения и его социально-экономическим и культурным потенциалом проявилось более рельефно. Но процесс образования городов замедлялся сохранением старых устоев, обусловленных отношением заводовладельцев к новой исторической реальности, отчасти сословными стереотипами, консервативной политикой государственной администрации. Социальные противоречия и сохранявшиеся административные порядки препятствовали процессу городообразования, проявлением которого могло стать образование бессословной общественной организации управления, легитимная общественно-административная система.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Миронов Б.Н. Русский город в 1740 — 1860-е годы. Ленинград, 1990. С.6, 15-18.
2. Там же. С.18-19.
3. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века.. М., 1983. С.126-127.
4. Там же. С.238, 246-249.
5. Там же. С.248-249.
6. Анимица Е.Г. Нижний Тагил // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С.367-368.
7. РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.462. Л.2-2 об.
8. Там же. Л.3-4.
9. Там же. Л.4-5.
10. РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.462. Л.76-76 об.
11. Екатеринбургская неделя. 1881. 14 октября. № 40. С.541-543; См. подробнее о системе управления в Нижнем Тагиле в книге: Крупянская В.Ю., Полицук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). Москва, 1971. С.153-157.
12. РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.462. Л.80 об.
13. Там же. Л.81-81 об.
14. Немирович-Данченко В. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890. С.704-705.
15. Там же. С.705.
16. Там же. С.706.

17. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). С. 153-166.
18. Немирович-Данченко В. Кама и Урал (очерки и впечатления). С.706-708.
19. Там же. С.708.
20. Там же. С.708-710.
21. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). С.156-157.
22. РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.462. Л.82-83 об.
23. Там же. Л.130-131 об.,
24. Алферова Е.Ю. Социально-экономическое развитие городов Урала в 60-90-е годы XIX в. Дисс. ...канд. ист. наук. Свердловск, 1991. С.5.
25. Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в европейской России. СПб., 1910. С. 57, 71-73.
26. Критику концепции «истинных городов» В.П.Семенова-Тян-Шанского см.: Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. С.126-132.
27. Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в европейской России. С.73, 168-171.
28. Анимица Е.Г. Нижний Тагил // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С.367-368.
29. Там же; Он же. Верхотурье // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С.117.
30. РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.462. Л.144.
31. Менделеев Д. В Нижнем Тагиле // Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С.91.
32. Екатеринбургская неделя. 1879. 3 октября. № 11. С.129.
33. Там же. 14 ноября. № 17. С.223.
34. См. подробнее: Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX в. М., 2003. С.243-312.
35. РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.3442. Л.1-4 об., 11, 12-15 об.
36. Там же. Л.16-17.

POWER AND SOCIETY IN THE URAL PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

Evolution of local authorities and society in the Urals provinces in the second half of the XIX — beginning of the XX c. is investigated in the article by the use of a comparative analysis of towns and mining and metallurgical settlements. In that time the disparity between the legal status of a settlement and it«s social-economical and cultural potential became more apparent. Mining population bounded up the problem of local self-government«s efficiency also with the question about reconsideration settlement«s status. The article gives examples when the largest mining settlements in the Urals not yielded to some neighbouring towns in the level of social-economical and cultural development and even exceled there in many respects solicited about their transformation in towns with following organization of self-government corresponded to the municipal legislation. But social contradictions and maintained orders put obstacles in the way of creation of new towns with effective classless self-government.

E.Yu. Apkarimova

Т. А. Сабурова

Взаимоотношения интеллигенции и власти в России второй половины XIX века: опыт моделирования

Вы узники своих же лабиринтов!
Вы — мертвецы заклепанных гробов!
Вы — суеверы, мечущие бомбы
В парламенты, и в биржи, и в дворцы, —
Вы мыслите разрушить динамитом
Все то, что прорастает изнутри —
Из вас самих с неудержимой силой!

М. Волошин

Моделирование взаимоотношений интеллигенции и власти представляет собой проблему, решение которой находится в исследовательском поле различных научных дисциплин. Успешное решение этой проблемы может быть обеспечено на пути междисциплинарного синтеза, способствующего созданию модели, наиболее полно учитывающей и отражающей изменения социальной действительности. Особое значение в этом отношении приобретает взаимодействие на уровне теории и исследовательской практики между социальной философией, социологией, социальной психологией, историей. В рамках же исторической науки важным представляется сформировать общее исследовательское пространство между социальной, культурной, интеллектуальной историей, позволяющее изучать взаимоотношения между властью и интеллигенцией не только как факт общественной жизни, но и как факт общественного сознания и фактор социокультурных изменений в обществе. Модель взаимоотношений между интеллигенцией и властью включает в таком случае элементы социальной реальности (политико-правовые, социально-экономические), элементы интеллектуального пространства (теории, представления), а также элементы того смыслового пространства, которое образуется в результате их взаимодействия. Не случайно возникло определение общества как системы событий, связанных смыслами. «Жить и тем более добиваться успеха в таком мире, значит постоянно его интерпретировать, осмыслять, включать своим смыслы в смыслы других групп, тем самым пытаясь повлиять на них, на их программы поведения, деятельности, реагировать осмыслением на .получаемые извне смыслы» [1].

Именно динамика смысловых значений, которые формируются и изменяются в процессе взаимодействия интеллектуального поля и социальных структур, составляет основу для моделирования социокультурной динамики взаимоотношений интеллигенции и власти. «Любая модель или схема, как известно, является лишь условным аналогом реальных процессов. Ее выбор определяется как вкусами и знаниями исследователя, так и задачами его работы. Бессмысленны утверждения о том, что какая-то модель является более правильной. Более того, даже говорить о том, что одна модель лучше или хуже другой, можно с очень большой долей условности. Ведь речь может идти лишь о том, насколько та или иная модель внутренне непротиворечива, какие из наблюдаемых явлений и процессов могут быть объяснены с ее помощью, насколько она удобна и операбельна и т.д.» [2].

Выделение в качестве объекта моделирования взаимоотношений интеллигенции и власти представляет особый интерес, так как интеллигенция непосредственно связывает сферу культуры и социальных отношений, выступая как субъект (и один из основных объектов) критического осмысления действительности, призванную реализовывать медиативную функцию в обществе. Позиционирование интеллигенции в пространстве и культуры и социальных отношений позволяет ярко показать специфику этого диалога.

Кроме того, интеллигенция представляет собой социальную группу, самоидентификация которой тесно связана с властью, и отношения интеллигенции и власти моделируются как на уровне определения стратегий социального поведения, так и формирования представлений. Таким образом, например, конфликт во взаимоотношениях интеллигенции и власти может рассматриваться как конфликт представлений и конфликт поведенческий, которые взаимосвязаны, но не обязательно конфликт представлений приводит к конфликту поведенческому, план содержания не всегда переходит в план выражения.

Для определения характера взаимоотношений между интеллигенцией и властью необходимо учитывать местонахождение интеллигенции в координатах семантического пространства и пространства социального. Идентификация интеллигенции со второй половины XIX века тесно связана с дистанцированием от власти, поэтому важно учитывать степень и характер этого дистанцирования, который определяет соответствующие стратегии поведения. Дистанция между интеллигенцией и властью начала образовываться вместе с формированием интеллигенции как социальной группы, так как наличие такой дистанции необходимо интеллигенции для реализации своей социальной функции. Поэтому уже с начала XIX века (это время можно считать временем начала формирования русской интеллигенции вследствие выделения достаточно независимой интеллектуальной элиты как ядра интеллигенции) вплоть до второй половины XIX века, когда интеллигенцию как группу можно считать сформированной, дистанция между интеллигенцией и властью определяется как один из группообразующих факторов для интеллигенции. «Интеллигент — это интеллектуал, не вполне включенный в сложившуюся систему власти и иерархических отношений, а, напротив, стремящийся сохранить автономию от них или вообще освободиться от попечения власти. Но если он и состоит на службе, то не ограничивает себя только «государевым делом» [3]. По мнению Л.Г. Березовой, сохранение дистанции между властью и интеллигенцией обеспечивает устойчивость общества, нарушение этой дистанции, как правило, в революционные эпохи, может привести к соглашению между интеллигенцией и властью, исчезновении взаимного сдерживания, и утрате интеллигенцией своей объединяющей функции в обществе [4].

Вывод о социальном дистанцировании интеллигенции от власти подтверждается историей русской интеллигенции XIX века, но главной проблемой выступает не собственно дистанцирование, а формы этого дистанцирования, обусловленные восприятием власти в рамках определенной модели мира, и способы взаимодействия интеллигенции и власти. Последнее особенно важно, так как дистанцируясь от власти, интеллигенция получает объективную возможность для развития диалогических отношений с властью, и тогда дистанцирование приобретает позитивный, конструктивный характер. Если же дистанцирование ведет к прекращению диалога, появлению неадекватных форм взаимодействия интеллигенции и власти, то оно приобретает негативный, деструктивный характер. Важно отметить связь негативного дистанцирования с традиционной моделью мира, и связь позитивного дистанцирования с утилитарно-либеральной моделью.

В семантическом пространстве важно позиционирование интеллигенции по отношению к власти в системе координат «свое — чужое», «сакральное — профанное». Двоичный код культуры в этом случае является вполне оправданным, так как двоичная (бинарная) система лежит в основе любой культуры, представляя полюса оппозиций. Ю.М. Лотман подчеркивал принципиальную полярность, выражающуюся в дуальной природе русской культуры до конца 18 века [5], что имело огромное значение для последующих периодов в развитии русской культуры и общества. Осмысление власти в рамках такой системы координат предполагает движение интеллигенции между полюсами оппозиций, выбор соответствующей стратегии поведения. Ось «свое — чужое» определяет движение от партисипации к власти до полного отчуждения от власти, от взаимопроникновения до взаимоотталкивания. Ось «сакральное -профанное» определяет границы возможностей критического осмысления власти и соответствующих форм диалогического взаимодействия. При сакральном восприятии власти вместо критического ее осмысления происходит смена полюсов бинарной оппозиции, власть из «своей» легко становится «чужой», такая эмоционально окрашенная инверсия, присущая традиционному сознанию, приводит к необходимости либо отделиться, обособиться от

такой власти, либо уничтожить ее. Обратное движение к полюсу «своего» приводит к необходимости соединиться с властью, оказать ей безоговорочную поддержку, отказаться от критики власти, и даже войти во власть. Тогда традиционная оппозиционность власти русской интеллигенции второй половины XIX века объясняется исходя из смысловых значений, располагающихся в такой системе координат. Кроме того, возможно выделить центр и периферию в представлениях интеллигенции о власти, диктующих те или иные образцы поведения, а также проследить изменения в смысловых значениях, отражающих как конфликт репрезентаций, так и конфликт поведенческий.

Социальное дистанцирование интеллигенции от власти как группы во второй половине XIX века во многом становится возможным вследствие развития областей деятельности, не связанных непосредственно с государственной службой. Хотя основная часть интеллигенции существует в этот период в рамках «служивого сословия» и поэтому ограничена в своих правах критики власти. Для нее власть чаще всего находится в поле между сакральным и профанным, своим и чужим. Та же часть интеллигенции, которая исходит из представления о власти как чужом, сакральном явлении, как правило, обращается к подпольной деятельности, составляя группу революционно настроенной интеллигенции.

В середине XIX века изменение традиционного восприятия власти, уход от архаических отношений между властью и обществом, ясно фиксируется самой интеллигенцией. При этом основное внимание сосредоточено на взаимоотношениях власти и народа, власти и интеллигенции. Показательно, что изменение отношений мыслится, прежде всего, как результат определенных действий власти, ее позиция является приоритетной, вызывающей ответные действия и народа, и интеллигенции.

«Нынешнее царствование очень важно: оно полагает конец патриархальному быту. Общество перестает верить в отеческий характер своих правителей. Так и должно быть. Что за несообразность семейство, состоящее из пятнадцати миллионов детей? Где тут семейное право? Глава народа прекрасно понял эту истину. Он с негодованием отталкивает от себя изъявление приторных нежностей: «Батюшка наш» и пр. Он говорит: «Я хочу царствовать». Великое слово, ибо из него логически выпекает другое, которое произнесет народ: «Я хочу быть народом» [6].

Основной дилеммой для интеллигенции по-прежнему остается сотрудничество или оппозиция власти. Важно отметить, что обоснование стремления к сотрудничеству с властью носит достаточно утилитарный характер, превалирует идея пользы, служения обществу, в котором интеллигенция может выполнять функцию своеобразного буфера между властью и народом. Но утилитаризм по отношению к власти совмещается с сохранением традиционной системы нравственных ценностей интеллигенции, поэтому сотрудничество с властью мыслится возможным только при условии внутренней непротиворечивости, действия власти должны совпадать, или, по крайней мере, не противоречить моральным, нравственным ценностям интеллигенции. В противном случае интеллигенция чаще всего переходит в оппозицию, либо внутреннюю, либо внешнюю. Формирование диалога между интеллигенцией и властью сталкивается со значительными трудностями, связанными с наличием традиционного ядра семиосферы интеллигенции, которое обусловливает возможность либо слияния с властью, либо ее свержение, неприятие идеи диалога с властью как способа постепенного развития отношений, осуждение общественным мнением попыток сотрудничества с правительством, которое воспринимается как «чужое» интеллигенции, и соответственно, враждебное.

Но в любом случае государство представляется интеллигенции медиатором между должным и сущим, отношения с властью мыслятся ей в рамках бинарной оппозиции. Интеллигенция не видит себя вне определенных отношений с властью, возможности реализации функции интеллектуализации пространства, формирования и развития институтов гражданского общества. Таким образом, представления о власти в модели мира интеллигенции ограничивают возможное поле ее деятельности, определяют строго линейную стратегию поведения.

Нарастающее отчуждение от власти в то же время обусловливало стремление к единению с народом, а отчуждение от народа вызывало определенные действия в отношении власти, либо попытки слияния, отождествления себя и власти, либо попытки уничтожения власти как не соответствующей должному. Так

постепенно формировался замкнутый круг в отношениях власти, интеллигенции и народа, обусловленный традиционной сущностью власти как института и соответствующим механизмом принятия решений, традиционным ядром модели мира интеллигенции и традиционным сознанием русского народа.

Появление утилитарных элементов в отношении к власти ярко показывает позиция А.В. Никитенко. «Возможно, что многие станут меня упрекать за то, что я решился с моим чистым именем заседать в трибунале, который признается гасительным, но в том-то и дело, господа, что я хочу парализовать его гасительные вожделения. Будет возможность действовать благородно — буду, нельзя — пойду прочь. Во всяком случае я твердо намерен до последней крайности противиться мерам стеснительным. Но в то же время я убежден, что и литература в данную минуту не может, не должна расторгнуть всякую связь с правительством и стать открыто во враждебное ему положение. Если я прав, то необходимо, чтобы кто-нибудь из нас явился представителем этой связи и взял на себя роль, так сказать, связующего звена. Попробую быть этим звеном» [7].

В тоже время сохраняется традиционное отношение к фигуре императора, несмотря на постепенное размывание традиционных представлений о власти в целом. Интеллигенция в своей модели мира воспроизводит ядро традиционных представлений о власти и государе как олицетворении этой власти, свойственных народной культуре. Эта близость народным представлениям проявляется, прежде всего, в разделении власти на чужое и свое начало, сущее и должное, мирское и сакральное. Причем, воплощением первого выступает правительство, правительственные чиновники, а воплощением второго — государь император. Но в отличие от народных представлений, в представлениях интеллигенции фигура императора постепенно начинает утрачивать сакральность, и он начинает восприниматься только как первый среди правительственных чинов, между императором и правительством в представлениях интеллигенции начинает разрушаться жесткая граница, различие принимает личностный, а не типологический характер. В 1862 году А.В. Никитенко запишет в своем дневнике: «Во всей нашей администрации есть только один человек, честности и патриотизму которого можно доверять, — это Александр Николаевич» [8]. Через четыре года эта запись повторится: «Если между нашими правительственными лицами есть кто-нибудь, искренно желающий блага для России, то это один государь» [9].

Комплекс традиционных представлений о власти включает не только позитивные, но и негативно окрашенные представления, формирующие идею борьбы с властью вплоть до ее уничтожения, соответственно, непринятие диалога, сотрудничества во взаимоотношениях с властью. Если консервативно настроенная часть интеллигенции соединялась с властью или стремилась слиться с ней, то революционно настроенная часть интеллигенции стремилась к уничтожению этой власти. «Они как будто захотели бросить перчатку правительству, вызвать его на бой, вместо того, чтобы соединить свои прогрессивные стремления с лучшими его видами — в которых нельзя же отказать ему вовсе — и таким образом сделать его, так сказать, своим помощником, с своей стороны помогая ему во всем благом и не стараясь вдруг, одним ударом, сломить его ошибки и старые предания. Они, притом, смешали людей, стоящих около центра, с самим центром, и то, что в отсталых прежних правителях было дурного, они отнесли к самой идее правительства» [10].

Таким образом, Никитенко отмечает принципиально важное изменение в представлении о власти русской интеллигенции, исчезло разделение фигуры императора и бюрократического аппарата, окружения, разделение личности самодержца и образа самодержавной власти. Десакрализация образа власти приводит к постепенному разрушению образа самодержавия как воплощения устойчивости, единства, процветания страны, делает возможным критику императора, причем не только как личности, не соответствующей должному, начинается переосмысление самой сферы должного в отношении императорской власти. Критика императора в этом случае легко может перейти в критику самодержавия как института власти, сформировать требования ограничения или ликвидации самодержавия. Но для интеллигенции важно в этом процессе осмысления самодержавия, формирования нового образа власти, в движении от полюса взаимопроникновения, не совершить инверсионный прыжок к полюсу взаимоотталкивания, приводящий к отрицанию любой власти, воспроиз-

водящий архаичные представления. Примером такого взаимоотталкивания служит русский анархизм. Кроме того, возможно не десакрализация образа власти, а смена сакральности с позитивной на негативную, что также приводит к осознанию необходимости ликвидации такой власти или ее носителей. Таким образом, изменение традиционного образа власти может происходить в двух направлениях. Одно направление отражает движение от ценностей традиционного общества к утилитарно-либеральным, процесс модернизации, а другое направление связано с движением от традиционных ценностей к архаичным, процессом архаизации. Дуализм русской культуры и модели мира интеллигенции определял возможность реализации и того и другого направления трансформации образа власти.

Таким образом, мы видим две стороны проявления традиционных представлений о власти в модели мира русской интеллигенции, которые составляют ядро семиосферы. Утилитарные представления о власти, формирующие отношения диалога, практической деятельности, взаимной ответственности, характерные для либеральной части русской интеллигенции, находятся в середине XIX века на периферии семиосферы интеллигенции в целом. По признанию Никитенко, его попытки изменить отношение власти к интеллигенции, участвовать в решении социальных вопросов, наталкивались на непонимание и осуждение, прежде всего со стороны интеллигенции. «Главное, у меня нет помощников. Так называемые передовые умы наши до того враждебны правительству, что и на меня даже смотрят холодно — не потому, говорят они, чтобы сомневались в чистоте моих намерений, а потому, что я будто бы содействую задержке кризиса» [11].

Традиционные и утилитарные представления интеллигенции о власти сосуществовали с традиционной сущностью самой власти, которую менее всего затронул процесс модернизации страны. Это подтверждается не только сохранением самодержавной формы правления, но и соответствующим характером действий власти, в том числе, по отношению к интеллигенции. Традиционное отношение и традиционные действия власти, с другой стороны, способствовали консервации традиционных представлений интеллигенции, не давая возможности реализации утилитарного отношения к власти, закрепляя взаимоотношения на уровне «слияние-противостояние». «Какая жалость, что дела так идут. Они разрушают возможность сближения того, кто мыслит в России, с правительством, и как мы ни привыкли к дурному управлению, как ни мало у нас средств противодействия ему, но тут неизбежно зло, и зло великое.(...) Правительство испугано движением, какое у нас с некоторого времени образовалось. Оно не хочет сидеть сложа руки, а действовать оно привыкло одним способом — способом удержания, гнета, устрашения. Оно не понимает, что действовать значит управлять, направлять» [12].

Взаимное отчуждение интеллигенции и власти, неучастие интеллигенции в управленческой деятельности, порождало оторванность интеллигенции от реальности, утопизм и догматизм представлений. Как правило, практическая деятельность интеллигенции в любой сфере общественной жизни неизбежно приводила к критическому осмыслению этой деятельности, пересмотру идейного багажа. Интеллигенция, ограниченная пространством идей, не имея возможности изменения реальности, начинала реальность конструировать. «Теории и программы, вынашивавшиеся интеллигентами бессонными ночами ... оценивались не сообразно реальной жизни, а по отношению к другим теориям и программам: критериями их ценности были логичность и согласованность. Реальность жизни воспринималась как искажение, как карикатура «истинной» реальности, которая как считалось скрывается за внешней оболочкой и ждет от революции своего высвобождения» [13].

Неизбежным следствием сложных взаимоотношений между властью и интеллигенцией, медленности изменений представлений, является особая значимость для интеллигенции вопроса о внутренней свободе, усиленная смыслообразовательной деятельностью интеллигенции, постоянной интеллектуальной и нравственной рефлексией представителей этой социальной группы. «Единственный оплот против внутренних колебаний и разных страхов, против всяких мелочей и дрязг ежедневных — это внутренняя свобода» [14]. Акцентирование внимания именно на состоянии внутрен-

ней свободы является характерным для интеллигенции, так как понятие внутренней свободы тесно связано с основной интеллектуальной функцией этой социальной группы. Свобода мысли необходима для выполнения интеллигенцией своей социальной роли, для постоянного критического осмысления действительности. С другой стороны, состояние внутренней свободы может быть не связано с социальными функциями, а быть своеобразным вариантом отчуждения от власти, способом защиты от властных структур через создание собственного внутреннего духовного тространства свободы. Такое пространство, как правило, иллюзорно и замкнуто, и может быть временным способом самосохранения в условиях внешней несвободы. Состояние внутренней свободы может воплощаться в любом из типов свободы («от», «для», «вопреки»), но для русской интеллигенции наиболее характерной оказывается внутренняя свобода как свобода либо «от», либо «вопреки».

Интеллигенция в России осознает как трудно и медленно происходит процесс изменения общественного сознания, тем более в условиях неразвитости гражданского общества, существования экономического, хтолитического, идеологического контроля государства. Но сама интеллигенция в немалой степени способствует как позитивной, так и негативной сакрализации государственной власти, государства. Для преодоления постоянно существующих в русском обществе тенденций архаизации, закрепления социальной основы модернизации, интеллигенции необходимо преодолеть собственное традиционное отношение к власти, перейти от монолога к диалогу, создать основы для диалогизации управления. Но для этого необходимо критическое осмысление как институтов власти, так и позиции интеллигенции, причем в осмыслении нуждаются власть и интеллигенция как субъекты диалога, а также само поле диалога, тип взаимоотношений, так как существует постоянная опасность смены диалога на монолог, отступления от эффективных стратегий социального поведения. Для интеллигенции важно увидеть во власти не единственного субъекта отношений, выйти за рамки бинарной оппозиции в отношениях с властью, открыть возможности для формирования гражданского общества. В этом случае интеллигенция может уйти от ситуации ограниченного выбора, или вообще его отсутствия, представить «веер» возможных путей развития отношений. С точки зрения определения задач интеллигенции представляет интерес концепция В. С. Библера, согласно которой «основная деятельность наших общественных организаций должна быть направлена не столько «вверх» на то, чтобы исправлять и направлять правительственные программы, сколько «окрест нас» -микроструктуру обществ, укрепляя и развивая независимость общества от государства» [15].

Растущее отчуждение от власти к середине XIX века, разрушение границы между царем и государственным аппаратом, когда царь начинает восприниматься как первый из чиновников, десакрализация образа власти или его негативная сакрализация в сознании интеллигенции, приводит не к формированию поля конструктивного диалога между властью как институтом и интеллигенцией, а к обращению интеллигенции к народу. Отталкиваясь от десакрализованного образа власти, интеллигенция стремится к слиянию с сакрализованным образом народа, впрочем, сохраняя значимость представлений о свободе и способах ее достижения. Принципиально то, что во второй половине XIX века в сознании интеллигенции свобода личности оказывается неразрывно связана со свободой общества, или народа. В иерархии ценностей свобода народа оказывается выше свободы личности, свобода личности может приноситься в жертву народной свободе. Кроме того, попытка слияния интеллигенции с народом, изучение его представлений и быта, оказало существенное влияние на мировоззрение интеллигенции. Обратившись к народу, интеллигенция увидела архаичность его представлений о власти. «А наш народ знает, что никакая власть на всех угодить не может, что всякая власть закрепощает душу человека тому делу, к которому она приставлена; что у всякой власти есть неопрятные, противные душе человеческой обязанности, и потому он от всякой власти сторонится и на всякую власть, кроме царя, смотрит с некоторым даже высокомерием, весьма ярко выражающимся в его поговорке: «Царь жалует, да псарь не жалует». Царь, это другое дело: Царь — власть наследственная, невольная, и народ перед ней преклоняется, как перед подвижничеством» [16]. Эта

архаику интеллигенция могла провозгласить либо идеалом, воплощением народной Правды, закрепляющим отчуждение интеллигенции от власти, либо объектом пропаганды, изменяющей народное миросозерцание. Но осмысление народного образа власти могло и оттолкнуть интеллигенцию от народа, осознав всю глубину и устойчивость архаичных представлений крестьянства, и, следовательно, глубину разрыва между ним и европеизированной интеллигенцией.

В начале XX века произойдет очередная смена полюсов бинарной оппозиции, восприятие народа как чужого определит стратегию поведения интеллигенции, но власть, не воспринимаемая своей, должна будет ей стать вследствие вхождения интеллигенции во власть. Интеллигенция считает возможным изменение природы власти, превращение власти в свою. «Свой» характер власти должно обеспечить участие интеллигенции в формировании и деятельности институтов власти. Сохраняя понимание свободы как внутреннего состояния, интеллигенция в тоже время соединяет представление о внешней свободе не столько с народом (вследствие отчуждения), сколько с властью. Полюс взаимоотталкивания в отношениях с народом обусловит стремление к полюсу взаимопроникновения в отношениях с властью. Наиболее полное воплощение этой стратегии поведения проявится с началом Первой мировой войны, а традиционная ценность государства в модели мира интеллигенции, актуализированная в условиях кризиса, усилит стремление соединиться с властью. Кризис власти 1917 года, кризис российской государственности приведет интеллигенцию опять к полюсу народа, причем во многом во имя спасения Отечества, государства. Лозунг «народной власти» даст части интеллигенции иллюзию преодоления раскола, усиливает стремление к взаимопроникновению. Вечное движение между полюсами власти и народа для интеллигенции казалось завершенным, а противоречие между соединением с властью или с народом казалось снятым. Но история советской интеллигенции стала новым циклом в движении интеллигенции в рамках оппозиции «власть-народ», и сохранение социальной дистанции позволяла и позволяет интеллигенции реализовывать функцию критического осмысления действительности, которая утрачивается вследствие слияния с властью или народом. Но главное, необходимо учитывать при анализе взаимоотношений между интеллигенцией, властью и народом, что происходит постоянное изменение всех субъектов этого взаимодействия. Меняется интеллигенция как социальная группа, изменяются институты власти, изменяется общество в целом, а также изменяются представления субъектов взаимодействия друг о друге. Все это формирует определенные стратегии социального поведения, влияет на существование социальных систем. Интеллигенция может выступать как объект действий власти, и соответственно власть рассматривать как объект воздействия, что позволяет выделить объект-объектные отношения между интеллигенцией и властью. Также интеллигенция может выступать в качестве субъекта власти, участвуя в деятельности органов центрального и местного управления, и соответственно рассматривать власть как субъекта отношений, что приводит к формированию субъект — субъектных отношений между ними. В этом случае представления интеллигенции о власти смещаются к полюсу «своего» и «профанного» в семантической системе координат. Демифологизация власти является обязательным условием для развития диалогических отношений между интеллигенцией и властью, критического осмысления интеллигенцией деятельности власти, направленного на совершенствование институтов власти, выхода за рамки бинарной оппозиции «власть — народ» и формирования элементов гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ахиезер А.С. Специфика российской политической культуры и предмет политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et contra. 2002. № 3. С. 51.
2. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного М 1997. С. 358.

3. Усманов С.М. Безысходные мечтания. Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине Х1Х-начале XX в. Иваново, 1998. С. 38-39.
4. Березовая Л.Г. Самосознание русской интеллигенции начала XX в. М., 1993. С. 342. Рукопись депонирована ИНИОН.
5. Лотман Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца 18 века) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
6. Никитенко А.В. Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 268.
7. Никитенко А.В. Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 66.
8. Там же. С. 306.
9. Никитенко А.В. Дневник. М., 1956. Т. 3. С. 52.
10. Никитенко А.В. Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 166.
11. Там же. С. 96.
12. Там же. С. 61.
10. Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. С. 147.
11. Никитенко А.В. Дневник. М., 1956. Т. 3. С. 339.
15. Ахиезер А.С. Концепция В. Библера о месте и роли интеллигенции в современной России // Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения проф. Л.М. Зак и 70-летию со дня рождения проф. В.Г. Чуфарова, 30-31 мая 2003 г. Екатеринбург, 2003. С. 11.
16. Кусков П. Наши идеалы (Разговор на палубе) // Русское обозрение. 1893. февраль. С. 674.

INTERRELATIONS OF INTELLIGENCY AND AUTHORITY IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: EXPERIENCE OF MODELLING

The Russian *intelligentsia's* idea on authority combines an image of strong and mighty state power along with the process of intelligentsia's estrangement from authority. Gradually the idea of opposition to authority arises in the semiosphere of the intelligentsia and becomes its integral feature and sign, while collaboration with the authorities is regarded as «estrangement» from intelligentsia. A binary opposition «authority – intelligentsia» became a key factor for a self-determination of intelligentsia in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century. The existing of social distance between the intelligentsia and authority has been proved by various historical facts of the Russian intelligentsia during the 19th century. The main problem was not estrangement itself; rather it was dealing with the forms of estrangement. These forms depended on the perception of authority within the frame of a certain world-view, and meanings of interaction between the intelligentsia and authority. The article discloses relevant characteristics of this interaction and evaluates how the intelligentsia acquires an objective possibility for developing a link with the authority and how the estrangement obtains the positive and constructive character. In case the estrangement is followed by cessation of the dialogue, rise of inappropriate forms of any interaction between the intelligentsia and authority, it acquires negative, destructive character. In the history of the Russian intelligentsia of the 19th century we can see a tendency for a negative estrangement from the authority, which has been determined by the traditional character of the Russian society.

T.A. Saburova

А. А. Макушев

Бизнес и труд (на примере хозяйства предпринимателей Мальцовых в XIX — начале XX в.)

Отечественное предпринимательство XVIII – XIX вв. представляет собой исторический феномен, ярчайшую страницу нашего прошлого, в котором удивительно переплелись самые различные стороны развития общества, государства и экономики. В облике российских предпринимателей того времени удивительным образом отразились все достижения и противоречия в хозяйственном развитии, а также в сфере социальных отношений, проявилась способность государственной власти реагировать на происходившие в ходе модернизации России изменения и т.д.

Анализируя характер эволюции предпринимательства на протяжении XVIII — XIX вв. можно выделить две важные особенности. С одной стороны, духовный мир и культурная среда российских предпринимателей во многом были запрограммированы или, выражаясь по-другому, закодированы существующей социальной средой, политико-правовой системой, и в целом исторической эпохой. Кроме всего прочего, не нужно забывать, что предпринимательство этого времени вырастало в мире идей «старого» общества, где определяющее значение имели обычаи и традиции.

Но было и другое. Специфика деятельности предпринимателей, изменение их правового, социального и экономического положения ставили их в новое измерение, меняя сознание и открывая новые ориентиры. В этом отношении предприниматели оказывались на стыке эпох, являясь связующим звеном между ними. Они одновременно были хранителями старого и проводниками нового, т.е. основной движущей силой процесса модернизации. Такая двойственность мировосприятия и сознания ярко отразилась в социальной позиции, образе жизни, быте, развлечениях, отношении к искусству, архитектуре и в других проявлениях социокультурной жизни, составивших богатейшее духовное наследие российских предпринимателей.

В данном случае предпринята попытка рассмотреть социокультурные аспекты промышленно-предпринимательской деятельности Мальцовых, определить области и результативность проводимых ими социально-направленных и общественно-значимых мероприятий, и в этом контексте охарактеризовать положение непосредственных участников производства, рабочих, и выявить социальный климат заводских хозяйств.

Наиболее примечательной в данном плане является деятельность Сергея Ивановича Мальцова, создавшего не только огромное и эффективное многоотраслевое хозяйство, но и сформировавшего оригинальную социокультурную среду. Некоторые современники, писавшие о его промышленной империи, употребляли даже понятие «Русская Америка». Это название закрепилась за мальцовскими владениями вследствие сложившейся на предприятиях особой для России того времени культуры производства и жизнедеятельности, выражавшейся не только в чисто производственно-экономических характеристиках (хорошая техническая оснащенность, рентабельность производства, разнообразие ассортимента и высокое качество продукции и др.), но и в особой социальной атмосфере, принципиально новых способах организации рабочей силы и системе взаимоотношений «труда и капитала». Существовавшие трудовые отношения предполагали проведение мероприятий по стимулированию труда и создания условий материальной заинтересованности рабочих в результатах своей деятельности.

Существовавшие во владениях С.И. Мальцова порядки и социальная атмосфера не вписывались в общепринятые нормы и ценности. Появился даже термин «мальцовщина», который очень часто фигурировал в газетных и журнальных очерках и статьях. Одним из таких свидетельств мемуарного характера являются путевые заметки В.И. Немировича-Данченко под названием «Америка

в России», опубликованные в 1882 году в журнале «Русская мысль». В них владения С.И. Мальцова представлены как особый район на карте русской промышленности, своего рода царство, являющееся «...оазисом среди окружающего бездорожья и бескормицы». Говоря о сложившейся здесь системе социальных взаимоотношений он характеризует ее как социальную гармонию: «здесь нет роскоши и излишеств, — нет и нищеты, нет голодовок» [1]. Все рабочее население по его мнению жило «как у Христа за пазухой». Таким образом, «здесь была если не Америка, — продолжает В.И. Немирович-Данченко, — потому, что здесь не было того оживленного индивидуального развития, какое характеризует Америку, — то своего рода Аркадия: население жило здесь, не заботясь о завтрашнем дне, и не опасалось никаких невзгод...Что такое другие наши заводские районы? Рассадники нищеты и центры пьянства и разврата, прежде всего. Приезжайте сюда, вы не встретите ни одного нищего, а пьяные разве в Людинове попадутся вам, да и то редко. Это не вырождающееся поколение, каким является население окрестностей, это — люди сильные и сытые» [2].

В аналогичном ключе пишет А. Субботин, производивший в 1892 году по поручению Вольного экономического общества обследование Мальцовского округа: «Самое развитие этого района представляет такие самобытные черты, какими рельефно выражается предприимчивость русских людей, временно подавляемая искусственными условиями жизни, ярко оттеняется все то, на что эти люди способны в области экономического развития, если им не мешает излишняя регламентация и другие стеснения, выработанные нашей административной системою, не приноровленной к жизни [3].

Конечно, приведенные выше отзывы несут на себе отпечаток субъективизма, а вышеназванных авторов в какой то мере можно заподозрить в предвзятости. Однако точно в таком же ключе были сделаны выводы официальной комиссией, присланной правительством для знакомства с Мальцовским промышленным хозяйством. В своем заключении, заслуживающем гораздо больше доверия, она писала следующее: «Ни одна сторона рабочего быта не была оставлена без внимания, были сами собой достигнуты те результаты и осуществлены те реформы, к которым стремится новейшая социальная экономия. Все это могло считаться преувеличением или тенденциозным описанием, но в действительности мы констатируем те факты, которые проверены и по документам, и из расспросов самих рабочих» [4].

Столь восторженные отзывы являются следствием широкой деятельности С.И.Мальцова по налаживанию системы социального обеспечения и быта рабочих. Направленность проводимых мероприятий определялась осознанием необходимости создания приемлемых условий жизни рабочих и их семей, что в конечном итоге позволяло реализовать принцип материальной заинтересованности и поднять производство на более высокий уровень, одновременно поддерживая его стабильность. Такая система взаимоотношений неизбежно предполагала определенную долю взаимовыгодности интересов заводовладельца и рабочего.

Тем не мене, следует признать, что приведенные свидетельства во многом носят эмоциональную окраску, хотя бы потому, что не показывают обратную сторону (реальную картину) этого внешне благополучного «бытия» рабочих. Все же нельзя при этом забывать, что главной целевой установкой деятельности предпринимателя, и это вполне закономерно, было стремление обеспечить отлаженную и продуктивную работу промышленного механизма, достичь максимально возможных производственных результатов, для чего необходимо было выработать механизм наиболее эффективного использования трудовых ресурсов. Материальная заинтересованность, сравнительно хорошие условия жизни и достаточно высокий жизненный уровень рабочих предполагали очень напряженную трудовую деятельность рабочих, и не освобождали их от тягот производства, которые на тогдашнем уровне его развития отрицательно сказывались на условиях труда и физическом состоянии трудящихся.

Современниками было оставлено немало свидетельств, дающих восторженную оценку царивших на мальцовских предприятиях заводских порядков и уровня жизни рабочих. Одним из такого рода свидетельств является описание промышленного хозяйства одного из самых известных представителей предпринимательской династии Мальцовых — Сергея Ивановича, помещенное в 1857 году в Морском сборнике и изданное морским ученым комитетом [5]. В нем изложены материалы

отчета К.Л. Ухтомского о посещении заводов Мальцова, состоявшемся 29 октября 1856 года. На протяжении всего текста описания чувствуется удивление автора размерами владений и масштабами хозяйствования, что заметно при описании первого посещенного объекта — села Дятьково и расположенного там хрустального завода. Расположенное среди лесов село, по словам автора, столь огромно, что скорее напоминает город. «Крестьянские дома в один, два и три этажа; в центре их каменная церковь прекрасной архитектуры. Все свидетельствует о порядке и довольстве» [6].

Посещавшие мальцовские владения путешественники отмечали бросающуюся в глаза резкую разницу «между здешними постройками и постройками крестьян соседних уездов. Особенно хороши постройки рабочих при самих заводах и фабриках: тут невозможно встретить дом с продавленною крышею или покосившийся на бок» [7]. В этом же источнике высоко оценивается внешний вид села Дятьково, которое «похоже скорее всего на уездный городок средней России: улицы широкие и ровные, дома или каменные двухэтажные, или же чистенькие и довольно красивые, чаще всего деревянные одноэтажные домики» [8].

Такое единодушие современников, высоко оценивших внешний облик промышленных селений и уровень материального благосостояния проживавших в них жителей, вряд ли можно считать предвзятым, и тем более случайным. Все это благополучие базировалось на слаженной и эффективно действовавшей системе организации производства, использования рабочей силы и вознаграждения за труд, созданной усилиями С.И. Мальцова. Его активная деятельность уже через небольшой промежуток времени после вступления в права управления семейными предприятиями и владениями принесла значительное увеличение финансового состояния и неслыханное расширение владений предпринимателя.

Переходя к непосредственному рассмотрению экономического положения и социокультурного облика рабочих мальцовского промышленного округа, следует сразу же заметить, что в числе причин прогрессивного развития мальцовского дела особое место занимает отношение предпринимателя к рабочему. Важность данного аспекта определяется тем, что трудящиеся на предприятии люди являются непосредственными производителями продукции и от их отношения к производству напрямую зависит процветание владельца. Мальцовы это прекрасно понимали, что позволяло наряду с процессом прикрепления заводского населения к предприятию, вызванным заботой предпринимателей о собственных интересах и необходимостью сохранения постоянного количества рабочей силы и ее подконтрольности, одновременно создавать благоприятные условия труда для рабочих.

Правовой, экономический и социокультурный статус рабочих мальцовских заводов во многом определялся спецификой развития отечественной промышленности XVIII — XIX века, в рамках которой довольно твердые позиции сохранили общинно-крестьянские отношения, для которых была характерна довольно прочная связь рабочих с землей, «христианская забота» владельца о заводских людях, «как своих детях», относительная стабильность экономического положения, обеспечиваемая наличием нескольких источников материального обеспечения, преобладание патриархально-консервативных черт сознания, замедленные темпы пролетаризации и др.

В частности, вышеприведенные характеристики подтверждаются проявляемой С.И. Мальцовым заботой о жилищных условиях рабочих. Для заводских мастеров строились одно и двух этажные каменные и деревянные дома городского типа, проекты которых были разработаны к тому времени и привлекли внимание С.И. Мальцова. В них одновременно могло проживать несколько семей. Во многих случаях рабочим предоставлялась возможности самостоятельно построить себе дом. Для этого им беспрепятственно выдавался лес и другие материалы. Дома строились в рассрочку, причем оставшиеся за крестьянами после строительства долги, доходившие порой до 300 руб., часто списывались [9]. Чернорабочие обычно размещались в казармах, построенных практически около каждого завода. Топливо для своих жилищ рабочие получали бесплатно или по льготной цене [10].

В начале пятидесятых годов на территории мальцовского заводского района были выпущены так называемые «мальцовские деньги». Всего их было выпущено до 2.5 млн. руб. разного достоинства, а их номинал колебался от 3 коп. до 5 рублей. Деньги имели весьма широкое хождение и обслуживали многие совершаемые внутри округа торгово-расчетные операции: взятие товаров в провиантных мага-

зинах, частичная выплата жалованья рабочим, уплата акцизов и т.д. По этим «запискам» в неурожайные годы можно было взять в магазинах хлеб и другие продукты, заготовленные впрок заводоуправлением, по ценам значительно ниже тех, что устанавливались в условиях дефицита на свободном рынке [11]. Заведены такие деньги были еще при Иване Акимовиче, а уничтожены в 1894 году, после образования «Акционерного общества Мальцовских заводов». За обращением этих своеобразных денег следило министерство финансов и за 80 лет их существования ни разу не отметило никаких злоупотреблений. Поэтому они использовались как платежное средство и в соседних губерниях.

Таким образом, складывалась ситуация при которой в государстве создавалось самодостаточное локальное экономическое пространство со своим населением, средствами связи и сообщения, разнообразными предприятиями всевозможных отраслей промышленного производства и сельского хозяйства и даже деньгами.

Во владениях Сергея Ивановича Мальцова, получивших название мальцовского промышленного округа, сложилась особая атмосфера социально-экономических взаимоотношений. Параллельно с «эксплуатацией», устранить которую в рамках существовавшей системы производства было невозможно, имело место и гуманное отношение к работникам, которое можно определить как социальный патернализм, выражавшийся в своего рода «отеческой» заботе предпринимателей над своими подчиненными. Его можно охарактеризовать как патриархально-семейный строй, выражавшийся не только в заботе владельца о материальном благосостоянии и культурном развитии своих рабочих, но и в социально-личностных взаимоотношениях и морально-психологической атмосфере.

Известно, что Сергей Иванович еще во время существования крепостного права отменил телесные наказания. Более того, некоторые очевидцы свидетельствуют, что за время его владения заводами никто не был лишен работы за уклонения и проступки. Однако приведенные факты формируют излишне альтруистический образ заводовладельца, что идет в разрез с принципами предпринимательской деятельности и его характером в условиях крепостного хозяйства. В любом случае он должен был оставаться властным хозяином, помещиком-крепостником, поддерживая строгую дисциплину на предприятиях, а также следя за установленным им самим укладом жизни зависимого населения. Модель предпринимательского поведения в отношении к рабочим была обусловлена во многом необходимостью рационального хозяйствования, что невозможно было без соблюдения трудовой дисциплины и порядка, порой принимавших достаточно жесткие формы. Поэтому рисуемая некоторыми современниками столь радужная картина социальных взаимоотношений не всегда соответствовала реальности и порой слишком идеализировала отношения заводовладельца и рабочих.

Существующие на заводах Мальцова порядки не могли не повлиять на мироощущение рабочих, их социальное и политическое сознание. Довольно высокий уровень грамотности и образованности разрушал традиционные стереотипы мышления, позволял рабочим несколько по иному взглянуть на свое правовое положение, порождая свободолюбивые устремления и повышая планку представлений о достойном уровне жизни и степени вознаграждения за труд. Несмотря на относительно хорошие условия жизни среди населения заводского округа не все было столь миролюбиво и иногда все-таки возникали социальные волнения. Но практически все они имели локальный характер, и редко перерастали рамки одного завода и рабочего коллектива. Наибольшей «революционностью» отличались рабочие Людиновского завода, поднявшие волнения в 1861 г.

Но и после этих событий Сергей Иванович не изменил своих взглядов по поводу определения наиболее эффективной стратегии развития российской промышленности, оставаясь приверженцем форм организации труда, присущих традиционной модели индустриализации. Это не удивительно, ведь именно на ее основополагающих принципах и была создана его индустриальная империя. Даруемые государством привилегии и возможность использования ресурсов вотчинно-крепостного хозяйства (особенно принудительного труда) создавали исключительные возможности для развития. Разрушение этих устоев перечеркивало очень многое из того, чему Мальцов посвятил всю свою жизнь, и вызвать серьезные сбои в функционировании уже довольно отлаженного социально-эко-

номического механизма. Поэтому в данном случае столь ярко выраженный консерватизм Сергея Ивановича Мальцова был вызван не столько косностью мышления (о новаторских начинаниях этого предпринимателя уже сказано и будет сказано еще), сколько беспокойством за судьбу с таким трудом создаваемого и развиваемого им дела.

Казалось, что после реформы 1861 года практически ничего не изменилось и Сергей Иванович ничуть не изменяет взаимоотношения со своими рабочими, бывшими крепостными, перешедшими в разряд «временнообязанных». Однако многое уже изменилось в рабочих, осознавших специфику своего нового состояния и воодушевляемых столь радужной и долгожданной идеей освобождения. Вновь наиболее активными и организованными в своих действиях оказались рабочие Людиновского завода. В ходе подготовки выступления рабочие разработали план и определили конкретные задачи своих действий. Знакомство с ними позволяет сделать вывод о достаточно высоком уровне политического сознания и образованности. Из донесения калужского жандармского штаб-офицера Смирнова в III Отделение Мезенцеву следует, что «между мастеровыми Людиновской волости происходят суждения, что Россия должна быть разделена на особые области, в которых будет самостоятельное народное управление, и что все вообще дворяне-землевладельцы будут лишены своих имений и принадлежащая им земля предоставиться во владение крестьян». Причем раздавались и более смелые, носившие революционно-террористическую окраску, идеи, следуя которым помещики, препятствовавшие освобождению крестьян должны быть убиты. К их числу был отнесен и заводовладелец С.И. Мальцов [12]. Хотя волнения не переросли в открытое выступление рабочих их идейная направленность поднималась на более высокий уровень. Летом 1866 г. в III отделение поступают сведения о намерении людиновских рабочих преобразовать управление завода на артельных началах, то есть фактически установить на предприятии рабочий контроль. Эта идея стала весьма популярна среди рабочих, которые планомерно организовывали акции неповиновения: не исполняли распоряжения губернского начальства, отказывались платить недоимки, препятствовали избранию старшин на место «удаленных за подстрекательство их к ослушанию». Видя как нарастает напряженность на Людиновском заводе и поразившись столь смелым замыслам рабочих, губернские власти решают положить конец всеми этим беспорядкам и направляют для их усмирения 5 рот в составе 370 человек — в Людиново и 1 роту численностью 60 человек — в Сукремль. Войска были расквартированы постоем по домам наиболее «строптивых» мастеровых, по 1 — 3 человека, смотря по степени виновности [13].

Сам Сергей Иванович иронично называл все происходящее между рабочими «плодами просвещения». Поэтому вряд ли эти события следует расценивать как следствие ужесточения порядков на заводах, инициатором которых был сам заводовладелец. Кроме того, некоторые исследователи высказывают мысль, что происходившие беспорядки, возможно, случились в отсутствие С.И.Мальцова [14].

Замечая столь разительные перемены в социальном поведении рабочих, инициированные реформой 1861 года, видя, как рушатся общественные устои промышленного хозяйства, Мальцов постепенно осознает весь драматизм ситуации и разными способами старается сохранить квалифицированных рабочих на предприятиях. Одной из таких мер стало бесплатное наделение своих мастеровых земельными наделами, привязывающее тем самым их к заводам. С одной стороны, это было весьма заманчиво для рабочих и большинство из них принимало предложенные заводовладельцем условия. Но с другой стороны, это приводило в некоторой степени к реиндустриализации промышленного хозяйства и «окрестьяниванию» рабочих. Наступавшая эпоха наемного труда задавала несколько иные параметры в организации труда и предполагала совершенно противоположное направление развития. Постепенно и сам заводовладелец отказывается от авторитарного, бесконтрольного стиля управления.

В целом же, несмотря на случаи социальных конфликтов, вспыхивавших на заводах Мальцовых, о классовой борьбе в заводских имениях не могло быть и речи. Личность заводовладельца воспринималась рабочими не как противостоящая их интересам сторона, а как хозяин, покровитель и попечитель, которому далеко не безразлична судьба находящихся в его подчинении людей. В деятельности предпринимателей проявлялись элементы так называемой отеческой заботы, в то же

время подразумевавшей и меры наказаний «за непослушание». Эти формы воздействия не воспринимались населением как враждебные, производившиеся со стороны противостоящего их интересам лица. В подавляющем большинстве случаев они рассматривались как вполне целесообразные действия «родителя», наказывающего детей своих за «нерадивое поведение».

В целом, отношение предпринимателей Мальцовых к своим рабочим можно охарактеризовать как политику «социального патернализма» (особенно ярко это проявилось в деятельности Сергея Ивановича). Спектр социально направленных мероприятий в деятельности заводовладельца был достаточно широк, что на стадии индустриальной «незрелости» России, с ее безудержной гонкой за прибылью и жесткими формами эксплуатации принудительного труда, выглядит весьма оригинально и ново.

Например, для престарелых рабочих, вдов, сирот были установлены пенсии. Присутствовали и элементы т.н. «экстренной» социальной помощи, когда Сергей Иванович брал на себя заботу о материальном обеспечении семьи в случае смерти кормильца. Каждая вдова получала не только содержание, но и в случае необходимости для нее строился дом. Была организована больничная касса, из которой выдавались пособия рабочим, потерявшим на время трудоспособность. Отдельной статьей расходов было выделение средств на похороны, свадьбы и др. экстренные надобности.

Забота Мальцова о своих рабочих проявлялась даже в попытках облегчения условий труда и жизни. Бесплатно выдавалась сельтерская вода, разрешались более частые отлучки для отдыха и купания. Во время постов выдавалось пиво собственного производства. К важным религиозным праздникам в виде награды рабочий получал определенное количество пива, вина, сахара, чаю и прочего, что высоко ценилось рабочими не как прибавка к заработку, а как знак уважения к трудящемуся человеку [15]. Проживающие на территории мальцовского округа население не тяготилось своей «крепостью» хозяину и осознавая преимущества своего положения перед крепостными окрестных помещичьих владений, с гордостью заявляли, что они «мальцовские».

По внешнему виду мастеровые резко отличались от крестьян окрестных сел и деревень. Для рабочих округа устанавливалась особая форма одежды, у подавляющего большинства были сапоги и часы. Вот как показывается внешний облик населения с.Дятьково в одном из источников, датированном 1880 годом: «На улицах постоянное движение мастеровых и чернорабочих; особенною оживленностью население отличается во время праздников, когда масса рабочего народа запруживает улицы; все это пестрит всевозможными цветами; кроме рабочих, здесь много служащих и приезжих за покупкой хрусталя. Мастеровые одеваются как мещане в уездных городах; женщины и девушки — в ситцевых или шерстяных платьях, с платком или косынкою на голове; мужчины — в суконных сюртуках, или просто в цветных рубахах, на головах у всех картузы. Здесь вообще развита страсть к щегольству, и та же самая девушка, которую в будничный день видели босою, работающей на фабрике, в праздник одевается в шерстяное или даже в шелковое платье» [16]. По сравнению с крестьянским населением у мальцовских рабочих наблюдался уже более высокий уровень потребностей: они уже привыкли «пить чай и заменять водку пивом» [17].

Для поддержания порядка была даже создана своя полиция. В целях предотвращения падения нравов и сохранения моральных устоев жизни заводского населения, а также в интересах поддержания трудовой дисциплины и порядка Сергей Иванович Мальцов установил своего рода «сухой закон». Посетивший его заводы Константин Карлович Жерве был неожиданно удивлен тем, что «во всем не было ни одного кабака, и достать рюмку водки даже прохожему не было никакой возможности». Далее он продолжает: «Вообще порядок в селе был строгий и стройный. Фабричные все казались здоровыми и веселыми» [18]. Конечно же, важную роль в достижении такого результата играли административно-силовые методы, но не только на них держалась морально-нравственная стабильность общественной системы. Даже население заводов, находившихся на периферии мальцовского хозяйства, выгодно отличалось в этом плане от чисто крестьянских поселений. Например, по свидетельству земского статиста Д.Н. Жбанкова, относящегося к 1894 году (времени образования мальцовского товарищества) владелец трактира в селении Щеткинского стекольного завода жаловался, что рабочие пьют мало водки, отчего его прибыль оставляла желать большего [19].

В своей социально-патерналистской политике большое внимание Сергей Иванович Мальцов уделял мероприятиям, направленным на развитие образования, по уровню которого его владения выгодно отличались от основной массы вотчинных хозяйств. Мальцов ценил грамотного мастерового, считая грамотность основой человеческого развития, стимулом к сознательному труду. В отзывах современников присутствуют восторженные отзывы об уровне просвещения населения округа. В одном из них, датированным 80-ми годами, отмечается, что в «Дятькове почти невозможно встретить неграмотного мужчину» [20].

Причем внимание одинаково уделялось внимание общему и профессиональному обучению. Практически при каждом заводе была открыта школа. Например в Людиновской школе обучалось 154 ученика, которых учили «читать, писать, Закону Божьему и четырем правилам арифметики» [21]. Школа при Дятьковском заводе занимала два этажа большого трехэтажного здания. Обучение длилось три года и было приближено по программе к образцовому трехклассному училищу. Здесь же преподавалось рисование в объеме курса реального училища. Для каждого класса имелось обширное помещение, а так же отдельная комната для рисования и пения. С детьми занимались три учителя и одна учительница с помощницей, а так же особые учителя пения, рисования и «закона божьего». Учителя получали от 20 до 30 рублей жалованья в месяц, для некоторых из них предусмотрено бесплатное питание и жилье, и кроме того два раза в год они получали подарки. При школе имелась довольно большая библиотека, в которой были даже сочинения промышленной и технико-технической направленности. Выписывались четыре педагогических журнала. В школе обучалось 260 мальчиков, а также 85 девочек (последние только из зажиточных семей: конторских служащих, приказчиков, старших мастеров и т.д.) [22].

В Людиново было основано техническое пятигодичное училище, прозванное местным «университетом» [23]. В дятьковском техническом училище дети фабричных на протяжении пяти лет помимо общих предметов углубленно изучали рисование и черчение, подготавливаясь к работе в стеклоделии и металлообработке [24]. Система обучения была ориентирована на формирование профессионального мышления и навыков, благодаря чему достигалась практическая направленность получаемых знаний. Уровень образованности работников был напрямую связан с возможностью выполнения ими сложнейших технических задач, определивших за предприятиями Сергея Ивановича звание пионеров производства. Просвещение давало свои плоды. На всех участках сложного производства работали выпускники этого училища, занимая даже посты директоров и управляющих. О внимании Сергея Ивановича Мальцова к просвещению народа говорит тот факт, что даже в своем завещании он предусмотрел распределить часть своего состояния на распространение грамотности и просвещения [25].

Отмеченные выше тяжелые условия труда очень вредно воздействовали на здоровье рабочих, приводя к частым заболеваниям. Это вынуждало заводовладельцев выделять средства на оказание медицинской помощи населению. Для рабочих мальцовских заводов организовывалась бесплатная медицинская помощь. Так, при Золотковском хрустальном заводе Ф.В. Мальцова уже в 1812 году имелось четыре избы для больных. Больница была устроена и при Гусевском хрустальном заводе [26].

Но все же наиболее эффективная система медицинского обслуживания была создана для рабочих мальцовского промышленного округа, благодаря деятельности С.И. Мальцова. Наиболее благоустроенные больницы имелись в Людиново и Дятьково. Последняя помещалась в отдельном трехэтажном здании, в ней было 50 кроватей, но при необходимости можно увеличить количество мест и до 150. В больнице был врач, несколько фельдшеров, повивальная бабка (акушерка). При небольших заводах состояли фельдшеры, которые были обязаны оказывать бесплатную помощь и на дому [27]. Все расходы на систему здравоохранения, составляющие ежегодно 35 — 40 тыс. руб., нес заводовладелец [28]. Всего Сергеем Ивановичем в заводских поселках было устроено 8 больниц и 2 аптеки [29].

Для детей, старцев, сирот и больных мальцовского промышленного округа развивается целая система общественного призрения. Устраивались богадельни для одиноких и престарелых людей,

устанавливались пенсии для нетрудоспособных мастеровых, вдов, сирот. Всего на благотворительные цели заводовладельцем тратилось ежегодно более 60 тыс. руб. [30].

Строительство и содержание церквей было предметом особой заботы Мальцовых. Это было своего рода насущной потребностью эпохи, выражавшейся в тотальной религиозности населения. Кроме того, заводовладелец прекрасно понимал, что прочность устоев общества, социальная стабильность, нравственность, а так же послушание населения во многом зависели от того, насколько оно усвоило нормы религиозной морали.

О масштабах храмоздания и церковной благотворительности Мальцовых можно судить по приведенному в завещании Сергея Ивановича Мальцова перечню храмов и церквей, находящихся во владениях только дятьковской ветви рода Мальцовых, которым завещатель даровал денежные суммы: «на поддержание храмов завещаю Дятьковскому, Людиновскому, Сукремльскому, Любохонскому, Сергиево-Радицкому, Песоченскому — каждому в собственность деньги по тысяче рублей. Ивотскому, Чернятинскому, Слободищенскому, Пупковскому, Стекляно-Радицкому, Любышскому, Улемльскому, Кургановскому, Погостскому, Бухальскому, Маклаковскому (храмам), Белобережской и Оптиной пустыням по пятьсот рублей деньгами, тоже Алупской (пустыни) пятьсот рублей деньгами» [31]. Наибольшую известность получили Дятьковский (Преображенский) и Людиновский храмы, убранство которых современники называли «восьмым чудом света» [32].

Даже столкнувшись с многочисленными финансово-производственными трудностями и принимая решение об организации в 1875 году мальцовского торгово-промышленного товарищества Сергей Иванович старался сохранить при этом «благосостояние своих рабочих», а в числе обязательств, взятых на себя вновь образованным товариществом, значатся следующие: «Поддерживать в существующем виде больницы, аптеки и учебные заведения на заводах, а равно продолжать производившуюся прежде выдачу пенсий вдовам, сиротам и немощным рабочим; оно кроме того, обязывается из годового дохода, т.е. от суммы, оставшейся за покрытием всех расходов, отделять известный процент в капитал благотворительных сумм, как для содержания больниц, технического и других училищ, так и для учреждения новых подобных заведений и выдаче пенсий и пособий для него, на основании особых правил, выработанных товариществом, рабочим и служащим или их семействам, а так же престарелым или по какому либо случаю получившим увечья на заводах товарищества». Сумма «благотворительного капитала» определялась в 500 000 руб. и по мере его расходования он должен был непрерывно пополняться [33].

Выше мы вели речь преимущественно об одном представители предпринимательской династии — Сергее Ивановиче, в деятельности которого социальный патернализм проявлялся наиболее в яркой форме. Но и других представителей мальцовского рода в не меньшей степени волновали проблемы физического и духовно-нравственного здоровья своих рабочих. Немало усилий в деле повышения образованности и профессионального уровня рабочих приложил владелец гусевской ветви мальцовских заводов, Иван Сергеевич. В 1875 году он преобразовал начальную школу для мастеровых в Гусе в двухклассное министерское училище с несколькими параллельными классами: мужскими и женскими. В 1876 году двухклассное училище открыто на Великодворском заводе [34]. Даже в завещании условием вступления в наследственные права главному приемнику Ю.С. Нечаеву было предписано внести во Владимирское уездное земство капитал в сумме 500 тыс. руб. на учреждение технического училища. Предполагалось, что в ней будут обучаться ремеслам, а так же общеобразовательным и техническим наукам дети беднейших родителей. Новоиспеченный наследник с воодушевлением принялся выполнять волю умершего и проявил в этом больше усердия, чем даже это предписывалось в завещании. Лично от своего имени он подарил земству под строительство школы и 250 тыс. руб. Был организован конкурс на разработку проекта, в котором победу одержал инженер Максимов. Строительство школы было закончено в 1885 году. Принцип обучения был весьма демократичен: в течении 5 лет в ней проходили обучение около 100 детей независимо от сословной принадлежности и вероисповедания. Большое место в профиле училища уделялось принципиально новым специальностям, связанным с электричеством и высокоточными технологиями. Обучающиеся обеспечивались бесплатными обедами, фор-

менными блузами и даже теплыми полушубками на зиму. По устройству и оснащению она была признана современниками одной из лучших в Европе. Новая система классных столов и досок, рекреационный зал, единственные в Европе учебные мастерские, особый род столовой — все это позволяет отнести училище к числу одного из самых передовых для своего времени [35].

Говоря о социокультурных аспектах предпринимательства Мальцовых нельзя не упомянуть еще об одной области их деятельности — меценатстве, получившей наиболее яркое выражение делах фактически последнего представителя династии — Юрия Степановича Нечаева-Мальцова (после получения в наследство многомиллионного состояния им к своей фамилии была прибавлена материнская). За время управления промышленным хозяйством он наряду с предпринимательскими делами проявил себя и как истинный ценитель и покровитель искусства, проявляя непосредственную заботу о нем. Своими пожертвованиями на нужды развития отечественной культуры и искусства он приобрел себе в общественных кругах имидж благотворителя и мецената.

В конце XIX века в Гусь-Хрустальном по инициативе Юрия Степановича был возведено величественное здание храма Святого Георгия, освященного в 1901 году. Его проект разработал Л.Н. Бенуа, а мозаики для него сделал В.М. Васнецов. Последний к тому же расписывал церковь в селе Березове.

В 1897 г. Ю.С. Нечаев-Мальцов стал товарищем председателя Комитета по устройству в Москве музея изящных искусств им. Александра III (ныне ГМИИ им. А.С.Пушкина). Этому решения во многом способствовало знакомство с И.В.Цветаевым, идейным вдохновителем создания музея. Юрий Степанович вкладывает огромные средства в строительство здания музея. Спонсорами создания музея были и другие предприниматели, но в 1904 г. жертвы частных лиц практически прекратились. С этого времени Нечаев-Мальцов стал единственным жертвователем музея. Благодаря его деньгам и предприимчивости фасад музея, главные лестницы и залы были отделаны уральским и норвежским мрамором, гранитом из Финляндии. Юрий Степанович лично выезжал в Египет, Грецию, Лондон, Париж для приобретения экспонатов для музея. В числе наиболее ценных можно отметить следующие: копия с фриза Парфенона, коллекция памятников египетского искусства, копии византийских мозаик и порталов средневековых западноевропейских церквей, собрание античной греческой скульптуры классического периода, а так же многочисленные копии с памятников искусства, хранящихся в музеях Греции, Англии и Франции [36].

На деньги Нечаева-Мальцова длительное время издавался журнал «Художественные сокровища России», редактором которого вначале был художник А.Н. Бенуа, а затем А.В. Прахов — известный историк искусства и археолог. Предприниматель оказывал материальную помощь многим представителям культуры и был избран вице-президентом императорского общества поощрения художников [37]. За заслуги перед русской культурой был избран почетным членом Академии художеств (1892 г.) и Московского археологического общества (1908 г.).

Подытоживая все вышесказанное можно сделать вывод, что успешная предпринимательская деятельность Мальцовых во многом стала экономической основой реализации ими целого ряда общественно-значимых функций. Прежде всего это проявилось в политике «социального патернализма», направленной по отношению к заводскому населению, благодаря которой происходило определенное улучшение условий труда и социально-экономического положения рабочих. Конечно же, следует признать, что отсутствие рабочего законодательства и правовых норм создавало ограничения в направлении углубления этого процесса, интенсивность которого зависела от личной воли владельца и его управляющих. Учитывая определенную противоположность экономических интересов, в любом случае сохраняющейся в той системе организации производства, можно определить границы всего этого «благополучия». Пока деятельность предприятий была эффективной, а производство рентабельным и расширенным, пока предприниматель получал высокие прибыли и ничто не угрожало его материальному благосостоянию, до тех пор и осуществлялась забота о своих подчиненных.

Хотя такого рода деятельность во многом и опередила свое время, однако и она имела границы, устанавливаемые существующей эпохой, а также социально-политическими параметрами и нормативами. Поэтому коренным образом перевернуть существующие порядки ни С.И. Мальцов,

ни другие представители рода, не могли. Являясь представителем господствующего сословия и прекрасно осознавая все преимущества своего сословно-корпоративного положения, они принимали правила игры, задаваемые свыше и в полной мере использовали его преимущества для реализации своих предпринимательских задач. Поэтому отклонения от общепринятых в данной среде норм и ценностей не могли иметь «революционно-радикального» характера, так как они означали бы разрыв со своей социальной иерархической средой и потерю даруемых ею привилегий и льгот.

Естественно, что сложившаяся на территории мальцовского промышленного округа довольно отлаженная и эффективная система производственно-экономических отношений обуславливала и довольно благоприятную социокультурную среду. Здесь действовали свои законы и порядки, с одной стороны, устанавливаемые заводовладельцем, а с другой — вырабатываемые в результате социального взаимодействия проживающего здесь населения, находящегося в довольно специфических, не характерных для основной массы крестьянского населения России, условиях хозяйствования и жизнедеятельности, являвшихся следствием усиления процессов индустриализации. Здесь сыграло роль то обстоятельство, что горнозаводские хозяйства объединяли рабочих в некую социальную общность, в которой присутствовал ряд принципиально новых моментов в образе жизни рабочих, быте, поведенческих мотивах и т.д.

На заводах и фабриках, принадлежавших представителям династии Мальцовых, было занято большинство населения, в тех или иных формах подконтрольного заводовладельцам. Поэтому основным источником доходов для них была заработная плата. Это заставляло их более активно участвовать в товарно-денежных отношениях и ориентироваться на рынок.

Для жителей промышленных районов, непосредственно связанных с заводским производством, такого рода деятельность играла решающую роль в формировании их хозяйственной этики, образа экономического мышления, а в конечном итоге определяла уровень их материального положения. С другой стороны, заводская деятельность способствовала формированию картины мира, отличной от традиционного крестьянского видения окружающей действительности. На наш взгляд можно говорить о так называемой социокультурной трансформации, наблюдаемой в среде фабрично-заводских рабочих мальцовских предприятий.

В целом же, на примере жизнедеятельности отдельных представителей рода предпринимателей Мальцовых мы видим как эволюционирует социальная функция предпринимательства, выражавшаяся в его способности удовлетворять общественные запросы и даже определять характер социальных отношений, в систему которых он был тесно включен, являясь наиболее активным его участником, а нередко организующей и системообразующей силой.

С другой стороны, предпринимательство в той или иной мере было вынуждено впитывать, воспроизводить и видоизменять характерную для этого общества культурную среду и руководствоваться интересами других социальных групп. В этом отношении мир предпринимателей был очень многолик и противоречив, не меньше, чем в плане реализации своих «профессиональных» устремлений, направленных на достижение материального успеха.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Немирович-Данченко В.И. «Америка в России» // Русская мысль. М., 1882. Кн. XII. С. 234.
2. Там же. С.318-319.
3. Субботин А.П. Мальцовский заводской район. История и настоящее экономическое положение. СПб., 1892. С. 1-2.
4. Немчинова Д.И. Мальцовы и их дело // С.И.Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. 2. Брянск, 1999. С. 14.
5. Ухтомский Л.А. Несколько дней на заводах г. Мальцова // Морской сборник, издаваемый морским ученым комитетом. Т.XXXII. № 12. СПб.,1857. С. 275 — 285.
6. Там же. С. 275.

7. Сергей Иванович Мальцов и мальцовское торгово-промышленное товарищество. СПб., 1880. С.34.
8. Там же. С.15-16.
9. 1000 лет русского предпринимательства... С. 120.
10. Сергей Иванович Мальцов и мальцовское торгово-промышленное товарищество. СПб., 1880. С.39.
11. Предпринимательство... С. 186; 1000 лет русского предпринимательства... С. 120.
12. Рабочее движение в России в XIX в. Т.II. Ч.I. С. 214.
13. Там же.
14. Хохлов В.Г., Дацков М.М. Сергей Иванович Мальцов — предприниматель, патриот, человек // С.И.Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Москва-Брянск, 1995. С.50.
15. Хохлов В.Г., Дацков М.М. Сергей Иванович Мальцов — предприниматель, патриот, человек // С.И.Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Москва-Брянск, 1995. С. 47.
16. Сергей Иванович Мальцов и мальцовское торгово-промышленное товарищество. СПб., 1880. С.16-17.
17. Там же. С.36.
18. Воспоминания Константина Карловича Жерве // Исторический вестник. 1898. № 7. С. 56.
19. Жбанков Д.Н. Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губ. Вып.I. Смоленск, 1894. С.105.
20. С.И. Мальцов и мальцовское торгово-промышленное товарищество. СПб., 1880. С. 23.
21. Ухтомский Л.А. Несколько дней на заводах г. Мальцова // Морской сборник, издаваемый морским ученым комитетом. Т.XXXII. № 12. СПб., 1857. С. 280.
22. Сергей Иванович Мальцов и мальцовское торгово-промышленное товарищество. СПб., 1880. С.23-24.
23. Гавлин М. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996. С. 174.
24. Предпринимательство... С. 185.
25. Хохлов В.Г., Нихуткина В.Г. Духовное завещание С.И. Мальцова // С.И.Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. 2. Брянск, 1999. С. 31.
26. Юрчук К.И. Вотчинные мануфактуры в стекольной промышленности России в конце XVIII — первой половине XIX века (к проблеме генезиса капитализма). Воронеж, 1988. С.113.
27. Сергей Иванович Мальцов и мальцовское торгово-промышленное товарищество. СПб., 1880. С.24.
28. Хохлов В.Г., Дацков М.М. Сергей Иванович Мальцов — предприниматель, патриот, человек // С.И.Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Москва-Брянск, 1995. С. 46.
29. Русский торгово-промышленный мир. М., 1993. С.130.
30. Сергей Иванович Мальцов и мальцовское торгово-промышленное товарищество. СПб., 1880. С.7.
31. Хохлов В.Г., Нихуткина В.Г. Духовное завещание С.И. Мальцова // С.И.Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. 2. Брянск, 1999. С. 22.
32. Ухтомский Л.А. Несколько дней на заводах г. Мальцова // Морской сборник, издаваемый морским ученым комитетом. Т.XXXII. № 12. СПб., 1857. С. 276.
33. Сергей Иванович Мальцов и мальцовское торгово-промышленное товарищество. СПб., 1880. С.8, 10.

34. Гавлин М. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996. С. 166.
35. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997. С. 196.
36. Там же. С. 198.
37. Гавлин М. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996. С. 186.

BUSINESS AND LABOUR (FOR EXAMPLE OF MALTSOV'S HOUSEHOLD IN THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY)

A system of interrelations of employers and workers in Maltsov«s industrial household foundation of which was glass and cut-glass industry with such key centres as Gus-Chrustalnyi and Dyatkovo is reconstructed in the article. The author determines this system as paternalistic when an owner shown concern for workers welfare and cultural development and as the system which provided particular social-personal interrelations and specific moral- psychological atmosphere.

A.A.Makushev

С.А. Нефедов

Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция*

Вопрос о причинах социального кризиса 1917 года, о взаимоотношениях власти и общества накануне революции, о роли случайного и закономерного в февральских событиях остается дискуссионной темой российской историографии. «Из-за утраты веры в закономерность исторических событий... — отмечает известный американский историк Леопольд Хеймсон, — в современной российской историографии образовался вакуум, чем и объясняется появление таких стереотипов в интерпретации исторических процессов, как... объяснение истоков Февральской революции как следствия заговорщической деятельности масонов»[1]. Многие исследователи полагают, что Россия могла бы избежать революции, если бы не Первая мировая война, до предела обострившая социальные отношения в стране. «Среди историков существует мнение, — отмечает Э. Хобсбаум, — о том, что Россия... могла бы продолжать поступательное и эволюционное движение в сторону процветающего либерального общества, если бы это движение не было прервано революцией, которой, в свою очередь, можно было бы избежать, если бы не первая мировая война. Ни одна из возможных перспектив развития не удивила бы современников больше, чем эта. Если и существовало государство, в котором революция считалась не только желательной, но и неизбежной, так это империя царей»[2]. Вопрос о том, что было бы, если бы не было войны, в действительности не имеет право на постановку[3] — и не только по той причине, что история не имеет сослагательного наклонения. До появления ядерного оружия войны между великими державами были неотъемлемой частью исторического процесса, и рано или поздно Россия должна была стать участником большой войны. Специфика ситуации начала XX века заключалась скорее

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ-Урал (проект № 04-01-83117а/У).

в том, что большая война почему-то запаздывала, между окончанием Крымской и началом первой мировой войны прошло 58 лет, в то время как временные промежутки между большими войнами с участием России в XVI — первой половине XIX века в среднем составляли лишь 16 лет[4]. Д. Джолл, посвятивший специальное исследование вопросу о возникновении Первой мировой войны, приходит к выводу, что «война не могла не разразиться в данный момент»[5].

Таким образом, война была неизбежна. Неизбежна ли была революция? Известно, что в конце войны или после войны революции произошли во всех потерпевших поражение странах — но следует ли из этого, что революция должна была произойти и в России, и притом в 1917 году? Ведь Россия 1917 года не принадлежала к терпящему поражение блоку, а, с другой стороны, революционные вспышки 1918-1923 годов в Европе и Азии в значительной степени были вызваны влиянием русской революции 1917 года. Таким образом, причину февральской революции нужно искать в специфических условиях России: это была единственная страна, не выдержавшая испытаний двух с половиной лет войны и «сошедшая» с четырехлетней дистанции. В чем же заключалась специфика России, отличавшая ее от других воюющих стран? Ответ на этот вопрос, в целом, известен: во-первых, эта специфика заключалась в бедности населения страны (сравнительно с другими «великими державами»), а во-вторых, в глубоком социальном расколе, поразившем русское общество — свидетельством этого раскола была революция 1905 года. Социальный раскол был следствием бедности, а бедность была, в основном, следствием крестьянского малоземелья: в аграрной стране бедность и богатство крестьян измеряются размерами полей. Таким образом, коренной российской спецификой было крестьянское малоземелье — притом, что земля в стране была, но она принадлежала помещикам.

Известно, что именно малоземелье было причиной крестьянской войны 1905-1907 годов. Тогда крестьяне прямо требовали раздела помещичьей земли, но Николай II написал на проекте С. Ю. Витте: «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной». В результате, как отмечал П. Гатрелл, крестьянство убедилось в том, что государство поддерживает принцип «святости» дворянского землевладения. Таким образом, массовый протест против помещичьего землевладения неизбежно перешел в протест против государства, то есть против царской власти[6]. Восстания были подавлены, но в народе поднялась волна ненависти к режиму, эта волна ярко проявилась в статистике преступности: количество преступлений «против порядка управления» возросло после революции в шесть раз[7]. Затем началась мировая война, которая исказила истинный смысл событий, оттеснила на второй план их глубинную подоплеку. В феврале 1917 года события развивались не так, как в первую революцию; крестьяне не жгли усадьбы помещиков, и февральскую революцию не называли крестьянской войной. Однако коренной, глубинный конфликт продолжал определять ход российской истории. В конечном счете, писал П. Гатрелл, мировая война лишь дала возможность укоренившемуся классовому конфликту проявить себя и трансформироваться в революцию[8]. Но каким образом крестьянское малоземелье трансформировались в чисто городскую февральскую революцию? Каким был конкретный механизм того взрывного устройства, которое сработало в 1917 году?

Известно, что каждая большая война сопровождается социально-экономическим кризисом, поэтому для ответа на поставленный вопрос необходимо кратко проанализировать механизм военных кризисов, имевших место в России на протяжении XIX века. Начнем наш анализ с Крымской войны. Как известно, эта война велась ограниченными силами на ограниченном театре боевых действий и ее активная фаза (от высадки союзников в Крыму до взятия Карса) продолжалась лишь 14 месяцев. Тем не менее, к концу 1855 года страна находилась в состоянии социально-экономического кризиса[9]. Как утверждалось в записке, составленной генералом Д. А. Милютиным для Государственного совета, промышленность была не в состоянии снабдить армию необходимым количеством военного снаряжения и боеприпасов. Из 1 млн. ружей, имевшихся в арсеналах к началу войны, в 1856 году осталось только 90 тыс.; еще хуже обстояло дело с порохом и снарядами. Таким образом, первая из порожденных войной проблем имела военно-технический характер: страна была не в состоянии обеспечить армию оружием. Это означало, что в случае продолжения войны полное пора-

жение было неизбежным, а военное поражение было чревато утратой авторитета монархии и политическими потрясениями. Вторая проблема была финансовая. В 1854-1855 годах на войну было истрачено 500 млн. руб. что было равно сумме трехлетнего дохода; в 1856 году дефицит бюджета достиг 300 млн. руб. Правительство финансировало войну, заимствуя средства из хранящихся в государственных банках частных капиталов, в результате внутренний долг вырос с 400 до 525 млн. рублей серебром, а внешний долг с 300 до 430 млн. рублей. Однако средств все равно не хватало, и главным способом финансирования военных расходов была эмиссия бумажных денег. Сумма кредитных билетов, находившихся в обращении возросла за 1853-1856 гг. с 311 до 735 млн. руб. В результате этой эмиссии стал невозможен свободный размен билетов на серебро и курс рубля упал до 75% номинала; цена ржи на Черноземье увеличилась почти в два раза, в стране началась мощная инфляция, которая при продолжении военных действий грозила развалом экономики[10].

Третья проблема — это была проблема надежности армии. За время войны было призвано 800-900 тысяч рекрутов, примерно десятая часть взрослого мужского населения. Взятие крепостного в рекруты означало его освобождение, и рекрутские наборы вызывали недовольство помещиков. Правительство пыталось решить проблему путем призыва крестьян в ополчение; ополченцы должны были после войны вернуться к своим помещикам. Но призыв в ополчение спровоцировал массовые крестьянские волнения: весной и летом 1854 года десятки тысяч крестьян самовольно двинулись на призывные пункты, требуя, чтобы их записали в ополчение или в казаки и дали свободу. В 10 губерниях произошли массовые беспорядки, для усмирения которых пришлось использовать войска. Весной и летом 1855 года такие же волнения имели место в 6 губерниях. В южных уездах крестьянское движение приняло иной характер: крестьяне, собираясь огромными толпами, двигались в Крым, где, по слухам, «англо-французы дали волю»[11]. Если мы обратимся к анализу ситуации в 1812-1814 годах, то мы увидим, что две последние проблемы присутствовали и в то время. За время войны дефицит бюджета составил 360 млн. рублей; он был более чем наполовину покрыт эмиссией бумажных денег, в результате чего курс рубля упал до 20 коп. серебром, и правительство было близко к банкротству — положение спасли лишь быстрая победа и то обстоятельство, что война продолжалась лишь 22 месяца[12]. Крепостные крестьяне, как и в 1855 году, записывались в ополчение, потому что надеялись таким образом получить свободу — но после окончания войны начались волнения обманувшихся в своих ожиданиях крестьян-ополченцев. Восстание Пензенского ополчения в декабре 1812 года было чрезвычайно опасным симптомом; имели место также многочисленные восстания крестьян в прифронтовых районах[13]. Русско-японская война 1904-1905 годов имела локальный характер и в активной фазе продолжалась 13 месяцев. Тем не менее, все три проблемы успели проявиться в достаточной степени. Военные поражения привели к падению авторитета самодержавия и стали одной из главных предпосылок революции 1905 года. Финансовый кризис был одной из причин, заставивший спешно заключить мир: по словам Витте, дальнейшее ведение войны возможно только «ценою полного финансового, а затем и экономического краха»[14]. Проявлялась и ненадежность войск: командующий Маньчжурской армией А. Н. Куропаткин отмечал «большую легкость», с которой солдаты сдавались в плен[15]. Позднее, в 1905 году войска приняли активное участие в революционных выступлениях. — причем главной причиной выступлений солдат-крестьян был глубокий социальный раскол, который продолжал существовать в российском обществе. Однако, если прежде причиной этого социального раскола было крепостное право (порождавшее нищету крестьянских масс), то теперь главной причиной было крестьянское малоземелье, тоже порождавшее нищету. Таким образом, большая война ставила перед Россией тяжелые, почти неразрешимые проблемы. Первая проблема, недостаток вооружений, объяснялась техническим фактором. Вторая проблема, недостаток финансов, была вызвана народной нищетой, тем, что крестьянство не могло платить военные налоги. Третья проблема, ненадежность армии, была следствием крестьянского малоземелья, которое порождало крестьянскую нищету и глубокий социальный раскол в российском обществе. Эти проблемы не принимали фатального характера во время тех непродолжительных войн, которые вела Россия в XIX веке — но большая европейская война должна была привести страну

на грань катастрофы. Во время Первой мировой войны первым проявил свое действие технический фактор, недостаток вооружений. Уже в начале 1915 года закончились мобилизационные запасы снарядов и винтовок, на фронт прибывали невооруженные пополнения. Затем началось немецкое наступление. Разгромленные русские армии потеряли в летней компании 1915 года 2,4 млн. солдат, в том числе 1 млн. пленными[16]. Поражения 1915 года вызвали яростную антиправительственную компанию в Думе и формирование оппозиционного «Прогрессивного блока». Решив проявить твердость, царь распорядился прервать заседания Думы на несколько месяцев. Оппозиция не обращалась за поддержкой к рабочим, и роспуск Думы прошел относительно спокойно; антиправительственная кампания не вызвала массовых революционных выступлений. В 1916 году недостаток вооружений был отчасти восполнен, и после Брусиловского прорыва положение на фронте несколько улучшилось. Таким образом, механизм кризиса начал действовать: недостаток вооружений привел к поражениям 1915 года и к падению авторитета власти. Но поражения не привели к революции. Однако одновременно проявлял свое действие финансовый кризис. Главной проблемой экономики всех воюющих стран было финансирование огромных военных расходов. В 1914 году ординарные доходы российского бюджета составляли 2,8 млрд. руб., между тем военные расходы за вторую половину 1914 года составили 2,5 млрд. руб., за 1915 год — 9,4 млрд., за 1916 год — 15,3 млрд.[17] Военные расходы намного превосходили обычные доходы во всех воюющих странах, но в России ситуация усугублялась бедностью населения и наряженной социальной обстановкой. Для стран с относительно высоким уровнем жизни, помимо повышения налогов и эмиссии бумажных денег, существовал еще один путь получения доходов — внутренние займы. Правительства этих стран могли опираться на поддержку народа, который готов был кредитовать государство ради будущей победы — и главное, мог кредитовать государство, потому что даже простые люди имели определенные сбережения. В Германии доля займов в годы войны составляла 90% средств, полученных на внутреннем рынке и 74% военных расходов[18]. В России бедность населения и его нежелание помогать властям привели к тому, что за счет займов было погашено лишь 7,5 млрд. из 30,5 млрд. руб. военных расходов царского правительства — то есть 25%[19]. Еще 6,3 млрд. руб. (21%) военных расходов было оплачено за счет внешних займов, которые союзники были вынуждены предоставлять России ввиду ее неспособности самостоятельно вести войну[20]. Таким образом, внутренние и внешние займы покрывали расходы менее чем наполовину, а обыкновенные доходы (несмотря на формальное увеличение некоторых налогов) фактически даже уменьшились, и оставалось единственное средство финансирования войны — печатание бумажных денег. «Какие бы неточности в расчетах ни были, можно смело сказать, что выпуск бумажных денег явился для казны самым главным источником финансирования войны», — констатирует А. Л. Сидоров[21]. В конечном счете, к денежным эмиссиям были вынуждены прибегать и другие страны, но в России — ввиду отмеченных обстоятельств — эмиссия приобрела безудержный характер. По подсчетам А. Гурьева к весне 1917 году количество бумажных денег в обращении увеличилась во Франции на 100%, в Германии — на 200%, а в России — на 600%[22].

Эмиссия необеспеченных кредитных билетов должна была привести к галопирующей инфляции. К ноябрю 1916 года курс рубля упал до 60% номинала. Естественным следствием такого положения был рост цен (см. рис. 1.). Во всем мире и во все времена реакция производителей на инфляцию одинакова: наблюдая быстрый рост цен, землевладельцы и крестьяне придерживают свой товар, чтобы, подать его с большей выгодой, когда цена возрастет. На рынке появляется дефицит хлеба, от которого, в первую очередь, страдают горожане. Цены в городах быстро растут, у булочных выстраиваются длинные очереди, и массовое недовольство приводит к спонтанным вспышкам голодных бунтов, которые иногда превращаются в большие восстания. Примеры такого развития событии хорошо известны в истории, и мы напомним лишь один из них — это события Великой Французской революции.

В 1792 году, во время войны Франции с Австрией и Пруссией, военные расходы финансировались за счет эмиссии ассигнаций, стоимость которых быстро падала. Уже в ноябре 1792 года Сен-Жюст говорил, что «система торговли зерном опрокинута неумеренной эмиссией денежных знаков»

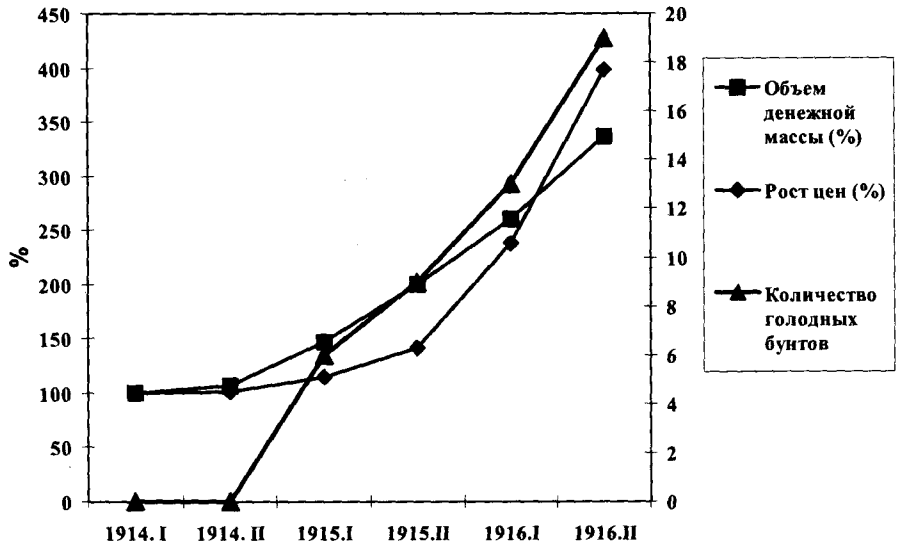

Рис. 1. Количество денег в обращении, индекс цен, и число голодных бунтов в городах (без Сибири, Закавказья, Кавказа и Донской области) по полугодиям[23]

и предупреждал о грядущих восстаниях[24]. К февралю 1793 года стоимость ассигната упала до 50% номинала, и 24-26 февраля по Парижу прокатилась первая — чисто стихийная — волна голодных бунтов. Напуганное правительство ввело максимальные цены на зерно, но максимум не соблюдался. Воспользовавшись создавшимся положением, якобинцы сумели превратить стихийное экономическое движение в политическое и объединили лозунги твердой цены на хлеб, изгнания из Конвента жирондистских депутатов, ареста подозрительных и др. Организованное якобинцами вооруженное выступление национальной гвардии 31 мая — 2 июня одержало победу, Робеспьер пришел к власти, но продовольственное положение не улучшалось. 4 сентября вспыхнул новый — снова стихийный — голодный бунт, и Конвент был вынужден объявить «всеобщий максимум», то есть максимальные цены на все товары. Затем последовало введение продразверстки с конфискацией всех излишков по твердым ценам и частичная национализация экономики; сопротивление недовольных было подавлено с помощью «революционного террора»[25]. Аналогия в развитии событий в России и в революционной Франции бросалась в глаза, и о ней начали говорить еще до начала русской революции. 25 января 1917 года министр финансов П. Барк, выступая на Петроградской конференции стран Антанты, сообщал, что цены в России поднялись в 4-5 раз, намного больше, чем в других воюющих странах, что если курс рубля не будет поддержан, то «возможна катастрофа, как во время французской революции»[26].

В России хлебное снабжение городов было нарушено уже к осени 1915 года. В 1916 году положение с продовольственным снабжением становилось все более тяжелым. График на рис. 2 иллюстрирует постепенное уменьшение запасов хлеба на элеваторах, железнодорожных, портовых, торговых и других складах, где велся соответствующий учет. Эти запасы предназначались, в основном, для снабжения городов; обычно они достигали максимума в осенние месяцы, когда на рынок поступал хлеб нового урожая. В ноябре 1915 года запасы составили 65 млн. пудов, затем в ходе обычно-

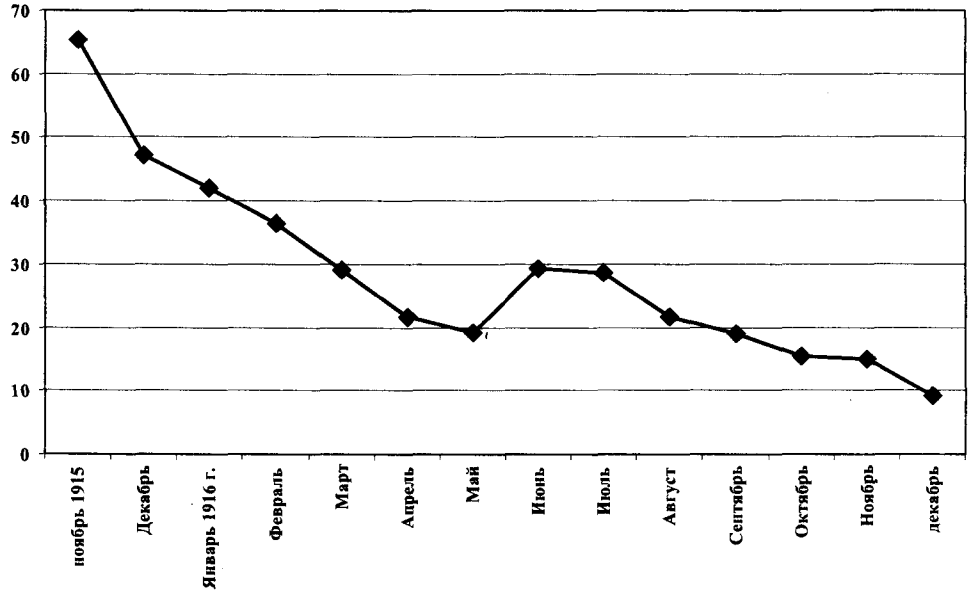

Рис. 2. Видимые запасы «главных хлебов» (млн. пуд.)[27]

го торгового цикла они постепенно уменьшались. Но — в отличие от предыдущих лет — осенью 1916 году запасы не возросли. Урожай 1916 года был значительно хуже, чем 1915 году, и, наблюдая рост цен в предыдущий период, производители, как помещики, так и крестьяне не продавали хлеб. Инфляционные ожидания были таковы, что ходили слухи о будущем десятикратном увеличении цен. В результате зерно не попало на склады, оставшись в деревне, и запасы постепенно уменьшились почти до нуля — то есть население городов было обречено на голод[28].

В октябре 1916 года было закуплено 49 млн. пуд., что составляло лишь 35% от запланированного количества хлеба, в ноябре — 39 млн. пуд (38%). Правительство осознало, что сам по себе хлеб уже не придет на рынок и необходимо принимать срочные меры. 29 ноября новый министр земледелия А. А. Риттих подписал постановление о введении продразверстки. Для каждой губернии устанавливался объем государственных закупок по твердым ценам, далее он распределялся по уездам и в течение 35 дней должен был доведен до производителей — помещиков и крестьян. В течение 6 месяцев разверстанное количество хлеба было необходимо сдать государственным уполномоченным. Всего предполагалось закупить 772 млн. пудов хлеба для снабжения армии, оборонной промышленности и крупных городов[29].

А. А. Риттих предполагал, что он «за три недели поставит на ноги продовольственное дело в империи», однако к началу февраля министр был вынужден признать невыполнимость своего плана. Многие губернии требовали уменьшить размеры разверстки, крестьянские общины и помещики отказывались выполнять задания[30]. В конечном счете, к лету 1917 года, уже после революции, было собрано в счет разверстки не более 170 млн. тонн зерна вместо намеченных 772 млн.[31]

Разверстка не удалась, и нужно было искать способы немедленного получения хлеба. В декабре 1916 года было начато изъятие хлеба из сельских запасных магазинов, в которых деревенские общины хранили запасы на случай голода. Эта мера вызвала бурный протест крестьян и была отменена после

того, как столкновения с полицией приняли массовый характер. Были введены надбавки к твердым ценам за доставку зерна на железнодорожные станции; широко использовались угрозы реквизиции у не желавших продавать хлеб помещиков — но крестьянам грозить реквизициями не решались. В декабре удалось закупить 63 млн. пудов (52% к плану), но почти весь этот хлеб пошел на снабжение армии. Города получали лишь малую часть закупок, задания по снабжению гражданского населения были выполнены в январе на 20%, в феврале — на 30%[32]. К концу 1916 года продовольственный кризис в городах принял катастрофический характер. Многочисленная мемуарная литература свидетельствует об отсутствии хлеба, огромных очередях у продовольственных магазинов в столицах. Тяжелым было положение и в других городах, даже на Черноземье, где в соседних с городами деревнях от хлеба ломились амбары. В Воронеже населению продавали только по 5 фунтов муки в месяц, в Пензе продажу сначала ограничили 10 фунтами, а затем вовсе прекратили. В Одессе, Киеве, Чернигове, Подольске тысячные толпы стояли в очередях за хлебом без уверенности что-либо достать. В декабре 1916 года карточки на хлеб были введены в Москве, Харькове, Одессе, Воронеже, Иваново-Вознесенске и других городах — но по карточкам выдавали очень мало и нерегулярно. В некоторых городах, в том числе, в Витебске, Полоцке, Костроме, население голодало[33].

Некоторые авторы утверждают, что в непоставках хлеба были повинны железные дороги, не справлявшиеся с перевозками из-за изношенности подвижного состава и снежных заносов, что хлеб был, но он лежал на станциях[34]. Данные, приводимые Н. Д. Кондратьевым, говорят, что это не так. За декабрь 1916 — апрель 1917 года Петербургский и Московский районы не получили 71% планового количества хлебных грузов, на 80% эта непоставка объяснялась отсутствием груза и лишь на 10% — неподачей вагонов[35]. В снабжении фронта наблюдалась та же картина: в ноябре 1916 года фронт получил 74% продовольствия, в декабре — 67%. 87% непоставки интендантских грузов в эти месяцы произошло по вине Министерства земледелия, и лишь 13% — по вине железнодорожников[36].

Голод должен был неизбежно породить волну стихийных восстаний и бунтов. На графике, изображенном на рис. 1, учтены лишь крупные бунты с тысячами участников, отмеченные массовыми беспорядками и столкновениями с полицией и войсками. Число голодных бунтов росло одновременно с ростом цен. Едва ли не большинство участников бунтов составляли женщины. Участие женщин и справедливый характер требований доведенных до отчаяния людей вызывали сочувствие среди привлекаемых для подавления волнений солдат и казаков. Во время голодного бунта 2-3 мая 1916 года в Оренбурге казаки впервые отказались выполнять приказ атаковать толпу. В дальнейшем такое поведение солдат и казаков стало достаточно типичным: в 1916 году было 9 таких случаев[37]. Количество голодных бунтов и случаев неповиновения войск нарастало как лавина.

Неповиновение, ненадежность войск — это было еще одно характерное проявление военного кризиса, наблюдавшееся почти во всех войнах, которые вела Россия. Как отмечалось выше, ненадежность войск была порождением глубокого социального раскола, поразившего русское общество. Во времена войны не проводилось социологических опросов, но лучшим ответом на вопрос о лояльности народа к власти было количество сдавшихся в плен. На 100 убитых в русской армии приходилось 300 пленных, а в германской, английской и французской армиях — от 20 до 26, то есть русские сдавались в плен в 12-15 раз чаще, чем солдаты других армий[38]. Сдача в плен — таков был ответ русского крестьянина на вопрос о любви к царю и помещику. О распространении добровольной сдачи в плен говорят многие историки, опирающиеся на анализ фронтовой корреспонденции[39] (необходимо особо отметить фундаментальное исследование О. С. Поршневой[40]). Характерно одно из солдатских писем: «От чистого сердца сознаюсь, что почти все солдаты стремятся попасть в плен, особенно в пехоте... Почему наша Россия оказалась в таком плохом положении, а потому, что наше правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову...»[41]

Помимо сдачи в плен, массовый протест принимал и другие формы. Резко возросло число дезертиров, по некоторым оценкам к началу 1917 года оно составляло 1,5 млн[42]. Осенью 1916 года произошли восстания нескольких тысяч солдат на тыловых распределительных пунктах в Гоме-

ле и Кременчуге; возможность большого солдатского мятежа становилась все более реальной[43]. Уже в 1916 году в правительственных документах появился термин «ненадежные части». В особой сводке, представленной председателю Совета министров в начале 1917 года, говорилось: «Возможность того, что войска будут на стороне переворота и свержения династии, допустима, так как, любя царя, они все же слишком недовольны всем управлением страны»[44]. Командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов писал: «Можно сказать, что к февралю 1917 года вся армия... была подготовлена к революции»[45]. Генерал А. М. Крымов говорил председателю Думы М. В. Родзянко незадолго до Февральской революции: «Армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения. Таково грозное, все растущее настроение в полках»[46].

Еще более опасным для властей было положение на флоте. Генерал-губернатор Кронштадта Р. Вирен писал в Главный морской штаб в сентябре 1916 года: «Достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе с судами, находящимися сейчас в кронштадтском порту, выступит против меня, офицерства, правительства, кого хотите. Крепость — форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль — через минуту раздастся взрыв... Мы судим, уличенных ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели. 80 тысяч под суд не отдашь»[47].

Осенью 1916 года повышение хлебных цен породило новую волну голодных бунтов и забастовок в промышленных районах. 17 октября началась стихийная забастовка 30 тысяч рабочих Выборгского района Петербурга. Рабочие направились к казармам, где размещалось 12 тысяч солдат 181 полка, и солдаты присоединилась к рабочим (правда, они не имели оружия). Казаки отказались стрелять в народ, на подавление бунта был брошен лейб-гвардии Московский полк, после ожесточенных столкновений огромные толпы рабочих и солдат были рассеяны, 130 солдат было арестовано[48].

События 17-19 октября по многим признакам (нехватка хлеба как главная мотивация, стихийность, внезапность, участие женщин, переход солдат на сторону народа, отказ казаков стрелять в толпу) напоминают события 23-28 февраля 1917 года, и Л. Хеймсон назвал их репетицией февральской революции[49]. Эта «репетиция» настолько встревожила Министерство внутренних дел, что оно спешно разослало циркулярные телеграммы с целью выяснить обстановку на местах. 30 октября директор Департамента полиции А. Т. Васильев представил доклад, суммирующий донесения из губерний. В докладе говорилось, что во всех без исключения донесениях главной причиной «озлобления масс» называется «чудовищно растущая дороговизна». Указывалось, что в Москве и Петрограде «оппозиционность настроений» намного превосходит уровень 1905 года, и что если обстоятельства не изменятся, то в обоих городах «могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера». Особо отмечалось донесение начальника Кронштадского гарнизона, который предупреждал, что на подавление беспорядков войсками рассчитывать нельзя ввиду их ненадежности[50].

Мы не упоминали до сих пор о деятельности либеральной оппозиции, кадетов и октябристов. Это объясняется тем, что события определялись глобальными экономическими и социальными процессами и не зависели от воли и желания партий. А. И. Гучков свидетельствует, что на совещании в сентябре 1916 года либералы говорили о надвигающемся всеобщем бунте и признавали, что события идут «независимо от воли и желания собравшейся группы»[51]. Осенняя вспышка стихийных волнений в городах убедила либеральную оппозицию, что страна стоит на грани революции. 1 октября на заседании Московского отделения ЦК кадетов Д. И. Шаховский, Ф.Ф. Кокошкин и В. А. Маклаков сравнивали страну с «бушующим огненным морем». Они обвиняли правительство в продовольственном кризисе, но признавались при этом в своей беспомощности, в том, что у кадетов нет плана разрешения этого кризиса[52].

«Времени для размышления не оставалось, — пишет Р. Пайпс. — Информация, имевшаяся в распоряжении политических деятелей в Москве и Петербурге (и конфиденциально подтвержденная, как нам теперь известно, полицией) указывала на то, что экономические трудности могут в любой момент вызвать массовые беспорядки. Чтобы предупредить это, Думе следовало взять власть в свои руки, и как можно быстрее...»[53] Прогрессивный блок выдвинул требование создания «общественного» министерства мирным путем. «Против идеи достигнуть этой цели революционным путем

парламентское большинство боролось до самого конца, — писал П. Н. Милюков. Но, видя, что насильственный путь будет, все равно, избран и помимо Государственной Думы, оно стало готовиться к тому, чтобы ввести в спокойное русло переворот, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху»[54]. Таким образом, либеральная оппозиция не взывала к поддержке народа, как это было в 1905 году. Наоборот, она всячески пыталась предотвратить народную революцию. Как говорил В. В. Шульгин, «весь смысл существования Прогрессивного блока был предупредить революцию и тем дать возможность довести войну до конца»[55]. Что касается социалистических партий, то они были до крайности ослаблены мобилизациями и репрессиями. 2 января 1917 года был арестован в полном составе петербургский комитет большевиков; на многих заводах вообще не было большевистских партийных ячеек[56]. Руководство партии, находившееся в эмиграции, не ориентировалось в обстановке: В. И. Ленин в лекции, прочитанной в Цюрихе в январе 1917 года, говорил, что ему и его сверстникам, очевидно, не суждено при жизни увидеть революцию[57].

В течение первых двух месяцев 1917 года установленный план снабжения Москвы и Петрограда хлебом был выполнен только на 25%. Петроград жил на счет запасов, которые стремительно уменьшались; с 15 января до 15 февраля запасы муки уменьшились с 1426 до 714 тыс. пудов. 13 февраля градоначальник А. П. Балк сообщал премьер-министру, то за последнюю неделю подвоз муки составлял 5 тыс. пудов в день при норме 60 тыс. пудов, а выдача муки пекарням — 35 тыс. пудов в день при норме 90 тыс. пудов. К 25 февраля запасы уменьшились до 460 тыс. пудов, а по другим сведениям — до 300 тыс. пудов[58]. Английский посол Д. Бьюкенен еще до петроградской конференции в январе 1917 года попытался предупредить царя о грозящей опасности, он говорил о необходимости примирения с Думой, о жестоком продовольственном кризисе и о ненадежности войск. «Революция носилась в воздухе, — писал Д. Бьюкенен, — и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу... Народное восстание, вызванное всеобщим недостатком хлеба, могло вспыхнуть ежеминутно»[59]. Когда на торжественном обеде 3 февраля (нового стиля) Д. Бьюкенен сказал императору, что, по его сведениям, продовольственное снабжение прекратится через две недели, и что нужно спешить с принятием мер, то император согласился и прибавил, что «если рабочие не будут получать хлеба, то несомненно, начнутся забастовки»[60]. После окончания конференции, провожая своих делегатов, французский посол М. Палеолог поручил им передать президенту, что Россия находится накануне революции, что в октябре посланные на расправу с рабочими полки уже поворачивали свое оружие против полиции и в случае восстания царское правительство не сможет рассчитывать на армию[61].

Предвидя неизбежные волнения, власти усилили полицейские части и вооружили их пулеметами; в Петрограде на крышах некоторых домов были оборудованы огневые точки[62]. Однако многие сведущие представители власти, в том числе начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев высказывали сомнения в надежности дислоцированных в городе запасных батальонов. 9 января на совещании в штабе Петроградского военного округа Глобачев прямо спросил начальника запасных частей генерал-лейтенанта Чебыкина: «Ручаетесь ли вы за войска?». Чебыкин ответил: «За войска я вполне ручаюсь, тем более что подавлять беспорядки будут назначены самые отборные, самые лучшие части — учебные команды»[63]. Учебные команды состояли из специально отобранных солдат, проходивших подготовку для последующего назначения сержантами.

Тем не менее, Николай II испытывал тревогу и отдал приказ перевести в Петроград с фронта четыре надежных (как он считал) полка гвардейской кавалерии. Но приказ не был выполнен. А. И. Гучков (со слов командующий гвардией принца Лихтенбергского) рассказывал, что офицеры-фронтовики стали протестовать, говоря, что они не могут приказать своим солдатам стрелять в народ: «это не сражение»[64].

Таким образом, власти понимали остроту ситуации, готовились к подавлению неизбежного голодного бунта и сделали все от них зависящее: не их вина, что самые надежные части изменили, а гвардейские офицеры заранее отказались стрелять в народ.

Между тем, поскольку запасы хлеба неумолимо сокращались, городская дума сделала следующий неизбежный шаг и 13 февраля высказалась за введение нормирования продажи хлеба[65]. Слухи о введении карточек быстро распространились; с середины февраля печать сообщала о том, что на взрослого едока будет отпускаться не более 1 фунта хлеба в день. 1 фунт в день — это норма, недостаточная для нормального питания взрослого человека, что же касается детей, то на них планировалось отпускать вдвое меньше. Разумеется, это вызвало стремление запастись хлебом, которое быстро переросло в продовольственную панику. Необходимо подчеркнуть, что паника не была случайностью — это была неизбежная и естественная реакция населения на стремительное уменьшение запасов и перспективу голода. Газета «Речь» писала 14 февраля: «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получит булку или черный хлеб. Во многих мелочных лавках больше 1-2 фунтов на человека в день не продают, обывателям приходится являться в лавки со всеми своими домочадцами...»[66]. 22 февраля пристав 2-го участка Выборгской части докладывал: «Среди... рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба; почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по 2-3 дня и более, и поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размера, что некоторые, дождавшиеся покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости»[67]. Директор департамента полиции, в свою очередь, докладывал министру внутренних дел: «...продолжающееся возрастание цен постоянно поддерживает в столичном населении настолько повышенно-нервное настроение, что при условии достаточного к тому повода в Петрограде действительно могут произойти массовые стихийные беспорядки...»[68] Таким образом, власти понимали, что неизбежный голодный бунт разразится в ближайшие дни. 23 февраля (по старому стилю) рабочие праздновали международный женский день. Накануне на собраниях и митингах большевики призывали работниц отказаться от «несвоевременных» выступлений. Тем не менее, текстильщицы Невской ниточной мануфактуры объявили забастовку и толпой, с криками «Хлеба!», двинулись снимать с работы рабочих соседних заводов. Все это происходило на Выборгской стороне, которая еще не вполне успокоилась после октябрьских событий. Движение разрасталось как снежный ком; к вечеру число бастующих достигло 60 тысяч; произошло несколько столкновений демонстрантов с полицией[69].

Уже в первый день забастовок полицейские агенты доносили, что в толпе раздаются призывы к восстанию, а солдаты некоторых полков открыто говорят, что если им прикажут стрелять в народ, то они будут стрелять в воздух[70]. 24 февраля бастовало уже 200 тысяч рабочих. Полиция разгоняла митингующих, но они вскоре собирались в других местах. Командующий военным округом генерал Хабалов, как и правительство, видел в происходящем лишь продовольственные волнения, поэтому он не давал полицейским разрешения на применение оружия и избегал использовать войска. Между тем, 25 февраля демонстранты осмелели и стали оказывать сопротивление разгонявшей их полиции. Обнаруживались все новые свидетельства ненадежности войск. Казаки не подчинялись приказам и обнаруживали прямую склонность к братанию с толпой. Когда на Знаменской площади конная полиция атаковала митинг, казаки ударили ей в тыл и прогнали полицейских. Солдаты Финляндского полка после одного из столкновений вернулись в казармы и дали клятву не стрелять в народ. Один из информированных агентов охранки (член Выборгского районного комитета большевиков) сообщал градоначальнику, что демонстранты приобрели уверенность в том, что войска не стоят за правительство, и что не сегодня, так завтра они перейдут на сторону народа[71].

Вечером 25 февраля на Невском проспекте произошли два больших столкновения, в ходе которых офицеры, чтобы сдержать напор толпы, по собственной инициативе приказывали солдатам открывать огонь. Властям становилось ясно, что без применения оружия не обойтись. Ближе к ночи Хабалов получил телеграмму царя с требованием во что бы то ни стало прекратить беспорядки[72].

События развивались неумолимо: война породила инфляцию, инфляция и породила продовольственный кризис, продовольственный кризис породил голодный бунт, и, хотя власти не желали применять оружие для его подавления, они были вынуждены отдать роковой приказ. Как теперь становится ясным,

отдавать такой приказ ненадежным войскам — войскам, состоящим из крестьян, которые ненавидели власть, не желали сражаться за нее и требовали земли, — означало провоцировать почти неизбежный солдатский мятеж и революцию. В ночь с 25 на 26 февраля были арестованы почти все находившиеся в Петербурге активные деятели левых партий — свыше 100 человек, в том числе сестра Ленина А. И. Ульянова-Елизарова и пять членов комитета большевиков. Министр внутренних дел Протопопов надеялся таким образом обезглавить революцию. Но как вскоре выяснилось, арестованные ничем не руководили; революция развивалась сама собой — это была «революция без революционеров»[73].

26 февраля войска получили приказ стрелять в демонстрантов. Действуя по утвержденному плану, Хабалов вывел на улицы самые верные, как считали, части — учебные команды[74]. К вечеру центр города был «очищен» от митингующих; самый большой расстрел произошел на Знаменской площади, где действовала учебная команда Волынского полка во главе с капитаном Лашкевичем; было убито больше сорока человек. Объятые отчаянием толпы людей бросились к казармам запасных батальонов, умоляя солдат остановить своих товарищей из учебных команд. Состоявшая из фронтовиков четвертая рота Павловского полка двинулась в город, чтобы остановить расстрел; но у восставшей роты было мало патронов, и после столкновения с верными правительству войсками она была разоружена[75]. Как отмечалось выше, во время голодных бунтов войска уже не раз переходили на сторону народа. В Петербурге, учитывая огромные размеры движения и сотни случаев соприкосновения народа с войсками, этот исход был практически неизбежен. Какой-нибудь из многих батальонов обязательно перешел бы на сторону народа — а дальше началась бы цепная реакция солдатских бунтов. То, что произошло в действительности, показывает полную предопределенность событий: восстание подняли не только что мобилизованные запасники, а отборные части, в которых не сомневалось командование. Вернувшиеся после расстрелов солдаты учебной команды Волынского полка на ночной сходке решили больше не подчиняться карательным приказам. Когда утром Лашкевич построил солдат, на его приветствие ответили не по форме; почувствовав неладное, капитан вышел во двор — и тут из окна прогремел сразивший его выстрел. Кто стрелял — осталось неизвестным, но выстрел послужил сигналом к спонтанному бунту[76]. Солдаты вышли на улицу и направились поднимать другие полки; началась цепная реакция. Колонна солдат и рабочих двигалась по Петрограду от казармы к казарме, и полки один за другим с криками ликования и стрельбой в воздух присоединялись к восстанию. Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тысяч, днем — 26 тысяч, вечером — 66 тысяч, на следующий день — 127 тысяч, 1 марта — 170 тысяч, т.е. весь гарнизон Петрограда[77].

Современные историки едины во мнении, что солдатский бунт сыграл решающую роль в революции[78]. Впечатление от яростного бунта огромной массы солдат было таково, что уцелевшие офицеры в ужасе разбежались и попрятались. «Развитие бунта говорит о том, что ничего нельзя было сделать, чтобы его остановить», — отмечает Р. Пайпс[79]. Сопротивление было равносильно самоубийству — поэтому никто не сопротивлялся. Перепуганная полиция поспешила перейти на сторону восставших, и одна из жандармских рот даже прошествовала к зданию Думы под красным знаменем и под звуки «Марсельезы» [80].

Что же хотели восставшие солдаты? Председатель Думы Родзянко рассказывал неделю спустя, что восставшие солдаты, были на самом деле, «конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе — «земли и воли», «долой Романовых», «долой офицеров»...»[81] 28 февраля у солдат появились первые наспех изготовленные плакаты, и на них было написано: «Земля и воля!»[82]. 1-2 марта по всему городу происходили митинги, и главное требование солдат выражалось все тем же лозунгом: «Земля и воля!»[83] Когда две недели спустя происходил первый парад революционного петроградского гарнизона, М. Палеолог внимательно читал лозунги, которые несли солдаты на своих знаменах — почти на всех знаменах были надписи: «Земля и воля!», «Земля народу!»[84]

Таким образом, это был, собственно, не солдатский бунт, а крестьянское восстание. Подобно тому, как всеобщая стачка октября 1905 года спровоцировала крестьянскую войну, так и голодный

бунт в феврале 1917 года спровоцировал крестьянское восстание. И поскольку на этот раз крестьяне имели в руках оружие, и к тому же находились в столице, то все решилось в один день. При такой расстановке сил исход событий был предопределен.

Подводя итоги, можно сделать вывод о высокой предопределенности событий февральской революции 1917 года. Механизм вызванного войной социально-экономического кризиса был типичным и не раз проявлял себя в войнах, которые вела Россия и другие страны. Особенность состояла лишь в интенсивности действия этого механизма, определяемой, с одной стороны, масштабами войны, а с другой стороны, глубиной того социального раскола, который поразил русское общество. Этот раскол был, в свою очередь, следствием крестьянской нищеты и малоземелья, следствием тех глобальных экономических и социальных причин, которые подняли крестьян на восстание 1905 года. Этот социальный раскол проявлялся в статистике предвоенной преступности, а потом, во время войны — в нежелании крестьян воевать за эту власть и в массовых сдачах в плен. Другой стороной социального раскола и нищеты был финансовый кризис, который породил инфляцию и разрушение рынка; это привело к голоду в городах и голодным бунтам. Продовольственный кризис неминуемо должен был дойти до Петрограда и породить грандиозный голодный бунт — и ненавидящая власть крестьянская армия должна была поддержать этот бунт, а затем — немедленно потребовать землю. Деятельность политических партий (и тем более «заговоры масонов») не оказывала существенного влияния на ход событий. «Февральское восстание именуют стихийным... — писал Лев Троцкий, — в феврале никто заранее не намечал путей переворота... никто сверху не призывал к восстанию. Накоплявшееся в течение годов возмущение прорвалось наружу в значительной мере неожиданно для самих масс»[85].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хеймсон Л. Об истоках революции//Отечественная история. 1993. № 6. С. 4.
2. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875-1914. Ростов-на-Дону, 1999. С. 423.
3. Подробнее см.: Хаймсон Л. Политический и социальный кризис в России (от кануна Первой мировой войны до Февральской революции)//Россия XXI. 1998. № 9-10. С. 137-138.
4. Мы не учитываем «малые» войны со слабыми противниками: с Персией, с Польшей после 1700 года, с Турцией после 1800 года, со Швецией после 1730 года.
5. Джолл Д. Истоки первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998. С. 396-397.
6. Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850-1917. N. Y., 1986. P. 232.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XIX в.). Т.II. СПб., 2002. С. 90.
8. Gatrell P. Op. cit. P. 231.
9. Бестужев И. В. Крымская война и революционная ситуация//Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1963. С. 198.
10. Там же. С. 195-198; Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 27; Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978. С. 41; Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). Л., 1985 Приложение. Табл. 10.
11. Бестужев И. В. Указ. соч. С. 194. 200; Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 298, 311, 314; Тарле Е. В. Сочинения. Т. IX. М., 1959. С. 469.
12. Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 25.
13. Окунь С. Б. История СССР. Ч. 2. Л., 1978. С. 56, 126; Маркин А. С. Война и миф // http:// www. museum. Ru /museum/ 1812 /Library /Markin1/index.html
14. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 399.

15. Куропаткин А. Н. Русская армия. СПб, 2003. С. 565. См. также: Шикуц Ф. И. Дневник солдата в русско-японскую войну. М.., 2003. С. 25, 71.
16. Цит. по: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 307, 311.
17. Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968. С. 125, 130
18. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 301, 306, 309.
19. Погребинский А. П. Указ. соч. С.125; Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). М., 1960. С. 151.
20. Там же. С. 441.
21. Там же. С. 149.
22. Там же. С. 146.
23. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М, 1991. Табл. 36.
24. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. III. М., 1979. С. 429-438.
25. Собуль А. Первая республика. 1792-1804. М., 1974. С. 60, 44, 46, 82-83.
26. Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 430, 432.
27. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М, 1991. Табл. 36.
28. Кондратьев Н. Д. Указ. соч. Табл. 36; Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 275.
29. Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г. Л., 1985. С. 217, 255-259; Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 200-201, табл. 5.
30. Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны//Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 57-58.
31. Погребинский А. П. Сельское хозяйство... С. 58.
32. Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 268; Китанина Т. М. Указ. соч. С.218; Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 288.
33. Погребинский А. П. Сельское хозяйство... С. 54,56; Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 59; Китанина Т. М. Указ. соч. С. 334.
34. См. например: Сидоров А. Л. Экономическое положение...С. 611.
35. Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 288.
36. Подсчитано по: Васильев Н. Транспорт России в войне 1914-1918 гг. М., 1939. С. 90, 91. Табл. 36.
37. Кирьянов Ю. В. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914-февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3-18.
38. Пайпс Р. Указ. соч. С. 92.
39. Вахрушева Н. А. Солдатские письма и цензорские отчеты, как исторический источник//Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань, 1972. С. 67-88; Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990. С. 122-127
40. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914-март 1918 г.). Екатеринбург: УрО Ран, 2000. С. 260.
41. Цит. по: Вахрушева Н. А. Указ. соч. С. 75.
42. Пайпс Р. Указ. соч. С. 275; Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 274.

43. История СССР. Т. VI. М. 1968. С. 625.
44. Былое. 1918. № 1. С. 156.
45. Брусилов А. Мои воспоминания. М., 1946. С. 236.
46. Родзянко М. В. Указ. соч. С. 277.
47. Цит. по: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Переферия. М., 1971. С. 107.
48. Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С.
49. Хэймсон А., Бриан Э. Стачечное движение в России во время мировой войны: количественный анализ// Россия и США на рубеже XIX – XX вв. М., 1992. С. 103.
50. Буржуазия накануне февральской революции. М-Л., 1927. С. 136-138.
51. Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 14.
52. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914- весна 1917 г.). М., 2003. С. 221.
53. Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 267.
54. Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 38.
55. Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 440.
56. Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. Л., 1977. С.245.
57. Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997. С. 18.
58. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914-1917. Л., 1967. С. 314; Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С.59; Китанина Т. М. Указ. соч. С. 254; Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 43, 48. Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрем 1917 года. Л., 1927. С. 54.
59. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М., 2001. С. 213, 217-220.
60. Там же. С. 224.
61. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1996. С. 196.
62. Шляпников А. Г. Семнадцатый год. М., 1992. С. 70-71.
63. Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения //Вопросы истории. 2002. № 8. С. 86; № 9. С. 62.
64. Гучков А. И. Указ. соч. С. 29; Искандеров А. А. Российская монархия, реформы и революция //Вопросы истории. 1999. № 9. С. 109-110.
65. Hasegava Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle and London:, 1981. P. 200.
66. Цит. по: Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 60.
67. Цит. по: там же. С. 190.
68. Буржуазия накануне... С. 190.
69. Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 71-77; Катков Г. М. Указ. соч. С. 257-258.
70. Hasegava T. Op. cit. P. 231.
71. Цит. по: Hasegava T. Op. cit. P. 247, 252, 254, 262. См. также: Старцев В. И. 27 февраля 1917 года. М., 1984. С. 117, 119; Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 56; Ганелин Р. Ш. 25 февраля 1917 г. в Петербурге//Вопросы истории. 1998. № 7. С. 97.
72. Hasegava T. Op. cit. P. 263.
73. Старцев В. И. Указ. соч. С. 124-128; Катков Г. М. Указ. соч. С. 262, 283.
74. Hasegava T. Op. cit. P. 269.
75. Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 63; Старцев В. И. Указ. соч. С. 124-128.

76. Чапкевич Е. И. Русская гвардия в Февральской революции//Вопросы истории. 2002. № 9. С. 8; Старцев В. И. Указ. соч. С. 139-140.
77. Там же. С. 140-142; Катков Г. М. Указ. соч. С. 274-282; Дякин В. С. Русская буржуазия... С. 328; Падение царского режима. Т. I. М.-Л., 1926. С. 232-235; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 193.
78. См.: Руднева С. Е. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. Международная научная конференция// Отечественная история. 1998. № 1. С. 206.
79. Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 312.
80. Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 319, 343.
81. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. С. 242.
82. Старцев В. И. Указ. соч. С.181.
83. Бурджалов Э. Н. Указ. соч. С. 305
84. Палеолог М. Указ. соч. С. 244.
85. Троцкий Л. Д. История русской революции// К истории русской революции. М. 1990. С. 373.

FEBRUARY 1917: AUTHORITY, SOCIETY, BREAD AND REVOLUTION

Article is devoted to the analysis of interaction of authority and Russian society during February revolution of 1917. The author shows, that the mechanism of the social and economic crisis caused by war was typical and not time proved in wars which were conducted by Russia and other countries. A feature consisted only in intensity of action of this mechanism, war defined, on the one hand, in the scales, and on the other hand, depth of that social split which amazed Russian society. This split was, in turn, consequence of peasant poverty and land shortage, consequence of those global economic and social reasons which lifted peasants on the revolt of 1905.

S.A. Nefedov

Е. А. Цыпина

Роль Красной Армии в становлении политической системы советского общества в 1920-е гг.

(историографические проблемы)

Роль армии в политической системе советского общества долгое время не были объектом специального исторического исследования. В советское время на проблему развития армии смотрели, главным образом, через призму военного строительства. При этом, следует отметить, что работы по истории военного строительства были оторваны от анализа таких вопросов, как роль армии в политической системе советского общества, отношение общества к армии и проводимым военным реформам и т.д.

Впрочем, надо сказать, что советские историки не отрицали того факта, что в начале 1920-х гг. регулярные части Красной Армии использовались Советским государством в политических целях, главным образом, для подавления крестьянских восстаний. Особенно часто советские историки об-

ращались к рассмотрению использования частей регулярной Красной Армии для подавления крестьянского восстания, которое произошло в 1920 – 1921 г. в Зауралье на территории современной Тюменской области. В соответствии с официальной концепцией того времени это восстание квалифицировалось как «Западно-Сибирский кулацко-эсеровский антисоветский мятеж».

Литература 1920-х гг. по данной проблеме проанализирована в историографической статье И.В. Скипиной [1]. Она обращает внимание на важность изучения литературы именно этого десятилетия по целому ряду причин. Во-первых, к анализу проблемы о роли Красной Армии обращались такие признанные военные историки — специалисты по истории военного строительства в годы Гражданской войны как Н.Е. Какурин и А. Анишев, а также непосредственные военные руководители Гражданской войны А.С. Бубнов, С.С. Каменев, Р.П. Эйдеман и др. Во-вторых, считает автор, именно в эти годы «тема не являлась совершенно закрытой для исследования»[2].

Из местных исследований, в которых наиболее подробно описан масштаб использования армейских подразделений в борьбе с крестьянами, И.В. Скипина особо выделяет работу П. Померанцева [3]. По мнению историографа, в данной работе наиболее полно было проанализировано проведение войсковой операции по подавлению выступления крестьян: «Он подчеркивает большой масштаб военных действий: восстание охватило значительную территорию, в подавлении выступления пришлось задействовать многочисленные военные подразделения, в боях здесь участвовали 21 стрелковая дивизия, четыре Алтайских, несколько Сибирских и Приуральских красных полков, пулеметные батальоны, ряд батарей и отрядов. Только после 2-х месяцев борьбы, пишет он, удалось сломить восставших, хотя их отдельные группы делали вылазки вплоть до осени 1921 г.» [4].

Следует согласиться с мнением И.В. Скипиной, которая дает, в целом, высокую оценку литературы 1920-х гг. по данной проблеме. Она пишет, что «первые работы о событиях 1921 г., написанные в форме наблюдений, заложили основу для изучения данной темы. Они содержат значительный фактический материал, имеют неповторимую эмоциональную окраску и важное информационное значение. Главная заслуга ученых 20-х гг. — сама постановка проблемы» [5].

В 1930-1980-е гг. к вопросу об участии Красной Армии в подавлении данного выступления крестьян советские историки обращались не часто [6]. Тем не менее, В.В. Московкин положительно характеризует работу М.А. Богданова, полагая, что «наиболее детально автор осветил деятельность коммунистической партии и Красной армии по ликвидации крестьянского выступления» [7].

Следует отметить, что большинство советских историков этого времени старались приуменьшить как масштабы и сроки самого восстания, так и вовлеченность в его подавление регулярных войск. Уральские авторы пытались доказать, что восстание было подавлено силами местных рабочих. Я.Л. Ниренбург так писал об участии армейских частей в подавлении западно-сибирского восстания крестьян: «На подавление мятежа двинулись отряды уральских рабочих во главе с коммунистами и регулярные части Красной Армии. К концу февраля 1921 г. Советская власть на Урале была повсеместно восстановлена» [8]. Такая же формулировка была повторена в самом крупном советском учебном пособии по истории Урала. Ф.Ф. Коротаев и В.В. Фельдман отмечали: «В районы мятежа были двинуты отряды коммунистов и беспартийных рабочих. Вместе с регулярными частями Красной Армии они разгромили контрреволюционные отряды. К концу февраля 1921 г. Советская власть была восстановлена почти во всех районах Урала» [9].

В то же время, часть советских историков этого времени признавала, что в подавлении западно-сибирского антисоветского мятежа участвовали значительные воинские силы: части стрелковых дивизий, несколько кавалерийских и стрелковых полков, 4 бронепоезда и др. [10].

В советской историографии военные реформы, которые проводились в 1920-е гг., были подвергнуты тщательному анализу. В то же время, следует заметить, что в посвященных им работах имелись своеобразные «фигуры умолчания», о практической деятельности которых в проведении реформ Рабоче — Крестьянской Красной Армии (РККА) нельзя было писать вообще, или можно было только отрицательно ее оценивать. Это относилось, прежде всего, к деятельности Л.Д. Троц-

кого на посту наркома по военным и морским делам. По словам И.Б. Берхина, большинство проблем, связанных с военной реформой, оказались нерешенными из-за «фракционной и дезорганизаторской деятельности» Троцкого [11]. Об этом говорилось в книгах по военному строительству в СССР вплоть до начала «перестройки» в исторической науке [12].

Инициатива проведения реформы по переводу армии на смешанную систему комплектования приписывалась всецело М.В. Фрунзе. Образ самого М.В. Фрунзе идеализировался, и его взгляды на военное строительство противопоставлялись взглядам Л.Д. Троцкого. Один из официальных биографов М.В. Фрунзе писал: «В марте 1922 г. на совещании военных делегатов XI съезда партии М.В. Фрунзе сделал доклад ?О единой военной доктрине?. Троцкисты выступили на этом совещании с гнусной клеветой на Красную Армию. Они поносили то, что говорил Фрунзе о Красной Армии и особенно ту часть доклада, где Михаил Васильевич развивал мысль о богатейшем опыте гражданской войны. Троцкий заявил на совещании, что ничего особенного и достойного в опыте Красной Армии нет и не было, что пролетариат не может создать и не должен создавать какую-то свою, особенную военную науку» [13]. По словам другого исследователя военного историка М.А. Гареева, М.В. Фрунзе «начал решительно преодолевать сопротивление троцкистов и осуществлять коренную реформу в области строительства и подготовки Вооруженных Сил» [14].

Приписывание проведение реформы только М.В. Фрунзе приводило к тому, что сама военная реформа датировалась либо 1924-1925 гг. [15], когда он находился на постах заместителя, а затем наркома, либо доводилась до 1928 г. [16].

Уральские историки в советское время мало обращались к изучению военных реформ. Некоторые аспекты проводимой в 1920-е гг. высшим руководством страны военной реформы на материалах Урала были проанализированы в работе пермского историка А.А. Крошилова [17] и в ряде коллективных исследований по истории Уральского военного округа [18].

Впервые устойчивый интерес к изучению проблемы «Красная Армия и общество» в 1920-е гг. зародился у исследователей в годы «перестройки» исторической науки. Уральские историографы Е.Б. Заболотный и В.Д. Камынин объясняют, почему новые исследовательские проблемы стали ставиться именно в эти годы: «Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. начались постепенные изменения в организации исторической науки, в ее теоретико-методологической базе и методике исторических исследований. Постепенно стала пополняться источниковая база. Это не могло не сказаться на проблематике исследований» [19]. Авторы справедливо полагают, что значительное влияние на обновление проблематики исследований в «перестроечной» науке оказала западная историография. Они пишут: «С того времени резко меняется отношение к западной историографии. В публикуемых обзорах западной литературы по истории нашей страны основное внимание стало уделяться не критике, а ее изучению и применению к оценке отечественной истории. Этот подход условно можно назвать так: ?Отечественная история — взгляд со стороны?» [20].

Убедительное подтверждение данного тезиса можно увидеть на изучении интересующей нас проблемы «Армия и общество» в 1920-е гг. Этой проблеме была посвящена статья американского исследователя М. Хагена, опубликованная на страницах «Военно-исторического журнала» в конце 1990 г. Автор, анализируя споры, которые велись в зарубежной и советской историографии «перестроечного» периода, о социальных корнях сталинизма, выступил с критикой мнения тех авторов, которые утверждали, что Сталин не пользовался в 1920-е гг. какой-либо популярностью среди партийной элиты или в обществе. М. Хаген считал, что «сила Сталина заключалась в том, что он остро чувствовал эволюцию большевистской политической элиты с 1917 г. и в его способности манипулировать ею способами, которые были недоступны политическим оппонентам». Он писал: «Ключевыми факторами этой политической культуры мне представляются военизированный социализм и формирование советской политической элиты» [21].

В работе М. Хагена была впервые восстановлена подлинная роль Л.Д. Троцкого в подготовке военной реформы. Автор писал: «Хотя нужды боев гражданской войны вынудили режим отойти от

своих социалистических принципов в отношении постоянной армии, Троцкий, который наиболее жестко настаивал на использовании бывших офицеров и реставрации традиционных дисциплинарных мер для укрепления только еще создаваемой Красной Армии, встречал сопротивление на каждом шагу. Аргументы против милиционного принципа строительства армии частично основывались на российской отсталости и на преобладающей крестьянской сущности мобилизуемых. Милиционная система была подходящей для индустриального, городского населения, а не для России, доказывали ее противники. Но здесь дело было в основном в отношениях гражданских с военными» [22].

В последнее время стали появляться работы, посвященные изучению общественных настроений на Урале в 1920-е гг. по вопросам военной реформы, роли армии в политической системе советского общества. Из местных авторов в определенной степени к этому вопросу обращаются В.В. Мишин, Н.П. Носова, П.А. Саенко, Г.А. Скипский и др. исследователи, которые анализируют последствия реформ, проводимых в 1920-е гг. в частях Уральского военного округа, и отношение в обществе к ним [23].

Современные авторы выступают за пересмотр многих сложившихся в советской историографии стереотипов. Значительное влияние на этот процесс оказывает зарубежная историография, поскольку западные авторы активно участвуют в обсуждении проблем, поставленных российскими учеными. Это отражается на рассмотрении практически всех вопросов, из которых складывается изучаемая нами проблема.

Современные российские ученые стали активно обсуждать вопросы, которые поставил в своей статье М. Хаген. Особенностью нынешнего этапа развития исторической науки в нашей стране является то, что она развивается в условиях методологического и концептуального плюрализма, что приводит к тому, что на одни и те же исторические факты и проблемы исследователи высказывают самые различные точки зрения.

А.П. Ненароков и О.В. Наумов достаточно дифференцированно подошли к оценке работы М. Хагена. В заслугу автору ими было поставлено то, что он нашел «чрезвычайно удачный ракурс рассмотрения советской истории 20-х годов». В то же время исследователи подчеркивают, что автор «практически полностью вырвал взаимоотношения между военными и гражданскими властями из общего контекста событий того времени». Кроме того, к спорным они относят утверждения М. Хагена «о доминирующей роли военных в формировании политической культуры советского общества»; о том, что именно военные («ветераны» и находившиеся на действительной военной службе солдаты и командиры, особо — комиссары), а также «милитаристы», сформировавшие «лобби» оборонной промышленности, повинны в том, что «умеренные, эволюционные, более демократические альтернативы развития политической системы СССР имели мало шансов на выживание» [24].

Уральский исследователь Г.А. Скипский практически без критики воспринимает работу М. Хагена. Ее новизну он усматривает в том, что автор «раньше своих советских коллег поднял проблему социальных последствий территориального строительства РККА, рассматривая военную службу как самую оптимальную возможность сделать политическую карьеру в СССР. Кроме того, он затронул малоизученный вопрос об особых привилегиях для военных, которые повышали их социальный статус в глазах гражданского населения» [25]. Такая оценка работы М. Хагена автором становится понятна, если учесть, что Г.А. Скипский в своих работах рассматривает роль «Красной Армии в становлении и развитии Советского государства, как одной из составляющих складывающегося тоталитарного режима» [26].

По нашему мнению, на отечественных исследователей конца XX — начала XX1 вв., оказали огромное влияние две стороны, раскрытые в работе М. Хагена. Во-первых, он привлек внимание к характеристике РККА, как одного из основных институтов общества; солдат, как значительной социальной группы, и к их политической культуре, сыгравшей значительную роль в становлении политической культуры советского общества в целом. Во-вторых, он считал, что большевики уже в период Гражданской войны создали общество «военизированного социализма», а после ее окончания «советские лидеры использовали военный лексикон, военную символику и даже понятие ?милитаризация? (военизация) чаще, чем это могли бы считать уместным социалисты в других странах» [27].

Такое мнение вообще характерно для западной историографии консервативного направления. По словам американского исследователя М. Малиа, Гражданская война «создала образ истинного большевика — сурового, решительного воина в кожаной куртке с ?товарищем маузером? на боку» [28]. Английский историки Д. Хоскинг писал: «В 1917-1921 гг. власть, используя более позднее выражение, ?вырастала из пушечных жерл?» [29].

В современной историографии поставлен ряд новых исследовательских проблем и высказываются новые подходы по решению традиционных вопросов о роли армии в политической жизни советского общества в 1920-х гг., политических последствиях проводимых реформ, отношения общества к ним и т.д.

Некоторые исследователи традиционно объясняют причины проводимой военной реформы тяжелым экономическим положением страны [30]. Часть исследователей сводят эти причины только к внутрипартийной борьбе, которая развернулась в начале 1920-х гг. в правящей в СССР партии большевиков. Итальянский историк Д. Боффа пишет по этому поводу: «Проведение такого мероприятия обусловливалось причинами, выходившими за рамки внутрипартийной борьбы. Конец гражданской войны, демобилизация, режим строгой экономии в начале нэпа — все это создало серьезные затруднения для Красной Армии. Численность ее сократилась до 516 тыс. человек. Реформа требовалась в любом случае, ибо вооруженные силы не обрели своей стабильной формы в условиях мирного времени» [31].

На этом фоне интересной представляется попытка тюменских исследователей Н.П. Носовой и В.В. Мишина связать причины военной реформы с общим преобразованием государственного и политического строя советской страны после окончания Гражданской войны. Они пишут: «К этому времени Советская республика в непрерывных боях, в трудных экономических условиях пыталась наспех реорганизовать вооруженные силы, изменить систему комплектования, создать новые органы военного управления, перевести войсковые части на новую штатную организацию. Все эти мероприятия являлись естественным продолжением начатого ранее процесса смены государственного аппарата и власти в целом. Велась эта работа, вплоть до 1924 г., не последовательно, было допущено много ошибок» [32].

По-прежнему, историки обсуждают хронологические рамки проводимой в СССР в 1920-е гг. военной реформы. Среди современных авторов имеется немало сторонников традиционных подходов к этому вопросу [33]. Ряд авторов высказался за пересмотр хронологический рамок военной реформы, тесно увязав их с теми политическими процессами, которые происходили в СССР в 1920-1930-е гг., в частности с перипетиями внутрипартийной борьбы.

В.Г. Краснов и В.О. Дайнес пишут: «Точка отсчета военной реформы — 1924 год — взята не случайно. Именно в этом году Фрунзе стал заместителем Троцкого, и, чтобы лишить последнего всех лавров, было решено связать реформу с именем Фрунзе» [34]. Они же считают, что реформа проводилась все второе десятилетие XX в. [35]. Г.А. Скипский так же отмечает: «Мы считаем, что военная реформа в СССР к 1928 г. еще не была завершена, а находилась лишь в начальной стадии. В середине 30-х гг. началась ?военная контрреформа?, которая включала в себя процесс увеличения кадровых частей РККА, в том числе и за счет терчастей». Она же стала одной из предпосылок массовых репрессий против высшего и старшего комсостава Красной Армии» [36]. Такая точка зрения укладывается во мнение о том, что все десятилетие после окончания Гражданской войны советское общество находилось под влиянием милитаристских идей.

Сама военная реформа рассматривается на фоне острейшей внутриполитической борьбы, которая развернулась в последние годы жизни В.И. Ленина и сразу после его смерти. По словам В.Г. Краснова и В.О. Дайнеса, «вся военная реформа протекала на фоне острой политической борьбы между Сталиным и Троцким» [37]. Л.М. Млечин подчеркивает: «Одержав первые победы в Гражданской войне, новые хозяева страны вошли во вкус. Они начали выяснять отношения уже между собой, превращая недавних соратников во врагов и испытывая желание решать любые споры с по-

мощью силы. Человек с ружьем стал главным и наиболее убедительным аргументом в острой политической борьбе, которая, не прекращаясь, шла в правящей верхушке страны» [38].

Такого же мнения придерживаются и уральские исследователи. П.А. Саенко пишет: «На военное реформирование влияли также острая борьба внутри ВКП (б), слепое следование руководства страны теоретическим положениям Ф. Энгельса по военным вопросам» [39].

В современной исторической литературе все больше утверждается мнение о том, что инициатива проведения реформы РККА принадлежала наркому по военным и морским делам Л.Д. Троцкому. Г.А. Скипский указывает на желание Л.Д. Троцкого опереться на армию в борьбе за власть. По его словам, «в начале 20-х гг. нарком военных и морских дел Л.Д. Троцкий призывал к опоре на младший комсостав, являющийся главным связующим звеном между командиром и рядовым красноармейцем, но демобилизация в 1921-1923 гг. красноармейцев старших возрастов (1891-1900 гг. рождения), вымывала их из рядов РККА» [40].

В.Г. Краснов и В.О. Дайнес пишут: «Вопрос о реформировании Вооруженных Сил был выдвинут на первый план по инициативе Троцкого в конце 1920 г., когда, в связи с разгромом армии генерала П.Н. Врангеля и окончанием войны с Польшей, появилась возможность решать неотложные военные задачи. Процесс реформирования охватил почти все второе десятилетие XX в., и существенную роль в нем сыграл Лев Давидович» [41]. Ему в заслугу авторы ставят то, что он противодействовал «чрезмерному вмешательству в работу военного ведомства партийных органов» [42]. Относительно роли М.В. Фрунзе авторы пишут, что ему «несправедливо приписывают всю честь подготовки и проведения военной реформы» [43].

Однако и в современной историографии имеются многочисленные сторонники того, что военная реформа проводилась под непосредственным руководством М.В. Фрунзе. Такая точка зрения присутствует и в западной историографии. По мнению Д. Боффа, «практически именно он руководил проведением реформы». Автор подчеркивает, что «Фрунзе с помощью других молодых офицеров начал широкую техническую модернизацию и более строгую организационную перестройку всего советского военного комплекса» [44].

По нашему мнению, ответить на вопрос о приоритете в выдвижении инициативы по проведению военной реформы может внимательное изучение работ Л.Д. Троцкого и М.В. Фрунзе. Из работ М.В. Фрунзе следует, что эта работа началась в наркомате по военным и морским делам еще в то время, когда во главе его находился Л.Д. Троцкий [45]. В то же время Л.Д. Троцкий признавал, что как только М.В. Фрунзе был переведен в Москву, именно он был поставлен «во главе Красной Армии и Красного Флота» [46].

Обсуждая вопрос о роли армии в жизни советского общества, историки по-разному смотрят на место военных в политической системе страны в 1920-е гг. М. Хаген полагал, что именно в это десятилетие «когда-то временная Красная Армия постепенно приобретала все больше и больше признаков постоянной организации. В свою очередь солдаты и командиры стали смотреть на военную карьеру как на респектабельную профессию в послереволюционном политическом строе» [47]. А.П. Ненароков и О.В. Наумов оспорили этот тезис автора. По их словам, «вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что служба в армии стала одним из пропусков к важным постам в послереволюционном политическом классе» [48]. Г.А. Скипский его безоговорочно поддержал и пришел к выводу о том, что «в 20-е гг. служба в РККА была одним из наиболее простых способов сделать политическую карьеру» [49].

Многие современные авторы высказывают мнение о милитаристском характере советской политической системы 1920-х гг. в целом.

О.Ю. Никонова пишет: «Советское государство, рожденное в боях революции и Гражданской войны, можно с полным правом назвать детищем военного времени» [50]. Она полагает, что характерной чертой советской политической системы был «собственный, советский милитаризм», который «включает в себя не только собственно военные приготовления, но и трансформацию политической

системы и общественного сознания с учетом военных интересов» [51]. Г.А. Скипский отмечает: «Красная Армия занимала видное место в образующейся политической системе СССР и оказывала заметное влияние на внутреннюю политику руководства ВКП (б)» [52].

Причины этого явления исследователи указывают разные. По мнению американского исследователя В.Н. Бровкина, одна из причин сверхмилитаризации политической системы советского общества в 1920-е гг. заключалась характере политической элиты, в том, что «образ борца и героя настолько укоренился в сознании большевиков, что они сами любили думать о себе как о поколении героев гражданской войны» [53]. Автор так характеризует тех, кто стоял во главе советского общества: «Их привычки были сформированы во время гражданской войны. Они любили и умели отдавать приказы, конфисковывать и расстреливать» [54].

По словам Г.А. Скипского, «переход к милиционной системе комплектования армии повлек за собой дальнейшую милитаризацию советского общества, особенно к началу индустриализации страны». «Менталитет советского общества тоже начал приобретать милитаристский характер. Руководство ВКП (б) в своих решениях часто употребляло военную лексику. И.В. Сталин определял роль армии как главной школы строительства социализма. Малограмотная, полуобразованная молодежь из деревни и рабочих поселков именно в армии получала необходимый минимум знаний и, вернувшись из нее, несла в общество те идеи и принципы, которые усвоила в армии. В этом отношении работа была поставлена в государственном масштабе» [55].

Такую же точку зрения высказывает О.А. Белявская. Она полагает, что в 1920-е гг. в активную политическую жизнь страны были вовлечены прошедшие Красную Армию «самые широкие слои населения, зачастую безграмотные, с низкой политической культурой, руководствующиеся только своими собственными представлениями о методах государственного управления, с негативными морально-психологическими качествами» [56].

В работах современных исследователей можно найти материал о роли РККА в политической жизни советского общества на материалах Уральского региона. По словам Г.А. Скипского, окончание Гражданской войны на Урале привело к резкому изменению роли РККА в жизни общества. Автор считает, что советское руководство использовало в 1920-е гг. армию в отношениях с населением и в качестве «кнута» и в качестве «пряника».

Г.А. Скипский подчеркивает, что «Гражданская война превратила Красную Армию в часть карательного аппарата коммунистического режима» [57]. По его мнению, население выступало в этом случае «как объект воздействия армии, поэтому рассчитывать на развитие его самодеятельности и сознательности не приходилось» [58].

Следует сказать, что многие современные авторы пишут о большой роли армейских частей в подавлении крестьянских восстаний в Зауралье зимой 1920-1921 гг. Эта проблема затрагивается в работах К.Я. Лагунова, В.В. Московкина, В.П. Петровой, Н.Г. Третьякова, и др. исследователей [59]. В 1996 г. в Тюмени прошла научная конференция, посвященная 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. [60], на которой многие авторы поднимали в том числе тему о роли РККА в политической жизни региона в период перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике.

Говоря о роли армии в подавлении крестьянского восстания, В.В. Московкин отмечает, что «война с восставшими крестьянами велась по всем правилам военного искусства и классовой борьбы» [61]. По наблюдениям П.А. Саенко, «боевые действия на ?внутреннем фронте? по потерям были сравнимы с годами гражданской войны» [62].

Многие современные историки, стоящие на либеральных позициях, заостряют внимание на низких моральных качествах красноармейцев, их жестокости по отношению к повстанцам и т.д. О.А. Белявская пишет, что под ударами крестьян «вирусом паники был заражен как рядовой, так и командный состав. Деморализованное руководство отряда, имея в распоряжении 200 человек, не смогло оказать достойного сопротивления повстанцам» [63].

Современные историки обращают внимание и на другие факторы влияния армии на уральское общество в 1920-е гг. В частности, подчеркивается, что в крае сразу же после окончания Гражданской войны проведение военной реформы стало важнейшим фактором организации политической жизни. Г.А. Скипский пишет, что «в 1921-1922 гг. на Урале фактически происходило слияние партийного аппарата частей РККА с аппаратом территориально-административных единиц Пермской, Екатеринбургской, Уфимской и Челябинской губерний» [64]. Такая ситуация была, по мнению автора, характерна и для последующего периода. По его наблюдениям, «одной из причин, почему 57-я дивизия оказалась на особом счету у командования Приволжского военного округа, было то, что ее командно-политический состав являлся внештатной частью аппарата Уралобкома ВКП (б)» [65].

Г.А. Скипский полагает, что, с одной стороны, это привело к тому, что «в результате стали складываться предпосылки к переходу комплектования политических частей Приуральского военного округа по территориальному принципу» [66], а с другой — на Урале проходила «милитаризация административного аппарата». Это привело к тому, что РККА в 1920-е гг. «продолжала оставаться орудием не столько внешней, сколько внутренней политики государства, которое сращивалось с партийным механизмом» [67].

По мнению Г.А. Скипского, был еще один фактор, который доказывал высокую роль РККА в политической жизни Урала в 1920-е гг. Он пишет, что «территориальные части РККА на Урале в 20-е гг. сыграли роль социального посредника между коммунистическим режимом и населением региона, которое было вовлечено в вооруженное противостояние вплоть до конца 1921 г. и могло способствовать новой вспышке Гражданской войны на Урале при содействии крестьянских повстанческих армий в Западной Сибири». Автор считает, что «переход армии на смешанный принцип комплектования являлся продолжением курса руководства РКП (б) на установление социального компромисса в стране, начавшегося с отмены продразверстки» [68].

Таким образом, в современной историографии поставлен целый комплекс новых вопросов о месте Красной Армии в политической системе советского общества в 1920-е гг. Эти вопросы рассматриваются как на материалах страны в целом, так и ее крупнейших регионов, которым, несомненно, является Урал. Мнения исследователей по целому ряду вопросов существенно расходятся, что является вполне нормальным явлением в условиях, когда в исторической науке существует методологический и концептуальный плюрализм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Скипина И.В. История крестьянского восстания 1921 г. в Западной Сибири в исследованиях 20-х гг. // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. IV
2. Там же. С. 161
3. См.: Померанцев П. Красная Армия Сибири на внутреннем фронте (Борьба с восставшими в тылу за 1920-1922 гг.) // Красная Армия Сибири. Новониколаевск, 1923. № 3-4
4. Скипина И.В. История крестьянского восстания 1921 г. в Западной Сибири в исследованиях 20-х гг. С. 167
5. Там же. С. 170
6. См.: Богданов М.А. Разгром западно-сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961
7. Московкин В.В. Историография противоборства политических сил на Урале и в Зауралье в период революции и гражданской войны (1917-1921 гг.) // Рубеж веков: Проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. С. 78
8. Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1974. С. 12

9. История Урала. В 2-х т. / Пособие для студентов, учителей и самообразование под ред. И.С. Капцуговича. Пермь, 1977. 2-е изд. Т. II. Период социализма. С. 149
10. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 215
11. См.: Берхин И.Б. Военная реформа в СССР 1924-1925 гг. М., 1958. С. 164
12. См.: Советские Вооруженные Силы: Вопросы и ответы. М., 1987. С. 93
13. Сиротинский С.А. Путь Арсения: Биографический очерк о М.В. Фрунзе. М., 1980. С. 214-215
14. Гареев М.А. М.В. Фрунзе — военный теоретик. М., 1985. С. 57
15. См.: Берхин И.Б. Военная реформа в СССР 1924-1925 гг.; Реформа военная 1924-1925 // Военный энциклопедический словарь. С. 634; и др.
16. См.: Афанасьев Н.В. Военная реформа 1924-1928 гг. Л.. 1959. С. 38; Конюховский В.Н. Территориальная система военного строительства. М., 1961. С. 73; Кулик Ф.Г. Исторический опыт Коммунистической партии по территориально-милиционному строительстве Красной Армии. М.. 1977. С. 84
17. См.: Крошилов А.А. Органы военного управления на Урале в восстановительный период (1921-1925 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Пермь, 1981
18. См.: История Уральского военного округа. Свердловск, 1971; Краснознаменный уральский. М., 1983
19. Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историческая наука России в конце XX — начале XXI века. Тюмень, 2004. С. 70
20. Там же. С. 47
21. Хаген М. Армия и общество в 20-е гг. // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 53
22. Там же. С. 55
23. См.: Скипский Г.А. Проблемы строительства Вооруженных сил СССР в межвоенный период (1921-1939) // Первые уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 1997; Он же. К истории образования территориальных частей РККА на Урале // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1; Он же. Территориально-кадровая система РККА на Урале в 1920-1930-е гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001; Он же. Территориально-кадровое строительство РККА на Урале в 1920-е гг. // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003; Носова Н.П., Мишин В.В. Реформа — дело нужное... (Преобразование советских Вооруженных сил в 1920-е гг.) // Тюменский исторический сборник. Вып. IV; Саенко П.А. Деятельность оборонных организаций Среднего Урала накануне и в первый период войны // Средний Урал в первый период Великой Отечественной войны: вклад в подготовку коренного перелома. Екатеринбург, 2002; Мишин В.В. Реформа 1920-1922 гг. в Уральском военном округе // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2002. Тюмень, 2003. Вып. 16; и др.
24. Ненароков А.П., Наумов О.В. Глазами американского историка // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 62
25. Скипский Г.А. Территориально-кадровая система РККА на Урале в 1920-1930-е гг. С. 6
26. Там же. С. 7
27. Хаген М. Армия и общество в 20-е гг. С. 55
28. Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России 1917-1991. М., 2002. С. 164
29. Хоскинг Д. История Советского Союза 1917-1991. М., 1994. С. 145
30. Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 457
31. Боффа Д. История Советского Союза. В 2-х т. М., 1994. Т. 1 От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917-1941. С. 276
32. Носова Н.П., Мишин В.В. Реформа — дело нужное...С. 71

33. См.: Ващенко П.Ф., Рунов В.А. Военная реформа в СССР в 1924-1928 гг. // Военно-исторический журнал. 1989. № 12; и др.
34. Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 458
35. См.: Там же. С. 457
36. Скипский Г.А. Территориально-кадровая система РККА на Урале в 1920-1930-е гг. С. 5
37. Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 468
38. Млечин Л.М. Русская армия между Троцким и Сталиным. М., 2002. С. 3
39. Саенко П.А. Деятельность оборонных организаций Среднего Урала накануне и в первый период войны. С. 129
40. Скипский Г.А. Территориально-кадровая система РККА на Урале в 1920-1930-е гг. С. 10
41. Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 457
42. Там же. С. 468
43. Там же. С. 457
44. Боффа Д. История Советского Союза. Т. I. С. 276, 277
45. См.: Фрунзе М.В. Регулярная армия и милиция. Единая военная доктрина и Красная Армия. Реорганизация Красной Армии. Пути военного строительства. Красная Армия и единоначалие. Красная Армия и оборона Советского Союза // Фрунзе М.В. Собр. соч. М., 1983. Т. 2,3; Он же. Красная Армия и оборона Советского Союза // Фрунзе М.В. Избр. соч. М., 1984; и др.
46. Троцкий Л.Д. Памяти М.В. Фрунзе // Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 363
47. Хаген М. Армия и общество в 20-е гг. С. 56
48. Ненароков А.П., Наумов О.В. Глазами американского историка. С. 64
49. Скипский Г.А. Территориально-кадровая система РККА на Урале в 1920-1930-е гг. С. 3
50. Никонова О.Ю. Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война: Война как явление культуры. М., 2001. С. 376
51. Там же. С. 377
52. Скипский Г.А. Проблемы строительства Вооруженных сил СССР в межвоенный период (1921-1939). С. 111
53. Бровкин В.Н. Культура новой элиты, 1921-1925 гг. // Вопр. истории. 2004. № 8. С. 83
54. Там же. С. 96
55. Скипский Г.А. Проблемы строительства Вооруженных сил СССР в межвоенный период (1921-1939). С. 111
56. См.: Белявская О.А. О морально-психологических качествах коммунистов, воевавших против повстанцев на Тюменском севере в феврале-марте 1921 г. // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: Тез. докл. Всеросс. науч. конф. Тюмень, 1993. С. 8
57. Скипский Г.А. Территориально-кадровая система РККА на Урале в 1920-1930-е гг. С. 13
58. Там же. С. 14
59. См.: Лагунов К.Я. Двадцать первый. Свердловск, 1991; Он же. Кровавая жатва. Тюмень, 1992; Он же. И сильно падает снег... Тюмень, 1994; Петрова В.П. Крестьянское восстание в Тюменской губернии в 1921 г. // Тюменский ист. сб. Тюмень, 2000. Вып. IV; Третьяков Н.Г. К вопросу о возникновении Западно-Сибирского восстания 1921 г.

// Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения. 1993. Новосибирск, 1993; Московкин В.В. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 г. // Вопр. истории. 1998. № 6; Он же. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917-1921 гг.). Тюмень, 1999; и др.

60. См.: История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: Тез. докл. Всеросс. науч. конф. Тюмень, 1993
61. Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917-1921 гг.). С. 181
62. Саенко П.А. Деятельность оборонных организаций Среднего Урала накануне и в первый период войны. С. 129
63. См.: Белявская О.А. О морально-психологических качествах коммунистов, воевавших против повстанцев на Тюменском севере в феврале-марте 1921 г. С. 8
64. Скипский Г.А. Территориально-кадровая система РККА на Урале в 1920-1930-е гг. С. 10
65. Скипский Г.А. Территориально-кадровое строительство РККА на Урале в 1920-е гг. С. 268
66. Скипский Г.А. Территориально-кадровая система РККА на Урале в 1920-1930-е гг. С. 10-11
67. Там же. С. 12
68. Там же. С. 22

THE ROLE OF RED ARMY IN THE MAKING POLITICAL SYSTEM OF THE SOVIET SOCIETY IN 1920th (historiographic problems)

The historiographic analysis of a problem of a place of Red Army in political system of the Soviet society in 1920th on an example of the Urals is given in the article. New approaches to illumination of the reasons of military reform, influence on its carrying out of inner-party struggle of 1920th, role of militarians in formation of political culture of the Soviet society are considered. The author comes to conclusion, that opinions of modern researchers considerably miss at studying political consequences of reforms of 1920th and attitudes of the population to them, that is quite explainable at existence of methodological and conceptual pluralism in a historical science.

Е.А. Сурина

М. А. Фельдман

Власть и труд: теоретические споры в верхнем эшелоне большевиков по рабочему вопросу (осень 1927 г.)

Десятый номер журнала за 1927 г., издаваемого Наркоматом труда, — «Вопросы труда» — был целиком посвящен юбилейной дате: десятилетию Октябрьской революции. Журнал открывался портретами В.И.Ленина и большой группы профсоюзных работников (А.Г.Шляпникова, В.П.Ногина, В.В.Шмидта и др.), ставших руководителями Наркомата труда в первые годы Советской

власти. Портреты бывших профсоюзных лидеров, руководителей Наркомата труда, одновременно являющихся членами президиума ВЦСПС, заставляли задумываться о симбиозе чиновников и профработников. Однако читателю журнала неоднократно напоминалось: в рабочем государстве все, что не делается — идет на пользу трудящимся.

Грань первого и второго десятилетия Советской власти, писал в статье, открывающей номер, нарком труда СССР В.В.Шмидт, предполагает постановку вопроса: каковы наши достижения в области улучшения условий труда рабочих? [1] Подведение итогов десятилетия в социальной сфере в СССР и определило содержание журнала.

Юбилейный номер журнала содержал уникальный источниковый материал: статьи, как правило, представляли собой обобщающие очерки по истории трудовых отношений за десятилетний период, выполненных (подчеркну это) в спокойной и объективной манере. Характерной в этом плане можно считать обзорную статью А.Ляха об эволюции законодательства о труде [2]. Новый этап в развитии советского законодательства о труде, отмечал автор, начался с введением НЭПа. Издание новых трудовых законов пришлось на конец 1921 г. и, главным образом, на 1922 г. Основными чертами, предопределившими характер реорганизации трудового законодательства были, прежде всего, отмена всех обязательных сверхурочных работ и облегчение перехода работников с одного предприятия на другое, снятие с госснабжения подавляющего большинства предприятий. Обособление хозяйственной деятельности предприятий, отказ от жесткого нормирования условий труда привели к необходимости закрепить в законодательном порядке точное определение прав и обязанностей сторон, участвующих в трудовом соглашении.

Такую задачу в определенной степени выполнял Кодекс законов о труде 1922 г., введенный в действие в ноябре 1922 г. Он устанавливал единую систему регулирования наемного труда независимо от различия хозяйственных укладов. Такой демократический подход получил высокую оценку. Наниматель, работники и профсоюзы устанавливали трудовые отношения, определяли условия труда по взаимному соглашению — коллективному договору. Закреплялся определенный минимум гарантий для трудящихся, уровень условий труда, обязательный во всех случаях найма: ежегодные двухнедельные отпуска; рабочее время, ограниченное 8 часами для взрослых, 6 — для подростков; гарантии против произвольного увольнения; гарантированный минимум зарплаты и т.д.. Согласно Кодексу 1922 г. в функцию государства входило установление минимума заработной платы и требование соблюдать определенный минимум условий. Коллективный договор, заключенный профсоюзом, подчеркивалось в статье, становился формой трудоустройства и формой защиты интересов рабочих. Устанавливались две параллельные системы органов по разрешению трудовых конфликтов: восстанавливались, созданные Временным правительством, примирительные камеры и третейские суды [3]. По сути, Кодекс 1922 г. вводил в реальную жизнь то, что было только декларировано страховыми законами последних месяцев 1917 г., Кодексом о труде 1918 г.

Принципиальный момент: в завуалированной форме автор статьи признавал близкое **родство советских кодексов о труде 1918 г. и 1922 г. с дореволюционными законами о труде 1912** г.[4]

Разделяя подобное суждение, автор статьи «Десятилетие советской охраны труда» сделал вывод об **эволюционном** развитии трудового законодательства в области охраны труда в период 1914 -1928 гг.[5] Как и до революции, проблема заключалась не только в принятии законов о труде, но и в неуклонном их выполнении. Между тем, подписание коллективных договоров в 20-е гг. сочеталось с «полной безответственностью местных и центральных хозорганов, не гарантирующих выделение необходимых средств» [6]. Проблема осложнялась тем, что «трудовые законы перестали быть доступными тем, для чьей защиты они предназначались» [7].

Анализ содержания КЗОТа 1922 г. приводит к выводу об отказе от некоторых норм, провозглашенных ранее на самом высоком уровне: например, отсутствие положения о предоставлении всем без исключения трудящимся месячного отпуска, обещанного Второй программой партии после окончания Гражданской войны; не упоминались проблемы страхования временных и сезонных ра-

бочих; ничего не говорилось о пенсиях по старости. Умеренность положений Кодекса 1922 г. отвечала существовавшему уровню экономики Советской России, но противоречила обещаниям правящей партии о быстром переходе к социализму. Этим, в частности, можно объяснить довольно сдержанную оценку Кодекса о труде 1922 г. в советской литературе [8].

Положения Кодекса 1922 г. закрепляли за профсоюзами и наркоматом труда дальнейшее регулирование трудового законодательства. Однако, отмечалось в журнале Наркомата труда, **в 1923 — 1927 гг. изменения и дополнения статей кодекса носили фрагментарный характер** [9]. Более того, в ряде случаев, просматривается некоторый откат назад в области страхового законодательства. Так число особых дней отдыха, установленных на местах и, как правило, связанных религиозными праздниками, было сокращено с 15 до 8 — в мае 1925 г., расширились возможности хозорганов увольнять рабочих за первое же нарушение [10], и т.д.

Содержание десятого номера журнала «Вопросы труда» подводило к весьма «неюбилейному» выводу: в период с 1923 г. и до осени 1927 г. произошла консервация трудового законодательства СССР. Следует отдать должное Наркому труда СССР В.В. Шмидту[11]: его выступления и статьи передают наиболее достоверную картину положения рабочих в Советском Союзе. В. В. Шмидт обратил внимание на генетическую черту Кодексов о труде 1918 г. и 1922 г. — **декларативность** трудовых законодательств [12] Вывод необычный для члена ЦК, кандидата в члены Оргбюро ЦК ВКП (б).

Авторы статей в журнале «Вопросы труда»' довольно подробно говорили о достижениях в области труда к десятой годовщине Октября. Это, в частности, подчеркивает надуманность последующих обвинений работников Наркомата труда в «правом уклоне». Вместе с тем, за подлинными успехами в социальной сфере, скрывался ряд серьезных изъянов и упущений. В скрытой форме, соблюдая каноны юбилейного номера журнала «Вопросы труда», В.В. Шмидт, другие представители Наркомата труда дали критическую оценку изменений в социальной сфере в 1923 — 1927 гг. Нарком труда СССР отметил: в эти годы по ряду вопросов произошло ухудшение правового положения рабочих. Аргументация была убедительной: в качестве примера В.В.Шмидт привел ряд указов и инструкций, позволяющих хозяйственным органам все увереннее диктовать свои условия трудовым коллективам [13].

В статье Л.Забелина, посвященной проблемам материально-бытового положения советских рабочих, говорилось о том, что реальная *месячная* зарплата за 9 месяцев 1926 /1927 г. приблизилась к довоенной, составив 97,1% от уровня 1913 г. Однако тут же отмечалось: реальная *дневная* зарплата рабочих, в силу **большего среднего количества рабочих дней в месяц в сравнении с довоенным временем**, остается ниже уровня 1913 г. В наибольшей степени отставание касалось рабочих основных отраслей промышленности СССР — горнодобывающей и металлической[14].

Обратим внимание на статью Л.Забелина, как пример «полуправды» советской публицистики 20-х гг. Автор приводит данные о величине валовой выработки на одного рабочего промышленности России в 1913 г. — 2163 руб. и 1923/24 г. — 1589 руб. (все показатели в довоенных рублях). Изменения указанного показателя за 1923/24 г. — 1926/27 г. не сообщаются. Затем, автор сообщал о том, что валовая выработка на одного рабочего в 1926/27 г. превысила рубеж 1913 г. Однако, используя содержащиеся в статье показатели годового прироста валовой выработки в 1924/25 г. — 1926/27, несложно подсчитать: реальная величина валовой выработки на одного рабочего в 1926/27 г. составила 1934,6 руб. или 89,4 % от довоенного показателя[15].

Значительным оставалось число несчастных случаев на производстве. Статистические данные, отмечалось во вступительной статье В.В.Шмидта, говорят о росте числа несчастных случаев в промышленности СССР как за период 1925 — 1927 гг., так и в сравнении с довоенным временем. Так на предприятиях Москвы и Московской области общее число несчастных случаев в 1926 г. выросло вдвое в сравнении с 1912 г[15]. На каждые 1000 рабочих крупных предприятий РСФСР в 1925-1926 г. в среднем приходилось 97,6 несчастных случаев с потерей трудоспособности, или 24,4 в квартал. В 1926/27 г. этот показатель вырос более чем на четверть[16]. Характерной чертой положения дел в социально-правовой сфере было то, что многие рабочие не могли разобраться в содержании страховых законов.

Все вышесказанное вызвало тревогу у руководителей Наркомата труда, профсоюзных лидеров. Корнем проблемы назывались то низкая общеобразовательная подготовка инспекторов труда[17], то халатность хозяйственных органов[18]. Трудно согласиться с такими доводами, так же как с утверждением о том, что причинами этого явления является ориентация профсоюзов на решение производственных вопросов [19]. Заметим, что степень вовлеченности профсоюзов в производственную сферу в начале 20-х гг. была несоизмеримо выше, чем во второй половине 20-х гг., доходя до прямого диктата[20].

Объяснение связано, прежде всего, с тем, что в низкорентабельной экономике 20-х гг.[21] в принципе не могли действовать полновесные социальные программы. Кроме того, по мере формирования номенклатурного управленческого социального слоя с собственными интересами, интересы рабочих масс все менее остро ощущались властью. С одной стороны, преобладание в партии ветеранов гражданской войны усиливало психологию аскетизма[22]. С другой стороны, правящий слой все более ориентировался на получение явных и скрытых привилегий [23]. Возрастал удельный вес конфликтов, решенных не в пользу рабочих [24]. Складывалась парадоксальная картина: содержание статей юбилейного номера журнала «Вопросы труда»' не подтверждало ритуальных высказываний авторов о революционном характере изменений в области трудовых отношений за первое советское десятилетие.

Кодекс о труде 1922 г. выступал как центральное звено государственной политики по отношению к рабочему классу. Положения Конституций РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г., закрепляющие ведущую роль рабочего класса в социалистическом государстве, носили декларативный характер. Более конструктивную и конкретизирующую смысловую нагрузку несли документы съездов советов, профессиональных союзов, решения ВЦИК и СНК, партийных органов, фронтальный анализ которых позволяет сделать вывод: в первое десятилетие советской власти вопросы взаимоотношений государства и рабочих занимали значительное место в работе властных структур.

Здесь мы касаемся спора историков о степени учета советской властью интересов и настроений рабочих масс, да и в целом населения страны. Известны высказывания иностранных и советских историков, как отрицающие «давление» масс на власть, так и доказывающие обратное [25]. Если мы говорим о первом десятилетии советской истории, существует значительный пласт документов, подтверждающих влияние настроений рабочих масс на формы и методы политики государства, позволяющие понять позицию тех руководителей, кто выступал за выполнение раннебольшевистских требований по рабочему вопросу. Материалы юбилейного номера журнала» Вопросы труда» достаточно полно отражают воздействие настроений рабочих масс на определение позиций руководителей Наркомата труда. Сказались и такие факторы, как способность части большевистского руководства к гибкому реагированию на требования реальности, умению перестраиваться идейно и политически [26], а также отсутствие в СССР в 1927 г. всеобъемлющего полицейского контроля.

Неспособность политического режима установить тотальный контроль над обществом в годы НЭПа наглядно проявилась в критических выступлениях, характеризующих реальное правовое и материальное положение трудящихся, в печати и на официальных форумах, как самих рабочих [27], так и управленцев местного уровня. Так на заседании бюро Уральского обкома ВКП (б) 31 мая 1927 г. в выступлении профсоюзного работника И.Толстопятова прозвучала критика проекта первого пятилетнего плана за ущемление прав уральских рабочих: за пятилетие заработная плата рабочих крупной промышленности Урала должна была вырасти на 27%, тогда как у рабочих этой категории СССР — на 33%. Политика государства в области заработной платы рабочих региона была названа разрушительной. Знаменательно, что бюро Уралобкома ограничилось «принятием к сведению», подобной реплики, не помешавшей, кстати, карьерному росту рабочего-выдвиженца[28].

Случай с И.Толстопятовым, достаточно характерный. Подтверждением является критическая направленность в 1922 -1926 гг. статей уральского профсоюзного органа «Рабочего журнала», закрытого в 1926 г., как представляется, именно в силу несовпадения с тональностью центральных партийных изданий. Обратим внимание на то, что в исторической литературе, с современных позиций, недостаточно раскрыто положение профсоюзных работников в 20-е годы, находящихся между

«молотом и наковальней»: партией и рабочим классом, вынужденных первыми реагировать на недовольство рабочих. На активную роль профсоюзов в регулировании реального положения рабочих в годы НЭПа указывали, прежде всего, те инстанции, которые были связаны с выработкой нормативных актов на уровне предприятия и треста, т.е. инженерно-технический персонал [29]. В целом, можно говорить о сохранении еще различного рода связей, соединяющих часть, сравнительно нового, возникшего в короткий исторический период управленческого корпуса, с рабочими массами.

Насколько же эффективно действовал механизм выработки государственных решений по рабочему вопросу верхним слоем советских управленцев в середине 20-х гг.? Рассмотрим в качестве примера работу Политбюро ЦК ВКП (б) – генерирующего органа государственной политики. На основе изученных документов о работе Политбюро ЦК ВКП (б) в 1926 [30], можно сделать вывод о том, что, во-первых, как минимум раз в месяц, руководство партии и государства рассматривало вопросы условий жизни и быта рабочих. Во-вторых, эти вопросы, как правило, анализировались на уровне отдельной отрасли. В-третьих, и это весьма важный момент, решение многих вопросов Политбюро перекладывало на рассмотрение межнаркоматовских комиссий. На наш взгляд, такая практика свидетельствует о дежурном характере рассмотрения рабочей проблематики. В-четвертых, выделим принцип принятия конкретных решений: вопросы улучшения отдельных сторон жизни рабочих ставились в зависимость от соблюдения «режима экономии». Не для печати предназначались решения о замораживании номинальной заработной платы при росте производительности труда и повышении квартплаты. Увеличение на 30 млн. руб. расходов на рабочее жилищное строительство (март 1926 г.) увязывалось с соответствующим сокращением «расходной части по соцстраху»[31].

Таким образом, уделяя в 20-е гг. немало времени рассмотрению проблем жизни советских рабочих, возложив на себя ряд обязательств и функций (назовем, например, назначение секретаря ЦК ВКП (б) В.М.Молотова в феврале 1926 г. председателем комиссии по рабочему жилищному строительству [32]), лидеры государства подходили к вопросу о повышении уровня жизни рабочих с чисто прагматических позиций. Собственно говоря, в этом также прослеживалась преемственность позиций дореволюционного и советского государства.

В целом, несмотря на ряд противоречий, как частного, так и концептуального характера, экономика НЭПа содействовала восстановлению и развитию народного хозяйства, собиранию сил рабочего класса. Конкретику процесса определяли не только степень зрелости социально-экономической политики государства, позиция правящей партии, рассматривавшей рабочий класс в качестве основного социального носителя модернизации. В 20-е гг., особенно в первой половине десятилетия, на ход события еще продолжала непосредственно влиять и позиция самих рабочих. В годы восстановительного периода, партийно-государственное руководство не могло занимать выжидательную позицию по отношению к требованиям рабочих: размах стачечного движения в Советской России в начале 20-х гг. был близок к показателям 1895 – 1904 гг. [33]. В тоже время управленческий аппарат, в силу своей социальной неоднородности, еще не мог стать прочной опорой режима. Отсюда, ЦК РКП (б), партийные и советские органы были вынуждены создавать комиссии по улучшению положения рабочих[34], искать и принимать конкретные меры, способствующие повышению жизненного уровня рабочих, восстановлению трудовых коллективов.

Наш анализ всего массива законодательных актов, опубликованных в 1923-1927 гг. говорит о следующей закономерности: последовательном снижении удельного веса вопросов, посвященных положению рабочих; заметно определенное «обмельчание» тематики правовых документов. К такому же выводу приводит и изучение известных нам материалов Оргбюро ЦК партии за эти же годы. Если к этому добавить, что приоритетным в развитии экономики руководство ВКП (б) определило путь милитаризации [35], то представляется возможным внести в научную литературу положение **о стагнации государственной политики по рабочему вопросу в период 1923-1926 гг. и снижении значимости указанной политики среди приоритетов правящей партии, начиная с 1927 г.**

Будем справедливы: изменить коренным образом социальное положение рабочих в короткий исторический срок было действительно невозможно. Да и Кодекс о труде 1922 г. в общих чертах соответствовал уровню трудового законодательства развитых капиталистических стран (РКС). Подчеркнем принципиально важное, на наш взгляд, не звучавшее в научной литературе положение: трудовое законодательство СССР, в целом, **соответствовало, но не превосходило аналогичные документы РКС** [36]. В силу сказанного, тезис о широком заимствовании странами Запада советского опыта социального обеспечения рабочих выглядит декларативным и нуждается в конкретизации. Как нам представляется, процесс формирования законодательства по рабочему вопросу шел в странах Запада своим естественным, эволюционным путем, также как в России и СССР в до — и послереволюционный период. К такому выводу склоняются и, насколько нам известно, зарубежные исследователи [37].

В принципе лидеры большевизма могли не придавать значения этим публикациям: фактически Наркомат труда и журнал «Вопросы труда» играли роль громоотвода в политической системе Советского государства в 20-е годы. Однако существовали и иные факторы. В 1923-1927 гг. стабильно рос масштаб конфликтных ситуаций в рабочей среде. Так на Урале число трудовых конфликтов в 1925-1926 г. выросло втрое в сравнении с 1924-1925 г.[38]

Совокупность этих факторов заставила советское руководство пойти на чрезвычайные меры. Характеристика чрезвычайных мероприятий в экономике, партийной жизни, политической области подробно освещена историками [39]. Выскажем мнение, отличающееся от имеющихся в литературе: издание Манифеста ЦИК СССР от 16 октября 1927 г., заявившего о постепенном введении в СССР семичасового рабочего дня, следует отнести к этому ряду. Парадоксальность этого заявления — чисто внешняя: введение семичасового рабочего дня представляло собой акцию, неподготовленную, не просчитанную ни с экономической, ни с организационно-технической стороны [40]. Очевидность такого положения, опасность дезорганизации производства не были тайной не только для специалистов, профсоюзных работников, руководителей Наркомата труда, но и для думающих рабочих [41].

Главной целью такого мероприятия было, во-первых, стремление лидеров СССР сбить волну недовольства рабочих условиями жизни [42]. Во-вторых, момент принятия решения определялся тем, что 10-летие Октябрьской революции давало весомый повод для анализа рабочим классом подлинных и мнимых достижений Советской власти. Естественно, сокращение рабочего дня должно было вызвать (и вызвало) эмоциональный подъем у населения. Издержки же подобного решения должны были оплатить «враги» — в данном случае, «старые специалисты», профсоюзные работники и ... аппарат Наркомат труда.

1928 г. стал началом кампании проработки указанных профессиональных групп [43]. Так, Наркомат труда обвинялся именно в том, в чем было виновато само руководство ВКП (б): в «потакании» хозяйственникам, протекционизму на биржах труда [44]. Между тем, установка на первоочередное устройство на работу членов партии, бывших красноармейцев была достаточно известна, закреплена в законодательном порядке [45], либо существовала в виде «телефонного права» [46]. Таким образом, с 1927 г. выбор приоритетов политики в рабочем вопросе был сделан не в сторону последовательного, пусть и относительно медленного, улучшения жизни рабочих, а в направлении декларативных заявлений.

Противоречие между элементами демагогии в содержании законов о труде и реалиями жизни логически вело к обострению социальных конфликтов — об этом убедительно говорил опыт периода революции и гражданской войны. Не приходится сомневаться в желании лидеров большевизма реализовать рабочую страховую программу, принятую в январе 1912 г.; очевидна направленность положений первых декретов Советской власти: полное социальное обеспечение всех трудящихся, т. е. отказ от выборочного патернализма.

Действительность послеоктябрьского десятилетия оказалось иной. В 20-е годы государство по-прежнему предоставляло больший набор материальных и правовых благ тем социальным группам рабочего социума, которые составляли базу поддержки власти: членам партии, бывшим красноармейцам, рабочим

столиц [47]. Однако нехватка средств у государства, господствующий в 20-е гг. аскетизм повседневной жизни, приоритет идеологических задач делали дополнительный набор благ достаточно скудным.

Не были выполнены основные требования рабочей страховой программы 1912 г.: об охвате полным страхованием всех рабочих [48], об оплате больничных, пособий по рождению ребенка, по инвалидности, безработице в размере 100 % прежнего заработка [49]. До 1929 г. отсутствовал закон о пенсиях по старости. Курс на милитаризацию экономики закреплял приоритетность развития определенного круга отраслей, что в свою очередь, программировало неравенство правового и социального положения различных, отраслевых отрядов рабочих СССР. Наконец, приступив к дискредитации профсоюзных лидеров, работников Наркомата труда, руководство ВКП (б), по сути, лишило рабочий класс единственных официальных защитников, способных систематически влиять на реальное социальное положение рабочих.

Сделаем вывод. В начале 20-х гг. произошло наращивание темпов государственной политики, обращенной непосредственно к рабочим, а именно, провозглашен принцип социального обеспечения всех трудящихся. На социальную политику советской власти оказывала влияние и позиция самих рабочих. Это позволило преодолеть отставание России от Запада в области трудового законодательства. Однако в реальной жизни набирал силу классовый подход к распределению социальных благ. Такой подход диктовал восстановление (но на новом уровне) иерархических отношений в рабочей среде.

Материалы десятого номера журнала «Вопросы труда» за 1927 г. в определенной степени свидетельствовали о наличии такой тенденции в большевизме, как способности отражать реальную картину российской действительности, фокусировать демократические требования в социальной сфере. Проблема заключалась в том, что названная тенденция вела к вскрытию нежелательной для лидеров большевизма правды: революция в политической сфере не привела к революции в материальном производстве, в быту и сфере социальной защиты. Идеологизация и сакрализация советского режима позволили Сталину и его сторонникам одержать легкую победу над оппонентами, продемонстрировав доминирующую черту большевизма: стремление к одновариантному, безальтернативному развитию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шмидт В.В. Наши достижения в области труда к десятой годовщине Октября. // Вопросы труда, 1927. № 10. С. 5.
2. Лях. А. Развитие советского законодательства о труде за десять лет // Вопросы труда, 1927. № 10. С.114 — 129; Вопросы труда, 1927, № 10. С. 123 — 124.
3. Вопросы труда, 1927, № 10. С. 119 — 124. См. также: Вопросы труда, 1925. № 7-8. С. 21 – 22.
4. Вопросы труда, 1927, № 10. С. 53.
5. Вопросы труда, 1927, № 10. С. 56.
6. Вопросы труда, 1927, № 10. С. 129.
7. См.: История Советского рабочего класса в 6-ти томах. Т. 2. С. 100.
8. См.: Вопросы труда, 1927 . № 10. С. 127.
9. Вопросы труда, 1927. № 10. С. 128.
10. Шмидт Василий Владимирович (1886 — 1940 гг.) Из рабочих. С ноября 1918 г. по 1923 г. — нарком труда РСФСР, в 1923 г. — 1928 гг. — нарком труда СССР.
11. Вопросы труда, 1925. № 7-8. С. 22.
12. Там же; 1927. № 10. С. 14, 16.
13. Забелин Л. Численность рабочих, производительность труда и зарплата в промышленности за десять лет // Вопросы труда, 1927. № 10. С. 84– 85.
14. Там же. С. 80 — 83.

15. Шмидт В.В. Наши достижения в области труда к десятой годовщине Октября. // Вопросы труда. С.6 –7.
16. Там же, 1927. № 4. С. 110.
17. Там же, 1927. № 1.С. 18.
18. Там же, 1925. № 7-8. С. 26.
19. Прошина Н.М. Профсоюзы и защита интересов трудящихся в годы НЭПа (1921-1928 гг.) Автореф. Дис. ... канд. ист. наук, Екатеринбург, 1993. С. 18.
20. См. например: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 491. Л. 11об; Вопросы труда, 1926. № 4. С. 22; 1927, № 6. С. 8
21. См.: НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 72-73.
22. Фициатрик Ш. Гражданская война в советской истории: Западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 354-357.
23. Поляков Ю.А. Гражданская война: взгляд сквозь годы // Там же. С. 282.
24. См.: Вопросы труда, 1926. № 7-8. С. 171; 1928, №11, С. 128-129.
25. См.: Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х гг. // Отечественная история, 1998. № 3. С. 108, 110, 116; Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема. // Общественные науки и современность. 2001, № 2. С. 94.
26. Скоробогатский В.В. Социокультурный облик власти. Екатеринбург, 2002. С. 255.
27. См.: Ю. М.Иванов. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х гг. // Вопросы истории; 1998. № 5 . С. 31, 33.
28. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 304. Л. 37.
29. См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 491. Л. 11-12.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 537. Л. 1-5; Д. 538. Л. 2; Д. 548. Л. 3-6,10- 16; Д. 549. Л. 14; Д. 550. Л. 3-5; Д. 560. Л. 3.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3, Д. 548. Л.16; Д. 549. Л. 14.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 548. Л. 3.
33. Трудовые конфликты в Советской России. 1918-1929 гг. М.; 1998. С. 23.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 393. Л. 82; Д. 450. Л. 13; Д. 500. Л. 38-41; Д. 355. Л. 34.
35. См.: Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 20-50-е гг. М., 1996. С. 59, 325.
36. К такому выводу приводит анализ публикаций по данному вопросу в печатном органе НК Труда «Вопросы труда». См. напр.: Вопросы труда, 1926. № 7-8. С. 137-152.
37. См. например: Mclartin G. Labor s great war. The struggle for industrial devocracy and the urigins of modern American labor relation. 1912 – 1921. N. York , 1998. С.148 -149.
38. Вопросы труда; 1927. № 1. С. 114.
39. См. напр.: Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: в 2 т. Т. 2. М.,1996. Главы 4 – 6.
40. См.: Вопросы труда, 1928. № 3. С. 3 -5; № 6. С. 14 -15.
41. Вопросы труда, 1928. № 6. С. 14 -15; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 217. Л. 101.
42. Трудовые конфликты в Советской России. С. 32, 63, 314; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 217. Л. 7, 55, 78.
43. См.: Вопросы труда, 1928. № 11. С. 13 -26.
44. Там же. С. 15-18.
45. См.: СУ, 1922. № 19. С. 209.
46. Вопросы труда, 1928. № 7. С. 9.

47.См.: Рабочие Урала – Рабочим Москвы // Памятка о положении труда на Урале. М., 1930. С. 8, 12, 13.

48. См. напр.: Декрет ВЦИК и СИК от 20 сентября 1926 г., о социальном страховании сезонных рабочих. – СУ, 1926. № 62. С. 476

49. См.: СУ, 1922. № 1. С. 23; Вопросы труда, 1926. № 1. С. 16; № 4. С. 6; Астрахан Е.И. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим. С. 55, 62-63.

AUTHORITY AND LABOUR: THEORETICAL DISPUTES IN THE UPPER ECHELON OF BOLSHEVIKS ON THE WORKING QUESTION (autumn 1927)

M.A. Feldmana's article is devoted to a problem of a choice of a way of development of the USSR in 20th years of the XX century. The author has shown presence in Bolsheviks leadership of supporters of a realistic variant of modernization on the basis of the analysis of materials of anniversary release of magazine «Questions of work» from modern positions. The conclusion about root relationship of the Soviet codes about labour 1918 and 1922 with pre-revolutionary laws about labour 1912 and evolutionary development of the labour legislation in the field of a labour safety during 1914-1928 years is done. The opinion about stagnation of the state policy on the working question during 1923-1926, and also about decrease in the importance of the specified policy among priorities of party in power, since 1927 is brought in the historical literature.

M.A. Feldman

А. В. Сперанский

Церковь и власть в годы Великой Отечественной войны: возрождение религиозных традиций

История российского государства неразрывно связана с деятельностью Русской Православной Церкви. На протяжении многих столетий православная религия активно влияла на самосознание русского народа, способствовала формированию его духовности, развивала в нем чувства гражданственности и патриотизма. В годину тяжелых испытаний православное духовенство всегда было со своим народом, разделяя тяготы и беды, укрепляя моральные силы и веру. Патриотическая преемственность прослеживается от славных деяний Сергия Радонежского до наших дней. Православная Церковь была идейным вдохновителем национально–освободительной борьбы русского народа против татаро–монгольского ига, поднимала патриотические силы страны на изгнание польских и шведских интервентов в «смутные времена», внесла заметный вклад в разгром армии Наполеона в Отечественной войне 1812 г. В период Крымской войны 1853-1856 гг. русское православие в лице сестер Крестовоздвиженской общины способствовало зарождению движения милосердия, в годы первой мировой войны осуществляло совместную благотворительную деятельность с Российским обществом Красного Креста.

Великая Отечественная война стала новым этапом в истории взаимоотношений российского государства и православия. В первый же день войны Местоблюститель Патриаршего Престола

митрополит Сергий (Страгородский) обратился ко всем верующим с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал народ к объединению в борьбе с ненавистными захватчиками и выразил уверенность в окончательной победе. «Православная наша Церковь, — говорилось в «Послании», — всегда разделяла судьбу народа... Не оставит она народа своего и теперь... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу» [1].

Патриотическая позиция церковного руководства нашла полную поддержку во всех православных епархиях, благочинных округах и приходах страны. В храмах повсеместно служились молебны о даровании победы. Ежедневно за богослужением возносилась молитва «О еже подати силу неослабну, непреобориму и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших и всех хитрообразных их наветов...» Среди верующих проводился сбор средств на нужды обороны. Взносы в фонд обороны православных общин к концу 1944 г. составили более 200 млн руб., а к окончанию военных действий достигли 300 млн руб. [2]. Кроме денег, верующие собирали теплые вещи для солдат: валенки, рукавицы, носки, ватники и тому подобное.

Несмотря на патриотическую позицию, занятую Русской Православной Церковью, большевистское государство в первый период войны практически не изменило своего отношения к ней. Прекратилась лишь воинствующая антирелигиозная пропаганда, но преследования, выражавшиеся в закрытии культовых учреждений, государственной дискриминации духовенства и верующих, остались. Однако грозная опасность, нависшая над самим существованием нашего государства, необходимость всенародного единения для победы, побудили Советское правительство к изменению религиозной политики. Сталинскому режиму стало предельно ясно, что для того, чтобы выстоять в смертельной схватке с грозным врагом, необходимо мобилизовать все внутренние патриотические и антифашистские силы. Православная Церковь должна была привлекаться к этой борьбе, хотя бы потому, что по данным предвоенной переписи почти 50 % взрослого населения страны (41,6 млн чел.) несмотря на все гонения против религии продолжали считать себя православными [3].

Принципиальные изменения в церковно—государственных отношениях произошли в феврале 1943 г., когда Сталин в ответ на просьбу митрополита Сергия (Страгородского) разрешил Церкви открыть счет в государственном банке для сбора пожертвований в фонд обороны. Это решение практически вернуло Русской Православной Церкви статус юридического лица, отнятый у нее еще декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Окончательный же поворот государства лицом к религии произошел после знаменитой встречи Местоблюстителя Патриаршего Престола, Митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) и Председателя Государственного Комитета обороны, Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами СССР И. В. Сталина 4 сентября 1943 г. в Кремле. Уже через 4 дня после беседы в Кремле — 8 сентября 1943 г. состоялся Архиерейский Собор. При участии 19 архиереев, многие из которых были доставлены в Москву прямо из лагерей и ссылок, Местоблюститель Патриаршего Престола Сергий (Страгородский) был единодушно выбран Патриархом Русской Православной Церкви. Собор избрал также Священный Синод и вынес постановление, осуждающее коллаборационистов [4]. 19 сентября 1943 г. в кафедральном Богоявленском соборе состоялась интронизация Патриарха. После избрания Патриарха процесс нормализации взаимоотношений между Православной Церковью и Советским правительством получил новый импульс. 14 сентября 1943 г. И. Сталин подписал постановление «Об организации Совета по делам Русской Православной Церкви». Председателем вновь созданного государственного органа был утвержден полковник НКГБ Георгий Григорьевич Карпов [5].

Создавая Совет, сталинское руководство пыталось декларировать, что он ни в коей мере не будет выполнять руководящих и контролирующих функций по отношению к Русской Православной Церкви. Однако на практике это не соответствовало действительности. Патриарх и Священный Синод фактически не имели возможности самостоятельного решения ни одного крупного вопроса. Созыв Соборов, определение управленческой структуры Церкви, утверждение правящих архиереев,

назначение епархиальных епископов, направление в приходы священников, открытие храмов, духовных учебных заведений и многие другие вопросы должны были обязательно согласовываться с Советом и утверждаться Правительством [6].

Однако контроль над духовенством, осуществляемый при помощи Совета, на наш взгляд, нельзя рассматривать только с отрицательной стороны. Нередко государственное регулирование религиозной сферы давало позитивный эффект. Тот же Совет защищал верующих и священнослужителей от незаконных действий местных властей, выступал с инициативами перед Правительством о расширении прав Церкви, предоставлении ей тех или иных льгот. С участием Совета были подготовлены и приняты многие правительственные документы, оказавшие положительное влияние на процесс укрепления позиций Русской Православной Церкви в обществе и нормализации государственно—церковных отношений.

Огромное значение в церковной жизни приобрело подготовленное Советом по делам Русской Православной Церкви и утвержденное Правительством 28 ноября 1943 г. постановление «О порядке открытия церквей». Документ устанавливал достаточно сложную процедуру, в результате соблюдения которой впервые после антирелигиозной кампании конца 1920-30-х гг. у верующих появилась возможность восстановить деятельность некогда закрытого культового учреждения [7].

Отметим, что все шаги, направленные государством в этот период навстречу Церкви, не носили случайного характера, а являлись одобрением той патриотической позиции, которую она заняла в сложных условиях военного времени. Все мероприятия, осуществленные властью в суровые для страны годы в целях укрепления цивилизованных контактов с Русской Православной Церковью, являлись выражением позитивных изменений в ее религиозной политике [8]. Амнистия многих церковных деятелей, репрессированных в 1930-е гг., открытие культовых учреждений и духовных учебных заведений, разрешение издательской деятельности позволили к концу Великой Отечественной войны значительно улучшить положение Православия в нашей стране, что наглядно иллюстрируют приводимые ниже статистические данные:

Количественные показатели развития Русской Православной Церкви за 1941—1945 гг. [9]

Показатели	1941 год	1945 год
Количество епархий	31	58
Численность архиереев	25	61
Численность священников	6376	9254
Количество церквей	4500	10547
Количество духовных учебных заведений	0	3
Количество церковных периодических изданий	0	1

Анализ приведенных в таблице цифр показывает, что новая религиозная политика большевистского государства дала возможность Русской Православной Церкви за годы войны обеспечить почти 100 %-ный рост практически по всем основным показателям своего развития.

Невысокий по сравнению с другими показателями процент количественного роста священнослужителей среднего и низшего звена, на наш взгляд, объясняется значительными потерями в их составе, вызванными довоенными репрессиями. Быстро восстановить утрату не представлялось возможным из-за недостаточного количества духовных учебных заведений, начавших свою деятельность только со второй половины Великой Отечественной войны, и довольно длительного срока обучения в них. От-

метим также, что в сравнении с дореволюционным периодом количество православных храмов и священнослужителей к концу войны не выглядит столь внушительно и составляет соответственно лишь 13 и 14 % от уровня 1916 г. [10]. Это еще раз подтверждает то, что большевики даже в рамках «нового курса» не отказывались от целенаправленной политики по «сдерживанию религиозных чувств».

Процесс возрождения религиозной активности среди населения в годы войны имел место во всех регионах страны, в том числе и на Урале. Для контроля за его развитием государственные органы управления энергично использовали институт уполномоченных по религиозным вопросам. Он создавался параллельно с Советом по делам Русской Православной Церкви и должен был своевременно и точно реализовать его директивы на местах. Согласно Положению о Совете, утвержденному 7 октября 1943 г., в каждой союзной, автономной республике, крае или области при высшем исполнительном органе власти (Совете народных комиссаров, исполнительном комитете областного или краевого Совета депутатов трудящихся) вводилась должность уполномоченного по делам Русской Православной Церкви [11]. Подчиняясь напрямую руководству Совета, уполномоченный при согласовании с местной администрацией обязывался осуществлять наблюдение за религиозной обстановкой на вверенной ему территории. Практически все действия уполномоченного определялись специальной инструкцией, утвержденной Советом 5 февраля 1944 г. Уполномоченный, в соответствии с ней, в своей работе должен был исходить из основополагающих правительственных законодательных актов, направленных на государственное регулирование церковных отношений в стране: декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (от 23 января 1918 г.); постановления ВЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях» (от 8 апреля 1929 г.); положения «О Совете по делам Русской Православной Церкви», утвержденного СНК СССР 7 октября 1943 г.; постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей» (от 28 ноября 1943 г.). Инструкция ограничивала деятельность уполномоченного решением вопросов, связанных только с жизнью Русской Православной Церкви. Проблемы других религиозных конфессий не должны были входить в его компетенцию.

Круг обязанностей уполномоченного сводился к следующему: установление контроля за своевременным принятием к исполнению всеми местными органами власти законов и постановлений Правительства, относящихся к жизнедеятельности Русской Православной Церкви; осуществление учета всех действующих и закрытых культовых учреждений и определение возможности их использования по назначению; рассмотрение заявлений—ходатайств верующих об открытии церквей, молитвенных домов и выработка предварительного заключения для решения этих вопросов со стороны органов власти; представление в Совет по делам Русской Православной Церкви, в высшие исполнительные органы власти республики, края, области необходимой информации (поквартальных отчетов, статистических сводок) о состоянии религиозных дел на подконтрольном ему участке [12].

Как правило, подбор и расстановка кадров уполномоченных осуществлялись местными органами советской власти. На эту должность решениями республиканских правительств, краевых, областных исполкомов, назначались люди, имевшие солидный стаж работы в партийных структурах, общественных организациях, исполнительных комитетах или органах внутренних дел. Назначение и снятие уполномоченного обязательно происходило при согласовании с руководством Совета по делам Русской Православной Церкви. Уполномоченные для ведения текущих дел могли иметь в своем распоряжении небольшой аппарат сотрудников с гарантированной заработной платой, что определялось специальным постановлением СНК СССР «О штатах и должностных окладах работников аппарата уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК союзных, автономных республик, краевых и областных исполнительных комитетов», утвержденным 18 декабря 1943 г. [13].

Количество штатных единиц зависело от размера территории, численности населения, уровня его религиозности, числа действующих и недействующих церквей, наличия или отсутствия в данном регионе православной епархии и тому подобного. Как правило, уполномоченный имел зарплату около 1000 руб., а штат сотрудников его аппарата не превышал двух человек, оклады которых колебались от 250 до 300 руб. В частности, на Урале самый большой штат уполномоченного был в Мо-

лотовской области. Он насчитывал три человека: уполномоченный Совета, секретарь и машинистка. Во всех других областях и автономных республиках уральского региона (Свердловской, Челябинской, Чкаловской, Курганской областях, Башкирии и Удмуртии) должности секретаря и машинистки были совмещены, и таким образом штат уполномоченного не превышал двух единиц [14].

Назначение уполномоченных по делам Русской Православной Церкви и формирование их административного аппарата во всех регионах страны было осуществлено в январе — феврале 1944 г. В эти же сроки решился кадровый вопрос в сфере контроля за развитием церковной деятельности в областях и автономных республиках Урала. Местные органы государственной власти остановили свой выбор на надежных функционерах, имевших организационные способности и опыт работы в управленческих структурах. Уполномоченным по делам Русской Православной Церкви в Молотовской области стал Л.Смирнов, в Свердловской — Б.Смирнов, в Курганской — В.Виноградов, в Челябинской — П.Ефимов, в Чкаловской — С.Тептярев, в Удмуртии — М.Родин, В Башкирии — В.Козлов [15]. Большинство из них сохранили свои должности до самого окончания Великой Отечественной войны, добросовестно выполняя служебный долг. Некоторые даже успешно совмещали свою службу с другими ответственными постами. Так, уполномоченный по Молотовской области Л.Смирнов, наряду с основными функциями, исполнял обязанности заведующего секретным отделом облисполкома, являлся секретарем партийной организации этого исполнительного органа. Исключением из правил была лишь деятельность уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви С.Тептярева в Чкаловской области. Замеченный в принятии подношений от священнослужителей и религиозных организаций, этот «горе-организатор церковного дела» решением областного исполнительного комитета депутатов трудящихся, был отстранен от должности [16].

Подобные случаи были крайне редки в годы войны, так как деятельность уполномоченных жестко контролировалась не только местными органами власти, но и инструкторами Совета по делам Русской Православной Церкви, постоянно совершавшими инструкторские поездки в различные регионы страны. На Урале неоднократно бывал член Совета Г.Уткин, осуществляя проверку практической работы уполномоченных, деятельности церковных советов и ревизионных комиссий, проводя конкретные инструктажи на местах. Приезды инспекторов из Москвы носили не только контролирующий характер, но и должны были способствовать оказанию действенной помощи в организации работы с духовенством и верующими на местах.

Этой же цели служила созданная в годы войны кустовая система обучения уполномоченных по делам Русской Православной Церкви. Ее основой были региональные совещания, на которых определялись конкретные цели работы, происходил обмен опытом, разъяснились задачи государственной политики по отношению к религии. Совещания проводились по кустовой системе. Были организованы пять кустов по принципу территориального деления. Уполномоченные по Чкаловской области и Башкирии обязаны были участвовать в совещаниях четвертого куста, работавшего в Куйбышеве, а уполномоченные по Свердловской, Молотовской, Курганской, Челябинской областям и Удмуртии должны были повышать квалификацию в Свердловске. Первое совещание, в котором приняли участие уполномоченные всех регионов страны, состоялось в Москве 1 апреля 1944 г. В ходе его работы был заслушан доклад Г.Карпова «Русская Православная Церковь в Великой Отечественной войне и задачи Совета по делам Русской Православной Церкви», обсуждены информации с мест, определены планы по реализации государственной религиозной политики [17].

Вторая половина Великой Отечественной войны стала периодом значительного усиления религиозной активности в уральском регионе. Это объяснялось в первую очередь изменением религиозной политики государства, признавшего Церковь как социальный институт, оказывающий заметное влияние на патриотическое воспитание населения, и давшего православию возможность легального существования. Однако немаловажную роль в широком распространении религиозных настроений сыграли и сохранившиеся в душах большого количества граждан христианско—православные традиции, веками утверждавшиеся в народном сознании. Загнанные репрессиями 1920-30-х гг.,

казалось, в безвыходный тупик, они начали быстрое возрождение, как только изменилась политическая ситуация в стране и обозначились благоприятствующие условия. Нельзя также не отметить, что укреплению Церкви в значительной мере способствовало тяжелейшее положение, в котором оказалось население страны в результате войны. Гибель на фронте родных и близких, колоссальные материально-бытовые трудности порождали социальные осложнения в обществе и подталкивали значительную часть населения к поиску решения злободневных духовных проблем в сфере религии.

Период 1943-1945 гг. явился для уральского региона, пожалуй, наиболее активным в плане восстановления духовенством ранее утерянных позиций. В эти годы возобновляется деятельность православных епархий, происходит процесс открытия культовых учреждений, воссоздания приходов, церковных общин, упрочивается их общественный статус и экономический базис. К марту 1944 г. под эгидой Московской Патриархии с согласия Правительства и Совета по делам Русской Православной Церкви на Урале вновь начинается официальное функционирование четырех епархий, границы которых практически совпадали с гражданским административно—территориальным делением региона. В Молотовской области стала действовать Молотовская епархия, куда на пост Епархиального Архиерея, при согласовании с Советом по делам Русской Православной Церкви, был назначен епископ Александр (Толстопятов) с присвоением ему титула Молотовский и Соликамский. Свердловская епархия первоначально охватила две уральские области — Свердловскую и Челябинскую. Архиерейскую кафедру здесь возглавил епископ Варлаам (Пикалов), получивший титул Свердловский, по городу, где находилась его резиденция и кафедральный собор. Была восстановлена деятельность Удмуртской епархии во главе с архиепископом Сарапульским Иоанном (Братолюбовым), продолжила работу Башкирская епархия, руководимая архиепископом Уфимским Стефаном (Проценко). Только после войны официально была зарегистрирована Чкаловская епархия, хотя ее руководитель—епископ Чкаловский и Бузулукский Мануил (Лемешевский) именно в военные годы проделал огромную работу по возобновлению религиозной пропаганды в Чкаловской области, способствовал возрождению культовых учреждений, полностью закрытых в довоенный период.

Все вышеназванные уральские архиереи приступили к своим обязанностям после заключения в сталинских лагерях, попав под амнистию, связанную с изменением религиозной политики государства. Каждый из них был высокообразованным человеком, накопившим огромный профессиональный и просто житейский опыт. Епископ Свердловский Варлаам (в миру Пикалов Константин Васильевич) до уральского назначения получил высшее духовное образование в Московской духовной академии, преподавал в Новгородской семинарии, являлся помощником инспектора Казанской духовной академии, наместником Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря, настоятелем Калязинского монастыря, викарием Тульской епархии, епископом Ефремовским, Каширским, Рыбинским, Новосильским, имел сан архиепископа, полученный в 1936 г. [18]. Не менее богат был послужной список и других руководителей православных епархий Урала. Епископ Молотовский Александр (в миру Толстопятов Александр Михайлович) служил архимандритом, настоятелем ряда пермских церквей, являлся епископом Алма-Атинским [19]; архиепископ Сарапульский Иоанн (в миру Братолюбов Иван Васильевич) имел степень кандидата богословия, работал в Казанской духовной академии.

Интересно, что некоторые уральские отцы церкви имели высшее светское образование и ранее владели престижными мирскими профессиями. Так, епископ Молотовский Александр в молодости был офицером российского флота, епископ Чкаловский и Бузулукский Мануил имел высшее библиотечное образование, а возглавивший в конце войны Свердловскую епархию епископ Товия (в миру Остроумов Александр Ильич) в начале своего жизненного пути получил университетское образование и работал археологом [20].

Таким образом, высокий уровень интеллекта, отличная профессиональная подготовка, недюжинные организаторские способности давали возможность руководителям православных епархий Урала умело использовать благоприятную для Церкви ситуацию, и находя компромисс с органами

государственной власти, вести осторожную политику, направленную на реставрацию былого влияния духовенства на общество.

Эта задача во многом упрощалась вследствие лояльного отношения населения к попыткам воссоздания православных приходов, проведения церковных служб и отправления других религиозных обрядов. Важно отметить, что за период с 1943 по 1945 гг. на Урале практически не осталось ни одного крупного района, откуда бы не поступило заявление с ходатайством от верующих по поводу открытия в том или ином населенном пункте православной церкви или молитвенного дома. Причем просители часто не удовлетворялись разрешенной властями процедурой, а своими активными действиями стремились ускорить положительное решение вопроса. Во многих деревнях и селах уральского региона распространялись письма антиатеистического содержания, где подчеркивалась необходимость отправления религиозных культов, имели место призывы к верующим оказывать энергичное давление на власти с целью быстрого открытия православных храмов. Часто подобные послания содержали требование к читателю, под угрозой божьей кары, размножать текст и способствовать его дальнейшему распространению среди ближайшего окружения. Это давало возможность без значительных материальных затрат и использования технических средств охватить такого рода агитацией значительную часть населения. Классическим примером подобного эпистолярного творчества является текст письма, имевшего хождение в годы Великой Отечественной войны по населенным пунктам Чкаловской области: «Опущено письмо в Сибири. Граждане пасли скот и увидели Бога в окружении ангелов, Бог говорил: молитесь мне, скоро приду судить живых, мертвых и неверующих. Молитесь хоть один раз в сутки. Получившие это письмо, сейчас же запишите девять таких писем и их передайте другим, за что получите на девятый день награду от Бога. Не бойтесь этого, письмо пройдет весь свет. За неисполнение этого последует на девятый день Божье наказание» [21]. Повсеместным явлением стали на Урале посещения церковными активистами домов граждан с просьбами принять участие в организации приходской общины, составлении ходатайства об открытии храма, ремонте помещения церкви и тому подобного. Бывали случаи, когда религиозные чувства, долгое время подавляемые господствующей в стране атеистической идеологией, адекватно реагируя на изменение ситуации, выплескивались в массовые шествия, коллективное отправление тех или иных церковных обрядов.

Характерной чертой усиления религиозной активности населения стали групповые церемонии, связанные с «обновлением икон», крестные хода, общие моления у «святых источников». Обрядовые действия по «обновлению икон» неоднократно совершались в Троицком, Полтавском, Агаповском, Нязе–Петровском, Верхне–Уральском, Чесменском районах Челябинской области [22]. По свидетельствам уполномоченных по делам Русской Православной Церкви подобные ритуалы имели место в Чкаловской и других областях региона [23]. Крестные ходы с иконами и песнопениями по поводу различных церковных событий и праздников состоялись в Мостовском, Чашинском районах Курганской области, в Верхне–Тавдинском районе Свердловской области. В Гафурийском районе Башкирии постоянно организовывались массовые моления у источника «явленной иконы Табынской божьей Матери», в которых принимали участие не только местные жители, но и верующие, специально приезжавшие из других областей [24].

Православная Церковь, естественно, стремилась максимально использовать этот «религиозный бум» в целях расширения своего влияния на население. Внимание священников и исполнительных церковных органов было сосредоточено в первую очередь на поддержании и развитии той атмосферы, которая сложилась в обществе. Священнослужители являлись инициаторами ходатайств к органам власти, содержащих просьбы об открытии культовых учреждений, о разрешении проводить церковные обряды и ритуалы. Они вели среди жителей региона антиатеистическую пропаганду: читали молитвы и проповеди, свершали религиозные требы на дому.

Настоятели действующих храмов обращали особое внимание на их внешний вид, стремились обеспечить в них порядок, строгость и уют. Принимались меры, чтобы богослужения проводились с

пышностью и торжеством. При этом серьезный акцент делался на эстетическое восприятие верующими происходящего в храме. Важное значение придавалось организации церковных хоров. Их регенты вели тщательный отбор солистов, устраивали систематические спевки. На содержание хора тратились большие по тем временам деньги. Так, хоровое обеспечение служб, проводившихся в Рождественской церкви Челябинска стоило 12-15 тыс. руб. в месяц [25]. Однако это не смущало уральское духовенство. Посещаемость православных церквей росла, а ежедневные службы, требы, совершаемые в храме, личные пожертвования прихожан приносили достаточно стабильные доходы. Во второй половине Великой Отечественной войны ни одна городская церковь, действующая на Урале, не испытывала серьезных экономических затруднений. Уже упомянутая Рождественская церковь в Челябинске при 1100 зарегистрированных прихожанах за период с 1943 по 1945 гг. имела денежный доход 1 млн 202 тыс. 937 руб. [26]. Православные храмы, действовавшие в четырех крупнейших городах Южного Урала: Челябинске, Магнитогорске, Златоусте и Троицке, при общем числе верующих в 4750 чел. располагали в годы войны суммой 4 млн 341 тыс. 963 руб. Конечно, количество прихожан и прибыль этих церквей были различны, но в целом каждая из них могла полностью обеспечивать себя церковной утварью, осуществлять ремонтно—реставрационные работы, содержать певчих, выплачивать жалованье священнослужителям, делать взносы в фонд обороны.

Количество прихожан и доходы 8 основных городских церквей Челябинской области за 1944—1945 гг. [27]

Город	Название церкви	Количество прихожан	Денежный доход (руб.)
Челябинск	Рождественская	1100	1202937
	Семеновская	400	632297
Магнитогорск	Михаила Архангела	500	352490
	Никольская	700	556449
Златоуст	Троицкая	550	601396
	Семеновская	450	205308
Троицк	Александра Невского	600	577294
	Дмитровская	450	213792
ВСЕГО	8	4750	4341963

Экономическое положение православных церквей, функционировавших в сельской местности Урала, было значительно хуже, что объяснялось малочисленностью и малообеспеченностью верующих, проживавших в деревнях и селах. Денежные доходы этих храмов были крайне скудны, что нередко приводило к созданию условий, не способствующих нормальной церковной жизни. Священнослужители, поставленные в крайне затруднительное материально—бытовое положение, обращались к руководству уральских епархий с просьбами перевода в приходы городов и рабочих поселков и часто добивались удовлетворения. Это порождало тенденцию текучести кадров и тормозило процесс возрождения религиозных традиций в уральской деревне. Нередки были случаи, когда и после официального разрешения властей храм не мог вступить в действие из-за отсутствия настоятеля. К примеру, в селе Великопетровском Полтавского района Челябинской области зарегистрированная административными органами церковь не могла возобновить службы по названной причине более полугода [28]. Даже в крупных селах церковные доходы от служб, треб и взносов прихожан не могли идти ни в какое сравнение с доходами городских православных храмов. В частности, дохо-

ды Вознесенской церкви с. Чудиново, имевшей 50 прихожан, за 1944–1945 гг. составили всего 25,9 тыс.руб.; Ивановской церкви с. Медведево (70 прихожан) — 54,6 тыс. руб.; Никольской церкви с. Юго–Кочево (60 прихожан) — 76,6 тыс. руб. [29].

Стремление православного духовенства максимально использовать изменившуюся по отношению к религии государственную политику иногда приводило к превышению предоставленных им государством прав, что незамедлительно порождало негативную реакцию властей. Наиболее распространенным нарушением существующего законодательства было начало деятельности священнослужителей без соответствующей санкции местных органов управления. Так, епископ Молотовской епархии Александр (Толстопятов) в 1944 г. несколько раз своими распоряжениями направлял в приходы священников, но их деятельность пресекалась администрацией как незаконная несмотря на готовность храмов и желание паствы принять настоятеля. Епархиальному архиерею указывалось, что открытие церкви и начало служб возможно только после положительного решения Правительства и официальной регистрации культового учреждения, священнослужителя и приходской общины в соответствующих органах. По этой причине уполномоченный по делам Русской Православной Церкви по Молотовской области запретил церковную деятельность в селах Числа Ныгвинского района, Спас–Барда Кишертского района и Ныроб Чердынского района [30].

В Курганской области имели место факты, когда прибывшие в села священники предъявляли справки о своем назначении, подписанные высшими духовными лицами Московской Патриархии. В частности, в селах Косулино и Костылево настоятели Троицкой и Вознесенской церквей Николай Щербина и Иаков Костоломов показывали документы за подписью Святейшего Патриарха Сергия, а в селе Ключики служителем культа Николаем Задориным были предъявлены бумаги, заверенные митрополитом Киевским Николаем. Во всех случаях церковная деятельность этих духовных пастырей вызывала сопротивление властных структур и в конечном итоге ставилась вне закона [31].

Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей» из-за сложности и громоздкости процедурного процесса вызывало стихийное недовольство во всех областях и автономных республиках уральского региона. Открытие церквей без государственной санкции, начало религиозной деятельности священников, не прошедших регистрацию в местной администрации, наблюдалось на Среднем и Южном Урале, в Оренбуржье, Башкирии и Удмуртии. Даже после оперативного вмешательства властей, направленного на пресечение подобных действий, требы и службы продолжали совершаться духовными лицами нелегально, в домах и на квартирах верующих.

На Среднем Урале церковные обряды на дому отправлялись священниками в городах Ревде, Верхотурье, в рабочем поселке Нейво–Рудянка, селах Кургановском и Никольском [32]. В Оренбуржье «незаконные» ритуальные действия были отмечены в селах Сорочинск, Троицк, Саракташ и Красный холм [33], в Зауралье — в селах Иковском, Черемухово, Чаши, деревнях Широково и Шмаково. На Южном Урале нелегальные религиозные обряды достаточно часто свершались в населенных пунктах Троицкого, Агаповского, Верхнеуральского районов, в Магнитогорске и Златоусте. В Башкирии наиболее активно велась церковная пропаганда не взятыми на учет органами власти лицами духовного звания в селах Табынске и Красноусольском. Не подконтрольные властям вспышки религиозной активности имели место также в селах Бирского, Белебеевского, Белорецкого и Гафурийского районов [34].

Особо подчеркнем, что зачастую нелегальные обряды и ритуалы, совершаемые на частных квартирах, противоречили не только административным установкам властей, но и кардинально расходились с каноническими положениями Патриаршей Церкви, официально признанной государством. Имелись случаи собраний старообрядцев, на которых различные старцы и старицы свершали религиозные обряды, не соответствующие церковным нормам Московской Патриархии. Так, в Курганской области старообрядческие моления проводились в селе Ключики Куртамышского района на дому у крестьянина Анания Копылова. Староверы имели влияние на население в Тихоновке, Каргаполье и в ряде других населенных пунктах Зауралья [35].

На Урале в годы Великой Отечественной войны в городах и сельской местности наблюдалась также активизация деятельности обновленцев, григорианцев, непоминающих и других представителей раскола, стремившихся, как и все, использовать благоприятную обстановку для упрочения собственных позиций. Представители этих антипатриарших направлений, наряду с пропагандой своих религиозных учений, нередко склонялись к открытым призывам не признавать ставленников Московской Патриархии, саботировать мероприятия, направленные на урегулирование государственно—церковных отношений. К примеру, прибывший в январе 1944 г. в Чкалов из мест заключения обновленческий епископ Серафим (в миру Позднев Михаил Алексеевич) объявил себя епархиальным архиереем, разъезжал по городам и селам Чкаловской области, где вел с населением «разъяснительные беседы», в которых требовал не признавать «большевистского Патриарха» и просил верующих не поддаваться «хитрости религиозной реформы советской власти» [36].

Подобные пропагандистские вояжи представителей церковного раскола не были единичными случаями и регистрировались компетентными органами практически во всех областях и автономных республиках уральского региона. Они, отнюдь, не носили безобидного характера, а сеяли зерна серьезного недоверия к проводимой с конца 1943 г. в стране новой религиозной политике, порой вызывая ее активное неприятие со стороны части верующих. Неверие в то, что советская власть повернулась лицом к Русской Православной Церкви, порождало различного рода разговоры, слухи и недомолвки. В той же Чкаловской области уполномоченный по делам Русской Православной Церкви в своих донесениях вышестоящему начальству регулярно фиксировал подобные казусы. Так, в отчете, датированном 1 июня 1944 г. дословно приводятся слова жителя Чкалова И. Тарасова: «Правительство ласково приняло духовных лиц и в то же время не открывает обещанные церкви». В этом же документе цитируются высказывания «активных церковников» Шевцова, Львова, Голышева, Баканова, сводящиеся к следующему: «Товарищ Сталин внимательно отнесся к верующим, а местные власти — Горсовет, Облисполком тормозят открытие церквей под различными предлогами, водя нас за нос.» В рапорте уполномоченного отмечены и более категорические суждения, высказанные рядом духовных лиц, занимавшихся в агитационно—пропагандистских целях хождениями по деревням и селам: «У власти сидят большевики, они не верят в Бога, поговорят, поговорят, пообещают, а церкви все-таки не откроют. Это обман» [37].

Подобные факты имели место в Курганской области. Так, в селе Суертском под влиянием бывшей попадьи Херувимовой группа верующих попыталась самовольно, без разрешения властей, открыть православную церковь. Когда же местная администрация воспрепятствовала этому, ссылаясь на постановление Правительства «О порядке открытия церквей», в селе возникли волнения, сопровождаемые слухами: «Церковь готова, а не открывают, опять обман, нельзя верить нынешней власти» [38]. Судя по отчетам уполномоченных по делам Русской Православной Церкви, такого рода беспорядки в 1944 г. происходили также в Свердловской, Молотовской, Челябинской областях, в Башкирской и Удмуртской автономных республиках.

Иногда недовольство верующих, переходящее в активное давление на местные органы управления, имело временный успех. Так, в Молотовской области исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся Ворошиловского, Юго-Осокинского, Кунгурского, Кишертского районов давали разрешение на открытие церквей в том или ином населенном пункте. Но в конечном итоге, вмешивался уполномоченный по делам Русской Православной Церкви и ссылаясь на решение Правительства, доказывал незаконность действий местных администраций, добиваясь от Облисполкома отмены их постановлений [39]. В подавляющем же большинстве случаев местные органы власти старались или строго придерживаться буквы закона, отправляя ходатайство верующих через все бюрократические круги, или по инерции продолжали применять меры, не допускающие возрождения религиозных традиций на вверенных им территориях.

На первом этапе войны несмотря на лояльность и патриотизм, проявленные Русской Православной Церковью, местные власти, не получив конкретных указаний из центра о смягчении поли-

тики по отношению к духовенству, продолжали закрывать культовые учреждения (только по Свердловской области во второй половине 1941 г. было закрыто 22 православных храма) [40]. Когда же, после встречи И.В.Сталина с высшим церковным руководством в конце 1943 г., все необходимые директивы были получены, местные чиновники, опасаясь скорой отмены указаний сверху, не стали проявлять особой поспешности при их открытии. Не отказывая верующим в реализации их законных прав, обозначенных в постановлениях Правительства, местные структуры власти стремились как можно дольше затянуть решение вопроса, тем более, что противоречивость пунктов правительственных документов предоставляла для этого самые широкие возможности.

По постановлению СНК СССР «О порядке открытия церквей» ходатайство верующих принималось к рассмотрению местных органов власти, которые после тщательной проверки должны были сделать соответствующее заключение о возможности или невозможности возобновления деятельности культового учреждения. Сроки подготовительно—проверочной работы администрации документ не определял. Это давало административным органам управления хороший шанс при желании задерживать решение вопроса практически на неограниченный период времени. Задержка могла осуществляться как на уровне районных и городских Советов, так и в областных органах власти. Приняв дело к рассмотрению, местные органы имели также широкий спектр возможностей официально отказать просителям. Причины отказа могли быть разнообразными, но самым веским поводом считалось отсутствие подходящего для свершения религиозных ритуалов помещения. Церкви, занятые под культурно-просветительские учреждения (школы, библиотеки, клубы, кинотеатры), бытовые организации (магазины, прачечные), производственные цеха оборонного направления, воинские объекты, возвращать приходским общинам строго запрещалось. Не используемые государством бывшие церковные помещения, как правило, находились в аварийном состоянии, что тоже являлось веским аргументом для отказа. Отклонение ходатайства могло произойти из-за неправильного оформления необходимых документов. Уполномоченные по делам Русской Православной Церкви вынуждались вышестоящим руководством к выполнению нелепых требований по соблюдению секретности документации. Поэтому во всех регионах страны постановление Правительства «О порядке открытия церквей» доводилось до духовенства и верующих только на основе «устных разъяснений». По этой причине очень часто все необходимые для возобновления деятельности храма бумаги оформлялись не в соответствии с установленными правилами и, естественно, не принимались к рассмотрению [41].

Кроме того, власти отказывали в просьбе, ссылаясь на недостаточное количество верующих или на наличие на вверенной им территории уже действующей церкви. Так, Свердловский облисполком не разрешил открыть церковь в селе Волчово Каменского района, мотивируя отказ тем, что «заявители не отражают настроения большинства населения района» [42]. Пытаясь найти различные поводы и предлоги для отклонения ходатайств верующих, местные власти просто стремились реализовать на практике негласную установку Москвы о положительном решении не более 20 % заявлений [43]. В итоге, не трудно представить, что из огромного количества заявлений, обрушившегося на власти с конца 1943 г., большинство отклонялось на месте и только незначительная часть направлялась на рассмотрение Совета по делам Русской Православной Церкви и окончательное утверждение Правительства, что, кстати, также не гарантировало их положительного решения.

По Молотовской области из 249 заявлений от верующих с просьбой об открытии православного храма, поданных в период с 1944 по 1945 гг., 178 были отклонены на региональном уровне, а из 71 ходатайства, отправленного на утверждение в Москву, положительное решение было вынесено только по 32 прошениям [44]. Верующие поселка Чермоз и села Паль, преодолевая все бюрократические препоны, дважды добивались рассмотрения своего ходатайства в Совете по делам Русской Православной Церкви. Просьба жителей Чермоза, рассмотренная 22 мая 1944 г., не была удовлетворена, так как помещение часовни, где предполагалось открыть церковь, по заключению местной администрации, находилось в аварийном состоянии. Однако верующие своими силами отремонтировали здание и,

проявив настойчивость, через год (28 апреля 1945 г.) сумели добиться положительного решения. Менее удачливы оказались прихожане церкви, расположенной в селе Паль. Пробившись через сопротивление местных властей, они, тем не менее, дважды получили отказ в центральных органах по причине занятости помещения храма складом организации «Заготзерно» [45].

Большие трудности при разрешении проблем, связанных с открытием культовых учреждений, испытывали духовенство и верующие Свердловской области. За период с 1944 по 1945 гг. на Среднем Урале в административные органы было подано 116 заявлений, из них 108 получили отказ и лишь 8 направились в Совет по делам Русской Православной Церкви, который удовлетворил только 5 из них [46].

Отметим, что в Свердловской области возобновление деятельности православных храмов имело место и до создания Совета по делам Русской Православной Церкви и института его уполномоченных на местах. Так, в 1942 г. был вновь открыт для посещений верующими храм Иоанна Предтечи в Свердловске. В 1943 г. начались службы в церквях Невьянска, сел Березовка, Черноисточник, Балакино, Сылва. Культовые учреждения, работавшие до выхода в свет постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей» (от 28 ноября 1943 г.), автоматически регистрировались уполномоченными, и их прихожанам не нужно было подавать ходатайства и ждать разрешения властей на проведение религиозных ритуалов и обрядов. Таким образом, за годы Великой Отечественной войны в Свердловской области вновь начали действовать 11 храмов Русской Православной Церкви [47].

В Челябинской области за период с 1944 по 1945 гг. верующие подали в местные органы власти 109 прошений об открытии церквей или молитвенных домов. Строгий подход государственных чиновников к решению этих вопросов подтверждается тем, что 85 просьб были отклонены. Однако заметим, что все 24 заявления, отправленные на рассмотрение центральных органов, были тщательно подготовлены и, в отличие от подобных петиций из Молотовской и Свердловской областей, не получили ни одного отказа [48]. На заседании Совета по делам Русской Православной Церкви была поставлена под сомнение лишь возможность открытия храма в г. Катав-Ивановске из-за тяжбы между прихожанами патриаршей ориентации и старообрядцами. В конечном итоге проблема была разрешена в пользу верующих, признавших главенство Московской Патриархии. После отказа, вынесенного 23 марта 1944 г., при повторном рассмотрении вопроса 22 мая 1944 г. было решено открыть православную церковь патриаршей ориентации [49]. Заявления из других населенных пунктов Южного Урала возражений не вызывали.

В Чкаловской области за период 1944—1945 гг. в исполнительных органах власти было рассмотрено 85 заявлений духовенства и верующих с просьбами разрешить деятельность православных храмов. 54 ходатайства не получили поддержки местных чиновников, 23 — отклонили на уровне Правительства и Совета по делам Русской Православной Церкви и только 8 населенных пунктов Оренбуржья получили право возобновить работу культовых учреждений [50]. Доля направления местными органами власти прошений в вышестоящие инстанции была велика — 27,1 %, однако обоснованность этих петиций в большинстве случаев не находила подтверждения в Москве.

Правительство отклонило 74,2 % всех заявлений, направленных в его адрес, причем в отношении верующих областного центра сделало это четыре раза из пяти. Было получено разрешение на возобновление деятельности только Никольского собора, тогда как ходатайства об открытии Дмитриевской церкви, храма в поселке Красная горка и двух молитвенных домов власти оставили без внимания. Неудачей закончились и попытки верующих г. Орска. Их заявление дважды рассматривалось в Совете по делам Русской Православной Церкви и в обоих случаях не имело положительного решения, так как помещение храма было передано областному отделу народного образования. Более благосклонной была фортуна к прихожанам Бузулука, которые, получив отказ, сумели все-таки со второй попытки добиться санкции на открытие в их городе культового учреждения [51].

Со второй половины Великой Отечественной войны религиозная активность населения очень рельефно проявилась в Курганской области. Начиная с 1944 года до конца военных действий веру-

ющие Зауралья 107 раз обращались к местному начальству с просьбами разрешить деятельность православных церквей. Анализ рассмотрения властями ходатайства показывает, что руководители вновь созданной области чрезвычайно осторожно подходили к решению этой проблемы. На уровне Курганского облисполкома было отклонено 100 прошений и только 7 с положительными заключениями направились в Москву для окончательного решения своей участи [52]. Правительство не менее строго оценило возможности открытия православных культовых учреждений в Зауралье, приняв положительное решение только по одному заявлению. Нельзя не упомянуть о том, что в апреле 1942 г. в Куртамыше была открыта Петро–Павловская церковь. В феврале 1943 г. этот город, первоначально входивший в Челябинскую область, был включен в состав Курганской области. Таким образом, к концу Великой Отечественной войны на Курганщине официально действовало два православных храма [53].

Наряду с уральскими областями, усиление религиозной инициативы наблюдалось и в автономных республиках региона. Заметим, что тяга населения к христианскому вероучению особенно ярко проявилась в 1944 г. За этот период времени жители Башкирии направили в адрес своего руководства 105 заявлений, в которых ходатайствовали об открытии православных церквей. Правительство республики удовлетворило лишь 15 прошений, направив все необходимые документы в центральные органы управления [54]. Совет народных комиссаров СССР, по заключению Совета по делам Русской Православной Церкви, счет возможным открыть на территории Башкирии только 7 православных культовых учреждения, наложив отрицательную резолюцию на 8 петиций.

В Удмуртской автономной республике за 1944 г. правительство рассмотрело 45 заявлений верующих с просьбами об открытии православных церквей, 35 из которых по различным причинам не получили положительного решения [55]. Из 10 ходатайств, направленных в центральные органы, было удовлетворено только 2. Подчеркнем, что две церкви — в селе Перевозное и г. Воткинске возобновили религиозную деятельность соответственно в марте и мае 1943 г. и были автоматически зарегистрированы республиканским уполномоченным без повторной санкции властей [56]. Таким образом, в период с начала войны до конца 1944 г. в Удмуртии начали работу 4 православных храма.

Если подвести некоторые итоги процесса открытия православных храмов в уральском регионе за период Великой Отечественной войны, то складывается достаточно противоречивая картина. Конечно, в целом эта тенденция носила позитивный характер и позволила увеличить количество церквей и молитвенных домов к концу 1945 г. по сравнению с июнем 1941 г. на 157 %. С одной стороны, приведенная цифра может рассматриваться как яркая иллюстрация лояльности властей к религии и усиления влияния Русской Православной Церкви на население Урала. Однако, с другой стороны, подсчет процента поданных заявлений верующих с просьбами об открытии культовых учреждений и удовлетворения ходатайств органами власти позволяет сделать категоричный вывод о том, что государственные структуры управления с явной неохотой шли навстречу желаниям жителей региона и, на наш взгляд, старались под различными предлогами основательно притормозить ход событий. За период с 1944 по 1945 гг. верующими пяти областей и двух автономных республик Урала в адрес местных и центральных властей было направлено, по неполным данным, 816 заявлений с просьбами об открытии церквей, 737 из них, то есть 90,3 % были отклонены, причем, 650 заявлений (79,7 %) не получили положительной резолюции уже на областном или на республиканском уровне. Из 2448 православных храмов, закрытых большевиками на Урале в довоенный период, в годы войны возобновили свою деятельность только 88, что составило всего 3,6 %. 2304 церкви (94,1 %) по-прежнему несли на себе печать осквернения, были заняты под хозяйственные нужды или находились в заброшенном состоянии, подвергаясь сильнейшему разрушению. Отметим, что политика «сдерживания религиозных чувств» была характерна для органов власти всех административно-территориальных единиц уральского региона.

Даже после разрешения Правительства и Совета по делам Русской Православной Церкви в некоторых населенных пунктах уральского региона городские и районные власти не торопились с

открытием культовых учреждений. Так, в Чкалове администрация официально зарегистрировала Никольский собор, но помещение храма, в котором располагался государственный архив, не освободила. В результате верующие для проведения служб вынуждены были арендовать частный дом. Подобная картина наблюдалась в Коркино Челябинской области, где местное начальство, в нарушение распоряжений центральных органов управления, отказывались освободить помещение церкви, ссылаясь на трудные условия военного времени [57].

Завершая анализ «новой религиозной политики» большевистского государства в годы Великой Отечественной войны, еще раз отметим, что тяжелые годы испытаний обозначили реальную возможность компромисса. Церковь и власть нашли приемлемые точки соприкосновения, продемонстрировав целый ряд практических шагов взаимовыгодного сотрудничества. Сталинскому режиму важно было нормализовать отношения с Церковью, чтобы обеспечить морально—политическое единство народа и не допустить использование Церкви в качестве «пятой колонны» в тылу, на что наши враги делали серьезную ставку. Стремление власти использовать религию в борьбе с захватчиками еще более усилилось после того, как Церковь сама сделала окончательный выбор, твердо и бесповоротно, как и сотни лет назад, подняв голос в защиту Родины и вместе с народом направив все свои усилия на победу над врагом. Проявив искренний патриотизм, Церковь стала играть заметную роль в процессе консолидации всех сил страны на отпор агрессору. Вполне естественно, что государство стремилось не только использовать религиозный потенциал общества в оборонно—мобилизационных целях, но и сдерживать церковную активность в четко определенных рамках дозволенного. Большевики, в этот переломный для истории страны момент нуждались в поддержке со стороны Церкви, но такой Церкви, которая проявляла бы минимум самостоятельности и максимум исполнительности по отношению к государственным директивам. В условиях войны режим хотел видеть в религии не гонимую оппозиционную силу, а лояльный к власти, мощный источник патриотической мобилизации масс, поставленный под тотальный контроль светских органов управления. Большевистское государство, пытаясь удержать свои позиции в обществе, используя для этого все методы физического, духовного, идеологического, социального насилия, тем не менее было способно в нужный момент проявить политическую гибкость. Оно могло поддержать любую, даже противоречащую собственной доктрине концепцию, при условии полного контроля над ее практической реализацией в жизнь и уверенности в том, что это будет способствовать укреплению его власти. Феномен потепления взаимоотношений Церкви и власти в годы Великой Отечественной войны как раз и являлся ярким подтверждением желания государственных структур использовать усилившуюся популярность Церкви в целях упрочения собственного положения.

Либерализация государственной политики по отношению к религии обусловливалась, по всей вероятности, еще и тем, что сталинский режим стремился найти аргументацию, способную ослабить моральные страдания людей, вызванные потерей близких и материальными лишениями в военные годы. Церковь, с ее принципами человеколюбия и сострадания, как нельзя кстати, могла пригодиться государству и взять на себя большую долю реабилитационной работы с людьми, пострадавшими в горниле военных испытаний.

Немаловажное значение, очевидно, имел и тот факт, что государство, стараясь прибегнуть к услугам Церкви ради достижения конкретных целей, считало необходимым установить всеобъемлющий контроль за мыслями, настроениями и действиями духовенства и верующих, что значительно легче было осуществить при легализации Церкви, чем при ее запрете. Важную роль в политике компромисса играл и международный аспект. Со второй половины Великой Отечественной войны, когда стало ясно, что Советский Союз нанесет Германии поражение, сталинское руководство начинает строить планы, предполагавшие установление советской гегемонии на международной арене. В этой политической стратегии особое место отводилось Русской Православной Церкви, имевшей паству во многих странах. Влияние русского православия, по мнению московских вождей, должно было облегчить утверждение советского диктата за пределами своих границ. Далеко идущие намерения Сталина и его команды предполагали превратить Московскую Патриархию в центр между-

народного православия, своеобразный «православный Ватикан», путем объединения вокруг нее всех автокефальных, независимых друг от друга Православных Церквей.

Таким образом, мы видим, что поворот государственных структур к либерализационной политике по отношению к Церкви являлся четко спланированным политическим маневром, целью которого было не уничтожение, как раньше, религиозных предрассудков, а полное подчинение церковного института интересам внутренней и внешней политике государства. Важно подчеркнуть, что и Церковь в годы войны пошла навстречу государственным экспериментам в области религии, стараясь извлечь максимальную выгоду из смены державных приоритетов. Пусть небольшие, но все-таки уступки со стороны государства давали Церкви надежду на сохранение своего института в обществе, а при благоприятном стечении обстоятельств и на возрождение всего того, что было утрачено. Политика государственного контроля за религией была для Церкви конечно терпимее, чем политика ее тотального искоренения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 17; Русская Православная Церковь. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 4; Kolarz W. Religion in the Soviet Union. London, 1961. P. 59.
2. Журнал Московской Патриархии. 1944. № 11. С. 11; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 29.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М. 1991. С. 106-115.
4. Цыпин В. История Русской Православной Церкви.М.,1994. С. 121, 122, 124.
5. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
6. Там же. Д. 2. Л. 55.
7. Там же. Д. 1. Л. 26, 27.
8. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 50, 53; Цыпин В. История Русской Православной Церкви... С. 138-140; Fletcher W. A study in Survival (The Churche in Russia 1927-1943). London, 1965. P. 98.
9. Таблица 27 составлена автором по архивным и опубликованным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л 18, 37; Д. 4. Л. 1, 1 об, 2, 2 об, 3, 5, 6, 24, 28; Д. 32. Л. 4, 4 об. 5; Васильева О. Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны: Дис. ...канд. ист. наук. М., 1990. С 42; Цыпин В. История Русской Православной Церкви... С. 108.
10. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 24; Васильева О. Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны... С. 18.
11. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 12.
12. Там же. Д. 2. Л. 11; Д. 1. Л. 12; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.
13. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 29; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.
14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 30-32.
15. Там же. Д. 32. Л. 23, 24; ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
16. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2, Д. 35. Л. 60.
17. Там же. Д. 2. Л. 48, 48 об.
18. Там же. Д. 4. Л. 5, 2, 2 об, 3, 22, 34, 36, 37.
19. Нечаев Г. М. Пермская епархия в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 109.
20. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 2, 3, 36, 37.
21. Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 28; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 2.
22. Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 18, 18 об.
23. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 2.
24. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 67, 159, 119.

25. ГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4479-а. Л. 61.
26. Там же. Л. 37, 38.
27. Таблица 28 составлена и подсчитана автором по архивным материалам: ГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4479-а. Л. 37, 38.
28. Чумаченко Т. А. Новая религиозная политика советского правительства: положение в уральской деревне в 1940-е гг. // Летопись уральских деревень. Екатеринбург, 1995. С. 211.
29. ГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4479-а. Л. 37-38.
30. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 15. Л. 24.
31. Там же. Д. 13. Л. 159.
32. Там же. Л. 59, 74.
33. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 14.
34. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 18, 18 об, 159; Д. 15. Л. 112, 113, 119.
35. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 159.
36. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 14.
37. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 31; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 4, 5.
38. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 160.
39. Там же. Д. 15. Л. 25.
40. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 14. Л. 27, 28.
41. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 8. Л. 11.
42. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5309. Л. 29.
43. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 25, 26.
44. Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 80 об, 81, 122, 129, 143, 149, 154, 158 об; Д. 15. Л. 24; Д. 25. Л. 72-90; ГАПО. Ф. Р-1205. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-14.
45. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 68; Д. 25. Л. 80; Д. 2. Л. 80, 80 об, 158 об.
46. Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 122; Д. 13. Л. 58, 67, 73; Д. 27. Л. 86-88; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 17. Л. 50, 51; Д. 19. Л. 263-265.
47. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 83, 84; Д. 27. Л. 86-89.
48. Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2, Д. 13. Л. 18, 18 об, 22; ГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4479-а. Л. 39. Д. 28. Л. 103-121.
49. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 28. Л. 104; Д. 2. Л. 59.
50. Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 105 об, 121 об, 136 об, 158 об; Д. 13. Л. 27, 28, 32, 34; Д. 28. Л. 137-142; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 13, 16.
51. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 105 об. 121 об, 136 об. 158 об; Д. 28 Л. 137, 139; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. Л. 2.
52. Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 136 об, 143 об, 154; Д. 13. Л. 158; Д. 25. Л. 14, 15; ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-10.
53. ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 4, 26; Д. 2. Л. 2-10.
54. Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ, Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 96, 96 об, 98 об, 122, 152 об, 153, 154 об; Д. 15. Л. 113, 115-117.
55. Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 95, 103 об, 104, 136 об, 150 об; Д. 15. Л. 130, 134.
56. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 15. Л. 137, 137 об.
57. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 22, 31.

CHURCH AND AUTHORITY WITHIN THE GREAT PATRIOTIC WAR: REVIVAL OF RELIGIOUS TRADITIONS

Transformation of interrelations of the state and church within the Great Patriotic war: transition from total eradication to a policy of the state control over religion is analysed in the article. The basic motives by which thus Bolshevik leadership was guided, – maintenance of moral and political unity of people and blocking of an opportunity use of church as «the fifth column» in rear are revealed. The role of church in a process of consolidation of all forces of the country for repulse to an aggressor is highly estimated. The author considers turn of Bolshevik leadership to the liberal policy toward church as precisely planned political maneuver with the purpose of full submission of church institutes to interests internal and foreign policy of the state.

A.V. Speranskiy

О. Л. Лейбович

Власть и советская интеллигенция

(молотовские медики в политической кампании 1947 г.)

Суд чести над профессорами Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскиным, состоявшийся 5 — 6 июня 1947 г. в Москве, положил начало политической кампании, имевшей своей целью опорочить и, в конечном счете, разорвать все связи между отечественными и зарубежными научными учреждениями. Ее организаторы намеревались *проучить* академическую и вузовскую интеллигенцию, не утратившую былого представления о корпоративной солидарности и профессиональной этике[1].

Ретроспективный взгляд на эту кампанию позволяет обнаружить в ней одно из звеньев в длинной цепи мобилизационных акций, при помощи которых сталинское руководство стремилось заново интегрировать общество, восстановить в полной мере социалистические институты, поколебленные войной. По замечанию лысьвенского партийца Карпова, «За время войны разболтались, забыли бдительность, забыли убийство С.М. Кирова. Сейчас надо крепко поработать, чтобы навести порядок в партийном доме» [2].

Власть намеревалась покончить с пережиточными формами социальной и культурной автономии людей науки в советском унифицированном обществе при помощи нового идеологического инструмента. Речь шла о советском патриотизме, означавшем на языке официальной пропаганды «... беспощадную борьбу ... против раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной и чуждого советскому народу буржуазного космополитизма»

Внедрение советского патриотизма в такой редакции в сознание всех без исключения слоев населения Советского Союза являлось стратегической задачей первой *идеологической пятилетки*. Такой статус присвоил новой политике один из ее вдохновителей и организаторов А.А. Жданов[3].

Политические кампании сталинской эпохи представляли собой зрелищные акции, выстроенные по законам театра и выдержанные в духе классицизма с его назидательностью, патетикой, сюжетной последовательностью, языковым каноном и строгим распределением ролей[4]. От спектаклей XVIII столетия их отличало отсутствие дистанции между сценой и зрительным залом. Профессиональная

игра на публику дополнялась самодеятельными выступлениями политических профанов. Основное действо, разыгранное на столичных подмостках, воспроизводилось затем на митингах и собраниях, пленумах и заседаниях, конференциях и активах в городах и рабочих поселках, на фермах и в колхозных клубах. В зависимости от замысла организаторов варьировались формы публичности, количество участников и их состав. Вопрос состоял в том, какие группы населения предполагалось *встряхнуть*, иначе говоря, вырвать из структур повседневности, поставить перед необходимостью сменить модели поведения, разорвать или ослабить институциональные связи, ввергнуть в состояние социального хаоса. Одни политические темы полагалось обсуждать в закрытых собраниях. Другие — в обстановке полной гласности. Функционировал многоступенчатый механизм вовлечения населения в политическую кампанию. Предусматривалось дозирование информации в зависимости от социального и политического статуса участников. Рядовые участники должны были действовать в соответствии с заданным каноном, озвучивать написанные роли. На практике, однако, политические статисты далеко не всегда действовали в соответствии с режиссерским замыслом; они вносили в кампанию личные, партикулярные моменты: на свой лад перелицовывали сюжет, придумывали реплики, не обращали внимания на полутона, пропускали сюжетные повороты, огрубляли фабулу, вносили изменения в список действующих лиц. Не стала исключением из этого правила и кампания 1947 г.

В закрытом письме ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Клюевой и Роскина» все персонажи политической кампании были расставлены в надлежащем порядке. Каждый из них символизировал разные проявления осуждаемого зла. Главные персонажи — упомянутые в заголовке ученые — это *сомнительные граждане СССР*, лишенные патриотического чувства. «Их обвиняли в том, что движимые тщеславием, честолюбием и преклонением перед Западом, они поторопились сообщить о своем открытии на весь мир» [5]. Только что снятый с должности министр здравоохранения СССР — Митерев — *деляга*, не способный защитить государственные интересы. Академик—секретарь недавно созданной Академии медицинских наук Парин — *американский шпион*[6]. Символическая роль В. Парина была сугубо служебной. Он олицетворял моральное падение, от которого партия и советская общественность спасали несознательных и амбициозных ученых. Еще раз напоминали им о бдительности. Врагом может оказаться каждый: и член правительства, и академик, и врач. Это была своего рода дань традиции, обязывающей за каждым неправильным поступком видеть вражескую руку. Но повторимся, главными фигурантами кампании были совсем иные персонажи — интеллигенты, забывшие о своем патриотическом долге, однако, не совершившие уголовных преступлений. Общественная критика давала им шанс на исправление. Люди на сцене символизировали пороки интеллигентной публики в зале. Разоблачение и моральное осуждение признанных специалистов (никто не ставил под сомнение научные заслуги создателей круцина), увенчанное странным и непонятным наказанием — общественным выговором, должны были послужить уроком для других ученых-естественников[7].

С закрытым письмом ЦК ВКП(б) полагалось ознакомить партийный актив и коммунистов, работающих и обучающихся в вузах.

Молотовский областной комитет, получивший его 23 июля, спустя две недели сообщил в ЦК о состоявшихся в районах пленумах и активах. За единственным исключением, речь о котором пойдет впереди, партийные активисты равнодушно отнеслись к новой кампании. По первому впечатлению, она их не слишком касалась: научное открытие, московская профессура, американское посольство. Все это было очень далеко от текущих дел: сенокоса, подготовки к уборочной. Чтение письма и сопутствующих ему документов занимало около трех часов[8]. Районным работникам, собранным по этому поводу в душных пропыленных и прокуренных помещениях, явно не хотелось в них долго задерживаться[9]. В отчетах, направленных с мест в обком, перечислены вопросы: («Клюева и Раскин(!) — члены партии или беспартийные? Почему мало дали наказание? Почему суд чести проходил открыто, а письмо ЦК по этому поводу закрытое?»), приведены невразумительные ответы. Районные секретари ничего не знали о партийности проштрафившихся ученых и уж, тем более,

не могли сказать, что такое суд чести, или на какой срок осужден В.В. Парин[10]. В отчетах попадается ремарка: «Вопрос оставлен без ответа». В кратких выступлениях немногочисленные ораторы призывали к бдительности, напоминали о вражеском окружении («Домработница у директора завода — тоже немка»), бранили трофейную лебедку, мимоходом доносили: «о случае восхваления пожилым бухгалтером — бывшим земским служащим — пенсионного дела царской России. Я, говорит, теперь бы не работал, а жил бы на пенсию, которой мне хватило бы» [11].

С вузами вышла неувязка. Московские чиновники, либо не посмотрели в календарь, либо имели смутное представление о режиме работы учебных заведений. Более того, как выяснилось, профессоры и доценты свой отпуск проводили вне города. Разъехались и студенты. Парторгам удавалось собрать по 15 — 30 человек: не собрание и не актив. Им зачитали письмо ЦК, переписали поступившие вопросы и составили соответствующие справки. Секретарь обкома по пропаганде 5 августа отправил первую информацию в ЦК ВКП(б). В ней самокритично указывалось, что «...с письмом ознакомлена лишь незначительная часть коммунистов вузовских парторганизаций». В связи с этим Молотовский обком просил разрешение вновь зачитать письмо ЦК на закрытых партийных собраниях в начале сентября. Секретарей вузовских парторганизаций специально предупредили о необходимости 100% явки коммунистов[12]. «Особую остроту обсуждению этого вопроса научными работниками гор. Молотова, — указывалось в «Информации», — придает то обстоятельство, что Парин учился в Молотовском государственном университете, окончил его в 1925 г. Здесь же в медицинском институте он был аспирантом, а затем ассистентом и доцентом кафедры нормальной физиологии до 1931 г. Одновременно он руководил кафедрой нормальной физиологии в педагогическом институте. В настоящее время в Молотовском медицинском институте работает в качестве заведующего кафедрой восстановительной хирургии родной брат Парина, член партии. Работал профессором и главным хирургом госпиталей области его отец, умерший весной текущего года» [13].

Здесь автор письма несколько смягчил ситуацию. В сложной системе иерархических связей, характерных для сложившегося порядка управления, по отношению к Молотовскому медицинскому институту В.В. Парин исполнял роль патрона. Имя Парина служило руководству вуза паролем, открывавшим ему двери в высокие медицинские (и не только медицинские) инстанции. В краткой официальной исторической справке, посвященной юбилею института, в перечне из трех имен его *бывших воспитанников — ныне крупных деятелей в области здравоохранения и медицинской науки* имя профессора В.В. Парина упоминается со всеми титулами: и академика-секретаря АМН, и даже бывшего зам. наркома здравоохранения СССР[14]. Символическими функциями дело, однако, не ограничивалось. В.В. Парин покровительствовал научным исследованиям в Молотовском институте, размещал заказы, обеспечивал квалифицированную оценку выполненных работ, по мере возможности оказывал помощь в приобретении оборудовании, заботился о награждении отличившихся ученых. Исполняя во время войны должность уполномоченного наркомздрава по борьбе с эпидемиями, Парин не только инициировал работы проф. А.В. Пшеничнова и доц. Б.И. Райхера по разработке простого и доступного способа получения сыпнотифозной вакцины, но и добился его внедрения в массовое производство. Широкое применение вакцины позволило предотвратить эпидемию тифа в действующей армии и в тылу. Создатели вакцины, также не без деятельного участия В.В. Парина, получили Сталинские премии[15]. Впрочем, надо сказать, что связь была двусторонней. Мединститут также оказывал встречные услуги своему покровителю. В нем обучались в аспирантуре дети министерских чиновников и московской профессуры, в том числе дочь Г.И. Роскина[16].

Патерналистские практики, реализуемые В.В. Париным по отношению к молотовскому мединституту, вряд ли основывались на сентиментальном чувстве бывшего выпускника к покинутой alma mater. Определяющее значение, вероятней всего, имели деловые и семейные связи. Заместитель наркома лично знал многих сотрудников института, с некоторыми из них работал в Свердловске, о других мог выслушать нелицеприятное мнение собственного отца — профессора Василия Николаевича Парина. В семейном клане именно он — *старик Парин* — до последних дней жизни вел

ведущую партию. В преданиях сохранился рассказ, как отец настоял на том, чтобы оба его сына защитили докторскую диссертацию в один и тот же день в одном и том же совете. Подчиняясь прихоти главы семейства, В.В. Парин, бывший к тому времени директором Свердловского медицинского института, отложил на время собственную защиту[17].

В.Н. Парин (1877 — 1947) был хирургом старой школы. Выходец из самых низов, он только к 30 годам окончил курс медицинского факультета Казанского университета. Учился блестяще. За студенческую работу, тогда называемую сочинением, совет университета наградил его золотой медалью. При выпуске Парин-старший получил звание «лекарь с отличием». Был оставлен ординатором факультетской хирургической клиники. Летом работал врачом в земской больнице у себя на родине в Малмыжском уезде Вятской губернии. На первые заработки выстроил дом. Через пять лет после завершения университетского курса по защите диссертации удостоен звания «доктор медицины» (в 1935 г. ВАК заново присвоит ему докторскую степень) и оставлен при университете на два года для подготовки к профессорскому званию. Далее последовала годичная командировка в германские клиники, первые печатные труды в немецких медицинских журналах, служба приват-доцентом в Казанском университете. В начале Великой войны Парин добровольно отдал себя в распоряжение российского общества Красного Креста и отправился в действующую армию. В прифронтовых госпиталях он выполнял работу хирурга, совмещая ее с разнообразными все более крупными административными обязанностями.

В годы гражданской войны доктор Парин живет в Одессе, при всех режимах исполняя должности в том же обществе Красного Креста. При Советах он заведует госпитальной хирургической клиникой. При белых преподает военно-полевую хирургию. Никаким репрессиям не подвергается, если, конечно, не считать таковыми перемещения по службе, в отличие от своего литературного двойника — доктора Живаго, в боях не участвует, в боевых формированиях не состоит. В 1920 г. Парин возвращается в Казанский университет профессором по кафедре факультетской хирургической клиники. В 1921 г. переезжает в Пермь. Спустя год становится деканом медицинского факультета, редактирует «Пермский медицинский журнал», исполняет многочисленные общественные нагрузки (но только сугубо корпоративные, вроде учредителя хирургического студенческого кружка, или члена правления Общества хирургов СССР) и, самое главное, учит медиков и делает операции. Время от времени В.Н. Парин идет на уступки духу времени, состоит слушателем на курсах по марксистско-ленинскому воспитанию для профессорско-преподавательского состава, соглашается быть депутатом Кагановического райсовета. Для истовых партийцев В.Н. Парин — фигура подозрительная, чужак, представитель реакционной профессуры[18]. Для местной номенклатуры — незаменимый специалист, очень ценный работник. В 1932 г. торжественно и по-советски отмечается 25-летие научно-врачебной, общественной и педагогической деятельности профессора Парина. Горсовет передает ему в бесплатное пожизненное пользование занимаемую им квартиру — деревянный дом по улице Ленина; медицинский институт выделяет персональную ставку; пермский горздрав — микроскоп фирмы Лейтца; пермская секция научных работников — почетную грамоту за научную работу. После двухлетней командировки в Ижевск В.Н. Парин вновь возвращается в Пермь[19]. Заведует кафедрой факультетской хирургии, руководит клиникой. В годы войны служит по совместительству главным хирургом всех эвакогоспиталей, расположенных на территории Молотовской области. В профессиональной среде он обладает прочной и заслуженной репутацией. Для Молотовской публики *старик Парин* — научное светило, хирург-виртуоз, врач-кудесник, старый русский интеллигент. Таким он и запомнился одному из своих пациентов послевоенных лет — молоденькому лейтенанту, которому он спас правую руку: «невысокого роста, плотный, живой по темпераменту человек», не похожий на других докторов хотя бы тем, что называл своего юного собеседника не иначе, как «голубчик», приглашал в гости в семейный дом и даже поощрял посещение оперного театра[20].

В.Н. Парин, производивший впечатление мягкого, обходительного, деликатного человека, обладал и иными личностными свойствами. В межклановых битвах, сотрясающих советские учреждения, он

был стойким, закаленным бойцом. Фактически вся институтская профессура была так или иначе вовлечена в его старинную тяжбу с профессором М.В. Шацем за кафедру и клинику госпитальной хирургии. Как о чем-то само собой разумеющемся бросит реплику на собрании преподаватель истории партии: «Всем известно, что у нас давно ведут борьбу дом Парина и дом Шаца. Два дома — враги» [21]. Борьба шла с переменным успехом, но, в конце концов, одержал победу дом Парина, явно не без участия старшего сына. Во всяком случае, помощь пришла из Москвы. На Совете по кадрам — было и такое учреждение в системе советского здравоохранения — выступил ответственный работник ЦК ВКП(б) Шаталин (отец знаменитого академика), где привел в качестве отрицательного примера кандидата медицинских наук профессора Шаца «... который 10 лет сидит на кафедре, ничего не делает. Пора с этим делом кончать. Надо комплектовать кафедры профессорами, докторами наук. ... Объявлять конкурс на такие кафедры» [22]. После этого участь Шаца в Молотовском мединституте была решена. Затем пришла очередь его сторонников и учеников[23].

В дом Парина входил и младший сын — Борис Васильевич Парин. Талантливый врач, виртуоз в области восстановительной хирургии, в годы войны сделавший 2000 пластических операций, в неполные тридцать лет — доцент кафедры оперативной хирургии, в 34 года — профессор, он был замкнутым, сосредоточенным, педантичным, сухим человеком, с развитым чувством собственного достоинства[24].

Б.В. Парин хорошо усвоил новые правила игры: занимался общественной работой, окончил одним из первых в г. Молотове университет марксизма-ленинизма, вступил в партию, первым, не скупясь, подписывался на государственный заем. Не забывал он и при каждом удобном случае напомнить «о ярких, незабываемых впечатлениях от встречи с нашим лучшим и другом и учителем, гениальным вождем трудящихся — Иосифом Виссарионовичем Сталиным» [25]. Словом, делал карьеру. Декан, заместитель директора мединститута, директор стоматологического института, снова заместитель директора медицинского института, а параллельно с этим заведующий кафедрой, руководитель клиники, депутат горсовета, делегат партийных конференций, орденоносец. С номенклатурным братом-погодком отношения у него не сложились. Тот был человеком совершенно иного склада: обаятельным, ярким, общительным[26].

Переписку поддерживал отец. Даже во время московских командировок Б.В. Парин останавливался в общежитии, а не в роскошных апартаментах в «Доме на Набережной» [27].

Совсем на него не походил еще один насельник дома Париных профессор Алексей Васильевич Пшеничнов — bon vivant в белом халате с устойчивой репутацией дон Жуана, остроумец, любимец студентов, орденоносец и лауреат, брезгливо сторонящийся всякой политики («Пшеничнов на вопрос — почему он не вступает в члены партии — ответил, что сейчас он — профессор Пшеничнов, а если вступит в партию, то будет товарищ Пшеничнов[28]). В дом Парина были вхожи и иные научные работники. На вершине своего могущества Дом был велик и многолюден.

Собственно говоря, дом Париных — это иное наименование клана: особой социальной организации, при известных условиях складывающейся внутри официальных публичных институтов. Для клана свойственно переплетение разнородных — родственных, профессиональных, дружественных — связей, выстроенных в иерархическом порядке, высокая степень закрытости, использование семейных практик для контроля над деятельностью публичного института, мобилизация дополнительных ресурсов, прежде всего, чувства доверия для решения институциональных задач. Особенностью названного клана является двойственность его опорных конструкций: авторитет В.Н. Парина дополнялся административным и политическим влиянием Б.В. Парина.

Дом Париных до поры до времени контролировал ситуацию в Молотовском медицинском институте. Директор института Петр Петрович Сумбаев, в недалеком прошлом доцент без степени по кафедре военно-оборонной работы, по волевым своим свойствам человек несильный и внушаемый — «теленок», по словам одного из недоброжелателей[29], — исполнял сугубо служебную роль. «У нас все проходит по-домашнему», — признает он впоследствии на партийном собрании[30].

Господство Дома Париных, как уже упоминалось выше, проявлялось в кадровой политике, отчасти в последовательности распределения скудных средств (помещений, оборудования, материалов для опытов), в значительно большей степени, — в престижных преимуществах, особенно в представлении к государственным наградам: орденам, званиям и пр. Последнее вызывало наибольшее недовольство в отдаленной от Дома медицинской среде. Реакция обиженной профессуры была настолько сильной, что для ее описания директор института не нашел иных слов, кроме *злобы, клеветы, подсиживания*: «Я помню, когда было проведено награждение научных работников молотовского медицинского института, возникла зависть, нехорошая зависть, усмешки — посмотрите, кого наградили, а меня, или товарища, не наградили. Были такие случаи» [31]. Складывается впечатление, что Дом Париных требовал от медицинской публики, прежде всего, символического признания: благодарности от студентов, соответствующих публикаций в прессе, хвалебных слов на торжественных собраниях, публичных награждений и защиту от критики. О прямых экономических выгодах речь, как явствует из сохранившихся документов, не шла.

В обмен институт, в особенности, профессура, получила немалые преимущества. Речь идет, во-первых, о неписанной охранной грамоте, оберегавшей сотрудников учебного заведения от арестов по политическим мотивам во время войны; во-вторых, об упорядочении всей системы отношений в разнородном по своей социальной генеалогии сообществе, вынужденном взаимодействовать в скудной, изменчивой, дезорганизованной среде по невнятным правилам. Выпускники императорских университетов и советских вузов, убежденные партийцы и люди религиозных убеждений, бывшие «сидельцы» и «сексоты» вездесущих органов, высококвалифицированные медики и малообразованные обществоведы (некоторые из них так и не смогли предъявить диплом о высшем образовании) — все вместе составляли профессорско-преподавательский состав провинциального медицинского вуза. Наскоро сконструированные властью социальные институты: партийные, административные, научные и учебные организации, — выстроить их поведение по единому образцу не могли. Требования, этими институтами предъявляемые, не только расходились с интересами вовлеченных в их деятельность людей, но и во много раз превосходили их социальные и индивидуальные возможности. Клановость одомашнивала нормы, придавала им человеческое измерение и выстраивала в соответствии с ними ориентиры социального действия. Дом Париных — и это надо отметить особо — культивировал, естественно, в ослабленном и отредактированном виде традиции старого университетского сообщества: манеры поведения (вспомним *голубчика*), ясные представления о гамбургском счете, по которому полагается оценивать научные достижения (практическую применимость, публикации в международных и авторитетных зарубежных изданиях, индекс цитирования[32]), некоторую дистанцированность от советской действительности, возможность в собственном кругу называть вещи своими именами, или слегка иронизировать над пропагандой, зарабатывать деньги своим трудом, в том числе, и частной практикой и даже организовывать семейную жизнь не по-советски[33]. «Возьмем такое преклонение заграницей, преклонение из ряда вон выходящее: некоторые профессора доходили до того, что не отдавали в нашу советскую школу детей. Не отдавали в советскую школу детей, потому что там разлагающая среда. (...) Профессор нанимает дома учителей, не отдавая ребенка в советскую школу, чтобы он там не разложился. Вместо того, чтобы помочь поднять советскую школу до нужного нам уровня, делали попытку учить детей вне ее. Так ведь было дело. (Голос с места — О ком вы говорите?) ... Это имело место среди некоторой профессуры» [34]. Доцент Щеголев, именно его выступление на партийном собрании здесь процитировано, ввернул «преклонение перед заграницей» для красного словца, вернее, для того, чтобы придать своему обвинению политический характер, но имен все-таки не назвал: пусть партийные органы сами разбираются. Он не доносчик.

Для местных властей доминирование Дома Парина в молотовском медицинском мире было вполне приемлемым. Клановость — поведение, хоть официально и не одобряемое, даже порочное, тем не менее, широко распространенное и потому не замечаемое. К.М. Хмелевский — тогдашний руководитель обкома — профессоров уважал, наряду с директорами заводов рассылал им привет-

ственные телеграммы, представлял к наградам, приглашал на торжественные мероприятия. Тот факт, что медицинский институт находился под патронажем деятельного и влиятельного академика-секретаря («Парин завладел Ак. наук. На откупе у Парина» Из записной книжки А.А. Жданова[35]), только приносил дополнительные дивиденды области. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что внутренние институтские конфликты — после изгнания Шаца — редко выходили наружу, как правило, они гасились тут же на месте.

И потому падение дома Париных, вызванное арестом большого шефа и смертью патриарха, стало для руководства области неожиданным и неприятным событием. Разрушившее механизм управления медицинского сообщества оно таило в себе угрозу стабильности всего социального порядка. Именно поэтому руководители области стремились, во-первых, взять под личный контроль разоблачительную кампанию в медицинском институте, не дать ей разрастись до всеобщего погрома связанных с домом Парина медицинских и административных кадров, сберечь то, что можно сберечь; во-вторых, предъявить центру свою ревнительность и принципиальность по части борьбы с буржуазной идеологией, доказав, одновременно, отсутствие каких бы то ни было вражеских гнезд на территории вверенной им области[36].

Здесь представляется уместным нарушить логику изложения, чтобы осветить один интересный сюжет, касающийся механизма распространения информации в закрытом обществе. Протоколы партийных собраний позволяют установить цепочки, по которым совершенно секретные сведения становились достоянием посторонних, но крайне заинтересованных в них лиц. На такую тему советские граждане предпочитали не высказываться, но в ситуации культурного шока, испытанного, как минимум, некоторыми партийцами, эти люди отступили от принятых правил и рассказали больше, чем полагалось. Известие о падении В.В. Парина, содержащееся в письме ЦК, вовсе не было неожиданностью для многих представителей местного медицинского мира.

Одним из источников информации являлись высокопоставленные чиновники московских ведомств, сохранившие родственные и деловые связи в городе. Министр здравоохранения РСФСР Г.П. Белецкий, приехавший в г. Молотов, по всей видимости, в первых числах февраля, что-то сказал студентам, после чего по городу поползли слухи о том, что у В.В. Парина — крупные неприятности. Заметим, что в эти дни академик-секретарь, только что вернувшийся из США, беседует с А.А. Ждановым и К.Е. Ворошиловым, пишет первые объяснительные записки. А спустя неделю-другую после его ареста сотрудник облздрава, только что вернувшийся из Москвы, уже сообщил об этом факте руководству мединститута[37].

Второй источник — частная информация, передаваемая по родственным каналам. Дадим слово Б.В. Парину: «Вначале отец жены моего бывшего брата, профессор Марко, получил открытку, которая создавала неопределенное впечатление о каком-то крупном тяжелом событии в семье. А через день, когда профессор Марко мне позвонил, пришла и мне открытка от жены моего бывшего брата, в которой было написано: Вася заболел, лежит в больнице. Положение не ясно. С этой открыткой я пришел в наш институт к директору тов. Сумбаеву и секретарю нашей парторганизации тов. Баранову, изложил свои подозрения по этому поводу, поскольку слухи к этому моменту были довольно настойчивые» [38].

В его словах примечательно все: и наименование В.В. Парина — «бывший брат» [39], и текст открытки, немедленно декодированный адресатом, заметим, медиком, и последовавшее обращение в партийные инстанции.

Третий источник — разговоры со знакомыми сотрудника МГБ, некогда учившегося в мединституте[40].

А вот четвертый источник значительно интереснее. Речь идет о наблюдениях со стороны знатоков *физики власти* над публичным поведением официальных лиц. На похоронах отца В.В. Парин соприкасался и с К.П. Хмелевским, и с другими руководителями области. Что-то в этих контактах насторожило внимательных зрителей: может быть, пространственная дистанция, может

быть быстрота и механистичность рукопожатий, или отказ К.М. Хмелевского (вместо него говорил председатель горисполкома Михайлин) выступать на траурном митинге вместе с Б.В. Париным, *может быть, имелись какие-то иные приметы.* В отчете газеты «Звезда» о похоронах В.Н. Парина выступление его сына на траурном митинге вовсе не упоминалось[41]. Но после похорон слухи о грядущей опале академика-секретаря усилились.

По всей вероятности, Белецкий не только со студентами поделился своими предположениями о незавидной участи академика Парина[42]. Вряд ли К.М.Хмелевский мог получить информацию непосредственно из ждановской канцелярии, тем более, что судьба В.В. Парина была решена позже, после заседания политбюро ЦК ВКП(б) с участием Сталина — 17 февраля 1947 г., хотя и такого поворота событий исключить нельзя. Доброхоты первого секретаря могли посоветовать ему быть осторожней[43].

Известие об аресте В.В. Парина вызвало смешанные чувства: недоумение, сожаление, страх у одних, живейший интерес у других: а вот что будет с братом, *не посадят ли его, или, на худой конец, не выселят ли из города?* [44]. Выселять профессора Б.В. Парина не стали. Но уже в апреле 1947 г. директор мединститута сместил его с должности своего заместителя под предлогом, что такой должности вообще нет в штатном расписании. Третьи же обнаруживали нескрываемую радость от внезапного падения своего врага и, стремясь воспользоваться подвернувшимся счастливым случаем, немедленно приступили к сведению счетов с поверженными соперниками, которых теперь можно было обвинить в политической нелояльности. И повод подходящий, и условия благоприятные: собрания по обсуждению письма ЦК. Для диффамаций в ход шло все: и слова, некогда мимоходом сказанные: у немцев-де была хорошая организация медицинской службы, и критические замечания в адрес отечественной медицинской техники, и даже гримасы. «Наблюдаются казусы, например, на теоретическом собеседовании при обсуждении вопроса о построении коммунизма в нашей стране заведующий кафедрой тов. Мейсахович улыбался, а затем оделся и ушел с собеседования. Такое поведение заслуживает подумать, над чем работает этот человек» [45].

Здесь необходимо сделать оговорку, в нападках со стороны лечащих врачей и лаборантов против медицинской профессуры нельзя видеть лишь ревностное исполнение партийного долга, или *дисциплинированное следование руководящим указаниям. Конечно, все это имело место, но в жесткой и зачастую несправедливой критике ясно слышится* социальный протест разнорабочих науки, тяготящихся своим униженным и полуголодным состоянием и не желающих мириться с привилегиями профессорской верхушки. Социальные мотивы такого рода являются непременным спутником всех политических кампаний сталинской эпохи; именно они обеспечивают репрессивным акциям массовую поддержку. Правда, выгоды от кампаний получают, или хотя бы пытаются получить, совсем другие люди.

Роль главного обличителя Дома Париных выбрала для себя директор института эпидемиологии и микробиологии А. М. Глебова. На совещании в Сталинском райкоме партии она заявила, что вся семья Париных не внушает политического доверия, в особенности же брат американского шпиона Б.В. Парин. Обком должен разобраться в его работе. И чтобы помочь партийным товарищам, Глебова тут же передала заранее подготовленную докладную записку[46].

Анна Михайловна Глебова была человеком незаурядным, с явной предпринимательской жилкой. Возглавившая институт после ареста его прежнего директора Г.П. Розенгольца, она железной рукой правила им в течение последующего десятилетия[47]. Завела подсобное хозяйство, которым «...распоряжалась как своим личным», устроила на работу консультантом мужа — профессора мединститута М. А. Козу /патологоанатома(!)/, затем сына; на средства института выстроила себе гараж для купленной по случаю легковой автомашины; подкармливала с институтского огорода местных партийных начальников, оставлявших без внимания и милицейские рапорты, и прокурорские представления, а также и многочисленные жалобы трудящихся, называвших своего шефа попросту «Салтычихой» [48]. Молотовский бакинститут был учреждением, подведомственным Минздраву РСФСР. И свои отношения директор выстраивала не с В.В. Париным, представлявшим союзные органы, но с Г.Н. Белец-

ким — еще одним выходцем из Перми, возглавлявшим республиканское министерство. В деле выстраивания социальных связей А.М. Глебова проявила себя настоящей мастерицей. В объемной сети, сложной по конфигурации, участвовало множество людей: ее подчиненные и непосредственные начальники; партийные чиновники и хозяйственные руководители; московские шефы и сотрудники органов. Вся эта сеть опиралась на прочный экономический фундамент. Продовольственные посылки, спирт, льготные путевки в дом отдыха, созданный самочинно при подсобном хозяйстве[49]. В обмен *династия Глебовой — Коза* получала соответствующие услуги, также вполне материального характера, не усматривая в таком обмене ничего дурного[50].

В конфликте Парина — Шаца А.М. Глебова всегда поддерживала последнего. Особой неприязнью эта женщина дарила А.В. Пшеничнова, аттестуя того не иначе, как «вшивым лауреатом» [51].

Летом 1947 г. ей показалось, что настал момент полной и окончательной расправы с конкурентами. Запиской в обком Глебова не ограничилась. И на партийном собрании в институте эпидемиологии и микробиологии выступила с большой и обстоятельной речью, адресованной, в первую очередь, все тому же обкому. Прослушавший выступление директора обкомовский работник тут же сообщил о его содержании по начальству: «Вся семья Париных — фашистская семья». В подтверждении этой мысли она говорит, что старик Парин был членом черносотенного союза Михаила Архангела. Его старший сын, так далеко поднявшийся по служебному положению, оказался подлецом — шпионом. Младший — Парин Борис Васильевич, работающий в настоящее время профессором Молотовского медицинского института, напечатал в фашистской Германии, в журнале (называется журнал, но я не запомнил его названия) статью, в которой /84/ говорится, что биология подтверждает научность расовой теории фашизма, что людей по расам разделяют различные группы крови. Тов. Глебова выражает сомнение в естественной смерти старика Парина. Она высказала предположение, что он отравился, узнав о провале своего сына. Продолжая, она говорит, что Парины, опираясь на высокое положение старшего сына, чинили произвол и командовали в Молотовском Мединституте. (...) Опираясь на авторитет старшего брата и при его помощи, Борис Парин очень быстро и легко стал доктором медицинских наук. Есть основания думать, что в своей диссертации он использовал труд ассистента своего отца — врача Шипова.

По заявлению т. Глебовой, Парины создали нездоровую атмосферу в Мединституте. Она продолжается и сейчас, так как Борис Парин является там заместителем директора по научной части. Обком партии — говорит т. Глебова — хорошо относится к ученым, но к некоторым из них излишне доверчив. Ведь вот профессора Пшеничнов и Райхер получили сталинских лауреатов по представлению Парина, который работал в академии наук. (...) Тов. Глебова заключает свое выступление мыслью о том, что в медицинском институте, «где царствовала династия Париных», следует обстановку оздоровить и особенно — восстановить профессора Шац в правах руководителя клиники.... После того, как участники собрания разошлись, т. Глебова обратилась ко мне с вопросом: не следует ли ей обо всем, о чем она тут говорила, написать в ЦК. Я спросил ее: почему же в ЦК? Она ответила, что здесь ведь все об этом знают, но ничего не предпринимают. Я посоветовал ей написать в обком партии и сказал, что в обкоме партии ни одного серьезного заявления без рассмотрения не оставляют. Тов. Глебова сказала, что напишет свое заявление в обком ВКП(б)» [52]. Все выступление директора было выдержано в духе незабываемого 1937 года: донос, обращенный в прошлое, зловещие подозрения, прямые указания на связь с контрреволюцией и фашистскими центрами, домыслы и передержки[53]. В нем содержалась явная угроза и в адрес местных властей, проглядевший существование шпионского гнезда в двух кварталах от здания обкома партии. Незадолго до Глебовой один сотрудников стоматологического института уже выразил сомнение в кадровой политике молотовских партийных властей: «Американский шпион Парин в прошлом был воспитанником Молотовского университета, выдвинулся на наших глазах. Плохо то, что мы забыли, что выдвигать надо из рабочих и крестьян. Вероятно, если бы вместо Парина был выдвинут рабочий, или крестьянин, то одним шпионом было бы меньше. При продвижении наших молодых кадров мы не учитываем, выходцами из какой социальной среды являются эти люди. Нередко даем хорошие

характеристики лицам, по происхождению чуждым, в частности, не так давно выдали хорошую характеристику Симановской для защиты диссертации». Заведующий отделом пропаганды обкома Мадонов, присутствовавший на собрании, немедленно откликнулся: «Выступление т. Баранова по вопросу о выдвижении научных работников следует отметить как неправильную ориентацию. К людям следует подходить не с точки зрения их социального происхождения, а с точки зрения, их политических и деловых качеств» [54]. От Глебовой, угрожавшей, напомню, письмом в ЦК, так легко отделаться было нельзя. И потому партийные власти избрали другой путь. Они, во-первых, переадресовали ее заявление в Минздрав РСФСР, попросив помочь обкому и «...выслать сюда компетентную комиссию», которая и должна была разобраться, создана ли в институте «нездоровая обстановка», и насколько «вся семья Париных не заслуживает политического доверия. ... Вместе с обкомом ВКП(б) она расследует конкретные факты работы профессоров-хирургов В.Н. и Б.В. Париных» [55]. Молотовское начальство рассчитало верно. Ведомственные интересы Минздрава были залогом того, что ревизоры ничего серьезного не обнаружат. Об унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекла, они могли прочесть не только у Гоголя, но и у Сталина. Попадать в ее положение было и неприятно, и небезопасно. Компетентная комиссия спустя некоторое время известила власти, что в деятельности Б.В. Парина никакого криминала нет[56].

На партийное собрание в медицинский институт пришли члены бюро обкома, возглавляемые К.М. Хмелевским. В президиуме собрания, продолжавшегося два дня, сидели три человека: секретари обкома и директор института.

Собрание готовилось тщательно: подбирали выступающих, расставляли их в надлежащем порядке, предостерегали от опрометчивых слов. М.А. Коза публично жаловался: «Я записался четвертым, передо мной должен был выступать Парин, а директор Сумбаев предоставил мне слово третьим» [57]. Вопрос о том, кому, когда и за кем выступать, считался одним из важнейших в технологии партийной работы. Образцовым мастером в предварительной организации публичных собраний являлся Я.М. Свердлов. «Властность его, как председателя, состояла в том, что он всегда знал, к чему, к какому практическому решению нужно привести собрание: понимал, кто, почему и как будет говорить; знал хорошо закулисную сторону дела, — а всякое большое и сложное дело имеет свои кулисы, — умел своевременно выдвинуть тех ораторов, которые были нужны; умел вовремя поставить на голосование предложение; знал, чего можно добиться, и умел добиваться, чего хотел» [58]. Вряд ли сотрудники К.М. Хмелевского читали этот забытый и запрещенный некролог, но действовали по описанной схеме.

Как полагалось, в начале собрания — с 5 до 8 вечера — зачитывалось письмо ЦК ВКП(б). Сразу же после этого на трибуну поднялись подготовленные ораторы, выразившие полную поддержку позиции партийного руководства, повторившие основные риторические обороты, содержавшиеся в директивном тексте, осудившие в очень осторожных выражениях неназванных людей, сочувствовавших В.В. Парину: «Те разговоры, которые были здесь, что он пал жертвой, должны быть прекращены» [59]. Один из ораторов подверг критике и Б.В. Парина: «Он беззастенчиво рекламирует свои работы в форме, не приемлемой для ученого» [60]. И только после этого слово было предоставлено М.А. Козе, на высокой ноте разоблачившему культ Париных в медицинском институте и призвавшему собрание раз и навсегда покончить с *парининизмом*[61]. Следующим оратором был Б.В. Парин, который в ясных и сильных выражениях отмежевался от брата: «На нашу фамилию, фамилию, которую я ношу, брошено темное позорное пятно преступными деяниями моего брата. Я считаю своим долгом здесь на партийном собрании заявить, что у меня больше нет брата, т.к. я не могу считать своим братом человека, который, встав на путь низкопоклонства и раболепства перед американцами, оказался предателем советского народа» [62]. После него выступили еще двое ораторов. Затем в виду позднего времени председательствующий собрание прервал, назначив его продолжение на следующий день.

Профессор Б.В. Соколов говорил о необходимости повышения бдительности. Профессор П.А. Гузиков, присутствовавший в Москве на суде чести, рассказывал о своих впечатлениях от процесса, несколько отредактировав их в соответствии с требованиями момента. Далее он говорил о причинах,

«которые способствуют человеку скатиться, предать родину», но не назвал ни одного имени, несмотря на призывы секретаря обкома и реплики из зала: «тов. Ершов — боитесь назвать фамилию? Тов. Гузиков — Вы этой болезнью, тов. Ершов, не страдаете? Тов. Лященко — Вы обиделись? Тов. Гузиков — Нет, я не обиделся». Опять же не называя имен, профессор Гузиков вступил в полемику с М.А. Козой: «Здесь люди выступали и говорили о засилии профессора Парина, что он все захватил в свои руки, что П.П. Сумбаев все это поощряет. Это мы сейчас говорим, а почему в течение ряда лет мы об этом молчали, не говорили. Почему мы мало критиковали действия Парина и других?» [63]. И только после них слово предоставили доценту Щеголеву, назвавшему выступление Б.В. Парина неискренним и обвинившим его — вкупе с профессором Б.М. Соколовым — в низкопоклонстве перед Западом. Далее он сообщил о том, что дети профессуры пользуются в институте неоправданными привилегиями: «Правительство запрещает работать при непосредственном подчинении мужу и жене и близким родственникам. У нас же формирование кафедр часто такое: где папаша — там и сын. Поехал ли хоть один сын научного работника, или сын профессора поработать на периферию в наше здравоохранение? Нет, не поехал! Все они остаются тут. Что это? Исключительный букет каких-то талантов? Нет, так в действительности не бывает» [64]. После него, чтобы сгладить впечатление от речи Щеголева, на трибуну пригласили несколько профессоров и историка партии, а затем снова предоставили слово Б.В. Парину. Ему пришлось в подробностях рассказать о последних разговорах с братом, сознаться в том, что он сначала не верил в его виновность, вновь в еще более резких выражениях от него отмежеваться; под градом враждебных реплик защитить свое право заботиться о племянниках («Я считаю, что ничего особенного нет, что я помогаю несовершеннолетним детям»), напомнить о сталинской максиме: «Сын за отца не отвечает», отклонить все упреки в низкопоклонстве перед Западом и высказать свое недоумение запоздалой и необъективной критикой в свой адрес: «Я не хочу сказать, что была дана какая-то установка партийному собранию, но просто создалась легкая возможность к любой критике в мой адрес. Когда нужно было оратору привести какой-нибудь пример, многие указывали только профессора Парина В.В. И все недостатки, частью не заслуженные, относились ко мне. А я сейчас переживаю крайне тяжелое моральное состояние. Сейчас здесь я принимаю критические замечания с благодарностью, но жалею, что они сделаны так поздно. Почему я не слышал их раньше? За это заседание, за эти два вечера, я в 10 раз больше получил замечаний, нежели за все прошедшие 10 лет работы в Молотове» [65]. Затем сразу же был объявлен перерыв, после которого говорили только директор института и секретарь обкома. Лейтмотивом выступления Сумбаева являлся тезис, что он всегда был человеком независимым, к дому Париных отнюдь не принадлежал, в конфликте Парина — Шаца сохранял позицию над схваткой и всегда подмечал недостатки в работе Б.В. Парина.

Значительно большего внимания заслуживает речь К.М. Хмелевского. На собрании он вел себя активно, по-сталински: перебивал ораторов репликами и вопросами («Вы до конца расскажите, как Вы виляли. Сколько Вас запрашивал обком партии по этому вопросу?»), вносил поправки, требовал уточнений, ужесточал формулировки. По тону реплик было ясно, что секретарь обкома всецело с теми, кто хочет до основания разрушить дом Париных, свести счеты с родственниками и вольными, а также невольными пособниками разоблаченного американского шпиона. И свое заключительное выступление на собрании К.М. Хмелевский также начал с желчных бутад в адрес медицинской профессуры, зараженной духом низкопоклонства и буржуазного гуманизма: «Даже такой заслуженный профессор, каким является М.П. Чистяков, человек, который всю жизнь отдал служению русской и советской науки, не свободен от этой болезни. В частной беседе профессор Чистяков говорит, что медицина должна стоять выше человеческих и политических дрязг. Для врачей нет врагов. (...) В науке не может быть изоляционизма» [66]. Подверг критике профессора А.В. Пшеничнова, который «договорился до того, что стал преклоняться перед капиталистическими лабораториями, которые, якобы, являются, или стоят выше наших лабораторий» [67]. Однако, чем дальше, тем сильнее в его речи зазвучал совсем иной обертон. Секретарь обкома мимоходом напом-

нил, что Сталинской премией А.В. Пшеничнов обязан не лицам, но Советскому правительству. Призвав к бдительности собравшихся коммунистов, К.М. Хмелевский без обиняков заявил, что «коллектив медицинского института (...) не несет ответственности за этого изменника /В.В. Парина — О.Л./» [68]. Он взял под защиту честное имя В.Н. Парина: «Я не согласен с тем, что можно старика Парина причислить к врагам нашего советского государства. Старик Парин профессор, заслуженно пользовался уважением медицинского института и нашей общественности. Нельзя же, на самом деле, отрицать тот факт, что он создал целую школу замечательных хирургов, которые сейчас работают в различных городах Советского Союза. Было бы неправильно отрицать его большую научную и практическую работу в Молотовской области» [69]. Сурово раскритиковав Б.В. Парина за *спесь, злопамятство, бледное выступление* и иные грехи, секретарь обкома заявил: «Было бы неправильным на этом основании считать Б.В. Парина каким-то соучастником своего брата. У нас нет оснований предъявлять такое обвинение» [70].

В общем, К.М. Хмелевский сделал все возможное, чтобы дело Клюевой — Роскина не переросло в дело молотовского медицинского института, к чему вольно или невольно стремились рьяные разоблачители из круга А.М.Глебовой — М.А.Козы. Разрушение дома Париных нельзя было предотвратить. Задача областного партийного руководства заключалась в том, чтобы под его обломками не погибла медицинская профессура, в том числе входившая в клан, или находившаяся в зоне его притяжения. Уровень конфликтности в медицинской среде был настолько велик, что ослабление державших ее неформальных скреп, грозило разрывом корпоративной социальной ткани: борьбой на уничтожение между мельчайшими группировками и отдельными лицами, сопровождающейся взаимными доносами, склоками, потерей необходимых области специалистов[71]. Нельзя сбрасывать со счетов и житейских соображений. Для сохранения собственного здоровья хороший хирург полезнее выдающегося патологоанатома[72].

В политической кампании, инициированной делом Н.Г.Клюевой — Г.И. Роскина, выявились специфические черты социальной организации советских научных учреждений в позднюю сталинскую эпоху. В них доминировали клановые формы профессиональной жизни. Происходила непрерывная борьба за ресурсы и символическое признание между отдельными подразделениями и лицами; сложилась специфическая культура участия в публичной жизни, предполагающая использование властных акций для отстаивания частных и местных интересов. Особенностью клановой системы являлось тесное переплетение разнородных институциональных образований: публичных и приватных, основанных на взаимном родстве, земляческих связях и общности биографий. Клановые отношения имели сугубо иерархический характер, повторявший в своих узловых моментах строение государственных и партийных институтов, в симбиозе с которыми они существовали. В отношениях между кланами также преобладали отношения господства и подчинения.

Политические кампании, время от времени инициируемые и организуемые верховной властью, усиливали социальную напряженность во внутриклановых и межклановых отношениях. Прямое и, как правило, внезапное обращение к партийным и (или) беспартийным массам со стороны Кремля, а именно в этом и состояла характерная особенность сталинских политических кампаний, нарушало сложившийся порядок управления на местах. Будучи по своим функциям, прежде всего, исполнителем решений верховной власти, ее передаточным механизмом, региональная номенклатура была вынуждена, однако, искать компромисс между требованиями партийного и государственного центра и текущими хозяйственными задачами, брать на себя функции амортизатора, ослабляющего по возможности разрушительные эффекты от политических кампаний.

В ситуациях открытого противоборства, нарушающего естественный ход событий, местные партийные органы выступали в роли посредника между конфликтующими сторонами. Сохранить контроль над ситуацией, не повторить эксцессов 1937 г. — таковой была стратегическая цель, которой следовали местные партийные руководители вопреки спонтанным проявлениям социального протеста снизу, давлению сверху и воздействию клановых группировок изнутри.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О деле Н.Г. Клюевой — Г.И. Роскина см.: Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М.: Институт российской истории РАН, 2001. В этом фундаментальном исследовании содержится детальный анализ политической кампании: ее генезиса, содержания, меняющихся форм и последствий.
2. Информация Лысьва 26 августа //ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. Информация обкома партии в ЦК ВКП(б) и райкомов, горкомов партии об изучении и проработке коммунистами области закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу Клюевой и Роскина. 22 05 1947 — 18 11 1947. /72об/
3. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М.: РОСПЭН, 2001. С. 161- 163.
4. О влиянии классицизма на социалистический реализм в литературе некогда писал А. Синявский: «Начиная с 30-х гг. окончательно берет верх пристрастие к высокому слогу и в моду входит напыщенная простота стиля, которая свойственна классицизму. ... Многие слова стали писаться с большой буквы, аллегорические фигуры, олицетворявшие абстракции, сошли в литературу, и мы заговорили с медлительной важностью и величественной жестикуляцией». Синявский А. (Абрам Терц) Путешествие на Черную речку. М.: Изографус, 2002. С. 132.
5. Калиникова В.Д., Бродский В.Я. Дело «КР» // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб: Наука, 1994. С. 116.
6. Василий Васильевич Парин (1903–1971 гг.), медик, физиолог, член двух академий — медицинской с 1944 г. и АН СССР с 1966 г., впоследствии ставший одним из основателей космической медицины в стране. В 1947 г. занимал видное место в отечественной медицинской иерархии: директор 1-го Московского медицинского института, заместитель наркома здравоохранения СССР, уполномоченный по борьбе с эпидемиями в годы войны, организатор медицинской академии, ее академик-секретарь. Компетентный ученый, деятельный эффективный администратор, убежденный сторонник реформирования системы подготовки врачей В.В. Парин становился фигурой первой величины в советском медицинском мире. См.: Григорьев А.И., Григорьян Н.А. От глубин микромира до космических высот (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Парина) // Вестник РАН. 2003. №3. С.244–249. Министр Митерев, выглядевший на его фоне заурядным чиновником от медицины, в январе-феврале 1947 г. сделал все, чтобы «утопить» своего соперника. Обстоятельства дела вкратце были таковы. Медицинское начальство, заручившись согласием высокопоставленных партийных и правительственных чиновников, приняло решение передать рукопись книги Клюевой и Роскина «Биотерапия злокачественных опухолей» в обмен на оборудование для исследовательских лабораторий. В.В. Парин, командированный в США, после долгих согласований, распоряжение выполнил. На следующий день высшие инстанции взяли свое согласие назад. Во время партийного расследования министр здравоохранения заявил, что он такого поручения не давал. Незадолго до ареста В.В. Парин рассказал своему брату «какую гнусную роль играл Митерев, который отказался от своих указаний, вследствие чего вся тяжесть ответственности легла на плечи ... В. Парина». ГОПАПО. Ф.6179 (Первичная организация Молотовского медицинского института). Оп.1. Д.2. Протоколы и планы работ партбюро и партсобраний мединститута. 14 01 1947 — 12 09 1947. С. 102. См. также Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма..., С. 85–106. Осужденный за шпионаж В.В. Парин отбывал наказание во Владимирской каторжной тюрьме. Среди сокамерников он был известен под именем «академик». См.: Куприянов Г. Из тюремного дневника // Воля. Журнал узников тоталитарных систем. 1997. № 6-7. С. 306–336. В.В. Парин был освобожден из заключения 29 октября 1953 г. Реабилитирован 13 апреля 1955 г.

7. Читаем в записной книжке А.А. Жданова: «Не единичное дело. Пережитки среди отдельных слоев интеллигенции еще сохранились. После того, что произошло, после той роли, которую сыграл для человечества и цивилизации СССР, пресмыкательство порочно». См. Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР...., С. 140. «Цель вмешательства Сталина, замечал по этому поводу зарубежный наблюдатель, – лишить академические круги чувства спокойной уверенности и относительной свободы от контроля со стороны партии». Шапиро Л. КПСС. L., 1990. С. 737.
8. См.: ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. С. 15.
9. Со временем высшая инстанция учтет эти обстоятельства и мобилизует мастеров художественного слова для участия в кампании. Драматурги изготовят соответствующие пьесы: «Закон чести» /А. Штейн/, «Великая сила» /Б. Ромашев/, «Чужая тень» /К. Симонов/. Московские и областные театры включат их в свой репертуар. По пьесе Штейна будет поставлен фильм. Оркестрированные и аранжированные таким способом идеи кампании станут более доступными рядовым гражданам.
10. Известно, что В.В. Парин был арестован не позднее 19 февраля 1947 г., но и не ранее вечера 17 февраля. См.: Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР... С. 133. По версии Г.В. Костырченко, В.В. Парин в апреле 1948 г. ОСО МГБ СССР был осужден на 25-летний срок тюремного заключения. См.: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М.: Международные отношения, 2001. С. 297.
11. См.: ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. Информация обкома партии в ЦК ВКП(б) и райкомов, горкомов партии об изучении и проработке коммунистами области закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу Клюевой и Раскина. 22 05 1947 — 18 11 1947. — С. 42-43, 72/об/, 77-78.
12. См.: Протоколы и планы работ партбюро и партсобраний мединститута. 14 01 1947 — 12 09 1947 // ГОПАПО. Ф.6179. Оп.1. Д.2. С. 29.
13. ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. С. 21.
14. Материалы о 30-летнем юбилее Молотовского медицинского института (1916 – 1946 г.). 24 03 1944 – 11 01 47 // ГАПО. Ф.р.1117. Оп.1. Д.17. С. 12.
15. См.: Очерк деятельности Молотовского медицинского института в период Великой Отечественной войны (1941–1945 г.), составленный ректором мединститута, доцентом Сумбаевым П.П. 1945. // ГАПО. Ф.р.1117. Д.35. С. 12; // ГОПАПО. Ф.105. Оп. 18. Д. 206. Заявления и жалобы трудящихся. 9 07 1952 — 31 12 1952. С. 200–201.
16. См.: Прасс — Маленкову 27 02 1950 // ГОПАПО Ф.105. Оп.16. Д.154. Письма обкома партии в ЦК ВКП(б) по организационным, партийно-кадровым вопросам. Практике проведения хлебозаготовок и др. 3 02 1950 — 11 12 1950. С. 27.
17. См.: Косицкий Г.И., Марковская Г.И. В.В. Парин. М.: Медицина, 1986. С. 30.
18. См.: Справка о политических настроениях пермской профессуры, составленная Соколовым для Пермского окружкома ВКП(б) 1930 г. (г. Пермь) // ГОПАПО, Ф.2. Оп.7. Д.18. С. 16–22.
19. Биография В.Н. Парина восстановлена по его личному делу, хранящему в архиве Пермской государственной медицинской академии: Д. 292. Тт. 1-2. // Коллекция Г.Ф. Станковской.
20. См. Окулов В.А. Слово о достойных людях. Ноябрь 1990 года. С. 2–6. / Из коллекции Г.Ф. Станковской. Смерть В.Н. Парина, который скоропостижно скончался 9 февраля 1947 г., вновь высветила отношение к нему со стороны городской публики. В траурной процессии, растянувшейся во всю ширину улицы К. Маркса на несколько кварталов, шли тысячи людей. См. Окулов В. Слово..., С. 5-6; Звезда. 1947. 14 февраля.

21. Протокол партийного собрания. /Б №/ 12-13 сентября 1947 г. // ГОПАПО. Ф.6179 (Первичная организация Молотовского медицинского института). Оп.1. Д.2. Протоколы и планы работ партбюро и партсобраний мединститута. 14 01 1947 — 12 09 1947. — С. 96.
22. Там же, С. 115.
23. Из выступления В. Н. Бирюкова на партийном собрании: «И вот такой случай: студентка Радушевская, отличница учебы, закончила медицинский институт и была направлена в ординатуру, в клинику проф. Шац, проработала у нас два года. Во время Отечественной войны пошла с первых же дней на фронт – работать на передовой линии, накопила богатый материал. После войны демобилизовалась и пришла в институт. По закону она имеет право вернуться туда, откуда ушла. А на кафедре произошла смена руководства. Вместо Шац работает Парин В.Н. Ей отвечают: Мы учеников Шаца к себе на кафедру не берем. Она обращается к Б.В. Парину, который заведует другой кафедрой. Тот ей говорит: Пожалуйста, я вас с удовольствием возьму. А когда она пришла на другой день, он ей говорит: Я Вас не могу взять. Очевидно, сын посоветовался с отцом и, так как она ученица Шаца, решил ее не брать. Она пошла к директору института, а он говорит: с Париными спорить не приходится. Радушинская говорит директору, что она на войне накопила материал и теперь может закончить диссертацию, но меня не принимают на кафедру. А т. Сумбаев советует ехать на участок. Разве так правильно относиться к растущим молодым научным работникам? Правда, потом она устроилась у т. Фенелонова и работает там». Там же, С. 96.
24. Интервью с А.В. Париным. Май 2003 г. // Личный архив автора. Когда после нескольких лет преследований и увольнений новое руководство Молотовского института вновь позовет проф. Б.В. Парина на работу, то оно получит телеграфный ответ: «Согласен занять должности заместителя директора и заведующего кафедрой при условии отмены соответствующего необоснованного пункта приказа бывшего министра Белецкого. Проф. Парин»// Коллекция Г.Ф. Станковской.
25. Личное дело Б.В. Парина // ГОПАПО. Ф. 105. Оп.19. Д.3537. С. 1. Он был делегатом от Пермского мединститута на 1-ом Всесоюзном совещании работников высшей школы в 1939 г., где и мог видеть Сталина.
26. См.: Баевский Р.М., Галеева Н.Ю. Академик Василий Васильевич Парин и его роль в развитии физиологии кровообращения (к 100-летию со дня рождения) Государственный Научный Центр РФ — Институт медико-биологических проблем РАН// http://www.medass.ru/news/con_2003/p4_24.doc.
27. Вот характерный штрих. Поехавший в октябре 1946 г. Москву на XXV съезд хирургов, Б.В. Парин «...проживал не в квартире брата, а в доме для приезжих ученых АН на ул. Горького (бывш. гостиница «Якорь»), где занимал очень неудобный номер с разбитым стеклом, где температура была 9 градусов. Я был с женой — ассистентом нашего института, которая имела командировку по выполняемой ею научной работе; мы жили в этом номере, потому что наши семейные взаимоотношения не соответствовали обычным между семьями двух братьев». Протокол партийного собрания. /Б №/ 12-13 сентября 1947 г. // ГОПАПО. Ф.6179 (Первичная организация Молотовского медицинского института). Оп.1. Д.2. Протоколы и планы работ партбюро и партсобраний мединститута. 14 01 1947 — 12 09 1947. С. 107.
28. ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. С. 85.
29. Тов. Прассу. 13 02 1950. Анонимное письмо // ГОПАПО Ф.105. Оп.16. Д.219. Материал по проверке жалобы на бывшего директора института микробиологии и эпидемиологии министерства здравоохранения Глебовой А.М. 13 02 1950 — 25 02 1950. — С.3.
30. ГОПАПО. Ф.6179 (Первичная организация Молотовского медицинского института). Оп.1. Д.2. Протоколы и планы работ партбюро и партсобраний мединститута. 14 01 1947 — 12 09 1947. С. 114.

31. Там же. С. 115.
32. «С этой самой трибуны выступал Борис Васильевич Парин, он говорил о том, что его работы в Америке уже известны. Об этом же говорил и тов. Соколов Б.М. У нас имеются такие люди, которые известны далеко за пределами Советского Союза. Они и в Америке известны. Это говорилось с целью самовосхваления», – возмущался доцент Щеголев. Там же. С. 82.
33. «Однажды профессор Леонтьев при обходе больных учил студентов, как нужно пальпировать селезенку. При этом он говорил: «Раньше было трудно пальпировать селезенку, пациенты были тучные, мощный слой жира мешал разыскать селезенку, а теперь это делается просто и легко». // ГОПАПО Ф.6179. Оп. 1. Д.5. Протоколы общих собраний парторганизации ВКП(б) Молотовского государственного медицинского института за 1949 г. С. 26.
34. ГОПАПО. Ф.6179 (Первичная организация Молотовского медицинского института). Оп.1. Д.2. С. 82.
35. Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР... С. 123.
36. Может быть поэтому, текст выступления К.М. Хмелевского на партийном собрании в медицинском институте оказался в папке с материалами, отобранными в обкоме для доклада ЦК о деятельности областной организации. См.: ГОПАПО Ф.105. Оп.15. Д. 126. Отчет о работе обкома ВКП(б) Центральному Комитету партии о деятельности областной парторганизации и материалы к отчету. Доклад «Руководство областной парторганизации хозяйственной деятельностью промышленности, транспорта культурного строительства». 1949.
37. См: ГОПАПО. Ф.6179 (Первичная организация Молотовского медицинского института). Оп.1. Д.2. С. 100 — 100(а), 103.
38. Там же, С. 103.
39. Этого отречения ему семья В.В. Парина не простит. Отношения между братьями после реабилитации В.В. Парина так и не восстановятся в полном объеме. Интервью с А.В. Париным. Май 2003 г. // Архив автора.
40. См.: ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. С. 18.
41. См.: Звезда. 1947. 14 февраля.
42. В реплике на партийном собрании в мединституте К.М. Хмелевский обмолвился о каком-то своем разговоре с Белецким. Из контекста следовало, что собеседники встречались не так давно. Возможно, что и в начале февраля 1947 г. См.: ГОПАПО. Ф.6179. Оп.1. Д.2. С. 116.
43. Осторожность в духе времени проявили и местные власти. На просьбу директора мединститута Сумбаева, адресованную председателю молотовского горисполкома, снабдить вдову покойного В.Н. Парина дополнительным лимитным питанием, последовал отказ. См.: Личное дело В.Н. Парина // Архив ПГМА. Ф.1. Оп. 1. Д. 292. Т.2. С. 330-330 (об) — 331.
44. «Вчера меня встретил ассистент Алфимов и спрашивает, правда ли, что Парину Борису — брату Парина Василия — запрещено жить в университетских городах и что его выселяют из г. Молотова. Я сказал, что ничего не знаю. Спрашиваю, откуда он узнал; он говорит, что у нас многие об этом говорят», докладывал в обком зам. парторга Мединститута Бирюков ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. С. 17.
45. Протокол № 9 Закрытого совещания членов и кандидатов ВКП(б) парторганизации Молотовского Стоматологического института, состоявшегося 2 августа 1947 года // ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. С. 15.
46. ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. С. 28; Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР. ... С. 268.
47. Нельзя сказать, что именно А.М. Глебова *посадила* профессора Розенгольца. Тот был обречен в силу родственных отношений с одним из подсудимых на показатель-

ном процессе в марте 1938 г. наркомвнешторгом СССР А.П. Розенгольцем. Однако, показания против него она дала. На заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР Г.П. Розенгольц заявил: «В отношении Глебовой я могу сказать только то, что она сводит со мной личные счеты». ГОПАПО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 10045 . Т.2. С. 228. В июле 1947 г. профессор Б.В. Парин оказался в идентичной ситуации.

48. Из выступления на пленуме обкома ВКП(б) Козлова (начальника УВД Молотовской области): (...) «В 1949 г. органами МВД по письмам рабочих были вскрыты факты крупнейших злоупотреблений в Молотовском бактериологическом институте со стороны директора этого института Глебовой. Следствием было установлено, что Глебова разбазарила свыше 500 литров спирта на сумму 65 тыс. рублей. За 10 литров спирта в 12 стройтресте купили полвагона цемента, из которого построили Глебовой во дворе ее квартиры гараж для купленного ей лично «Москвича». Подсобным хозяйством института Глебова распоряжалась как своим личным. Без санкции министерства организовала в нем дом отдыха для сотрудников института. Стоимость путевки установила 30 рублей в месяц, или 1 рубль с человека в день. Своего мужа устроила консультантом института, которому незаконно выплатила до 10 тыс. государственных средств. Когда мной был поставлен вопрос о привлечении Глебовой к ответственности, ко мне вместе с Глебовой приезжает секретарь Сталинского райкома т. Гаряев в качестве адвоката. Нельзя ли, мол, что-нибудь сделать полегче. Вы очень серьезно завернули. Вызывают и допрашивают секретаря п/о института, тогда как она сама вместе с Глебовой раздавала спирт. Городской комитет партии, идя на поводу у Глебовой, это дело смазал. Принципиального решения, с точки зрения охраны государственной собственности, не принял. ... Точно так же либерально подошло бюро обкома, ограничившись выговором Глебовой. На бюро обкома я выступал и требовал исключения Глебовой из партии и привлечения к уголовной ответственности, но тов. Лошкарев встал в позу защитника, заявляя: «Мы это дело разбирали, Глебовой объявили выговор, она прочувствовала, надо посмотреть — и так это дело смазал /в зале — смех/» ГОПАПО. Ф.105. Оп.16. Д.2. Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13 01 1950 — 14 01 1950. — С. 137-138.; Тов. Прассу. Анонимное письмо. 13 02 1950 г. // ГОПАПО. Ф.105. Оп.16. Д.219. Материал по проверке жалобы на бывшего директора института микробиологии и эпидемиологии министерства здравоохранения Глебовой А.М. 13 02 1950 — 25 02 1950. С. 3.

49. См.: Куляпин — Хмелевскому 15 03 1949 // ГОПАПО Ф.105 Оп.15. Д.131. (Докладные записки. Справки по вопросам работы НКВД, НКГБ, суда и прокуратуры Молотовской области. 8 01 1949 г. – 25 07 1949 г.). С. 56–62.

50. Выступая на партийном собрании, посвященном закрытому письму ЦК, профессор Коза искренне недоумевал, как можно кому-то что-то отдавать бесплатно: «Роскин и Клюева американцам дают совершенно даром способы борьбы с раком. Не говоря уже о политическом значении, это просто глупость в общечеловеческой здравой среде». ГОПАПО. Ф.6179 (Первичная организация Молотовского медицинского института). Оп.1. Д.2. С. 64.

51. ГОПАПО. Ф.105. Оп.16. Д.219. С. 3.

52. Мадонов — Лященко 1 сентября 1947 г. // ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. С. 84-86.

53. В.Н. Парин вряд ли мог иметь какое бы то ни было отношение к Союзу Михаила Архангела. Во всяком случае, в многочисленных анкетах и характеристиках не удалось найти никаких упоминаний об этом. Да и его позиция в гражданской войне никак не свидетельствовала о его принадлежности к крайне правым. Чем-то он был сродни М.М. Бахтину, не скрывавшему, что в старой России он «аполитичен был совершенно. Аполитичен, но не сочувствовал, конечно, крайним». Бахтин М.М. Беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. С. 78. Напомним также, что Б.В. Парин с должности заместителя директора института был уволен еще весной, о чем А.М. Глебова должна была знать.

54. ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. С. 13(об) — 14.

55. Лященко — Пегову. 26 августа 1947 г. // ГОПАПО. Ф.105. Оп.13. Д.141. С. 79-80.
56. «В ранних работах профессора Б.В. Парина, выполненным им еще в студенческие годы и первый год после окончания вуза на кафедре микробиологии Пермского университета в результате аполитичности и некритического отношения тогда автора, были допущены ошибки идеологического порядка. В своей последующей 20-ти летней врачебно-научной деятельности в области хирургии Б.В. Парин, как отмечает комиссия, ни в одной из своих 75 хирургических работ не приводил идеи расизма, антидарвинизма, антимичуринского направления, виталистических, схоластических, метафизических взглядов» // Протокол № 1 заседаний Ученого Совета. 5 01 1949 г. // ГАПО Фр. 1117. Оп. 1. Д.157. С.6.
57. ГОПАПО. Ф.6179 (Первичная организация Молотовского медицинского института). Оп.1. Д.2. С. 65.
58. Троцкий Л. Памяти Свердлова // Луначарский и др. Силуэты: политические портреты. М., 1990. С. 334.
59. ГОПАПО. Ф.6179 (Первичная организация Молотовского медицинского института). Оп.1. Д.2. С. 58.
60. Там же. С. 63 -64.
61. «Существовал культ Париных в институте. Возьмите Париных — отец, сын и второй сын, который оказался шпионом. По мере возвышения Париных у нас создавался своеобразный культ Париных; о них говорили по радио, в газете, и сами они себя рекламировали. В нашем медицинском институте дирекция весьма сочувственно относилась ко всему этому. (...) Надо сказать, Парины разделывались с теми, кто осмеливался справедливо их критиковать. Возьмите случаи с Шац, с Налимовой, с Шиповым. Об этом все знают. Мне кажется, что на этот культ Париных, я бы сказал, паринизм в нашем институте, должны были обратить внимание дирекция, партийные и советские организации. Ведь это ведет к весьма тяжелым общественным последствиям, которые отражаются на воспитании молодежи, на молодых врачах. Нам нужно быть очень бдительными и, наконец, в отношении дел, нам нужно ликвидировать все отрицательные моменты, которые связаны с паринизмом». Там же, С. 65–66.
62. Там же, С. 69.
63. Там же, С. 78–80
64. Там же С. 81–82.
65. Там же. С. 100–108.
66. ГОПАПО. Ф.105. Оп.15. Д. 126. С. 153.
67. Там же, С. 156.
68. Там же, С. 148.
69. Там же, С. 158.
70. Там же, С. 163.
71. Такая ситуация была характерна и для гуманитарной академической среды. В те годы «среди философов МГУ шла непрерывная идейная борьба доносов и амбиций не на жизнь. (...) И кремлевскому дракону, еще не издохшему, приходилось урезонивать и мирить своих граждан-философов через аппарат ЦК». Махлин В. Тоже разговор // Вопросы литературы. Май-июнь. 2004. С. 16.
72. Для Б.В. Парина настали, однако, трудные времена. И кафедру, и клинику за ним до поры до времени сохранили, но на собраниях продолжали критиковать. Бюро обкома ВКП(б) в своем решении от 27 июля 1948 г. предписало изъять из обращения только что изданную им брошюру «Очерк научной деятельности кафедры общей хирургии Молотовского медицинского института за годы Великой Отечественной войны» под предлогом якобы содержащейся в ней саморекламы // ГОПАПО Ф.105. Оп.14. Д.59. (Протоколы 19-20 заседаний бюро обкома ВКП(б) 27 июля 1948 г.). С. 13.

AUTHORITY AND SOVIET INTELLIGENCY

(Molotov physicians in political campaign 1947)

The events which caused cardinal changes in the provincial university environment during public discussion «case of Klyueva-Roskin» are reconstructed in the article on the basis of extensive archival materials. Value of the clan form of the social organization of a professional life comes to light. The complex interrelation between the great political actions spent by Stalin leadership, and clan struggle in scientific and educational establishments is revealed. Features of political behaviour of regional party authority in a disputed zone come to light.

O.L. Leybovich

А.В. Сушков

Н. И. Беляев: политическая карьера члена высшего руководства СССР

В поле зрения исследователей политической истории СССР чаще всего попадают первые фигуры высшего руководства страны — главы государства, лица же, входившие в высшие эшелоны власти на вторых и третьих ролях, представляют собой в исторических исследованиях серый однообразный фон. Между тем внутреннюю и внешнюю политику государства определяли не только первые лица. Поэтому для наиболее полного и объективного воссоздания политической истории необходимо обратить внимание и на тех людей, которые составляли окружение главы государства. К таким руководителям относился Николай Ильич Беляев, во второй половине 1957 г. занимавший ключевые посты в системе партийно-государственного руководства СССР — заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству, входивший в состав полноправных членов Президиума ЦК КПСС — высшего органа власти страны. Этот короткий период времени — середина и конец 1957 г. — стал звездным часом в его политической карьере.

За несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны Н.И. Беляев, — руководящий работник заготовительных органов и потребкооперации Новосибирской области, был выдвинут на пост секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) по пищевой промышленности, а спустя три недели после начала войны был назначен первым заместителем председателя Новосибирского облисполкома. Положительно зарекомендовав себя на этом посту, в январе 1943 г. Н.И. Беляев был переведен в Алтайский край и поначалу возглавил краевой исполком, а уже через полгода был утвержден первым секретарем крайкома партии [1].

В первые послевоенные годы Алтайский край и его первый секретарь «гремели» на всю страну: в тяжелое для сельского хозяйства СССР время краю удавалось выполнять не только государственные планы хлебозаготовок, но и повышенные обязательства. Периодически на край проливался «золотой дождь» государственных наград, не обошедший стороной и Н.И. Беляева (в мае 1947 г. он был награжден орденом Ленина), а его фамилия не сходила с центральных полос «Правды». Однако добиться стабильных высоких урожаев, несмотря на титанические усилия, ему так и не удалось, и головокружительные успехи чередовались с серьезными неудачами [2]. Поэтому положение Н.И. Беляева в руководстве Алтайского края было устойчивым, но не более.

Все изменилось с приходом к власти Н.С. Хрущева. Уже в конце 1953 г. Беляев активно поддержал инициативу Первого секретаря ЦК КПСС об освоении целинных и залежных земель. А на сле-

дующий, 1954 г., Алтайский край, благодаря введению в сельскохозяйственный оборот новых, только что освоенных земель, сдал к середине октября 192 млн. пудов зерна: в сравнении с 12 млн. пудов, за которые «Правда» в 1946 г. превозносила край и его первого секретаря, эта цифра выглядела впечатляющей [3]. Н.С. Хрущев при помощи Н.И. Беляева доказал себе и своим оппонентам в высшем руководстве страны большие возможности освоения целины. Эти события предопределили и дальнейшую партийную карьеру Н.И. Беляева: Июльский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС утвердил его в должности Секретаря ЦК КПСС. При распределении обязанностей в Секретариате ЦК Н.С. Хрущев поручил ему курирование сельского хозяйства, но уже в масштабах всей страны, и, в первую очередь, ответственность за освоение целинных земель. Спустя полгода, после XX съезда КПСС, к этой должности прибавилась еще одна: постановлением Президиума ЦК КПСС от 27 февраля 1956 г. он был утвержден одновременно заместителем председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР [4].

Официально Бюро было создано «в целях более конкретного руководства работой республиканских организаций, областных, краевых партийных, советских и хозяйственных органов и более оперативного решения вопросов хозяйственного и культурного строительства РСФСР» [5]. Фактически же был создан орган, аналогичный по структуре и властным полномочиям аппаратам и руководящим органам Центральных Комитетов компартий союзных республик, с той лишь разницей, что не было учреждено компартии РСФСР. Отделы Бюро также отличались только названиями — отделы ЦК КПСС по РСФСР.

Российская Федерация по объемам производства в промышленности и сельском хозяйстве находилась на первом месте в СССР, и по занимаемой площади была больше всех остальных 14-ти республик вместе взятых. Партийный руководитель РСФСР на тот момент имел в подчинении 73 (!) обкома и 6 крайкомов КПСС. Поэтому Н.С. Хрущев, дабы не допустить в руководстве двоевластия, и не создать, по сути, еще одного Первого секретаря ЦК КПСС, закрепил себя официальным руководителем Бюро ЦК КПСС по РСФСР, а фактически во главе его поставил своего заместителя по Бюро. Секрета из этого он не делал и прямо заявил о таком распределении обязанностей на организационном Пленуме ЦК 27 февраля 1957 г.: «Российская Федерация очень большая и надо, чтобы в партии не получилось какого-то раздвоения. Сперва может начаться с мелочей, а потом углубиться и привести к плохим последствиям. [...] Всем понятно, что председатель работать постоянно не сможет. Он будет работать постольку, поскольку он, Первый секретарь, он сейчас всеми вопросами Президиума и Секретариата ЦК занимается, в том числе и Российской Федерацией. Поэтому проводить все заседания, готовить заседания по Российской Федерации он, видимо, не в состоянии будет. Для этого нужен ему заместитель, который бы постоянно работал только на этом деле. Есть предложение выдвинуть таким заместителем товарища Беляева». И тут же его охарактеризовал: «Он хорошо знает партийную работу, хорошо знает сельскую, хорошо знает Российскую Федерацию, его хорошо знают. Такая кандидатура вполне удовлетворяет нас» [6].

В то же время, и в этом уникальность положения Н.И. Беляева, он сохранил за собой пост Секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству и, таким образом, продолжал курировать не только российские, но и все остальные регионы СССР.

Беляев жестко проводил линию Н.С. Хрущева на освоение целинных земель, невзирая на противодействия ее противников из состава полноправных и весьма влиятельных членов Президиума ЦК КПСС. На одном из заседаний Президиума ЦК Л.М. Каганович, не выдержав, с яростью накричал на Беляева, что тот — из ячейки, и не имеет права перечить ему — тридцать лет заседавшему в Политбюро [7]. Поэтому Н.И. Беляев не мог не осознавать, что без Н.С. Хрущева у него мало шансов удержаться в высшем руководстве СССР, и это предопределило его поведение в июне 1957 г. в ходе предпринятой большинством членов Президиума ЦК КПСС попытки сместить Н.С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС.

Оказав Н.С. Хрущеву поддержку, Н.И. Беляев был вознагражден введением в состав полноправных членов Президиума ЦК КПСС [8]: он становится одним из влиятельнейших членов

высшего руководства СССР, достаточно близких к Первому секретарю ЦК. В Президиуме ЦК КПСС Н.И. Беляев стал возглавлять различные временные комиссии по вопросам, касавшимся сельскохозяйственного производства. В июле 1957 г. Н.С. Хрущев и Н.И. Беляев вместе объездили восточные регионы СССР, где одно за другим провели совещания работников сельского хозяйства [9]. Разовый успех Н.И. Беляева в Алтайском крае при реализации линии Н.С. Хрущева на освоение целинных земель дал повод последнему считать его крупным специалистом в области сельского хозяйства. Однако в то же время у Хрущева постепенно начинает складываться сомнение в способности Н.И. Беляева осуществлять руководство и крупнейшей республикой, и сельским хозяйством в масштабах страны, что в скором времени привело к заметному ослаблению его позиций.

События, произошедшие в высшем руководстве СССР в конце 1957 г. говорят о том, что Н.С. Хрущев был недоволен сложившейся ситуацией в руководстве Российской Федерации: глава государства решил одновременно сменить и партийного руководителя РСФСР — заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Н.И. Беляева, и председателя Совета Министров республики — М.А. Яснова. Н.И. Беляев лишался не только должности зампреда Бюро ЦК КПСС по РСФСР, но и, фактически, обязанностей Секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству, так как Хрущев решил его назначить на пост первого секретаря ЦК компартии Казахстана. Весь комплекс причин такого перемещения, серьезно ослабившего позиции Н.И. Беляева в высшем руководстве СССР, на данный момент неизвестны. Известно лишь то, что Первый секретарь ЦК был недоволен результатами хлебозаготовок в Казахстане, о чем он прямо заявил на Декабрьском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, и Беляев, таким образом, действительно направлялся на укрепление местного руководства. 4 декабря 1957 г. состоялось последнее в 1957 г. и последнее под председательством Н.И. Беляева заседание Бюро ЦК КПСС по РСФСР [10]. Действовавшего первого секретаря ЦК КП Казахстана И.Д. Яковлева Н.С. Хрущев решил передвинуть на ступень ниже — вторым секретарем республиканского ЦК.

Эти перестановки были обнародованы Н.С. Хрущевым на состоявшемся 16 — 17 декабря 1957 г. Пленуме ЦК КПСС. На последнем, вечернем заседании Пленума 17 декабря он сделал заявление о необходимости усилить руководство Казахстана: «Товарищи Яковлев и Кунаев работают хорошо, они стараются, но все-таки мы считаем — работа еще не находится на должном уровне, в результате чего мы не получаем всего того, что может дать Казахская республика». И сообщил, что Н.И. Беляев рекомендуется первым секретарем ЦК КП республики, а И.Д. Яковлев — вторым секретарем ЦК. Чуть позже Хрущев заметил, что Н.И. Беляеву не следует совмещать секретарство в республике и в ЦК КПСС [11].

На состоявшемся на следующий день заседании Президиума ЦК КПСС Н.И. Беляев уже в официальном порядке был освобожден от обязанностей зампреда Бюро ЦК КПСС по РСФСР с формулировкой: «в связи с переходом его на другую работу».

26 декабря 1957 г. в Алма-Ате прошел IX пленум ЦК компартии Казахстана. Открывший пленум председатель правительства республики Д.А. Кунаев предоставил слово Н.И. Беляеву, который, сославшись на выступление Хрущева на Декабрьском Пленуме ЦК КПСС, сказал о необходимости повысить уровень руководства бюро ЦК КП Казахстана, и предложил: «Президиум ЦК КПСС обращается к вам, к пленуму, с предложением избрать нового первого секретаря ЦК компартии Казахстана из состава членов Президиума ЦК КПСС. Собственно, я должен себя рекомендовать». Д.А. Кунаев, чтобы снять неловкость, взял на себя его представление пленуму, охарактеризовал Беляева, как опытного государственного деятеля, и выразил мнение, что члены республиканского ЦК должны поддержать рекомендацию Президиума ЦК КПСС [12]. После утверждения Беляева пленум произвел серьезные кадровые перестановки в партийном руководстве Казахстана.

Масштаб этих перестановок был предопределен тем, что сразу по окончании работы Декабрьского Пленума ЦК КПСС И.Д. Яковлев обратился в Президиум ЦК КПСС с просьбой предоставить ему руководящую партийную работу за пределами Казахстана. Скорее всего, его просьба была обусловлена нежеланием переходить с главенствующего положения в республике на положение «второго человека»,

усугубленным тем обстоятельством, что первым секретарем утверждался полноправный член Президиума ЦК КПСС. Президиум ЦК удовлетворил просьбу И.Д. Яковлева и отозвал его в распоряжение ЦК КПСС для последующего «направления на руководящую партийную работу в одну из областей РСФСР»: в январе 1958 г. он был назначен первым секретарем Ульяновского обкома КПСС [13]. Поэтому IX пленум ЦК КП Казахстана освободил Яковлева от обязанностей первого секретаря ЦК и члена бюро. Однако второй секретарь республиканского ЦК, на место которого планировалось назначить И.Д. Яковлева — Н.И. Журин, все же не сохранил своего положения, был освобожден от этих обязанностей, и на пленуме был выведен из состава членов бюро ЦК, а затем утвержден первым секретарем Северо-Казахстанского обкома КП Казахстана [14]. Все эти перестановки свидетельствовали о решимости Н.С. Хрущева существенно изменить руководящий состав республики, а, следовательно, и о степени возлагавшихся надежд на Н.И. Беляева.

Хоть как-то компенсировать утрату Н.И. Беляевым ключевых постов в системе высшего руководства Н.С. Хрущев решил путем его введения в состав членов органа власти, определявшегося конституцией в качестве одного из высших органов государственной власти СССР, в действительности же не имевшего реальных властных полномочий — Президиум Верховного Совета СССР. Н.И. Беляеву должно было польстить, что лишь он и еще один влиятельнейший член высшего руководства страны, Второй секретарь ЦК КПСС А.И. Кириченко из всего состава полноправных членов Президиума ЦК КПСС получили в марте 1958 г. места в этом почетном органе власти [15].

Однако в том же году Н.С. Хрущев выполнил свое обещание освободить Н.И. Беляева от обязанностей Секретаря ЦК КПСС. Это решение никоим образом не отразилось ни на деятельности руководящих органов ЦК КПСС, ни на властных полномочиях самого Беляева, т.к. он уже с конца 1957 г. не исполнял эти обязанности, продолжая оставаться в составе Секретариата ЦК КПСС лишь формально, не имея какого-либо участка работы. После Декабрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС у Н.И. Беляева оказалось беспрецедентное, по крайней мере, за последнее десятилетие, сочетание постов Секретаря ЦК КПСС и секретаря ЦК нацкомпартии. Совмещение обязанностей Секретаря ЦК партии и руководителя региональной парторганизации иногда практиковалось только у первых секретарей Московского и Ленинградского обкомов партии, Московского горкома, подчеркивавшее значение «столичных» партийных комитетов и облегчавшееся относительной географической близостью к аппарату ЦК партии. Работать одновременно в Алма-Ате и на Старой площади в Москве Н.И. Беляев не мог, так как географическая удаленность от Кремля негативно отражалась даже на полноценности его участия в деятельности Президиума ЦК КПСС. Однако есть основания утверждать, что лишением Беляева статуса Секретаря ЦК КПСС Хрущев не ставил задачу ослабления его положения, а запоздалое решение об освобождении (т.к. начиная с декабря 1957 г. состоялись несколько Пленумов ЦК, на которых Беляев мог бы быть освобожден от секретарства) объясняется, по всей видимости, желанием Н.С. Хрущева, чтобы Н.И. Беляев меньше занимался «посторонними» делами и всецело сосредоточился на целине. Скорее всего, слишком частое появление его в Москве в качестве члена Президиума ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР, а также на различных деловых и многочисленных торжественных мероприятиях вызывало раздражение главы государства, так как продолжения чуда на целине не происходило: 1958 г. из-за сложных погодных условий был средним по урожайности. На эти причины указывает и время постановки вопроса о работе Н.И. Беляева — ноябрь, когда в Казахстане подводились итоги прошедшего сельскохозяйственного года.

После рассмотрения основного вопроса повестки дня Пленума ЦК КПСС 12 ноября 1958 г., председательствовавший на заседании А.И. Кириченко внес на рассмотрение проект постановления о Н.И. Беляеве: «В связи с переходом Секретаря ЦК КПСС товарища Беляева на постоянную работу первым секретарем ЦК компартии Казахстана и невозможностью ввиду этого принимать постоянное участие в работе Секретариата ЦК КПСС, освободить товарища Беляева от обязанностей Секретаря ЦК КПСС». Обеспокоившись созданием видимости внутрипартийной демократии, Н.С. Хрущев тут

же предложил записать в формулировке решения не «в связи с переходом», а «в связи с избранием». Проект постановления был единогласно утвержден с указанной Хрущевым поправкой [16].

Возглавив в декабре 1957 г. Казахскую ССР, Н.И. Беляев не счел нужным укреплять свой авторитет в руководстве республики и налаживать хорошие отношения с местными руководителями, часто вел себя грубо и высокомерно, причем не только с работниками среднего и низового эшелонов партийно-государственного аппарата, но и с членами бюро ЦК Казахстана, не считался с мнением других, всем своим поведением постоянно подчеркивая свое высокое положение полноправного члена Президиума ЦК КПСС и члена Президиума Верховного Совета СССР [17]. Будучи человеком грубоватым, что и сам признавал в частных разговорах, Беляев обладал также вспыльчивым характером, вплоть до того, что некоторых ситуациях терял самообладание. Его постоянные угрозы применения взысканий вплоть до исключения из партии, шокировавшие местное национальное руководство, а также практиковавшиеся им смещения с должности за любые, даже незначительные провинности, породили в республиканском партийно-государственном аппарате неуверенность в своем положении. В то же время, любое, даже слабое возражение Беляев воспринимал весьма болезненно. Поэтому, сосредоточив в своих руках все рычаги управления, замкнув на себя решение многих ключевых вопросов, прежде всего в области сельского хозяйства, и обладая вышеперечисленными личными качествами, Н.И. Беляев сковал инициативу не только местных руководителей, но и работников центрального республиканского аппарата, включая бюро ЦК нацкомпартии [18].

О Н.И. Беляеве периода его работы первым секретарем ЦК компартии Казахстана сохранилось свидетельство тогдашнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ С.П. Павлова, характеризующее главу республики: «Решили собрать пленум ЦК ЛКСМ Казахстана. В то время первым секретарем ЦК компартии республики был Беляев — типичный продукт сталинской эпохи: жесткий, амбициозный, не терпящий возражений. В его огромном кабинете, придя туда на прием, я пытался доказать ему, что хлеб и забота о людях неразделимы, что надо помочь людям, — он же смотрел мимо меня, давая понять, что терпит мое присутствие вынужденно» [19].

Главным объектом внимания Н.И. Беляева в Казахстане была целина, которая представлялась Н.С. Хрущеву как немедленное изобилие, стабильные ежегодные миллиарды пудов хлеба. На деле же целина полностью зависела от погодных условий, отрицательное воздействие на нее оказывала неправильная технология обработки земли. Мнения ученых Н.С. Хрущев сопоставлял с собственным видением проблемы и потому часто их не воспринимал, считая себя специалистом в области сельского хозяйства. А причины всех неудач, «прорывов», невыполнений планов ему виделись в том, что со стороны работников партийно-государственного аппарата осуществляется слабое или неверное руководство.

1959-й г. на целине оказался очень трудным по погодным условиям: значительная часть посевов погибла, свыше одного миллиона гектаров зерновых накрыл снег. Казахская ССР не выполнила не только свои обязательства, но даже государственный план закупок зерна [20].

Недовольство Хрущева вызвали и произошедшие в республике волнения: в начале августа 1959 г. в г. Темиртау прокатилась волна массовых беспорядков молодых рабочих на строительстве Карагандинского металлургического завода. Н.И. Беляев, находившийся в отпуске за пределами республики, узнав о масштабах волнений, поручил председателю Совета Министров Казахстана Д.А. Кунаеву немедленно выехать на место и принять соответствующие меры, что, однако, выполнено не было [21]. 17 октября 1959 г. опросом членов Президиума ЦК КПСС было принято постановление «О положении дел на строительстве Карагандинского металлургического завода», в котором указывались ошибки бюро ЦК КП Казахстана, но фамилия Беляева в постановлении не фигурировала [22].

На Декабрьском (1959 г.) Пленуме ЦК КПСС по сельскому хозяйству Н.И. Беляев выступил с докладом, основные положения которого Н.С. Хрущев расценил, как попытку уйти от ответственности за невыполнение плана хлебозаготовок. Поэтому в своем выступлении Первый секретарь ЦК КПСС подверг резкой критике руководство Казахстана, и конкретно Н.И. Беляева и пред-

совмина республики Д.А. Кунаева, которых он посчитал в первую очередь виновными в произошедшем на целине, пригрозив оргвыводами: «Русская пословица гласит: взялся за гуж, не говори, что не дюж. Тяни. Если чувствуешь, что не тянешь, скажи об этом прямо. Кадры у нас замечательные, есть, кем заменить. Это не угроза, товарищи. Вполне нормально, когда работника, не справляющегося с порученным делом, заменяет более способный человек, опытный организатор» [23].

Говоря о возможных организационных выводах, Н.С. Хрущев имел целью припугнуть руководителей регионов, и Н.И. Беляева в частности. И хотя его критика руководства Казахстана нашла свое отражение в постановлении Декабрьского Пленума ЦК «О дальнейшем развитии сельского хозяйства» [24], Хрущев не собирался снимать Н.И. Беляева с должности и выводить из Президиума ЦК КПСС. На самом Пленуме ЦК КПСС и сразу после него никакие внешние признаки опалы Беляева не проявлялись. Если бы Н.С. Хрущев решил на тот момент произвести оргвыводы, то сделал бы это сразу. Спустя всего пять дней после окончания работы Декабрьского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС, 30 декабря 1959 г., «Правда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении ряда руководящих работников медалью «За трудовую доблесть», и среди награжденных числился и Н.И. Беляев [25]. Однако уже в начале января 1960 г. на Секретариате ЦК КПСС, а затем на заседании Президиума ЦК КПСС был рассмотрен вопрос о руководстве республикой, главным итогом которого стало смещение Н.И. Беляева с поста первого секретаря ЦК компартии Казахстана и назначение вместо него Д.А. Кунаева.

Партийно-государственному аппарату страны в качестве причины смещения Беляева были названы его ошибки в руководстве сельским хозяйством Казахстана [26]. Официальная версия не должна была вызвать сомнений, так как все имели возможность ознакомиться с опубликованной в «Правде» стенограммой выступления Н.С. Хрущева на последнем Пленуме ЦК КПСС и его критикой руководства республики.

Д.А. Кунаев в своих воспоминаниях назвал причиной смещения Н.И. Беляева события в Темиртау. По версии Кунаева, Беляев не придал значения поступившей ему информации о массовых беспорядках, что имело негативные последствия, а затем выразил свое несогласие с решением Президиума ЦК КПСС от 17 октября 1959 г., в котором, как считает автор, Беляеву было «указано» на ошибки. Протест Н.И. Беляева привел к повторному рассмотрению Президиумом ЦК КПСС вопроса о Темиртау и освобождению его от должности [27].

Однако свидетельства Д.А. Кунаева идут вразрез с известными на данный момент фактами. Необходимо сразу отметить, что отдельно вопрос о событиях в Темиртау после принятого 17 октября 1959 г. постановления, Президиумом ЦК КПСС не рассматривался, а в принятых решениях не упоминались ни фамилия, ни должность Беляева. Вызывает сомнение то, что Кунаев и на склоне лет, когда работал над своими мемуарами, мог забыть события, в результате которых он пришел к руководству республикой, два с половиной десятилетия ее возглавлял, и в этом качестве вошел сначала в состав кандидатов в члены, а затем шестнадцать лет являлся полноправным членом Политбюро ЦК КПСС.

У руководившего республиканским правительством с апреля 1955 г., а до этого занимавшего пост президента Академии наук Казахской ССР Динмухамеда Ахмедовича Кунаева сложились хорошие отношения с Леонидом Ильичем Брежневым, работавшим в середине 1950-х гг. сначала вторым, а затем первым секретарем ЦК компартии Казахстана [28]. Сохранились они и в последующем, когда к руководству республикой пришел Н.И. Беляев, тем более что характер и поведение нового руководителя не способствовали сближению. Как уже отмечалось, не было никаких признаков резкого ослабления позиций Н.И. Беляева сразу после Декабрьского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС. Но уже в начале января 1960 г. Секретариат ЦК КПСС, председательствование на котором, а значит и формирование повестки дня заседаний которого с 29 декабря 1959 г. осуществлял Л.И. Брежнев, рассмотрел на своем заседании вопрос о бюро ЦК компартии Казахстана [29]. Следовательно, инициатива постановки вопроса о Н.И. Беляеве, скорее всего, исходила от Л.И. Брежнева и Д.А. Кунаева, а не от Н.С. Хрущева, иначе вопрос изначально бы рассматривался на

заседании Президиума ЦК КПСС, а не в Секретариате ЦК, тем более что выезд на место специальной бригады ЦК КПСС с инспекторской проверкой не производился. Именно Л.И. Брежнев и Д.А. Кунаев, прежде всего, были заинтересованы в смещении Н.И. Беляева. Брежнев получал возможность поставить близкого ему человека на руководство экономически значимым регионом и резко ослабить позиции в высшем руководстве СССР как минимум не симпатизировавшего ему руководителя, а Кунаев, в свою очередь, шел на повышение. Не случайно было выбрано и время постановки данного вопроса. Хрущев еще не «остыл» от Декабрьского Пленума ЦК КПСС и событий в Темиртау, когда к имевшимся обвинениям Беляева добавилось недовольство последним членов бюро республиканского ЦК, до этого боявшихся даже слабо возразить, в чем-либо, своему первому секретарю, а на Секретариате ЦК КПСС, а затем и на последовавшем за ним заседании Президиума ЦК КПСС дружно и явно организованно против него выступивших [30]. Однако Л.И. Брежневу предстояло решить достаточно трудную задачу — убедить Н.С. Хрущева в необходимости именно такого организационного решения, когда нужно было не только сместить Н.И. Беляева, но и что наилучшей кандидатурой вместо него является именно Д.А. Кунаев, а сделать это было не легче, чем нанести удар по полноправному члену Президиума ЦК КПСС. Поэтому акцент был сделан на имевшихся ошибках и недостатках Н.И. Беляева в руководстве хозяйством Казахстана, а Д.А. Кунаев, не менее сильно критиковавшийся Н.С. Хрущевым на Декабрьском (1959 г.) Пленуме ЦК КПСС за провалы в сельском хозяйстве, и на пленумах республиканского ЦК за события в Темиртау, при этом оставался в тени. Кунаев, как и остальные члены бюро ЦК КП Казахстана, был представлен в качестве вынужденного исполнителя воли республиканского вождя.

Секретариат ЦК КПСС был неправомочен самостоятельно принимать какое-либо решение в отношении руководства республики, поэтому не только не было принято соответствующего постановления, но и обсуждение данного вопроса не было запротоколировано, а его итоги были доложены Л.И. Брежневым первым пунктом повестки дня заседания Президиума ЦК КПСС 7 января 1960 г. По докладу очередного ведущего Секретаря ЦК КПСС высказались присутствовавшие члены бюро ЦК КП Казахстана и заместители председателя правительства республики, взвалившие на Н.И. Беляева основную вину за неудачи последнего года, и хором настаивавшие на невозможности оставления его на занимавшейся должности [31]. Вопрос о руководителе республики был решен, остальную же, большую часть времени, Н.С. Хрущев отвел на обучение присутствовавших казахстанских руководителей «правильному руководству» сельским хозяйством [32]. В принятом Президиумом ЦК КПСС постановлении в духе насаждавшейся Хрущевым видимости партийной демократии, было признано необходимым обсудить «выявившиеся недостатки в руководстве ЦК КП Казахстана» на пленуме республиканского ЦК, принять участие в работе которого было поручено Л.И. Брежневу и заведующему Сельхозотделом ЦК КПСС по союзным республикам Г.А. Денисову [33].

Опросом членов бюро ЦК КП Казахстана 11 января 1960 г. было принято решение, изменившее повестку дня запланированного на 19 января пленума республиканского ЦК: в отличие от закамуфлированного постановления Президиума ЦК КПСС, в принятом решении было прямо заявлено, что вместо обсуждения итогов Декабрьского Пленума ЦК КПСС будет рассмотрен организационный вопрос [34]. Таким образом, четко спланированная Л.И. Брежневым акция завершилась успешно.

Еще за два дня до Пленума ЦК компартии Казахстана «Правда» поместила сообщение о вручении в Кремле медалей «За трудовую доблесть», где указывалось, что они были вручены «Н.И. Беляеву, первым секретарям ЦК КП: Латвии — А.Я. Пельше, Киргизии — И.Р. Раззакову...» и т.д. [35]. То, что занимаемая Беляевым должность в данном сообщении была опущена, еще раз свидетельствовало, что фактически он уже был смещен с поста первого секретаря республиканского ЦК.

На открывшемся 19 января 1960 г. XVII пленуме ЦК КП Казахстана с участием Л.И. Брежнева тон дальнейшим выступлениям задал в своем докладе новый глава Казахстана Д.А. Кунаев, хоть и указавший на ошибки в руководстве всех членов бюро ЦК, но главным виновником представивший Н.И. Беляева [36]. Партийно-государственный аппарат республики, получивший,

наконец, возможность высказать в глаза присутствовавшему, но поверженному вождю, без страха за возможные последствия, максимально использовал долгожданный момент. Критика ошибок и недостатков Н.И. Беляева в управлении хозяйством республики растворилась в обвинениях в нарушении «ленинских принципов подбора, расстановки и воспитания кадров», и навязанного им стиля организационно-партийной работы, а именно — в грубости, вспыльчивости, высокомерии, запугивании, недоверии и пренебрежительном отношении к местным кадрам, игнорировании мнения других, и даже в отсутствии активности в работе. Наиболее болезненными для самолюбия Беляева были неоднократные сравнения стиля его работы со стилем Л.И. Брежнева, причем не в пользу первого. Из выступивших в прениях двадцати одного руководителя только двое призвали не сваливать всю вину на Беляева, сгладить тяжесть обвинений попытался и Л.И. Брежнев, бросивший реплику, что дело не только в одном Беляеве [37].

Закончивший в тот же день свою работу пленум произвел намеченные кадровые перестановки.

Н.С. Хрущев решил направить Н.И. Беляева первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС, вместо переводившегося на пенсию по состоянию здоровья И.К. Лебедева. Край в 1959 г. взял обязательство выполнить два с половиной годовых плана по мясу, но, несмотря на титанические усилия, с поставленной задачей не справился. К тому же здоровье И.К. Лебедева, действительно, было сильно подорвано [38].

Кандидат в члены Президиума, Секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов, представляя на состоявшемся 28 января 1960 г. организационном пленуме Ставропольского крайкома КПСС Н.И. Беляева, в общих чертах сообщил о допущенных им ошибках в руководстве промышленностью и сельским хозяйством Казахстана, но отметил, что, по мнению ЦК КПСС, «товарищ Беляев заслуживает партийного доверия», и поэтому он рекомендуется на руководящую работу в качестве первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС [39]. Следом с признанием допущенных ошибок выступил сам Н.И. Беляев.

Несмотря на высказанную П.Н. Поспеловым уверенность в том, что Н.И. Беляев справится с новыми возложенными на него обязанностями, Н.С. Хрущев исподволь начал подготовку партийно-государственного аппарата, четко улавливавшего малейшие нюансы во взаимоотношениях в высшем руководстве СССР, к удалению Беляева из состава членов Президиума ЦК КПСС. После нового назначения Н.И. Беляев перестал приглашаться на заседания Президиума ЦК КПСС, а его имя исчезло со страниц газет. Перестал он появляться на приемах в Кремле, на различных торжественных заседаниях, не было его и среди членов высшего руководства, провожавших Н.С. Хрущева в Индонезию 10 февраля, или во Францию 23 марта. Отсутствовал Беляев даже на трибуне Мавзолея во время праздничной демонстрации 1 мая 1960 г.

Поэтому Н.И. Беляев, получивший приглашение на назначенное на 4 мая 1960 г. в преддверии Пленума ЦК КПСС заседание Президиума ЦК, мог предположить, что речь пойдет, в том числе, и о нем. На заседании Н.С. Хрущев предложил вывести Н.И. Беляева, наряду с К.Е. Ворошиловым и также попавшим в опалу А.И. Кириченко, из состава полноправных членов Президиума ЦК КПСС. Н.И. Беляев, как и все присутствовавшие, высказался в поддержку данного предложения, а состоявшийся в тот же день Пленум ЦК КПСС утвердил это решение своим постановлением [40].

После смещения с поста первого секретаря ЦК компартии Казахстана и, особенно, после вывода из состава Президиума ЦК КПСС, у Н.И. Беляева произошло резкое ухудшение состояния здоровья, непосредственным образом отразившееся на его работоспособности. По сравнению с энергичным предшественником, Беляев отличался на новом посту своей пассивностью. По свидетельству М.С. Горбачева, в то время — второго секретаря Ставропольского крайкома комсомола, Н.И. Беляев производил впечатление человека совершенно потерянного, выбитого из колеи [41]. Эти обстоятельства значительно облегчили проблему обоснования смещения Беляева, а также сделали сам процесс смещения менее болезненным, нежели полгода назад на пленуме ЦК КП Казахстана, так как жесткой критики в отношении Н.И. Беляева на пленуме Ставропольского крайкома КПСС развернуто не было.

На пленум крайкома партии, состоявшийся 25 июня 1960 г., в Ставрополь прибыл завотделом парторганов ЦК КПСС по РСФСР М.Т. Ефремов. В своем докладе на пленуме Ефремов указал на прежние ошибки Беляева в руководстве сельским хозяйством Казахстана и на его ответственность за события в Караганде, однако сделал акцент на его растерянности, робости и неуверенности в работе на занимаемой на тот момент должности, заключив: «ЦК КПСС не видит в нем смелого, волевого, решительного, принципиального секретаря крайкома партии» [42].

На пленуме представитель ЦК КПСС не скрывал, что инициатива смены руководителя края исходит от Президиума ЦК КПСС. Н.И. Беляев был освобожден от обязанностей первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС, а спустя три дня, 28 июня 1960 г., Секретариат ЦК КПСС принял решение установить ему в связи с болезнью персональную пенсию союзного значения [43]. От занимавшегося Н.И. Беляевым в недавнем прошлом высших партийно-государственных постов остались лишь формальные: он продолжал оставаться членом ЦК КПСС и членом Президиума Верховного Совета СССР.

Н.И. Беляев скончался в возрасте 63-х лет, через два года после смещения с поста главы государства сыгравшего столь значительную роль в его судьбе Н.С. Хрущева — 28 октября 1966 г. Действовавшее на тот момент высшее руководство СССР не сочло необходимым обнародовать в центральной печати официальное сообщение о смерти бывшего члена Президиума и Секретаря ЦК КПСС. «Правда» 30 октября лишь поместила на своей последней странице в заключительной колонке некролог с фотопортретом Н.И. Беляева, подписанный «группой товарищей». Беляев был похоронен на Новодевичьем кладбище, где спустя пять лет появилась и могила его бывшего патрона — Н.С. Хрущева.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 19. Д. 511. Л. 6 об.,18-21; Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 163. Л. 1; Д. 221. Л. 206; Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. П-1. Оп. 92. Д. 135. Л. 1.
2. ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 92. Д. 135. Л. 1 об.; Правда. 1946. 29 сентября; 1947. 24 февраля; 1947. 20 марта; 1947. 31 марта; 1947. 23 мая; 1948. 26 февраля; 1948. 28 августа; 1948. 4 октября; 1948. 9 октября; См. также выступление Н.И. Беляева на сессии Верховного Совета СССР II созыва 11 марта 1949 г. — Правда. 1949. 14 марта.
3. Правда. 1953. 11 декабря; 1954. 14 ноября.
4. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 177. Л. 8-9; Д. 186. Л. 1об.
5. Справочник партийного работника. Вып. 1. М., 1957. С. 127.
6. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 187. Л. 28-35.
7. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 277.
8. Там же. С. 506, 507.
9. Ежегодник Большой советской энциклопедии. 1958. М., 1958. С. 20.
10. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 282. Л. 186; Ф. 13. Оп. 1. Д. 186. Л. 1.
11. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 282. Л. 186-187, 189.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 57. Д. 212. Л. 128-132.
13. Там же. Л. 130; РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 193. Л. 3; Кунаев Д.А. О моем времени // Простор.1991. № 11. С. 13.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 57. Д. 212. Л. 128-132.
15. Известия. 1958. 28 марта.
16. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 337. Л. 78-79.

17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 230. Л. 23, 29, 32-33, 40, 43, 65-66, 68, 73, 78, 85-86, 100-101, 104, 119-121, 129, 132-133, 139, 141, 152, 159-161.
18. Там же. Л. 23, 35, 67, 73, 93-94, 101, 119-121, 129, 133, 136, 138, 155.
19. Павлов С.П. «На смену придут другие — смелее и лучше нас...» // Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. М., 1989. С. 203.
20. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 — 1986). Т. 9. М., 1986. С. 475-476.
21. Лельчук В.С. 1959 год. Расстрел в Темиртау // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 289.
22. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 6. Д. 10. Л. 4-6.
23. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 22 — 25 декабря 1959 года. Стенографический отчет. М., 1960. С. 404.
24. Там же. С. 427.
25. Правда. 1959. 30 декабря.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 59. Л. 384-386; Д. 943. Л. 222; Д. 962. Л. 212; Д. 1181. Л. 197; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 60. Д. 4. Л. 95.
27. Кунаев Д.А. Указ. соч. С. 15.
28. Брежнев Л.И. Целина. М., 1980. С. 14-15.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 230. Л. 1-2; Д. 250. Л. 17.
30. Там же. Д. 230. Л. 17-18, 44, 69, 82-83.
31. Там же; Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 415-417.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 230. Л. 124; Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Черновые протокольные записи заседаний. Т. 1. С. 417.
33. Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Черновые протокольные записи заседаний. Т. 1. С. 1068.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 234. Л. 6, 8.
35. Правда. 1960. 17 января.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 230. Л. 15-18.
37. Там же. Л. 58, 64, 69, 72, 97-98, 111, 127.
38. Там же. Д. 2543. Л. 7, 14, 16, 19.
39. Там же. Л. 7.
40. Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Черновые протокольные записи заседаний. Т. 1. С. 441-442; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 452. Л. 3, 10-16.
41. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 2543. Л. 183, 185, 191; Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1-2. М., 1995. Кн. 1. С. 99.
42. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 2543. Л. 182-183.
43. Там же. Л. 192.

N.I. BELYAEV: A POLITICAL CAREER OF A MEMBER OF UPPER LEADERSHIP OF THE USSR

A political biography of one of the influential members of the upper leadership of the USSR in the second half of 1950th – Nikolay Ilyich Belyaev, is analyzed in a context of the major events of political and social and economic history of the country, such as development of virgin lands, struggle for power in the

USSR leadership, excitement of young workers in Temirtau. The author shows realities of political life of the upper leadership of the USSR giving an example of person N.I.Beljaeva and his displacement from supervising posts as a result of L.I.Brezhnev«s and D.A.Kunaeva»s intrigues.

A.V. Sushkov

В. В. Запарий

Государство и бизнес: денационализация и трансформация системы управления металлургическим комплексом в 1990-е гг.

Основным мотивом проводившейся в стране и в отрасли крупномасштабной программы приватизации было, как заявлялось в официальных документах, осознание необходимости создания эффективной, социально ориентированной рыночной экономики, позволяющей на основе разгосударствления и реформирования собственности обеспечить оздоровление народного хозяйства.

Основу приватизационного законодательства в России составляли законы РФ, принятые в 1990 – 1994 гг., указы президента России и постановления Правительства РФ, Гражданский кодекс РФ, закреплявшие признание частной собственности на средства производства, предметы потребления и иное имущество, включая землю и другие природные ресурсы.

Эти законодательные документы определили приоритеты, объекты и методы приватизации государственного имущества в 1992 – 1994 гг. В соответствии с ними, начиная с 1 июля 1992 г., обязательному преобразованию в акционерные общества открытого типа подлежали все предприятия, находившиеся в государственной собственности и имевшие численность работавших более 1000 человек или балансовую стоимость основных фондов на 01.01.92 г. более 50 млн руб. Остальные предприятия могли быть преобразованы в такие общества по решению их трудовых коллективов. При принятии решений о приватизации объектов учитывалось мнение отраслевых ведомств [1].

Организацией приватизации государственного имущества в России занимался Государственный комитет РФ по управлению государственным имуществом (Госкомимущество России, преобразованный в дальнейшем в Мингосимущество России). В субъектах Российской Федерации и городах с населением свыше 1 млн человек Комитетом были созданы свои территориальные агентства. В круг задач Госкомимущества входили: разработка и предоставление правительству России проекта Государственной программы приватизации, изменений и дополнений к ней, а также проектов законов и других нормативных актов по приватизации; организация и контроль реализации Государственной программы приватизации; методическое руководство и контроль за проведением приватизации через свои территориальные агентства; создание комиссии по приватизации предприятий, находившихся в федеральной собственности, и принятие решений по их преобразованию и передаче свидетельств о собственности для продажи Российскому фонду федерального имущества.

Роль правительства на данном этапе приватизации в основном сводилась к выработке нормативных актов, согласованию с представительными органами власти на местах и принятию мер по ускорению процесса приватизации, защите интересов государства и населения с учетом общеэкономической и социально-политической ситуации, принятию решений об особых условиях приватизации важнейших государственных объектов.

С целью проведения процесса приватизации и вовлечения в него максимально широких слоев населения, в 1992-1994 гг. использовался путь продажи государственного и муниципального имущества за приватизационные чеки (ваучеры)*. Их роль на первом этапе была весьма существенна: на приватизируемых предприятиях 50-80% проданных акций были оплачены ваучерами. На первом этапе приватизации было разрешено формирование приватизационных фондов предприятий за счет неиспользованной прибыли, полученной в 1992-1993 гг. Эти средства зачислялись на личные приватизационные счета работников. При первом варианте приватизационных льгот 25% акций, а также часть зарезервированных акций в фонде акционирования работников предприятий передавались членам трудовых коллективов безвозмездно. График приватизации отдельного предприятия утверждался Госкомимуществом России и предусматривал сроки проведения закрытой подписки, чекового и денежного аукционов, а также инвестиционных торгов [2].

Согласно Государственной программе приватизации, все объекты и предприятия, находившиеся в федеральной собственности, были подразделены, в зависимости от возможности их приватизации, на следующие группы: 1)объекты и предприятия, приватизация которых была запрещена; 2)предприятия, приватизация которых осуществлялась исключительно по решению правительства; 3)объекты и предприятия, приватизация которых осуществлялась по решению Госкомимущества с учетом мнения министерств и ведомств; 4)приватизируемые в соответствии с местными программами приватизации; 5)подлежавшие обязательной приватизации [3].

Первая группа включала объекты, сохраняемые в собственности государства. К ним относились недра, лесной фонд, водные ресурсы, средства федерального бюджета, военное имущество, объекты культурно-исторического наследия, а также предприятия по производству ядерных, ядовитых и других материалов, находившиеся в монопольной собственности государства. Среди объектов этой группы практически нет предприятий черной металлургии. Вторая группа представляла объекты, находившиеся в федеральной собственности и имевшие важнейшее значение для экономики страны. Это предприятия топливно-энергетического комплекса, по переработке руд драгоценных металлов, радиоактивных элементов, железнодорожный и другие виды транспорта, объекты медицинской промышленности и ряд других. Сюда же относились предприятия добывающей промышленности, включая добычу и переработку железных руд. Третья группа наиболее многочисленна. В нее входили предприятия всех отраслей народного хозяйства, занимавшие на федеральном рынке более 35%, и крупные предприятия со среднесписочной численностью более 10 тыс. чел. или с балансовой стоимостью основных фондов более 150 млн руб., научно-исследовательские и проектные организации. Подавляющая часть предприятий черной металлургии входила в третью группу и приватизировалась по решению Госкомимущества с учетом мнения Комитета РФ по металлургии (Роскомметаллургия, затем Департамент металлургии) [4]. Четвертая и пятая группы в основном включали объекты муниципальной собственности.

Закон о приватизации в РФ и Государственная программа приватизации предусматривали следующие методы приватизации государственного имущества: продажу акций акционерных обществ открытого типа путем подписки и публичных торгов; продажу мелких предприятий со сто-

---

* В целях ускорения процесса приватизации и обеспечения платежеспособного спроса населения на объекты приватизации в четвертом квартале 1992 г. каждый гражданин получил по одному приватизационному чеку (ваучеру) номинальной стоимостью 10 тыс. руб., уплатив комиссионный сбор в размере 25 руб. Ваучеры были выданы с правом свободной продажи и покупки для использования в качестве платежного средства при приобретении объектов приватизации внутри страны. В дальнейшем были введены нормативы обязательной оплаты части стоимости приватизируемых предприятий ваучерами (не менее 80%) уставного капитала, а также организовано проведение специализированных чековых аукционов, где оплата производилась исключительно ваучерами.

имостью основных фондов до 1 млн руб. на аукционе, коммерческом конкурсе или инвестиционных торгах; продажу имущества ликвидируемых предприятий через аукционы и конкурсы; выкуп арендованного имущества работниками арендных предприятий. В отличие от мировой практики, оценка имущества приватизируемых государственных предприятий осуществлялась по фактической его стоимости на 1 июля 1992 г. по данным бухгалтерского учета. Основные фонды принимались по остаточной балансовой стоимости, оборотные активы — за вычетом кредитов и других заемных средств. Результаты оценки являлись начальной ценой предприятия при его продаже на аукционе или величиной уставного капитала при преобразовании в акционерное общество открытого типа [5].

В 1991 г. был принят Закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», дополненный указами президента РФ №341 от 29.12.91 и № 66 от 29.01.92 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий». В первом документе устанавливались основные положения программы приватизации предприятий на 1992 г., во втором был разработан механизм осуществления перехода госсобственности в частные руки.

Программой приватизации были установлены три варианта приватизационных льгот для работников предприятий [6]. Первый вариант предусматривал безвозмездную единовременную передачу всем членам трудового коллектива именных привилегированных акций в размере 25% уставного капитала, но не более 20-кратного размера минимальной месячной оплаты труда в расчете на одного работника [7]; закрытую подписку среди членов трудового коллектива и его пенсионеров на обыкновенные акции, составлявшие 10% уставного капитала, но не более 6-кратного размера минимальной месячной оплаты труда в расчете на одного работника, со скидкой 30% от номинальной стоимости; предоставление руководству (администрации) предприятия опциона (на условиях контракта) на приобретение обыкновенных акций в размере до 5% уставного капитала, но не более 2000-кратного размера минимальной месячной оплаты труда; резервирование Фондом имущества 10% уставного капитала для последующего размещения среди работников предприятия; остальные акции, т.е. 50% уставного капитала, реализовались Фондом имущества на аукционах и конкурсах [8].

Второй вариант включал предоставление права всем членам трудового коллектива на приобретение по закрытой подписке обыкновенных акций в размере до 51% уставного капитала по цене, составлявшей 170% от номинальной стоимости; резервирование Фондом имущества 5% уставного капитала для последующего размещения среди работников. По второму варианту опцион администрации предприятия не предоставлялся и все, не размещенные акции, т.е. не менее 44%, подлежали продаже Фондом имущества на чековых и денежных торгах. Третий вариант предусматривал траст на один год группе работников предприятия на условиях выполнения плана приватизации и недопущения банкротства. В этом случае члены группы получали опцион на пакет акций в размере 20% уставного капитала. Группа должна была внести залог на сумму 200-кратного размера минимальной месячной оплаты труда на каждого члена группы. При данном варианте всем работникам предприятия обыкновенные акции, составлявшие 20% уставного капитала, продавались со скидкой 30%. Резервировался фонд обыкновенных акций в размере 10% уставного капитала для последующего размещения их среди работников предприятия. Третий вариант предусматривался для предприятий со стоимостью основных фондов до 50 млн руб. (до 500 тыс. долл.) и не был применим для большинства металлургических предприятий [9].

Законов по приватизации, относившихся непосредственно к черной металлургии, издано не было. Процесс приватизации осуществлялся на основе государственных программ приватизации государственных и муниципальных предприятий. В государственной программе, утвержденной указом Президента России от 24 декабря 1993 г. устанавливалось, что «все предприятия, научно-исследовательские и проектные организации, находящиеся в ведении Роскомметаллургии, приватизируются с учетом мнения этого Комитета и только путем продажи акций акционерных обществ открытого типа независимо от численности и стоимости всех основных фондов

Коллективы 70% предприятий черной металлургии выбрали второй вариант приватизационных льгот, т.е. приобрели контрольный пакет по повышенной стоимости. Такое решение было принято с целью ускоренного выхода из-под управления Фондом имущества и сохранения за трудовым коллективом контрольного пакета. Для возможности выкупа 51 % акций пришлось сформировать на предприятиях, за счет части прибыли в 1992 г., фонды приватизации. Средства указанных фондов были перечислены на лицевые счета работников пропорционально их стажу и заработку и в дальнейшем использовались членами трудовых коллективов для оплаты акций наравне с ваучерами при закрытой подписке [10].

Приватизационные фонды создавались и на предприятиях, выбравших первый вариант льгот, но в меньшем размере. Следует отметить, что на величину прибыли, направленной в приватизационный фонд, уменьшался размер уставного капитала и тем самым облегчалась возможность выкупа пакета акций. На выбор второго варианта в черной металлургии повлияла также такая специфика отрасли, как высокая стоимость основных фондов, приходившихся на одного работника, что не позволяло, при ограничениях по минимальной оплате труда, получить по закрытой подписке 10% уставного капитала. Например, ММК, приватизация которого прошла по первому варианту льгот, при закрытой подписке получил вместо 10 всего 8,7% уставного капитала. Второй вариант такого ограничения не имел [11]. Первоначальный суммарный размер уставного капитала акционерных обществ черной металлургии составлял порядка 150 млрд руб. Реализованные акции имели следующее распределение: работники предприятий имели 46,8% акция, сторонние юридические лица — 36,8%, в том числе: среди АО, образованных предприятиями — 13,0%, сторонние физические лица — 6,2% [12].

Курс на перестройку экономики России на базе рыночных отношений требовал пересмотра всего цикла управления производственно-хозяйственной деятельностью промышленных предприятий. Стереотипы и навыки управленческой деятельности командно-административной системы в условиях рынка работали не эффективно. Согласно постановления президента № 721 большинство промышленных предприятий необоронного комплекса к концу 1992 г. должны были быть акционированы. В результате акционирования, произошла смена организационно-правовой формы предприятий. Они стали акционерными обществами открытого типа. При этом часть собственности государственных предприятий была отдана безвозмездно или на льготных условиях трудовым коллективам. Однако государство, выдав сжатые задания на смену организационно-правовой формы предприятия и преобразования их в акционерные общества, не подготовило никаких материалов о направлении деятельности их в рыночных условиях, о реорганизации и новых функциях управления. Не появилось ни типовых положений, ни инструктивных материалов. Законодательная база рыночных отношений только начала формироваться. Предприятия и их руководители оказались в сложных условиях — нужно было осуществлять структурную перестройку производства, осваивать механизм сбыта продукции в условиях рынка, менять механизм управления, отрабатывать управление ценными бумагами, готовить кадры.

Как же осуществлялись эти преобразования непосредственно на предприятиях? В 1991 г. идеи руководства по реформированию ММК вызвали скептицизм, а нередко и недовольство в коллективе. Отдаленность Магнитки от крупных промышленных и культурных центров, сложная экономическая обстановка, не позволяли руководству предприятия сразу привлечь ученых и специалистов-рыночников из крупных городов непосредственно к работам на комбинате. Поэтому ответственность за разработку и проведение структурой реорганизации ММК легла на его руководство. (Генерального директора ММК — А.И.Старикова и аппарат управления комбинатом).

Любая структурная перестройка ведет к неизбежному перемещению большого числа работников с одного места на другое, сопровождается их переквалификацией, ликвидацией устоявшихся производств, цехов, участков, резким изменением в социальном и должностном статусе ИТР, специалистов и руководителей. После долгих лет спокойной жизни, когда высшим критерием считалась работа на одном предприятии и по одной профессии, такие перемены воспринимались часто драматически.

Начиная с сентября 1992 г., была налажена обязательная система экономико-правового обучения управленцев высшего звена в форме постоянно действующих лекций и семинаров высшего эшелона управленцев комбината под руководством гендиректора ММК. Ряд руководителей получил второе высшее образование по экономическим специальностям, были направлены на обучение, в том числе и в зарубежные страны, где получили современное финансово-экономическое образование. Узкотехническое образование руководителей и специалистов и исполнительский стереотип поведения, неизбежно формируемый системой директивно-плановой экономики, не способствовали формированию у руководителей аналитического мышления и способностей к приему управленческих решений на основе рыночных подходов. Для разработки концепции и конкретных рекомендаций в дальнейшем привлеклись научные организации УрО РАН, специалисты отраслевых институтов, международного фонда «Реформа», Уральской академии государственной службы, зарубежные специалисты [13].

В соответствии с Законом о приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» и указов президента РФ с марта 1992 г., приказом гендиректора был создан отдел приватизации и акционирования. Была изучена нормативно-законодательная литература, обобщен опыт предприятий, уже сменивших форму собственности. Затем по ММК был издан приказ гендиректора о создании рабочей комиссии по акционированию и приватизации ММК в составе трех человек. Отдел приватизации и акционирования стал рабочим органом комиссии. Первым сложным вопросам был вопрос одного из двух вариантов льгот, представляемых трудовому коллективу. Анализ показал, что в рамках действующих нормативных материалов предпочтителен первый вариант приватизации, который давал: социальную защиту пенсионеров и инвалидов со стороны акционерного общества, обеспечивал передачу безвозмездно части привилегированных акций данной категории акционеров. В связи с тем, что денежных средств у претендентов в акционеры не было, ибо инфляция 1992 г. их «съела», этот вариант позволял приобрести акции на льготных условиях со скидкой на 30% от номинальной стоимости. Приобретение трудовым коллективом 51% акций по второму варианту приватизации не гарантировало формирование, и сохранность контрольного пакета акций, ибо часть акций могла быть продана простыми акционерами. Поэтому 10 сентября 1992 г. на конференции трудового коллектива было принято решение о приватизации ММК по первому варианту.

Оценка стоимости имущества приватизируемого предприятия регламентировалась Временными методическими указаниями по оценке стоимости объектов приватизации, утвержденными Указом президента РФ от 29.01.92. №66, и уточненным Положением о коммерциализации государственных предприятий с преобразованием в акционерные общества открытого типа, утвержденным указом президента РФ от 01.07.92 № 721. На основании оценки имущества определялся уставной капитал акционерного общества и начальная цена предприятия при продаже его на аукционе или по конкурсу. В состав оцениваемого имущества предприятия включались основные средства и прочие финансовые активы. При оценке предприятия не требовалась его полная инвентаризация. Стоимость имущества устанавливалась по данным бухгалтерского учета на 1 июля 1992 г.

В состав основных средств ММК были включены: 1) основные средства — здания и сооружения, передаточные устройства, машины и оборудование, вычислительная техника, приборы, транспортные средства, инструмент, инвентарь, капиталовложения в земельные участки и недра; 2) нематериальные активы, отраженные в балансе предприятия — права на землю и природные ресурсы, здания и сооружения, право на интеллектуальную собственность, товарные знаки; 3) капиталовложения, включая стоимость незавершенного капитального строительства и не установленного оборудования; 4) финансовые вложения, включая акции, облигации и другие ценные бумаги; 5) прочие статьи.

Методология оценки уставного капитала имела серьезные недостатки и вела к его занижению. Отсутствовал оптимальный подход к определению состава имущества, включаемого в уставной капитал акционерного общества, особенно в части сохранения в составе приватизированного имущества значительного количества объектов социальной сферы. Примечательным в ходе столь скоростной приватизации, а по сути денационализации, стал реальный уход государства от управления

этим процессом. Предприятия продавались по сильно заниженным, часто — просто символическим ценам. Так, ММК был сначала оценен в 300 млн руб. (по цене одного цеха), затем его стоимость была повышена до 8858,5 млн руб. В то время, для скупки ММК было достаточно 4 –8 млн долл. [14]. Однако, по иску прокуратуры продажа была признана недействительной. При повторной продаже сумма оценки достигла 22 млрд руб., что было также ниже истинной стоимости. Позже стоимость комбината была оценена аудиторами международной фирмы в 2,5 млрд долл. [15] Та же картина наблюдалась и с другими предприятиями.

АО ММК было зарегистрировано постановлением администрации г. Магнитогорска №221-П от 17.10.92 с выдачей свидетельства о регистрации № 186. Выступив учредителем АО ММК, Госкомитет РФ по управлению госимуществом распоряжением № 761-р от 12.11.92 передал права учредителя АО ММК Фонду имущества Челябинской области.

Программа массовой денационализации (приватизации) и акционирования предприятий в основном была реализована в 1992 – 1994 гг. в несколько этапов. Начальный этап приватизации, закончившийся в июле 1994 г., не решил основных задач, которые предусматривали: 1) создание широкого слоя собственников, заинтересованных в развитии акционерных предприятий, формирование из них управляющего ядра акционеров; 2) привлечение дополнительных финансовых ресурсов для погашения задолженности и инвестиций в техническое перевооружение; 3) повышение эффективности производства за счет реструктурирования предприятий и сокращения трудовых затрат. В ходе первого этапа приватизации и при выработке дальнейших шагов становления частного сектора в черной металлургии выявился ряд проблем, нуждающихся в законодательном решении и в проведении определенной эмиссионной политики со стороны акционерных обществ.

Поспешность в акционировании и приватизации предприятий отрасли привела к тому, что в ряде случаев приватизированными оказались предприятия, не подготовленные к работе в рыночных условиях, с неэффективной структурой, находившиеся в тяжелом финансовом положении. Особенно заметно это проявилось при проведении чековых аукционов, когда курс акций в ряде случаев был ниже номинальной стоимости. Одновременное проведение большого числа чековых аукционов предприятий различных отраслей экономики не обеспечивало платежеспособного спроса на акции. В результате чековые аукционы по предприятиям черной металлургии привлекли в основном маломощные фирмы, и пакеты акций оказались распыленными среди множества физических и юридических лиц.

Провести инвестиционные конкурсы в установленные сроки не удалось, и они были перенесены, так как выявилась сложность привлечения стратегических инвесторов. Началось вторичное перераспределение акций за счет скупки их у работников и мелких держателей. Этому способствовало практически бесплатное приобретение акций по закрытой подписке и задержка с приведением величины уставного капитала акционировавшихся предприятий в соответствие с современной оценкой основных фондов. В июле 1994 г. действие чековых аукционов прекратилось. К этому времени большинство металлургических предприятий разместило порядка 80% акций [16].

К 1996 г. процесс приватизации на Урале был в основном завершен, как и реструктуризация экономики и институциональные преобразования. Однако влияние частной собственности не было решающим, данный сектор не стал базовым с точки зрения инвестиционной активности. Максимальные показатели капиталовложений компенсируются участием предприятий в проектах со смешанной собственностью. В результате преобразований государственных предприятий в акционерные общества на 1 января 1999 г. общее число приватизированных предприятий составило 129479, или 60% от общего количества государственных предприятий по состоянию на начало процесса приватизации [17]. В черной металлургии России в результате реализации приватизационного законодательства на 01.01.99 г. были преобразованы в акционерные общества 95% общего числа предприятий, акции которых в размере более 75% были проданы по закрытой подписке, а также на чековых и денежных аукционах. Оставшиеся не размещенными акции находятся в распоряжении федерального или территориальных фондов имущества и подлежат продаже на инвестиционных конкурсах или денежных

аукционах. Практически все акционерные предприятия черной металлургии являлись частными и влияние государства через «золотые акции» или временно закрепленные в государственной собственности небольшие пакеты акций, сохранено лишь на 23 предприятиях, в том числе 15 — горнорудных [18].

В 1999 г. начался новый, третий этап приватизации — по индивидуальным проектам, и с отказом от рассмотрения процесса приватизации как средства пополнения доходов бюджета. Главными целями приватизации на третьем этапе являлись: привлечение инвестиций в производство, уменьшение бюджетных расходов на управление экономикой и поддержку нерентабельных предприятий без нанесения ущерба интересам государства. Важным было расширение налогооблагаемой базы, создания дополнительных рабочих мест, наполнения отечественного рынка товарами и услугами российских товаропроизводителей, формирование эффективных собственников, защита их прав и интересов. В 2000 г. в металлургическом комплексе 96,3% предприятий было акционировано, т.е. процесс преобразования предприятий в акционерные общества был практически завершен. В результате по форме собственности в черной металлургии России государственная собственность составляла 0,8%, муниципальная — 0,1%, собственность общественных организаций и объединений — 0,1%, частная собственность — 90,5%, смешанная российская собственность — 7,0%, смешанная с совместным российским и иностранным участием — 1,5% [19].

При проведении приватизации в уставные капиталы предприятий было включено все находившееся на балансе имущество. В результате на многих металлургических предприятиях сложилась неэффективная структура. Имевшиеся на балансах производственные мощности требовали больших расходов на их содержание. В связи с этим было актуальным выявление избыточных мощностей и оптимизация структуры предприятий с выделением непрофильных производств, непосредственно не входивших в технологический комплекс основного производства (ремонтно-строительные организации, автотранспортные, котельные и теплосети, предприятия торговли, общественного питания, базы отдыха, профилактории).

Не удалось осуществить перед акционированием государственных предприятий, а также в ходе приватизации, реорганизацию их структуры. Попытки создания оптимальных производственных структур (акционерных обществ) на крупнейших металлургических комбинатах — ММК, НЛМК, НТМК — не получили поддержки со стороны как государственных органов, так и крупных сторонних инвесторов. Однако эта проблема осталась в центре внимания членов трудовых коллективов акционерных обществ, так как без создания таких структур невозможно достичь устойчивого финансового положения и привлечь стратегические инвестиции. Значительной теоретической и практической проблемой в черной металлургии является рациональный подход к оценке стоимости имущества и определение размера уставного капитала.

В целом, анализируя положительные и отрицательные моменты при проведении приватизации предприятий черной металлургии, следует подчеркнуть три из них, являвшихся общими для России: отсутствие к моменту приватизации достаточно накопленного капитала у граждан и частных юридических лиц; слабая проработка нормативной базы, потребовавшей в ходе приватизации существенных уточнений, когда большинство предприятий уже прошло начальную стадию приватизации; сложность формирования на приватизированных предприятиях отрасли ядра акционеров при первом и втором вариантах льгот [20].

В 90-х гг. в регионе стал развиваться процесс институциональных преобразований, в том числе путем образования холдинговых компаний и финансово-промышленных групп (ФПГ), которые стали играть важную роль в развитии межотраслевой интеграции. ФПГ — прогрессивные экономические образования — представляли собой договорные объединения, включавшие в себя промышленные предприятия, банки, инвестиционные компании, торговые и другие фирмы и позволявшие более эффективно использовать производственные, финансовые, инвестиционные и научно-технические ресурсы. ФПГ стали создаваться в соответствие с указом президента РФ от 5 декабря 1993 г. и федеральным законом о ФПГ от 30 ноября 1995 г. Были предприняты попытки законо-

творчества на региональном уровне. Свердловская областная Дума приняла закон «О финансово-промышленных группах и инвестиционно-промышленных объединениях в Свердловской области».

Только в 1993 – 1996 гг. в стране было сформировано более 40 ФПГ, а в январе 1996 г. организована ассоциация ФПГ России, общая численность занятых в их составе — более 2,5 млн чел. Ряд таких структур был создан и на Урале. Первая ФПГ в России — «Уральские заводы», возникла в г. Ижевске, в нее вошло 20 структурных единиц, в том числе 12 промышленных предприятий, 2 банка, страховая компания, 5 предприятий стройиндустрии. Она осуществляла производственную деятельность от выплавки металла, последующей металлообработки до конечной продукции машиностроения. На Южном Урале был создан ряд ФПГ, в том числе «Объединенная горно-металлургическая компания» (г. Челябинск), где 9 участников, занятых производством и реализацией продукции черной металлургии, добычей и обогащением железной руды. «НОСТА – трубы – газ» (г. Новотроицк), в составе 6 участников, производила чугун, сталь, листовой прокат, стальные трубы для нефтепроводов. «Магнитогорская сталь» (г. Магнитогорск), из 27 участников, выпускала металлопродукцию, металлургическое оборудование добычу и обогащение железной руды, заготовку и переработку металлолома. Однако многие объединения просуществовали очень недолго, на их месте появились новые. Ведется конкурентная борьба между различными объединениями. В дальнейшем на место ФПГ пришли холдинги.

Процессы горизонтальной и вертикальной интеграции приобрели всероссийский размах. Интеграция в России трансформировалась в монополизацию. В условиях отсутствия нормального доступа к мировым рынкам сырья и готовой продукции это приводило к установлению монопольно высоких цен. Сейчас помимо существующих естественных монополий: газовой, железнодорожной и энергетической, рождаются новые — угольная и др. Монополии по железорудному сырью не получилось, но разбросанные по всей стране металлургические предприятия, находятся в прямой зависимости от сырьевых источников.

Концепция вертикальной интеграции — это концепция приобретения и передела собственности. Этот процесс происходил сначала в виде первичной приватизации. Были созданы условия, в которых предприятия просто не могли выжить. Второй этап передела собственности — через банкротства. Сначала предприятие объявляется банкротом и на нем устанавливается внешнее управление, потом внешнее управление на нем продлевали на продолжительный период. Акционеры начинали продавать свои акции, и в итоге подписывалось мировое соглашение. Другой вариант — это скупка долгов предприятия за низкую цену. Затем комитет кредиторов может при необходимости принять решение о дополнительной эмиссии акций. В результате кредиторы становятся акционерами.

Чтобы заставить предприятие, не желающее терять свою самостоятельность, войти в тот или иной холдинг, заинтересованные в этом стороны начинают банкротить либо поставщиков сырья и топлива, либо покупателей продукции данного предприятия, т.е. оказывается мощное давление. В результате в холдинги оказываются вовлечены все. Сам по себе холдинг не является универсальным средством, которое заставляет работать экономику. Все зависит от общей ситуации в экономике.

История слияний и поглощений крупных предприятий за последние годы свидетельствует: идет активный процесс концентрации российской промышленности. Это выпукло видно на примере Среднего Урала, где к концу 2000 г. в той или иной степени завершился процесс структуризации ряда крупнейших промышленных предприятий вокруг трансрегиональных финансово-промышленных групп (ФПГ). В результате более 40% промышленного производства в области контролируется 13 промышленными и финансово-промышленными группами общероссийского масштаба. Из них наибольшее влияние на экономику области оказывают Уральская горно-металлургическая компания (УГМК), Евразхолдинг, предприятия группы Ренова [21]. Перечисленные компании можно называть частными лишь условно, потому что слишком сильно некоторые из них зависят от государства. В области традиционно сильны государственные промышленные группы, объединяющие предприятия ВПК и атомной промышленности. На долю предприятий, находившихся в федеральной

собственности в 1999 г., приходилось 19% промышленных предприятий, в частной собственности — 42%, и трансрегиональных объединений — 39% [22].

В 1999 г. международная компания Маккинзи провела исследование, по итогам которого был сделан вывод о том, что самым серьезным тормозом развития российской экономики являются неравные условия конкуренции внутри большинства отраслей. Одним из ярких примеров ослабления конкуренции, в силу картелизации промышленного сектора, может служить ситуация на банковском рынке [23]. Стратегия большинства трансрегиональных компаний, несмотря на различие целей, имеет много общего. Сходна система управления финансовыми потоками: основные платежные потоки и финансирование идут через крупный московский банк, который либо входит в состав группы, либо является ее партнером. Если центр принятия решения находится в Москве, то и центр управления финансовыми потоками должен быть там же. Помимо основного московского банка, в регионе у таких групп есть еще один или несколько банков, играющих второстепенную роль. Другая сходная черта — основная часть прибыли группы концентрируется там же, где находится центр, т.е. в Москве. В итоге, из прибыли, заработанной конкретным предприятием, в его распоряжении остается незначительная часть.

В укрупнении промышленности есть плюсы: растут возможности инвестиций за счет собственных средств и вешних источников. Решается часть проблем со сбытом. Появляется масса возможностей для сокращения издержек на всех стадиях производства. Однако эти факторы имеют кратко или среднесрочный эффект. В глобальном плане основной проблемой является отсутствие у государства ясной антитрестовской политики, направленной на ограничение монополизации основных сегментов экономики. С точки зрения теории конкуренции это объясняется тем, что время достижения конкурентоспособности крупными компаниями измеряется десятилетиями [24].

В советской промышленности процветал отраслевой монополизм. В начале 90-х гг., по проблемам образования промышленных объединений существовали диаметрально противоположные точки зрения. Одни полностью отвергали необходимость создания интегрированных корпоративных структур, как носителей монополизма, и противопоставляли им мелкий и средний бизнес, другие говорили о необходимости создания мощных корпораций по западному образцу [25]. При ориентации на мелкий и средний бизнес не удастся реализовать общенациональные экономические программы, производить сложную наукоемкую продукцию. Нельзя механически копировать и западный опыт, поскольку там корпорации создавались длительное время и в других условиях.

Особенность черной металлургии — комплексность и многопрофильность производства, наличие нескольких переделов, разветвленность технологического цикла. Структурные преобразования в отрасли должны быть дифференцированы с учетом специфики различных групп предприятий. Крупные металлургические комбинаты определяют уровень производства конкурентоспособной металлопродукции. Без поддержки государства, прежде всего в экспортной деятельности, они не только могут развиваться на основе самофинансирования, но могут стать базой реструктуризации всей отрасли, которая обеспечивает не только валютные поступления в экономику страны, но и процесс интеграции отечественного производства в мировое хозяйство. Российская черная металлургия эту задачу частично решила.

В отрасли возможны несколько вариантов интеграции. Первый — это объединение по технологической цепочке, когда конечным продуктом является товар, требующий усилий многих производителей. Второй — интеграция для выпуска наиболее выгодной для сбыта продукции. В связи с этим просматриваются три направления интеграции: На основе комплексного использования природного сырья, включая его добычу, подготовку к дальнейшему использованию, а также выполнения комплекса мероприятий по обеспечению экологической безопасности. На основе получения заданных физико-химических свойств металлов и сплавов, включая проведение НИОКР и разработку прогрессивных промышленных технологий. На основе получения полного ассортимента высо-

кокачественной готовой металлопродукции, нужной конкретным потребителям в необходимых количествах в заданные сроки.

В связи с постепенным истощением сырьевых ресурсов, усложнением добычи и их удорожанием, актуальной становится интеграция предприятий, обеспечивающая комплексное использование полезных ископаемых, внедрение ресурсосберегающих технологий. Особенности управления такими образованьями обусловлены спецификой производства, которая проявляется в большом количестве промежуточных операций, во взаимодействии многих предприятий. Главным является не столько организация добычи, обогащения, переработки и извлечения отдельных компонентов, сколько создание механизма управления комплексным использованием получаемых продуктов, обеспечение природоохранной деятельности и максимального учета местных интересов. В такие интеграционные образования, наряду с горнорудными и металлургическими предприятиями, должны входить региональные структуры — промышленные, банковские и др. Именно они становятся ядром таких образований.

С организационной точки зрения возможны различные варианты: вертикально интегрированные структуры, объединения по региональному принципу, холдинговые компании на базе специализации в производстве основных видов продукции, горизонтально интегрированные межотраслевые корпорации. Можно выделить два типа образований: жесткие, или корпоративные объединения — в форме холдингов и ФПГ, и мягкие — в форме предпринимательских союзов, стратегических альянсов, которые менее распространены. Важной особенностью интеграции, в отличие от концентрации, специализации и комбинирования, является наличие у вошедших в новое образование частей общей стратегической цели.

В условиях перехода предприятий к работе в рыночной экономике, в начале 90-х гг. важное значение приобрело создание эффективного механизма управления. Лидирующее положение заняли те предприятия, где собственники были заинтересованы в стратегическом развитии. Усилилась тенденция к созданию интегрированных структур корпоративного управления — ФПГ, объединений и холдингов. В металлургическом комплексе в середине 90-х гг. существовали 36 федеральных государственных унитарных предприятий и организаций, количество которых уменьшалось, поскольку снимались ограничения, запрещавшие их приватизацию. Учитывая небольшую экономическую значимость государственных унитарных предприятий в производстве продукции металлургического комплекса, приоритетной задачей управления государственной собственностью стало участие государства в органах управления открытых акционерных обществ, имевших в уставных капиталах долю государственной собственности. Производственно-технологическая реструктуризация металлургического комплекса России, как официально заявлялось правительством РФ, была направлена на повышение эффективности производства и конкурентоспособности продукции, в том числе за счет освоения сквозных технологических циклов производства, обеспечивавших максимальное ресурсо- и энергосбережение на всех стадиях процесса расширения сортамента и повышения качества металлопродукции. Особое внимание уделялось развитию инфраструктуры, сертификации металлопродукции и созданию систем качества.

Если события будут развиваться в этом направлении, то уже через несколько лет на рынке останется всего несколько таких объединений, а все остальные будут интегрированы в орбиту их интересов. Это приведет к укрупнению бизнеса и резкому расширению в ближайшее два-три года инвестиционных возможностей, направленных на реконструкцию, перевооружение и модернизацию производства. Речь идет о серьезной реконструкции, по масштабам сравнимой с процессами, происходившими в СССР.

После приватизации металлургические предприятия начали активно избавляться от непрофильных производств. Это не всегда правильно в производственном отношении и часто ведет к обострению социальной обстановки, но современные условия диктуют необходимость концентрирования средств для решения основных проблем. До 80% активов, имеющих отношение к металлур-

гии, объединены в 6 — 7 сверхкрупных альянсов, которые и делают погоду на металлургическом рынке России [26]. В черной металлургии РФ занято 12 крупных компаний, контролирующих основные металлургические предприятия страны (объединение «Евразхолдинг» и УГМК, Группа МДМ, «Северсталь-инвест», «Румелко», «Металлинвест», «Газпроминвестхолдинг», «Мечел» и «А-капитал», группа «Южный Кузбасс» и АО «Кокс», «Альфа-Эко», МАИР, «Алфавит», Объединенная металлургическая компания) [27].

В заключении можно сказать, что процесс приватизации, проводимый в столь короткие сроки, имел ряд существенных изъянов. Акционирование проходило до структурной перестройки экономики РФ в целом, в условиях спада производства, происходившего в обстановке отпуска цен и гиперинфляции, фискального налогообложения, дефицита платежеспособности населения и предприятий. Велика была возможность остановки машиностроения и металлургии. В этих условиях необходимо было вмешательство государства. Однако акционирование предприятий означало снятие со стороны государства ответственности за их экономическое состояние (в котором они оказались благодаря мероприятиям того же государства), за социальные последствия для трудовых коллективов. Крупные предприятия выкупались инвестиционными фондами не для развития вновь созданных на их базе акционерных обществ, а для обогащения.

Приобретение акций промышленных предприятий населением за приватизационные чеки не повлияло на формирование их рыночной котировки. Приватизационные чеки сконцентрировались в коммерческих структурах и инвестиционных фондах. Класса массовых собственников не появилось. Наибольшие потери в процессе акционирования и приватизации понесли трудовые коллективы. Социальные гарантии для работников оказались не под силу акционированным обществам, да и самому государству. ММК, акционировалось в разгар технического перевооружения, начатого на государственные инвестиции. В результате приватизации сложилась ситуация, когда государственных инвестиций уже не было и было ясно, что их никогда не будет, а собственных средств для продолжения перевооружения было недостаточно.

Акционирование и приватизация предприятий черной металлургии сначала не оказали влияния на повышение эффективности их работы. В значительной мере это было связано с общей экономической ситуацией в стране. Резко снизился спрос на внутреннем рынке со стороны машиностроительного, строительного и оборонного комплексов. Высокие темпы роста цен на топливно-энергетические ресурсы и железнодорожных тарифов, а также переоценка основных фондов многократно снизили рентабельность производства. Обесценивание путем «шоковой терапии» оборотных средств, кризис неплатежей и инфляция привели к утрате предприятиями собственных средств и потребовали использования под высокие проценты (180%) заемных средств или привлечения товарного кредита [28]. Предприятиям черной металлургии России не удалось при первичной эмиссии акций привлечь стратегических инвесторов. На чековых и денежных аукционах в основном скупались акции либо для формирования портфельных инвестиций, либо для оказания давления на руководство предприятий с целью преференций закупки металлопродукции.

Одним из основных недостатков проведенной приватизации являлось забвение и игнорирование отраслевых особенностей работы предприятий черной металлургии. Раздельные акционирование и приватизация предприятий, тесно связанных между собой технологической кооперацией, привели к разрушению ряда отраслевых комплексов, росту экспорта сырья и полуфабрикатов в ущерб интересам смежных предприятий. Это положение явилось следствием запрета на перекрестное владение акциями. Другим крупным упущением в проведении приватизации стала потеря координации деятельности предприятий отрасли, их управляемости с учетом интересов государства. Такое положение сложилось из-за отсутствия в уставном капитале ведущих предприятий доли государственной собственности. Распыление акций среди многочисленных мелких инвесторов, ограничения на приобретение пакетов акций администрацией предприятий при первом варианте льгот и отсутствие опциона при втором варианте не позволили сконцентрировать акции у управляющего ядра акционеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шевелев Л.Н. Мировая черная металлургия 1950-2000 гг. (Реструктуризация, качество, приватизация). М., 1999. С.198.
2. Там же. С.201.
3. Там же.
4. Там же. С.210.
5. Там же.
6. Там же. С.204.
7. установленного на 01.07.92 г.
8. Шевелев Л.Н. Указ. соч. С. 204.
9. Там же.
10. Там же. С. 205.
11. Там же. С.206.
12. Там же.
13. Магнитка. Между прошлым и будущим. (Пятилетка реформ) 65 лет АО «ММК». М., 1996. С. 32.
14. Там же. С. 43.45.
15. Экономический вестник ММК. 1999, № 9-12, апрель.
16. Шевелев Л.Н. Указ. соч. С.208.
17. Путин В.В. О мерах по реструктуризации российской промышленности.(электронная версия).
18. Шевелев Л.Н.. Указ. соч. С. 205.
19. Справочный материал к вопросу «О проблемах развития горно-металлургического комплекса России». Четвертый Пленум Центрального Совета горно-металлургического профсоюза России. М.2001. Л. 9.
20. Шевелев Л.Н. Указ. соч. С. 209.
21. Эксперт — Урал, 2001, № 5.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Антонов В. Интеграция в отрасли: форма и цели // Металлы Евразии, № 5. С. 36
26. Коммерсантъ Власть. № 37 (439) 18 сентября 2001. С. 65.
27. Там же. С. 67.
28. Там же.

STATE AND BUSINESS: DENATIONALIZATION AND TRANSFORMATION OF THE CONTROL SYSTEM BY THE METALLURGICAL COMPLEX IN 1990th YEARS

Process of privatization of ferrous metallurgy of Russia and the Urals for the last decade XX century is investigated in the article. The description of the mechanism of privatization in this branch and basic stages of its realization on an example of such enterprises as Magnitogorsk metallurgical combine is given. The description of processes of integration in this branch in the end of 90th XX century and creation of industrial associations in it is given. The article is one of the first attempts to give the historical analysis of the major process of denationalization in this sphere within the limits of the region and the country.

V.V. Zapariy

Д. Горенбург

Региональный сепаратизм в России: этническая мобилизация или захват власти?

Какую роль играло этническое возрождение в стремлении национальных республик к суверенитету — в процессе, который происходил во время перехода от коммунистического Советского Союза к посткоммунистической Российской Федерации? Многие ученые и политики полагают, что провозглашение государственного суверенитета бывшими автономными республиками России было прежде всего обусловлено стремлениями местной элиты сохранить контроль над своими регионами и укрепить собственную политическую власть в противовес центру [1]. Проблемы, которые поднимались во время борьбы за суверенитет, чаще всего касались экономической независимости, а отнюдь не этнокультурного возрождения республики. Таким образом, этническое самоопределение рассматривается как фасад закулисных игр, как риторика, призванная примирить увязать амбиции местного руководства с международными нормами [2].

Ярыми защитниками этой точки зрения являются Филип Ройдер (Roeder) и Даньел Трейзман (Treisman). Ф.Ройдер считает, что «если политики акцентируют внимание на этнических моментах и этнических обидах,.. то это объясняется... их стремлением удержать власть» [3]. Исходя из рациональных побуждений, он полагает, что почти все без исключения нерусские политики Российской Федерации были заинтересованы в сохранении политического контроля над своими регионами. По этой причине их внимание было в основном сосредоточено на таких инструментальных проблемах, как экономический рост и финансовая автономия региона. Успех политических лидеров определялся тем, насколько они были способны обеспечить своих сторонников в республиках особыми материальными льготами. Это было необходимо только для того, чтобы «дать региональным лидерам преимущество над их конкурентами, отстаивающими такие пути развития, где национальная принадлежность не играет никакой роли» [4]. Т.к. этнические и культурные блага не могли быть отчуждены в пользу политических оппонентов, они фактически не приносили реальной выгоды региональным лидерам. В данной ситуации выступления того или иного регионального лидера, носящие этническую окраску, должны были убедить членов этнического сообщества, что этот лидер — «их» человек, а потому его надо поддерживать. Материальные блага должны были гарантировать сплочение вокруг лидера ради общего дела его сторонников.

Д.Трейзман полагает, что сепаратизм в России был зачастую лишь средством укрепления благосостояния республик за счет центра. Он пишет: «Регион иногда может угрожать центру своим выходом из состава страны, чтобы добиться *увеличения* экономических дотаций. Скорее всего, это отражает не искреннюю боль за свою культуру, а является оружием для борьбы со своими конкурентами за то, чтобы урвать у центра кусок побольше» [5]. Стивен Сольник (Solnick), в статье, посвященной главным образом переговорам регионов с федеральным центром, отмечает, что лидеры национальных республик пытались оправдать свой привилегированный статус в Российской Федерации тягой к культурной автономии [6]. И Д.Трейзман, и С.Сольник считают, что идея культурной автономии использовалась местными властями в качестве прикрытия их попыток укрепить свою власть и увеличить наполняемость региональных бюджетов.

Им вторит Ж.-Р.Равио, считающий, что экономическая независимость стала причиной провозглашения суверенитета Татарстана [7]. В частности, деятельность президента Татарстана считалась направленной на развитие отдельной программы экономической реформы, целью которой было требование большей независимости от Москвы. В то же самое время, желание достичь общереспубликанского консенсуса привело Президента к пониманию необходимости принести развитие татарской культуры в жертву строительству общей татарстанской территориальной идентичности для татар и русских [8].

Я полагаю, что все эти выводы нуждаются в пересмотре. В то время как многие ученые считают, что идея культурной автономии была использована для легитимизации того, что на самом деле было попыткой усиления экономической независимости и стремления номенклатуры сохранить власть, я попытаюсь доказать, что лидеры национальных республик Российской Федерации, напротив, старались определенным образом маскировать этнические аспекты своих программ. Вместо этого они сосредотачивались на обсуждении экономических выгод суверенитета, федерализма и децентрализации, но потихоньку приняли ряд законов и программ по национальному возрождению титульных наций республик.

В данной статье речь пойдет о четырех республиках, коренное население которых является тюркским. Две из них являются ветеранами движения за суверенитет, остальные пришли в него позже. Это — Татарстан, Башкортостан, Чувашия и Хакасия. Сначала будут рассмотрены основные выступления и интервью руководителей этих республик, затрагивающие проблемы суверенитета. Для анализа отобраны те материалы, которые относятся к переходному периоду или периоду, непосредственно следовавшему за ним [9]. Эти материалы отражают стремление руководителей использовать суверенитет в качестве источника экономического благополучия и укрепления независимости своих регионов. Если в них и упоминается национальное возрождение, то в основном в контексте полиэтничного характера населения республики и укрепления межнациональных отношений.

Во второй части статьи анализируются законы и программы, принятые в республиках. Многие из этих документов отражают основные цели местных лидеров: экономический суверенитет и, особенно, развитие независимых республиканских институтов, таких как новые Конституции, судебные системы, налоговое законодательство и т.п. Но значительная часть этих актов затрагивает этнокультурные аспекты суверенитета. Речь идет о развитии национальной культуры, возрождении национальных школ и расширении сферы применения языка титульной нации. В целом, этническое возрождение является более значимой частью республиканских правительственных программ, чем это было на самом деле.

Status quo ante: республики [10]

Как уже говорилось выше, эти республики были выбраны для исследования массовой этнической мобилизации в национальных республиках России. Они не могут считаться репрезентативными представителями всех национальных республик федерации, т.к. выбор не проводился по каким-то специфическим показателям, и у меня не было предварительных данных о том, как протекала политическая жизнь в этих регионах. Я думаю, что все изложенное в данной статье вполне применимо и к другим национальным республикам Российской Федерации, за исключением Кавказа, где ситуация была иной, и, следовательно, иными должны быть и выводы.

Три из исследуемых мною республики находятся в Урало-Поволжье. Четвертая, Хакассия, расположена в Южной Сибири. Они населены тюркскими этносами, хотя только двое из них являются мусульманами. Три республики имеют хорошо развитую промышленную базу и значительный запас природных ресурсов, а Чувашия является, в основном, аграрным регионом и находится на дотации центра. Остальные три региона, хотя и не имеют никаких прямых дотаций из центра, тем не менее, не являются абсолютно экономически независимыми. Как все российские регионы, они получали финансовые трансферты другого рода, в частности, на поддержку военно-промышленного комплекса и высшего образования. С учетом этого, наиболее зависима от центра Чувашия, а наименее — Башкортостан [11].

Татарстан

Татары утверждают, что являются наследниками богатой истории. Их предки, булгары, создали сильное государство, которое управляло Средним Поволжьем свыше 400 лет, вплоть до монголо-татарского нашествия в XIII в. В 922 г. местные вожди приняли ислам, который через какое-то время стал важнейшей частью татарской идентичности. В настоящее время Татарстан является северо-западным рубежом исламского мира. Тюркское население ассимилировало монголо-татар, и

приняло их этноним. После распада Монгольского государства татары основали Казанское ханство, которое стало главным политическим конкурентом новорожденного Московского царства. В 1552 г. Казань была взята Иваном Грозным. Несмотря на преследования, продолжавшиеся на протяжении четырех веков российского правления, татары сумели сохранить свою культуру, что накануне революции позволило им стать самой образованной нацией во всей Российской империи. В годы советской власти руководители республики неоднократно поднимали вопрос о придании Татарстану статуса союзной республика, но получали в Москве отказ. В течение нескольких десятилетий в республике шел процесс этнического смешения. Численность татар незначительно превышала численность русских, но ни одна их этих групп не имела абсолютного большинства [12]. С экономической точки зрения регион является относительно благополучным, самодостаточным, имеет значительные нефтяные запасы и мощную индустриальную базу [13].

Башкортостан

Башкортостан расположен между Волгой и Уральскими горами, непосредственно на юго-востоке от Татарстана. Башкиры родственны татарам и исповедуют одну и ту же религию. Они понимают друг друга и при разговоре на родных языках. Ситуация в Башкортостане осложняется его этническим составом, где башкиры составляют лишь 22 % населения, т.е. меньше, чем татары (28 %) и русские (39 %). Кроме того, 1/5 часть башкир считает татарский своим родным языком, так что только 16 % населения республики реально владеет языком титульной нации. Экономика Башкортостана основана на нефтедобыче и нефтепереработке, а также тяжелой промышленности. Здесь добывают уголь, сильно развито сельское хозяйство. Это позволяет республике быть «донором» российского бюджета.

Чувашия

Чувашия занимает бассейн Волги к северо-западу от Татарстана. Чуваши — тюрки, в основном православные. У них никогда не было своей государственности, и с 1400-х гг. они находятся под властью Москвы. Чуваши составляют большинство (68 %) населения республики, русские же — только 26 %. Экономика республики преимущественно основывается на сельском хозяйстве, промышленность здесь представлена незначительно и нет никаких особых природных ресурсов. Кроме того, республика недостаточно дотируется центром [14].

Хакасия

Хакасия находится далеко от остальных республик, в Южной Сибири. Тем не менее, несмотря на свою удаленность, она имеет схожую культуру с рассматриваемыми республиками, основанную на общетюркском наследии и родстве языков [15]. Ислам не получил здесь распространения, большинство хакасов — шаманисты, часть исповедуют православие. Хакасия была завоевана Россией в начале XVIII в. До советской власти, создавшей для народа письменный язык, хакасской интеллигенции не существовало. В 1930 г. в составе Красноярского края была образована Хакасская автономная область. Открытие в 1950-е гг. месторождений угля способствовало притоку сюда русского населения, и к 1989 г. русские составляли уже 80 % населения Хакасии, а хакасы — 11 %. Однако, запасы угля, а позднее обнаружение месторождений золота и строительство в 1970-е гг. крупнейшей в России ГЭС, способствовали значительному экономическому подъему; в переходный период это позволило республике стать во многом независимой от дотаций из центра [16]. В свою очередь, это вызвало борьбу руководителей автономии за выход из-под власти Красноярска — процесс, который начался в 1989 г. и увенчался успехом в 1991 г.

Политики

Из четырех рассматриваемых республик только в Чувашии в 1990-1996 гг. произошли значительные изменения во властных структурах. В остальных трех республиках местная руководящая

элита оставалась в основном стабильной. Ниже я дам краткие характеристики тем лидерам, которые задавали тон политической жизни в республиках и благодаря которым были приняты основные законы и программы.

Татарстан

В 1990-е гг. лидером политической жизни Татарстана оставался Минтимер Шаймиев. Став в 1990 г. Председателем Верховного Совета Татарстана, он очень быстро укрепил свои позиции. В 1991 г. он был избран Президентом Татарстана в один день с избранием главой России Ельцина. С тех пор политическая ситуация в республике остается стабильной, с небольшой кадровой ротацией верхов. Законодательный орган, избранный в 1995 г., представлен в основном административными работниками с мест, соратниками Президента. В марте 1996 г. Шаймиев был переизбран на второй срок, вновь не встретив сопротивления. На протяжении всего этого периода основные руководящие должности занимали татары, исключением был бывший вице-президент и спикер парламента русский по национальности Василий Лихачев [17].

Башкортостан

Нынешние лидеры Башкортостана пришли к власти в 1990 г., почти сразу за второй за последние четыре года чисткой коммунистической парторганизации республики. Верховный Совет единогласно избрал Муртазу Рахимова своим новым председателем. Рахимов, директор Уфимского нефтехимического завода, никогда не был членом партийной номенклатуры. После краха коммунистической партии он сразу же принялся укреплять свою власть, устраняя конкурентов. Власть Рахимова была официально закреплена его избранием на пост Президента в 1993 г. После выборов в 1995 г. лояльного ему парламента, его могущество еще больше усилилось.

Чувашия

Чувашский истеблишмент был самым нестабильным из всех четырех республик, но все последовательно сменявшие друг друга ее руководители были чувашами и свободно владели родным языком. А.М.Леонтьев, Председатель Верховного Совета республики в конце перестройки, был отстранен от должности за поддержку августовского путча 1991 г. Ему на смену пришел Эдуард Кубарев, представитель демократической фракции в Верховном Совете. Он потерпел поражение в ходе первого тура выборов Президента Чувашии, состоявшихся в 1991 г., но остался у власти, поскольку ни один из остальных кандидатов не получил большинства голосов во втором туре. В декабре 1993 г. победу одержал Николай Федоров, бывший министр юстиции Российской Федерации и видный политик-демократ. Добившись успеха, он попытался получить поддержку от чувашских националистов, приглашая некоторых из них на работу в свою администрацию. Федоров известен еще и тем, что является одним из самых жестких критиков войны в Чечне.

Хакасия

В отличие от других трех республик, Хакасия, отделившись от Красноярского края, была вынуждена заново создавать свои органы управления. В новое руководство вошли представители бывшей партийной элиты, стоявшей ранее во главе областной автономии, и несколько демократов. Во главе их стоял Владимир Штыгашев, ставший Председателем первого Верховного Совета республики после того, как протесты хакасских националистов заставили ранее избранного русского Председателя подать в отставку. Эти акции привели к разрыву между Штыгашевым и Михаилом Митюковым, одним из лидеров русского демократического движения, которое раньше выступало за суверенитет республики. Впоследствии Митюков и Штыгашев стал главными оппонентами в дискуссии по вопросу о структуре новых органов управления. Этот вопрос был основным в республике до лета 1995 г. Политическая ситуация в республике изменилась после неожиданного поражения Митюкова Алексею Лебедю, брату Александра Лебедя, на выборах в Государственную Думу в

1995 г. Лебедь быстро стал набирать популярность в республике и на следующий год был избран ее губернатором.

Тайна за семью печатями: что обсуждали лидеры

Основные цели лидеров рассматриваемых республик в процессе установления суверенных отношений варьировались, но основным вопросом во всех четырех республиках было усиление независимости от Москвы, особенно в сферах управления экономикой и контроля над экспортом продукции.

Накануне распада Советского Союза чаще всего обсуждались следующие темы: повышение статуса региона, возможность самостоятельно распоряжаться своим бюджетом, самим собирать налоги, передача промышленных предприятий из-под союзного и российского управления к республике. На ранних этапах национальные проблемы затрагивались довольно часто. Когда республиканские лидеры поднимали национальный вопрос, они обсуждали прежде всего повышение статуса языка титульной нации или соответствие их шагов по национальному самоопределению международным нормам. Этнокультурные проблемы поднимались в силу того, что местные политические лидеры ощущали опасность со стороны местных националистических движений, возглавлявшихся представителями титульной элиты и стремившихся отстранить от власти номенклатуру во имя демократии и национального самоопределения. Номенклатура же пыталась (и в основном успешно) перехватить этот вызов, выдвигая аналогичные лозунги [18].

Второй этап суверенизации начался после распада Советского Союза. К концу 1991 г. местные элиты во многом восстановили контроль над политической жизнью в своих регионах. Местные демократические группы в основном перестали существовать как политическая сила, а националистические движения стали слабеть, уменьшая для властей надобность использовать националистические лозунги. В то же самое время, республиканские элиты стали проявлять нарастающее беспокойство тем, что продолжение националистической политики вызовет недовольство у нетитульных наций. Протест против привилегий титульной нации мог привести и к межэтническому конфликту внутри региона, и к репрессивным мерам к местным властям со стороны Москвы. Поэтому, этнические требования фактически исчезли из политических речей того периода, сменившись заявлениями о равенстве всех наций и обещаниями, что суверенитет будет полезен всему населению. В то же время, республиканские лидеры продолжали утверждать, что усиление политической и экономической автономии от Российской Федерации сулит значительные выгоды, поскольку социологические опросы показали, что суверенитет поддерживают и титульные и нетитульные нации.

В 1992-1994 гг. во всех республиках прошли дискуссии о взаимоотношении их с Москвой. Татарстан и Башкортостан заключили с центром двусторонние соглашения, Чувашия и Хакасия ограничились подписанием Федеративного Договора 1992 г. [19]. Но в обоих случаях характер заявлений теперь несколько изменился: вместо обсуждения проблемы «центр — регион» стали подчеркивать важность суверенизации для экономического благосостояния жителей республик и дальнейшего укрепления республиканской власти. Теперь региональных руководителей больше всего волновало то, как убедить избирателей в том, что суверенитет привел к улучшению жизни населения. А поскольку политика национального возрождения была выгодна лишь части населения, то эту проблему предпочитали не обсуждать, перенося их на более «удобные» для такого рода дискуссий мероприятия, например на различного рода национальные съезды, где представители титульной нации составляли большинство делегатов, чтобы узнать, как суверенитет помог национальному возрождению титульного народа.

На протяжении всего постперестроечного периода региональных лидеров прежде всего интересовало установление политической и экономической автономии их республик из Москвы, а проблемы национального возрождения стояли у них на втором месте. Теперь, рассмотрев общую ситуацию в республиках на заре провозглашения ими своих суверенитетов, я приступаю к анализу данного вопроса в каждом из обозначенных регионов.

Татарстан: договор или политическое банкротство

Лидеры Татарстана громче всех высказывались о своем желании быть независимыми от России. Их концепция развития республики включала введение контроля над природными ресурсами и промышленностью, права являться самостоятельным членом международного сообщества и строить отношения с Россией на договорной основе. Эти требования в дальнейшем были уточнены, но суть их осталась неизменной.

Первый этап

Еще в 1989 г. руководство Татарстана определило три пункта, которые должны были быть стать фундаментом их идеологии: получение статуса союзной республики вне России, приоритет местного законодательства, контроль над наиболее доходными отраслями местной промышленности.

В своих ранних выступлениях Минтимер Шаймиев, тогда еще Председатель Верховного Совета республики, призывал население Татарстана «самостоятельно» решать свои проблемы. Он считал, что автономный статус ведет к дисбалансу развития тяжелой и легкой промышленности в Татарстане. По его мнению, если бы Татарстан стал союзной республикой, это способствовало бы не только его политическому, но и социально-экономическому развитию [20]. Ему вторил Премьер-министр Татарстана Мухаммат Сабиров заявивший, что республика была бы богаче, если бы самостоятельно распоряжалась своим экономическим потенциалом, будучи независимой [21].

В то время Шаймиев и Сабиров сводили проблему возрождения татарской нации к призывам придать татарскому языку статус государственного языка республики [22]. Шаймиев отмечал, что раньше было не принято говорить по-татарски [23]. Сабиров, в свою очередь, считал, что возрождение татарского языка возможно только, если Татарстан станет равноправным членом СССР [24]. Они гарантировали, что нетатарское население не будет подвергаться дискриминации. Призывая сделать татарский язык государственным, Шаймиев заявил, что в течение ближайшего времени не будет предпринято никаких мер, чтобы ввести двуязычие [25]. По его мнению, руководство Татарстана отвергло националистический путь к суверенитету [26].

На раннем этапе процесса суверенизации лидеры Татарстана старались убедить всех, что стремление к суверенитету не следует воспринимать как проявление национализма. Напротив, они подчеркивали экономическую выгоду от самоуправления и нецелесообразность решения всех вопросов в Москве.

Второй этап

После краха Советского Союза требования Татарстана изменились. Теперь республика стремилась к членству в Российской Федерации на основе двустороннего соглашения [27]. Новый Председатель Верховного Совета республики Фарид Мухаметшин считал, что суверенитет Татарстана должен распространяться на все аспекты управления — на милицию, предоставление гражданства, транспорт и связь [28]. Кроме того, руководство Татарстана все активнее и активнее развивало внешнеполитические и международные экономические контакты. Так, вице-президент Василий Лихачев призвал к ведению самостоятельной внешней политики, заключению международных договоров и даже установлению дипломатических отношений с иностранными государствами [29]. Что касается вопроса об экономическом суверенитете, то он стал сводиться к требованиям увеличения квот нефтяного экспорта и ведения независимого бюджета с фиксированными ежегодными выплатами Москве [30].

Чтобы сделать идею суверенитета привлекательной для других национальностей Татарстана, советники его Президента стали разрабатывать концепцию татарстанской нации, включающей всех жителей республики. По словам советника Президента РТ Рафаэля Хакимова, гражданская идентичность должна прийти на смену национальной [31]. В течение всего этого периода Шаймиев лишь один раз затронул проблему использования татарского языка, одновременно напоминая, что

на референдуме, состоявшемся в 1992 г., суверенитет республики получил всенародную поддержку ее населения [32].

Третий этап

После подписания в феврале 1994 г. двухстороннего договора Татарстана с Россией, его руководство сосредоточилось на пропаганде тезиса о правильности пути, выбранного республикой пять лет назад. Оно с удовлетворением отмечало, что за эти годы республике удалось привлечь значительные иностранные инвестиции, существенно расширить международную торговлю, спасти Татарстан от издержек шоковой терапии, встать на пути процесса возобновления централизации России [33]. При этом татарские лидеры не упоминали о возрождении татарской культуры, которое занимало не главное место, но все еще проходило под знаменем суверенитета. Во второй части настоящей статьи мы увидим, как это возрождение воплощалось в жизнь.

Башкортостан: нефть, государственность и федерация

В Башкортостане богатые природные ресурсы и сильная промышленность способствовали развитию мощного движения к самостоятельности, что, в свою очередь, создало необходимые условия для провозглашения его суверенитета. Но, занимая третье место в республике по численности, башкиры не могли открыто требовать независимости. Это заставило местных лидеров подчеркивать экономическую составляющую суверенитета и фактически игнорировать национальный вопрос.

Первый этап

Подобно Татарстану, Башкортостан был одной из первых автономных республик, призвавшей к демонтажу централизованной экономики Советского Союза. Еще в сентябре 1989 г. первый секретарь Башкирского обкома КПСС Р.Х.Хабибуллин с сожалением констатировал, что Башкирия стала сырьевым придатком СССР [34]. Став Председателем Верховного Совета республики, Муртаза Рахимов уверял, что провозглашение суверенитета будет способствовать росту доходов и поможет справиться с трудностями, испытываемыми республикой [35].

Из тех четырех доводов, которыми Рахимов аргументировал необходимость принятия Декларации о государственном суверенитете, три касались расширения автономии республики, а именно необходимости повышения ее статуса до союзного, установления отношений с другими республиками на договорной основе, создания собственной законодательной базы на основе новой республиканской Конституции. Четвертая задача заключалась в том, чтобы народ Башкортостана стал владельцем своей земли и ее недр [36].

То, что башкиры находились в меньшинстве, заставляло руководителей Башкортостана колебаться еще больше, чем их татарских коллег, при обсуждении национальных требований. В отличие от лидеров Татарстана, призывавших развивать татарский язык, Рахимов заявил, что пока не следует торопиться с принятием закона о языках [37]. В своих выступлениях он подчеркивал, что Башкортостан нуждается в государственном, а не национальном суверенитете, и что это принесет пользу всем ее народам [38]. Заместитель Председателя Совета Министров Мансур Аюпов подчеркивал, что провозглашение суверенитета не приведет к созданию привилегий для башкир [39].

Начиная процесс суверенизации с пропаганды его экономической выгоды, руководители Башкортостана вскоре осознали, что эта политика дает им большие возможности. Так в их выступлениях постепенно появились призывы к повышению статуса республики и созданию независимой законодательной системы, но всегда осторожно относились к национальному вопросу.

Второй этап

После распада Советского Союза требования башкирского руководства остались прежними, но теперь они обсуждались более конкретно. В области экономики они сводились к увеличению экспор-

тных квот на нефть, праву распоряжаться валютными поступлениями и введению одноканальной бюджетной системы. Уже через два месяца после распада СССР Рахимов потребовал увеличить квоты на нефть Башкортостана с 15 % до 30 %, оправдывая этот шаг необходимостью оплаты продовольственных и прочих поставок [40]. В ходе обсуждения с центром проблемы валютных доходов республики было заключено временное соглашение, разрешавшее Башкортостану оставлять у себя 70 % доходов от ее экспорта.

Как и раньше, решение экономических вопросов шло параллельно с созданием органов власти республики. В этом процессе даже отдельные детали стали приобретать большое значение. К лету 1993 г. Рахимов призывал уже не просто к развитию республиканской законодательной базы, а к созданию собственных правовых норм. Эти законы должны были способствовать созданию финансовой системы республики, развитию ее внешней торговли и плавному переходу к рыночной экономике. В октябре 1993 г., на торжественном заседании общественности республики, посвященном третьей годовщине провозглашения Башкортостаном своего суверенитета, вопрос о собственном законодательстве прозвучал в докладе Рахимова еще раз, но уже более конкретно. Он заявил, что важнейшей предпосылкой для развития Башкортостана как суверенного государства должно стать создание полного корпуса законодательных актов, включая Конституцию республики [41]. После принятия в 1993 г. республиканской Конституции создание собственной законодательной базы в Башкортостане ускорилось. Во время моего пребывания в республике в декабре 1995 г. для сбора интересующих меня сведений, один из чиновников как-то хвастливо заявил мне, что в Башкортостане было принято в три раза больше законов, чем в Российской Федерации, и республика вообще опережает по этим показателям всю страну [42]. Экономические разногласия с Москвой были постепенно урегулированы и на первый план в жизни республики вышли вопросы ее политической жизни и создания собственных органов власти.

На этом этапе национальный вопрос совсем потерял свое значение в дискурсе суверенитета. Зачастую этой проблемы не касались даже вскользь во время выступлений, а если она и поднималась, то только в качестве ответов на конкретные вопросы во время каких-нибудь интервью. На вопрос московского журналиста о том, как Рахимов может прокомментировать слухи о том, что в Башкортостане русских вытесняют с руководящих постов, глава республики категорически заявил, что это абсолютно не так [43]. Бывший Премьер-министр Миргазямов говорил, что для признания идеи суверенитета всеми необходимо, чтобы татары в республике жили не хуже, чем в Татарстане, а русские чувствовали себя, как и в центре России [44]. И, наконец, Рахимов высказался о необходимости принятия государственной программы, которая привела бы к формированию гражданской идентичности в республике [45].

Третий этап

Башкортостан подписал двустороннее соглашение с Москвой через шесть месяцев после Татарстана. Как и в Татарстане, республиканское руководство некоторое время анализировало свои достижения. Во время празднования четвертой годовщины провозглашения суверенитета, Президент Рахимов рассказал об основных достижениях республики после 1990 г.: принятии новой Конституции, подписании двустороннего соглашения с Россией, преодолении наиболее негативных последствий экономической реформы, развитии внешних связей и сохранении межнационального мира. Но предстояло еще укрепить государственную власть, реформировать судебную систему, завершить создание рыночной экономики и улучшить социальную защиту неимущих. И снова национальный вопрос упоминался мимоходом. Башкортостан был объявлен родиной не только башкир, но также и русских, татар и ряда других этнических групп [46].

Тем не менее, обсуждать национальную тематику старались не всегда. Башкирские лидеры открыто говорили о ней на Всемирном курултае башкир (Уфа, июнь 1995 г.). В своем выступлении Рахимов призвал к расширению обучения на родном языке и его использовании его в сфере управ-

ления, возрождению культурных традиций и препятствию ассимиляции башкир более многочисленными этническими группами. Он также сказал, что правительство будет стараться оказывать содействие обучению башкир в вузах России и за границей, содействовать их трудоустройству и образованию, примет меры по повышению рождаемости башкирского населения [47]. Премьер-министр Рим Бакиев отметил, что Башкортостан — это единственный регион России, который может решать проблемы башкир, и что государство ответственно за них [48]. Политики, которые пять лет избегали касаться этих вопросов, вдруг стали вести себя как умеренные националисты. Но как только курултай закончил свою работу, все вернулось на круги своя [49]. Этот форум дал башкирским руководителям возможность сказать вслух то, о чем они не могли заявить с других трибун. Национальная по составу аудитория позволила им высказаться свободно. Но были ли эти речи направлены на то, чтобы успокоить националистически настроенных делегатов, или все было совсем иначе? Была ли программа национального возрождения лишь дополнением к основным задачам — экономической реформе и укреплению суверенитета, или она считалась одной из главных задач правительства? Я попытаюсь ответить на эти вопросы во второй части статьи.

Чувашия: вслед за лидерами

Первый и второй этапы

Чувашских политиков привлекали те же идеи, что и лидеров Татарстана и Башкортостана, но в более умеренных вариантах. Как и в Башкортостане, их главная цель заключалась в получении экономической самостоятельности. В своем выступлении на сессии Верховного Совета по проблемам суверенитета глава парламента А.М.Леонтьев заявил, что суверенитет дает право быть хозяином своей судьбы, независимо решать экономические, социальные и национальные вопросы [50]. Его преемник Эдуард Кубарев утверждал, что экономическую основу суверенитета Чувашии должны составить приватизированные союзные и российские предприятия [51].

Политические аспекты суверенитета были менее привлекательны для лидеров Чувашии. В отличие от их коллег в Башкортостане и Татарстане, чувашские руководители никогда не стремились к выходу из состава федерации, бойкоту выборов или отказу от подписания Федеративного Договора. Леонтьев утверждал, что суверенитет не означает «развода» с Россией и что Чувашия будет и дальше признавать верховенство советских и российских законов [52]. Кубарев указывал на необходимость интеграции Чувашии с Российской Федерацией, и подтвердил, что Федеративный Договор оставил республике достаточно свободы для экономического и политического развития [53].

Во всех этих выступлениях проблема национального возрождения особо не выделялась. Леонтьев связывал сохранение национальной культуры с самоуправлением и социально-экономическим развитием. Эти аспекты признавались одинаково важными для повышения статуса республики [54]. Кубарев же доказывал, что суверенитет может стать мощным толчком для развития этнической культуры, а это невозможно без усиления роли национального языка во всех сферах общественной жизни [55]. И все же в обоих случаях национальный вопрос прозвучал лишь мельком.

Как и в Башкортостане, выступление главы парламента на Чувашском национальном конгрессе было единственным серьезным заявлением по этой теме. Кубарев говорил о необходимости принятия закона о языках, о развитии чувашской культуры и укреплении национального самосознания. Он даже предлагал восстановить поселковые национальные советы, которые существовали в 1920-е гг. [56]. Оценивая этот доклад, надо иметь в виду, что этот конгресс был действительно знаменательным событием в жизни республики, и на нем можно было обсуждать национальные проблемы, не опасаясь обвинений в национализме. Выступая на этом форуме, Кубарев уделил много времени и привычной теме — политической и экономической самостоятельности. И, тем не менее, его речь можно считать исключением из правил политической жизни Чувашии.

Третий этап

В декабре 1993 г. первым Президентом Чувашии стал Николай Федоров, бывший министр юстиции Российской Федерации. Это привело к усилению уже имевшихся тенденций в политическом развитии Чувашии. Предшественники Федорова поддерживали идею самостоятельности, пока это не стало причиной конфликта с Москвой. Федоров же в своих предвыборных выступлениях говорил, что Чувашия не будет стремиться к независимости [57]. После прихода к власти он заявил, что его основными целями являются создание новых рынков, борьба с пьянством, развитие спорта и туризма, поддержание общественного порядка. Что касается национального пункта его программы, то Федоров заявил, что он будет защищать культуру чувашей, но с учетом многоэтничного характера Чувашии [58]. Став Президентом, Федоров перестал критиковать суверенитет и вернулся к знакомым лозунгам о необходимости укрепления социально-экономической самостоятельности республики и усиления ее государственных институтов. На одной из сессий чувашского парламента он заявил, что нельзя из Москвы создавать республику [59]. Внезапный призыв Федорова к большей суверенизации был отчасти вызван его новым статусом, а также началу войны в Чечне. Федоров был одним из самых ярых противников этого конфликта, называл политику Москвы геноцидом [60]. Но все же Федоров воздерживался от радикальных действий в вопросах о суверенитете, предпочитая вести переговоры о конкретных программах.

Несмотря на численное преобладание чувашей в республике, ее лидеры в значительной степени избежали конфронтации с Москвой, отдав это право соседним регионам. Несмотря на свой умеренный курс, Чувашия добилась того же, что и ее более «громогласные» соседи, и сохранила хорошие отношения с Россией, избежав внутренних противоречий и сделав конкретные шаги по развитию национальной культуры чувашей.

Хакасия: рождение республики

До горбачевских реформ Хакасия, являясь автономной областью в составе Красноярского края, зависела от краевой администрации. На ранних этапах суверенизации усилия большинства руководителей этой тогда еще автономной области были сосредоточены на отделении от края и получения статуса автономной республики в составе РСФСР. То, что такого рода требования выдвигались еще при советской власти, наложило отпечаток на их характер. Хакасия стала республикой в 1992 г., после чего ее руководство перестало поднимать вопрос о суверенитете и занялось решением трудной задачи создания, зачастую с нуля, органов управления.

Демографическая ситуация в Хакассии была еще менее благоприятной для титульной национальности, чем в Башкортостане. Но действия ее руководства в таких условиях были совершенно иными. Если руководители Башкортостана старались не поднимать публично национальную тему, то лидеры Хакасии были самыми требовательными в этом отношении из всех четырех рассматриваемых мною республик.

Первый этап

К лету 1989 г. хакасские лидеры были сосредоточены на повышении статуса своей области до автономной республики. Если бы этого достичь не удалось, они были готовы остаться и областью, но вне Красноярского края, перейдя в непосредственное подчинение РСФСР. Владимир Штыгашев, депутат от Хакассии на Съезде народных депутатов России и будущий глава хакасского парламента, говорил о проблемах, с которыми сталкивалась область, будучи субъектом края. Он настаивал на том, что автономная область — это примерно тоже, что район края, т.к. у области нет никаких прав управлять своей территорией или создавать собственное законодательство. Администрация края, считал он, относилась к Хакасии как к колонии, бесплатно изымая ее сельскохозяйственную продукцию, стройматериалы и природные ресурсы [61].

Независимость от края позволила бы Хакассии реализовать весь свой экономический потенциал, который, по словам председателя облисполкома Галины Трошкиной, был выше, чем у многих областей и автономных республик [62]. Депутат Верховного Совета России Михаил Митюков настаивал на том, что республика должна иметь исключительные права на охоту, рыболовство, пастбища, водоемы и леса; союзные и российские предприятия должны платить часть налогов в местный бюджет и не размещаться на территории области без согласия ее администрации [63]. Таким образом, экономическое развитие, казалось, было главной причиной укрепления суверенитета и отделения от края.

Государственные аспекты суверенитета на этом этапе не обсуждались, вероятно потому, что область пока еще не была республикой и, следовательно, говорить об этом было пока преждевременно. Но как только отделение стало уже не за горами, Штыгашев заявил, что республиканский статус позволил бы Хакасии принять собственную Конституцию, которая бы гарантировала республике развитие науки, культуры и социальной сферы [64].

С другой стороны, местные лидеры (и хакасы, и русские) стали уделять больше внимания национальным вопросам. Штыгашев утверждал, что статус республики позволил бы хакасам сохранить свою культуру и быстро вымирающий язык [65]. Трошкина выражала недовольство, что край не помогал автономной области в решении ее национальных проблем [66]. И, наконец, Штыгашев обратил внимание на избыток недавних переселенцев нехакасской национальности, игнорировавших международные и советские нормы национальных отношений и враждебно настроенных к коренному населению [67].

Политические способы решения этих проблем, предложенные упомянутыми деятелями, были более радикальными, чем меры, предпринятые лидерами остальных республик. В то время как русский Митюков предлагал такие привычные меры, как открытие национальных школ и увеличение печатных изданий на родном языке, представители хакасской национальности пошли намного дальше [68]. Штыгашев, например, в 1989 г. призывал создать двухпалатный парламент, одна палата которого состояла бы на 50 % из хакас [69]. Через два года он высказался за обязательное присутствие хакасов в правительстве. Настаивая на введении этих квот из-за высокомерного отношения русского большинства к коренному населению, Штыгашев подчеркивал, что хакасы не стремятся к особым привилегиям, а хотят быть равными со всеми, сохранить свой язык и культуру [70]. Штыгашев выражал мнение всей властной элиты Хакасии, когда доказывал, что статус автономной республики даст Хакасии больше возможностей для развития ее местной культуры [71].

Второй и третий этапы

После распада СССР Хакасия, ставшая республикой, стала, хоть и опозданием, готовиться к принятию своей Декларации о государственном суверенитете. Радикальные заявления хакасских националистов возымели эффект и сторонники суверенитета среди русского населения изменили свои взгляды. Накануне начала слушаний по этому вопросу Митюков заявил, что большинство населения республики рассматривает эту декларацию, как первый шаг к отделению от России. Он также довольно резко высказался против введения кадровых квот, заявив, что это приведет к диктатуре национального меньшинства [72].

Сторонники суверенитета, такие как, например, Штыгашев, считали, что декларация необходима для определения круга прав и обязанностей республики перед Российской Федерацией. Правовой вакуум, вызванный отсутствием декларации, мог привести к социальным и национальным конфликтам. В то же время, Штыгашев был резко настроен против любой возможности раскола [73]. Противники суверенитета выиграли эту битву, покончив с дискуссией о нем и закрыв эту тему на будущее.

Почему хакасские лидеры так открыто защищали свои национальные интересы? Я думаю, что это было проявлением их слабости. Как мы увидим далее, башкирские лидеры не нуждались в обсуждении специальных национальных программ, потому что у них и так были возможности внедрять этнически ориентированные проекты, причем не спрашивая согласия у многонационального

населения республики. В Хакасии же ситуация была иной и ее руководители были вынуждены во всеуслышанье заявлять о своих проблемах, чтобы завоевать симпатии большинства.

Как видим, национальное возрождение играло второстепенную роль в программных выступлениях сторонников суверенитета. Руководители большинства республик предпочитали сосредотачиваться на экономических и политико-административных аспектах суверенизации. Это давало им поддержку среди нетитульных этносов, помогало сохранить мир в республиках и избежать чрезмерного отчуждения от Москвы. Национальные требования ограничивались сферой родного языка или выдвигались лишь время от времени, в каких-то особых случаях. Значит ли это, что критики правы и что суверенитет был лишь инструментом для усиления политического контроля на местах и средством защиты от последствий экономической реформы? В какой-то мере так и было, но все же политические элиты республик были очень заинтересованы в возрождении национальных культур титульных наций. Об этом свидетельствуют характер принятых в республиках законов и общая политическая линия, которой они придерживались.

Помогать своим: политика этнического возрождения

Как мы уже знаем, в своих речах и интервью лидеры молодых, суверенных республик России по возможности старались избегать тем национального возрождения. Но, несмотря на это, они все же ухитрялись проводить соответствующие политику и программы.

Безусловно, то, что республиканские лидеры уделяли большое внимание укреплению политической и экономической независимости своих регионов от Российской Федерации, не было просто уловкой. Большинство принятых тогда законов действительно касались этих проблем. И все же, национальное возрождение было важной составной частью политики республик и, что важно, во многом скрытой от общественности.

В политике национального возрождения в республиках можно выделить пять моментов:

1. Привилегии, зафиксированные в Конституциях;
2. Развитие национальной культуры и языка;
3. Расширение обучения на родном языке;
4. Создание национальной символики;
5. Преимущественное выдвижение представителей титульного этноса на руководящие должности.

Табл. 1 содержит резюме основных аспектов программ национального возрождения в рассмотренных четырех республиках. Они не везде были одинаковыми. В ряде республик, особенно в Хакасии, избежали установления особых привилегий по национальному признаку в основных законах и не внедрили практику назначения на руководящие должности на основе национальной принадлежности. Во всех республиках были разработаны программы для возрождения культуры и/или языка, расширения обучения на родном языке, хотя в каждой республике это осуществлялось по-разному. И, наконец, все республики создали и приняли свою национальную символику.

Татарстан: все татарское — для всех

Законы и символика

В Татарстане, несмотря на попытки его лидеров создать гражданскую татарстанскую идентичность, национальные особенности были включены в ряд основных законов. В Декларации о государственном суверенитете Татарстана, например, говорилось, что суверенитет провозглашается в целях реализации неотъемлемого права татарской нации, всего народа республики на самоопределение [74]. Хотя в тексте упоминался «весь народ республики», приоритет для татар был очевиден.

В государственной символике Татарстана также проявляется влияние титульной нации. К примеру, в центре государственного герба изображен крылатый белый барс, символ татарской государ-

Табл. 1.

	Татарстан	Башкортостан	Чувашия	Хакасия
Декларация о государственном суверенитете	Август 1990 г.: право татар на самоопределение.	Октябрь 1990 г.: право башкир на самоопределение.	Октябрь 1990 г.: ответственность за судьбу чувашского народа.	Нет. Декларация об основных полномочиях, правах и обязанностях Республики Хакасия в составе Российской Федерации. Март 1992 г.: Хакасы и остальное население республики получают право на самоопределение.
Закон о языках	Июль 1992 г.: уравнивание прав русского и татарского языков.	Нет. Дискуссия по поводу статуса татарского языка.	Октябрь 1992 г.: уравнивание прав чувашского и русского языков.	Октябрь 1992 г.: уравнивание прав русского и хакасского языков.
Новая Конституция	Ноябрь 1992 г.: требование к Президенту владеть русским и татарским языками.	Декабрь 1993 г.: Право 1. Башкортостана на самоопределение; 2. Государство несет ответственность за сохранение башкирской культуры; 3. Президент обязан владеть русским и башкирским языками.	Нет. В Конституции: 1. Государство несет ответственность за развитие чувашской культуры; 2. Президент обязан владеть чувашским и русским языками.	Июнь 1995 г.: 1. Основана на волеизлиянии многонационального народа республики.
Программа развития культуры и языка	Июль 1994 г. (язык): 1. Прибавка к зарплате; 2. Печать; 3. Перечень профессий; 4. Университеты.	Весна 1996 г. (культура): 1. Квоты; 2. Экономическое развитие.	Май 1993 г. (язык): 1. Перечень профессий; 2. Курсы чувашского языка; 3. Печать; 4. Квоты на прием в вузы.	Октябрь 1994 г. (язык), декабрь 1995 (культура): 1. Возрождение традиций; 2. Печать; 3. Стипендии для студентов.
Привилегии для коренного населения	Умеренные: только при назначении на руководящие должности.	Большие: 1. При назначении на руководящие должности; 2. В сфере образования; 3. В руководстве промышленностью.	Низкие: 1. При назначении на руководящие должности; 2. В сфере образования.	Нет.
Язык, на котором ведется обучение	1. Обязательное обучение татарскому языку во всех школах; 2. Татары обучаются на татарском языке.	1. Попытки ввести изучение башкирского языка во всех школах; 2. В башкирских школах преподавание переводится на башкирский язык.	1. Обязательное обучение чувашскому языку во всех школах; 2. Чуваши обучаются на чувашском языке.	1. Обязательных требований нет; 2. хакасы изучают свой язык в качестве одного из предметов школьной программы.

ственности еще с XV в. Полотнище флага окрашено в два цвета — зеленый и красный [75]. Зеленый цвет символизирует принадлежность татар к тюркско-мусульманскому миру. Все эти символы акцентируют, хотя и довольно мягко, внимание на то, что Татарстан — это государство татар, но и не отчуждают остальное население республики.

Пропаганда татарской культуры

Руководители республики приняли конкретные меры для скорейшего возрождения татарской культуры. Эти меры состоят из трех пунктов: 1. Поощрение использования татарского языка в общественной сфере; 2. Расширение сферы преподавания на татарском языке; 3. Пропаганда татарской культуры.

Расширение сферы использования татарского языка началось с принятия «Закона о языках народов РТ» в июле 1992 г. После горячих споров парламент отклонил предложение сделать татарский язык единственным государственным языком республики, и уравнял его в правах с русским. Тем не менее, закон значительно поднял статус татарского языка, потребовав, делопроизводство и публикация законодательных актов происходили на обоих языках (ст. 11, 12, 14, 15 упомянутого закона). Суды, СМИ, промышленные предприятия, общественный транспорт, научные и культурные учреждения также должны были использовать оба языка (ст. 16-22). Закон также утвердил программу сохранения языка, которой предусматривается открытие татарских детских садов, расширение обучения на татарском языке, увеличение на нем публикаций, теле- и радиовещания (ст. 7, 23) [76].

Реализация этого закона шла медленно, особенно в промышленности и бизнесе. Поэтому летом 1994 г. Верховный Совет принял государственную программу сохранения, изучения и развития языков народов Татарстана, в которой, тем не менее, приоритет отдавался татарскому языку — в 67 пунктах из 126. В других 26 пунктах татарский язык не упоминался, но подразумевался. Лишь 33 пункта касаются всех языков Татарстана, но ни один не посвящен отдельно русскому.

Программа рекомендовала составить перечень профессий, где требуется знание обоих государственных языков, ввести 15 % надбавку к зарплате тем, кто ими владеет [77], расширить преподавание на татарском языке и использование его в СМИ [78].

Эта программа расширила сферу применения татарского языка в общественной жизни. Увеличилось число взрослых, посещающих курсы татарского языка, причем одним из самых известных учеников был русский по национальности вице-президент республики. Синхронный перевод стал использоваться в работе парламента. Все надписи на улицах стали на двух языках, а водители общественного транспорта часто объявляют остановки на обоих языках. Начиная с сентября 1998 г. все ярлыки на потребительских товарах пишутся на обоих языках [79]. Появилось несколько новых татароязычных журналов и газет, в том числе детская периодика [80]. Возросло количество радио- и телепрограмм на татарском языке [81], по всей республике советские и русские географические названия меняются на татарские [82]. В итоге, татарский язык стал чаще использоваться вне дома — в уличных разговорах, в школе и на работе [83].

Но самым значительным фактором национального возрождения стало расширение применение татарского языка при обучении детей-татар, и обязательное изучение его и истории Татарстана школьниками других национальностей. В 1991-1995 гг. доля учеников-татар, изучающих все предметы на родном языке, возросла с 28 % до 43 % и продолжает увеличиваться. В городе эти показатели выросли с 4 % в 1991 г. до 28 % в 1995 г. [84]. Если до 1993 г. школьники-нетатары фактически не изучали татарский язык, то теперь он обязателен во всех школах республики [85]. В университетах расширяются или открываются вновь факультеты татарского языка [86].

Все эти нововведения основаны на принципах, воплощенных в республиканских законах о языках и об образовании. Разработка этого проекта началась еще в 1989 г. и была одобрена Министерством образования в 1991 г. Его основным принципом является идея татарского национального возрождения как базис системы образования. Предусматривается также создание специального

государственного фонда развития татарских школ, финансирование которого должно стать приоритетным, обязательное изучение татарского языка во всех школах и детских садах Татарстана [87] (ст. 10 закона о языках и ст. 6 закона об образования [88]).

Третья мера — пропаганда татарской культуры — в отличие от языковой и образовательной политики менее всего повлияла на лиц нетатарской национальности. С другой стороны, она сильно повлияла на самих татар. К 1995 г. в республике существовало 1645 татарских клубов, более 100 фольклорных ансамблей и 1063 татарских библиотеки. Было открыто более 240 мечетей. Средства массовой информации также играли значительную роль в распространении татарской культуры. Правительство учредило государственные центры по сбору и распространению татарского фольклора и татарской культуры [89]. Регулярными стали статьи об истории, искусстве, музыке татар на страницах татарских и русских газет. Телевидение и радио также насыщены передачами о культуре.

Расширяя возможности

В распространении культурных программ есть и побочный эффект, на который часто не обращают внимания. Для их осуществления требуются квалифицированные кадры. Поэтому в министерстве образования был расширен отдел национальных школ, в каждом районном и городском отделе народного образования была введена должность заместителя начальника отдела по национальным школам, а для учителей татарского языка открылись новые возможности карьерного роста [90]. Аналогичной была ситуация и в частном секторе. В соответствии с законом, каждое предприятие должно было иметь в своем штате человека со знанием татарского языка для работы с татароязычными клиентами.

Но наибольшие политически значимые возможности появились в «верхах». По Конституции Президент Татарстана должен владеть татарским и русским языками, что, в сущности, гарантирует, что эту должность в ближайшее время будут занимать только татары [91]. И хотя у меня нет никаких документальных подтверждений, многие источники сходятся во мнении, что сейчас в руководстве республики преобладают лица татарской национальности. Один из авторов указывает, что за 1990-1995 гг. соотношение татар и русских в руководстве республики с примерного равенства изменилось на соотношение 80:20 [92]. Хотя большинство источников полагает, что русские доминируют в местной промышленности, один московский обозреватель считает, что хозяйственная элита также подверглась татаризации [93]. В целом же, кажется, татары сегодня играют значительно большую роль в управлении республикой, чем пять лет назад, хотя конкретных цифр на этот счет у меня нет.

Я постарался показать, что пропаганда национального возрождения в Татарстане было важной частью программы его суверенизации. Без привлечения излишнего внимания она воплощалась в местных законах и программах. Их выполнение сопровождалось ростом этнокультурной бюрократии из числа татар и, частично, татаризацией управленческой элиты. Далее мы увидим, что аналогичные процессы происходили и в других республиках. Все это опровергает утверждения, что суверенизация мало внимания уделяла национальным проблемам, а лишь прикрывалась ими.

Башкортостан: преодолевая демографическую специфику

Основным фактором, оказывавшим влияние на политику национального возрождения в Башкортостане, была демографическая ситуация, сложившаяся в этой республике. Имея лишь 22 % башкир в составе населения республики, из которых только 1/3 считали башкирский своим родным языком, руководителям Башкортостана приходилось проявлять особую осторожность в процессе суверенизации, чтобы не вызвать негативной реакции у русского и татарского большинства [94]. Это означало, что национальное возрождение не обсуждалось публично лидерами Башкортостана, но т.к. все ведущие государственные должности находились в руках башкир, последние могли осуществлять широкую программу национального возрождения. Она была похожа на ту, что действо-

вала в Татарстане, с повышенным вниманием к расширению сферы использования башкирского языка и обучения на нем, увеличению трудовой занятости башкир и внедрения башкирской культуры в общественную сферу.

Законы и возможности

В движении за суверенитет в Башкортостане придавалось особое значение законодательной базе. Чтобы привлечь на свою сторону небашкирское меньшинство, республиканские законы редко упоминали о национальном возрождении башкир. Однако они и стали основой обширной программы национального возрождения, ставшей осуществляться после избрания в 1993 г. Президентом республики башкира Муртазы Рахимова.

Хотя Декларация о государственном суверенитете республики гарантировала равные права всем этническим группам и отмечала, что «носителем суверенитета и источником государственной власти в Башкирской ССР является ее многонациональный народ», основное ее внимание было сосредоточено на провозглашении неотъемлемого права башкирской нации на самоопределение [95]. Башкирская Конституция вновь отметила, что «Республика Башкортостан образована в результате реализации права башкирской нации на самоопределение и защищает интересы всего многонационального народа республики» (ст. 69) и подчеркнула, что государство «обеспечивает сохранение и защиту интеллектуального и художественного наследия, приумножение культурных ценностей, сохранения и развитие культуры башкирского народа, национальных культур других народов, проживающих на территории Республики Башкортостан» [96] (ст. 53). Закон об образовании дает всем гражданам право «на получение образования на родном языке обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, подготовкой соответствующих специалистов, а также условий для их функционирования. Национальная школа призвана способствовать развитию национального самосознания личности, упрочению и развитию национальной культуры и национальных традиций. Преподавание ведется как правило на родном языке. Выпускники национальных школ вправе сдавать вступительные экзамены в профессиональные образовательные учреждения Республики Башкортостан на родном языке» [97]. Эти статьи, но особенно те, что давали приоритет развитию башкирской культуры, впоследствии стали использоваться для проведения политики национального возрождения башкир.

Закон о языках был самым спорным вопросом в суверенном законодательстве Башкортостана. Впервые попытка сделать башкирский язык государственным была предпринята в 1992 г. [98]. Последующие варианты наделяли башкирский и русский языки равными правами, но вопрос о статусе татарского языка остался открытым. Дискуссия по этой проблеме отстрочила принятие закона о языках. Правительственные чиновники решили вместо этого принять закон о сохранении и возрождении башкирского и других языков Башкортостана [99]. Другими словами, башкирские лидеры решили обойти этот щекотливый политический вопрос путем узаконивания официального статуса башкирского языка другими способами.

Осуществление законов

Первоначально меры по возрождению башкирской культуры были аналогичны мерам, предпринятым в Татарстане. Башкирское правительство сконцентрировало свои усилия на преобразовании школ для башкирских детей с русским языком обучения в школы, где преподавание велось на их родном языке. В результате, численность учеников, обучающихся на башкирском языке, за 1988-1995 гг. возросла до 20000 человек, или примерно на 6 %. 52 % тех, кто считает башкирский язык своим родным, обучаются теперь на нем, а 43 % изучают башкирский в качестве предмета школьной программы [100].

Следуя примеру Татарстана, Министерство образования РБ приняло решение, что с 1994/1995 учебного года во всех школах республики будет изучаться башкирский язык по 2 часа в неделю [101].

В результате протестов местных русских организаций этот план пришлось отложить, а обучение башкирскому языку стало вестись на добровольной основе [102]. В итоге численность школьников небашкирской национальности, изучающих башкирский язык, удвоилась и достигла 50000 [103].

Башкортостан, вероятно, пошел дальше всех рассматриваемых республик в выдвижении представителей титульной нации на руководящие посты. Как и в других республиках, в Башкортостане требуется знание кандидатом на пост Президента кандидатов языка титульной нации [104]. По различным данным, от 1/2 до 2/3 руководящих постов занимают башкиры [105], да и сами правительственные чиновники не отрицают, что в республике идет процесс башкиризации. Сергей Кабашов, заместитель заведующего отделом Кабинета министров, говорил мне, что руководитель вполне естественно желает иметь сослуживцев своей национальности. Он сказал, что 16 из 33 министров являются башкирами [106]. Ильдар Юлбарисов, отвечающий за национальные отношения в администрации Президента, сказал, что Рахимов стремится выдерживать квоты по национальностям на самой вершине власти [107]. Недавнее исследование показало, что башкиризация затронула не только министров, но и все более или менее влиятельные должности [108].

Особенностью политики национального возрождения в Башкортостане стало повышенное внимание к экономическому развитию районов с преобладанием башкирского населения. Эти юго-восточные районы получили кредиты на развитие, и большая часть иностранных инвестиций была вложена именно туда [109]. Здесь открываются школы, учреждения культуры, в том числе театры, училище искусств и педагогический вуз [110].

Начав с осторожных шагов, руководители республики принялись претворять в жизнь чрезвычайно обширную программу национального возрождения башкир, чему особенно способствовало избрание Муртазы Рахимова на пост Президента и последующая замена им многих чиновников на башкир [111]. На сегодняшний день самым амбициозным проектом является программа возрождения и развития башкирского народа, которая планирует улучшение социально-экономической инфраструктуры районов с башкирским населением, создание привилегий для башкир при приеме на работу, введение квот для башкир при приеме в вузы, и квот дня них во всех сферах занятости в течение пяти лет. Финансирование этой программы, которая также включает планы расширения печатных изданий на башкирском языке и пропаганду башкирской культуры, должно вестись из специального фонда.

Несмотря на то, что при обсуждении проблемы суверенитета башкирские лидеры не затрагивали вопросов национального возрождения, они ушли дальше остальных трех рассматриваемых республик в их осуществлении. Я считаю, что это было вызвано особенностями демографической ситуации у башкир, из-за чего они не стали обсуждать национальное возрождение публично, однако постарались установить свой контроль над государственными учреждениями, чтобы предотвратить ассимиляцию своего народа русскими и татарами.

Чувашия: большинство у власти

Численное превосходство чувашей в своей республике облегчило легитимизацию политики национального возрождения. То, что вызывало недовольство в Татарстане и Башкортостане, оказалось совершенно естественным в Чувашии и осуществилось практически без проблем. В частности, республиканское законодательство более четко прописало права и привилегии титульной нации, чем это было сделано в других трех республиках. Чувашия аналогичным путем, сосредоточившись на введении титульного языка в школах и пропаганде возрождения культуры.

Законы и символика

Верховный Совет Чувашии провозгласил суверенитет республики от имени и во имя чувашского народа. Хотя декларация о суверенитете республики заявляет, что она выражает интересы всех граждан республики независимо от их национальной принадлежности, она оговаривает ответствен-

ность республики за судьбу чувашской нации и исходит из обязательства развивать культуру, язык, традиции, и образ жизни чувашского народа [112]. Конституция республики подтверждает привилегии чувашей, заявляя, что республика ответственна за сохранение и развитие чувашской культуры, но только содействует развитию других национальных культур [113]. Эти положения идут вразрез с выступлением председателя Верховного Совета Леонтьева на открытии парламентских дебатов о суверенитете, который подчеркнул его чисто экономический характер.

Акцент на национальных чертах стал очевиден, когда в декабре 1990 г. был опубликован проект государственной символики Чувашии. В этом документе говорилось, что государственные символы должны олицетворять историю чувашского народа, его национальное возрождение и право на самоопределение [114]. В государственных гербе и флаге Чувашии присутствуют желтый и фиолетовый цвета, традиционные для чувашей. И на гербе, и на флаге изображено «Древо жизни» — символ возрождения. На флаге также помещен древний символ чувашей — три солнца [115].

Язык и образование

Чувашский закон о языках возлагает ответственность на республиканское правительство за сохранение и развитие чувашского языка, но провозглашает государственными языками чувашский и русский. Как и в татарском законе, он требует от официальных должностных лиц, работающих с народом, знания обоих государственных языков, и устанавливает 10-летний переходный период для введения этой нормы. Он также декларирует, что работники, знающие оба этих языка, должны поощряться материально [116].

Чувашское правительство не стало откладывать реализацию этого закона, и в апреле 1991 г. создало специальную комиссию [117]. В 1992 г., проявляя беспокойство реализацией указанного закона, оно создало фонд возрождения чувашских школ [118]. В мае 1993 г. принимается программа реализации закона о языках. Она явно отдает приоритет расширению функций чувашского языка, планирует составление списка профессий и должностей, которые требуют знания языка, создание коротковолнового радиоканала, вещающего на чувашском, провозглашает приоритет для чувашского языка в печати и выступает за пополнение фондов чувашских библиотек. В образовательной сфере закон требует введения чувашского языка в качестве отдельного предмета во всех школах и вузах и установление квот для абитуриентов-чувашей, поступающих на художественные и музыкальные факультеты ведущих вузов республики [119].

Все это не осталось на бумаге. Уже в феврале 1992 г. возросло количество часов, отводимых на изучение чувашского языка [120]. К 1993 г. увеличился объем радио- и телевещания на чувашском языке [121]. В течение следующего года открылось несколько чувашских школ, а при участии Фонда Джорджа Сороса были изданы учебники по истории [122]. В 1990-1995 гг. число школьников, изучающих чувашский язык возросло с 45000 до 80000, а к 1995 г. число тех, кто изучал все предметы на чувашском, удвоилось — с 32000 до 64000 человек [123]. Таким образом, чувашский язык расширил свои общественные функции, и свое употребление.

Расширяя возможности

Чувашская программа «коренизации» оказалась не такой глубокой, как у татар и башкир. Частично потому, что в ней было меньше нужды, частично — по причине ее меньшей значимости. Учитывая то, что 67 % населения республики составляют чуваши, представляется вполне нормальным, что они же и занимают большинство руководящих должностей. Это не означает, что для чувашей не предусмотрено никаких привилегий. По местной Конституции Президент обязан владеть обоими государственными языками [124]. После 1990 г. русских несколько оттеснили из высших органов власти, особенно из сферы культуры, образования и руководства СМИ [125], заменив их чувашами. В правительстве Николая Федорова, несмотря на его отказ от публичного обсуждения национальных идей, из 13 министров лишь 2 — не чуваши [126].

Несмотря на значительные отличия, ситуация в Чувашии похожа на то, что делается сейчас в других республиках. Хотя чувашские руководители стараются не поднимать открыто национальный вопрос, они ввели чувашский язык в школы, госучреждения и общественную сферу, ведут пропаганду чувашской культуры и истории. В итоге, чуваши получили новые рабочие места и возможность продвигаться по службе.

Хакасия: культурное возрождение, политические неудачи

Как я уже говорил, руководство Хакасии, в отличие от лидеров остальных рассматриваемых республик, больше внимания уделяло в публичных выступлениях национальной теме. Возможное объяснение этому заключается в том, что в отличие от своих коллег, хакасские лидеры не имели достаточных сил в парламенте или правительстве, чтобы проводить политику национального возрождения без поддержки нехакасского большинства и потому пытались обращаться к ним за поддержкой своих инициатив. Руководители нехакасской национальности, в основном, были равнодушны к политике хакасского национального возрождения, пока она не затрагивала прав и возможностей других национальностей.

Законы и возможности

Стремление хакасов провозгласить суверенитет республики сразу же не было поддержано русскоязычным большинством в местном парламенте. Вместо этого была принята компромиссная «Декларация об основных полномочиях, правах и обязанностях Республики Хакасия в составе Российской Федерации» [127], где о «суверенитете» не упоминалось, но было написано, что республика основана на праве хакасской нации и общества, сложившегося на этой территории, на самоопределение. В Конституции республики, принятой в июне 1995 г., также говорится, что она основана на волеизъявлении многонационального народа Хакасии, не упоминается об особых правах хакасов, а властям поручено способствовать культурному развитию всех народов республики. В отличие от Конституций других республик, хакасская не требует от главы правительства знания обоих государственных языков [128]. Предложение увеличить долю лиц хакасской национальности в парламенте также было отклонено.

Однако кое-что лидерам хакасов удалось все же отстоять. То, что касалось развития культуры, удалось, в отличие от попыток ввести привилегии по национальному признаку, реализовать более или менее успешно. Закон о языках, принятый 20 октября 1992 г., объявил русский и хакасский равноправными государственными языками [129]. Было также принято решение о создании неофициального представительского органа хакасов, который будет принимать декларации от имени хакасского народа по вопросам политики, образования и экономики [130], носящие рекомендательный характер для Верховного Совета республики. Так называемый Совет Хакасов к тому же имел право предлагать законы в парламенте. Все это создавало правовую базу для возможного возрождения хакасской культуры.

Реализация законов

Правительство Хакасии приняло три программы возрождения культуры хакасов: по развитию языка, культуры и этноса в целом. Эти программы содержат широкий комплекс мер, включая предложения по развитию хакасского образование в школах и вузах, проведения фестивалей и праздников хакасской культуры, укреплению здоровья местного населения, и учреждения стипендий одаренным хакасским детям [131].

Как показало недавно проведенное исследование, в последние годы увеличилось количество издаваемой на хакасском языке литературы, при поддержке государства успешно проходят национальные фестивали, создан центр традиционных искусств и изделий кустарного промысла. Однако трудности создает нехватка средств и неотложность решения социально-экономических проблем [132].

В образовании на хакасском языке также все не так просто. С одной стороны, после 1989 г. было открыто 28 новых национальных школ, а 70 % хакасских детей изучают свой родной язык в школах. С другой стороны, с 1989 г. эта цифра возросла только на 2 %, и лишь 7 % детей-хакасов обучаются в школах с преподаванием на хакасском языке [133]. На сегодняшний день руководству Хакасии пока не удалось открыть школу для хакасов в столице республики, а обучение на хакасском языке ведется пока только в одном элитном интернате и нескольких сельских школах на более моноциональном юге республики.

В Хакасии не удалось осуществить меры по использованию хакасского языка в сфере управления и увеличить численность работников, занимающихся национальными проблемами. А вопрос о преподавании хакасского языка и истории хакасов в нехакасских школах даже не поднимался.

Их политическая слабость вынудила лидеров хакасов обратиться к общественности за помощью в этом деле. В какой-то мере их глас был услышан. Депутаты других национальностей охотно принимали меры по развитию хакасской нации, пока это не затрагивало их собственных интересов и не давало хакасам никаких привилегий. Однако предложение о введении квот на места в правительстве было отклонено. Избрание в 1996 г. губернатором республики Алексея Лебедя снизило возможности хакасских националистов. Сейчас в Хакасии наблюдается ситуация параллельного развития двух культур — открываются национальные школы, проводятся хакасские народные фестивали, растут тиражи книг на хакасском языке, но все это мало интересует нехакасское население.

Выводы

Я попытался показать, что, вопреки распространенному мнению, будто бы подчеркивание национальных проблем являлось обычной уловкой чиновников для укрепления своей власти и усиления независимости республик, местные лидеры были искренне заинтересованы в развитии своего народа и принимали программы национального возрождения, несмотря на возможное недовольство нетитульных этносов. Я думаю, что титульные властные элиты опирались на традиции советской национальной политики, которая много внимания уделяла этнокультурному развитию. Советская политика была основана на примордиалистском подходе к этносам, считая их, по существу, постоянными и неизменными. Поэтому в послевоенное время усиление ассимиляции национальных меньшинств доминирующим русским населением воспринималось историками и общественными деятелями титульных наций как начало «исчезновения» их этносов. Понимая этнос как нечто цельное, эти политики стремились осуществлять политику культурного возрождения, чтобы сохранить свой этнос. В советское время каждый национальный регион «принадлежал» определенному этносу, и носил его название. Поэтому титульная политическая элита каждого региона стремилась выдвигать своих соплеменников на руководящие должности [134].

Хотя эти элиты использовали национальное возрождение, чтобы сохранить свой народ, они не хотели ссориться с местным русским населением и с Москвой. Поэтому они заявляли, что суверенитет будет способствовать укреплению независимости и экономическому благосостоянию всего населения региона, независимо от национальной принадлежности. В результате, в большинстве республик национальное возрождение осуществилось на практике, но произошло это без лишнего шума.

Подробный анализ особенностей национального возрождения потребовал бы изучения ситуации в большинстве из 21 республик, а исследование четырех регионов позволяет сделать лишь предварительные выводы. Оказалось, что степень публичности обсуждения такого рода программ зависит от численности титульного этноса в республике и степени контроля им местного правительства. Так, в Чувашии руководство смелее проводило в жизнь меры по развитию культуры чувашей. Там, где титульный этнос был слабо представлен в органах власти, приходилось заручаться поддержкой остальных этнических групп. В тех республиках, где титульный этнос не составлял абсолютного большинства населения, но контролировал правительство, лидеры были более осторожными.

Чтобы реализовать свои планы и не вызвать недовольства русского населения, они предпочитали действовать аккуратно. Самые радикальные меры по национальному возрождению были предложены в Башкортостане и Хакасии, т.е. там, где титульная нация находится в меньшинстве, а самые умеренные — в Чувашии, где демографическая ситуация гарантировала, что политическому и культурному господству титульного этноса никто не угрожает. Но возможности элиты полностью зависели от степени контроля национальными лидерами государственных институтов. Поэтому, радикальные предложения хакасской элиты были отклонены русским по составу законодательным органом, в то время как аналогичные меры в Башкортостане в большинстве своем были приняты.

Сделанные здесь выводы — это предварительная попытка выяснить различия между республиками в проведении ими политики национального возрождения как составной части политики суверенитета. Однако, эти различия лишь подчеркивают главное сходство — во всех республиках национальные лидеры серьезно воспринимали национальное возрождение и разрабатывали меры по его максимальному воплощению, что можно было сделать, только успокоив нетитульное население и Москву.

Я хотел бы поблагодарить Джорджа Бреслауера, Тимоти Колтона, Иду Горенбург, Генри Хейла, Дэвида Лейтина, Полину Джоунз Луонг, а также участников Савьерского семинара по проблемам демократии (Sawyer Seminar on Democratic Performance) в Гарвардском университете и анонимного рецензента этой статьи за их комментарии к ее первому варианту. Я также выражаю свою признательность Игорю Кучумову за перевод настоящей работы на русский язык. Предварительно данный материал был доложен мною на ежегодной конференции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (ноябрь 1996 г., Бостон, шт. Массачусетс), а финансирование осуществлялось Американским советом по международным исследованиям и обменам (IREX) и Национальным научным фондом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например: Roeder Ph. Post-Soviet Institutions and Elhnopolitics (доклад, представленный в 1994 г. на ежегодном собрании Американской политологической ассоциации (American Political Science Association). P. 38.
2. Кроме упомянутых исследователей, директор Института этнологии и антропологии РАН Валерий Тишков недавно признал, что этническая мобилизациия изначально была инструментом для укрепления власти местных элит: Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union (London, 1997).
3. Roeder Ph. Op. cit. P. 18
4. Ibid. P. 17.
5 Treisman D. The Politics of Intergovernmental Transfers in Post-Soviet Russia // British Journal of Political Science. 1996. Vol. 26. No. 2. P. 299-335 и P. 327 (курсив оригинала).
6. Solnick S. Federal Bargaining in Russia // East European Constitutional Review. 1995. Vol. 4. No. 4. P. 52-58 и P. 57.
7. Равио Ж.-Р. Типы национализма, общество и политика в Татарстане // Полис. 1992. № 5-6. С. 42-58. См. также: Raviot J.-R. Territoire et Ethnicite au Tatarstan // Archives Europeenes de Sociologie. 1993. Vol. 34. P. 169-195.
8. Равио Ж.-Р. Указ. соч. С. 49.
9. Хронологические рамки переходного периода я определяю между 1988 г. (когда «гласность» впервые коснулась национальных регионов России) и 1993/1994 гг. (принятие российской Конституции и подписание первых двусторонних договоров между Россией и ее национальными республиками).

10. Подробнее см. в статьях Гейла Фондаля, Алена Франка и Рональда Виксмана в сборнике: New States, New Politics: Building the Post-Soviet Nation. New York, 1997.
11. Рассмотрение вопроса о субсидиях в настоящей статье основано на данных 1992 г.: Wallich Ch. Russia and the Challenge of Fiscal Federalism. Washington, 1992. Данные 1995 г. см.: McAuley A. The Determinants of Russian Federal-Regional Fiscal Relations: Equity or Political Influence // Europe-Asia Studies. 1997. Vol. 49. No. 3. См. также: Treisman D. Op. cit. Я выражаю благодарность Даньелу Трейсмену за предоставление мне неопубликованных сведений о финансовых трансфертах в регионы.
12. По данным последней переписи населения (1989 г. — *Прим. ред.*), доля русских составляет 43 %, а татар — 49 %.
13. Подробнее об истории татар см.: Rorlich A.-A. The Volga Tatars. Stanford, 1986.
14. В 1992 г. субсидии составили 30 % бюджета республики (Wallich Ch. Op. cit. P. 277). К 1995 г. зависимость Чувашии от субсидий из центра снизилась — только 20 % республиканского бюджета составляли перечисления из Москвы (McAuley A. The Determinants of Russian Federal-Regional Fiscal Relations: Equity or Political Influence. P. 442).
15. Территория Хакассии — прародина всех тюркских народов.
16. К 1995 г. Хакассия частично утратила свою финансовую независимость, поскольку 13 % ее бюджета составляли московские субсидии (McAuley A. The Determinants of Russian Federal-Regional Fiscal Relations: Equity or Political Influence. P. 442).
17. Лихачев был вице-президентом в 1991-1995 гг., спикером парламента в 1995-1998 гг. и являлся представителем России в Евросоюзе в мае 1998 г.
18. О влиянии националистического движения на политику националистического правительства см.: McAuley A. Russia's Politics of Uncertainty. New York, 1997.
19. Несмотря на то, что Чувашия подписала двухстороннее соглашение с Москвой в мае 1996 г., ее отношения с центром установились намного раньше и это соглашение стало всего лишь результатом политики Кремля по разграничению полномочий между центром и периферией. Подробнее см.: Solnick S. Op. cit.
20. Шаймиев М. О суверенитете Татарстана // Советская Татария. 1990. 30 августа; Он же. Наша позиция остается неизменной, но суверенитет Республики Татарстан не будет иметь национальной окраски // Российская газета. 1991. 17 августа.
21. Сабиров М. Суверенизация Татарстана — процесс необратимый // Известия Татарстана. 1991. 12 октября.
22. Шаймиев М. О суверенитете Татарстана; Сабиров М. Указ. соч.
23. Шаймиев М. Наша позиция остается неизменной.
24. Сабиров М. Указ. соч.
25. Шаймиев М. Наша позиция остается неизменной.
26. Челноков А. Интервью с Шаймиевым «Вопрос суверенитета — дело нашего народа» (Независимая газета. 1991. 25 июля).
27. См.: Батыршин Р. Интервью с Шаймиевым «Выше решения народа ничего быть не может» (Независимая газета. 1992. 27 марта); Батыршин Р. Минтмер Шаймиев — за ассоциацию с Россией // Независимая газета. 1992. 26 июня; Хасанов А., Гагуа А. Интервью с Шаймиевым «Мы нанизаны на единую нить» (Независимая газета. 1993. 10 декабря).
28. Мухаметшин Ф. Политика Татарстана всегда была последовательной и честной (речь на сессии Верховного Совета Татарстана 19 марта 1992 г.) // Республика Татарстан: От референдума к договору. Казань, 1995. С.20-21.
29. Лихачев В. Республика Татарстан — международное измерение // Независимая газета. 1993. 5 июня.
30. Мухаметшин Ф. Политика Татарстана всегда была последовательной и честной. С.7; Батыршин Р. Интервью с Сабировым «Казань заключит соглашения со всеми государствами

СНГ» (Независимая газета. 1993. 25 февраля); Шаймиев М. Нам на крестьянина молиться не надо // Нива. 1993. № 10; Шаймиев М. Я воспитывался на башкирской музыке // Известия Башкортостана. 1993. 1 сентября.

31. На вопросы «Татар иле» отвечает советник Президента Республики Татарстан политолог Рафаэль Хакимов // Татар иле. 1992. № 7.
32. Хасанов А., Гагуа А. Указ. соч.
33. Мухаметшин Ф. Особая позиция — не привилегия, а отчетность // Республика Татарстан: От референдума к договору.
34. Выступление на Пленуме ЦК КПСС // Советская Башкирия. 1989. 22 сентября.
35. Рахимов: О суверенитете // Советская Башкирия. 1990. 30 августа.
36. Доклад М.Г.Рахимова // Советская Башкирия. 1990. 12 октября.
37. Там же.
38. Рахимов: О суверенитете.
39. Жизненная необходимость // Советская Башкирия. 1990. 29 сентября.
40. Не унижая малых, выиграете в большом // Ленинец. 1992. 8 февраля.
41. О третьей годовщине Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан // Известия Башкортостана. 1993. 12 октября.
42. Мое интервью с Ильдаром Юлбарисовым, 8 декабря 1995 г.
43. У нас с русским народом одна судьба // Отечество. 1993. № 23 (перепечатано из «Российской газеты»).
44. Не терзаясь насилием судьбы // Вечерняя Уфа. 1993. 4 декабря.
45. О третьей годовщине Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан.
46. О четвертой годовщине Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан // Известия Башкортостана. 1994. 13 октября (перепечатано: Башкортостан — выбор пути. Уфа, 1995.
47. Наша цель — согласие, возрождение, прогресс // Советская Башкирия. 1995. 3 июня.
48. К Всемирному курултаю башкир // Советская Башкирия. 1995. 30 мая.
49. См.: Рахимов М. Историческое событие в жизни многонационального народа Республики Башкортостан // Известия Башкортостана. 1995. 1 октября; Зайцев М. Пять лет по пути суверенитета , демократии и реформ // Там же.
50. Леонтьев А.М. О государственном суверенитете Советской Чувашии // Советская Чувашия. 1990. 24 октября.
51. Первая годовщина суверенитета // Советская Чувашия. 1990. 24 октября.
52. Леонтьев А.М. Указ. соч.
53. Возрождение чувашской нации — первая необходимость // Советская Чувашия. 1992. 9 октября.
54. Леонтьев А.М. Указ. соч.
55. Возрождение чувашской нации — первая необходимость.
56. Там же.
57. Это заявление было сделано в предвыборном интервью, в котором раскрывались самые важные политические цели кандидата: На бюджет смотрю с оптимизмом // Чаваш ен. 1993. № 52.
58. Буду работать, утверждая свободу // Советская Чувашия. 1994. 22 января.
59. Надо менять представление России и мира о Чувашии // Чаваш ен. 1995. № 7.
60. Там же.
61. Первый заместитель председателя республиканского исполкома писал: Торосов В. Хакассии нужна реальная самостоятельность // Советская Хакассия. 1991. 11 апреля.
62. За консолидацию действий // Советская Хакассия. 1989. 28 ноября.

63. Автономии Хакассии — законодательную определенность // Советская Хакассия. 1989. 19 октября.
64. Я верю в свою Хакассию // Советская Хакассия. 1991. 15 мая.
65. Доверие, искренность, великодушие // Советская Хакассия. 1989. 29 октября.
66. За консолидацию действий.
67. Обретение самостоятельности // Советская Хакассия. 1991. 30 ноября.
68. Автономии Хакассии — законодательную определенность.
69. Доверие, искренность, великодушие.
70. Обретение самостоятельности.
71. Я верю в свою Хакассию.
72. Декларация — не самоцель // Советская Хакассия. 1992. 27 февраля.
73. Шагни, республика, вперед // Советская Хакассия. 1992. 29 апреля.
74. Мухаметшин Ф. Особая позиция — не привилегия, а отчетность. С. 144-145.
75. Конституция Республики Татарстан, ст. 160-162.
76. Закон о языках // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 6.
77. Эта прибавка к зарплате была осуществлена в 1997 г. работникам культуры и образования.
78. Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1994. № 8-9.
79. Jamestown Monitor. 1998. 1 Jule.
80. Мои интервью и личные наблюдения в ходе научных командировок в ноябре 1995 г. и апреле 1996 г.
81. Malik H. Tatarstan's Treaty with Russia // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. 1994. Vol. 18. No. 2.
82. Гарипова Ф.Г. Топонимы // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан. Казань, 1993. С. 214.
83. Мое личное наблюдение; Шарипова Н.Х. Проблема изучения татарского языка в республике // Там же. С. 194.
84. По данным Министерства образования Республики Татарстан. См. также: Татарстан. 1995. № 7-8. С. 15.
85. Вестник Министерства народного образования Республики Татарстан. 1993. Август. С. 10, 51-55.
86. Гайфуллин В. Национальное образование в Республике Татарстан (выступление на конференции, личный архив автора данной статьи).
87. Панорама. 1991. № 8. С. 15-30.
88. Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 6. С. 3-10; Там же. 1993. № 10. С. 4-31.
89. См.: Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан.
90. Национальное образование; Проект развития татарского образования; Программа развития языка.
91. Конституционный Суд Российской Федерации недавно приостановил действие аналогичных пунктов закона о языках в Башкортостане на том основании, что в Башкортостане не определены нормы, определяющие требуемый уровень владения языком. Однако, он не стал издавать общее постановление против этих пунктов закона. См. RFE/RL Newswire, 29 апреля 1998.
92. Спирин А. Этнократия в Татарстане // Этнополитика на пороге XXI века. Казань, 1995. С. 87. Схожие данные см.: Lowenhardt J. The 1996 Presidential Elections in Tatarstan // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1997. Vol. 13. No. 1.
93. Касимов А. Татарстан // Политический монитор. 1993. № 5. С. 78.
94. Что составило соответственно 49 и 28 % населения.

95. Принята 11 октября 1990 г. (Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т.I. С. 141-143).
96. Конституция Республики Башкортостан. Уфа, 1995. Конституция была принята 24 декабря 1993 г.
97. Законы Республики Башкортостан. Уфа, 1993. Вып. V. С. 16-67.
98. Этнополитическая мозаика Башкортостана. С. 235-243.
99. Мое интервью с Ильдаром Юлбарисовым, 8 декабря 1995 г.
100. Примерно 75 % башкир владеют своим родным языком, остальные говорят преимущественно на татарском языке. Анализ данных 1989 г. см.: Сафин Ф. Принципы этнополитического развития Башкортостана. М., 1997; данные 1995 г. были предоставлены мне Министерством образования; данные до 1994 г. см.: Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа, 1995.
101. Ради гармонизации межнациональных отношений // Вечерняя Уфа. 1993. 2 июля.
102. Страсти по языку // Экономика и мы. 1993. № 26; В учебные планы внесены коррективы // Вечерняя Уфа. 1993. 14 октября.
103. Данные Министерства образования за 1992/1993 и 1995/1996 учебные годы.
104. Конституция Республики Башкортостан, ст. 92.
105. Согласно Ф.Г.Сафину, 16 из 26 министров, 18 из 30 членов Президентского совета; согласно местному независимому журналисту Сергею Фуфаеву (мое интервью с ним 1 декабря 1995 г.) — 30 из 38 правительственных чиновников.
106. Мое интервью, 8 декабря 1995 г.
107. Мое интервью, 8 декабря 1995 г.
108. Филатов С., Щипков А. Башкортостан: религия и власть // Дружба народов. 1996. № 5. С. 99.
109. О положении татар в Башкирии (доклад Татарского общественного центра Башкортостана).
110. Государственная программа возрождения и развития башкирского народа: Проект. Уфа, 1995. С. 33, 53, 71.
111. Масштабы контроля Рахимова над политической ситуацией в республике продемонстрировали выборы Президента Башкортостана в июне 1998 г., когда все серьезные оппоненты действующего главы РБ не были зарегистрированы подконтрольной Рахимову избирательной комиссией. IEWS Russian Regional Report, 25 June 1998.
112. Декларация была принята 24 октября 1990 г. Текст ее имеется у автора настоящей статьи.
113. Советская Чувашия. 1995. 12 апреля.
114. Там же. 1990. 26 декабря.
115. См.: Экспресс-Информ. 1992. 14 января; Чаваш ен (Экспресс выпуск). 1992. 3 июня, где представлена и описана эта символика.
116. Закон о языках Республики Чувашия // Советская Чувашия. 1990. 21 октября.
117. Положение о комиссии Президиума Верховного Совета Чувашской Республики по реализации закона «О языках в Чувашской Республике», 18 апреля 1991 г. // Проблемы возрождения и развития чувашского языка. Чебоксары, 1993. С. 32.
118. Там же. С. 40-41.
119. Там же. С. 58-73.
120. На контроле — закон о языках // Народная школа. 1992. № 2.
121. С.Ю. Чувашия // Политический монитор. 1993. № 5. С. 72.
122. Малютин С. О программе возрождения и развития // Вестник Чувашской Национальной Академии. 1994. № 2. С. 15.
123. Данные за 1990 и 1993 гг. взяты из: Образование в Российской Федерации. М., 1995. С. 92. Данные за 1995 г. — из Министерства образования Чувашии.
124. Ст. 109.2 нынешней Конституции, и ст. 34 из проекта Конституции.

125. Филиппов В.Р. Этнополитическая ситуация в Чувашии // Рабочая тетрадь Института этнологии и антропологии РАН. 1994. № 59. С. 5.
126. С.Ю. Чувашия // Политический монитор. 1994. № 1. С. 91.
127. Принят 6 марта 1992 г. (Личный архив автора).
128. Хакасия. 1995. 22 июня.
129. Закон о языках Хакасии (Личный архив автора).
130. О статусе съезда хакасского народа. 1994. 7 мая.
131. Государственная программа сохранения и развития языков народов Республики Хакасия. Абакан, 1994; Программа возрождения и духовного развития хакасского этноса // Вестник Хакасии. 1995. № 51; Программа развития культуры Республики Хакасия. Абакан, 1996.
132. Эти наблюдения основаны на исследовании, проведенном мною в Хакасии в июне 1996 г.
133. Данные предоставлены Министерством образования Хакасии.
134. О советской национальной политике и ее примордиалистской сущности см. упомянутую в начале работу В.А.Тишкова, а также: Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. No. 2.

Авторизованный перевод с английского кандидата исторических наук И.В. Кучумова.

REGIONAL SEPARATISM IN RUSSIA: ETHNIC MOBILIZATION OR CAPTURE OF POWER?

The place of ethnic mobilization in processes of movement of national republics to the sovereignty during transition from the communistic Soviet Union to the postcomunist Russian Federation is defined in the article. The author analysing a situation in Tatarstan, Bashkortostan, Chuvashiya and Khakassia proves that leaders of national republics of the Russian Federation gave essential attention to ethnocultural aspects of the programs, leaning thus on tradition of the Soviet national policy. The interrelation between a degree of publicity of discussion of such programs and number of title ethnos in republic and a degree of it«s control of the local government is revealed.

D. Gorenburg

А. Н. Кабацков

Властные архетипы в постсоветском общественном сознании

Изучение общественного сознаниями методами исторической науки требует взаимодействия с исследовательским аппаратом иных социальных дисциплин. В первую очередь речь идет о социологии культуры, так как любая человеческая деятельность определяется интересами, смысл которых можно раскрыть и понять только при помощи языка, разработанного для понятийного аппарата культурной антропологии. Не случайно стилевая идентичность исторической эпохи становится понятна только при анализе ее культурной составляющей. Историк, описывая доминирующие модели культуры, фактически осуществляет процедуру расшифровки — декодификации — социального поведения, запечатленного в текстах. Для того, чтобы эта операция состоялась, необходимо восполь-

зоваться ключом, в своих основных моментах тождественным символическому инструменту, при помощи которого люди ушедших эпох представляли свои жизненные миры. Представляется целесообразным для объяснения социально значимого поведения наших современников, конструирующих и обживающих постсоветское социальное пространство, прибегнуть к концепту социокультурного архетипа. По нашему мнению, именно в нем выражается доминирующий в нашем обществе поведенческий код.

Концепция архетипа широко используется в анализе культурных и психологических последствий краха социалистического общества [1]. Традиционно она означает применение известной аналитической модели К. Юнга для анализа социального человека. Архетип, по Юнгу, представляет собой структуру коллективного бессознательного, рудименты первобытного — доисторического — прошлого, осевшие в памяти современного человека. В социальной психологии Юнга, архетипы играют роль связующего звена между рациональным сознанием современного индивида и миром инстинкта архаичного прошлого. В современном сознании архетипическое наследие выступает определенным синонимом иррациональному компоненту социальной жизни — природному, что неоднократно подчеркивалось К. Юнгом: «Поэт разумеет в нас не человека древней Эллады, а исконного язычника в нас самих, ту часть вечной, неискаженной природы и естественной красоты, бессознательной, но живой, скрытой в глубинах нашего существа и своим отблеском преображающей в наших глазах образы седой старины. <...> Этот архаический человек в нас самих отвергнут нашим коллективно-ориентированным сознанием, он представляется нам столь неприемлемым и безобразным, а между тем он-то и является носителем той красоты, которую мы тщетно ищем повсюду» [2].

Подчеркнем здесь главную особенность интерпретации архетипа Юнгом как образования, структурно привязанного к *внеисторическому* коллективному сознанию. Архетипы Юнга универсальны; они идентичны для разных исторических общностей, для разных народов и социокультурных групп. В этом смысле они существуют вне времени, вне социального пространства и истории. Они привязаны к пласту человеческого бессознательного, опираются на механизмы инстинктивного реагирования, а потому их корректное применение при исследовании общественных систем существующих в наше время, возможно только в рамках психологической традиции. Этот подход также может быть использован антропологами при изучении архаических обществ, опирающихся на доисторические образцы, т.е. там, где система социальных связей еще не отделилась от природного компонента. На наш взгляд, исследовательские практики, включающие концепт архетипа в юнговской редакции, при изучении современных (индустриальных) обществ, представляются недостаточными, так как они исключают из анализа социальный компонент истории.

Современная социальная наука ощущает узость психологической редакции архетипа, и требует нового его прочтения, прежде всего на языке истории и социологии культуры. Надо учитывать, что европейские страны прошли долгий исторический путь, который может быть описан только на языке социальной истории. Той истории, которая по замечанию Б. Хроча, составляет не хронологически выстроенную совокупность фактов, а жива и всегда современна, потому что «история — преимущественно мыслительный ... акт» [3]. И социокультурные архетипы составляют особый пласт этого исторического наследия. Они продукт социального, а не природного прошлого.

Таким образом, социокультурные архетипы обязаны своим существованием социальному развитию, которое сложно и причудливо воплотилось в дошедших до нас рудиментах: и в них в свернутом виде содержится память об эпохах социального прошлого со всеми их перипетиями, конфликтами, прорывами и трагедиями. Соответственно в общественном сознании европейского человека сформировался особый скрытый пласт наследия, состоящий из социального багажа прошлого, обладающий свойством социальной инертности, сложно, даже причудливо структурированный, не легитимизированный принятой в обществе культурной традицией и потому проявляющий себя, как правило, в *отредактированном* современной культурой виде. Его элементарной частицей является социокультурный архетип. Он представляет собой эмоционально нагруженный и недоступный для

авторской рационализации поведенческий код, касающийся определенных социальных позиций и ситуаций. В нем в свернутом, преобразованном и отчужденном от социальной реальности виде содержится исторический опыт прежних поколений, транслируемый при помощи, главным образом, традиционалистских по своему устройству коммуникаций. Следует отметить, что для европейского общества характерна определенная культурная, она же национальная дифференциация этого исторического наследия. Ее социальный смысл очень точно отражает известное высказывание Гирца, что нация — это «окончательная общность судьбы» [4]. Поэтому следует говорить о социокультурных архетипах, как элементах специфического наследия национальной культуры, фактически, ее неотъемлемых и незаменимых компонентах [5].

Общественная потребность в архетипах возникает в кризисных ситуациях, в условиях конфликта, не разрешимого институализированными инструментами легитимной культурной традиции. В современной исторической науке анализ ситуации тотального социокультурного кризиса затрагивающего самые укорененные социальные структуры находится в фокусе внимания теорий модернизации.

Модернизационная парадигма претендует на исполнение роли генерализирующей социальной теории изучающей европейские страны в момент перехода от традиционного уклада к индустриальному обществу, с его культурной доминантой экономической рациональности. Концепция модернизации генетически связанна с социологическими теориями Т. Парсонса и М. Вебера. От Парсонса она напрямую заимствовала системный институциональный подход к обществу. В тоже время Парсонс попытался в рамках модернизационной теории решить проблему социального становления институтов, определяющих социокультурный облик индустриального общества; для чего обратился к идеям культурного детерминизма М. Вебера [6]. Дальнейшее углубление изучения культуры общества в ее социальной динамике, позволило модернизационной теории распространить свое влияние на поле исторической науки [7]. Произошедшее слияние социологического инструментария и системного концепта общества с историческими методами исследования позволяет модернизационной теории показывать исторические явления в их социокультурной оболочке.

Немаловажным достоинством модернизационного подхода может считаться проделанная отечественными историками и социологами теоретическая адаптация теории к отечественным реалиям и проверка ее работоспособности на конкретно-историческом материале [8]. В течение последних десятилетий концепция модернизации приобрела широкую известность в российском научном сообществе как современный подход к изучению истории России XIX-XX века [9].

В рамках настоящего исследования методология модернизационного подхода дополняет концепцию социокультурного архетипа. В рамках этой методологии, историческое развитие России после 1861 года можно рассматривать как единый, хотя и противоречивый процесс институциональной перестройки социального организма на индустриальный лад. Инициатива этого масштабного переустройства социума и глобальной перемене правил социального взаимодействия принадлежала государству. Инструментарий модернизационной теории позволяет корректно определить исторические периоды, когда социокультурный конфликт в российском обществе выходит за легитимные пределы.

При осуществлении властью модернизационного проекта в 1917 и 1991 году произошла кардинальная смена не только проектов модернизационного реформирования, но и социальных сил его осуществляющих. В дополнение к этому, в рамках советского периода можно выделить три исторические эпохи, когда предпринимались попытки исторической корректировки вектора социалистической модернизации: сталинские репрессии 1930-х годов, хрущевские реформы 1953-64 года и перестройка 1985-1991 года. Последняя попытка закончилась очередной социальной катастрофой, заставившей власть сменить ресурсы и инструменты модернизации.

При описании масштабного социального кризиса на языке модернизационной теории невозможно обойтись без понимания проблем порожденных социальной катастрофой. Последняя приоб-

ретает статус специализированной социологической категории, которая применяется для характеристики исторической полосы, отделяющей друг от друга исторические циклы развития общества. Для нее свойственна социальная неразбериха, порожденная неупорядоченностью социальных институтов. В ситуации социальной катастрофы происходит отмирание социальных регуляторов, сложившихся в предшествующую историческую фазу, актуализируется воспроизводство забытых и чуждых современности механизмов социального контроля, наблюдается отсутствие единых норм социального поведения.

Именно такую ситуацию можно зафиксировать в постсоветском обществе. Системный крах социалистических институтов в 1991-1993 году обозначил начало новой попытки модернизационных реформ. Как и в предшествующий раз в 1861 и 1917 годах, право определять ритм и содержание социальных реформ взяло на себя государство. Годы, последовавшие после краха социалистической системы, демонстрируют то, что на языке Дюркгейма можно определить как господство аномии в межчеловеческих отношениях. Именно в таких условиях архетипы бывают востребованы к жизни. Из незримого багажа истории они превращаются в связующее звено социальных отношений. Их место в общественном сознании зависит от того, насколько велико культурное отчуждение человека от институционального мира.

Остановимся подробнее на описание ситуации, в которой оказался советский человек после крушения социалистических институтов социальной жизни.

Постсоветский индивид закрылся от новой реальности, он замкнулся в собственной культурной оболочке, где оказался наедине с самыми разными образами и представлениями о настоящем, прошлом и будущем. Это следствие того, что социальная катастрофа не просто поменяла укорененные временем институты, но и уничтожила вместе с ними легитимизированную опытом и социализацией культурную традицию, тот жизненный мир, с которым человек имел устойчивую коммуникацию. Образно, итог происходящего, можно представить как последствия урагана который разрушает жилой дом и оставляет относительно целым только подвальные помещения, но завалив их обломками.

Главной характеристикой такого человека, пережившего социальную катастрофу, можно считать неуверенность в самых привычных социальных действиях. Он постоянно сталкивается с тем, что его поведение, выстроенное согласно прежним социальным нормам неадекватно новой реальности, что порождает ситуацию культурного шока [10]. Речь идет о поведенческих девиациях социальных групп или отдельных индивидов, то есть о сериях поступков, в которых приметны отступления от привычных освоенных моделей поведения. В указанных девиациях можно обнаружить и возвращение к забытым, казалось бы, практикам, и нарушения ранее принятых и затверженных многочисленным повторением социальных норм, и спонтанное обрывание устоявшихся социальных связей, и восстановление прежних, забытых, не актуализированных контактов.

В ситуации культурного шока отказывают механизмы институционального конструирования, описанные в исследовании П. Бергера и Т. Лукмана [11]. Шок прерывает коммуникации между социокультурными группами, тем самым, создавая препятствие для выработки новых общеупотребительных нормативов социального взаимодействия. Описывая социальный итог воздействия этих процессов на индивида, В.А. Ядов отмечал, что «социальная идентификация личности в нестабильном, кризисном обществе, испытывает неожиданные непривычные воздействия... происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа ... к групповым солидарностям, где решительно все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого бы то ни было определенного вектора» [12].

Культурный шок способствует переориентации вектора человеческой культуры и соответственно модели социального поведения на индивидуализированное осознание социального опыта.

Отметим, что замкнутость человека в собственной культурной оболочке в постсоветскую эпоху принципиально отличается от процессов атомизации индивида сопровождавших становление европейской культуры в ходе собственных модернизационных катаклизмов XIX века. Идеи просвещен-

ческого дискурса, которые поместили европейского индивида на место бога в системе ментальных координат и тем самым придали ему футуристичный созидательный потенциал, отсутствуют в постсоциалистическом культурном наследии. Утопическое видение будущего, к которому апеллируют люди в современном российском обществе, опирается на ностальгическое чувство и тесно связано в своих культурных паттернах с разрушенным миром социалистического прошлого [13].

Иными словами, влияние утопии, что согласно К. Мангейму является важным итогом взаимодействия человеческого фактора и социальных структур в процессе формирования новой реальности, в наших исторических условиях, оборачивается ностальгической редукцией в прошлое [14]. Поэтому в постсоветском общественном сознании важную роль начинают выполнять элементы традиционности, ранее укрытые от социального мира потаенными пластами культуры, но оказавшиеся вполне способные сохранить себя в огороженных от социального мира областях общественного сознания.

Социокультурные архетипы, актуализированные девиантными последствиями социальной катастрофы, заполняют собой вакуум социальной коммуникации. Они становятся инструментом, который формирует поступки индивида или группы в новом и непонятном социальном мире. Вместе с социальными архетипами происходит актуализация рудиментов эпох неадекватных окружающему социуму. Применительно к отечественной ситуации это будут остатки от архаического, традиционного и раннемодернизационного этапа российской истории.

Историческая проблематика в постсоветском общественном сознании занимает особое место. Обращение общества к ней позволяет обозначить преемственность от прошлого и тем самым подкрепить акт социальной инициации новой культурной формы элементами традиции, а значит и социальной легитимности. В таких условиях, история, востребованная в общественном сознании, превращается в подчиненный элемент социального конструирования нового мира. При этом, редукция к обыденному знанию вымывает из исторических сюжетов в книгах или телевизионных передачах, его когнитивный потенциал науки способной систематизировать и интерпретировать социальное наследие прошлого.

Специфика постсоветского обращений к истории проявляется, если сконцентрировать внимание на исторических персонажах, которые средствами массовой информации и публикой вызываются к жизни. Главный герой многочисленных исторических передач и научно-популярных книжек по истории — это государственный деятель. Его образ символически обозначает *Власть* в ее самом явном легитимном виде. Интерпретация исторического прошлого, в котором жил и действовал исторический персонаж, подчиняется законам мифа. Одним из главных признаков такой исторической реконструкции можно обозначить специфическую линию времени, течение которого зависит от поступков и деяний главного героя. Мифологические модели очень близки архетипическим кодам. И архетип, и миф бесструктурны, а потому обладают особым слитным единством, которое невозможно разделить на части: на стили или ценности. Их отличие заключается в генезисе: миф — продукт природного мира; и соответственно социальном воздействие на институциональные образования. Социальные архетипы легче интегрируются в сложные институциональные комплексы современного мира, перетасовывая их элементы вокруг собственного культурного ядра.

Описание этого социокультурного ядра тождественно выделению архетипа. Параметрами, определяющими процедуру аналитической деструкции архетипического кода, будут историческая, но чуждая современному социальному миру основа, опирающаяся на чувственную эмоционально-оценочную связку вовлеченных структурных дополнений.

Согласно этой модели в постсоветском общественном сознании представляется возможным выделить три эмоционально-оценочных вариаций архетипического типа: *гроза-власть, чужая власть, мудрая власть.*

Архетип грозной власти персонифицировано нашел свое выражение в образах Ивана Грозного, Петра I и Иосифа Сталина. Причем, чем более далекому историческому времени принадлежит персонаж, тем более ярко он воплощает черты этого архетипа. В нем воплощены ощущения о власти,

как большой и грозной силе, могущественной и справедливой. Для этой силы характерно сочетание древней, недоступной в практическом действии для современного человека, кровавой жестокости. В тоже время демонстративная жестокость соединена с идеей неотвратимого возмездия по отношению к провинившемуся даже за ничтожно малый проступок.

Применительно к образам Ивана Грозного и Петра I особенно сильно выпячиваются черты справедливой вседозволенности, выражающейся в оправданности любого наказания, которое они накладывали на своих подданных. Символом, который обнажает этот пласт архетипа, выступаю бояре, не имеющие здесь самостоятельной интерпретационной модели, но способствующие и Петру I, и Ивану IV проявить свою державную волю. Грозный правитель обязан бояр не просто притеснять, а наказывать смертью: лишать живота и имущества. В таком облике сурового верховного судьи грозная власть, обнажая пороки и карая за них, подчеркивает право на свершение высшей справедливости.

Тем не менее, в этом архетипическом образе власти-грозы, уже видны некоторые признаки другого архетипа. Судья-государь очень далек от простых людей, тем самым он чужд им. Эту чужеродность аккумулируется в архетипе чужой власти. Ее символические фигуры менее масштабны, они занимают подчиненное положение в социальной иерархии — это опричник, разграбивший деревню, немец-управитель, притесняющий крестьян, мздоимец-судья; чиновник-бюрократ. Тем не менее, в общественном сознании они олицетворяю повседневную сторону власти, обладающую силой, но творящую беззаконие с неправильными репрессиями. Самой масштабной символической фигурой для этого архетипа можно считать Кащея Бессмертного. Он безмерно могуществен, но постоянно держит всех в страхе. Его слуги наводят ужас на людей, которые не обладают способностью самим сладить с его Великой силой.

Чтобы показать некоторые социальные формы, в воплощался в постсоветской реальности подобный архетип, процитируем текст, исполнявшийся в середине 90-х годов группой «Лесоповал»:

«Вы бы сделали матрешку,
Бля, из Сталина,
Вам бы сунули червончик
За художества!
А в тайге, там столько лесу
Не повалено,
И на выбор лагерей —
Большое множество!
<...>
Ой, не жили вы
В совдеповской империи!
Среди ночи вам со страху
Не икается,
А ведь предки,
Так они еще от Берии,
Как мента увидят, бля,
Аж заикаются» [15].

В этой песне обнажены реакции советского человека на встречу с рядовыми представителями государственного репрессивного аппарата. Порожденные этим контактом, даже символическим, испуг и чувство опасности опираются на архетипические корни массового общественного образа власти отчужденной. Особую роль в данном примере выполняют имена Сталина и Берия. Они персонифицированное воплощение и масштаб измерений этих переживаний. Оба символизируют власть в ее наиболее грубых и зримых проявлениях, которые могут наблюдаться в повседневности.

Всплывающая в этом пласте культурных ассоциаций фигура И. Сталина, обладает весьма противоречивыми свойствами. Здесь оказывают весомое влияние множественность редакций исторического образа Сталина и его времени. Тем не менее, укажем на последствия такой вариации соединения архетипического образа власти с историческим персонажем: люди, выражая свое мнение о сталинской эпохе, часто соединяют негативные эмоции по поводу репрессий и патриотическое восхищение за великие свершения в годы войны. В первом варианте это упомянутые эмоционально-когнитивные оценки власти как силы чужой и потому опасной, способной без всякого основания погубить человека. Во втором случае, это уже другая власть она становится ближе и понятнее простым людям, символизируя собой мудрого защитника.

Мудрая власть ассоциативно связана с надеждами людей на помощь и заботу. В этой ипостаси государь-батюшка приходит на смену репрессивной (и справедливой, и несправедливой) своей составляющей. Для советского человека этот архетип символически воплощается во В.И. Ленине. Его образ практически не содержит репрессивных ассоциаций, он обладает даже иной территориальной и социальной презентацией. Ленин в Горках, Ленин с детьми — это историческая фигура наполнена более сильными эмоциональными переживаниями, чем Ленин, приказывающий расстрелять заложников. Таким образом, архетип мудрая власть окружает социального героя стремлениями к справедливости и благоденствию. Такая власть всех рассудит, подскажет в трудный момент, и поможет. Вместе с тем, этот архетип власти не только утешает человека, что он под защитой, но и подчеркивает прерогативу власти указывать «как надо поступать» в ключевые моменты истории.

Свое влияние властные архетипы оказывают на все уровни социального сознания, препятствуя формированию новых общественных (групповых или институциональных) и индивидуальных идентичностей. Они встраиваются в процедуры новой социальной идентификации, будь то осознание новой групповой солидарности, или процессы институционального моделирования человеческого взаимодействия, либо индивидуальная интерпретация субъективных переживаний кризиса. Проявившиеся культурные разрывы и разломы становятся социальным полем, в котором происходит укоренение архитипических комплексов.

После крушения СССР в постсоветском обществе оказались перемешаны нормативные регуляторы из самых разных структурных образований: конкурентная борьба за рынок сбыта в капиталистическом предприятии подчинялась принципам социалистического планово-распределительного хозяйствования, а демократические выборы порождали патерналистские политические режимы [16]. Таких образцов причудливого соединения в одном институте структурных компонентов самых разных социальных моделей можно обнаружить великое множество. Интерпретация их существования с позиций переходного периода не может считаться достаточно полной, так как социалистический опыт модернизации показывает, что гибридные социальный образования могут прожить жизнь весьма долгую по меркам индустриальной истории [17].

Новым институциональным ядром становятся властные архетипы. Прорастая сквозь институциональные структуры, они создают новую шкалу социального ориентирования. Одним из важных ее элементов становится установка на социальное господство, как принцип нормативного взаимодействия. Право на социальный поступок становится синонимом власти. Оно же в общественном сознании тесно связанно со статусом человека в институциональном пространстве.

Архетипы проявляют себя также в среде групповых идентификаций, посредством которых в общественном сознании создается стратификационная модель. Публичные статусы легитимных групп социалистического мира потеряли символическое воздействие на окружающих. Система социальных презентаций, в которой находило воплощение прежняя социально-групповая идентификация, утратила свое значение. В образовавшихся лакунах нашли место для укоренения архетипические зародыши. Их проявления усилили роль национальной сегрегации, в ее самом архаичном виде — этническом [18].

Особенностью процесса архаизации постсоветского общественного сознания в ходе модернизационных катаклизмов 1991-93 г.г., активного проявления этого фактора в социальной жизни, можно объяснить распространением указанных тенденций на уровень личностного восприятия человеком происходящих перемен.

Советское общество было обществом городского образа жизни. Индустриальные ценности хоть и не подчинили себе все социальное пространство, но составляли неотъемлемую часть советской городской культуры [19]. Крах социальной системы социалистического типа не означал разрушения индустриальных символов и отказа от городской жизни. А городская культура в любых своих индустриальных формах предполагает автономизацию определенных элементов человеческой жизни: производственной и семейной, досуговой и трудовой, частной и публичной; а также дифференциацию социальных ролей, исполняемых индивидом и возрастание социальной мобильности в обществе в целом [20]. Даже в том, ограниченном варианте, как это было воплощено в социалистическом городе, эти процессы способствовали атомизации человека и формированию у него индивидуалистического восприятия образов мира. Представляется возможным утверждать, что советский человек к 80-м годам XX века, был способен на личное, в некоторых областях и независимое, постижение и интерпретирование происходящего во внешней реальности. Практика двойных стандартов, для общественного предъявления и личного пользования, порождала двоемыслие, что предполагало возникновение в общественной практике поля частной жизни [21]. Прорастая в этих частях социального организма, социокультурные архетипы соединяются с глубинными структурами человеческого сознания. Они становятся элементом мыслительной интерпретации и социальной коммуникации с внешней реальностью. В этой сфере скрытое воздействие властных архетипов оказывают самое серьезное влияние на процессы социальной реадаптации постсоветского индивида [22]. Можно согласиться с Г. Дилигенским, который настаивал на том, что как-то объяснить поступки человека в переходную эпоху можно только после анализа специфических когнитивных процессов субъективного восприятия происходящего по отношению к жизненным обстоятельствам индивида [23]. В ситуации социальных неурядиц, когда не только внешний мир оказывается непонятен, но и внутреннее ощущение своей идентичности, созданное в ходе социализации и инкультурации, переживает кризис, помощь архетипов в постижении происходящего выполняет важные компенсаторные функции. Схожую ситуацию в Германии 20-30-х годов XX века, описывал Э. Фромм на языке социальной психологии. Данным им анализ причин массового отказа немцев от политических свобод указывал на то, что процесс социальной стабилизации не может быть завершен, если от него отчужден индивидуалистический слой общественного сознания [24].

Архетипы власти, прорастающие, прежде всего, в области общественного сознания, в котором развертывается процесс осмысления и интерпретации происходящего, но также и вырабатываются модели социального действия, особенно влиятельны для консервации наследия «социалистической ментальности». Известный социальный исследователь постсоветской реальности Л. Гудков, пытаясь найти причины подчинения образованного человека влиянию архетипов власти, отмечал: «Мы не «видим» эту институциональную зависимость нашего публичного или индивидуального сознания от репрессивно-государственных структур, его предопределенность опытом существования в обществе такого типа только потому, что сами являемся их составной частью, потому что элементы этого рода образуют конститутивную структуру нашей идентичности, нашего «жизненного мира», нашей само-собой-разумеющейся действительности — как повседневной рутины, так и того, что называется «культурой». Для фиксации ее нужен особый аппарат, позволяющий рефлексивно ... по косвенным признакам, по следствиям реконструировать силовые поля этих структур» [25].

Если опереться на теорию социального становления деятельности индивида П. Штомки, можно более полно интерпретировать воздействие архетипа власти на постсоветское индивидуализированное сознание [26].

В указанной модели конструируется особый метод анализа того, как происходит слияния внешних социальных структур и социального знания индивида [27]. Согласно Штомпке, при рассмотрении взаимодействия человека и общества (а с позиций исторического исследования: культуры и общественных структур) ключевым моментом будет выделение фактора «эвентуации», которая проявляется в момент встречи индивида с теми или иными социальными структурами. Эвентуация предшествует социальному действию, она, во многом, определяет последнее. Иначе говоря, поступки человека не могут быть сведены ни к бихевиористским реакциям, ни к рационализированным действиям, основанным на предварительном анализе, учитывающим индивидуальные и общественные интересы. Неотъемлемым элементом эвентуации современного индивида является тот или иной архетип, внешне подобный продуктам мыслительной деятельности, но, на самом деле, оперирующий паттернами, заимствованными из чужих исторических эпох. В названном треугольнике культурных ординат именно архетипу принадлежит доминирующее влияние.

Подведем итоги. Постсоветское общество переживает этап модернизационного кризиса. Индивид, действующий в этих условиях, пребывает в состоянии глубокой социальной напряженности. Возрастает общественная энтропия, проявляющаяся, кроме всего прочего, в хаотичности социальных действий и отдельных индивидов, и целых общественных групп. Крах институтов, неразрывно связанных с советским модернизационным проектом, повлек за собой архаизацию и традиционализацию становящихся новых форм общественной жизни. В такой ситуации исторически сложившиеся социокультурные архетипы приобретают новое значение. Они формируют поведенческие коды, вытесняющие и деформирующие рационалистические модели культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В многочисленных исследованиях отечественные обществоведы используют этот термин — архетип, не затрудняя себя его теоретической интерпретацией. В большинстве можно понять, что они опираются на укоренившуюся в социальной психологии трактовку архетипа, данную Юнгом еще в начале XX века. Иногда, в социально-психологической трактовке архетипа усиливается фактор этнической идентичности. В нашем понимание такой архетип отличается от социокультурного архетипа подобно тому, как нация в примордиальной подходе отличается от нации, как социально-культурно-историческом образовании.
2. Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1995.С. 123.
3. Хроче Б. Теория и историография историографии. М. Школа «Языки новой культуры». 1998. С.13.
4. См.: Geertz C. Dichte Beschreibung. Beitraege zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.
5. После приведенных рассуждений можно уточнить, что здесь и далее термины *архетип*, *социальный архетип* и *социокультурный архетип* будут применяться как синонимы.
6. См. Parsons T. Societies. Evolutionary and comparative Perspectives. — Englewood Cliffs.
7. Gerschenkron A. Economic Backwardness in historical Perspective. — Cambridge. 1962
8. Среди основных работ утверждавших методологию теории модернизации в отечественном историческом дискурсе можно обозначить монографии: Ахиезер А. Россия: Критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). Т.1. — Новосибирск. 1997.; Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953-1964 — Пермь, 1993.; Вишневский А. Серп и рубль. — М., 1998.; тематические сборники статей: Модернизация в России и конфликт ценностей. — М. 1994.; Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. — Екатеринбург, 1998.; Опыт российских модернизаций XVIII-XX века. — М. 2000.
9. В этой связи отметим, что уделяющее большое внимание популяризации концепции модернизации среди отечественных историков, УрО РАН 1-3.07.2004 провело масш-

табную международную конференцию «Социальные трансформации в Российской истории», призванную утвердить позиции модернизационного подхода, как фундаментальной академической теории в области социальной истории России к.XIX-XX века. Хотя надо отметить, что для широкого круга отечественных исследователей модернизация еще не стала метатеорией относительно подходов социологии, социальной антропологии или политологии, к соответствующим историческим эпохам.

10. См.: Культурный шок и повседневность.- Пермь, Изд-во ПГТУ, 2004. 212 с.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М.: «Медиум», 1995. С.89-113.
12. Ядов В.А. Символические и примордиальные солидарности//Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.с. 171.
13. См.: Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена//Социс. №8. 2001
14. Подробно ситуация социального ориентирования постсоветского индивида на образы прошлого и результаты порождаемые этим процессом в социальном взаимодействии см.: Кабацков А. Отказ от будущего или тоска по воображаемому прошлому.//Культурный шок и повседневность. — Пермь, Изд-во ПГТУ, 2004. С. 17-29
15. Группа «Лесоповал». Бля.// магнитофонная кассета «Лесоповал — 3» — Zeko-records. 1994.
16. См.: Шушкова Н.В. Политические патроны: стиль поведения //Пермская элита: становление, развитие, современное состояние. — Пермь, 2003. С. 80-84.; Шушкова Н.В. Патерналистские традиции в российской политической культуре: история и современность.//Политическая культура: региональные, общероссийские и международные аспекты. — Пермь, Пермское книжное издательство, 2003. С. 129-137.
17. О гибридности социальных структур см.: Ахиезер А. Россия: Критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). Т.1. — Новосибирск, 1997.
18. См.: Национальный вопрос в городском сообществе. Социокультурные характеристики межнациональных отношений в большом уральском городе на исходе XX века. — Пермь, РИО ПГТУ, 2003. 328 с.
19. В отличие от европейских государств, российская история насчитывает несколько циклов модернизации, поэтому криз 1991 года происходил в обществе, которое обладало своей собственной версией индустриального развития, считавшейся эталонной для нескольких поколений людей.
20. См.: Лейбович О. Модернизация в России.- Пермь, 1996. С. 25.
21. Механизм функционирования «двоемыслия», когда люди используют специфический синтаксис, фразеологию и символы для выделения различий в публичной и частной жизни в художественной форме описан Джорджем Оруэллом.
22. Реадаптация индивида располагающего автономными идентичностями протекает в большей степени на личностном уровне, чем субъекта традиционного общества переживающего в ходе модернизации, по преимуществу, кризис социально-групповой идентичности.
23. Для Дилигенского понятие переходной эпохи было тождественно исторической ситуации сложившейся в советском обществе после краха СССР. См.: Дилигенский Г. Люди среднего класса. М., 2002. С. 61-65.
24. См.: Фромм Э. Бегство от свободы. — Минск. 1998. С.40-60
25. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. — М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. С. 8.
26. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С.268-311.

27. Кроме модели П. Штомпки можно упомянуть альтернативные схемы П. Бурдье и Э. Гидденса. Бурдье ставит социальный результат в зависимость от того, каким образом произойдет интерпретация социальных символов на языке актуального социального запаса знания (габитуса). В этом варианте социального моделирования человеком своего жизненного мира, нет места архетипам, как скрытому наследию культуры. В системе Бурдье, учитывается только позитивное знание, хотя и в расширенной интерпретации, дополненной личностным опытом и привычками интерпретации (практический смысл) происходящего. Гидденс предполагает, что категории позитивного знания уже недостаточно полно выражают культурное многообразие индивида в индустриальном социуме и поэтому конструирует теорию структурации. Она представляет собой специфическую модель, фиксирующую процесс как позитивного, так и неотрефлексированного, а потому комплексного осмысления человеком реальности в структурном единении с собственно объективированными элементами внешнего мира. Так как внимание Гидденса сосредоточено на социальных последствиях структурации, то в его модели тоже нет места анализу, который предполагает зафиксировать структурные элементы исторического наследия, осевшие в областях общественного сознания недоступных для социальной рефлексии.

IMPEROUS ARCHETYPES IN POSTSOVIET PUBLIC CONSCIOUSNESS

Attempt of interpretation of socially significant behaviour in the postsoviet social space on the basis of use social and cultural archetype concept is undertaken. The situation of the postsoviet society identified as a social disaster, is considered as a factor of actualization of archetypes and their transformations in a link of social relations. Social and cultural archetypes are treated as the tools forming acts of an individual or a group in the new and not clear social world. The interrelation between actualizations of social archetypes and rudiments of the epoch inadequate to surrounding society (rests archaic, traditional and early modernization stages of the Russian history) is marked. It is underlined the importance of archetypes of authority for preservation of a heritage of «socialist mentality».

A.N. Kabackov

ПУБЛИКАЦИИ

Е.В. Вершинин

Внутренние конфликты среди аборигенов Западной Сибири и русская администрация в XVII в.

(новые документы)

Ценность русских документов XVII в. для воссоздания истории автохтонных народов Сибири бесспорна, и чем ближе письменные источники стоят (по времени появления) к походу Ермака, тем больший интерес они вызывают. Гибель и исчезновение большинства местных сибирских архивов XVII в. заставляют внимательно относиться к той информации «локального» уровня, которая (почти случайно) обнаруживается в документации центрального ведомства — Сибирского приказа. Подбор публикуемых ниже документов может вызвать нарекания в адрес автора: пелымские манси «соседствуют» с нарымскими и кетскими селькупами. Тем не менее данная публикация имеет свою логику. К 40-м гг. XVII в. коренное население Пелымского, Нарымского и Кетского уездов, знало оно об этом или нет, составляло часть общества Московского государства, на которую распространялись общие принципы управления и судопроизводства. О характере процесса вхождения народов Сибири в состав России можно судить, в частности, по степени адаптации сибирских автохтонов к государственным (и сначала чуждым для них) порядкам и мере учета русской администрацией сложившихся традиций местных социумов. Вводя в научный оборот публикуемые документы, автор руководствуется мыслью, что любое расширение базы достоверных источников неизбежно сужает возможности абстрактных и порой бесплодных рассуждений о степени «колониального» присутствия русских в Сибири, равно как и способствует уяснению реального характера этнических контактов на ее территории в XVII в.

Ясачное население Пелымского уезда состояло из потомков тех воинственных «вогуличей», которые в XV–XVI вв. совершали разорительные набеги на земли Приуралья. Дорусское так называемое Пелымское княжество можно охарактеризовать, видимо, как потестарное догосударственное образование, испытавшее в данном случае сильное влияние татар Сибирского юрта. Можно заметить, что при изучении вопроса о трансформации социальных порядков ранее независимого Пелымского княжества в новых условиях введенного русскими ясачного режима исследователи обращаются в первую очередь к судьбам представителей пелымской княжеской династии. Довольно подробно выяснено, что одни представители этой династии в конце XVI — начале XVII в. были уничтожены физически, другие были инкорпорированы в состав сибирских служилых людей [1]. Такой акцент в изучении отмеченного интереснейшего вопроса обусловлен состоянием сохранившихся источников, что, впрочем, отлично осознавал и С.В. Бахрушин, сожалевший о недостатке документов, «благодаря которым слегка приоткрывается картина местной стародавней жизни в Пелымском уезде, обычно мало заметной за условными формами приказной переписки» [2]. К числу таких редких документов относятся судебно-следственные дела, возникшие вследствие конф-

ликтов в среде самого ясачного населения и как результат судебной деятельности местной воеводской администрации.

Мне уже приходилось писать о распространении в XVII в. норм русского судопроизводства и законодательства на автохтонное население Сибири и их взаимодействии с нормами обычного права [3]. На практике вторжение русского суда в жизнь ясачного населения происходило или в случаях обращения в суд самих истцов, или при возможности ареста людей, виновных в совершении таких уголовных преступлений, которые воеводская администрация не могла оставить без внимания. Немаловажную роль при этом играла географическая удаленность ясачных волостей от центра уезда, что хорошо видно и на примере судебной деятельности пелымских воевод. Ясачные люди глухой таежной Большой Конды, относительно самостоятельной части бывшего Пелымского княжества, еще в первой половине XVII в. мало считались с распоряжениями русских властей. Так, в 1623 г. вожди Большой Конды Ортюга Танаев «с товарыщи» отказались от приглашения воеводы И.М. Вельяминова прибыть в Пелым, а прислали вместо себя «худых людишек» с многозначительным заявлением, что Пелыма как города и не существует (Пелым сгорел от пожара 8 июня 1621 г. и к этому времени еще не успел отстроиться) [4]. В 1654 г. воевода П.И. Львов сокрушенно описывал в Москву: «Да в той же, государь, Кондинской волости в твоих государевых людех меж собою чинится у них великое воровство и убойство: друг на друга ходят разбоем и друг друга грабят и разбивают и из луков стреляются и ножи режутся и побиваются меж собою до смерти. И те, государь, убойцы, твои государевы ясачные люди, пелымским служилым людем не даются, из луков служилых людей стреляют» [5]. Совершенно иная картина отражена в публикуемом ниже документе (№ 1), где речь идет о судебном разбирательстве уголовных преступлений, совершенных в 1639 г. ясачными Тахтанской и Табаринской волостей.

Тахтанская волость была расположена к западу от Пелыма, на р. Лозьве; в 1636 г. в ней числилось 35 ясачных вогулов [6]. В конце ноября 1639 г. ясачный этой волости Лукумя Шуин убил в драке другого ясачного, Буйтаха Котынина, о чем воеводе кн. П.Ф. Волконскому донес стрелец Иван Толмачев. По распоряжению воеводы убийца и сын убитого Оська без всяких затруднений были доставлены в Пелым. На допросе Лукумя своей вины не отрицал и подал челобитную, в которой изложил причины вражды с семьей Буйтаха. Есть основания предполагать, что причиной столкновения послужил не столько спор из-за охотничьих угодий, сколько невидимая для русской власти борьба за лидерство в Тахтанской волости. Из содержания документа выясняется, что вогулы признавали Лукумя и Буйтаха «лучшими людьми» в своей волости. Вызов бросили Буйтах и его сыновья. Они поставили самострелы недалеко от юрт Шуина, в результате чего погибла его лучшая охотничья собака. Кроме того, возле Буйтаховых юрт была застрелена лошадь Лукуми. Рассерженный Шуин явился к Буйтаху выяснять отношения, где от сыновей последнего получил грубый ответ: «Хотя де мы и тебя убьем, не боимся ничево». Зачинщиком драки выступила жена Буйтаха, к которой присоединился муж, павший в конечном итоге от руки Лукуми. Показания Оськи Буйтахова не расходились с показаниями Шуина. Поскольку в Пелыме не было тюрьмы, воевода распорядился виновного «дать за пристава» (т.е. поместить его на двор к какому-то пелымскому стрельцу).

Проводя следствие по уголовным преступлениям, сибирские воеводы не имели права выносить смертные приговоры представителям ясачного населения и должны были ожидать соответствующего решения из Москвы. Именно так и поступил воевода Волконский, но одно любопытное обстоятельство заставило его все-таки самостоятельно вынести приговор по данному делу. Вогулы Тахтанской волости подали коллективную челобитную, в которой указали (как говорилось выше), что Буйтах и Лукумя у них — «лучшие люди». Ввиду гибели первого и ареста последнего волость оказалась обезглавленной («к твоему де государеву делу в волости у них у ясашных людей промышленика ныне нет»). Как показало исследование В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, с мирским мнением, выраженным в коллективных челобитных, в XVII в. считалась как местная администрация, так и центральное правительство [7]. С точки зрения сибирской администрации ясачная волость

была таким же «миром», как русская крестьянская или посадская община. Имея на руках челобитную от ясачных Тахтанской волости, которая в конечном счете апеллировала к финансовым интересам казны, воевода распорядился наказать и освободить Шуина. В присутствии ясачных людей разных волостей Лукумя бил бит кнутом «нещадно» и отдан на поруки (видимо, вогулам своей волости). В Сибири, когда дело касалось некрещеного ясачного населения, русская судебная власть, идя навстречу нормам обычного права, допускала взимание с виновного «головщины» в пользу родственников потерпевшего. Лукумя Шуин должен был уплатить «поголовные деньги» в размере 4-х руб. 13 коп. Кроме того, он был обязан вносить ежегодно вместо убитого Буйтаха ясак до тех пор, пока сам не «приищет» какого-нибудь «гулящего вагулетина», способного выполнять ясачную повинность. Решение Волконского по данному делу не вызвало возражений со стороны тобольского воеводы кн. П.И. Пронского и Сибирского приказа.

Сыновья Буйтаха продолжали оставаться среди «лучших людей» Тахтанской волости. В материалах сыска 1655 г. мы встречаемся с тамгами (подписями) Оси и Мойчи Болдаковых (без сомнения — Буйтаховых). Рядом с ними расположена тамга Якуна Шуйкова, в котором можно угадать, учитывая разную передачу в русских документах «иноземческих» имен, известного нам Лукумя Шуина [8].

Одновременно в пелымской съезжей избе рассматривалось дело пашенного вогула Табаринской волости Енабая. Табаринская волость, расположенная в среднем течении Тавды, в дорусский период испытала сильное татарское влияние, что выразилось, в частности, в широком распространении среди табаринских вогулов татарских имен и развитии земледелия. Население волости делилось на пашенных и ясачных вогулов и в 1636 г. насчитывало 104 взрослых человека м.п. [9] Присланный в январе 1640 г. сыном боярским Исаком Албычевым в Пелым вогул Енабай обвинялся в нескольких преступлениях. Воспылав страстью к жене вогула Шатанки, он угрожал убить последнего и таким образом завладеть его женой. Не стерпев обиды, Шатанко ударил Енабая по голове. Противников, находившихся под влиянием винных паров, развели, но Енабай не успокоился и в результате новой ссоры нанес ножевую рану вогулу Елану. Воеводе стало известно, что незадолго до этого Енабай убил мурзу Ялту. Проведя следствие с применением пытки, Волконский арестовал Енабая и доложил о результатах следствия тобольскому воеводе (Пелымский уезд входил в состав Тобольского разряда). Но и тобольский воевода кн. П.Ф. Пронский не мог окончательно решить дело: он только указал Волконскому построить в Пелыме тюрьму и ожидать приговора из Москвы. Табаринские вогулы аресту Енабая были рады и подали челобитную, в которой фактически просили применить к нему нормы русского уголовного законодательства. Отказ со стороны вогулов от какой-либо защиты своего соплеменника Волконский считал настолько важным, что приобщил его к материалам дела.

В Сибирском приказе судьба Енабая была решена однозначно: его должны были повесить в Пелыме «на приметном месте» в присутствии вогулов всех волостей [10]. Надо думать, что этот указ был исполнен.

Масштабный конфликт, который произошел в 1644 г. между селькупами Нарымского и Кетского уездов [11], в определенной степени был инициирован действиями русской администрации (док. № 2, 3). В основе конфликта лежала своеобразная форма государственной повинности, которую в XVII в. выполняло аборигенное население Среднего Приобья. Для хантов и селькупов районов Средней Оби и р. Кеть не менее тяжелой, чем сдача фиксированного ясака, являлась так называемая подводная повинность. Уже в первой четверти XVII в. часть Оби от Иртыша до Кети и сама Кеть до Маковского острога представляли весьма оживленный речной путь, приводивший (через Маковский волок) в бассейн Енисея. Стремительное продвижение русской колонизации в Восточную Сибирь постоянно увеличивало интенсивность транзитного судоходства на Оби. Из Тобольска по Иртышу и вверх по Оби шли караваны дощаников с хлебом, в Восточную Сибирь направлялись отряды служилых людей и партии ссыльных, к месту службы, на Енисей и далее, ехали новые воеводы. Путь этот шел против течения рек, и уже в начале XVII в. правительство обязало

аборигенов Нижнего Иртыша и Средней Оби ямской повинностью. Система ямской гоньбы, которую пытались установить русские власти, предстает в следующем виде. За ямы были приняты остяцкие юрты, довольно часто встречавшиеся по берегам Средней Оби. Ямская повинность хантов и селькупов заключалась в сопровождении судов (летом) и перевозке грузов на нартах (зимой). Воеводы Сургута, Нарыма и Кетска обязаны были выделять ямщиков из ясачного населения своего уезда тем, кто предъявлял казенные подорожные. В идеале расчет был простой: ямщики сопровождали судно до ближайших населенных юртов, где их сменяли другие. Одна смена гребцов (суда, впрочем, приходилось и толкать шестами, и тянуть бечевой) в таком случае была бы занята всего несколько дней. Практика, однако, внесла свои коррективы. По многим причинам (тяжелый физический труд, отрыв от традиционных промыслов, плохое обращение со стороны русских) невольные ямщики старались всячески избежать подводной повинности. Борьба против нее продолжалась в течение всего XVII в. и выражалась как в легальных способах (подача челобитных), так и попросту в игнорировании распоряжений воевод [12]. Весьма часто случалось, что ямщиков из ясачного населения, при отсутствии смены, неделями насильственно удерживали на судах. Именно с таким фактом мы встречаемся в публикуемых ниже документах.

Нам неизвестно, с какого времени нарымских и кетских селькупов стали привлекать к выполнению подводной повинности, но в 1634 г. ясачное население Нарымского уезда уже просило освободить его от ямской гоньбы [13]. Летом-осенью 1644 г. к Маковскому волоку следовала новая якутская администрация — воеводы В.Н. Пушкин и К.О. Супонев и дьяк П.Г. Стеньшин. Поскольку воеводы отправлялись к месту службы со всем семейством, многочисленной дворней и всякого рода запасами, то каждому, как правило, предоставлялся отдельный дощаник (вид речного судна). В Нарымском остроге воеводы получили новых ямщиков-гребцов из ясачных селькупов уезда, которые должны были сопроводить суда до Кетска (расстояние между острогами составляло примерно 200 верст). Однако в Кетске якутские воеводы новой смены ямщиков не получили, вследствие чего заставили нарымских остяков провожать дощаники до Маковского острога. Плавание вверх по извилистой и мелководной Кети на дощаниках было занятием тяжелым не только для селькупов, но и для привыкших к большим речным судам русских [14]. Судя по всему, воевода Пушкин милосердием не отличался. Когда по прибытие в Маковский острог с дощаника сбежал, «не стерпя голоду и зимние стужи», нарымский остяк Нагычи Каскин, то Пушкин послал за ним погоню. Люди Пушкина избили Нагычу, вследствие чего тот скончался. К слову сказать, Нагыча не был рядовым остяком в своей волости (Ларпидской); известно, что в 1629 г. волость возглавлял его отец князец Каско, а в 1640-х гг. его брат Кылип Каскин.

В июле 1645 г. Кылип Каскин подал нарымскому воеводе И.А. Чаадаеву челобитную, в которой обвинял в смерти брата отнюдь не Пушкина, а кетского воеводу В.В. Нелединского и селькупов всех пяти кетских волостей. По словам Кылипа, князцы Чингей (Кашкина в.), Кошлок Кыргин (Киргеева в.), Козяк Мастаев (Иштанова в.), Ягода (Питкина в.), Инта (Лелкина в.) убедили Нелединского не предоставлять ямщиков якутским воеводам. Заручившись согласием Нелединского, князцы приказали мужчинам своих волостей «розбежатца в сторонные речки в дальние места». В общем-то Нелединского можно понять: в 1645 г. в Кетском уезде было всего 90 ясакоплательщиков (то время как в Нарымском — более 200), а служба сибирского воеводы в центре оценивалась прежде всего по количеству собранного окладного ясака.

В челобитной Кылип указал, что за смерть брата с селькупов Кетского уезда причиталась, согласно нормам обычного права, головщина в размере 100–150 руб. Кетские князцы будто бы были согласны уплатить головщину Кылипу, но им запретил это делать воевода Нелединский. Трудно сказать, насколько в данном случае Кылип был правдив. Конфликт между нарымскими и кетскими «остяками» имел и другую сторону. Летом же 1645 г. кетские князцы подали Нелединскому встречные челобитные, из которых выясняется следующая картина. Возвращаясь из Маковского острога в конце 1644 г., раздраженные нарымские селькупы решили отомстить ясачным Кетского уезда:

спускаясь по Кети, они грабили юрты, в которых не было взрослых мужчин, и насиловали женщин. В челобитных подробно перечислены предметы одежды и домашней утвари, которые забрали с собой нарымские селькупы (думаю, этот перечень представляет определенный этнографический интерес для исследователей материальной культуры селькупов XVII в.). Заметно, что все 4 челобитные (док. № 3) написаны по единому шаблону: скорее всего, они писались в съезжей избе Кетска под контролем воеводы. Но конкретные факты о грабежах нарымских селькупов, видимо, соответствуют действительности.

Если Кылип Каскин, чья челобитная была отправлена в Москву, добивался уплаты головщины, то селькупы Кетского уезда просили «учинить царский суд», по которому им был бы возмещен материальный и моральный («бесчестье жен») ущерб. Сами воеводы Нелединский и Чаадаев этот конфликт разрешить не могли, поскольку определенно руководствовались интересами «своих» уездов, а не абстрактными соображениями восстановления справедливости. В Сибирском приказе, куда челобитные враждующих сторон поступили в ноябре 1645 г., решили, что дело не настолько серьезное, чтобы разбираться в нем в Москве. В конце концов якутские воеводы были обеспечены ямщиками, а за счет интересов ясачного населения какого уезда — это было неважно. В Нарым и Кетск были отправлены указы аналогичного содержания: иски кетских остяков должны были рассматриваться нарымским воеводой и наоборот [15]. Тем самым русская администрация фактически устранялась от разрешения конфликта, поскольку ясачные Кетского уезда уже раньше заявили, что появляться на территории нарымских селькупов они опасаются.

Нельзя сказать, чтобы московское правительство совсем не реагировало на обращения ясачных народов Сибири. Так, в 1644 г. тому же воеводе Чаадаеву было запрещено, в ответ на просьбу нарымских селькупов, записывать в ясачный оклад захребетников и недорослей (т.е. увеличивать количество ясачных людей) — «чтоб им большово оскорбленья не было» [16]. Но вопрос о ямской гоньбе в отношении автохтонных народов Западной Сибири правительство не могло разрешить весь XVII в., а потому сквозь пальцы смотрело на конфликты, порожденные ямской повинностью.

В публикуемых документах слова, которые не удалось прочитать, даются отточиями с обозначением **[нрзб]**. В док. № 3 сознательно опущены фрагменты текста, идентичные по содержанию тексту других челобитных, приводимых полностью. Пропущенные фрагменты обозначены отточиями. Знак **(?)** стоит в том случае, если у публикатора нет полной уверенности в правильном прочтении предыдущего слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI — XVII вв. // Он же. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2. С. 143–151; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 155–156.
2. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества. С. 150.
3. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 131–137.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1673. Л. 1–2.
5. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества. С. 150.
6. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 29, 31.
7. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.
8. Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. С. 45.
9. Долгих Б.О. Указ. соч. С. 29.
10. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 88. Л. 50.
11. «Остяки» русских документов XVII в. Нарымского и Кетского уездов относились к разным территориальным группам селькупов. В этом убеждают как специальные

исследования (см.: Пелих Г.И. Селькупы в XVII веке. Новосибирск, 1981), так и частные наблюдения, возможность которых предоставляют публикуемые документы. Так, у остяков Питкиной волости Кетского уезда упоминается обувь — «чарки с паголинками». Из этнографической литературы известно о распространенности у селькупов чирков (обувь из оленьей кожи без меха), голенища которых, сделанные из налимьей кожи или крапивницы, носили название «пагольджи» (Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 43).

12. Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 119–124.
13. Симченко Ю.Б. Указ. соч. С. 143.
14. В 1627 г. служилые люди отряда А.А. Дубенского так описывали свой путь по Кети: «И мы, государь, бродили на многих мелях и идучи по Кети реке по вся дни беспрестанно, и от водного, государь, брожения в осень от замороза и озноба повсядневного мы ... перепухли и перецынжали» (Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 20).
15. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 146. Л. 42–49, 56.
16. Буцинский П.Н. Соч. в двух томах: Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 1999. С. 104; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. Новосибирск, 2000. С. 181.

* * *

№ 1. 1640 г., не позднее ноября 13. — Отписка тобольских воевод в Москву о ссорах и убийствах среди ясачных вогулов Пелымского уезда

(л. 37) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Петрушка Пронской, Федька Ловчиков, Ивашко Трофимов, Ондрюшка Галкин челом бьют. В нынешнем, государь, во 148-м году февраля в 16 день писал ко мне, холопу твоему, с Пелыми воевода князь Петр Волконской: в нынешнем же де, государь, во 148-м году декабря в 1 день извещал ему на Пелыме в съезжей избе пелымской стрелец Ивашко Толмачов: подрались де меж собою в Тахтанской волости ясашные вагуличи Бойтах Котынин да Лукумя Шуин, и Лукумя де Бойтаха убил до смерти. И он де, князь Петр, того убойцу, Лукумя Шуина, да убитово Буйтахова сына Осипка взял на Пелым и в съезжей избе роспрашивал, за что Лукумя Буйтаха (л. 38) убил до смерти.

И убойца де Лукумя Шуин в том убойстве повинился и подал ему, князю Петру, челобитную, а в челобитной ево написано: в нынешнем де, государь, во 148-м году на другой недели Филипова поста Буйтаховы дети, Оска з братом, около его, Лукоминых, юрт близко ставили луки, и на тех де их луках застрелилась ево, Лукомина, лутчая лешая собака. Да у Буйтаховых де юрт застрелена ево ж, Лукомьева, лошадь кобыла в десять рублев. И он де, Лукумя, у Буйтаховых юрт стал говорить Буйтаховым детем: на што они близко юрт его луки ставят и собаку ево и кобылу застрелили? И Буйтахов де сын Оска ему, Лукумю, отказал: хотя де мы и тебя убьем, не боимся ничево. И Буйтахова де жена ухватила его, Лукумя ... [фрагмент текста утрачен] (л. 40) ухватил рукою за рогатину, а другою рукою, боронясь, ножем зарезал Буйтаха до смерти, а не нарядным делом. И он де, князь Петр, убитово вагулетина Буйтахова сына Котынина Осипка роспрашивал же, за что отца ево, Буйтаха, Лукумя Шуин убил до смерти. И Осипко де, государь, Буйтахов сын в роспросе сказал те же речи, что и в челобитной убойца отца его, у Лукумя, написано.

И он де, князь Петр, того убойца Лукумя дал за пристава до твоего государева указу. И били де челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Тохтанские волости ясашные люди, а сказали, что де у них в волости Буйтах Котынин и Лукумя Шуин — лутчие люди, и тот де Лукумя в Буйтахове убивстве сидит за приставом, а к твоему де государеву делу в волости у них у ясашных людей промышленика ныне нет, и чтоб де ты, государь, их, Тахтанские

волости (л. 39) ясашных людей, пожаловал: велел того Лукумя от пристава свободити и дать на поруку. И он де, князь Петр, по их челобитью того Лукумя Шуина от пристава велел свободить и за то ево убойство при многих розных волостях при ясашных людех велел ево бить кнутом нещадно и дать на поруку з записью в том, что ему вперед не воровать и свою братью, ясашных людей, не побивать. И поголовные деньги, четыре рубли четыре алтына з деньгою на нем, Лукомье, велел доправить и твой государев ясак и поминки за убитого за Буйтаха Котыина, оклад ево девять соболей по цене на три рубли на двенатцать алтын на три деньги, платить ему ж, Лукомью, до тех мест, покаместа он в тот Буйтахов оклад гулящего вагулетина приищет.

Да в нынешнем же де, государь, во 148-м году генваря в 24 день писал к нему на Пелым ис Пелымского уезду из Таборов сын боярской Исак Албычов: подрались де, государь, меж себя табаринские пашенные (л. 41) вагуличи Шотанко да Енабай да Елан пьяни; ударил де Шотанко Енабая в лоб ставцом до крови, и тово де Шотанко отвели в юрту. И после де, государь, тово Енабай подрался с Еланом, и Елан де побежал из юрт вон, и Енабай де тово Елана на побеге поколол ножем. А будет ли де, государь, тот Елан жив или не будет, про то неведомо, за што и тех де вагулич, убойцу Енабая да Шотонка, прислал Исак Албычев к нему ко князю Петру на Пелым.

И он де, князь Петр, в съезжей избе Шотанка роспрашивал, за што он Енабая в лоб ударил до крови, и Шотанко в роспросе сказал: стал де Енабай ему, Шатанку, говорить: убью де тебя, а после де тебя жену твою за себя возьму. Да и преж де тово тот Енабай хотел сильно у него жену отнять, и он де за то ево ударил (л. 42) в лоб ставцом. И он де, князь Петр, с тем Шатанком поставя перед собою с очей на очи убойцу Енабая, роспрашивал же: за што он Ялту мурзу зарезал до смерти, а Елана поколол ножем и у Шатанка жену отнять он хотел ли и убойством на него, Шатанко, он хвалился ль? И Енабай де в роспросе сказал, што де он у Шатанка жену отняти хотел и ево для жены убить хвалился, а Елана де поколол ножем и Ялту мурзу зарезал до смерти пьян, не помнит де про то ничево. А никакие де у него с ними недружбы и заводу на них в убивстве не было. И он де, князь Петр, того убойцу Енабая велел пытать: не заводом ли каким и не по наученью ли чьему того Ялту мурзу зарезал до смерти и Елана поколол ножем? И Енабай де с пытки говорил те ж речи, что и в роспросе сказывал.

И били де челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, а в съезжей избе ему, князю Петру ото всех табаринских вагулич, пашенных и ясачных людей, Елка мурза да Олешка Емелдяшов (л. 43) подали челобитную, а в челобитной их написано: своровал де, государь, той их волости вагулетин Енабай, Ялту мурзу зарезал до смерти, а другово человека, Елана, поколол ножем, а у третьево человека, у Шатанка, жену хотел отнять сильно и убойством на него хвалился, и вперед де от него чаять худа, и чтоб ты, государь, их, табаринских пашенных и ясашных людей, пожаловал: велел тому убойцу Енабаю свой государев указ учинить, чтоб де им от того вора вперед в конец не погинуть. И он де, князь Петр, Шотонка отпустил в Табаринскую волость, потому что де, государь, до него дело не дошло, а убойцу Енабая отдал он за пристава (л. 44) пелымским служилым людем, потому что де, государь, на Пелыме тюрьмы нет, и велел де того Енабая беречь до твоего государева указу.

И я, холоп твой Петрушка, писал на Пелым к воеводе ко князю Петру Волконскому, а велел Тохтанские волости за убитого ясашного человека за Буйтаха Котыина твой государев ясак и поминки имать на убойце ево на Лукуме Шуине по поручной записи, какова запись взял он, князь Петр, по нем на Пелыме, покамест того Лукомья в того убитого человека в Байтахов оклад гулящего вагулетина приищет. И для, государь, всяких винных людей велел на Пелыме поставить тюрьму и другово убойцу, табаринсково пашенного вагулетина Енабая, которой Ялту мурзу зарезал до смерти, а другово вагулетина Елана поколол ножем, велел посадить на Пелыме в тюрьму до твоего государева указу. И о том убойце Енабае нам, холопем своим, что ты, государь, укажешь.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 88. Л. 37–44. Подлинник.

№ 2. 1645 г., июля 2. — Челобитная остяка Нарымского уезда Кылипа Каскина с иском о головщине к остякам Кетского уезда

(л. 50) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Ивашко Чеадаев челом бьет. В нынешнем, государь, во 152-м году[1] июля в 2 день бил челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, Нарымсково уезду Ларпицкие волости ясачной остяк Килипка Каскин, а в съезжей избе подал мне, холопу твоему челобитную. И я, холоп твой, тое ево челобитную, подклея под сею отпискою, послал к тебе, государю, к Москве.

(л. 51) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твоя Нарымского уезду Ларпицкие волости ясашной остяк Кылип Каскин. Жалоба, государь, мне Кецково уезду на князцов на Чингея да на Игирея Яркумова, да на Кошлока Кыргина, да на Козяка Мастяева, да на Ягоду, да на Инту. В прошлом, государь, во 152-м году по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, как ехали мимо Нарымской острог Ленсково розряду твои государевы воеводы Василей Пушкин с товарыщи на Лену, и из Нарымского острогу даны им на дощаники в подводы до Кецково острогу Нарымского уезду остяки, а с ними был в подводах брат мой, Ларпицкие волости ясашной остяк Нагычи Каскин.

И твой государев воевода Василей Нелединской по их челобитью, норовя им, на те ленские дощаники в нарымских остяков и в брата моего место подвод не дал и переменити не велел. И те, государь, князцы, Чингей с товарыщи, Нарымского уезду остяков и брата моего Нагычи в Кецком остроге и в уезде ис подвод не переменили и Кецково уезду остяком велели розбежатца в сторонные речки в дальние места. И провели, государь, те ленские воеводы Василей Пушкин с товарыщи в подводах на дощаниках мимо Кецкого острогу и мимо Кецкой уезд Нарымского уезду остяков и брата моего Нагычи до Маковского острогу. И из Маковского, государь, острогу брат мой Нагычи, не стерпя голоду и зимние стужи, воротился назад. И тех, государь, ленских воевод Василья Пушкина с товарыщи люди, догнав брата моего Нагычу на дороге, били и увечили и руки переломали, и брат мой Нагычи з голоду и от тех побой на Кети умер.

А по нашей, государь, остяцкой вере мне, сироте твоему, Кецкого уезду с князцов и со всех остяков за то довелось за брата моего взять головщина, потому что они брата моего ис подвод с ленских дощаников не переменили воровски и от подвод розбежались. А емлем, государь, мы, сирота твоя, по нашей остяцкой вере меж собою головщины рублев по сту и по полутораста за человека. И в нынешнем, государь, в 153-м году я, сирота твой, ходил к тем князцом к Чингею с товарыщи в Кецкой острог для головщины брата своего. И те, государь, князцы Чингей с товарыщи за брата моего головщину платить хотели и после того мне, сироте твоему, в головщине брата моего отказали и ничего не дали для того, что не велел де им за брата моего головщины платить (л. 52) твой государев воевода Василей Нелединской для своей бездельные корысти.

Да в нынешнем же, государь, в 153-м году я, сирота твоя, бил челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, а в Нарымском остроге в съезжей избе твоему государеву воеводе Ивану Ортемьевичю Чаадаеву на тех князцов, на Чингея с товарыщи, в головщине брата моего подавал челобитную. И твой государев воевода Иван Ортемьевич Чаадаев тое мою челобитную под отпискою и меня, сироту твою, послал в Кецкой острог для того, чтоб меж нами в головщине брата моего смуты не было. И как, государь, я, сирота твоя, в Кецком остроге тое отписку с тою моею челобитною твоему государеву воеводе Василью Нелединскому в съезжей избе подал, и твой государев воевода Василей Нелединской мне, сироте твоему, в головщине брата моего отказал и князцом Чингею с товарыщи головщины за брата моего платить не велел, а меня, сироту твою, за то хотел бить и увечить.

---

[1] В документе дата подачи челобитной указана явно ошибочно. Надо – 2 июля 153 (1645) г.

Милосердый государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии, пожалуй меня, сироту свою, вели, государь мне, сироте твоей, на них за брата моего по нашей вере взять головщину. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 50 об. отметка о подаче: 154 г. ноября в 4 день подал ... [нрзб] подьячей Олексей Левонтьев.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 146. Л. 50–52. Подлинник.

№ 3. 1645 г., не позднее ноября 1. — Челобитные остяков Кетского уезда с жалобами на грабежи и насилия со стороны нарымских остяков

(л. 30) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Васька Нелединской челом бьет. В нынешнем, государь, во 153-м году били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Кецкого уезду князцы и ясашные люди всех волостей, а мне, государь, холопу твоему, в съезжей избе подали челобитную. В прошлом де, государь, во 152-м году ходили, государь, у воевод у Василья Пушкина с товарыщи Нарымского уезду подводные остяки в подводах. И как, государь, те нарымские подводные остяки, которые были у ленских воевод, шли назад и по Кете реке по юртам у кецких ясашных людей животы их грабили и жен их, государь, и детей на позор имали. И я, государь, холоп твой, челобитные их, подклея под сею отпискою, послал к тебе ко государю к Москве.

(л. 31) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Кецкаго острогу уезду остяцкой князец Инда и рядовые твои государевы ясачные остяки мое волости. Жалоба, государь, нам, сиротам твоим, на нарымских остяков, которые ходили у ленских воевод в подводах до Маковского острогу, и из Маковского отпущены назад в Нарымской острог в Филипов пост. А мы, сироты твои, в ту пору были на промыслу, которые остались у ленских воевод у подвод, а жены наши и дети остались в юртах одне. И как те нарымские остяки шли назад по нашим юртам и жены наши и дети донага грабили и на позор к себе на постели имали, и зипуны и шубы и рубашки и штаны з жон наших снимали и рукавицы и чарки и серги и персни с рук и поесы снимали, и котлы и топоры и ножи и запас всякой поимали, рыбу сухую и урак и зверино мясо. И с тово их грабежу жены наши и дети в юртах многие з голоду померли. И твой государев ясак, соболи и лисицы, отнимали своим насильством, и нынеча твоему государеву ясаку учинился недобор, что нас, сирот твоих, грабили нарымские остяки донага и запас всякой поимали.

У меня, князца Инды, в моей волости у остяков взяли те нарымские остяки грабежом: у остяка у Кырсана взяли зипун белой, цена рубль; у Логейка шубу оленью, цена алтын; у Черея топор, цена алтын; у Тенглея штаны коженые, цены им алтын; у Тесея остяка взяли шубу оленью, цена алтын; у Ортюшки остяка взяли шубу заечью хрептовою новою, цена 2 рубли; у нево ж взяли шубу оленью новою, цена рубль; у тово же Ортюшки взяли шубу оленью старою, цена тринатцать алтын; да у Ортюшкиной (л. 32) жены взяли поес, обит медью и одекуем обнизан, а цена поесу дватцать алтын; у нево же Ортюшки взяли котел, а цена котлу рубль, да коты новые, да дорогу с повоном, да штаны новые суконные, цена котом и дороге и штаном тритцать алтын; да у Ортюшки же взяли лук да десять стрел да скребелку железною, что бобры поддельывает, а цена луку и стрелам и скобелке рубль; да у Вайгоды взяли полок да дорогу, цена пологу и дороге полтора рубли; да у Кавыля взяли шубу оленью новою, а цена сорок алтын; да хвостовою женскою шапку соболью, цена рубль; да у тово же Кауля взяли косхан да полок, а цена полтора рубли; да у сына у ево Кавылева взяли полок да штаны да подушку да коты новые да и приправу женскою, что живет на голове, — бисер и одекуй; да соболя взяли у шайтана, да подошвы оленьи, да ножик, да ...[нрзб] да пуд жиру. И всево моево живота взяли нарымские остяки на пятнатцать рублев на две гривны.

Да тое же волости у Кормеска взяли остяка котел большой, цена два рубли; да лисицу красною черночерevою, цена лисице рубль; штаны кожаные оленьи, цена полтина; да вершок шапочной аглинской да рукавицы, а цена вершку и рукавицам полтина; да у тово же Кормиска взяли трои переды красные да двои подошвы дубленые, а цена полтина; да тул стрелами у сегтука (?) и с луком, цена дватцать алтын. Тое ж волости у ...[нрзб] взяли шубу баранью новою, цена два рубли; да шубу робячью пупчатою, цена рубль; да шапку хвостовою соболью женскою, цена дватцать алтын; (л. 33) да шубу оленью, цена полтина; да рубашку мускую да поес женской, окован медью, одекуем обнизан, цена рубль; да скрута женская, что живет на голове, одекуй да бисер, да чюлки белые суконые, цена тому полтина. У остяка у Тенгека двои чарки, да теслу, да скобель, цена чаркам и тесле и скобели дватцать алтын.

И всево, государь, мое волости князца Инды и остяцково грабежу, что грабили нарымские остяки мою волость, платья и зипунов и шуб и рубашок и штанов и рукавиц и котлов и топоров и ножей и всякой мягкой рухляди на тритцать на два рубли на тринатцать алтын. И мы, сироты твои, били челом твоему государеву воеводе Василью Васильевичю Нелединскому, чтобы о наших грабежех и позоре жен наших и детей послал служивова человека в Нарым, чтобы воевода, наш грабеж сыскав, прислал и на них бы дал оборонь. И воевода, государь, Иван Чаадаев нам грабежу нашево не сыскал и нам на них оборони не дал, а велел нам ходить к себе бити челом. А нас, сирот твоих, нарымские остяки в юртах наших нас бьют и грабят и позорят, и мы, сироты твои, животишок своих оступилися, а в Нарым ити не смеем.

Милосердый государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии, пожалуй нас, сирот своих бедных, вели, государь, нам дать на тех нарымских остяков свой царской суд, как те остяки пойдут на промысл мимо Кетцкой острог, вместе с нами ежегод ходят мимо Кетцкой. Пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, тот наш грабеж сыскать и, сыскав, отдать нам, сиротам своим, чтобы нам, сиротам твоим, от тово грабежу в конец не погинуть и впредь бы твоево государева ясаку не отбыть. А бесчестье, государь, и позору жен наших и детей — в том, что ты, государь, укажешь. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

(л. 34) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Кецкаго острогу уезду князец Цингей и рядовые твои государевы ясачные остяки. Жалоба, государь, нам, сиротам твоим, на нарымских остяков, которые ходили у ленских воевод в подводах до Маковского острогу и отпущены назад в Нарымской острог в Филипов пост. А мы, сироты твои, в ту пору были на промыслу для твоево государева соболина ясаку, которые остались у ленских воевод у подвод, а жены наши и дети остались в юртах одне. И как те нарымские остяки шли назад по нашим юртам, жены наши и дети позорили, к себе на постели имали, и зипуны и шубы и рубашки и штаны и рукавицы и чарки и серги и персни с рук и поесы з жен наших снимали, и котлы и топоры и ножи и запас всякой поимали, рыбу сухую и урак и зверино мясо. Жены наши и дети с тово грабежу многие в юртах з голоду померли. И твой государев ясак, соболи и лисицы, у жен наших своим насильством[1], и нынеча твоему государеву ясаку учинился недобор, что нас, сирот твоих, нарымские остяки грабили донага и запас всякой поимали.

У меня, князца Цингея, хотели лошадь свести те нарымские остяки, и яз дал им откупу два лукошка порсу да тюлепсы, а цена полтора рубли. Да у сына моево взяли зипун белой суконой, цена четыре гривны. У Тутолы остяка взяли пуд жиру, цена алтын. У Турги остяка взяли зипун настрафильной, цена 2 рубли; у тово ж остяка взяли шапку да рубашку, цена полтина; да пять стрел да лук, цена алтын. И всево, государь, мое волости, князца (л. 35) Цингея, остяцково грабежу, что грабили нарымские остяки мою волость, на 6 рублев на 20 алтын.

---

[1] Очевидно, пропущено слово «отнимали».

И мы, сироты твои, били челом твоему государеву воеводе Василью Васильевичю Нелединскому, чтобы о наших грабежех и о позоре жен наших и детей послал служивова человека в Нарым, чтобы воевода, наш грабеж сыскав, прислал и на них бы дал оборонь. И воевода Иван Чаадаев нам грабежу не сыскал и нам обороны на них не дал, а велел нам ходить к себе бити челом. А нас, сирот твоих, нарымские остяки в юртах наших бьют и грабят и позорят, и мы, сироты твои, животишок своих оступилися, а в Нарым мы, сироты твои, что не смеем.

Милосердый государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии, пожалуй нас, сирот своих бедных, вели, государь, нам дать на тех нарымских остяков свой царской суд, как пойдут те остяки на промысл мимо Кетцкой острог вместе с нами, а ходят ежегод мимо Кетцкой. Пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, тот наш грабеж сыскать, что грабили нарымские остяки и, сыскав, отдать нам, сиротам своим, чтобы нам от тово грабежу в конец не погинуть и впредь бы твоево государева ясаку не отбыть. А женам нашим и детем в позоре в том, что ты, государь, укажешь. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

(л. 36) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Кецкаго острогу уезду остяцкой князец Иштановы волости Коско и рядовые твои государевы ясачные остяки.

... что нас, сирот твоих, нарымские остяки грабили донага и запас весь поимали. У меня, князца Коска, взяли те нарымские остяки три лукошка порсу, цена полтора рубли. Да у Есаловы жены у Пунгины взяли поес остяцкой женской меденой с кольцами и с одекуем, цена 2 рубли; да чюлки аглинские, цена 21 алтын; да чарки новые остяцкие оленьи шитые, цена 10 алтын; 100 игол, цена полтина; да серьги остяцкие серебреные, да серьга большая остяцкая серебреная, цена серьгам 2 рубли (л. 37); скобель да невод, цена скобели да неводу два рубли. У остяка взяли Кандиванди (?) шубу оленью, цена шубе 40 алтын; зипун серой новой сермяжной, цена полтора рубли; поес женской с кольцами меденными и железными, цена поесу 40 алтын; серьги женские одекуйные, цена 10 алтын; штаны оленьи коженые, цена две гривны; три ножа, три огнива, цена 20 алтын; брус да скобель, цена десеть алтын; котел большой меденой, цена 2 рубли. Да у Мунги остяки взяли нарымские остяки без нево в юртах, а он был на промыслу, у жены ево сильно платья зипунов и шуб и соболей и лисиц и котлов и топоров и запасу, рыбы сухой и ураку и всякой мелочи на пятнатцать рублев с полтиною. У Лемы Розинкина взяли шубу баранью одевальную, цена шубе 2 рубли; рубашку мускую, цены четыре гривны; шубу оленью старую, цена полтина.

И всево, государь, мое волости, князца Коска, остяцкого грабежу, что грабили нарымские остяки, на тринатцать на два рубли на шесть алтын...

(л. 39) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Кецкаго острогу уезду остяцкой князец Ягода и рядовые твои государевы ясачные остяки.

... что нас, сирот твоих, нарымские остяки грабили донага и запас всякой поимали. У меня, князца у Ягоды, взяли нарымские остяки зипун белой, цена рубль; да поес женской, цена рубль; да сорофан крашениной, да рубашку мускую, цена сорофану и рубашке полтора рубли; шубу оленью, цена рубль; серьги серебреные да шапка подчеревья, цена серьгам и шапке полтора рубли; да четыре теслы остяцкие, что делаем суды, цена рубль; два ножа, цена полтина; (л. 40) ножницы кроялные да сверло скобель, цена полтина; штаны ровдужные, цена десять алтын; серьга женская остяцкая серебреная большая, цена серьге 20 алтын; четыре кыса оленьи да скобель, цена десять алтын; шапка красная аглинская вершок, испод пупчатой, да чарки остяцкие и с паголенками сукоными, цена шапке и чаркам рубль; два коя да лыжи подволочные, цена 20 алтын. Да у брата ево Ягодина у Мапи взяли шубу оленью, цена 20 алтын; да десеть белок да кои оленьи, цена две гривны; да пуд жиру, цена рубль; да два пуда порсу, цена 20 алтын; да зипун белой, цена 20 алтын. Да у Санки ясаула взяли пуд жиру, цена 40 алтын; да орехов кузов кедровых пуда с четыре, цена полтора руб-

ли; да порсу лукошко большое, цена 40 алтын; лук новой остяцкой, цена 10 алтын. Те же нарымские остяки хотели свести лошадь у остяка у Колмаска, и он дал окупу пуд жиру, цена 40 алтын; рукавицы взяли новые да чарки остяцкие, цена полтина; порсу лукошко большое, цена рубль. У Рмы остяка взяли котел большой, цена котлу полтора рубли; восмь хвостов собольих, цена восмь гривен; да женские два поеса остяцкие, цена 2 рубли; да шубу заечью взяли новою хрептовою, цена рубль; да кожан олений да три дороги, цена кожану и дорогам рубль; чарки остяцкие с паголинками, цена две гривны; шапку лапчетую сняли у шайтана, да шубу баранью, да поес зырянской, треух заечь, да 15 стрел, и тому цена 2 рубли.

И всево, государь, мое волости, князца Ягоды, остяцкого грабежу, что грабили нарымские остяки (л. 41) мою волость, на тритцать на два рубли...

На л. 30 об. отметка о подаче: 154 г. ноября в 1 день подал Кецкого острогу казак Устинка Степанов.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 146. Л. 30–41. Подлинник.

Публикуется с сокращениями.

А. Т. Шашков

Новые документы о Новгородско-Псковских и Олонецких старообрядцах конца XVII в.

Во второй половине XVII в. религиозно-оппозиционное движение в форме старообрядчества получило широкое распространение в самых различных регионах Российского государства, в том числе в северо-западных уездах и в Поморье. Так, уже в 1670 — начале 1680-х гг. на территории Новгородско-Псковского края действовали такие известные проповедники «старой веры», как старец *Варлаам*, посадские люди *Иван Деменьтьев*, *Василий Рукавишников*, *Яков Калашник*, *Иван Меркульев* и многие другие [1]. Ряд документов, в основном относящихся к 1683–1684 гг. и посвященных следственным делам, связанным с некоторыми из этих людей, были опубликованы [2].

Начиная с 1690-х гг. местное староверческое движение обычно ассоциируется с деятельностью видного новгородского расколоучителя *Ивана Коломенского*, скрывавшегося за шведским рубежом, и в особенности бывшего дьячка Никитской церкви Крестецкого яма Новгородского уезда *Феодосия Васильева*, основателя беспоповского федосеевского согласия, жившего на рубеже XVII–XVIII вв. со своими последователями в Невельском уезде в Польше [3].

Между тем, о событиях второй половины 1680-х гг., связанных со староверческим движением в новгородско-псковских пределах, нам почти ничего не известно. Этим, прежде всего, и обусловлена публикация нами дела 1688 г. о сыске раскольников в Новгородском и Старорусском уездах, производившемся по изветам псковского дворцового крестьянина *Мишки Аникиева*. Оно входит в состав расклеенного столбца (РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3 (Новгородский приказ). Д. 2996. Лл. 3–28) и включает в себя шесть документов: 1) отпуск памяти из Новгородского приказа в Ямской приказ от 20 февраля 1688 г. о выдаче *М. Аникиеву* ямских подвод (л. 3); 2) словесный извет *М. Аникиева*, записанный в Новгородской приказной палате 2 фев-

раля 1688 г., о «проведанных» им раскольниках (лл. 5–5 об.); 3) отписку царям *Ивану* и *Петру Алексеевичам* и царевне *Софье Алексеевне* новгородского воеводы князя *П.С. Прозоровского* от 5 февраля 1688 г. об извете *М. Аникиева* на церковных раскольников и о его посылке в Москву (лл. 4–4 об.); 4) расспросные речи *М. Аникиева* в Новгородском приказе, записанные между 13 и 20 февраля 1688 г. (лл. 6–12); 5) указ царей *Ивана* и *Петра Алексеевичей* и царевны *Софьи Алексеевны* о посылке грамот в Новгород воеводе князю *П.С. Прозоровскому* и митрополиту *Корнилию* о сыске раскольников по извету *М. Аникиева*, составленный не позднее 20 февраля 1688 г. (лл. 13–15); 6) черновой отпуск царской грамоты новгородскому воеводе князю *П.С. Прозоровскому* от 21 февраля 1688 г. за приписью дьяка *Ивана Волкова* с пометой в конце текста: «Такова ж великих государей грамота к преосвященному *Корнилию*, митрополиту Новгородцкому и Великолуцкому, послана за приписью дьяка *Василья Бобинина*. Подписана того ж числа» (лл. 16–28). При публикации дела последний документ опущен, поскольку он почти дословно повторяет тексты расспросных речей *М. Аникиева* и царского указа. Остальные документы воспроизводятся в их логической и хронологической последовательности: изветные речи *М. Аникиева* (док. № 1); отписка новгородского воеводы в Москву (док. № 2); расспросные речи *М. Аникиева* в Новгородском приказе (док. № 3); царский указ о посылке в Новгород соответствующих грамот по этому делу (док. № 4); память в Ямской приказ о подводах для *М. Аникиева* (док. № 5).

Из извета и расспросных речей *М. Аникиева* следует, что к концу 80-х гг. XVII в. староверческое движение приобрело в северо-западных уездах страны весьма широкий размах. Одновременно происходила активная миграция старообрядцев за польский рубеж, и прежде всего в соседний Невельский уезд, где *М. Аникиев*, разыскивавший своего обратившегося в раскол названного брата *Микишку Медника*, встретил вооруженную группу людей («человек с пятьдесят»), которые вышли сюда с русской стороны из-за того, «что-де стала вера новая». От их лидеров *М. Аникиев* узнал о планах «прелстить к расколу псковских стрелцов» и «всяких чинов людей» Пустой Ржевы, после чего «они боятца никого не будут и станут жить во Пскове» (очевидно среди местных жителей еще была жива память о знаменитом Псковском восстании 1650 г. [4]).

Заслуживают внимания полученная *М. Аникиевым* во время его скитаний информация о раскольничьих «станах» в Новгородском, Старорусском, Пусторжеском и других уездах, а также сведения о том, что «за свейским-де рубежом их многое ж число».

После возвращения *М. Аникиева* в Новгород местные светские и церковные власти отнеслись к его извету о раскольниках без особого восторга, и лишь по настоянию митрополита *Корнилия*, к которому он напрямую обратился за помощью, тогдашний воевода *П.В. Шереметьев* организовал в одно из указанных изветчиком мест в Шелонской пятине Новгородского уезда посылку отряда стрельцов из пятидесяти человек во главе с капитаном *И. Янышевым*, проводником которого стал сам *М. Аникиев*. «На реке на Шелоне в лесу» стрельцы обнаружили «двенатцать изб раскольничьих. И те-де расколники с ними бились из ружья и розбежались все врознь, только-де поимали дву человек — девку да парня», которых привезли в Новгород.

Судя по всему, эта посылка произошла зимой 1687/1688 г. Сам *М. Аникиев* был недоволен ее результатами, поскольку «в ыные места по расколщиков тот капитан с ним, *Мишкою*, никуды не поехал». Поэтому он вторично обратился к митрополиту *Корнилию* с этим делом и опять получил от него поддержку — новому новгородскому воеводе князю *П.С. Прозоровскому* была послана соответствующая память «из митрополья приказу». А 2 февраля 1688 г. в приказной палате был записан его словесный извет, после чего воевода послал «с ним, *Мишкою*, для тех расколщиков новгородца *Саву Путилова* да стрелцов дватцать человек». Уже через два дня этим отрядом были доставлены в Новгород 63 человека «расколщиков», схваченных в деревнях и лесах Новгородского и Старорусского уездов.

Но и этого вошедшему во вкус *М. Аникиеву* было мало, поскольку еще далеко не все выявленные им в Новгородском, Пусторжевском и Великолуцком уездах приверженцы староверия оказались

под стражей. Чтобы избавиться от не в меру ретивого борца с расколом, *П.С. Прозоровский* отправил его 5 февраля 1688 г. в сопровождении двух стрельцов в Москву, где он, как это следует из документов, получил полное понимание и поддержку на самом высоком уровне.

Территориально к этому делу примыкает публикуемый ниже под № 7 документ (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4112. Л. 1), представляющий собой фрагмент записки, составленной в Новгородском приказе в связи с рассматривавшемся здесь несохранившимся делом по извету псковского казака *Фомы Зверева* «о расколниках и о грабежных животах». Само дело, состоявшее из 32 «ставов» «за закрепою дьяка *Василья Телицина*», вместе с приложенными к нему на 6 «ставах» поручными записями о четырех псковских казаках и о приставе Псковской приказной палаты *Андрюшке Волкове* было прислано с последним в Москву псковским воеводой *М.В. Собакиным* 20 октября 1691 г. Судя по контексту записки, *А. Волков* и казаки *Сенька Бурматов, Ивашка Шапочка, Матюшка Туманов и Тимошка Безносков* обвинялись *Ф. Зверевым* в присвоении имущества раскольников, которые, по всей видимости, погибли в какой-то неизвестной нам «гари», произошедшей в Псковском уезде в конце лета — начале осени 1691 г. Еще один документ, публикуемый нами под № 6, содержит важные сведения по истории староверческого движения в Поморье. Речь идет о составленной в Новгородском приказе не ранее 21 декабря 1689 г. выписке в доклад царям *Ивану и Петру Алексеевичам* по воеводским отпискам из Олонца, касающимся дел о церковных раскольниках (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 3616. Л. 1–6). К сожалению, у документа отсутствует конец, а также утрачена часть его текста, в том числе, вероятно, несколько «ставов» между лл. 6 и 5 (при архивной обработке дела была перепутана последовательность текстов и, соответственно, проставлена неверная нумерация листов).

В сохранившейся части документа, помимо сообщений об отдельных людях, впавших в раскол, имеется информация о двух уже произошедших малоизвестных олонецких «гарях» и о подготовке одной из самых крупных и знаменитых — первой Палеостровской. Поскольку в утраченных текстах наверняка содержались сведения и о других старообрядческих самосожжениях, случившихся в Олонецком уезде во второй половине 80-х гг. XVII в., считаем необходимым остановиться на них более подробно.

Волна самосожжений, прокатившаяся в Олонецком уезде после ужесточения правительством антираскольнического законодательства (5-я и 12-я статьи из печально знаменитого указа 1685 г. цитируются в публикуемом документе на лл. 4 и 6), началась в селении Горы Олонецкого погоста. Старообрядческий Синодик среди «сожженых благочестия ради» поминает «*Илариона, Иоанна* и иже с ними 1000», погибших «в Горах под Олонцем» [5]. По сообщению выговского историка XVIII в. *Ивана Филиппова*, «олонецкой посадник *Иларион Пуллоев* (судя по всему, он был карелом. — *А. Ш.*), муж благ и писания ведущий, ревноваше о древлецерковном благочестии и хождаше в Олонцы, и около Олонца во окрестных селах крыяся от гонителей и оучаше люди в древлеправославной христианской вере оутвержатися, и в Горах, в созданной на то храмине, от мучительскаго нашествия посланных с Олонца воинов с оружием, огнем скончашася за древлецерковное благочестие с тысящею христианскаго народ» [6]. Тот же *И. Филиппов*, являвшийся, как убедительно показала *Н.В. Понырко*, редактором Жития *Кирилла Сунарецкого* [7], писал в данном произведении, что «Олонецкаго града посадник *Иларион Пуллоев*», побывав в Троицкой Сунарецкой пустыни известного поморского подвижника старца *Кирилла*, за четыре дня бесед окончательно обратил того в раскол, после чего его пустынь стала знаменитым убежищем для последователей «старой веры» [8].

Ни Синодик, ни «История» *И. Филиппова* не указывают дату самосожжения в Горах. *Х.М. Лопарев* высказал предположение, что оно произошло в конце 1688 или в начале 1689 г. [9]. Решить этот вопрос позволяют финские судебные документы того времени, недавно введенные в научный оборот *К. Катаялой* [10]. Так, во время зимней сессии уездного суда Салми, Суйстамо и Сортавалы, проходившей в феврале 1689 г., стало известно, что еще в начале зимы 1685 г. жители с. Баранова Гора (оно располагалось у самой границы Шведской Карелии с Олонецким уездом)

подростки *Юхани* и *Хейкки Халонены* были уведены своим соседом старообрядцем *Пеккой Ляпери* в Россию, в д. Горы Олонецкого погоста (в протоколах суда эта деревня названа по-фински Мяки, т. е. Гора). На Крещение некий *Лаури Пулли*, исполнявший здесь обязанности миссионера и священника, перекрестил их по старому православному обряду, после чего *Юхани* стал зваться *Климо* (*Климентием*), а *Хейкки — Ходаром* (*Феодором*). Несколько месяцев мальчики прожили в Горах, а в начале сентября 1686 г. *Лаури Пулли* отвел их в «келью» — большой двухэтажный дом, построенный в лесу рядом со шведской границей. Здесь уже собралось более 600 человек, которые постоянно молились и постились. Услышав разговоры о том, что скоро сюда прибудут солдаты, из-за чего все собравшиеся добровольно предадут себя огню, братья через 8 дней сбежали и, перебравшись через границу, отправились домой. Через три дня пути на том месте, где была «келья», они увидели зарево пожара и поднимавшийся к небу дым.

На той же зимней сессии суда в феврале 1689 г. был допрошен 75-летний краситель юфтевых кож карел *Нефпо Пуллонен*. Уроженец Олонецкого погоста, он был старовером. Перейдя еще в 1687 г. шведскую границу, *Пуллонен* жил под Суоярви и бродил по окрестностям. Незадолго до суда он был арестован по подозрению в подстрекательстве местных жителей к обращению в раскол и самосожжению и заключен в Кексгольмскую крепость. Согласно показаниям *Пуллонена*, его оставшиеся в России жена и сын по имени *Ларион* вместе со своей женой и детьми осенью 1686 г. отправились в большую «келью», стоявшую в лесной глуши на берегу Канаброзера в Горском приходе. Место это располагалось недалеко от шведской границы. Когда сюда пришел из Олонца отряд стрельцов, собравшиеся в «келье» в количестве 1040 человек сгорели.

Таким образом, можно сделать вывод, что «гарь» близ д. Горы Олонецкого погоста произошла 19 или 20 сентября 1686г., а ее главный организатор, олонецкий «посадник» (очевидно, посадский) *Иларион Пуллоев*, был сыном *Нефпо Пуллонена*. Вполне вероятно, что братья *Юхани* и *Хейкки Халонены* знали этого человека в Горах под именем *Лаури Пулли*.

В той же публикуемой ниже выписке Новгородского приказа в доклад царям приводится содержание грамоты от 13 февраля 1687 г., адресованной новгородскому воеводе *П.В. Шереметеву* «с товарыщи» (ее полный текст не сохранился), в которой повелевается «послать с начальным человеком или из дворян, кого пригож, человек с 300 или болши стрелцов в Олонецкой уезд к Палеостровскому монастырю», где засели раскольники, чтобы их уговорить выйти. В случае отказа приказывалось «над теми ворами чинить промысл и радеть о том, чтоб однолично тех воров искоренить и из монастыря выбить» (лл. 3–4, 6).

Хорошо известно, что главным организатором этого «збориша» в Палеостровском монастыре являлся бывший соловецкий иеродиакон *Игнатий*, крупный писатель и идеолог раннего старообрядчества [11]. Покинув Соловки в конце 1666 или в начале 1667 г., т. е. незадолго до начала осады обители царскими войсками (причиной ухода *Игнатия* стали, очевидно, его разногласия с некоторыми из влиятельных соловецких старцев по поводу написания «титлы *Пилатовой*» на кресте *Христовом*), он около двух десятков лет скитался по Русскому Северу, в основном в каргопольских и обонежских пределах, общался с бывшим игуменом Никольского Беседного близ Тихвина монастыря *Досифеем*, переписывался с находившимся в заточении в Пустозерске протопопом *Аввакумом*, встречался со знаменитым поморским подвижником иноком *Корнилием* и другими современными ему деятелями староверия. Огромное впечатление на *Игнатия* произвело известие о взятии войсками воеводы *И.А. Мещеринова* мятежного Соловецкого монастыря и кровавой расправе над его «сидельцами» в январе 1676 г. Горечь прежней обиды на соловецких старцев оказалась вытесненной в сознании потрясенного *Игнатия* комплексом вины перед «страдальцами». Одновременно он с необыкновенной силой ощутил на себе избранническую миссию продолжателя их дела: «Ныне вопиет наша святая Соловецкая обитель, — писал он, — мною, многогрешным черноцом...» [12].

Мысль о мученической смерти, уравнивавшей его с соловецкими «отцами», всецело завладела *Игнатием*. Обосновавшись в последние годы своей жизни на небольшом острове на Сарозере в

Заонежье [13], он занялся страстной проповедью идеи самосожжения. При этом соловецкое осадное «сидение» и последовавшая за ним гибель его участников являлись для него, «прежних постриженикъ последним остальцом», не абстрактным символом, а безусловным образцом для подражания.

К тому времени в воспаленном воображении *Игнатия* уже окончательно сложился страшный сценарий будущей мистерии, которая должна была по меньшей мере четырехкратно воспроизвести гибель Соловков. Главные роли в ней отводились как ему самому, так и трем другим выходцам из Соловецкого монастыря, занимавшимся одновременно с ним проповедью раскола в Поморье, — старцам *Пимену*, *Герману Коровке* и *Иосифу Сухому* [14]. Согласно известию *И. Филиппова*, бывший соловецкий иеродиакон даже имел по этому поводу особое видение, в котором ему были явлены «четыре корабля великие, полны множества народа христианскаго, аки по морю, по воздуху пловущие». После этого *Игнатий* услышал голос, который поведал ему: «Сей большой корабль твой, по нем меншии — твоих клевретов, старцев соловецких: отца *Пимина* корабль, отца *Германа* корабль и отца *Иосифа* корабль» [15]. Нетрудно догадаться, что эти «корабли» должны были символизировать четыре будущих поморских самосожжения.

Судя по всему, сначала *Игнатий* планировал разыграть первый акт мистерии непосредственно в Сарозерской пустыни. Его подготовку стал осуществлять зимой 1686/1687 г. верный ученик соловецкого иеродиакона, «Повенецкого рядку житель, ведомой вор и пущей церковной раскольник и всего православного христианского народа ненавистник, *Емелька Иванов* сын *Второго*». Совершив со своими помощниками рейд по окрестным селениям, он собрал в Повенце, в Шунгском, Толвуйском и Чёлмужском погостах и в других местах огромную толпу «жилецких людей» [16] и привел их на Сароозеро.

Тем временем *Игнатий* внес коррективы в свои планы и решил перенести место будущей трагедии в находившийся неподалеку старинный Рождественский Палеостровский монастырь. Расположенный на острове, со всех сторон окруженном водами Онежского озера, он, очевидно, чем-то напоминал *Игнатию* Соловецкую обитель и вполне подходил для задуманного.

Вскоре в Сароозерской пустыни стало известно о посылке из Олонца «легких людей на лыжах со оружием на взыскание старцов и прочих с ними скитающихся христиан», причем их «вожами» выступали «Палеостровского монастыря старцы и слуги» (видимо, до монастырского руководства дошли какие-то слухи о намерениях «зборища»). Не теряя времени, *Игнатий*, «собрашися со своими, поиде на лыжах ко Онегу... и прошед через Онего, и пришед в Палеостровский монастырь, затворися со своими оученики...» [17]. Произошло это, судя по всему, 20 января 1687 г.

Почти сразу же после «запора» *Емельян Иванов* с отрядом «ревнителей» совершил вылазку и обратил в бегство посланных из Олонца «гонителей», которые укрылись в Кижском погосте и послали в Новгород сообщение о произошедших событиях [18]. Уже 2 февраля новгородский митрополит *Корнилий* писал в Москву, «что в Олонецком уезде, в Палеостровском монастыре, поселились жить воры и церковные раскольники, чернец *Игнашка* да Олонецкого уезду Повенецкого рядку житель *Омелка Иванов*, да Вяжицкого монастыря крестьянин Толвуйскаго погоста *Овдейка Алексеев*, да с ними мужеска и женска полу с тысяча с двести человек, с ружьем, с пушкой и пищалми, и с копья, и з бердыши, а братью того монастыря и служек, работников, бив, пограбя, выгнали вон, а церковную утварь и всякую монастырскую казну и письменные крепости они, воры, оставили у себя» [19]. Вскоре по царскому указу и грамоте от 13 февраля 1687 г. (именно ее содержание приводится в публикуемой нами выписке) из Новгорода в Заонежье был послан крупный (из 350 человек) отряд стрельцов с артиллерией под командованием подполковника *Г. Мишенского* [20].

Узнав о его приближении, *Емельян Иванов*, приведший накануне в «новую Соловецкую обитель» еще одну толпу людей, готовых на смерть, «с пущими своими воровскими советники, забрав денежную монастырскую казну и святых икон оклады, из того монастыря выбежал в лес» [21]. Сделано это было с ведома и по настоянию *Игнатия*, поручившего своему верному ученику продолжить начатое дело. «Пойди, чадо, — якобы говорил он *Емельяну*, — и собери себе другое собрание, возьми

отца *Германа* и в сем же месте вскоре по мне за благочестие с прочими скончашися» [22]. Что же касается оставшихся на острове, то они, «дождався служилых людей и, не допуская себя поимать, запершися в монастырскую церковь и в трапезу, и в трапезе згорели все без остатку» [23]. Случилось это 4 марта 1687 г. Сколько тогда погибло людей в «большом» *Игнатьевом* «корабле» — 1000, 1200, 2000, 2500 или 2700 человек (все эти цифры называют разные источники) — остается только гадать.

Через несколько месяцев в Олонецком уезде произошла еще одна «гарь». 24 июля 1687 г. посылавшийся с церковными грамотами на север, в Лопские погосты, крестьянин *Костка Гяжин* подал в Олонецкой приказной избе словесный извет о том, что в «Паданском погосте и в ыных местах учинился мятеж великой, многие люди по наученью олончанина *Федки Пуллуева* [24] розбрелись и, собрався, построили пристанище от Паданского погоста за 100 за 50 верст в Шуезерском погосте в Березовом наволоке; а учитель-де у них церковному расколу прежний соловецкой выходец старец *Пимен*; а собралось-де в то пристанище с окольных мест и с Поморья людей многое число». Уже 26 июля воевода князь *В.Ф. Долгоруков* и дьяк *И. Уланов* послали «с Олонца голову стрелецкого *Григорья Тяглева* да приказной избы подьячего *Якова Носа* с стрельцами и велели ... тех воров и расколников со всяким радением и прилежанием с понятыми людьми, сыскав, поимать и привести на Олонец в крепостях, пристанище их разорить, сжечь» [25].

Точную дату последовавшего в результате этой акции самосожжения называет старообрядческий Синодик, поминая «на Березове наволоке, во 195 (1687. — *А. Ш.*) году, августа в 9 день, инока *Пимина* и иже с ним *Георгия* и прочих» [26]. «Посланный же с Олонца начальник, — пишет по этому поводу *И. Филиппов*, — едущий к Березову наволоку, с ближних волостей взяв понятых множество и приехав, где отец *Пимин* в собрании, и обступиша храмину около, и начаша приступати крепким приступом ко ограде храминной; изо всего оружия стреляли с великою яростию и гневом, хотяще всех живых взяти и на мучение повести, и, пришедше к стене, и начаша топорами сещи стены. Видев же отец *Пимин* со своими собранными их лютое нападение <...> скончашася огнем <...> благостно, и с ним к другой тысящи несколько народ» [27]. Так причалил к своей последней пристани второй из привидевшихся *Игнатию Соловецкому* кораблей.

В это время *Емельян Иванов* скрывался со своими сторонниками в убежище на речке Рязани, «промеж Чолмужского погоста и Повенецкого рядку на лесу в пустых местах, от озера Онега в верстах в тридцати» [28]. По ироничному замечанию обличителя самосожженцев инока *Евфросина*, он «жил в пустыни, якож некий воевода, окружаем полками: жен толпы и девичестии лицы, яко галицы и горлицы, на смерть паряху» [29]. Согласно завещанию *Игнатия*, в пустынь на Рязань перебрался и будущий «кормчий» третьего «корабля» из *Игнатьего* видения — старец *Герман Коровка*. Подготовка к очередному акту мистерии шла полным ходом: «вор и раскольник *Емелька* с товарищи ево из своих воровских станов из лесу в <...> Шунгский и Толвуйской и Чолмужской погосты и на Повенецкий рядок выходили, и многие тех мест жилецкие люди ему, вору, и товарищам ево стан давали, и в погостах у себя такому воровству завестися норовили» [30].

Местные светские и церковные власти, и прежде всего старцы возрожденного после произошедшего здесь первого самосожжения Палеостровского монастыря, чрезвычайно обеспокоенные деятельностью «пустынников», всячески старались привлечь к ней внимание вышестоящего начальства в Олонце и в Новгороде. Наконец летом 1688 г. в Заонежье был послан отряд стрельцов под командованием прапорщика *Аникия Портновского*. Активные действия «гонителей», занявшихся разорением «воровских раскольничьих пристанищ» и розыском их обитателей [31], ускорили развязку: в ночь на 20 сентября 1688 г. *Емельян Иванов* с пятью сотнями своих вооруженных последователей (по другим сведениям, их было «человек с полтораста») вторично овладел Палеостровским монастырем. Захваченные врасплох игумен *Пимен*, десять монахов и три церковных дьячка были брошены в пустой погреб. Остальные старцы и бельцы едва сумели спастись бегством [32].

Осаду «новых Соловков» предполагалось разыгрывать по всем правилам, в связи с чем *Емельян* и его люди «укрепили из монастырского церковного лесу и из старого хоромного строения

острог с немалою крепостью» [33]. После этого они отправились в поход по окрестным селениям с целью собрать в монастыре как можно больше оружия, боеприпасов и «святости» — книг, икон и церковной утвари.

Первым делом *Емельян Иванов* и его товарищи обобрали церковь апостолов *Петра* и *Павла* в Повенце. «Видеша бо страсть от *Игнатьевой* доблести, — замечает по этому поводу инок *Евфросин*, — поповича убиша и старца приложиша». Кроме того, *Емельян* «у своего бо повенчанина, у *Григория Захарова*, тритцать пищалей и пороху взял немало» [34].

Далее «воинство» *Емельяна* ограбило церкви в Толвуйском и Чёлмужском погостах, избив в последнем до полусмерти попа, и разорило «часовню на дороге». То же самое было совершено в селении на Выроозере. Возмущенные этими действиями, местные «селчане нападоша на них. *Емельян* же на утеки». В это время подоспели стрельцы *А. Портновского*, получившего накануне подкрепление из Олонца. «Христови же раби едва ся отбиша и мало инии в водах не утопша», переправляясь на Палье-остров, находившийся в Онежском озере в пяти верстах от берега [35].

После этого началась осада монастыря, сопровождавшаяся перестрелками, неудачным штурмом, переговорами и попытками подкупить *А. Портновского* (если верить старообрядческим источникам, прапорщик оказался чересчур жадным, из-за чего во время одной из переговорных встреч его сначала ранили пулей в ногу, а потом в схватке зарубили бердышем). В ноябре в Заонежье прибыл еще один крупный военный отряд под командованием стрелецкого головы *М. Мордвинова*, после чего был предпринят новый штурм монастыря. Стрельцы под прикрытием возов с соломой шли по льду, в который осажденные в целях дополнительной обороны вморозили косы-горбуши. Во время двухдневного приступа правительственные войска потеряли 20 человек убитыми и более 40 ранеными. 23 ноября 1688 г., после того как монастырские укрепления были взяты, «насмертники», засевшие в церкви, «сами зажгошася <...> и тако тии скончашася боле двою тысяч» (по другим сведениям, в огне погибло 500 или 1500 человек) [36].

Выходя за хронологические рамки нашего обзора, отметим, что между 12 и 17 августа 1693 г. в д. Строкиной Пудожского погоста Олонецкого уезда произошла еще одна крупная «гарь», организованная уже знакомым нам соловецким выходцем *Иосифом Сухим* и унесшая жизнь восьми сотен человек [37]. И это был последний из «кораблей», привидевшихся черному диакону *Игнатию*.

Между тем, не прошло и месяца, как в Заонежье произошло еще одно крупное самосожжение [38]. О его подготовке олонецкому воеводе князю *В.Ф. Долгорукому* стало известно в начале декабря 1688 г. из изветной челобитной попа Колодозерской волости *Киприяна Михайлова*, присланной вместе с отпиской по этому поводу поручиком *Д. Ведриным*, где сообщалось, что еще летом того же года «воры и церковные расколники, каргопольской кузнец *Мишка Кушников* с товарыщи, учинили воровское пристанище и построили расколные избы от Корбозерской волости за Салмозером на лесу за 5 верст, Олонецкого уезду на земли». Поскольку эта территория относилась к Пудожскому погосту, местным старостам было велено в «своих старощеньях собрать многих волостных людей, сколько человек пригоже, с ружьем, и с теми людми в том вышеписанном пристанище тех расколников <...> всех переимав, для розыску и свидетелства прислать на Олонец, а воровское их пристанище разорить — зжечь».

Собрав около 400 человек понятых, старосты во главе с олонецким подьячим *Иваном Черкасовым* отправились за Салмозеро, а уже 19 декабря 1688 г. известили в своей отписке воеводу, «что-де те расколники по их и понятых людей увещеванию повиновения не принесли и во всем учинились упорны. И как-де к тому их воровскому пристанищу стали приступать, чтоб их живых переимать, и они-де, расколники, не допустя их, в том пристанище заперлися и зажглися, и згорели все без остатку. А взять живых никого не могли, потому что-де та их расколная изба высока и велика». Сколько всего погибло людей в этом самосожжении, источники не сообщают.

Еще две «гари», о которых упоминается в публикуемой ниже выписке (лл. 2 и 5), случились в Олонецком уезде в 1689 г. О первой из них, произошедшей «в Тудозерском погосте в вотчине

Футыня монастыря», довольно подробно рассказывается в записке сотника олонецких стрельцов *Никиты Ижорина*, который 28 сентября 1689 г. «с пасацкими и с понятыми людьми, не доезжая Андомского погоста, приехав в Тудозерскую волость Спаса Хутыня монастыря крестьян в деревню Насоновскую для церковных расколников к воровскому собранию, к церковному расколнику к вору к *Васке Алексееву* с товарыщи, ко двору *Степашки Щекина*. И он, вор и церковной расколник *Васка* с товарыщи, по сотники и по стрелцех многажды стреляли, и на уговоры не шли, и блиско своего воровского пристанища не пущали, и после той стрелбы за час до ночи, на денном часу, загорелосе» [39]. Судя по всему, именно об этом случае идет речь в старообрядческом Синодике: «на Тудозери у *Поцелуевых* сожженных за благочестие: *Василия* сожженнаго, *Фотия* и прочих, иже с ними згоревших благочестия ради, 50» [40].

Несколько иную цифру погибших называет инок *Евфросин*, рассказывая о том, как ушел «*Василий* с шестьюдесятьми на тот свет; хоть уже по неволи, да однако спалили малых же и старых кое-как насилу. *Потий* (очевидно, правильно *Фотий*. — *А. Ш.*) своего сына о землю разражал; отрок десяти лет за матерью кричить; мать урвалася из гроба, сын хочет тово же: государь-батюшко, пусти, никак гореть не хочю! да и ушол было любезной, да отец постиг ненавистной <...> поймав беднова отрока и мучить до смерти: не пущу тебе, рече, но с собою сожгу! жена же и мати умь погубила, плакала и рыдала и день и ночь не спала по бешеном мужи и непорочном сыну; престарелых же вдов и недорослых дев — иных обманули, а иных притянули, да всех сожог *Василей*, волных и неволных, — немного же волных, боле ж неволных, да волные, что неволные: понеже суть прелщени» [41].

Достоверность приводимой в Синодике и в обличительном трактате инока *Евфросина* цифры погибших (50-60 человек) косвенно подтверждается данными стрелецкого сотника *Н. Ижорина*, переписавшего по горячим следам «животы» сгоревших раскольников. Всего в его опись попали владельцы 14 дворов из 5 окрестных деревень. Вот их имена: д. Насоновская — *Васька Алексеев*, его брат *Фотейка Алексеев* (именно о нем, как о жестокосердном отце, рассказывает *Евфросин*), *Петрушка Кирилов*, *Сенька Левонтиев*, *Петрушка Сидоров*, *Алешка Андреев*, братья *Фролко* и *Ивашко Федоровы*, жившие в одном дворе [42], *Дмитрейка Васильев* и *Евсейко Васильев*, также, судя по всему, являвшиеся братьями [43]; д. Устинская — *Бориско Харитонов*, *Германко Иванов*; д. Тарасовская — *Павелка Григорьев*; д. Ермаковская — *Патрашка Иванов* [44].

Вторую «гарь», о которой говорится в публикуемой нами выписке, определить сложнее. Исходя из того, что названный здесь подьячий Олонецкой приказной избы *Иван Меккелев* посылался с отрядом стрельцов для поимки раскольников «в Лопской Селецкой погост, в Пужамагубскую волость», следует обратить внимание на имеющееся в старообрядческом Синодике поминание «*Филиппа* и иже с ним *Андрея*, *Феодора*, и прочих 280», принявших огненную смерть «на Совдозери» [45]. Дело в том, что это место на севере Карелии также находилось на землях, относившихся к Спасскому Селецкому погосту. *И. Филиппов* уточняет, что «в той же Кореле, в селе Совдозерском, *Филип Мелгин*, муж благ и писания ведущий <...> во своих хоромах, при нашествии гонителей», вместе со своими последователями в количестве 280 человек «за древлецекровное благочестие огнем скончашася» [46]. Разногласия Синодика и *И. Филиппова* в количестве погибших с данными выписки (здесь приводится иная цифра — «человек с полтораста»), не должны нас смущать: документальные сведения и известия памятников старообрядческой письменности, восходящие к устной традиции, расходятся в этом вопросе довольно часто.

Поскольку публикуемая нами выписка была составлена в Новгородском приказе в конце 1689 или в начале 1690 г., то, соответственно, Совдозерская (Пужамагубская) «гарь» произошла не позднее этого времени. В связи с этим необходимо отметить следующее обстоятельство. Еще в конце лета 1689 г. в Лопские погосты был послан уже знакомый нам подьячий *И.В. Меккелев*, имевший задание «доправить» с их населения недоимки по денежным и хлебным сборам. В это время многие местные жители находились в отъезде, занимаясь пашней либо делая запасы на зиму. Как жаловался по этому поводу в сентябре того же года мирской челобитчик *Иван Долгой*, «живем мы <...> меж озерами и

щельями и зыбучими болотами <...> а питаемся сосновою корою и травою вакхою, и приходить ныне к домишкам своим до зимней пути нельзе. А он, подьячей *Иван*, на наших сиротцких женишках те денежные доходы и хлебные запасы правит великим немерным смертным правежом» [47].

Судя по контексту документа, *И.В. Меккелев* вернулся в Олонец не ранее начала октября 1689 г. (после 23 сентября ему была послана память с предписанием доставить в уездный центр собранные деньги). Следовательно, возглавить военную экспедицию к раскольническому «пристанищу» в Пужамагубскую волость Селецкого погоста он мог не ранее этого времени. Скорее всего, «гарь» здесь произошла в конце осени или в начале зимы 1689 г.

Помещенные ниже документы публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Считаем своим долгом выразить искреннюю признательность *А.В. Полетаеву* за помощь в подготовке настоящей публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. VI–XVII; *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 386–387; *Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 188–198; *Она же.* О новгородских художниках второй половины XVII в. (по архивным источникам) // Феодализм в России. М., 1997. С. 290–297; *Она же.* Каргополь в новгородском движении раскола // Старообрядческая культура Русского Севера: Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. М.; Каргополь, 1998 С. 32–34.
2. *Барсов Е.В.* Судные процессы в XVII–XVIII вв. по делам церкви. Отписка псковского воеводы боярина *Б. Шереметева* о псковских раскольниках *Ивашке Меркульеве* да *Мартине Кузьмине* и пыточные речи их, 1683 г. // ЧОИДР. М., 1882. Кн. 3. С. 17–18; *Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение ... Прил. II. С. 227–242.
3. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы... С. XVII–XIX, XXVI, LXXX, LXXXV, LXXXIII–LXXXIX; *Он же.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909; *Понырко Н.В. Феодосий Васильев* // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т-Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 142–146.
4. *Аракчеев В.А.* Псковский край в XV–XVII веках: Общество и государство. СПб., 2003. С. 235–275. Об отголосках в Пскове стрелецкого восстания в Москве в 1682 г. см.: Там же. С. 300–303.
5. *Пыпин А.Н.* Сводный старообрядческий Синодик (ПДП. Вып. 44). СПб., 1883. С. 24, 52; *Русинов В.Н.* Старообрядческие синодики из собрания рукописей и старопечатных книг Нижегородского государственного университета // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Нижний Новгород, 1997. С. 138, 154.
6. *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 60.
7. *Понырко Н.В. Кирилло-Епифаниевский* житийный цикл и житийная традиция в выговской литературной школе // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 154–169; *Она же.* Житие *Корнилия Сунарецкого* (или *Виданского*) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.) Ч. 1: А-З. СПб., 1992. С. 366–368.
8. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы... С. CVIII.
9. Отразительное писание о новоизберетенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный трактат против самосожжений 1691 года / Сообщ. *Хр. Лопарева* (ПДП. Т. 108). СПб., 1895. С. 054–055.
10. *Катаяла. К.* Дымом в Царствие Небесное: самоможжения староверов в Шведской Карелии в конце XVII в. // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб., 2003. С. 33–34.

11. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы... С. XI, 016–018, 045–047; *Бубнов Н.Ю. Игнатий* // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч.2: И–О. СПб., 1993. С. 24–26; *Бубнов Н.Ю., Чумичева О.В.* Дьякон *Игнатий Соловецкий*: жизнь и сочинения // Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998. С. 11–38 (здесь же на с. 39–189 опубликован весь корпус сочинений *Игнатия*, а также помещены известия старообрядческих писателей о нем).
12. Памятники старообрядческой письменности. С. 80.
13. *Филиппов И.* История... С. 86; *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы... С. XI; *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество... С. 454.
14. Подробно о них см.: *Юхименко Е.М.* Сведения о соловецких выходцах в «Истории о отцах и страдальцах соловецких» *Семена Денисова* // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Ч. 2. М., 1993. С. 271–271.
15. *Филиппов И.* История... С. 45–46.
16. Карельская деревня в XVII веке: Сб. док. / Сост. *Р.Б. Мюллер*. Петрозаводск, 1941. С. 318.
17. *Филиппов И.* История... С. 37–38.
18. Там же. С. 38.
19. *Барсов Е.В* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 1. С. 188.
20. РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2868. Лл. 1–3; АИ. Т. 5. СПб., 1842. С. 253; *Филиппов И.* История... С. 38.
21. Карельская деревня... С. 318.
22. *Филиппов И.* История... С. 43.
23. Карельская деревня... С. 318.
24. Не исключено, что названный здесь *Федка Пуллуев* и уже упоминавшийся выше *Нефпо Пуллонен*, ушедший незадолго до трагедии в Березовом наволоке за шведский рубеж, — это одно и то же лицо.
25. Карельская деревня... С. 262–263.
26. *Пыпин А.Н.* Сводный старообрядческий Синодик. С. 24, 36–37, 51.
27. *Филиппов И.* История... С. 31.
28. Там же. С. 98; АИ. Т. 5. С. 254.
29. Отразительное писание... С. 28.
30. Карельская деревня... С. 318; *Филиппов И.* История... С. 47.
31. АИ. Т. 5. С. 255–256; *Филиппов И.* История... С. 47–53.
32. АИ. Т. 5. С. 260; *Барсов Е.В.* Палеостров... С. 159–160; Отразительное писание... С. 28.
33. Карельская деревня... С. 319.
34. Отразительное писание... С. 28.
35. Там же. С. 29–30.
36. Там же. С. 30–32. См. также: *Филиппов И.* История... С. 53–59; АИ. Т. 5. С. 258–260; *Барсов Е.В.* Палеостров... С. 159–160, 188–189; Карельская деревня... С. 319.
37. АИ. Т. 5. С. 378–394. Согласно сообщению *И. Филиппова*, во время прений с «гонителями» *Иосиф Сухой*, вышедший «на хоромы на кровлю», был застрелен из мушкета (*Филиппов И.* История... С. 62–63).
38. О нем неоднократно говорится в деле 1691–1692 гг. по изветной челобитной крестьянина Пудожского погоста Олонецкого уезда *Макарки Поликарпова*, обвинявшего местных старост и крестьян в том, что они «роскольщиков сожгли» и завладели их «животами»: РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Док. 1412. Лл. 35–53, 2–31, 33, 32, 34 об. (при архивной нумерации перепутана последовательность текстов). См. также упоминание о «пристанище», где произошло это самосожжение, в челобитной 1691 г. крестьян

Тита и *Василия Ивановых*, обвиненных попом колодозерской церкви Рождества Богородицы *Киприяном Михайловым* в соучастии и пособничестве расколу (Карельская деревня... С. 281).

39. Карельская деревня... С. 267–268.
40. *Пыпин А.Н.* Сводный старообрядческий Синодик. С. 37.
41. Отразительное писание... С. 67.
42. Очевидно, названный в публикуемой нами выписке *Никитка Федоров* был их младшим братом.
43. Очевидно, названный в публикуемой нами выписке *Ивашка Евсевьев* приходился сыном *Евсевию Васильеву*. Не исключено также, что *Дмитрейко* (в выписке — *Митрошка*) и *Евсейко Васильевы* были сыновьями главного организатора «гари» *Василия Алексеева* и носили фамилию *Поцелуевых* (вспомним в связи с этим указание Синодика). Если это так, то вполне можно допустить, что *Евсейка Поцелуев*, живший в тех же местах (о нем говорится в выписке на лл. 1–2), и сгоревший *Евсейка Васильев* — это одно и то же лицо.
44. Карельская деревня... С. 268–269.
45. *Пыпин А.Н.* Сводный старообрядческий Синодик. С. 25, 52; *Русинов В.Н.* Старообрядческие синодики.... С. 138, 154.
46. *Филиппов И.* История... С. 61.
47. Карельская деревня... С. 266–267.

* * *

(1) *1688 г., февраля 2.* — Известные речи, записанные в Новгородской приказной палате со слов крестьянина *М. Аникиева*, о «проведанных» им раскольниках.

(л. 5) 196-го (1688), февраля в 2 день, в Великом Новегороде в приказной полате перед боярином и воеводою перед князем *Петром Прозоровским* с товарыщи Псковского пригорода Выборского уезду Котелинской губы деревни Олисова великих государей дворцовой крестьянин *Мишка Аникиев*, которой в нынешнем во 196-м (1688) году прислан в приказную полату из Софейского дому с пис[ь]мом для указыванья раскол[ь]ницких станов, сказал: в нынешнем во 196-м (1687) году, перед Филиповыми заговейны, ходил он, *Мишка*, за пол[ь]ской рубеж в Невел[ь]ской уезд, в *Каменского* шляхты маетность, и в Пусторжевской уезд для проведыванья раскол[ь]ников, а проведав бы, про них известить. И в Пусторжевском-де уезде, подле села Цвены *Михаила Горяинова*, от того села в дву[х] верстах, в лесу на дороге, нашол он, *Мишка*, псковитина, *Богданова* крестьянина *Перетрутова Фет[ь]ку* кузнеца с сыном *Ивашком*, да Старорус[с]кого уезду, *Акакейком* зовут, а какова чину он, *Акакейко*, того он, *Мишка*, не ведает, а [1] назывался[1] он, *Акакейко*, попом. А идут-де они в раскол[ь]ницкие станы на Городню и на Дереву реку. И говорили ему, *Мишке*, они, *Акакейко* и *Фет[ь]ка*: по розным-де пустыням в расколе многие люди, и чтоб-де им прельстить к раскол[ь]ству псковских стрел[ь]цов. А как-де они псковских стрел[ь]цов к раскол[ь]ству прельстят, тогда-де и весь Псков с ними будет. И иных городов в то время они боятьца не будут, и город-де Пустую Ржеву и уезд также хотят прел[ь]стить к раскол[ь]ству. И по реке-де Дереве во многих местех он, *Мишка*, раскол[ь]ницкие станы ведает. И чтоб великие государи пожаловали ево, *Мишку*, велели из Великого Новагорода послать ево к Москве. А кроме зимнего пути летним путем за болоты и за водами раскол[ь]ников искать не мочно.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2996. Л. 5. Подлинник.

1-1 В документе написано — «назывался», исправлено по смыслу.

Записи и пометы:

1. на л. 5 об. начало рукоприкладства: «К сему извету вместо *Мишки Аникиева* площадной подьячей *Ивашко Баранов* руку» (XVII в.).

2. на л. 5, внизу, под текстом, окончание рукоприкладства: «приложил» (XVII в.).

(2) *1688 г., февраля 5.* — Отписка царям *Ивану и Петру Алексеевичам* и царевне *Софье Алексеевне* новгородского воеводы князя *П.С. Прозоровского* «с товарыщи» о словесном извете на церковных раскольников крестьянина *М. Аникиева* и о посылке последнего вместе с его изветом из Новгорода в Москву.

(л. 4) Великим государем царем и великим князем *Иоанну Алексеевичю*, *Петру Алексеевичю*, и великой государыни благоверной царевне и великой княжне *Софии Алексеевне*, всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержцем, холопи ваши *Петрушко Прозоровской* с товарыщи челом бьют.

В нынешнем во 196-м (1688) году, февраля в 2 день, в Великом Новегороде в приказной полате перед нами, холопи вашими, Пъсковского пригорода Выборского уезду Котелинской губы деревни Олисова дворцовой крестьянин *Мишка Аникиев* извещал словесно о раскол[ь]никах, и мы, холопи ваши, велели тот ево извет записать. А что он, *Мишка*, сказал — тот ево извет за рукою и ево, *Мишку*, к вам, великим государем царем и великим князем *Иоанну Алексеевичю*, *Петру Алексеевичю*, и великой государыни благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне, всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержцем, к Москве послали мы, холопи ваши, с новгородцкими стрел[ь]цами с *Никифорком Васильевым* да с *Тихашком Максимовым* февраля в 5 день. И велели им явит[ь]ца и отписку подать, и ево, *Мишку*, объявить в Новгородцком приказе вашие великих государей Царственные Бол[ь]шие печати и Государьственных Великих Посольских дел оберегателю, ближнему боярину и наместнику Новгородцкому князю *Василью Васильевичю* да боярину князю *Алексею Васильевичю Голицыным* с товарыщи.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2996. Л. 4. Подлинник. Датирован по содержанию.

Записи и пометы:

1. на л. 4 об. адрес: «Великим государем царем и великим князем *Иоанну Алексеевичю*, *Петру Алексеевичю*, и великой государыни благоверной царевне и великой княжне *Софии Алексеевне*, всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержцем» (XVII в.).

2. на л. 4 об.: «В Новгородцкой приказ» (XVII в.).

3. на л. 4 об.: «196-го (1688), февраля в 11 день» (XVII в.).

4. на л. 4 об.: «196-го (1688), февраля в 13 день, *Мишку* принять и рос[с]просить» (XVII в.).

(3) *1688 г., не ранее 13 февраля — не позднее 20 февраля.* — Расспросные речи, записанные со слов крестьянина *М. Аникиева* в Новгородском приказе.

(л. 6) И против сей отписки присланной *Мишка Аникиев* в Новгородцком приказе рос[с]прашиван. А в рос[с]просе сказал: в прошлом во 195-м (1687) году, перед Николаевым днем вешним, а в котором месяце и числе — того сказать не упомнит, сказывали ему, *Мишке*, Псковского пригорода Выборского уезду Снятогорского монастыря деревни Сулуевы крестьянин *Ануфрейко Григорьев* да деревни Сергина *Наумко*, а чей сын — не знает, что-де крестьянин *Якова Алексеева* сына *Татищева*

Выборского ж уезду деревни Лушновы [1]*Игнашко*[1] *Микифоров* сын *Медник* приходил в тое деревню Сергино и подговорил сестру свою родную, вдову *Оринку Микифорову* дочь, в раскол. И их-де, *Анофрейка* и *Наумка*, он, *Микишко*, в раскол подговаривал же, чтоб итти им к раскол[ь]ником ж в станы за пол[ь]ской рубеж и в Пустую Ржеву. И они-де, *Анофрейка* и *Наумка*, с ним, *Микишкою*, в раскол не пошли. И по тем-де их словам он, *Мишка*, ходил искать ево, *Микишку*, чтоб ево от расколу унять, потому что-де тот *Микишка* ему, *Мишке*, назван[н]ой брат. И как-де он пришел за пол[ь]ской рубеж в Невльской уезд, в маетность урядника *Каменского*, в деревню Алушково, и в той-де деревне нашел он раскол[ь]ников — рус[с]ких людей мужеска полу и женска // (л. 7) человек с пят[ь]десят, со многим ружьем и со всяким харчевным многим запасом. И он, *Мишка*, стал их спрашивать: для чего они таким собранием ходят? И они-де ему сказали, что они вышли из рус[с]кой стороны от веры — что-де стала вера новая. И иные-де многие поносные речи на Церковь Божию и на патриарха, и на весь священнической чин говорили. И он-де, *Мишка*, стал у них спрашивать про того *Микишку Медника*. И они-де ему сказали: будет-де ты с нами в нашей вере и собрании будешь, и мы тебе про того *Микишку* скажем. И давали ему на прокормление денег и хлеба. И он-де, боясь того, чтоб тем ево не прел[ь]стили, денег у них не взял, а хлеб, взяв, отшед от них, бросил в болото. И стали-де ему, *Мишке*, грозить: будет-де ты с нами не будеш[ь], и они ево смерти предадут. И он-де, убоясь смерти, дал им веру, что быть к ним в ыное время совсем на житье. И те-де раскол[ь]щики, слыша от него, что им веру дал, что быть к ним, стали ему сказывать всее свою правду. Один сказался Старорус[с]кого уезду, *Акакейком* зовут, а чей крестьянин — того-де он не сказал. А ныне он, *Акакейко*, у раскол[ь]щиков попом, и хто к ним в раскол придет, и он-де тех людей перекрещивает и просвиры им дает, и тем тех людей // (л. 8) прел[ь]щает. А два-де человека сказались ему Псковского уезду крестьяня *Богдана Перетрутова*, *Фед[ь]кою* зовут, с сыном *Ивашком*, кузнецы. И говорили ему, чтоб им прел[ь]стить к расколу псковских стрел[ь]цов, а потом-де число сказали, что нихто у них тех стрел[ь]цов еще не прел[ь]щен. А как тех стрел[ь]цов прел[ь]стят, и в то-де число они боят[ь]ца никого не будут и станут жить во Пскове. И Пустой Ржевы всяких чинов людей они хотели также ко псковским стрел[ь]цом прел[ь]стить. И он, *Мишка*, памятуя Бога и православное християнство, и крестное целованье, пошел от них из-за рубежа в Великий Новгород, чтоб про тех раскол[ь]щиков известить. И идучи-де по дороге, в Пусторжевском уезде на лесу, за рекою за Евенею, прошед село Евень *Михаила Горяинова*, нашел на тех же вышеписанных раскол[ь]щиков — *Акакейка* и *Фед[ь]ку* с сыном. Да еще с ними шли четыре человека, а какова чину — и они-де про них не сказали. А шли-де те раскол[ь]щики з бердышами и с кольями, да с пищалью. И стали-де они ево, *Мишку*, спрашивать: куды идет? И он-де, *Мишка*, сказал им, что идет к ним в раскол. А они-де сказали ему, что идут к своей братье в станы многие по пустыням и по жилым деревням. И говорили прежние ж свои речи, чтоб им к расколу прел[ь]стить Псков и Пустую Ржеву. А сказали-де // (л. 9) ему, что у них станы в Новгороцком уезде в Шелонской пятине по реке Деревье в лесах, да по реке по Городне, да по реке по Шелоне во многих местех, да в Зеленом острову, да в Старорус[с]ком уезде в дворцовой деревне Новинке, да Иверского монастыря в деревне Смольеве, да в Новгороцком же уезде в Воцкой пятине в Ыльинском погосте, в деревне Есве, да в деревне Раской Волже, да в деревне Перпутку, да в деревне Рамце, да в деревне Тухане, да в деревне Равыне, да в деревне Бору, да в деревне Бабине. А сказали-де ему, что в том погосте их многое число живет, потому что блиско свейского рубежа, и будет-де по них какая посылка, и они-де станут уходить за свейской рубеж. А за свейским-де рубежем их многое ж число. И отстав-де он, *Мишка*, на дороге от тех раскол[ь]ников, пришед в Великий Новгород, подал изветную челобитную боярину и воеводе *Петру Васильевичю Шереметеву*. И боярин-де и воевода *Петр Васильевичь* против того ево изветного челобитья в приказной полате рос[с]прашивал, а рос[с]прося, послал ево того ж числа, одного, к преосвященному *Корнилию* митрополиту с челобитною жь. И он-де, *Мишка*,

[1-1] Здесь, очевидно, описка, поскольку далее в документе этот человек называется *Микишкой*.

тое известную челобитную подал в ево митрополье приказе дворецкому ево *Тимофею Тяпол* // (л. 10) *кову да дьяку Григорью Лутохину*. И они-де, *Тимофей* и *Григорей*, по той ево челобитной преосвященного *Корнилия* митрополита не докладывали и держали ево в приказе три дни. И он-де, *Мишка*, отпросясь у сторожа, бил челом преосвященному митрополиту — извещал про тех раскол[ь]щиков сам. И преосвященный-де митрополит, выслушав ево извету, приказал им же, *Тимофею* и *Григорью*, послать в приказную полату к боярину и воеводе к *Петру Васильевичю*, чтоб с ним, *Мишкою*, в те вышеписанные места по раскол[ь]щиков послать стрел[ь]цов. И они-де, *Тимофей* и *Григорей*, тое память отпустили в приказную полату после ево извету спустя недели з две. И против-де той памяти боярин и воевода *Петр Васильевичь* послал с ним, *Мишкою*, по тех раскол[ь]щиков стол[ь]ника и полковника *Иванова* полку *Ушакова* капитана *Ивана Янышева* да пят[ь]десят человек стрел[ь]цов. И они-де, *Мишка* с капитаном и с стрел[ь]цами, ездили, и в Шелонской пятине на реке на Шелоне в лесу нашли двенатцать изб раскол[ь]ницких. И те-де раскол[ь]ники с ними бились из ружья и розбежались все врозь, тол[ь]ко-де поимали // (л. 11) дву[х] человек — девку да парня. Да у тех же-де раскол[ь]щиков отбили четыре лошади. А которой-де борошен и платье в тех избах было, и то все взяли они, капитан и стрел[ь]цы, а куды дели — того он, *Мишка*, не ведает. А бол[ь]ше-де того в ыные места по раскол[ь]щиков тот капитан с ним, *Мишкою*, никуды не поехал. А тех-де взятых дву[х] человек привезли в Великий Новгород в приказную полату. И после-де того извещал он, *Мишка*, про тех же раскол[ь]щиков вдругоряд преосвященному ж митрополиту, что они живут по розным местам. И против-де ево извету и по памяти из митрополья приказу боярин и воевода князь *Петр Семеновичь Прозоровской* посылал с ним, *Мишкою*, для тех раскол[ь]щиков новгородца *Саву Путилова* да стрел[ь]цов дватцать человек. И с ним-де, *Савою*, и с стрел[ь]цами в Новгороцком и в Старорус[с]ком уездех в розных деревнях и по лесам переимали они раскол[ь]щиков шездесят три человека и, переимав, привезли в Великий же Новгород в приказную полату. И боярин-де и воевода князь *Петр Семеновичь* послал ево, Мишку, к Москве с провожатыми — с новгороцкими стрел[ь]цами с *Микишкою Васильевым* да с *Тишкою Федоровым*, чтоб про тех раскол[ь]щиков известить ему, *Мишке*, // (л. 12) на Москве. А в Новгородцкой ж-де уезд, в Ыльинской погост и в вышеписанные деревни, и во Ржевской уезд, да в Луцкой уезд, в дворцовую волость Везовщину, по раскол[ь]щиков из Новагорода посылки еще не было. А будет-де укажут великие государи в те вышеписанные места по тех раскол[ь]щиков ково послать, и в те-де места надобно послать в нынешнее зимнее время, потому что-де те места за мхами и за болотами, и за озеры, и за реками, по островам.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2996. Лл. 6–12. Подлинник. Датирован по документам №№ 2, 5.

Записи и пометы:

1. на л. 12, под текстом: «Да он же, *Мишка*, великим государем бил челом, чтоб тех раскол[ь]щиков и иных крестьян в бол[ь]шой раскол не допустить и для поимки тех раскол[ь]щиков послать тайным обычаем, чтоб они не пожглись и за рубеж не розбежались. А тех-де воров и раскол[ь]щиков мочно поимать и малыми люд[ь]ми, чтоб от бол[ь]ших посылок сторонним иным крестьяном разоренья не было» (XVII в.).

(4) *1688 г., не ранее 13 февраля — не позднее 20 февраля.* — Указ царей *Ивана* и *Петра Алексеевичей* и царевны *Софьи Алексеевны* с «боярским приговором» о посылке грамот в Новгород по поводу принятия мер против раскольников.

(л. 13) 196-го (1688), февраля в[1] день, великие государи цари и великие князи *Иоанн Алексеевичь*, *Петр Алексеевичь*, и великая государыня благоверная царевна и великая княжна *София*

[1] Далее в документе оставлено место для числа.

Алексеевна, всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержцы, слушав сей отписки и допросных речей, указали и бояра приговорили: послать свои великих государей грамоты в Великий Новгород к боярину и воеводе ко князю *Петру Семеновичю Прозоровскому* с товарыщи и к преосвященному *Корнилию*, митрополиту Новгородцкому и Великолуцкому, чтоб преосвященный митрополит послал от себя к раскол[ь]ником, где они живут, в села и в деревни, и в слободы, иеромонахов или священников, в Божественном писании искусных, и велеть им тех раскол[ь]ников уговаривать, чтоб они от тое прелести престали и во всем Церкви Божии принесли повиновение. А буде они по тому тех иеромонахов или священников увещеванию от той ереси и расколу своего не престанут и Церкви Божии во всем повиновения не принесут, и боярину и воеводе князю *Петру* // (л. 14) *Семеновичю* послать из Великого Новагорода в те места, где те раскол[ь]ники живут, капитана, да с ним стрел[ь]цов, скол[ь]ко человек пристойно, и велеть тех раскол[ь]ников переимать и привести в Великий Новгород, а станы их, буде[т] они живут в лесах, разорить. А тому капитану и стрел[ь]цом приказать, чтоб они пришли к тем вором в станы тайным обычаем, чтоб они, уведав о их приходе, в станех во дворех своих или в избах не заперлись и не пожглись или б за пол[ь]ской и свейской рубежи не розбежались. Да капитану ж и стрел[ь]цом приказать под смертною казнью, чтоб они в селех и в деревнях, и в волостях правым крестьяном никому грабежу и разорения никакова не чинили и по тому ж бы грабежем и приметками, и страхованием напрасным за рубежь их не розогнали. А для указыванья тех раскол[ь]ничьих станов послать с тем капитаном изветчика *Мишку Аникиева*. А как те раскол[ь]ники в Великий Новгород // (л. 15) привезены будут, и боярину и воеводе князю *Петру Семеновичю* рос[с]прашивать их и розыскивать об них, и чинить им указ по прежним их великих государей указом, каковы о том указы в Великий Новгород посланы наперед сего, да о том к великим государем писать. А скол[ь]ко человек ныне в приводе в Великий Новгород раскол[ь]ников, и с которых мест приведены, и какой их раскол и противность Церкви Божии, и каков им учинен указ — и о том по тому ж к ним, великим государем, писать.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2996. Лл. 13–15. Подлинник. Датирован по документам №№ 2, 5.

Записи и пометы:

1. на л. 15, под текстом: «Емельян Украинцев» (XVII в.).

(5) *1688 г., февраля 20.* — Память из Новгородского приказа в Ямской приказ о выдаче ямских подвод крестьянину *М. Аникиеву* для его поездки в Новгород.

(л. 3) Лета 7196-го (1688), февраля в 20 день, по указу великих государей царей и великих князей *Иоанна Алексеевича*, *Петра Алексеевича*, и велик[ой][1] государыни и благоверные царевны и великия княжны *Софии Алексеевны*, всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержцев, боярину *Григорью Никифорович[ю][2] Собакину* с товарыщи. Великие государи цари и великие князи *Иоанн Алексеевичь*, *Петр Алексеевичь*, и великая государыня благоверная царевна и великая княжна *София Алексеевна*, всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержцы, указали Псковского уезду дворцовому крестьянину *Мишке Аникиеву* от Москвы до Великого Новагорода [3]дать[3] подводы ямские. И по указу великих государей[4] боярину *Григорью Микифоровичю Собакину* с товарыщи учинить о том по указу великих государей.

---

1 Утрата текста, восстановлено по смыслу.

2 Утрата текста, восстановлено по смыслу.

3-3 В документе написано — «дять», исправлено по смыслу.

4 Далее в документе специальным значком помечено, что в чистовом тексте памяти должны быть написаны полные титулы государей.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2996. Л. 3. Черновой отпуск.

Записи и пометы:

1. на л. 3, под текстом: «Припись дьяка *Василья Бобинина*» (XVII в.).
2. на л. 3, под текстом: «От нас в Ямской приказ он, *Мишка*, взят» (XVII в.).

(6) *1689/1690 г., не ранее 21 декабря 1689 г.* — Выписка в доклад царям *Ивану* и *Петру Алексеевичам* об олонецких раскольниках, составленная в Новгородском приказе.

(л. 1) В доклад.

В прошлом во 197-м (1689) году, маия в[1] день, к великим государем царем и великим князем *Иоанну Алексеевичю*, *Петру Алексеевичю*, всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержцем, писали с Олонца думной дворянин и воевода *Иван Богдановичь Ловчиков* да дьяк *Иван Иванов*. А в отписке их написано:

Генваря в 4 день того ж прошлого 197-го (1689) году поиманы на лесу, в воровских раскол[ь]нических пристанищах, и приведены на Олонец в приказную избу и рос[с]прашиваны церковные раскол[ь]ники Олонецкого уезду Важеского погоста *Микитка Федоров да Елизарко Яковлев*. А в рос[с]просе они, *Микитка* и *Елизарко*, на Церковь Божию многую хулу износили. И после-де того, по увещанию, били челом великим государем они, *Микитка* и *Елизарко*, а на Олонце в приказной избе подали им [2]повинные челобитные[2] за руками с клятвою своею, что впредь им расколу никакова не иметь и с раскол[ь]ники не знатца. И они-де их, *Микитку* и *Елизарка*, велели держать за караулом. И после-де того *Елизарко Яковлев* в Церковь Божию приходить стал необленно и стоит в Церкви Божии со всяким подобострастием и благочинием, и противности в нем, *Елизарке*, не являетца, и иных-де раскол[ь]ников, которые на Олонце в приводе, он, Елизарко, уговаривает и от той богомерской ереси отвращает.

Да в прошлом же-де во 197-м (1689) году, апреля в[3] день, по извету Олонецкого уезда Андомского погоста крестьянина *Трошки Алексеева* взят на Олонец в приказную избу крестьянин *Евсейко Поцелуев* и рос[с]прашиван, и пытан в сеченом кресте. А в рос[с]просе и с пытки он, *Евсейко*, сказал: в сентябре-де месяце сын ево, *Евсейков*, *Ганка*, вышед из дому своего, был в Губе и, взяв с собою живот, истерял, и, бродя недолгое время, пришел в дом. И он-де, *Евсейко* ...[4] у *Ганки* крест // (л. 2) медной, которой был на вороте, сняв и положа на избной мост, топором розсек, рняся на него, *Ганку*, за то, что он, будучи в Губе, знался с раскол[ь]никами и серебряной крест променил на тот медной крест церковным раскол[ь]ником, и за ним-де, *Ганкою*, церковной раскол есть. И тот-де *Евсейко* до их великих государей указу посажен в тюр[ь]му. А сын-де ево, *Евсейков*, *Ганка*, не сыскан для того, что бежал.

И о том-де *Евсейке* и о вышеписанных раскол[ь]никах, о *Микитке* и о *Елизарке*, велети б им указ учинить.

Да в нынешнем во 198-м (1689) году, декабря в 21 день, к великим государем писали с Олонца они ж, думной дворянин и воевода и дьяк: в Олонецком-де уезде в Тудозерском погосте в вотчине [5]Футыня[5] монастыря згорели церковные раскол[ь]ники *Вас[ь]ка Алексеев*, *Ивашко Евсевьев*, *Микитка Федоров*, *Митрошка Васильев* з братьями и с товарыщи, а скол[ь]ко человек — про то

---

[1] Далее в документе оставлено место для числа.

[2-2] В документе исправлено из: «повинную челобитную».

[3] Далее в документе оставлено место для числа.

[4] Утрата текста.

[5-5] Здесь и далее так написано в документе; речь идет о Новгородском Хутынском монастыре.

неведомо. И после-де тех раскол[ь]ников животы и платье, и хлеб, и скот их велели они, переписав, продать, а ден[ь]ги прислать на Олонец вь их великих государей казну олончанину посадцкому человеку *Сен[ь]ке Дьякову*. И тот-де *Сен[ь]ка* писал к ним на Олонец, что-де Футьня монастыря стрятчей *Ефимка Тимофеев* тех раскол[ь]ницких животов и платья, и хлеба, и скота, оценя, продать не дал и во всем отказал. И о том бы им велеть указ учинить.

// (л. 3) А для увещевания тех церковных раскол[ь]ников, которые в воровских своих пристанищах прежде сего заседали, по имянному великих государей указу и по грамотам из Новгородцкого приказу велено посылать, и посыланы были из монастырей архимандриты и с Олонца протопоп з братиею, и из Великого Новагорода подполковники, и с Олонца начал[ь]ные люди и сотники стрелецкие, и подьячие с стрел[ь]цами и с понятыми люд[ь]ми многожды. И велено тех раскол[ь]ников в тех их воровских пристанищах уговаривать со всяким увещеванием от Божественнаго Писания, чтоб они от той своей богомерской прелести престали и принесли Святей Соборной и Апостол[ь]стей Церкви и им, великим государем, повиновение с чистым намерянием, и ис тех своих пристаниц вышли и в винах своих великим государем добили челом. А того смотреть и беречь велено накрепко, чтоб те раскол[ь]ники в тех своих пристанищах не зажглися или не ушли. А буде[т] те раскол[ь]ники того увещания не послушают и в той своей богомерской ереси станут стоять упорно, и ис тех своих пристаниц не выдут, и по последней мере велено над ними чинить промысл, чтоб тех воров переимать и зажетца их не допустить.

И в прошлом во 195-м (1687) году, февраля в 13 день, по указу великих государей и по помете на отписке дьяка *Прокофья Возницына*, послана великих государей грамота в Великий Новгород к боярину и воеводе к *Петру Васильевичю Шереметеву* с товарыщи. Велено послать с начал[ь]ным человеком, или из дворян, кого пригож, человек с 300 или бол[ь]ши стрел[ь]цов в Олонецкой уезд к Палеостровскому монастырю и церковных раскол[ь]ников, //(л.4) которые засели в том Палеостровском монастыре, велено уговаривать, чтоб они от злаго своего начинания престали и Церкви Божии принесли повиновение, и ис того монастыря вышли, и в винах своих им, великим государем, добили челом. И будет те воры принесут повиновение, и об них учинить по прежним великих государей указом и по грамотам, как таким по их повиновению чинить велено. А завотчиков их и учителей тому богопротивному делу, хотя и повиновение принесут, держать за караулом и писать об них к Москве. А буде[т] те воры по многому увещанию повиновение Церкви Божии не принесут и в богопротивном своем упорстве будут стоять неотменно, и к тому увещанием их привесть никоими меры будет немочно, и по последней мере велено над теми ворами чинить промысл и радеть о том, чтоб однолично тех воров искоренить и из монастыря выбить, и монастырь очистить, а переимав, о том воровстве розыскивать, а что по розыску явитца — о том писать. Да в селах и в деревнях учинить заказ крепкой, чтоб по тому ж воров имали и запасов им не продавали, и ничем не эсужались. А однолично о том велено радеть, чтоб тех воров искоренить и из монастыря выбить. А в государеве указе и в Новоуказных статьях написано:

5 статья:

Которые люди в церковной противности учинились в недавне и в рос[с]просе учнут Церкви Божии приносить покорение, что они чинили то от неведения или от какова принуждения, а известить не смели, а иных никово тому не учили, и в том // (л. 6) вины свои объявят совершенно и [6]о[бъявя]тца[6] с клятвою впредь тово не делати, и таким за то чинить наказанье, смотря по вине, и посылать для исправления на [7]Патриарш[7] двор, а после исправления отдавать их под паству отцем их духовным за поруками. А отцам их духовным над ними смотрить накрепко, чтоб они впредь к Церкви Божии приходили и церковного расколу у себя не имели, и с раскол[ь]щики не знались,

---

6-6 Утрата текста, слово восстановлено по смыслу.

7-7 В документе написано — «Потриарш», исправлено по смыслу.

и в домы к ним не ходили, и к себе их не пущали, и учения тех плевосеятелей и хул[ь]ников на Святую Церковь отнюдь не слушали. А на поруки их давать в том же.

12 статья:

У раскол[ь]щиков, у которых объявятца дворы и поместья, и вотчины, и лавки, и иные промыслы и заводы, также и по раскол[ь]щиках у порутчиков, которые ручались, ведая, и сосланы будут в [с]сылки, и тех поместья и вотчины, и дворы, и лавки, и промыслы, и заводы отписывать на великих государей и продавать по оценке з бол[ь]шою наддачею для того, что по сыскным делам на прогоны и по [с]сыл[ь]ным людем в жалованье их государские денежные казны исходит немалое число.

// (л. 5) ...[8] Да по отписке-де Олонецкого уезду ...[9] погоста поповского старосты попа *Гаврила Иванова* посылали они с Олонца Олонецкие приказные избы подьячего *Ивана Ме[к]келева* с стрел[ь]цами в Лопской Селецкой погост, в Пужамагубскую волость, для увещевания и поимки церковных раскол[ь]ников. И тот-де подьячей с стрел[ь]цами, взяв понятых людей, в ту Пужамагубскую волость кь их раскол[ь]ническому [10]пристанищу[10] приехав, обступили кругом. И для увещевания и уговору к ним посылали попов и понятых людей многожды. И те-де раскол[ь]-ники увещевания их не послушали и говорили многие непристойные речи, и сожглися, а живых-де их никого взять не могли, токмо-де выбросился ис того раскол[ь]нического пристанища малой, лет в тринатцать. А в рос[с]просе сказался *Иевком*, а в собрании-де их, раскол[ь]ников, в том пристанище было и згорело человек с полтораста ...[11].

РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 3616. Л. 1 - 4, 6, 5 (*при архивной нумерации листов документа перепутана последовательность текстов*). Отпуск. Датирован по содержанию.

(7) *1691/1692 г., не ранее 20 октября 1691 г.* — Фрагмент записки, составленной в Новгородском приказе для внутреннего пользования в связи с делом по извету псковского казака *Ф. Зверева* «о раскол[ь]никах и о грабежных животах».

(л. 1) В нынешнем в 7200-м (1691) году, октября в 20 день, писали к великим государем изо Пскова окол[ь]ничей и воевода *Михайла Васильевичь Собакин* да дьяки *Василей Телицын*, *Никита Павлов*, и прислали изветное дело псковскаго казака *Фомки Зверева* Псковские приказные полаты с приставом с *Андрюшкою Волковым* о раскол[ь]никах и о грабежных животах, а в том деле тритцать два состава за закрепою дьяка *Василья Телицына*, и в конце того дела помета ево ж, *Васильева*. Да под тою пометою четыре поручные записи по псковском казаке по *Сен[ь]ке Бурматове* да по казаке ж по *Ивашке Шапочке*, да по приставе по *Андрюшке Волкове*, да по казаках же по *Матюшке Туманове* да по *Тимошке Безноскове*. А в них под делом шесть составов, дьячьею рукою не закреплены. Да в том же деле в ызвете псковскаго казака *Фомки Зверева* приписано меж строк: сверх того живота. Да подле той же речи написано было до самого краю и почернено, а что было написано, того не знать. Да к тому извету вместо ево, *Фомки*, посадцкой человек *Ивашко Шелгункин* руку приложил. Да в рос[с]просных пыточных речах *Андрюшки Волкова* меж строк приписано: а ден[ь]ги платил я у себя во дворе без людей. Да у тех же рос[с]просных и пыточных речей внизу приписано иными чернилами и мелочью: и про тое-де коробью ведает и жена ево, *Сен[ь]кина*, что осталась у него, *Сен[ь]ки*, в доме...[1].

РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4112. Л. 1. Подлинник. Датирован по содержанию.

---

[8] Утрата текста.

[9] Утрата текста.

[10-10] В документе это слово вписано над строкой.

[11] Дальнейший текст документа утрачен.

[1] Дальнейший текст документа утрачен.

В. П. Микитюк

Новые документы по истории органов городского самоуправления Урала начала XX в.

(по материалам анкетирования гласных екатеринбургской городской думы)

В начале 1910 г. Екатеринбург был охвачен предвыборной суетой: на повестке дня стояли выборы в городскую думу. Редакция газеты «Уральский край» организовала анкетирование группы общественных деятелей, в которую вошли И.К. Анфиногенов, Д.А. Ардашев, Н.И. Белиньков, С.А. Бибиков, К.Я. Бурдаков, Ф.А. Злоказов, П.В. Иванов, Я.Я. Камнадский, Л.А. Кроль, С.И. Козицин, Н.И. Козлов, П.А. Кронеберг, И.С. Лебедев, Н.Ф. Магницкий, Г.И. Михайлов, А.Е. Обухов, Г.А. Олесов, В.А. Падучев, А.И. Петров, А.М. Симонов, И.И. Симанов, И.С. Степанов, П.М. Утяков, И.Л. Фальковский, С.С. Шишкин. В ходе анкетирования было опрошено 25 человека, имевших значительный опыт деятельности в органах городского и земского самоуправления и представлявших различные слои населения города. Большинство из опрошенных имело прямое или косвенное отношение к торгово-промышленным слоям екатеринбургского населения. Беседуя с журналистами Уральского края», вышеупомянутые общественные деятели дали развернутую оценку состояния городского хозяйства и деятельности органов самоуправления (думы и управы) за 1906-1910 гг., указали на негативные факторы, влияющие на работу органов самоуправления, оценили перспективы развития Екатеринбурга и органов самоуправления. В ходе анкетирования выявился весьма широкий спектр мнений по большинству обсуждаемых вопросов. Сравнительно единодушно анкетируемые высказались за демократизацию выборов в органы самоуправления, за увеличение представительства в городской думе мещан и интеллигенции. Состоянию городского хозяйства большинство опрошенных дали негативную оценку, более или менее оптимистическая тональность в этом вопросе содержалась в выступлениях городского головы А.Е. Обухова и членов городской управы Д.А. Ардашева, С.И. Козицина, Г.И. Михайлова. При обсуждении негативных факторов, влияющих на деятельность органов самоуправления, часть анкетируемых (П.В. Иванов, П.А.Кронеберг, Н.Ф. Магницкий и др.) основной упор сделали на критике Городового положения 1892 г., которое, по их мнению, сделало деятельность дум и управ малоэффективным. Некоторые из опрошенных корень всех бед видели в недостаточной преданности делу со стороны думских гласных и членов управы. Особенно резкая оценка деятельности органов самоуправления содержалась в анкете Н.И. Козлова, представлявшего интересы протестного электората», в основном, мещан. Обсуждение других проблем (первоочередные задачи органов самоуправления, концессионный или хозяйственный способ строительства крупных городских объектов и т.д.) также выявили наличие различных мнений в среде общественных деятелей. Анкетирование общественных деятелей, первое в истории Екатеринбурга, является примером применения новых форм предвыборной борьбы. В настоящей публикации помещены передовая статья Уральского края» с изложением цели анкетирования и 7 анкет из 25. Публикуемые анкеты дают прекрасный срез общественного мнения и содержат ценные сведения по истории органов самоуправления г. Екатеринбурга.

1. Обращение редакции Уральского края» к читателям

Приближаются выборы — один из важнейших моментов в жизни города. Кто будет стоять во главе, кто окажется на страже интересов экономических, финансовых, просветительных, санитарных и т.п., кто в течение целых трех лет будет вершить судьбы города, вопросы для каждого городского обы-

вателя жгучие, кровные. Наша газета всегда объективно отражала в себе и кредит и дебет всех общественных деятелей без изъятия и стараясь чутко относиться к нуждам города, изыскивала средства и пути к выходу из угнетенного положения, к созданию возможного благополучия и тем посильно помогая общественным деятелям. Выборы мы, понятно, не обойдем молчанием. Оставаясь на той почве объективного служения интересам города и защиты всех прогрессивных городских мероприятий, мы открываем предвыборный обмен мнениями и ради подготовления к сознательному проведению предстоящих городских выборов. Но прежде чем самим выступить, мы предпочли дать слово общественным деятелям. Мы решили сделать анкету. Один из наших сотрудников, ограничивает общественных деятелей, заведомо для нас, придерживающихся различных взглядов на современное положение дел города и перспективы в будущем, а также и на современные способы ведения этих дел и на лучшие пути в будущем. Ответы, с поименованием лиц, давших их будут нами напечатаны. Это мы начинаем со следующего или с одного из ближайших номеров газеты. Анкете мы придаем серьезное значение. В ответах рельефно очертятся и общий характер деятельности и credo опрошенных. Для граждан-избирателей и общий характер деятельности и credo прекрасные и вполне наглядные критерии при выборах, а для самих опрошенных, на случай выбора их в гласные, публичное credo — обязательство.

Уральский край. 1910, 17 янв. С.2.

2. Анкета С. А. Бибикова, гласного городской думы

Я уже 25 лет гласным думы. Опыт дает мне основание с полной уверенностью говорить, что какие бы перемены не последовали при выборах, лучшего состава думы, чем настоящий, избрано быть не может. По справедливости настоящая дума вполне работоспособна; тоже и городская управа. Широкие у них планы. Но для осуществления их нужны средства. Между тем средства скудные: оброчных статей нет, налоги подняты до предельной нормы. Единственный выход — кредит. Самое лучшее, если бы осуществилось предположение об открытии банка для кредитования городов и земств, как это предположено, без ипотек. В крайности же нужно заложить городские земли. На вырученные суммы следует докончить постройку гостиного двора, привести в полный порядок Рожновский дом и устроить водопровод. Все три предприятия дадут прекрасный доход городу. Из крупных планов осуществление хозяйственным способом я допускаю только одного, именно водопровода. Его собственно и рассматривать как коммерческое предприятие не приходится. Остальные же — трамвай, электрическое освещение, театр и т.п. я полагал бы более разумным и целесообразным строить и организовать путем концессий. Некоторые думают, что задолженность — это создание тяготы для потомства. Пожалуй, это верно. Но нужно считаться и с тем фактом, что только потомство использует целиком все блага осуществленных широких предприятий. Мы же используем их лишь частично, а между тем несем большие тяготы, чем те, которые падут на потомство. Говоря о результате, могущих быть перемен при выборах, я имел в виду нынешний состав выборщиков. Будь же выборы демократизированы, что я нахожу желательным и полезным для города, нынешний состав городской думы мог бы с приливом новых сил, много выиграть».

Уральский край. 1910, 19 янв. С.2.

3. Анкета П. А. Кронеберга, гласного городской думы

Представительство незначительного меньшинства населения, административная опека — надзор за целесообразностью, а не только за закономерностью, крупные обязательные расходы, ограниченные источники доходов и безденежье — вот тот фон, на котором приходиться работать городским общественным деятелям вообще и в Екатеринбурге в частности. Современная екатеринбургская дума начала свою деятельность с конца 1906 года. Хотя состав ее обычный для городов, в смысле первенствующего положения представительства торгово-промышленного класса, но в нее вошло

много и других категорий: адвокатов 4, нотариусов 2, врачей 4, чиновников 5 и еще несколько лиц совершенно независимых от доминирующего большинства. Необходимо отметить, как особенно отрадное явление, что отчасти благодаря этому и главным образом благодаря несомненно прогрессивному настроению подавляющего большинства гласных, узкоклассовые интересы, превалирующие почти во всех городских думах, у нас резко не сказывались. По данным 1904 и 1905 гг. общая сумма доходов и расходов была — первых 330 000 рублей, вторых — 356 000 рублей. В 1908 г. доходы и расходы сильно поднялись, их уже оказалось: первых — 430 000 рублей, вторых — 464 000 рублей. Дума, в заботливости о пользах и нуждах города, изыскала источники. Она подняла оценку недвижимости с 3 до 6 миллионов рублей и тем удвоила сумму оценочного сбора, доведя его с 30 000 рублей до 60 000 рублей. Значительно повысила арендную плату за лавки и другие сборы, именно: с городских имуществ, оброчных статей, доведя с 90 000 рублей до 130 000 рублей, сборы с торговли и промыслов, доведя с 29 000 рублей до 44 000 рублей. Что бы не говорили недовольные повышением оценки и сбора, в этом поднятии дохода большой плюс. Расходы страшно возросли. Покрывать их было необходимо. И городскому населению, в силу естественного хода вещей, необходимо было напрягать свою платежеспособность. Но и при напряжении рост расходов все же вызывал и вызывает систематические дефициты. Напрашивается невольный тревожный вопрос: что же делать? Я не финансист, но думаю, что никакими займами дело не поправишь — это все заплаты на дырявом кафтане; нельзя также надеяться на значительное увеличение доходов от обложений, так как почти все источники уже исчерпаны. Нужна коренная реформа. Но это дело отдаленного и может очень отдаленного будущего. А пока поневоле приходится по одежке протягивать ножки, минимум потребностей удовлетворять в недостающей сумме займами с неприятным сознанием, что тяжесть платежа по ним падет на следующие поколения. Дума, управа и комиссии современного состава проявили массу энергии и затратили массу труда. Результатом этого явилось большое дело — это начало осуществления для городских обывателей всеобщего образования, кроме того, постройка трех прекрасных городских училищ, и проект постройки еще 7 таких же училищ. Для осуществления цели удалось исхлопотать субсидию от казны. Пожалуй не меньшее дело — поднятый в последнее время и недалекий до выгодного для города разрешения вопрос о пересмотре договора с электростанцией: предполагается передача станции и сети в собственность города, а до того повышение платы за энергию, участие города в прибылях и пр. Серьезно поставлен вопрос с водопроводом, но я думаю, что постройка его хозяйственным способом невозможна, придется дать концессию. Предстоящие выборы едва ли изменят состав думы. Будь выборы демократизированы, тогда другое дело. Но вопрос о демократизации выборов — это pia desideria, то есть лишь благие пожелания».

Уральский край. 1910, 19 янв. С.2.

4. Анкета В. А. Падучева, гласного городской думы

Положение городского хозяйства тяжелое. Доминируют долги и дефициты. дума и управа, понятно, тут не причем. Долги и дефициты не по их вине. Началось это давно, еще с тех пор, как сразу же, с введением монополии (винной — В.М.) рухнул для города крупный доход. Расходы возросли. А на погашение их средств не было. Пришлось делать долги, даже на удовлетворение самых насущных потребностей. и поразительно ненормальное явление: частные лица кредитовались из 6 % годовых, городу, несомненно благонадежному плательщику, пришлось уплачивать по 9 и 10 % годовых. Для избежания подобного кредита испрошено было разрешение на выпуск облигационного городского займа. К сожалению, война и наступивший затем кризис создали угнетенное положение, и облигации не пошли, остались в городском портфеле. Только много спустя и то при просвещенном содействии некоторых капиталистов удалось реализовать их, да и то не все. Реализация была использована. Часть гостиного двора и несколько школ построено, и теперь будет строиться и

театр. Чтобы вывести городское хозяйство из тяжелого положения необходимо — выделить город в отдельную земскую единицу, добиться разрешения попудного сбора и более легкого кредита в государственном банке. Последнее более целесообразно, чем выпускать облигации, хотя бы уже по одному тому, что облигации представляют собою далеко неподвижный капитал. Современные дума и управа прямой плод современного же городового положения. Ценз лишает целую массу наиболее полезных лиц, особенно из интеллигенции — педагогов, инженеров, адвокатов и пр., раз они не имеют сравнительно высокооцененной недвижимости, права избирать и быть избранными. От этого город много проигрывает, так как дума, в силу естественного хода вещей, принимает характер капиталистический. Есть в составе лица разных профессий, но все же доминирует капитализм. Городовое положение создает массу препятствий на пути к упорядочению хозяйства города. Главнейшее из них — это постоянная опека, при которой трудно уже разобраться, что разрешено и что воспрещается. Давно уже идут разговоры о крупных предприятиях: водопроводе, трамвае и т.п., но поневоле ко всему относишься скептически и думаешь: лишь потомство осуществит эти предприятия. Если бы теперь пришлось осуществлять крупные предприятия, то хотя и желательна муниципализация, все-же путем концессий. Хозяйственный способ не удается городам. Водопровод доходной статьей едва ли явится. В городе много прекрасных ключей и колодцев. Жители привыкли к ним, и, несомненно будут их и при водопроводе утилизировать (эксплуатировать — В.М.). Трамвай тоже едва ли будет доходной статьей, тем более, что он потребует и особой электростанции. Движение в городе не особенно значительно. Вообще к крупным предприятиям нужно относиться с особой осторожностью. Один из крупнейших вопросов в городском хозяйстве это вопрос о норме обложения городских плательщиков. Я полагаю, что идти дальше того обложения, какое теперь существует, никоим образом не следует. Повышение обложения исключительно обрушится на беднейший и неимущий класс, так как и домовладельцы и торговцы сумеют переложить налог — первые на квартирантов, а вторые на потребителя. Городская дума и управа работоспособны. Понятно, насколько возможна работоспособность в рамках городового положения. Помимо городского хозяйства и городских финансов они много уделяли внимания просвещению. Предполагаемое всеобщее обучение, общеобразовательные курсы, хлопоты об открытии именно в Екатеринбурге высшего учебного заведения, школьное строительство — все это большой плюс в их деятельности. Не обходится однако и без минусов. Санитарно-медицинская и филантропическая отрасли в городе в полном упадке. И городская дума и городская управа уделяют им очень мало внимания. Правда, нет средств у города. Но так как и санитарно-медицинская и филантропическая отрасли должны быть предметами первой необходимости для города, то и средства для них должны быть изысканы. В забвении вопрос о ломбарде. И беднота вынуждена переплачивать громадные проценты, иногда просто ростовщические. А между тем нужно каких-нибудь 50 000 руб., в которых не откажут в виде займа и капиталисты города. Неправильно поставлено дело с городским банком. Его деятельность узко коммерческая. Тогда как следовало бы приравнять эту деятельность к деятельности отделений мелкого кредита, облегчающих кредит бедному люду, мелким промышленникам, мелким торговцам и мелким собственникам. Предстоят новые выборы. Едва ли они изменят состав городской думы. Изменение однако желательно, и именно в смысле демократизации. Но так как по городовому положению демократизация невозможна, то желательно появление в составе городской думы хотя представителей от мещан. Класс их многочисленен, в общем они крупные плательщики. Однако защищать их интересы некому. Я упустил было из виду высказаться по поводу одной из оброчных статей города — именно лесной городской дачи. Многие говорят, что ее необходимо эксплуатировать. С моей точки зрения эксплуатация лесной дачи — это значит сведение ее к пустырю. Эксплуатация понятие растяжимое, и когда в дело замешаны меркантильные интересы, она не знает ни предела, ни удержа. Гигиенические условия города очень неблагоприятны: пыль, клоаки грязи, смрад от сжигаемых свалок отравляют и загрязняют воздух. Единственный резерв чистого воздуха — это лесная дача, вернее сказать, парк кругом города. летом обыватель только там находит возможность вдыхать в себя на-

стоящий воздух, а не городской суррогат его. И лишить обывателей этого воздуха, значит лишить их одной из насущнейших потребностей. А эксплуатация именно приведет к лишению».

Уральский край. 1910, 23 янв. С.2.

5. Анкета Н. И. Козлова, гласного городской думы

Наблюдая с 1886 г. за работой городской думы и городской управы я не нашел их работоспособными — в особенности за последние два четырехлетия, которые протекли при больших неурядицах в городском хозяйстве. Создавались обременительные налоги по нормам и без норм и процентные надбавки, что вызывало у плательщиков постоянное недовольство. Возьмем хотя доходы по аренде торговых помещений на городских площадях. Платившие назад тому 10 лет 10-20 руб., ныне платят 120-150 руб. А так как мелкая торговля и промышленность с каждым голом падают, то, понятно, у торговцев и промышленников расходы не оправдываются. Значит, момент к повышению арендной платы не подходящий. В результате большинство городских лавок остается незанятым, а собственные лавки владельцами сносятся, крупные фирмы торговать переходят с городских площадей в частные дома. Оценка недвижимостей для городских налогов поднята до высшего размера и далеко не по доходам. Возвышая оценку в 1907 г. с трех до шести слишком миллионов руб., дума обещала, что возвышение делается только на один год для покрытия дефицита. Что же мы видим? Четвертый год уже идет, а об уменьшении оценки и не думают. И ныне повышенная оценка кажется в обычную норму вошла. Я полагаю, что повышенными обременительными налогами, падающими в большей части на бедный класс населения, едва ли городской дырявый кафтан починится. Ныне же следовало бы убавить оценку по крайней мере на одну треть. повышая оценку, дума тем самым повысила и земское обложение. Земство не дремлет и пользуется случаем: в 1907 г. земских налогов было: уездного сбора — 55 354 руб., губернского сбора 22 097 руб., в 1908 г. — уездного — 66 565 руб., губернского — 26 711 руб., в 1909 г. — уездного — 77 846 руб., губернского — 30 731 руб.,, а в 1910 г. тех и других около 150 000 руб., в 1911 же году по предположенным новым нормам сборы увеличатся едва ли не в два раза. Настоящий состав гласных думы, несмотря на то, что большинство являются же и гласными в земстве, не только не отстаивают интересы города, но даже еще более поощряют возвышение сборов и налогов. Что же город получает от земства? Содержание в половинном размере гимназии, реального и других училищ, что земство должно было бы делать и без взимания с города налогов в свою пользу, хотя бы уже по одному тому, что эти учебные заведения обслуживают одинаково и город и уезд. Мощение и освещение улиц производятся только в центре города и за счет окраин. Жители последних, хотя и главные плательщики, ни тем, ни другим в достаточной степени не пользуются. Между тем за ними несомненно право на это. Подъездных путей к воде нет; уличное освещение, где оно существует, идет из рук вон плохо. Всего неудовлетворительного и не перечислишь. Что же касается до устройства водопровода, который безусловно необходим, трамвая, театра, достройки гостиного двора, то эти предприятия следует осуществлять концессионным и ни в коем случае не хозяйственным способом с грандиозной задолженностью. Выкуп электрической станции, а также создание своей телефонной сети нужно отложить до более благоприятного времени. Займы производить не следует, а тем более под залог лесной дачи. Нельзя оставлять в наследство потомкам миллионного долга, особенно при таком расстройстве хозяйства, какое ныне наблюдается. Благодаря понуждению правительства и выдаче субсидии, городская дума дала нам три новых школьных здания. Но эти здания следовало бы построить в 1902-1903 гг. на облигационный заем в 400 000 руб., из числа которых 25 000 руб. специально предполагались на школьное строительство. Городские сметы составляются неправильно: приходные статьи слишком вздуты. Укажу на некоторые: доход от торфа исчислен в 30 000 руб., цена ему определена 5 руб. за куб; между тем продается торф по 6 руб. 20 коп. за куб; доход от дров исчислен в 12 тыс. руб., цена им определена по 6 руб. и 4 руб. за сажень — это кругляш и притом беднейшему населению; от

продажи 800 шт. досок доход 2400 руб. (по 3 руб. — не ошибка ли?). По расходу неправильностей не перечтешь. Дума за отчетностью управы не следит. Отчет за 1904 г. еще не рассмотрен. А сколько в отчетности дефектов? Одних перерасходов 60 000 руб. Куда эти перерасходы пошли — уши вянут. А плательщики кряхтят, да все же платят. Задолженность города ныне достигает до 350 000 руб. Казалось бы, за уплатой из облигационного капитала 150 000 руб. руб. такой крупной задолженности не должно быть. Но она факт. Одних процентов городская управа уплачивает 18 972 руб. Капитал в 5 тыс. руб. на устройство водокачки на случай пожаров лежит без движения. Нужда в водокачке настоятельная, а ее все нет и нет. Беспроцентная задолженность города — специальные капиталы 5500 руб., запасной капитал 18 500 руб. Задолженность театрального капитала 63 000 руб. Из облигационного капитала предполагалось на постройку театра еще в 1901 г. 80 000 руб. Между тем, начали осуществлять мысль о постройке театра только теперь в 1910 г. На мой взгляд нынешнее большинство думы идет за меньшинством на поводу и самостоятельной деятельности не выказывает. вообще дума к своим высоким обязанностям относится халатно: на заседания являются 18-20 гласных, да и многие из тех созываются к назначенному времени по телефону. Отсутствуют более всего врачи, адвокаты, лесничие и педагоги. Они являются только тогда, когда их особенно интересует вопрос или когда вопрос близко подходит к их взглядам. В комиссии являются 1-2 члена. Это особенно ненормально. Большинство важных дел передается думой в комиссии и там они по два и три года не рассматриваются, а то и вовсе застревают. Мои пожелания для будущего сводятся к следующему: большинство старых гласных должно уйти на покой, освободив место для действительно желающих работать на пользу города. Вместо ушедших в гласные думы следует провести деятельных, трудолюбивых и честных людей из всех классов населения, в особенности из мещан. Только мещане настоящим образом заинтересованы в хозяйстве города, так как именно они постоянные жители города. Остальные же классы почти всегда лишь временные жители города. И они-то, распоряжаясь хозяйством города, довели его до полного расстройства. Необходимо ознакомление городского населения с задачами и средствами городского самоуправления путем местной печати и издания брошюр с отчетностью и предположениями. необходимо приведение в полную известность финансового положения города, состояния его долгов, капиталов, имущества, и установления строгой, точной, ясной и своевременной отчетности управы пред думою и плательщиками. Ввиду справедливого распределения сумм, вносимых городом земству и получаемых им от земства — последних слишком мало — необходимо войти в обоюдное с земством соглашение об урегулировании на одинаково выгодных условиях. Но если бы соглашение не состоялось, то добиваться выделения города в отдельную земскую единицу. Необходимо создание нерискованных предприятий, имеющих обслуживать интересы горожан. Следует организовать городской ломбард и реорганизовать городской банк — последний в тех видах, чтобы он являлся банком для мелкого кредита бедному люду, мелким торговцам, промышленникам и собственникам, а не обслуживал, как практикуется ныне, крупных торговцев на большие суммы. Необходимо введение налога на проводимые через город грузы (транзит) и проведение в жизнь сдачи всех городских заготовок с торгов. Осуществление всех или части указанных мероприятий, в связи с разумным расходованием городских средств, даст возможность городской думе уничтожить хронический недостаток в финансах и недовольство плательщиков. По улучшению финансового положения дума будет в состоянии отыскивать и создавать новые источники доходов, понятно, постепенно, не обременяя плательщиков, и удовлетворять по возможности давно назревшие общественные нужды и потребности; именно: всеобщее бесплатное обучение и постройки городских школьных зданий, улучшение и удешевление медицинской помощи и больничного лечения (бедных бесплатно), устройство мостовых и освещения в нуждающихся в том и другом окраинных улицах, проведение в жизнь мероприятий, направленных к улучшению положения трудящихся классов — реформирование ночлежного дома с введением в его задачу дать обитателям работу, а также энергичное восстановления дома трудолюбия и вообще всяких общественных организаций для призре-

ния бедных. Одна из основных задач думы, между прочим, должна заключаться в том, чтобы бедные жители не обременялись непомерными налогами и чтобы источниками доходов служили крупные предприятия и недвижимости капиталистов. По последней норме оценок доходность и платеж определены: за деревянные строения — 27%, полукаменные 33 %, и каменные 40%. Платят одинаково и состоятельные и бедняки. Для последних следовало бы создать облегчение хотя бы следующим путем: или не подразделять категории построек, или же, хотя бы взять и ту же оценку, но убавить от имуществ, оцененных до 1000 руб. — 20%, до 3000 руб. — 15 %, до 5000 руб. — 10 % и до 7000 руб. — 5%., каковую убавку переложить на капиталистов, имущества которых оценены свыше 9000 руб. Но предварительно следует устранить неправильности по оценке.

Уральский край. 1910, 30 янв. С.2.

6. Анкета Л. А. Кроля, выборщика

Существует общее недовольство деятельностью городской думы и городской управы. Недовольство это слишком неопределенно и заключает в себе исключительно отрицательный характер Все горицая, недовольные ничего положительного, никакой программы почти не дают. И не их вина. При существующем городском положении ничего положительного, никакой программы ни создать, ни провести нельзя. Это последнее обстоятельство недовольным не мешало бы учесть. И тогда они, став на правильную точку зрения, пришли бы к выводу, что хотя дума и управа, может быть, и не дают желаемого от них, то это не их вина. В сущности в городе ничего нет. Настоятельно нужно все. Но как достигнуть этого все, когда и широких программ и средств не имеется? По доходному бюджету определяется расходный бюджет. Обложение фиксировано; доходных статей и крупных предприятий почти нет; извлекать доходы не из чего. И доходный бюджет города в результате самый незначительный. Расходы из года в год растут: неотложных, настоятельных нужд целая масса; все требует удовлетворения. но когда прикинуть обязательные расходы, поглощающие не менее 1/4 доходного бюджета, то и окажется, что и самых настоятельных нужд удовлетворить не из чего. Приходится разбрасываться и ограничиваться полумерами, для увеличения доходного бюджета следовало бы прежде всего установить прогрессивный подоходный налог, хотя бы уже по одному тому, что он всегда минует бедняков и падает лишь на состоятельных пропорционально богатству их. Прекрасным подспорьем, впрочем не только подспорьем, но пожалуй, крупнейшей доходной статьей могли бы служить крупные предприятия: трамвай, электрическое освещение и т.п. В принципе предприятия должны быть муниципализированы. Но и тут существующее городское положение плохую услугу оказывает. В гласные думы могут попадать представители только весьма узкого круга — торгово-промышленного и домовладельческого. Среди этого круга несомненно много интеллигентных сил. К сожалению некоторая часть из этих сил плохо верит в возможность при современных условиях сделать что-либо серьезное в области городского хозяйства и уклоняется от выборов. Это еще более суживает круг, из которого могут быть выбраны гласные. И вот, когда дума при таких условиях выбрана, начинается для нее мучительный период — выборы управы. Крайне стесненная в средствах и не привычная хорошо оплачивать труд общественного характера, дума с невероятным трудом находит подходящих лиц, соглашающихся занять посты городского головы и членов городской управы. Выбирает гласных небольшая группа населения. Обвинение в прикосновенности к общественному пирогу», невозможность отвечать перед всем населением, делают положение гласных весьма щекотливым. И дума с особым старанием стремится сократить жалованье управе до minimuma. Такой богатый город, как Екатеринбург, платит членам управы по 1500 рублей в год. Можно ли требовать при таких условиях от членов управы, чтобы они уделяли все свое рабочее время городским делам? Мыслимо-ли возложить на управу управление каким-бы то ни было крупным и сложными предприятием? Прямой ответ — нет. Нельзя возложить такие функции и на какую-либо исполнительную компанию (комиссию — В.М.). Числен-

ность гласных весьма невелика. Многие из них, особенно наиболее работоспособные, в нескольких комиссиях участвуют. Принадлежа к классу имеющих и свое крупное хозяйство, гласные фактически лишены возможности успевать работать даже в таких комиссиях. Говорить серьезно об исполнительных комиссиях, как о распорядителях крупными предприятиями, не приходится. До изменения городового положения нужно совершенно отказаться от муниципализации крупных предприятий. При указанных условиях ничего, кроме убытка для города и вреда для идеи муниципализации они не дадут. Следует сделать исключение лишь для водопровода. Его нужно рассматривать не как доходное коммерческое предприятие. а как бездоходный предмет первой необходимости. И только при этой точке зрения его можно муниципализировать. При осуществлении предприятий концессионным способом город должен выговаривать для себя право участия в прибылях от предприятий, а также и право контроля книг предприятий. Последнее право подскажет ему благоприятное время выкупа. Я уже несколько лет как представитель контрагентства по электрическому освещению города, имею непосредственное сношения и с городской думой и с городской управой. По моим наблюдениям и та и другая по мере сил и разумения, работают вполне добросовестно. Они безусловно заботятся об интересах города и постоянно считаются с общественным мнением — не только настоящим, но и будущим. Но вся беда в том, что нет деления гласных на партии с совершенно определенными программами в области городского хозяйства. Все идут вразброд и затрачивают массу времени и труда даже лишь на то, чтобы каждому высказаться. Нельзя не отметить, что нынешняя дума и управа проявили стремление стать на широкий путь в области просветительной для широких масс. Это явление отрадное — особенно если сравнить с думами городов центральной России, преследующими узкоклассовые интересы».

Уральский край. 1910, 5 февр. С.5.

7. Анкета Н. Ф. Магницкого, гласного городской думы

Трудно не повторяться, когда приходится говорить чуть-ли не последнему. Для меня же это еще труднее, так как будучи 3 недели в отсутствии и лишь недавно возвратившись из Санкт-Петербурга, я лишен был возможности познакомиться с соображениями и выводами других лиц, беседы с которыми помещены ранее, за исключением господ Козлова, Бурдакова и Кроль. Мое искреннее убеждение заключается в том, что пока будет действовать городовое положение 1892 г., до тех пор три четверти тех упреков, которые приходятся слышать по адресу думы, должны быть сняты с думы; действующее городовое положение держит самоуправления в таких тисках, которые отнимают от них все то, что необходимо для планомерной жизни самоуправляющихся организаций. Городовое положение 1892 г. отняло от самоуправлений их самое ценное право — право самостоятельно, в пределах, установленных законом, распоряжаться в сфере предоставленных им действий. С точки зрения городового положения 1870 г. только нарушение самоуправляющимися организациями закона должно было вызвать репрессию со стороны административных властей; городовое положение 1892 г. дало право администрации рассматривать вопрос и о целесообразности любого из постановлений городской думы. Этой небольшой оговоркой городовое положение 1892 г. в сущности уничтожило самоуправление и городские думы превратило в исполнительные органы губернской администрации. Чтобы достигнуть этого еще полнее, городовое положение 1892 г. создало 119 статью (ее не знало городовое положение 1870 г.); дающую право градоначальнику или губернатору не утверждать лиц, избранных думами в городские головы, члены управы и городские секретари и на должности эти назначать своих кандидатов. Связав таким образом городские думы по рукам и ногам, городовое положение 1892 г. распределило все производимые городом расходы на обязательные и необязательные и к числу обязательных расходов, за исключением чисто городских, отнесло производство пособий государственному казначейству, издержки по отправлению воинского постоя, участие в расходах по содержанию полиции, устройство и наем помещений для полицейских управ-

лений, устройство и содержание состоящих при полиции пожарных команд (содержание общественных пожарных команд составляет отдельную статью общественных расходов); к необязательным же расходам отнесло медицину, народное образование и т.п. Тем, кто демократизирует состав гласных, следовало бы подумать, что может сделать дума при изложенных законоположениях? В 1906 г. например (позднейших отчетов у меня под руками нет) город имел 381 291 руб. 56 коп. дохода, израсходовал же 406 617 руб. 88 коп., причем если бы из этих расходов исключить только что перечисленные обязательные расходы, то город не только не закончил бы своей сметы с дефицитом, но и мог бы сократить свои расходы тысяч на 25. Не надо забывать, что обязательные расходы не остаются неподвижными и из года в год возрастают; доходы же города с введением винной монополии значительно сократились. В число обязательных расходов, вошедших в указанную выше общую сумму расхода (406 617 руб.) вошли и необязательные расходы на народное образование (около 47 тыс. руб.), на общественное призрение (около 40 тыс. руб.) и на медицину (свыше 60 тыс. руб.). Для меня совершенно понятны упреки в постоянном повышении налогов. И хотя такое повышение до некоторой степени объясняется только что изложенными причинами, лично я являюсь противником такого повышения и всегда настаивал на изыскании иных источников доходов, отнюдь не повышая ни аренду торговых помещений, ни оценку с недвижимых имений, тем более, что при возвышении оценки с недвижимых имений из трех с небольшим процентов сбора по окладным листам лишь один процент идет в пользу города, остальные же два с небольшим процента идут в пользу земств и казны. По моему мнению, некоторый доход могли бы принести городу устройство ломбарда, передача городу телефона, реорганизация уже существующих предприятий города. Выделение города от земства, с моей точки зрения, также улучшило бы городской бюджет, причем такое выделение для нашего земства даже и не отразилось бы значительно на бюджете последнего, так как главные плательщики екатеринбургскому земству все-таки являются горные заводы. Конечно, имеет большое значение состав гласных думы. Наличность интеллигентных сил обязательна. Чем больше их, тем лучше для интересов города. Но необходима также наличность и людей опыта, знакомых с городской жизнью, практически во всех ее проявлениях. Поэтому в составе гласных, по возможности, должны быть все слои населения в пределах достижимого при действующем городовом положении. С моей точки зрения, еще большее значение имеет состав членов исполнительного органа думы — состав членов городской управы. Дума, собираясь периодически, конечно, во многом руководится объяснениями управы; инициатива в большинстве случаев исходит от управы; исполнение постановлений думы также во многом зависят от управы. И в этом отношении не столько дума, сколько каждый отдельный гласный, видя тот или иной непорядок в городе, имеет возможность настаивать на его исправлении. Но так как в этом отношении право каждого гласного нисколько не шире прав любого жителя города, то и упреки по адресу думы в этом направлении также не вполне справедливы. Может быть, вина думы в том, что она недостаточно строго проверяет действия своего исполнительного органа — управы. Однако, от этого до обвинения думы в неработоспособности слишком далеко: работоспособность думы определяется прежде всего работой ее комиссий, а я, состоя гласным уже около 20 лет, думаю, что по крайней мере, те комиссии, которые я знаю, то есть в которых и мне приходилось и приходится участвовать; работают добросовестно. Не буду утверждать, что невозможно, чтобы новый состав гласных выделил и более работоспособные комиссии, но повторяю, как бы не была деятельна дума, работа ее наполовину не будет так интенсивна, если она не будет иметь энергичной, работоспособной управы. Настоящий состав управы, на мой взгляд, работоспособен. Но нельзя не пожелать, чтобы работа была направлена по заранее придуманному плану, выработанному при участии думы. Громадной заслугой настоящего состава управы, я считаю выдвинутые ею на первый план школьного строительства и заботу о народном образовании. Постройка театра, если она будет проведена до конца, на мой взгляд, является также большой заслугой настоящего состава управы. В общем, однако, все-же следует прийти к печальному выводу: деятельность городской думы, действующей по городовому положению 1892 г., не может быть созидательной в

полном смысле этого слова. Путем концессий она может дать будущим поколениям многое; но сама она без нового обременения плательщиков многое сделать прямо не в состоянии. Роль думы, созданной по закону 1892 г., мне кажется, есть роль подготовительная для той будущей думы с расширенными избирательными правами граждан, которая в сфере своей деятельности будет ограничена лишь требованиями закона».

Уральский край. 35. 1910, 13 февр. С.2.

8. Анкета С. И. Козицина, члена городской управы

Финансовое и экономическое положение города совсем не плохо. Не использованы городские богатства. Медленная экономная и планомерная работа по использованию этих богатств и через 10-15 лет Екатеринбург будет одним из богатейших городов страны. Имеется прекрасная лесная дача. Сейчас эксплуатировать ее несвоевременно. Но как только поднимутся цены на лесные материалы, она даст крупный доход. Имеются торфяники с громадными залежами торфа. Как только поднимутся цены на лесные материалы и дрова, торфяники также дадут крупный доход. Городской выгон — богат золотом — есть и жильное и в россыпях. Следовало бы рискнуть — и опять крупный доход несомненно был бы обеспечен городу. Из предприятий в первую очередь необходимо достроить гостиный двор. С другими же торговыми помещениями нужно воздержаться. Не так силен запрос, чтобы аренду их можно считать обеспеченной. Если же строить, то не иначе, как концессионным способом. Пусть всякий делает это на свой страх и риск: доход городу обеспечен, а через 24 г. и самые постройки поступают в пользу города. С трамваем спешить нет надобности. Дохода он не даст. Водопровод если и строить, то также не иначе как концессионным способом. Дохода водопровод не даст. Широкие слои населения будут избегать его и по-прежнему пользоваться водой из колодцев и ключей. Настоящий состав думы работает как следует. Я уже 20 лет на общественном поприще. Хорошо знаю, что в прежнее время частенько не хватало кворума. И телефон не помогал. Но при настоящей думе этого никогда не было. Очень усиленно работают комиссии. Правда, иногда за прибытием незначительного числа членов заседание их откладываются. Но нужно принять во внимание, что многие гласные состоят в нескольких комиссиях, что иногда в один и тот же день собираются 2-3 комиссии, что многие члены комиссий состоят членами и других общественных организаций и что наконец у каждого бывают и свои неотложные дела. Во всяком случае дело в комиссиях не тормозилось. Иные говорят, что Дума разбрасывается. Основанием служит тот факт, что не окончив одного дела, она принимается за другое. Но это не разбросанность, это лишь естественный ход вещей. Есть ряд дел, которые возможно осуществить только в продолжительный период времени. например, всеобщее обучение, введение попудного сбора и пр. Из того, что дела, требующие для осуществления продолжительный период времени, не закончены, не следует, что не нужно начинать новых дел. Нельзя не добавить к сказанному, что критиковать гораздо легче, чем самое дело делать. При выборах желателен прилив в Думу мещанского элемента. Если этот элемент даст лучших людей, то они явятся полезными практиками.

Уральский край. 36. 1910, 14 февр. С.5.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бибиков Север Александрович (ок. 1848 — 1918) — потомственный дворянин, присяжный поверенный, юрисконсульт Сибирского торгового банка, Верх-Исетского горного округа, гласный Екатеринбургской городской думы (1889-1918).
2. Кронеберг Петр Алексеевич (1874 — ?) — потомственный дворянин, присяжный поверенный, гласный Екатеринбургской городской думы.

3. Падучев Владимир Александрович (1859 — 1919) — врач городской больницы, гласный Екатеринбургской городской думы (1888-1917).
4. Козлов Николай Иванович (ок.1859 — ?) — мещанин, совладелец фотомастерской, мещанский староста, гласный Екатеринбургской городской думы (1910-1914).
5. Кроль Лев Афанасьевич (1871-1931) — инженер-механик, директор Екатеринбургской электростанции, активист Партии народной свободы, выборщик в Екатеринбургскую городскую думу.
6. Магницкий Николай Флегонтович (1856 — 1930) — присяжный поверенный, юрисконсульт Сергинско-Уфалейских и Шайтанских заводов, гласный Екатеринбургской городской думы.
7. Козицин Сергей Иосифович (ок.1850 — 1916) — купец 2-й гильдии, золотопромышленник, член Екатеринбургской городской управы (1893-1900, 1908 — 1916).

Г. Е. Корнилов, А. В. Сушков, Е. Ю. Баранов

Власть и общество

(Документы по социально-политической истории Свердловской области)

Тема власти, взаимоотношений власти и общества естественно и закономерно позволяет разобраться в причинах и противоречиях политических и социальных перемен. Эти вопросы особенно остро звучат в ситуациях социально-политических, культурных «изломов», когда общество обнаруживает настоятельную потребность переосмысления представлений, ранее казавшихся очевидными. Сегодня проблемы «власть-общество», «общество-власть» как никогда актуальны в связи с кардинальным реформированием системы управления современной России и желанием общества понять природу осуществляемых преобразований, уяснить преимущества вновь создаваемой государственно-управленческой структуры перед предшествующей ей советской властью.

«Архивная революция» рубежа XX — начала XXI вв. дала возможность историкам сосредоточить свое основное внимание на выявлении и систематизации ранее неизвестных источников исторической информации. Особый интерес в архивных публикациях вызывают документы, отражающие процессы функционирования центральных структур власти, действия механизма принятия политических решений, отношения различных слоев населения к центральной политике.

Несмотря на ряд интересных теоретических исследований и публикаций архивных документов, история советского общества на настоящий момент изучена недостаточно. Проблема взаимоотношений советской власти и народа по-прежнему нуждается в пристальном внимании профессиональных историков и архивистов. Только научный синтез историко-теоретического осмысления и экспериментальной архивной практики могут обеспечить аналитическую глубину конкретного исследования целого комплекса актуальных вопросов, раскрывающих сущность и социальную природу советской власти.

В контексте изучения проблемы «власть и общество» в XX веке вполне естественно возникает вопрос о значении документов уральской истории. С одной стороны, уральская история отразила в себе общие тенденции исторического развития, а, с другой, в ней проявились такие особенности, без знания которых невозможно понимание общероссийской истории.

Представленные в данной публикации документы иллюстрируют различные периоды и аспекты жизни советского общества.

Информационное письмо окротдела ОГПУ отражает политическую ситуацию, сложившуюся на рубеже 1920 — 30-х гг. после удаления из руководства СССР Л.Д. Троцкого (Бронштейна) и приближенных к нему лиц. Документ свидетельствует об активных действиях сторонников Троцкого на местах по созданию оппозиции установившемуся единоличному правлению И.В. Сталина (документ № 1).

О недовольстве в среде профессуры и научных работников проводившейся действовавшей властью политикой, в т.ч. по отношению к высшей школе, свидетельствует информационная записка полномочного представительства ОГПУ по Уралу (документ № 2).

В информационном сообщении Свердловского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) от 13 сентября 1947 г. приведен ряд типичных для того времени высказываний «отдельных, враждебно настроенных людей, неправильно расценивающих продовольственные трудности», возникшие ввиду необычайно засушливого лета 1946 г. и общего кризисного состояния сельского хозяйства после войны (документ № 3).

В ходе проведения денежной реформы 1947 г. многие руководящие работники, используя служебное положение, различными способами попытались сохранить свои денежные сбережения, вложив их в сберкассы или в приобретение промышленных товаров. Наиболее высокопоставленной фигурой в Свердловской области, лишившейся своего поста, стал начальник областного управления МГБ, член бюро Свердловского обкома ВКП(б) Т.М. Борщев (документ № 4).

Приводимый далее документ содержит интересные свидетельства реакции населения Свердловской области на «вскрытую» в начале 1950-х гг. МГБ СССР «группу врачей, проводящую вредительскую работу против руководителей партии и правительства». «Дело врачей», имевшее явный антисемитский подтекст, сразу вызвало волну разговоров среди населения, что евреям нельзя доверять ответственных постов, о необходимости тщательно контролировать их работу, и т.д. (документ № 5).

Ярким свидетельством острой реакции в советском обществе на произнесенный Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС закрытый доклад, — прозвучавших на низовых партийных и комсомольских собраниях требований демократизации политической системы, а также мощного отпора со стороны местного партийно-государственного аппарата, стало выступление на комсомольской конференции Уральского политехнического института студента А.А. Немелкова (документ № 6).

Письмо жителя г. Свердловска Ю.П. Сакныня Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу иллюстрирует события, связанные со сносом в 1977 г. Ипатьевского дома, в котором были расстреляны бывший российский император Николай II и его семья (документ № 7).

Отражением острой ситуации, сложившейся в сельскохозяйственном секторе экономики в 1970-е гг. в связи с уменьшением сельского населения, связанным с урбанизацией и раскрестьяниванием, является письмо директора комбината «Уралэлектромедь» Б.А. Кривоусова первому секретарю Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцину с предложениями об улучшении жилищных и культурно-бытовых условий жизни на селе (документ № 8).

О продолжавшемся ухудшении социально-экономической ситуации в начале 1980-х гг., снижении качества жизни, кадровом застое в среде партийно-хозяйственной номенклатуры, и как следствие, падении авторитета власти, потере населением веры в идеалы коммунизма свидетельствует письмо жителя г. Свердловска И.И. Иванова первому секретарю Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцину (документ № 9).

Документы публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Текст документов № 1, 2, 5, 6, 9 передан полностью, а документов № 3, 4, 7, 8 — в извлечении. Документы имеют редакторские заголовки. Тексты документов приводятся в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Восстановленный пропущенный текст (слово или его часть), установленные авторство, дата, и место происхождения документа

приведены в квадратных скобках. Не расшифровываются общепринятые сокращения, например, г. — год, г. — город, т., тов. — товарищ, проф. — профессор. Жирным шрифтом вразрядку выделен текст с авторским подчеркиванием. Текст, в т.ч. фамилии, приведенные в документе прописными буквами (за исключением аббревиатур) и авторский текст, вынесенный на поля, передан курсивом. Передача текста конкретного документа сопровождается текстуальными примечаниями, которые располагаются после текста каждого документа, и примечаниями по содержанию, которые находятся после текстов всех документов. Публикуемые документы были выявлены в фондах Центра документации общественных организаций Свердловской области (документы № 1 — 6, 8, 9) и Государственного архива Свердловской области (документ № 7).

Проект «Общество и власть. Российская провинция. 1917 — 1985 гг. (по материалам архивов Свердловской области) осуществляется в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Общественный потенциал истории».

№ 1. Информационное письмо Свердловского окротдела ОГПУ об анонимках на Карабашском медеплавильном комбинате

[*г.* Свердловск][1] 26 июня 1930 г.

Секретно.

Нач[альнику] ИНФО ПП ОГПУ[2], отв[етственному] секретарю ОК[3] ВКП(б), копия — СО[4] окротдела [ОГПУ]

18 июня с.г. в адрес Карабашского медеплавильного комбината на лиц партколлектива поступили анонимки следующего содержания:

К членам ВКП(б)

Товарищи.

На небывало трудные условия в стране диктатуры пролетариата ответим небывалым сплочением своих рядов вокруг знамени *Ленина*.

Сталин своим неумелым руководством погубил Китайскую революцию, довел нашу страну до разорения и нищеты, восстановил против рабочего класса основные массы крестьянства, заткнул партии рот и завязал глаза, подорвал авторитет Коминтерна в глазах международного пролетариата.

Требуйте ознакомления партии с завещанием *Ленина*, которое скрывает от партии *Сталин*. Требуйте возвращения в наши ряды соратника *Ленина*, вождя и вдохновителя Октября и Красной армии — тов. *Троцкого* с товарищами, жизнь которого за границей находится под постоянной опасностью.

1930 года июнь. Большевики — Ленинцы /оппозиция/.

Пролетарии всех стран соединяйтесь

Ко всем членам ВКП(б)

/ Тов. *Троцкому* с товарищами посвящается/

Не шторм бушевал, и не грома раскаты
Гремели над бездной морской.
То голос трибуна, как голос набата
Звал ратников *Ленина* в бой.

Звал в бой вдохновенный боец и водитель,
Кругом зажигая, горя.
Звал Ленинской правды великий носитель,
Носитель идей Октября.

И нет его с нами... но слышен могучий
Призыв на борьбу огневой.
Изгнание и ссылки его не замучат
В стране зарубежной, чужой.

Но голос суровый, до нас долетая,
Укором тяжелым звучит.
Кто ж скажет, какая же сила, какая,
Вождю пролетарскому мстит.

Где *Ленинский* призыв — идти цепью крепкой
Вперед по оврагам крутым.
Когда впереди враг маячит свирепый,
Когда впереди мгла и дым.

Когда еще только зажглись пожары,
Пожары борьбы мировой.
Когда враг заносит удар за ударом
Над пролетарской страной.

Братья-товарищи, пусть будет вспенена
Гневом партийная гладь,
Ленина партия, партия *Ленина*
Долго не будет молчать.

1930 года, июнь. Большевики.
Нач[альник] окротдела ОГПУ (Альтберг)[5]
Нач[альник] ИНФО (Голосов)[6]
Верно: [подпись][7]

ЦДООСО. Ф.6. Оп.1. Д.1893а. Л.128, 129. Копия. Машинопись.

---

[1] Место написания документа установлено по тексту и входящему штампу Свердловского окружкома ВКП(б), куда документ поступил 27 июня 1930 г.

[2] ИНФО ПП ОГПУ — информационный отдел Полномочного представительства ОГПУ.

[3] ОК ВКП (б) — окружной комитет.

[4] СО — секретный отдел.

[5] Подпись отсутствует.

[6] Подпись отсутствует.

[7] Подпись неразборчива. Расшифровка подписи отсутствует.

№ 2. Информационная записка ПП ОГПУ по Уралу о высказываниях профессуры на Свердловской общегородской конференции научных работников о советской власти, коммунистической партии, партийных выдвиженцах в науке, деятельности «вредителей» и промпартии

г. Свердловск 20 ноября 1930 г.

Общегородская конференция научных работников.

11-го ноября состоялась общегородская конференция секции научных работников г. Свердловска. На повестке дня стояли следующие вопросы:

1) Отчетный доклад городского бюро,

2) Выборы в бюро и

3) Разное.

На конференции присутствовало 90 человек (профессора и доценты). Выступающие в прениях по докладу о работе секции проф. *Матвеев*, *Жариков*, научный работник *Ксенофонтов* и др. отмечали, что бюро секции было неработоспособно, работы никакой не велось, актив был не выявлен, не привлечен к работе и т.д. По докладу о работе бюро ком[мунистической] фракцией была предложена резолюция, где работа бюро расценивается как оппортунистическая.

За эту резолюцию голосовали все, за исключением воздержавшихся проф. *Горина* (Горный институт[1]) и преподавателя *Жилина*.

Затем, при оценке работы председателя бюро секции *Каменева* (бывш[ий] меньшевик) была предложена и принята оценка, клеймящая *Каменева* как двурушника (Каменев не видел классового настроения среди научных работников и т.п.). Большинство приняли эту оценку, против же голосовали только проф. *Нейман О.Ф.* и *Нейман Ф.Ф.*

Выступивший в конце собрания по личному вопросу *Каменев* заявил: «Я много работал у Сов[етской] власти и надеюсь, что в лагерь ее врагов не перейду, хотя мне и дали имя двурушника». «Новые течения научных работников не так скоро прививаются, принимаем резолюции на собраниях, а придя домой, за чашкой чая раздумываем о них».

Последняя реплика была брошена в сторону правой профессуры, которая на конференции вела себя весьма сдержанно, не выступая ни по одному вопросу и избегая группировок и кулуарных разговоров.

Только проф. *Нейман О.Ф.* на выступление одного из научных работников — чл[енов] ВКП(б) бросил реплику: «Классового расслоения среди научных работников быть не должно, и нет врагов Сов[етской] власти».

В состав бюро введены 4 чл[ена] ВКП(б), 4 научных работника из числа левой профессуры и 1 из правых. Среди б[ес]п[артийных] один — наш спецосведомитель.

Недовольства в связи с задержкой зарплаты и настроение профессуры.

В связи с затяжкой выдачи зарплаты среди профессуры и научных работников имеются сильные недовольства, вылившиеся в то, что некоторые из них в знак протеста, ссылаясь на болезнь, не выходили на занятия (как, например, проф. *Шлыгин*, быв[ший] Деникинский офицер). По существу, имеются наиболее распространенные следующие рассуждения:

«За прошлое время деньги выдавать не будут, а выдадут облигациями займа «Пятилетка в четыре года»» (проф. *Першке* и *Матвеев*).

«Лучше быть носильщиком, чем научным работником, там больше и вовремя платят. Пережили [19]17, [19]18 и [19]21 гг., переживем и эти годы, но плохо то, что кобель возвращается к старой своей блевотине» (проф. Маковецкий).

«Денежные и товарные затруднения являются симптомами экономического кризиса. Сомнительно, как пишут газеты, чтобы, задолженность по зарплате скоро была ликвидирована» (преподаватели Раков и Веселков).

«Задержка в выдаче зарплаты расшатывает трудовую дисциплину и создает трудности ликвидации прорывов. Плохо делает власть, что широко не информирует население о своих затруднениях» (проф. Штейнберг и Сырокамский).

Далее по вопросу отношения к существующему строю, ВКП(б), строительства социализма, среди профессуры имеются следующие суждения:

«Пятилетка — это натянутые струны, которые должны лопнуть от напряжения» (проф. Сырокамский).

«Ничего из таких скороспелых темпов не выйдет» (проф. Шадлун).

«Пятилетка — это мыльный пузырь, который вот-вот лопнет» (проф. Преображенский).

«В колхозы загоняют палкой, а поэтому из ничего — ничего не получится» (научн-[ый] работник Смолин).

«Ни одно правительство не копалось так в душе научных работников, как копается Советская власть. У Сов[етской] власти слишком развита боязнь вредительства, всех зажимает и приступает чуть ли не с револьвером в руках, поэтому некоторые из боязни работают по системе «чего хотите», «чего изволите». Но, черта с два, если я им буду работать так, как они хотят. Материализм, как определенное мировоззрение, я не признаю» (проф. Соколов из Ин[ститу]та Стали[2]).

«Чем хуже для них, тем лучше для нас. Всем управляют биологические законы. Эти законы — нечто такое отвлеченное и непознаваемое, пока они диктуют войну, урожай, голод, антисемитизм и т.п. Марксизм же, хотя и ближе, но еще далек от истины. В идеи марксизма я не верю» (проф. Головин из Химич[еского] Ин[ститу]та[3]).

Отношение профессуры к вредителям и промпартии.

Во всех Институтах по секциям прошли собрания профессуры и научных работников. Причем профессура в большинстве случаев, несмотря на извещения, от явки на эти собрания уклонилась. Так, например, в Лесотехническом Ин[ститу]те[4] не явился проф. *Казенский*, в Ин[ститу]те Стали — *Доброхотов*, Химинституте — *Маковецкий* и т.д. Из числа же явившихся многие предлагали принять резолюцию, не требовать расстрела вредителей, а применить к ним «строгое наказание», причем в Строительном Ин[ститу]те[5], Лесотехническом Ин[ститу]те, УНИХИМе[6] и еще ряде других Ин[ститу]тов за вторую формулировку — «принять строгие меры» — голосовало значительное количество. В частных разговорах по этому вопросу имеются следующие суждения:

«Мне не верится, что *Рамзин* является вредителем» (проф. Ин[ститу]та Стали Доброхотов).

«*Рамзин* был ученый, и что с ним произошло — я знать не хочу. Поступки же шахтинцев я считаю нечестными» (проф. Соколов).

«К вредителям, порочащим наше имя, необходимо применять расстрел» (проф. Симон — Лесотехнич[еский] Ин[ститу]т).

«К уличенным во вредительстве надо применять строгие меры» (проф. Милованович — Строит[ельный] Ин[ститу]т).

«Всех осужденных по промпартии я хорошо знаю через моего брата, который состоит членом ВСНХ. Их всех расстреляют, кроме *Рамзина* — это видно по газетам» (преподаватель Лесотехнич[еского] Ин[ститу]та Раков).

О проф. *Доброхотове* необходимо отметить следующее: *Доброхотов* по линии ВТИ имел тесную связь с *Рамзиным*, довольно продолжительное время и, по мнению некоторых студентов, в своей повседневной работе проводил вредительские взгляды *Рамзина*, в особенности по вопросу газогенераторов. А именно: в своих лекциях по этому вопросу за последние годы *Доброхотов* проводил мысль, что газогенераторы — не

важная отрасль хозяйства, генераторы уже за границей не строят, и нам также не стоит строить новых генераторов.

В связи с такими взглядами, *Доброхотов* по вопросу генераторов на лекциях отделывался только общими замечаниями.

Переданные Кузбассуглем *Доброхотову* работы по исследованию углей для газогенератора тянулись безобразно медленно (в течение целого года) и только недавно, после ряда нажимов были сданы.

В настоящее же время с начала текущего учебного года по вопросу генераторов *Доброхотов* свою линию резко изменил и уже не только не говорит о них, как об умирающих конструкциях, но при кафедре печей открыл специальность по генераторам.

Состоя зав[едующим] учебной частью Института Стали и лектором по специальности термических печей, *Доброхотов* не прорабатывал учебные планы и программы, разогнав всю учебную часть. Сам подал рапорт, отказавшись от заведывания учебной частью, и до сих пор по своей кафедре к лекциям и проработке программ по практике не приступил, перенеся тяжесть всей работы на своих ассистентов.

В начале 1930 г. при организации Уральского Отделения ВТИ и при назначении к нему по Ин[ститу]ту в качестве заместителя члена ВКП(б) *Борецкого*, *Доброхотов*, вернувшийся к этому времени из поездки в Америку, заявил, что он с мальчишкой *Борецким* работать не будет, что он, *Доброхотов*, величина мировая, а Борецкий ничего не знает и т.д., и в результате настоял, чтобы *Борецкого* из Ин[ститута]та убрали.

В 1929 г., когда в связи с решениями июльского пленума ЦК, было преступлено к проведению беспрерывной производственной практики, *Доброхотов* противодействовал последнему, называя это нужное мероприятие для ВУЗа «шахтинским делом»[7].

В марте месяце сего года был против поездки профессуры для ликвидации производственных прорывов на заводах, говоря: «Я считаю, что сейчас еще не война, чтобы применять военные средства. Нет никакой необходимости посылать нас и использовать чуть ли не на подноске шихты».

В июне месяце сего года, будучи недоволен, что общественные организации провалили рекомендованных им лиц в аспиранты, заявил: «Классовая борьба на кафедре недопустима, боритесь где угодно: на площадях, на трибунах, а кафедру не троньте. Если вопрос так встанет, то я выгоню всех, кто занимается политикой и проводит классовую борьбу. Я мог бы поднять производительность мартена выше существующей, если бы мне при себе иметь своих учеников».

Далее в разговорах *Доброхотов* заявляет: «Я за Советскую власть, но против выдвижения коммунистов на руководящую работу. Я буду бороться с большевиками в школе».

Недавно в УНИХИМ была принята в качестве научной работницы некто *Капостынь* Мария Петровна, не член профсоюза. Последняя, по поводу вынесенной резолюции общим собранием научных работников УНИХИМа с требованием расстрела вредителей из промпартии, заявила: «Сотрудники голосовали, как стадо баранов и что жаль таких людей и больно за тех, кого расстреливают».

Когда такие заявления *Капостынь* стали всеобщей гласностью, то часть сотрудников в количестве 20 человек подали заявление в местком о снятии *Капостынь* с работы, другая же часть в количестве 15 человек на том же заявлении написала, что они просят расследовать поведение *Капостынь*, но без применения к ней такой строгой меры ввиду ее молодости и возможности исправления.

Вызванная на заседание месткома *Капостынь* снова заявила, что она считает сотрудников, голосовавших за расстрел, стадом баранов и что она жалеет тех, кого расстреливают, затем добавила, что каждое государство уничтожает тех, кто ему вредит, а нам в это дело нечего вмешиваться и голосовать за расстрел.

Затем тут же на заседании месткома *Капостынь* заявила, что она не желает состоять членом профсоюза и против соцсоревнования и ударничества, так как ударничеством могут заниматься неквалифицированные рабочие, и что она лучше уедет в Латвию, но в Советское подданство не перейдет.

Присутствовавший на заседании месткома проф. *Маковецкий* по вопросу о *Капостынь* выступил со следующей речью: «*Капостынь* просто аполитична, как многие из научных работников, которые все же работают добросовестно. В капиталистических странах ведь тоже, хотя и против капиталистов, но работают честно. В наших же условиях аполитичность почему-то рассматривается как враждебность».

Когда это выступление профессора Маковецкого со стороны членов месткома и др. сотрудников встретило сильный отпор, то Маковецкий пытался свести свое выступление в шутку, что, поскольку его выступление опять приняло форму очередного дебюта, то он никакого предложения о *Капостынь* не вносит.

По делу *Капостынь* месткомом приняты следующие решения: «Просить соответствующие учреждения запретить *Капостынь* работать в СССР и устроить над ней товарищеский суд».

В дополнение характеристики *Маковецкого*, необходимо дополнить следующее. При получении жалования в кассе правления Университета, высказывая недовольство произведенными вычетами, как то на облигации и проч., *Маковецкий* заявил: «На черта мне эту дрянь — советские деньги. Постройте лучше на стройфаке на эти деньги нужник и повесьте там портрет Ленина и мой, чтобы ему не скучно было, и пусть тогда любуются все на истинно Ленинское действие ускоренных занятий, новых кадров молодых специалистов, заседающих здесь с коммунистическим усердием».

Недовольство профессуры орган[изацией] и классовым подбором выдвиженцев на научн[ую] работу.

В связи с проведенной реорганизацией ВУЗов, в смысле организации отдельных институтов и техникумов по узкой специальности и укомплектованием директората Ин[ститу]тов партийной частью, а также в связи с классовым отбором выдвиженцев на научную работу, среди профессуры имеется сильное недовольство.

На этой почве среди некоторой части профессуры имеется тенденция к нелегальным объединениям для защиты своих интересов. Так, например, 7-го октября сего года в Геолого-Разведочном Ин[ститу]те[8)] проф. *Преображенский*, обращаясь к проф. *Нейман О.Ф.* и ассистенту *Рукавишникову*, заявил: «Надо секретно, хотя бы на дому научным работникам собираться и обсуждать свои дела», но, не встретив поддержки в разговорах на эту тему со стороны *Нейман* и *Рукавишникова*, *Преображенский* дальнейшие разговоры прекратил.

В разработке учебных планов Ин[ститу]та *Преображенский* принимает слабое участие, чем и тормозится составление учебных программ.

В Химическом институте проф. *Маковецкий* также до сих пор не проработал учебные планы. На днях вместо проработанных планов, он принес клочок бумаги, ничего не отражающий, когда же ему по существу зам[естителем] директора Ин[ститу]та *Водяных* сделано было замечание, что это не план, а клочок бумаги, ничего не говорящий, то *Маковецкий* иронически заметил: «Благодарю за указания, постараюсь их выполнить».

Проф. *Першке* заявляет: «С реорганизацией ВУЗов будут выходить не инженеры, а техники и научная работа останется без кадров».

«Я совершенно не понимаю, какими местами думают вышестоящие организации. Из этого получится только превращение высшей школы в техникум» (проф. Хребтов).

«При такой реорганизации и спешке в учебе студенты, хотя и будут оканчивать Университеты, но что они будут знать — это дело другое» (проф. *Шапшев* — Пермь).

Такое же мнение по этому вопросу и [у] большинства остальной Пермской и Свердловской профессуры.

В конце сентября месяца в Геолого-Разведочном Ин[ституту]те, в связи с необеспеченностью кафедр преподавателями, обсуждался вопрос о наборе ассистентов. Проф. *Преображенский* и доцент *Волков*, в противовес мнению партийной части, рекомендовали ассистентами *Ушакова Н.А., Малахова А.Е., Бак И.И., Левковича С.Я.* и *Матвеева В.И.*, примыкавших во время учебы в УПИ и примыкающих теперь к правой профессуре.

Несколько ранее этого, при выдвижении на научную работу, проф. Ин[ституту]та Стали *Доброхотов* и старший ассистент *Глинков* выдвигали *Соколова*, *Ласкова*, *Будрина* и др., примыкавших ранее к правой профессуре, и бывших белогвардейцев.

Такое же мнение, т.е. мнение о том, что научных работников должна подбирать только профессура, а не общественные организации, поддерживается и профессором *Маковецким*, Штейнбергом, Головиным, *Соколовым*, *Стецулла* и др., примыкающими к так называемой правой части профессуры.

Все эти лица упорно не желают считаться с выдвижением пролетарского студенчества и рабочих на научную работу и всяческими путями, помимо общественных организаций, подбирают себе работников по собственному усмотрению. Иллюстрацией к этому может служить следующий ответ, данный проф. *Маковецким* НТУ ВСНХ на запрос последнего о представлении в УНИХИМе вакантных должностей для выдвижения рабочих на научную работу. [Он] буквально ответил следующее: «УНИХИМ — это не ВТУЗ, вакансий (штатов) для таких выдвиженцев нет. Научно-исследовательской работе обучить рабочих нельзя, так как к научной работе не допускаются даже не окончившие ВУЗ».

Зам[еститель] ПП ОГПУ по Уралу [подпись] (Нодев)
Нач[альник] СО ПП [подпись] (Руднев)

ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.102. Л.57-65. Подлинник. Машинопись.

№ 3. Из информационного сообщения оргинструкторского отдела Свердловского обкома ВКП(б) в Управление по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) о политическом настроении городского населения

№ 784/с, [*г.* Свердловск][1] 13 сентября 1947 г.

Трудящиеся Свердловской области стремятся выполнить к XXX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции план второго года четвертой Сталинской пятилетки, оказать всемерную помощь колхозам в уборке урожая, сдаче государству хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, активно участвуют в работе по благоустройству городов, подготовке социально-бытовых учреждений к зиме.

[...][2] В городах области, однако, имеются отдельные люди, враждебно настроенные, неправильно расценивающие продовольственные трудности, вызванные неурожаем прошлого года и высказывающие недовольство по поводу трудностей.

Среди населения города Красноуфимска имели место такие высказывания: «Самим хлеба не хватает, а зерно отправляем за границу». Машинист паровоза *Гладков* заявил: «Меняем хлеб на трубы».

В городе Кировграде среди отдельных рабочих имели место такие разговоры: рабочий Левихинского рудника *Степанов*, которому управляющий рудоуправления и городской прокурор не разрешили уйти с предприятия, заявил: «Дожили до крепостного права, расчет не дают, в СССР никакой свободы нет, и люди живут как невольники».

Рабочий *Милютин* говорил: «Везде воруют, государство всех с малолетнего возраста приучает воровать. Детям дают по 300 граммов хлеба, они недоедают, всегда голодные и ищут, где что-либо украсть и покушать».

Жители города *Талалаев* и *Рожин* отказались поехать в колхоз, заявив: «В колхоз мы не поедем потому, что все равно на будущий год этот хлеб не будем кушать».

Технический секретарь Асбестовской городской поликлиники *Шишелева* сказала: «Нам говорят, что скоро при новом урожае будет лучше, а кто его знает, какой в этом году будет урожай, это еще неизвестно, может, все умрем с голоду. Нас все время обещаниями кормят, а улучшения нет».

Механик автогаража Дегтярского рудника (г. Ревда) *Чепурных* заявил: «Отмены карточной системы нечего ожидать потому, что Советский Союз кормит своим хлебом Финляндию, Румынию, Польшу и другие страны. Если и отменят карточную систему, то хлеба все равно недостаточно, создадутся очереди и это будет еще хуже».

Конюх Невьянского прииска «Уралзолото» *Мохов*, прочитав сообщение ТАСС об англо-советских торговых переговорах, заявил: «Эти сообщения только злят. Сами голодаем, а буржуям отдаем свой хлеб».

Работница Невьянского райздравотдела *Пшеничная* сказала: «Я не знаю, скоро ли кончатся наши страдания с хлебом, что-то им конца не видно».

Кузнец Невьянского цементного завода *Кочусов* сказал: «Как же отменит правительство карточную систему. Лучше, скажет, надо помочь какой-нибудь Англии или Чехословакии, а рабочие — ладно, проживут на голодном пайке, они уже к этому привыкли».

Бригадир такелажной бригады Невьянского механического завода *Терехов* заявил: «Что такое творится у нашего правительства? — не поймешь. Хлеб отправляют за границу, а нас морят, держат на голодном пайке. Все государства будут кормить нашим хлебом, а сами все с голода пропадем».

Зав[едующий] материальным складом Невьянского отделения Свердмежрайторга *Тюкин* сказал: «Тогда жить будем хорошо, когда не будет этих правителей, они разорили всю Россию, весь хлеб отправляют за границу, а нас заморят с голоду. Вот сейчас, когда мы им даем хлеб, они на нас смотрят. Все равно положение не улучшится. Говорят, где-то урожай хороший, но это нам не попадет, все уйдет за границу».

Составитель транспортного цеха Невьянского цементного завода *Хаджимов* сказал: «Заключение с Болгарией, Югославией и другими странами договоров на поставку им зерна, советским правительством сделано неверно, потому что, в первую очередь, необходимо накормить хлебом советский народ, а потом поставлять хлеб за границу. Советским хлебом Болгария наверняка будет кормить своих свиней, а мы будем голодные».

Рабочий помольного цеха Невьянского цементного завода *Комовский* заявил: «Нужно добиться того, чтобы колхозники не сдавали хлеб государству, а продавали его на базаре свободной торговлей. Все равно правительство возьмет хлеб и отдаст за границу, а мы будем голодные».

Мастер передела погрузки цеха № 3 Невьянского механического завода *Голубин* вел среди рабочих такие разговоры: «Читая газеты, можно делать такой вывод, что мы опять накануне войны, так как в Индонезии воюют, в Китае — тоже, а в Греции — тем более, а потому можно заключить, что идет накопление резервов хлеба, так как все равно втянут в войну, поэтому нас и начинают прижимать».

В отдельных городах активизируются церковники.

В городе Асбесте установлен ряд случаев организации коллективных молебствий, на которые церковниками привлекается молодежь. Среди рабочих фабрики № 2 треста «Союзасбеста» ими распространялись слухи о скором прекращении жизни на земле.

На Дегтярский медный рудник часто приезжает служитель культа, который созывает граждан, агитирует их за открытие церкви, собирает для этой цели подписи. Такие собрания даже проводились в квартирах родителей коммунистов *Огородникова* и *Моксунова*, в присутствии последних.

Огородников исключен из партии, вопрос о партийности *Моксунова* будет решен в ближайшие дни.

По всем случаям антисоветских разговоров партийными организациями приняты меры.

Партийные организации усилили разъяснение трудящимся вопросов внутреннего и международного положения страны. Силами партийного актива, штатных и внештатных лекторов, агитаторов на предприятиях, в клубах, красных уголках, общежитиях читаются лекции, доклады, проводятся беседы по этим вопросам.

Лекторами Обкома ВКП(б) с января по сентябрь 1947 года прочитано 635 лекций с охватом 64386 человек. Лекторскими группами горкомов и райкомов ВКП(б) за 6 месяцев текущего года прочитано 4905 лекций.

З[аведующий] оргинструкторским отделом [Свердловского] обкома ВКП(б) [подпись] (Бармасов)

ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.157. Л.1. 5-8. Подлинник. Машинопись.

---

[1]Место написания документа установлено по авторству документа.

[2]Опущены сведения об успешном выполнении планов промышленного производства предприятиями Свердловской области, а также вопросы, касающиеся внешней политики СССР и международного положения, которые наиболее часто задавались населением городов области.

№ 4. Из стенограммы заседания пленума Свердловского обкома ВКП(б) о выводе из состава членов бюро обкома ВКП(б) начальника управления МГБ по Свердловской области Т.М. Борщева

г. Свердловск 16 марта 1948 г.

Тов. *Недосекин*. Разрешите начать работу XXXVI пленума Обкома ВКП(б). Повестка дня:

1. Оргвопрос.
2. Утверждение отчета о работе Обкома ВКП(б).

По организационному вопросу. Начальник Управления МГБ тов. *Борщев*, призванный организовать работу по предотвращению всяких попыток подрыва и извращений мероприятий партии и правительства по проведению денежной реформы[9)] и, несмотря на специальную директиву об этом важном мероприятии от Министерства Государственной Безопасности Союза ССР, не только не вскрыл злоупотребления в этом деле, но допустил серьезные злоупотребления даже у себя в аппарате и не разобрался в поведении членов своей семьи, укрывших в совхозе МГБ 20 тысяч рублей через ответственных работников Управления.

Факты злоупотреблений в аппарате Управления были вскрыты не работниками МГБ, а специальной ревизией Госбанка.

Тов. *Борщев* дискредитировал себя как коммуниста в проведении денежной реформы.

Постановлением бюро Обкома ВКП(б) от 20 февраля 1948 года тов. *Борщев* выведен из состава бюро и поставлен вопрос перед ЦК ВКП(б) о снятии его с поста начальника Управления МГБ по Свердловской области.

Данный вопрос вносится на рассмотрение пленума Обкома партии.

Какие будут вопросы?

Вопрос: Дано ли взыскание?

– Нет. Мы считали достаточным вывести тов. *Борщева* из состава бюро и просить ЦК снять его с работы.

По Борщеву будут вопросы? (Нет).

Кто за то, чтобы вывести Борщева из состава бюро, прошу голосовать. Против? (Нет). Принято единогласно[10]. [...][1]

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 9. Л. 31-32. Подлинник. Машинопись.

---

[1] Опущено обсуждение отчетного доклада Свердловского обкома ВКП(б) областной партконференции Подпись и расшифровка подписи отсутствуют.

№ 5. Информационное письмо секретаря Свердловского обкома КПСС в Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС о реагировании населения на публикацию в газете «Правда» о шпионско-террористической группе профессоров-врачей[1]

г. Свердловск 16 февраля 1953 г.

Среди[2] трудящихся области продолжает отмечаться повышенный интерес к опубликованному в печати сообщению о вскрытой шпионско-террористической группе профессоров-врачей[11].

Не ослабевает поток откликов, заявлений и предложений. Сообщение в печати активно обсуждается на предприятиях, учреждениях и в[3] организациях. Имеются просьбы обсудить материалы «Правды» на митингах и собраниях. Подавляющее большинство населения высказывает большое удовлетворение фактом пресечения преступной деятельности этой шайки бандитов. Все без исключения высказываются за применение к убийцам самых строгих мер наказания — смертной казни.

Многие рабочие, колхозники, инженерно-технические работники и служащие продолжают требовать усиления бдительности, особенно от органов государственной безопасности. Предъявляются большие претензии к партийным организациям, которые очень слабо стали вести работу по укреплению революционной бдительности. Требуют проверки работы не только Министерства здравоохранения, но и других Министерств и заводов. Так, обер-мастер Ново-Тагильского металлургического завода, лауреат Сталинской премии тов. Калашников и инженер этого же завода тов. Колобашкин, заявили: «Разоблаченная шайка шпионов-врачей имеет свои щупальца и на периферии. Предлагаю проверить работу не только Министерства здравоохранения, но и других Министерств, и особенно нашего завода».

Многочисленные высказывания трудящихся о необходимости изменить отношение к евреям, не доверять им ответственных постов, заставить их заниматься работой непосредственно на рабочих местах, в колхозах. Некоторые товари-

щи требуют сселения евреев в одно место[4], напр[имер] в[5] Биробиджан[6]. Отмечаются факты недоверия врачам-евреям. В больницах и поликлиниках некоторые клиенты просят[7] приема[8] только у русских врачей. Продолжаются высказывания в адрес врачей-евреев, что они неправильно ставят диагнозы и неверно лечат.

В связи с этим, в настроении еврейского населения продолжает наблюдаться повышенная нервозность и почти общая подавленность.

Евреи в общении с русскими неактивны, стараются уклониться от разговоров по существу событий. В общих беседах на предприятиях, в учреждениях и организациях участия не принимают. В разговорах заявляют об опасении даже ходить по оживленным улицам «как бы не нарваться на скандал с пьяными». Так, инженер завода Лейбон заявляет, что «моя мать говорит, что в очередях и магазинах нас готовы избить, и говорят такое, что и стоять невозможно»[9].

Изучение настроений населения области позволяет сделать выводы о необходимости:

1. Улучшить работу партийных организаций по укреплению революционной бдительности на всех участках работы.

2. Усилить работу по разъяснению национальной политики Советского государства среди всех слоев населения.

3. Ужесточить контроль за работой лиц[10] еврейской национальности[11], занимающих ответственные посты[12].

Секретарь [Свердловского] обкома КПСС [подпись][13] [А.М. Кутырев][12)]

ЦДООСО. Ф.4. Оп.52. Д.127. Л.124-126. Подлинник. Машинопись.

---

[1] Авторский заголовок *Информация о реагировании трудящихся на сообщение газеты «Правда» о подлых убийцах под маской профессоров-врачей.* Вверху над текстом документа от руки написано *Передано по ВЧ 23-83. Приняла Павлова 16/ II-53 г. в 23 ч. 30 м.*

[2] Впереди зачеркнуто *По сообщениям партийных организаций и наблюдениям.*

[3] Предлог *в* вписан над строкой.

[4] Далее зачеркнуто *вроде.*

[5] Слова *напр. в* вписаны над строкой.

[6] Далее зачеркнуто *или Палестины. Уже.*

[7] Слово *просят* вписано над строкой.

[8] Далее зачеркнуто *просят.*

[9] Далее зачеркнуто *Однако фактов оскорблений евреев по области не зафиксировано.*

[10] Слово *лиц* вписано над строкой. Далее зачеркнуто *евреев.*

[11] Слова *еврейской национальности* вписаны над строкой.

[12] Далее над строкой вписано и зачеркнуто *не давать им распускаться и ухудшать работу.* Далее зачеркнуто *4. Не допускать фактов физического оскорбления евреев.*

[13] Расшифровка подписи отсутствует.

№ 6. Материалы информационного письма парткома Уральского политехнического института имени С.М. Кирова в Свердловский горком КПСС о ходе XVIII отчетно-выборной общеинститутской конференции ВЛКСМ

г. Свердловск 1 ноября 1956 г.

XVIII общеинститутская конференция ВЛКСМ открылась 30 октября 1956 года. На конференцию избрано 710 делегатов. Присутствовало 650 человек (60 чел[овек] отс[утствовали])[1].

Обсуждение отчетного доклада комитета ВЛКСМ открылось выступлением студента IV курса физико-технического факультета *Немелкова*[13)], от начала до конца пронизанного антипартийными, антисоветскими измышлениями, насыщенного клеветой на народ, правительство, комсомол.

Немелков выступал по заранее написанному тексту. Существо выступления сводится к злобным выпадам против партии, государства, народа.

Он утверждает, что «...у нас есть замечательная конституция, которая, к сожалению, существует только на бумаге, по крайней мере, в отношении демократических свобод: свобода слова, печати, демонстраций, выборов и т.д.», что «...государственный аппарат погряз в бюрократизме и волоките..., а местные парторганизации и Советы — домашние попугаи».

Немелков говорит, что «Комсомол перестал быть в полном смысле слова политической организацией...». Немелков призывает бороться со всеми «кто затыкает глотки, боится правды, бороться за то, чтобы снова воскресли демократические свободы, чтобы люди почувствовали себя хозяевами на этой земле».

«Не надо бояться говорить во весь голос, — говорит Немелков, — критикуйте все и вся, что считаете неправильным. Если, по-твоему, правительство перегнуло, министр осел, ну, что ж, и их тоже критикуй...» и т.д. и т.п.

В заключении Немелков предлагает не ограничивать прием в партию студентов, на выборах в Верховный Совет[2] избрать своих делегатов из студентов, причем считает, что предстоящие выборы должны стать первым сражением с народным страхом и молчанием и призывает не преклоняться слепо перед авторитетами, не жалеть седин, «жалеть — говорит он — только помешает нашему общему делу. Сделаем комсомол политической организацией, возглавим борьбу с косностью и рутиной, воплотим нашу самую демократическую конституцию в жизнь, станем вместе со всем народом хозяевами страны на деле».

Выступление Немелкова, хотя и прерывались требованием лишить его слова, продолжалось 15 — 20 минут и закончилось под аплодисменты делегатов.

Первые же выступления показали, что конференция пошла по пути обсуждения этого выступления, а не отчетного доклада комитета ВЛКСМ.

Делегаты тт. Добрыдень, Казанцев, Петухов, Иванова выступили с резкой отповедью клеветнических измышлений Немелкова, однако, отдельные делегаты — Рудченок, Миронов, в той или иной форме поддержали Немелкова.

На второй день конференции /31 октября/ политическая дискуссия развернулась с новой силой. Делегация физико-технического факультета внесла на обсуждение конференции документ, в основном одобряющий поведение Немелкова.

В этом документе делегация пишет: «...делегация считает, что выступление Немелкова было исключительно своевременным и нужным». Отмечая далее, что некоторые положения были высказаны в очень резкой форме и неправильно поняты делегатами, а некоторые — принципиально неверны.

Вместе с тем делегация почти полностью перепевает существо антисоветских и антипартийных измышлений Немелкова, облекая их в более мягкие формы.

С этими предложениями /получившими на конференции название «предложения[3] делегации физико-технического факультета»/ выступил секретарь комсомольской организации факультета Писчасов, подтвердивший в выступлении солидарность собственных взглядов с большинством положений Немелкова.

Делегаты конференции тт. Бармин, Пономарев — секретарь ГК ВЛКСМ, Мкртчан — зав. кафедрой истории партии и др. снова резко осуждали выступление Немелкова и разъяснили делегатам порочность его, однако в выступлениях другой группы /особенно физико-технического факультета/ звучала поддержка этих положений.

В ходе второго дня конференции партийный комитет, совместно с ГК КПСС и ГК и ОК ВЛКСМ, решили[4] продолжать[5] обсуждение проекта «решения делегации физико-технического факультета» и выступления Немелкова после предварительного изучения делегациями этих документов.

По требованию делегации физико-технического факультета была дополнена редакционная комиссия.

На конференции договорились о том, что 1 ноября делегации каждого факультета определят свои позиции по отношению к выступлению Немелкова и делегатов физико-технического факультета.

Партком института провел совещание секретарей партийных организаций, деканов факультетов с целью мобилизации партийных организаций на разъяснение студентам-делегатам истинного смысла выступления Немелкова и других.

1.XI на всех факультетах института[6] проведены[7] партийные собрания по обсуждению политической оценки хода конференции и[8] совещания комсомольцев-делегатов. На каждом факультете делегаты приняли резолюцию, осуждающую неправильное выступление Немелкова и секретаря комитета комсомола физико-техн[ического] факультета Писчасова. Химики, металлурги и другие делегации выставляют на конференции требование — осудить антипартийное и антисоветское выступление Немелкова и его защитников. Немелкова из ВЛКСМ исключить. После партийного собрания на физико-техническом факультете провели совещание делегатов-комсомольцев, на котором выступил секретарь комитета факультета Писчасов, правильно дал оценку выступления Немелкова, отказался от своего выступления на конференции как политически незрелого и которое прозвучало как антипартийная платформа, и от делегатов получил согласие выступить на конференции с отречением [от] вчера произнесенной речи на конференции и осуждением выступления Немелкова как антисоветского выступления. В 18 ч. 30 мин. местного времени конференция продолжит свою работу[9].

Редакционная комиссия, заседавшая в ночь на 1.XI единодушно предлагает решением конференции осудить антипартийное и антисоветское выступление Немелкова и его защитников.

Перед началом конференции состоялись совещания делегаций, на которых коммунисты помогли разобраться студентам в обсуждаемых вопросах и определить свою позицию по отношению к Немелкову, Писчасову и др.

Партком уверен, что коммунисты института, комсомольский актив сумеют разъяснить всей молодежи ошибочность и вредность подобных выступлений[10].

Зам.[11] Секретарь парткома /подпись/[12] /Н.Ф. Плетнев/[13]

ЦДООСО. Ф.161. Оп.27. Д.57. Л.32-36. Подлинник. Машинопись.

---

[1] Слова *(60 чел. отс.)* вписаны над строкой.

[2] Слова *в Верховный Совет* вписаны над строкой.

[3] Слово *предложения* вписано над строкой.

[4] Далее зачеркнуто *на конференции о.*
[5] Слово *продолжении* исправлено на *продолжать.*
[6] Слово *института* вписано над строкой.
[7] Слово *проводятся* исправлено на *проведены.*
[8] Далее зачеркнуто *принятия мер воспитательного характера.*
[9] Выделенный текст написан от руки, датирован 1 ноября 1956 г., после него имеется неразборчивая подпись.
[10] Выделенный текст зачеркнут.
[11] Слово *зам.* вписано.
[12] Подпись заместителя секретаря парткома неразборчива, ее расшифровка отсутствует.
[13] Подпись секретаря парткома УПИ Н.Ф. Плетнева отсутствует.

№ 7. Документы о сносе дома Ипатьева[14)] в г. Свердловске

Письмо жителя г. Свердловска Ю.П. Сакныня председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу о необходимости сохранения дома Ипатьева

г. Свердловск 6 сентября 1977 г.

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

К Вам, как главе Советского Государства, обращается сын латышского революционера, активного участника гражданской войны на Урале, члена КПСС с февраля 1917 года, Сакнынь Петра Ивановича. Сам он этого не может сделать, т.к. умер в пятидесятых годах. Не могут этого сделать и его товарищи, соратники, старые коммунисты-большевики. К настоящему времени, вероятно, уже никого не осталось в живых из стариков-ветеранов ленинской гвардии. Не могут они за себя постоять, не могут защитить свою революционную честь и достоинство, свои действия и поступки, зачастую — героические и мужественные, а, главное, совершавшиеся всегда во имя Революции и светлого будущего.

Сейчас эти их действия ставятся под сомнение, подвергаются дискредитации, а, попросту говоря, оплевываются. Во имя чего и почему?

Речь идет о принятом решении, подписанном председателем[1] Совета Министров РСФСР тов. Соломенцевым[15)] о сносе и уничтожении революционного памятника истории, т.н. дома Ипатьева, где, как известно, были казнены в июле 1918 года перед сдачей Екатеринбурга белочехам[2] последний царь Российской империи Николай II и его близкие.

Что же получается? Революционное событие, не менее значительное в истории России и всего мира, чем залп «Авроры», пытаются сейчас некоторые, не в меру стыдливые и совестливые товарищи, истолковать как акт варварства и зверства над беззащитными людьми.

Товарищи, вероятно, забыли отечественную историю (все-таки прошло шестьдесят лет) и не могут сообразить, что это была вынужденная и неизбежная жестокость (на то и революция, а не парламентская возня!) и не имело значения, кто оказался в доме Ипатьева: вместо Николая II мог быть кто-либо из Александров и Павлов, кто угодно из династии Романовых. Тогда история уже вынесла свой приговор русской монархии, и должна была быть поставлена последняя точка над царским самодержавием. Судьбе было угодно, чтобы эта точка была поставлена в Екатеринбурге, в доме Ипатьева над Николаем II.

Приговор по решению Исполкома Уральского Областного Совета (не самосуд) привели в исполнение Яков Юровский, Григорий Никулин, Павел Медведев, Петр Ермаков — непоколебимые революционеры-большевики, мужественно принявшие

на себя всю историческую ответственность. Это были героические сыны Урала, и мы гордимся ими! Окажись на их месте любой из современных деятелей местного масштаба, никто бы не отважился без согласования с «верхом» принять на себя такую ответственность. Убежден в этом[3] вне всякого сомнения!![4] А, как известно, связи с «верхом» в то время[5] уже не могло быть, город почти полностью был окружен белочехами, бои шли на подступах к Екатеринбургу. Через день город были вынуждены сдать врагу. Вот в такой ситуации действовали наши отцы и деды: «упустить» к белочехам царя и его семейство они не имели права ни по приказу, ни по своему[6] убеждению и долгу! И делали они это не за страх, а за свою революционную совесть.

Через день, 18 июля 1918 года, Президиум ВЦИК постановил признать решение Уральского Областного Совета правильным и одобрить его действие.

И вот, в канун 60-летия Октября принимается, по меньшей мере, такое странное решение. Некоторые досужие языки уже толкуют, что в следующем году, т.е. 1978 году, будет тоже 60-летний юбилей гибели русского царя и, де, наше правительство решило искупить вину перед потомками Романовых уничтожением такого «бельма на глазу» для всех монархистов и иже с ними. От себя добавлю, может, юбилейную медаль отчеканить по этому поводу? Какой абсурд, какой стыд и позор перед лицом павших за советскую власть, перед бесчисленными жертвами палача народов Николая–Кровавого!

А какой ликующий резонанс произведет это событие в стане наших врагов за рубежом!

Возможно, на этом настаивают поборники «гражданских свобод» за океаном? Конечно, в чем-то государственная политика должна быть гибкой, конъюнктурной, что ли. Что-то в настоящий момент может выдвигаться на передний план, что-то временно затушевываться, оставаться в тени. Но исторические памятники любого рода и характера **не должны** подвергаться пороку уничтожения ради временной, сиюминутной конъюнктуры. Потомки нам не простят этого!

Как знать, может быть еще придется в будущем напомнить наследникам Романовых и их покровителям о судьбе их предка и о том, что в Советской России сохранился ипатьевский дом, как суровое предостережение и напоминание царям и всяким монархам, которые захотели бы иметь виды на Россию. История — мудреная штука, все может быть!

Кстати, сравнительно недавно в Испании сочетались браком русская великая княгиня и прусский принц. Последний принял русское подданство, православие и все наследные права Дома Романовых. Вот Вам и претендент на русский трон!

Таким образом, все это — не далекий эпизод из учебника истории, а сама история, очень сложная, многообразная, и принять правильное решение, порой, бывает очень трудно. Так, зачем же делать опрометчивые решения только потому, что некоторые ответственные товарищи не могут различить: что такое монархический памятник, а что — революционный.

По всем законам логики и здравого смысла, ипатьевский дом, в котором находился под арестом царь, и в котором он был расстрелян, казнен, не может быть памятником монархии, а **только** антимонархическим **памятником**, т.е. **революционным**. И стоять он должен века! Так заявили на объединенном Пленуме Областного актива все присутствовавшие члены Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Это мнение масс, голос представителей советского народа.

И вообще, глубокоуважаемый Леонид Ильич, у нас в Свердловске очень неблагополучно с сохранением памятников истории, в том числе, и революционных, о чем за истекшее полугодие было много критических публикаций в местной и центральной печати.

Из 15 памятников, связанных с пребыванием Я.М. Свердлова в Екатеринбурге, осталось только 4. Уничтожены здания, где раньше размещались штаб боевых дружин 1905-[190]7 гг. и штаб Красной Гвардии, явки и подпольные типографии. Находится под реальной угрозой сноса бывшая гостиница «Берлин», связанная с пребы-

ванием в нашем городе сестры Владимира Ильича Ленина — Анны Ильиничны. Если будет уничтожен ипатьевский дом (во что я не могу поверить), то автоматически уничтожается т.н. дом Саломирского — штаб 28 дивизии[7] под командованием уральского большевика-латыша[8] Азина, освобождавшего Екатеринбург от белогвардейцев. И многое, многое другое.

Я мог бы продолжить скорбный и очень длинный список того, что уже уничтожено и что будет уничтожено в ближайшее время, но, дорожа Вашим временем, этого не делаю. В городском отделении Общества охраны памятников все материалы имеются. Остается только фиксировать все то, что уничтожается по мановению резвой руки председателя горисполкома тов. Гудкова[16)].

«Бороться за создание города Свердловска — городом высокой культуры» — сказал как-то тов. Гудков, а сам подписывает постановление за постановлением о сносе ряда исторических и культурных памятников, находящихся в центре Свердловска. «Сносили и сносить будем!» — заявил он громогласно на заседании горисполкома в присутствии председателя и ответственного секретаря Общества охраны памятников[9] тт. Бальчугова А.Д. и Смирнова В.И., а также профессора, доктора исторических наук т. Козлова А.Г., как будто нет Закона об охране памятников, как будто не внесена специальная статья в проект Конституции СССР о сохранении памятников истории и культуры. По-видимому, мнение общественности, коренных свердловчан, для председателя горисполкома ничего не значат. Хозяин! А мне думается, что определение, данное в свое время о депутате, как слуге народа, не утратило силы. По этому поводу тогда же было сказано и про «вороных».

Меняются поколения людей. Их взгляды и воззрения, меняются стили и строительные приемы в архитектуре, но исторические памятники должны стоять века, неподверженные никаким вкусам и поветриям, с абсолютной гарантией своей неприкосновенности. На этой основе только может нормально и плодотворно развиваться человеческая культура.

Сакнынь Юрий Петрович, краевед и старожил города Свердловска [подпись].

[...][10] P.S. Простите за большое количество помарок, перепечатывать это письмо уже нет времени — Ипатьевский дом начали «растаскивать». Необходимо срочное решение[11].

ГАСО. Ф. Р-88. Оп.2. Д.2558. Л.38-41. Подлинник. Машинопись.

---

[1] Далее зачеркнуто *Президиума Верховного Совета.*

[2] Слово *белочехам* вписано над строкой.

[3] Далее зачеркнуто *непоколебимо.*

[4] Слова *без всякого сомнения* вписаны над строкой.

[5] Слова *в то время* вписаны над строкой.

[6] Далее зачеркнуто *революционному.*

[7] Так в тексте.

[8] Слово *латыша* вписано над строкой.

[9] Слова *Общества охраны памятников* вписаны над строкой.

[10] Не воспроизводится домашний адрес.

[11] Примечание автора выполнено рукописным способом.

Письмо Свердловского облисполкома Ю.П. Сакнынь о причинах сноса здания по ул. К. Либкнехта[1]

№ 0305–17, *г.* Свердловск 20 октября 1977 г.

Свердловский облисполком рассмотрел Ваше письмо от 06.09.77, направленное в Президиум Верховного Совета СССР, и сообщает, что здание по ул.

К. Либкнехта, 49 в г. Свердловске не является памятником. Оно снесено по решению горисполкома в связи с необходимостью реконструкции улицы К. Либкнехта, предусмотренной генеральным планом застройки и реконструкции г. Свердловска.

Председатель исполкома А.А. Мехренцев[2, 17)]
Согласовано:
Зам. председателя исполкома [подпись] Г.Ф. Важенин
Нач[альник] обл[астного] управления культуры Ю.Н.Тимофеев[3]

ГАСО. Ф.88-Р. Оп.2. Д.2558. Л.33. Копия. Машинопись.

---

[1] В верхнем правом углу документа указан адресат — домашний адрес Ю.П. Сакныня, который не приводится.

[2] Подпись отсутствует.

[3] Подпись отсутствует.

№ 8. Из письма директора комбината «Уралэлектромедь» Б.А. Кривоусова первому секретарю Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцину[18)] о проблемах сельского жилищного строительства

31 января 1979 г.[1]

Сельское хозяйство страны в экономическом и социальном отношении сделало крупные шаги вперед со времени мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Вместе с тем июльский Пленум ЦК КПСС отметил, что общий уровень развития этой жизненно важной отрасли еще не отвечает быстрорастущим потребностям общества.

«Главная задача, которую мы ставим перед сельским хозяйством, — говорил на июльском Пленуме ЦК КПСС Л.И. Брежнев, — добиться всестороннего, динамичного развития всех отраслей, надежного снабжения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем с таким расчетом, чтобы рост их производства обеспечивал дальнейшее значительное повышение уровня жизни народа. Одновременно мы должны умножать усилия в решении задач сближения материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни».

Именно по поводу наших усилий в решении крупных социальных задач на селе, более энергичному их решению я позволю себе, Борис Николаевич, высказать свои мысли и предложения.

Большие капитальные вложения, которые направлялись в последние годы и будут направляться теперь, после июльского Пленума ЦК КПСС, в еще больших размерах в укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, совершенно очевидно, обеспечат значительное приращение производственных фондов, но эти фонды дадут ощутимый эффект лишь в том случае, если эти средства будут использованы и на одновременное преобразование жилищных, бытовых и социально-культурных условий жизни в деревне.

В последние годы в совхозах и колхозах Свердловской области осуществляются важные экономические преобразования, направленные на дальнейшее развитие производительных сил в сельском хозяйстве и сближение уровня жизни сельского и городского населения.

За годы десятой пятилетки на развитие сельскохозяйственного производства будет направлено свыше 1,5 миллиарда рублей государственных капитальных вложений и собственных средств колхозов.

С каждым годом возрастают на селе масштабы производственного, жилищного и культурно-бытового строительства.

В истекшие семь лет (1971 — 77 годы) в селах области построено более 1100 тыс. квадратных метров жилой площади, школ на 36 тыс. ученических мест, клубов и домов культуры на 17,7 тыс. мест, свыше 260 магазинов и предприятий общественного питания. С каждым годом все более высокими темпами ведется строительство дорог и инженерных коммуникаций.

Однако, как мне представляется, в организации сельского строительства и в планировании капитальных вложений имеется ряд существенных недостатков. Дело в том, что установившиеся соотношения капиталовложений в сферу производственного и непроизводственного строительства сдерживают комплексную застройку сел, их инженерное обустройство. Часто можно видеть, когда рядом с новыми современными животноводческими комплексами или птицефабриками уживаются совершенно неблагоустроенные села.

Уровень благоустройства сельских населенных пунктов в области крайне низок. Центральным отоплением в совхозах и колхозах обеспечено лишь 25 процентов жилого фонда, канализацией — 26, и горячим водоснабжением — 6 процентов. Исключительно медленными темпами ведется строительство внутрихозяйственных дорог с твердым покрытием, асфальтирование тротуаров, площадей и улиц в селах. Еще очень велика потребность в жилье вообще и, особенно, в благоустроенном, не хватает современных школ, а еще больше — детских дошкольных учреждений, отсутствуют многие объекты бытового назначения. Вместе с тем, выделяемые на эти цели денежные средства осваиваются из года в год неудовлетворительно из-за слабой работы подрядных строительно-монтажных организаций и низкого уровня организации хозяйственного способа строительства.

В результате неполного соответствия между потребностями населения, образом жизни, к которому оно стремится, с одной стороны, и фактическими условиями труда и жизни в деревне, с другой, приводит к оттоку из сельской местности кадров. В большинстве своем — это молодежь и люди среднего возраста, как правило, высокой квалификации. Численность колхозников, рабочих совхозов, специалистов ежегодно резко сокращается, но совсем не в той пропорции, как это позволяет рост производительности труда за счет технической вооруженности сельского хозяйства, а в значительно больших размерах. В итоге настолько ухудшилась возрастная и профессиональная структура трудовых ресурсов на селе, что мы испытываем такой дефицит в кадрах специалистов, механизаторов, животноводов, когда просто, в ряде случаев, некому подвозить корма, доить коров, ухаживать за скотом, и так далее, то есть выполнять текущую, повседневную работу. Я не говорю о валовых работах на селе в период ухода за посевами, заготовки кормов, уборки урожая, когда в меньшей или большей степени нужна дополнительная рабочая сила, и она должна приходить из города на помощь селянам. Здесь, как говорится, нет вопроса. Была, есть и будет такая помощь, без нее не обойтись.

Наряду с этим на селе должна вестись постоянная работа предприятий и организаций города или, как принято говорить, шефская помощь (конечно, в лучшем понимании этого слова) в части: строительства новых и капитального ремонта производственных зданий, сооружений, учреждений культуры, бытовых объектов, механизации трудоемких процессов и т.д. Но не такое шефство нужно, когда сплошь и рядом рабочие промышленных предприятий посылаются на село почти круглый год для внутрихозяйственных работ, которые должны бы выполняться персоналом совхоза. Конечно, за это и судить нельзя строго того или иного совхозного руководителя. Ведь куда денешься, если сама обстановка диктует необходимость так делать. По этому поводу мы часто упрекаем селян и видим, чуть ли не корысть в их действиях, потому что, дескать, их устраивает дешевая рабочая сила, предприятие доплатит до среднего заработка, а в совхозе пусть зарабатывают копейки. Не думаю, чтобы такой логике следовал директор совхоза или председатель колхоза. Они знают, что

выигрыша иметь все равно не будут без своих кадровых людей. А их-то как раз н селе и не хватает. Вот и получается: в сельскохозяйственном производстве недоста точно рабочих рук, потому что кадры на селе не держатся из-за плохих жилищно-бы товых условий, эти условия создаются медленно, потому что на селе постоянны недостаток кадров строителей, а их мало, потому что нет жилья, и так без конца.

[...][2] Особенно большой контраст в условиях труда и быта виден, когда город и село находятся очень близко друг от друга. Возьмем Верхнюю Пышму и Балтым. Чтобы преодолеть расстояние от центра города, автомобилю надо 5 минут, а пешком — 30-40 минут. Как видно, здесь не надо тратить много времени на дорогу, чтобы увидеть, где лучше — в городе или в деревне. Вот и получается, что большинство селян работают в городе. Многие из них уже давно получили благоустроенные квартиры в городе, а другие пока ходят или ездят в город автобусами на работу и ждут своей очереди на получение жилья.

Различия между городом и деревней, показанные на примере Верхней Пышмы и села Балтым, типичны и для других городов и сел нашей области. Такая же картина присуща в большей или меньшей степени Первоуральску и Ревде, Полевскому и Березовску[3], Асбесту и Каменск-Уральску[4], Кировграду, Нижнему Тагилу, Красноуральску и многим другим индустриальным городам с прилегающей к ним сельской местностью. Больше того, в ряде случаев различия в труде и быте, во всем образе жизни жителей города и села не только [не] преодолеваются, а, наоборот, растут за счет того, что в городах значительно большими темпами ведется жилищное и культурно-бытовое строительство.

Обратимся опять-таки к Верхней Пышме. Скажем, зачем наряду с выполнением многих необходимых работ по благоустройству ведется асфальтирование малозначащих улиц и переулков индивидуальной застройки. Делать это, может быть, и надо, но не дороги, а тротуары, и только по одной стороне улицы, а с остальными подождать. В то же время на селе ни к одной ферме нет асфальтовой дороги, нет асфальтированных площадок у ферм, нет ни одного заасфальтированного зернотока, складской площадки и т.д. Примеров, с чем бы пока можно было подождать в городе, а сделать или построить на селе, немало. Это касается строительства и жилья, и школ, и детских садов, и яслей, и клубов, и домов быта и многого другого.

Все мы, горожане, и, в первую очередь, партийные, советские, хозяйственные руководители городов, имеющих высокий промышленный потенциал, иной раз и говорим о проблеме преодоления существенных социально-экономических различий между городом и деревней, но очень мало делаем. Вероятно, нельзя так говорить обо всех, безусловно, есть и исключение, как, например, Полевской ГК КПСС, который более активно реализует эти задачи, однако пока еще никто из нас не переработал в этом направлении.

Всем, что думаю по поводу всех этих чрезвычайно больших и сложных дел, хотел значительно раньше поделиться с Вами, но всякий раз, как это часто бывает, задерживался с окончательными выводами, не однажды осмысливал реальность поставленных вопросов, и вот теперь, когда в Вашем, Борис Николаевич, заключительном слове на XXI областной партийной конференции была выражена исключительная озабоченность по улучшению условий труда и быта на селе, и мысль о том, что эту задачу может быть надо решать в известной степени за счет интересов города, считал бы возможным окончательно сформулировать свои предложения.

1. Имея в виду, что самым главным из всех факторов, характеризующих быт человека, является обеспеченность жильем и степень его благоустройства, необходимо незамедлительно разработать и осуществить, скажем, максимум в течение трех лет, программу строительства на селе жилья. При этом следует руководствоваться советом Л.И. Брежнева о том, что «необходимо обеспечить правильный подход к сельскому

строительству с учетом особенностей жизни и интересов сельского населения. Очевидно, сельское строительство следует ориентировать на обеспечение семей, как правило, отдельными благоустроенными домами с приусадебными участками и надворными постройками для домашнего скота, птицы и личных транспортных средств».

2. Строительство поручить целиком и полностью, т.е. от нуля и до ключей нового дома, промышленным предприятиям.

[...][5] 3. Чтобы обеспечить действительно огромный объем строительных работ технической документацией, следует привлечь все имеющиеся проектные институты, независимо от ведомственной принадлежности. Институты обязаны в исключительно короткие сроки, дополнительно к действующим у нас типовым проектам домов индивидуального пользования, разработать, а точнее — переработать для условий Урала имеющиеся в других климатических зонах типовые проекты домов. Всего должно быть, видимо, подготовлено не менее 5-7 типовых проектов с различной планировкой и архитектурой. Институтами должны быть выполнены комплексные проекты строительства жилых кварталов с объектами соцкультбыта и инженерными коммуникациями, а также они обязаны осуществлять авторский надзор. При проектировании, конечно, должны быть максимально использованы имеющиеся в области мощности по блочному, панельному и деревянному сельскому домостроению, а также местные строительные материалы (кирпич).

4. В условиях, когда все это потребует реального отвлечения людских и материальных ресурсов с предприятий промышленности, очень важно, чтобы правильно были сориентированы ГК КПСС в смысле концентрации усилий на главном, а не распылять их в зависимости от желания, ведь в чем-то, хотя и не во многом, нам, горожанам, надо будет действительно себе пока отказать.

Проявив таким образом заботу, в первую очередь, об удовлетворении потребностей сельского труженика в жилье, да еще с высоким уровнем благоустройства, мы резко изменим положение с закреплением постоянных кадров высокой квалификации, а значит и несравнимо возрастут темпы сельскохозяйственного производства. Не мной сказано, что кадры решают все.

Проработав 16 лет на партийной и советской работе, в том числе 14 из них — первым руководителем, а теперь девятый год, находясь на посту директора комбината, полагаю, что могу в полной мере отдать себе отчет как по существу высказанных мыслей и предложений, так и в реальном их осуществлении.

Что касается комбината «Уралэлектромедь», то здесь ведется подготовка к выполнению, на правах генподрядчика, ежегодно 400-500 тыс. рублей строительно-монтажных работ. И как только будет готова техдокументация, начнется строительство в совхозе «Верхнепышминский» нового микрорайона с отдельными благоустроенными домами со всеми элементами инженерного благоустройства, и тогда из Верхней Пышмы поедут жить и работать в Балтыме.

Конечно, по поводу предложений о строительстве жилья и других социально-культурно-бытовых объектов на селе силами промышленных предприятий будет не все гладко. Некоторые хозяйственные руководители отнесутся к этому неодобрительно, будут находить всякого рода причины, чтобы не делать. Что же, все может быть. Однако, уверен, что основная часть директоров воспримет это как должное, крайне необходимое в современных условиях. Вот здесь и нужна будет истинная партийность, о которой Вы, Борис Николаевич, так хорошо и убедительно говорили в отчетном докладе Обкома КПСС на XXI партийной конференции.

Член [Свердловского] обкома КПСС, директор комбината «Уралэлектромедь»
[подпись] Б. А. Кривоусов

ЦДООСО. Ф.4. Оп.101. Д.130. Л.63-66, 68-69, 71-73. Подлинник. Машинопись.

[1] Датируется по рукописной помете в конце документа.
[2] Часть письма опущена.
[3] Правильно *Березовскому*.
[4] Правильно *Каменск-Уральскому*.
[5] Лист 9 письма в деле отсутствует.

№ 9. Письмо И.И. Иванова первому секретарю Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцину о недовольстве населения внутренним положением в СССР

16 октября 1980 г.[1]

Уважаемый Борис Николаевич.

Что делается? Куда мы катимся? О каком коммунизме может идти речь? Кто верит в этот коммунизм? Абсолютно никто! Мы, будучи молодыми, так верили в светлое будущее! Так надеялись на что-то хорошее! Ну и что же теперь? Все хуже и хуже мы живем. Сплошные проблемы. От трудящихся только и требуют — работа, работа, производительность труда. А что люди получают взамен? Да ничего! Деньги обесценились, ничего не купишь на них. Можно составить огромный список бытовых товаров, которые исчезли из продажи. А о продуктах питания и говорить не приходится. Вся эта ваша правительственная верхушка живет припеваючи, а народ страдает. Русский народ настолько затурканный, что никто ничего сделать не может. И протест свой нигде не может высказать. Нигде его протест не опубликуют, а все, кто осмеливается высказать свое возмущение существующим положением дел, подвергаются гонениям (это совершенно точно).

Что мы видим тут на Урале? Продукция, которая делается нашими руками, идет во все концы света. И трудится народ хорошо. Так почему этот народ должен постоянно терпеть такие трудности? Почему Вы сами не ходите вечером после работы по магазинам? Неужели Вы не видите, что совсем есть нечего? А какие огромные очереди за тем небольшим, что иногда поступает в продажу! Почему не оформляете договора на поставку фруктов из южных республик? У них же столько фруктов и овощей пропадает. Где же наши дети будут здоровыми? Они не получают полноценное питание.

Почему не наведете порядок в торговле? Торговля из-под прилавка, блат — это же стало неотъемлемой чертой нашей системы торговли. И народ стал какой-то уже равнодушный, все видят, что бороться с безобразиями нет никакого смысла. Все бесполезно. Ведь уже небылицы сочиняют, что в продукты питания уральцам подмешивают вещество, которое приводит людей к отупению, безразличию, нежеланию людей думать. Это чтобы не возмущались существующим положением. Понятно, конечно, что основная часть бюджета страны идет на вооружение, все мы знаем, какая сейчас тяжелая международная обстановка. Но остальной частью бюджета распорядитесь же по-хозяйски! Почему одним все, другим ничего? Бессовестные, нечестные люди живут гораздо лучше честных. Я вырастил двоих детей очень порядочными, честными, и жалею об этом. Так тяжело им живется в этом мире! Сколько много вопросов они задают мне! А что я им отвечу? Если бы Вы знали, какие анекдоты сочиняет народ про Брежнева, про наше правительство! И ведь, понимаете, все правильно, все верно подмечено! Брежнева народ ненавидит, молодежь его не уважает, смеется над ним. В печати и по радио сплошная говорильня, сплошные призывы и фразы. Если совершенно честно и правдиво расписать, как живет у нас народ-труженик, то на нашем языке это будет «антисоветская пропаганда». Столько у нас безобразий и беспорядков, что со стороны это может показаться вымыслом, наговором на совет-

скую действительность. А ведь все это из-за безответственности нашего руководства. А как плохо, когда человек заболел! Как трудно к врачам на прием попасть! Все приемы в дневное время, вечером после работы не попадешь, это — постоянные уходы с работы, что создает нервотрепку.

Вот Вы сейчас думаете, что это нытик пишет, который все видит в черном цвете. Представьте, это не так. Просто наболело на душе. Все то, о чем я написал здесь, говорят люди. Все это можно услышать на работе, в кругу друзей, на транспорте. И говорят, что социализм наш липовый, показуха, что всю планету растравили своим дутым социализмом, а у самих бардак в стране. Ничего святого у людей не стало. Непонятно, во имя какого светлого будущего люди должны совершать трудовые подвиги? Ведь с каждым годом все хуже и хуже становится у нас жизнь. Страшно за нашу молодежь. Она же видит все эти безобразия. Даже после окончания ВУЗов все честные и порядочные выпускники разъезжаются по распределению во все концы страны, а самые подленькие, которые никогда среди студентов не пользовались авторитетом, пристраиваются, остаются в Свердловске тем или иным способом. Сколько я знаю людей, которые чем ни подлее, тем лучше в жизни устроились.

Неужели Вы своей властью не можете проявить заботу об уральцах? Ведь как нас называют: «Урал — опорный край державы», «рабочий Урал» и т.д. Так надо же заботиться о людях. У нас неважные климатические условия, мало солнца, тепла, фруктов. От нас продукция тяжелой индустрии — нам продукты питания, фрукты, теплую одежду. Почему в южных и западных республиках страны народ живет гораздо лучше? Они и считают, что мы тут не живем, а существуем, ничего хорошего не видим, один труд да заботы. Совсем перестали завозить к нам фрукты. А та малость, какая сюда поступает, расходится еще с баз, минуя прилавки магазинов. И я хорошо понимаю, что, прочитав мое письмо, Вы досадно поморщитесь, только и всего.

Многие уже вслух говорят, что нужно вторую революцию делать. Как жить дальше? Почему не ввести распределение основных продуктов питания по карточкам? Что это? Стыдно для нашего строя? Ведь выдают же в Тюмени мясо по карточкам. А у нас одни в три горла его едят, другие же не видят мяса. Молочные продукты с трудом добываем.

Неужели нашу систему уже не изменить? Написал Вам на домашний адрес, потому что на работу к Вам такие письма не проходят.

С уважением И. Иванов.

ЦДООСО. Ф.4. Оп.98. Д.149. Л.96-96об. Подлинник. Рукопись.

[1] Документ датирован по почтовому штемпелю на конверте.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В соответствии с приказом ВСНХ от 5 мая 1930 г. Уральский политехнический институт (УПИ) был разделен на 10 отраслевых институтов: металлургии черных металлов, металлургии цветных металлов, энергетический, геологоразведочный, горный, машиностроительный, химико-технологический, строительный, лесотехнический и физико-механический (УГТУ — УПИ: Люди. Годы. Управление. Вуз и личность. Екатеринбург, 2001. С.127). Горный факультет УПИ сначала был включен в состав Института цветных металлов, а затем, в июне 1930 г., на его базе было решено создать Уральский горный институт. В июне 1934 г. получил наименование Свердловского горного института.

[2] Уральский институт стали был переименован из Уральского металлургического института черных металлов. Осенью 1930 г. получил наименование Уральский металлургический институт Востокстали, а осенью 1933 г. — Уральский металлургический институт им. И.Д. Кабакова. В июне 1934 г. вошел в состав Уральского индустриального института.

[3] Уральский химико-технологический институт был образован на базе химического факультета УПИ весной 1930 г. В июне 1934 г. вошел в состав Уральского индустриального института.

[4] Уральский лесотехнический институт был образован на базе лесопромышленного факультета УПИ 5 мая 1930 г.

[5] Уральский строительный институт был образован весной 1930 г. на базе созданного в октябре 1929 г. в составе УПИ строительного факультета. В июне 1934 г. вошел в состав Уральского индустриального института.

[6] УНИХИМ — Уральский научно-исследовательский химический институт.

[7] «Шахтинское дело» было организовано ОГПУ в 1928 г. как процесс над «вредительской организацией» в г. Шахты, и направлено против научно-технической интеллигенции.

[8] Уральский геологоразведочный институт был выделен из состава УПИ в марте 1930 г. В июне 1932 г. вошел в состав Уральского горного института.

[9] Денежная реформа 1947 г. была проведена в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 декабря 1947 г., оформленным в виде совместного постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря, и в целом носила конфискационный характер. В ходе проведения денежной реформы многие руководящие работники различными способами попытались сохранить свои денежные сбережения. После произведенных проверок в Свердловской области с постов были сняты ряд секретарей райкомов ВКП(б), председателей райисполкомов, начальников МВД и МГБ районного и городского уровней. На всех этих руководителей были наложены партийные взыскания вплоть до исключения из партии. Наиболее высокопоставленной фигурой, снятой со своего поста, в Свердловской области стал начальник управления МГБ по Свердловской области, член бюро Свердловского обкома ВКП(б) Т.М. Борщев.

[10] В протоколе заседания пленума Свердловского обкома ВКП(б) от 16 марта 1948 г. постановление пленума в отношении Т.М. Борщева оформлено следующим образом: «За дискредитацию себя как коммуниста в проведении денежной реформы и непринятие мер по вскрытию серьезных злоупотреблений ряда работников аппарата Управления МГБ, начальника Управления МГБ по Свердловской области тов. Борщев Т.М. вывести из состава членов бюро Обкома ВКП(б)» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 9. Л. 29).

[11] Речь идет о так называемом деле врачей-вредителей, сфабрикованном в начале 1950-х гг. в МГБ СССР в соответствии с указанием И.В. Сталина вскрыть «существующую среди врачей группу, проводящую вредительскую работу против руководителей партии и правительства». Информация о проводившемся МГБ СССР

расследовании была обнародована 13 января 1953 г., когда в газете «Правда» были опубликованы хроника ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» и редакционная статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Аналогичные редакционные статьи были опубликованы в «Известиях» и других центральных газетах. После смерти И.В. Сталина Президиум ЦК КПСС 3 апреля 1953 г. принял постановление о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по этому делу, и о привлечении к уголовной ответственности работников бывшего МГБ СССР, «особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов». Более подробно о «деле врачей» см.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 1999. Раздел I, документы № 5 и № 6; Костырченко Г.В. «Дело врачей» // Родина. 1994. № 7.

12) Кутырев Алексей Михайлович (1902 — 1969 гг.). Советский партийно-государственный руководитель. Участник Гражданской войны. С 1921 г. на комсомольской и профсоюзной работе. В 1931 г. окончил Ленинградские высшие практические кооперативные курсы, затем работал в Центросоюзе СССР, в политотделах МТС и совхоза. В 1938-1945 гг. первый секретарь Абдулинского райкома ВКП(б), секретарь Чкаловского обкома ВКП(б), первый секретарь Орского горкома ВКП(б), председатель Чкаловского облисполкома. В 1945-1950 гг. первый секретарь Мурманского обкома и горкома ВКП(б). С июля 1950 г. второй секретарь, в июле 1952 — декабре 1955 гг. первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) — КПСС. В 1956-1960 гг. первый заместитель министра рыбной промышленности РСФСР, председатель Калининградского совнархоза. С 1960 г. персональный пенсионер союзного значения. Член ЦК КПСС в 1952-1956 гг. Депутат Верховного Совета СССР 2, 4 созывов. Награжден орденами Ленина (1944), Трудового Красного Знамени (1947), Красной Звезды (1942), медалями.

13) Немелков А.А. В октябре 1956 г. — студент 4 курса физико-технического факультета УПИ. Постановлением общего собрания членов ВЛКСМ физико-технического факультета УПИ от 16 ноября 1956 г. большинством голосов (14 голосов — против, 33 человека — воздержались) исключен из членов ВЛКСМ «за антисоветское, антипартийное выступление на XVIII общеинститутской конференции ВЛКСМ». Комитет ВЛКСМ УПИ на своем заседании 20 ноября 1956 г. твердил решение комсомольской организации физико-технического факультета УПИ в отношении А.А. Немелкова и постановил исключить его из членов ВЛКСМ «за антисоветское, антипартийное выступление на XVIII общеинститутской конференции ВЛКСМ, содержавшее необоснованную клевету на советскую действительность, государство, партию и народ». (ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 11. Л. 114). Вслед за исключением их комсомола А.А. Немелков был отчислен из УПИ.

14) Дом Ипатьева (Ипатьевский дом) — дом, располагавшийся по адресу Вознесенский проспект (ул. К. Либкнехта), 49, владельцем которого являлся общественный деятель г. Екатеринбурга, инженер путей сообщения Н.Н. Ипатьев. В апреле 1918 г. в этот дом после предварительного выселения Н.Н. Ипатьева по распоряжению советских властей под усиленной охраной был помещен бывший император Николай II и его семья. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в подвале дома бывший император и его семья были расстреляны. Сам дом, именовавшийся в период нахождения в нем царской семьи «домом особого назначения», был возвращен владельцу, однако последний жить в нем не стал, а продал его для штаба Северо-Уральского фронта. В советское время в доме располагались различные организации. Согласно принятому по предложению КГБ при СМ СССР постановлению Политбюро ЦК КПСС от 4 августа 1975 г., дом Ипатьева в сентябре 1977 г. был снесен.

15) Соломенцев Михаил Сергеевич (род. в 1913 г.). Советский партийно-государственный руководитель. В 1940 г. окончил Ленинградский политехнический институт. В

1940-1954 гг. работал на заводах в гг. Липецке, Златоусте, Челябинске, где прошел путь от мастера до главного инженера и директора. В 1954-1966 гг. секретарь Челябинского обкома КПСС, председатель Челябинского совнархоза, первый секретарь Карагандинского обкома, секретарь ЦК компартии Казахстана, первый секретарь Ростовского обкома КПСС. С 1966 г. секретарь ЦК КПСС. В 1971 — 1983 гг. председатель Совета Министров РСФСР. С 1983 г. председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Одновременно в 1971-1983 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, в 1983-1988 гг. член Политбюро ЦК КПСС. С 1988 г. персональный пенсионер союзного значения. Член ЦК КПСС в 1961-1989 гг. Депутат Верховного Совета СССР 5-11 созывов. Дважды Герой Социалистического Труда (1973, 1983). Награжден пятью орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

16) Гудков Василий Васильевич (род. в 1926 г.). В 1945-1949 гг. на комсомольской работе. В 1956 г. окончил Свердловский горный институт. В 1957-1975 гг. второй, первый секретарь Ленинского райкома КПСС г. Свердловска, секретарь по идеологии, второй секретарь Свердловского горкома КПСС. В 1975-1980 гг. председатель Свердловского горисполкома. С 1980 г. начальник управления издательств, полиграфии и книжной торговли Свердловского облисполкома. С 1988 г. на пенсии. Награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалями.

17) Мехренцев Анатолий Александрович (1935 — 1985 гг.). Советский государственный, административно-хозяйственный деятель. Кандидат технических наук (1969 г.). Участник Великой Отечественной войны. В 1957 г. окончил УПИ. В 1957- 1977 гг. на Свердловском машиностроительном заводе им. М.И. Калинина: заместитель начальника цеха, заместитель секретаря парткома завода, заместитель главного инженера завода, главный инженер завода, с 1970 г. директор завода, с 1975 г. генеральный директор Свердловского производственного объединения «Машиностроительный завод им. М.И. Калинина». В июне 1977 — январе 1985 гг. председатель Свердловского облисполкома. Депутат Верховного Совета СССР 10-11 созывов. Герой Социалистического Труда (1976 г.). Лауреат Государственной премии СССР (1971 г.). Награжден орденами Ленина (1971, 1976), «Знак Почета» (1966 г.), медалями.

18) Ельцин Борис Николаевич (род. в 1931 г). Советский партийно-государственный деятель, первый Президент РФ. В 1955 г. окончил УПИ. В 1955-1963 гг. мастер, прораб, старший прораб, главный инженер, начальник строительных управлений г. Свердловска. В 1963-1968 гг. главный инженер, начальник Свердловского домостроительного комбината. С 1968 г. заведующий отделом строительства, с 1975 г. секретарь Свердловского обкома КПСС. В ноябре 1976 — апреле 1985 гг. первый секретарь Свердловского обкома КПСС. С 1985 г. заведующий Отделом строительства ЦК КПСС. В 1985-1986 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1985-1987 гг. первый секретарь Московского горкома КПСС. Одновременно в 1986-1988 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. С 1987 г. первый заместитель председателя Государственного строительного комитета СССР, председатель Комитета Верховного Совета СССР по вопросам строительства и архитектуры. С 1990 г. председатель Верховного Совета РСФСР. В 1991-1999 гг. Президент РСФСР, Российской Федерации. С 2000 г. на пенсии. Член ЦК КПСС в 1981 — 1990 гг. Депутат Верховного Совета СССР 9-11 созывов. Народный депутат СССР. Народный депутат РСФСР. Член Верховного Совета СССР в 1989 — 1991 гг. Награжден орденами Ленина (1981 г.), Трудового Красного Знамени (1971, 1974), орденом «Знак Почета» (1966 г.).

И. В. Побережников

Диффузионные механизмы как фактор модернизации власти и общества: теоретико-методологические аспекты*

Диалог между различными обществами, государствами, усвоение «чужого», соотнесение его со «своим» — одна из вечных тем в истории. При этом к числу важнейших механизмов социальных изменений принадлежит диффузия, то есть распространение инноваций, в том числе их импорт в определенное общество извне. Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса и повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям. Процесс диффузии получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, облегчающих интерсоциетальные контакты и взаимодействия внутри обществ. Распространению инноваций способствуют торговля, миграции населения, войны, путешествия, развитие средств массовой информации и т.д.

Роль диффузии в истории трудно переоценить — именно в форме диффузии происходило распространение производительных технологий из первоначально немногочисленных рéгионов-«очагов» по всему миру в период «неолитической революции»; трансляция письменности, алфавитов, мировых религий сопровождала становление и развитие цивилизаций в период «городской» и «осевой» революций (терминология Ш. Ито) [1]. Распространение технологий, организационных моделей, культурно-идейных ценностей в значительной степени ускорило процессы модернизации во всем мире в XVI—XX вв. Весьма распространенная в Европе модель абсолютистско-полицейского государства являлась упрощенной версией популярной в Германии XVII—XVIII вв. утопии так называемого полицейского государства. Известно, как широко растекались в XVIII в., переступая государственные границы, идеи Просвещения в Европе и в Новом Свете, какое значительное влияние они оказывали на политические и социокультурные процессы [2]. Индустриализация, развернувшаяся первоначально в Великобритании во второй половине XVIII в., также осуществлялась во многом в результате диффузии, а не независимого развития в рамках отдельных сообществ [3]. В условиях современного «информационного» общества колоссальный рост уровня диффузии способствует превращению земного шара в своего рода, по выражению М. Маклюэна, «глобальную деревню».

Экзогенные аспекты невозможно обойти при обсуждении вопросов модернизации, то есть перехода от традиционного к индустриальному, модерному обществу. Конкретно-исторические исследования свидетельствуют о значимости внешних влияний, импорта технологий и институциональных мо-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ-Урал (проект № 04-01-83117а/У).

делей в национально-страновых контекстах процессов модернизации. Общепризнанна существенная роль диффузии, импорта институтов, в частности, в ходе петровской модернизации в России, мэйдзийской — в Японии. Оба случая в высшей степени интересны как исторические примеры преднамеренных, очевидных и систематических процессов копирования и избирательного включения в национальный контекст институциональных практик и идей, заимствованных за рубежом.

Методология диффузионизма

В современном отечественном обществоведении происходят серьезные перемены, выразившиеся в пересмотре привычных подходов и теорий, поиске новых аналитических инструментов изучения прошлого, активном освоении подходов и теорий зарубежных общественных наук, которые раньше подвергались жесткой критике. Одной из таких отвергаемых прежде и воскрешенных ныне теорий является диффузионизм — теоретическое направление, которое основывалось на представлении о развитии культуры или отдельных элементов культуры как о процессе распространения их из одного или нескольких центров.

Диффузионизм возник в конце XIX в. как реакция на эволюционизм, противопоставив абстрактно-всеобъемлющим концепциям последнего анализ конкретно-исторических проблем. Основой диффузионизма послужила идея культурно доминирующих центров. Целью диффузионизма было «картирование» пространственного распространения культур/отдельных культурных элементов, реконструкция центров, районов их происхождения и маршрутов трансляции.

В рамках школы диффузионизма сложилось несколько течений, наиболее важными из которых являлись *историко-географическое направление* (Э. Норденшельд, Р. Хайне-Гельдерн, К. Биркет-Смит; ставили в качестве своей задачи восстановление временной последовательности культурного развития на основе изучения распространения культур); *учение о культурных кругах* или *культурно-историческая школа* (Ф. Гребнер, В. Шмидт, В. Копперс; учение преемственно связано с антропогеографической теорией Ф. Ратцеля и с «культурно-морфологической» теорией Л. Фробениуса; развивалось преимущественно применительно к истории первобытного общества; предполагалось наличие нескольких изначальных культурных кругов; развитие объяснялось как следствие перемещения целых культурных комплексов или смещения отдельных элементов культур одного культурного круга с элементами другого); *теория культурных ареалов* (К. Уислер, Э. Сепир, К. Кребер; сторонники данного течения исходили из наличия тесной взаимосвязи между географической средой и развитием культуры); *гелиолитическая школа* (Г. Эллиот-Смит, У. Перри, У. Риверс; выводили культурное развитие из Древнего Египта) [4]. Г. Эллиот-Смит (гелиолитическая школа) ввел в теорию социальных изменений понятие доминирующих центров культуры. Таким центром для него являлся Древний Египет [5]. По мнению Смита, необычное стечение обстоятельств привело к колоссальному рывку в культурном развитии Египта около 3000 лет до н.э., когда имели место стремительное совершенствование агрикультуры, обработки металлов, производства орудий труда, создание более эффективной политической системы. Впоследствии культурные инновации распространились из Египта по всему средиземноморью и всему миру. Смит считал, таким образом, что изобретательность древних египтян стала «причиной» социальных сдвигов во всех частях земного шара. Конечно, подобные представления устарели. Однако, принцип, заложенный в их основе, — представление о контактах и диффузии как механизмах социальных сдвигов — может быть плодотворно использован и сегодня.

Понятие диффузия широко используется в современных социологических теориях, применяемых при изучении социальных изменений. При этом *диффузия* интерпретируется как процесс, посредством которого инновации или культурные элементы распространяются от одного общества к другому или от одной социальной группы к другой внутри одного общества [6]. Социальные изменения чаще всего вызываются инновациями следующих трех типов: 1) новые технологии (автомобиль, например, революционизировал городской ландшафт и характер жизни горожан; по мнению

У.Ф. Отбёрна, изобретение стартера, облегчившее и упростившее управление автомобилем, напрямую способствовало эмансипации женщин, позволив им войти в деловой мир и трансформировав их роль в рамках семейных отношений); 2) культурные новшества (новые верования, ценности, идеологические конструкции; так, по мнению Р. Нисбета, идея прогресса стимулировала стремительные технологические трансформации в Западной Европе на протяжении XVII–XVIII вв.); 3) новые формы социальной структуры (например, бюрократическая организация в свое время явилась новым типом социальной структуры, призванной справляться со сложными административными задачами, спровоцированными обществом modernity).

В качестве «факторов» диффузии называются путешествия, миграции, торговля, войны. Установлена обратная зависимость между развитием обществ и расстоянием от них до «высоких центров» цивилизации. Чем более удалены от таких центров общества, чем более они изолированы, тем более велика для них вероятность замедленного и маргинального развития. Признается, что сама возможность заимствований ускоряет общественный прогресс. В свою очередь, развитие транспорта и коммуникаций существенно расширяет возможности контактов и заимствований между обществами.

Процессы диффузии отличаются значительным разнообразием. Д. Шон выделил две модели диффузии: центр-периферийная и пролиферации (размножения) центров. Модель «центр-периферия» (один источник инноваций и множество реципиентов) предполагает, что распространение нововведения осуществляется и контролируется из одного центра. В этом случае эффективность процесса диффузии зависит от энергии и ресурсов центра, от его умения создавать и контролировать обратные связи.

Данная модель представлена в двух вариантах: 1) модель магнита (например, в XIX в. в университеты Германии приезжали студенты из разных частей мира, затем, возвращаясь в свои страны, способствовали распространению там усвоенных ими знаний); 2) модель «средневекового барда», который, путешествуя, демонстрирует и внедряет нововведения.

Модель размножения (пролиферации) центров (реципиенты сами становятся инноваторами) по-прежнему отводит главную роль центру, но при этом предполагается децентрализация процесса управления диффузией. На местах создаются локальные центры, которые самостоятельно распространяют нововведения, учитывая местную специфику. Так, римская армия, занимая новые территории и подчиняя местное население, распространяла римский образ жизни. Согласно данной модели, по мнению Д. Шона, происходило распространение христианства, индустриализма, колониализма и коммунизма.

В монографии «Диффузия инноваций» (Нью-Йорк, 1983) Эверетт М. Роджерс разработал теоретическую модель изучения диффузии. Решающими моментами в процессе диффузии, по мнению Роджерса, являются: 1) сама *инновация* (которая может быть и технологическим усовершенствованием, и социальным движением, и новым продуктом, и какой-то прихотью, причудой); 2) *каналы*, посредством которых передается, презентируется (устная коммуникация, реклама и т.д.); 3) *время*, необходимое для подобной передачи; 4) члены *социальной системы*, которым предстоит усвоить инновацию.

Э. Роджерс выделяет пять стадий усвоения инновации: 1) *Стадия осознания* (Индивид узнает о новой идее, но еще не обладает достаточной и надежной информацией о ней); 2) *Стадия заинтересованности* (Индивида увлекает новая идея, и он стремится узнать о ней побольше); 3) *Оценочная стадия* (Индивид оценивает применимость идеи к своему настоящему опыту и прогнозируемым ситуациям в будущем и принимает решение, стоит или не стоит подвергнуть данную идею практическому испытанию); 4) Испытательная стадия (Индивид использует инновацию на практике в небольшом масштабе, чтобы определить ее полезность); 5) *Стадия усвоения* (Индивид принимает инновацию).

Поскольку динамика усвоения инновации в значительной степени зависит от характеристик самой инновации, Э.Роджерс выделяет 5 характеристик инновации, которые оказывают наиболь-

шее влияние на темпы ее усвоения: 1) *Относительное преимущество* указывает на степень превосходства инновации в сравнении с идеями и продуктами, которые ей предстоит заместить. Данная характеристика определяется такими параметрами, как эффективность, стоимость, новизна, ощутимая выгода; 2) *Совместимость* — степень согласованности инновации с принятыми ценностями, опытом, потребностями реципиента (Так, например, технологии контроля за рождаемостью могут показаться многим обществам несовместимыми с существующими у них традициями, ценностями и верованиями); 3) *Сложность* определяется степенью трудностей в усвоении и использовании инновации; 4) *Испытуемость* — степень, в которой инновация может быть опробована в ограниченном масштабе. Преимуществом для инновации считается возможность ее предварительного испытания; 5) *Очевидность* означает видимость, эффективность результата принятия инновации для окружающих.

Далее, Роджерс выделяет 3 типа принятия решений по поводу усвоения инновации: 1) *Факультативный*, когда индивидуум имеет возможность выбора относительно того, принимать или не принимать инновацию; 2) *Коллективный*, когда большинство членов сообщества должно убедиться в необходимости принятия инновации; 3) *Авторитарный*, когда решение о принятии инновации навязывается социальной системе «сверху». При этом Роджерс рассматривает коммуникативные каналы как фактор, воздействующий на динамику принятия инновации. Межличностное общение, как он считает, является более значимым по сравнению со средствами массовой информации при принятии индивидом решения об усвоении сложной инновации.

В качестве идеальных типов Э. Роджерс выделяет 5 категорий участников диффузии: 1) *Инноваторы*, желающие испытать (применить) новые идеи. Они должны обладать такими качествами, как дерзость, готовность к риску, ответственность за последствия своих действий; 2) *Ранние заимствователи* (Early adopters), более интегрированные, по сравнению с инноваторами, в социальную систему. Это индивиды, стремящиеся к известности, успеху, уважению; 3) *Раннее большинство* — эти люди принимают новые идеи несколько ранее, нежели основная масса социальной системы. Они более осторожны, способствуют легитимизации инноваций, хотя сами редко выступают в качестве лидеров; 4) *Позднее большинство* — следуют в процессе принятия инноваций за средним большинством социальной системы; для них принятие инноваций зачастую обусловливается социальным давлением или экономической необходимостью; 5) *Увальни*. Они с подозрением относятся к инноваторам и агентам социальных перемен, являясь носителями традиционных ценностей; принимают социальные новации последними [7].

Шведским географом Т. Хёгерстрандом разработана пространственная модель диффузии нововведений, в рамках которой на основе изучения восприятия агротехнических нововведений в центральной Швеции были выделены четыре стадии диффузии: *первоначальная*, которая характеризуется резким контрастом между источником нововведений и периферийными районами; *вторая стадия*, когда образуются новые быстро развивающиеся центры в отдаленных районах, откуда распространяются нововведения; *стадия конденсации*, на которой происходит одинаковое распространение нововведений во всех местах, и *стадия насыщения*, характеризующаяся медленным подъемом до максимума [8]. В общем и целом диффузия может рассматриваться как один из важнейших механизмов социальных изменений.

Диффузия в контексте модернизации

Для понимания общего контекста распространения нововведений необходимо привлечение модернизационного подхода. В целом модернизационной парадигме присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий традиция и современность, оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка

самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей.

В социологических теориях модернизации «классического» периода (1950–1960-х гг.) сам процесс перехода от традиционного к современному обществу рассматривался обыкновенно как «вестернизация» или «европеизация» (например, С.М. Липсет, Д. Лернер, М. Леви, Г. Алмонд). При этом диффузионные модели, как противоречившие эволюционистской по своей природе теории модернизации, фактически не использовались для объяснения механизмов изменений в модернизирующихся обществах [9]. В современных вариантах теории модернизации понятия модернизации и вестернизации были разведены; получили признание различные пути развития, в частности: вестернизации без модернизации, модернизации без вестернизации, догоняющей модернизации (С. Хантингтон).

Модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, прошла длительный путь совершенствования. В рамках парадигмы модернизации было разработано множество теоретико-методологических и дисциплинарных подходов, призванных объяснять различные аспекты процессов развития. Различные теоретико-методологические модели ориентируют на освещение разных аспектов модернизации. В этом плане их можно рассматривать как взаимодополняющие. Технологическо-конвергенционистская модель в первую очередь обращает внимание на те явления и процессы («ведущие»), которые воплощают технологический процесс [10]. В ее основе лежит гипотеза, что доминирующая технология, имеющая собственную, имманентную логику развития, которая приводится в действие последовательностью открытий и инноваций, обусловливает специфические формы социальной организации, политической жизни, культурных образцов, норм и правил повседневной жизни, верований и отношений. Предполагается, что новейшие технологии рано или поздно влекут за собой появление синдрома современности, что выражается в нарастании сходства, однородности различных обществ и сглаживании местной специфики. Сторонники модели исходят из того, что технологический прогресс, индустриализация в состоянии преобразовать традиционное общество в современное путем генерирования изменений в установках и поведении, создания новых ценностных ориентаций, стимулирующие к продолжению собственно технологического прогресса. Инерция исторического контекста, возможности «иммунных» ответов со стороны традиционной среды данной моделью в определенной степени недооцениваются.

Модель структурно-функциональной дифференциации расширяет аналитический горизонт при изучении процессов перехода от традиционного к современному обществу. В рамках данной модели процессы структурной и функциональной дифференциации трактуются как неизбежные, «естественные» [11]. Н. Смелзер определяет структурную дифференциацию как процесс, посредством которого «одна социальная роль или организация... дифференцируется в две или более роли или организации, которые функционируют более эффективно в новых исторических условиях»; «новые социальные единицы структурно различны, но в совокупности являются функциональным эквивалентом первоначальной (неразделенной. — *И.П.*) социальной единицы» [12]. По мнению ученого, структурная дифференциация тесно связана с социальным процессом модернизации в целом; данная связь обнаруживает себя в том, что для каждой социальной функции можно подобрать определенный набор структуральных условий, при наличии которых достигается оптимум в ее обслуживании.

Данная модель также страдает определенной прямолинейностью. Мозаичная картина переходного периода (который может быть весьма продолжительным), обычно включающего сосуществующие элементы традиционности и современности, может ускользать от исследователя, использующего данный подход. Кроме того, в основе данной модели, как, впрочем, и предшествующей, лежит ясное теоретическое представление о результате модернизации, которое не предусматривает сохранения элементов традиционных структур.

Как нам думается, в ракурсе нашего исследования целесообразно использование адаптационно-аккультуративной модели, как в наибольшей степени соответствующей задаче реконструкции механизмов диффузии. В основе данной модели лежит эволюционистская гипотеза о вариативности и приспособлении как оптимальном способе выживания и развития обществ. Модернизация, согласно данной модели, позволяет лучше адаптироваться, действовать эффективнее, удовлетворять более разнообразные потребности большего числа людей и на более высоком уровне.

Предпосылкой модернизации при этом является сосуществование различных обществ, создающее предпосылку для сопоставления. Отставшие в развитии общества, после сопоставления собственных параметров с характеристиками более развитых обществ или в результате контакта с более развитыми обществами и культурами, вынуждаются к модернизации, дабы не потерпеть поражения в состязании с ушедшими вперед, не оказаться в зависимом от них, в конце концов, чтобы улучшить у себя качество жизни. Процесс адаптации может подталкиваться «снизу» и осуществляться постепенно. Ускорить его способна образованная элита, осознавшая необходимость реформирования общества. Однако, стремление широких масс к модернизации может опережать модернизационные интенции элиты или даже идти вразрез с ее интересами. В этом случае формируются предпосылки для появления новой элиты, которая смещает консерваторов и приступает к реализации реформаторского потенциала общества. Осознание преимуществ современной модели по сравнению с традиционной происходит спонтанно, благодаря «демонстрационному эффекту» «продвинутых» обществ с их более высокими стандартами жизни.

Итак, данная модель предполагает принятие образцов поведения, жизненных стилей, образовательных технологий более развитых культур, ведущее к конвергенции различных культур. При этом в рамках данной модели модернизация не обязательно приводит к положительным результатам; выборочная трансплантация культурных элементов может вести не к замене традиционных институтов, но к их ухудшению, деформации, а в некоторых случаях — к самым разнообразным культурным и социальным аномалиям.

В рамках данной модели большое значение придается механизму диффузии, т.е. процессу, посредством которого инновации или культурные элементы распространяются от одного общества к другому или от одной социальной группы к другой внутри одного общества.

Сторонники модернизационного подхода признают возможность различных путей перехода от традиционного к современному обществу [13], т.е. различные национально-страновые последовательности решения в процессе модернизации тех или иных задач, разные варианты соотношения традиционнализма и инновационизма и т.д. Естественно, при разных вариантах перехода к современному обществу диффузия будет играть различные роли. Это можно проиллюстрировать, опираясь на типологию модернизационных процессов, предпринятую Сирилом Блэком в работе «Динамика модернизации», впервые изданной в 1966 г. [14]. В качестве критериев типологизации С. Блэк предлагает использовать следующие параметры: 1) время перехода политической власти от традиционных к модернистским лидерам относительно других обществ (ранее или позднее); 2) эндогенная или экзогенная природа непосредственного политического вызова современности; 3) непрерывность или кардинальные перегруппировки территории и населения на протяжении эпохи modernity; 4) суверенность или продолжительные периоды колониального управления в истории общества; 5) наличие на момент вступления общества в современную эпоху развитых институтов, готовых в значительной степени адаптироваться к функциям modernity, или отсутствие по существу подобных институтов и необходимость их заимствования от более развитых современных обществ [15].

Целью типологии на основе выделенных С. Блэком критериев является, таким образом, сопоставление обществ в соответствии с характерными политическими проблемами, с которыми сталкивались модернистские лидеры в процессах аккумуляции власти и осуществления собственных программ, и группировка стран в типы по степени сходства в решении ими указанных проблем. С. Блэк выделяет «семь типов политической модернизации» среди современных ему обществ: 1) страны

ранней самостоятельной эволюционной комплексной модернизации, отличающиеся ярко выраженной внутренней природой вызова современности, высокой степенью континуитета состава территории и населения в эпоху modernity и оптимальной адаптивностью традиционных институтов к модернистским функциям (Великобритания и Франция); 2) «филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете, для которых были характерны более поздние сроки модернизации, внутренний характер непосредственного вызова modernity, наличие развитых институтов и не обремененной наследием прошлого подвижной социальной структуры, способных адаптироваться к функциям современности, наличие обширных и неосвоенных пограничных регионов, где в избытке были представлены земля и другие ресурсы, фактор иммиграции, создававший проблему ассимиляции, фундаментальные перегруппировки состава территорий и населения и продолжительные периоды колониальной зависимости на начальном этапе (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия); 3) разнородная группа стран Европы, в которых консолидация модернистского руководства произошла после Французской революции под прямым или косвенным воздействием ее импульса, но при этом имела место длительная внутренняя разработка модернистских идей и институтов, составивших вклад фундаментальной значимости в формирование современного образа жизни, еще в предшествующую эпоху были разработаны институты, способные адаптироваться к функциям современности, наблюдались продолжительные периоды насильственной перегруппировки территорий и состава населения, трудный процесс строительства наций и социальной интеграции (Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария, Германия, Италия, Испания, Дания, Норвегия, Швеция); 4) «филиалы» европейских обществ третьего типа в Новом Свете, для которых были характерны более поздний переход к модернизации, гораздо большая зависимость от иностранных влияний, достижение национальной независимости в неоколониалистской форме, имевшей тенденцию увековечивать традиционалистские модели жизни, численное доминирование неевропейского населения, блокировавшее расширения эффективного гражданства и способствовавшее растущему расколу между немногочисленными богатыми жителями европейского происхождения и массой относительно бедного полуили не-европейского населения (страны Латинской Америки); 5) также весьма неоднородная группа обществ, сумевших отстоять независимость благодаря длительному опыту централизованного бюрократического управления, своеобразной эффективности традиционных правительств, созданию территориальных и демографических основ своих государств в домодернизационный период, модернизировавшихся самостоятельно и постепенно, под эгидой собственных традиционалистских правительств, но под косвенным влиянием обществ более ранней модернизации, сохранивших в значительной степени изначальный состав территории и населения (Россия, Япония, Китай, Иран, Турция, Афганистан, Эфиопия и Таиланд); 6) бывшие колонии Азии и Африки, население которых сумело разработать достаточно высоко развитые традиционные культуры (на основе ислама, индуизма и буддизма), ставшие залогом относительно успешного взаимодействия с культурами современных «опекунских» обществ в процессе их адаптации (в целом крайне сложной и незавершенной) к модернистским функциям; 7) ряд районов Африки к югу от Сахары, бывших колоний, не разработавших собственных достаточно развитых религий, систем письменности, политических институтов к тому времени, когда они столкнулись с вызовом современности, вынужденных в силу этого напрямую заимствовать от более современных обществ модернистские идеи и учреждения [16].

Типологическая схема, разработанная С. Блэком, позволяет высказать некоторые соображения по поводу факторов, определяющих значимость диффузии в том или ином варианте модернизации. Очевидно, что общества, выступающие пионерами модернизации, не предрасположены к заимствованиям новаций извне (первый тип). Им приходиться в большей степени полагаться на собственные ресурсы и модели. «Последователи» в этом плане оказываются в более благоприятной ситуации; страны, прошедшие первые этапы модернизации ранее, демонстрируют им положительные и отрицательные стороны тех или иных новаций, позволяя, таким образом, не только воспользоваться этими новациями, но и избежать совершенных ранее ошибок. Существенное

воздействие на режим диффузии оказывает наличие или отсутствие в стране ценностей и институтов, адаптируемых к потребностям modernity. Отсутствие подобных ценностей и институтов вынуждает общество к заимствованиям их (седьмой тип). Однако, не следует рассматривать данную зависимость чересчур прямолинейно. Как свидетельствует опыт стран пятого типа, согласно схеме С. Блэка, общества, сумевшие создать эффективную государственность на традиционалистской основе, могут в течение длительного времени полагаться на автохтонные образцы поведения. При этом необходимо иметь в виду, что даже в случае ограниченных заимствований извне, модернизирующееся общество, очевидно, должно постоянно прибегать к полнокровной «внутренней» диффузии.

Итак, модернизация не всегда связана с диффузией (пример — Англия эпохи промышленного переворота), но в конкретных условиях России XVIII–XIX вв. имела место в значительной степени именно «диффузионная» модернизация, в связи с чем, например, в работах А.Б. Каменского и А.Н. Медушевского петровские преобразования характеризуются одновременно как модернизация и европеизация. При этом мы предполагаем, что диффузия не всегда эквивалентна модернизации. Диффузионные процессы могут как совпадать с модернизационными, обеспечивая в таком случае развитие, так и протекать в иных плоскостях. В последних ситуациях диффузия может не оказывать влияния на темпы модернизации (быть по отношению к ней нейтральной), а может и тормозить развитие.

Для анализа внешних «вызовов», выступавших инициирующими импульсами формирования «цепочек» нововведений, недостаточно использования теорий модернизационного подхода и диффузии. Последние следует дополнить концептами «селективной восприимчивости», «селективной инкорпорации» (определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами) и «сравнительной динамики» (процесс, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ) Р. Робертсона, а также «межсоциетального подражания» (подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами) Д. Уэстни.

По мнению Д. Уэстни, межсоциетальное подражание («cross-societal emulation») уже в конце XIX столетия тесно связало западные общества и обеспечивало их определенную конвергенцию: «значительным было подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами (особенно в военной сфере) и оправдываемое идеологиями, которые подчеркивали однонаправленность и «прогресс» исторической эволюции» [17].

Роланд Робертсон, опираясь на концепт «селективной восприимчивости» (ориентированный на определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами [18]), разрабатывает свой концепт «селективной инкорпорации», которым предлагает дополнить «межсоциетальное подражание» Д. Уэстни. Как считает Р. Робертсон, именно подражание и/или инкорпорации стали центральными компонентами в процессах формирования и трансформации обществ во всем мире. Роль указанных компонентов стала особенно очевидной после того, как сформировались государства-нации, и значительно усилилась по мере роста глобализации. Подражание и избирательное включение — норма, а не исключение, условие жизнеспособности и даже выживания для наций и обществ, утверждает Р. Робертсон. Он вводит в научный оборот еще одно понятие — «сравнительная динамика» — для обозначения процесса, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ. Именно «сравнительная динамика», считает Р. Робертсон, дает преимущества отдельным сообществам, способствует их росту в отдельные периоды времени, превращению в общества-лидеры и образцы для копирования. При этом он отмечает, что способности обществ к «сравнительной динамике» серьезно варьируются; так, страны, входившие в социалистический лагерь, были заметно ограничены в возможностях эффективных сопоставлений и избирательной инкорпорации.

Вообще, по мнению Р. Робертсона, систематическое, насколько это возможно, понимание путей, посредством которых сравнение стало естественным аспектом строительства и трансформации наций-государств, является главной задачей социальных мыслителей конца XX в. Лишь выполнив эту задачу, считает он, мы сможем «вернуть модернизационную перспективу обратно» в сферу социальной науки. При этом решение указанной задачи требует от исследователей комплексного постижения того, каким образом в действительности осуществляются сравнения с так называемыми «референтными обществами» (терминология Р. Бендикса); каким образом внутри общества происходит конкурентная борьба и возникают конфликты по поводу того, что и до какой степени необходимо заимствовать; каково при этом институциональное положение влиятельных акторов; какую роль играют интеллектуалы и т.д. [19]. Указанные концепты позволяют сформулировать объяснительную схему динамики межстранового конкурентного сопоставления и заимствования нововведений.

Особо следует коснуться вопроса укоренения нововведений. Признавая существенную роль диффузии в процессе социальных изменений, мы не склонны понимать ее буквально, упрощенно, как простой механический перенос каких-либо явлений в пространстве. Мы исходим из того, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той средой, которая выступает их реципиентом. Последствия диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий могут быть совершенно различными (по меньшей мере, отличными).

Данный тезис хорошо иллюстрирует наблюдение М. Малиа по поводу распространения в Европе пришедших на место «старого порядка» (*l'ancien régime* — то есть, абсолютная монархия, узаконенная социальная иерархия, монополия государственной церкви) структур modernity, характерных для Нового времени: «Так, начав с передового атлантического Запада, силы демократии и индустриализма, либерализма и социализма, классицизма и романтизма двигались с Запада на Восток. Однако в процессе этого движения каждый из этих аспектов современной цивилизации преображался, а иногда и искажался, по мере проникновения в неравномерно развитые зоны. Таким образом, внутри большой Европы существует ряд подразделений: англо-французский Запад, германский Центр, славянский Восток и средиземноморский Юг. Кроме того, существует дальний Запад — за Атлантическим океаном, в Америке, — сочетающий в себе элементы всех европейских подразделений» [20].

Итак, заимствование явлений не всегда сопровождается переносом его системных признаков, т.е. места и роли, которыми они обладают в системе культуры-донора. Более того, возможны случаи традиционалистской реакции и отторжения внешних заимствований спустя некоторое время после их внедрения.

Для объяснения результирующих процессов диффузии инноваций и формирования нового социетального контекста представляется продуктивным использование концепции парциальной (или частичной, фрагментированной) модернизации, в основе которой лежит идея обоюдного влияния и взаимообусловленной трансформации импортируемых инноваций и эндогенных традиций. При этом сам процесс модернизации приобретает новое видение — как поток социальных изменений, ведущий к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее (или не-) модернизированных структур.

«Во многих обществах — писал автор концепции Д. Рюшемейер, — модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры. Часто такие социальные несообразности представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренные социальные изменения. Но нередко они закрепляются и сохраняются на протяжении поколений. Именно такие устойчивые формы существования разнородных социальных структур являются предметом настоящего исследования. Если давать формальное определение, то частичная модернизация представляет собой такой

процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур» [21]. Симбиоз внедренных в традиционный контекст элементов модернизированного общества, терявших в нем способность функционировать как рациональные, и эндогенных немодернизированных элементов, традиционное функционирование которых также блокировалось, рассматривался как малоплодотворный.

Возможность парциальной модернизации связывалась с проникновением современных социокультурных практик и ценностей в слаборазвитые общества, т. е. с механизмом диффузии и наличием контакта между обществами, стоящими на различных ступенях развития. При этом исторический материал свидетельствовал в пользу существования достаточно широких возможностей для восприятия даже сложных институциональных и культурных феноменов обществами-реципиентами, весьма далекими от того, чтобы самостоятельно производить подобные феномены. Рюшемейер при этом обращал внимание на неоднородность общества-реципиента в плане возможностей усвоения импортных элементов: «При определенных обстоятельствах модернизация средств, ролей, организаций и норм может зайти очень далеко, а вера и ценностные ориентации остаются неизменными. Из этого правила, пожалуй, можно сделать исключение лишь для тех обществ, которые столь мало дифференцированы, что практически все важнейшие действия имеют религиозную форму, и наоборот, религия переплетена с повседневными ритуалами и правилами. В этом случае предшествующая модернизации система будет либо сопротивляться институционализации важнейших стереотипов в духе модернизации, либо полностью рухнет» [22].

В процессе парциальной модернизации несоответствия могут возникать как между институтами, так и внутри них, а также в сознании конкретной личности, порождая «устойчивое фрагментарное развитие». В отличие от сторонников линеарного подхода авторы, придерживавшиеся парциальной модели, помещали процесс модернизации в международный контекст, признавая в качестве важнейших условий самой частичной модернизации противостояние обществ-новаторов и «стран-последователей». Итак, суть парциальной модели сводится к признанию возможности «застревания» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации. Таким образом, данный подход означал предоставление права на существование еще одному пути (ответвлению), пускай неполноценному, от традиционности к современности. В определенной степени выдвижение модели парциальной модернизации являлось шагом от линеарного видения исторического процесса в сторону парадигмы, подразумевавшей возможность многолинейной динамики.

Парциальная модель, как и линеарный подход, ориентировалась на изучение макромасштабных социальных явлений и процессов, однако, она поставила под сомнение множество признаков линеарного подхода (революционный, комплексный, системный, глобальный, стадиальный, конвергенционный, необратимый характер модернизации). Важнейшая характеристика линеарного подхода, связанная с жесткой систематизацией обществ по принципу отнесения к «традиционности» или к «современности», была основательно пересмотрена в рамках парциальной модели, сводившей традиционные и модернизированные элементы в особую взаимосвязь. При этом парциальная модель не могла выступать в качестве элементарной замены линеарной модели. Ее конструирование стало реакцией на дефектность универсалистских претензий линеарной модели. Созданная, так сказать, ad hoc, применительно к определенным историческим ситуациям, парциальная модель позволяла снять ряд теоретических противоречий, возникавших при исследовании с опорой на линеарную модель тех случаев развития, которые блокировались слишком большими различиями между традиционными и современными (обыкновенно заимствуемыми из внешней среды) ценностями и институтами (такие ситуации нередко именуются догоняющей, неорганичной модернизацией [23]). Ситуационно ориентированная, парциальная модель может рассматриваться как частный, субоптимальный случай линеарной модели модернизации [24].

Следствием осуществления фрагментарной модернизации становится появление анклавно-конгломератного общества (его концепция успешно разрабатывается отечественными исследователями А.Д. Богатуровым и А.В. Виноградовым), которое характеризуется длительным сосуществованием и устойчивым воспроизводством пластов разнородных моделеобразующих элементов и основанных на них отношений; данные пласты образуют внутри общества анклавы, эффективность организованности которых дает возможность анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата.

Авторы характеризуют анклавы (которые могут представлять и новации) в качестве устойчивых структурных единиц конгломерата, относительная изолированность которых друг от друга не ведет автоматически ни к расцвету, ни к упадку. По их мнению, конгломератно-анклавный тип самоорганизации может быть инструментом успешного приспособления общества к индустриальному и постиндустриальному контексту. «Анклав «традиционного» не обречен раствориться в окружающей его среде. Точно так же анклаву «современного» не гарантировано преобладание в масштабах всего общества, — утверждают А.Д. Богатуров и А.В. Виноградов, — Среда может стремиться поглотить анклав через распространение на него присущих ей связей. Но анклав может успешно сопротивляться ей, попутно способствуя приобретению обществом более сложной («сдвоенной», «строенной») структуры. Подобная структура способна позволить обществу, с одной стороны, адаптировать достижения техногенной цивилизации, а с другой — сохранить условия для воспроизводства архаичных трудовых мотиваций так, что последние в соединении с современной техникой дадут экономический эффект, превосходящий тот, что возможен в стране происхождения этой техники на основе характерного для нее отношения к работе и производству» [25].

Модель парциальной модернизации предлагает видение модернизации как более связанного, контекстуального процесса, на который накладывают отпечаток структуры, институты, традиции уходящей эпохи. Данная модель создает исследовательское пространство, право на существование в котором получают как инновационные, так и традиционные фрагменты действительности. Последние, в рамках данного подхода, выступают не в качестве пассивных реципиентов, обреченных на выкорчевывание, но в качестве автономных активных образований, способных адаптироваться к новым условиям и вырабатывать стратегии выживания. Модель частичной модернизации более объемна и эмпирична. Она позволяет более адекватно описывать реальные процессы перехода, учитывать действие различных механизмов, в том числе и диффузионных, сложные взаимоотношения между традицией и новацией, сопровождающиеся взаимоовлияниями, трансформациями, конструированием причудливых симбиотических агрегатов.

Итак, диффузия является одним из механизмов, которые используются в процессе и в целях модернизации. Диффузия определяет векторы экзогенного развития и позволяет объяснить некоторые аспекты исторического процесса — но, конечно, не все. Помимо внешних влияний, их взаимодействия с внутренними чертами и синтеза, существуют и имманентная логика процессов, обусловленная действием эндогенных факторов. Сами результаты диффузии находятся в существенной зависимости от того исторического контекста, к которым им приходиться адаптироваться. Общий ход развития будет успешным лишь в том случае, если удастся гармонизировать его эндогенные и экзогенные составляющие. Как верно отмечает проф. С. Дьюб, «нельзя отвергать реальность диффузии идей и инноваций как силы в процессе культурного развития человечества. И те, и другие переступают национальные границы. Но идеи, институты и технологии должны быть приспособлены к эндогенному этосу. Ни одно общество не может остаться вне влияния экзогенных факторов» [26]. Исторический контекст в состоянии кардинально видоизменить инновации, поэтому, согласно концепции зависимости от пути развития [27], введение идентичных нормативных систем и практик в обществах с различными институциональными средами может вести к совершенно разным результатам. Тем не менее, анализ внешних сторон явлений вносит определенный вклад в изучение многогранного мира социальных изменений в ходе истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 345–354.
2. Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. М., 2002.
3. Pollard S. Peaceful Conquest. The Industrialization of Europe 1760-1970. Oxford, 1995.
4. См.: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 141–145, 149–154, 163–169; Левин М.Г., Токарев С.А. Культурно-историческая школа на новом этапе // Советская этнография. 1953. № 4; Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Чеснов Я.В. Теория «культурных связей» в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976; Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии // Там же; Kroeber A.L. Diffusionism // Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. Ed. by E.Etzioni-Halevi and A.Etzioni. New York: Basic Books, 1973. P. 140–144; Боас Ф. Эволюция или диффузия // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 343–347.
5. Elliot-Smith G. Culture. The Diffusion Controversy. London, 1928.
6. Альфред Крёбер определяет диффузию как процесс, «посредством которого распространяются элементы или системы культуры; посредством которого изобретение или новый институт, принятый в определенном месте, внедряется в соседних местах, до тех пор, пока не распространится по всему земному шару» (Kroeber A.L. Diffusionism... P. 140).
7. См.: Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 12–13, 80–82, 117–121; Lauer R.H. Perspectives of Social Change. Boston: Allyn @ Bacon, 1982.
8. См.: Хеншолл Д. Модели сельскохозяйственного производства // Модели в географии. М., 1971. С. 164–166, 168–169.
9. Необходимо признать, что концепт диффузия использовался некоторыми представителями модернизационной перспективы классического периода. Так, по мнению Л. Пая, модернизация предполагала диффузию т.н. «мировой культуры». Последняя интерпретировалась как «основанная на передовых технологиях и духе науки, на рациональном взгляде на жизнь, на секулярном подходе к социальным отношениям, на признании в политической сфере нации-государства в качестве главной политической единицы» (Pye L.W. Aspects of Political Development. Boston: Little, Brown, 1965. P. 8).
10. См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 175–177; Chodak S. Societal Development. N.Y., 1973. P. 263–271.
11. См.: Smelser N. Toward a Theory of Modernization // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973. P. 268–284; Idem. The Modernization of Social Relations // Modernization. The Dynamics of Growth. N.Y.; L., 1966. P. 110–121.
12. См.: Smelser N. Toward a Theory of Modernization ... P. 271; Idem. Social Change in the Industrial Revolution. Chicago, 1959. P. 2.
13. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8.
14. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.
15. Ibid. P. 96.
16. Ibid. P. 106–128.
17. Westney D.E. Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns to Meiji Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.

18. Cohen E. Thailand, Burma and Laos — An Outline of the Comparative Social Dynamics of Three Theravada Buddhist Societies in the Modern Era // Eisenstadt S.N. (ed.). Patterns of Modernity. New York: New York University Press, 1987. Vol. II: Beyond the West.
19. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications, 1992; Idem. Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; New York: De Gruyter, 1995. P. 216–218, 226–231.
20. Малиа М. Краткий XX век // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000. С. 122.
21. Rueschemeyer D. Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons/ Ed. by J.C. Loubser et al. N.Y., 1976. Vol. 2. P. 756–772; Цит. по: Волков Л.Б. Теория модернизации — пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие (Обзор англо-американской литературы) // Критический анализ буржуазных теорий модернизации. Сборник обзоров. М., 1985. С. 72–73. Необходимо признать, что Р. Бендикс уже в 1960-е гг. признавал, что реальный процесс модернизации протекает как «частичный» (See: Bendix R. Tradition and modernity reconsidered // Comparative studies in society and history. Hague, 1967. Vol. 9. № 1. P. 330).
22. Цит. по: Волков Л.Б. Теория модернизации... С. 74.
23. См.: Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40–56.
24. Подобный теоретический подход был положен в основу интересного коллективного исследования отечественных востоковедов «Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного» (М., 1984). Авторы данной работы отмечали устойчивость сосуществования «традиционной» и «современной» компонент в обширной группе стран незападных ареалов, ввели понятие «синтетическое общество» для обозначения образований «смешанного типа».
25. См.: Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 60–69; Они же. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. М., 2002. С. 109–128.
26. Dube S.C. Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms. Tokyo, London, 1988. P. 6.
27. См.: North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 100–101; Роуни Д. Методологические аспекты изучения истории России (Зависимость от пути развития и плановая политика в СССР) // Материалы научных чтений памяти академика И.Д.Ковальченко. Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова 2–3 декабря 1996 г. М., 1997; Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. М., 2002; Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ. М., 2004.

АЗИАТСКАЯ РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ XVI-XX ВЕКА

(В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников; Ин-т истории и археологии УрО РАН. М.: Наука, 2004. 600 с.)

Поиск цивилизационной идентичности России, ведущейся в последние годы многими представителями исторического сообщества, так или иначе касается проблемы постижения феномена синтеза европейского и азиатского компонентов. Далеко не полный перечень возможных вариаций на тему «что есть Россия как цивилизация» включает в себя представления об особой цивилизации со своим самобытным путем развития, евразийство, признание России в исторической ретроспективе и перспективе всего лишь периферией европейской цивилизации.

При этом достаточно укорененными в историческом сознании являются представления о некоей вторичности, постоянном отставании в развитии, его догоняющем характере, о недостаточной цивилизационной зрелости, присущих российскому социуму. Как правило, подразумевается, что вторичность и периферийность являются следствием слишком большой доли азиатского компонента в исторической судьбе России.

Хорошо известно, что вся человеческая история пронизана межцивилизационной борьбой, периодическим изменением геополитической карты мира. В конце XX — начале XXI века прозвучал уже не один «звонок», предупреждающий всех нас, сегодняшних жителей России, о том, что владение самой большой территорией (в основном за счет азиатской части) и все еще значительными ресурсами требует адекватной политики и не гарантирует безоблачного будущего в условиях набирающей ход глобализации и постепенного исчерпания минерально-сырьевых и иных видов ресурсов на использовании которых базируется современная мировая цивилизация.

Несколько лет назад в Российской Академии наук состоялся доклад А.Г. Арбатова о перспективах развития России с точки зрения ее национальной безопасности [1]. Геополитические и цивилизационные сценарии возможного развития событий в ближайшие два десятка лет, по мнению автора доклада, основываются на том, что России не удастся избежать нейтралитета и придется сделать выбор между союзом с Западом или Китаем. Оба варианта грозят тяжелыми последствиями, вплоть до потери Дальнего Востока и Сибири.

Однако стоит ли нам беспокоиться о судьбе Сибири?! В книге «Сибирское проклятье: как коммунистическое планирование забросило Россию в холод», изданной в 2003 году на Западе [2], Ф. Хилл и К. Гэдли стремятся доказать, что Россия совершила большую историческую ошибку, получила избыточные население и промышленные мощности в Сибири, делающие этот регион с холодным климатом экономически нежизнеспособным, тогда как во всех других странах с развитой промышленностью люди мигрировали в более теплые районы.

Вместе с тем уже были попытки зондажа американскими конгрессменами почвы на предмет продажи части сибирских земель. Озвучивание СМИ проблем неэффективного использования Россией сибирских и дальневосточных природных богатств, в отличие от сопредельных государств,

стали достаточно привычными и не вызывают видимой обществом, а фактически никакой серьезной реакции со стороны властей.

На этом фоне все еще недостаточно осознанными являются такие факты нашего исторического прошлого как, то, что открытие и присоединение Сибири к России — это неотъемлемый элемент Великих географических открытий; Сибирь, а значит и Россия, доходила в свое время до Калифорнии. То есть изучение процессов цивилизационного, геополитического, социокультурного порядка, происходивших в истории России, невозможны без включения их и рассмотрения в контексте существования и развития мировой цивилизации, равно как и изучение истории мировой цивилизации невозможно без адекватного понимания роли и места России на разных исторических этапах.

В данном контексте можно полагать вполне закономерным появление академического труда, посвященного исторической судьбе Азиатской России, который вносит существенный вклад в изучение специфики российских цивилизационных процессов, подводит итоги исследования данной проблематики, энергично проводившиеся в течение последнего десятилетия. Написанная коллективом видных уральских ученых, работающих в Институте истории и археологии УрО РАН, под руководством академика РАН В.В.Алексеева книга «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике» (М., Наука, 2004. — 600 с.), надеемся, станет важным событием не только в жизни научного сообщества историков и представителей других гуманитарных наук, но и по-настоящему заинтересует представителей властей регионального и центрального уровня.

В центре внимания коллектива рецензируемой монографии — место восточных регионов России в процессах геополитической и цивилизационной динамики XVI–XX вв. Актуальность данной темы несомненна. Азиатская часть Россия имела огромное значение для страны в целом в экономическом, социокультурном, геополитическом аспектах. Урал и Сибирь давали значительную часть общероссийского валового продукта. В XVII в. весомую долю дохода казна получала за счет сибирской пушнины. В XVIII в. значительными были поступления от таможенных сборов с оборотов русско-китайской торговли (Кяхта). В XVIII в. на Урале и в Сибири были созданы металлургические комплексы, дававшие значительную часть общероссийской добычи черных и цветных металлов (так, в конце XVIII в. на долю Урала приходилось 2/3 производства российского чугуна и 9/10 российской меди). Заметной была роль восточных регионов России в добыче золота, серебра, алмазов. В XX в. Сибирь приобрела особое значение как главное хранилище мировых запасов пресной воды, деловой древесины, ископаемого топлива. В советский период Сибирь превратилась в главную «электростанцию» страны. В последние годы она продолжает играть роль донора и смягчает удары системного кризиса, Азиатская Россия остается главной топливно-энергетической базой страны, дает более половины экспорта и обеспечивает ее валютными ресурсами, в очередной раз спасая Отечество. Наличие в составе страны огромных территорий, богатых разнообразными, в том числе уникальными, ресурсами, в целом способствовало укреплению и сохранению существующих политических режимов как в социально-политическом, так и в геополитическом планах.

В монографии фактически снимается с дальнейшего обсуждения вопрос о том, чем могла быть Россия, если бы ее национально-государственная территория замыкалась Уральскими горами, поскольку исторический путь России, сама возможность ее государственного существования и влияния на мировые процессы неразрывно связаны с выходом на просторы Азии и достижением берегов Тихого океана. Азиатская Россия дает огромное геополитическое преимущество с точки зрения перспективного развития. Тесное взаимодействие с мощным азиатско-тихоокеанским экономическим сообществом является фундаментальной задачей, которую России необходимо решать для того, чтобы остаться в ряду ведущих мировых держав. В данном контексте весьма полезными становятся содержащиеся в книге уроки геополитического развития России в XX веке.

Без основательного изучения динамики восточных регионов России невозможно объяснить специфику национального исторического процесса, определить место России в мировой цивилизационной динамике. В монографии удачно сочетаются серьезный теоретический уровень и обширное

конкретно-историческое исследование. Исследование выполнено на основе скрупулезного анализа богатейшего историографического и документального материала, зачастую впервые вводимого в научный оборот. Логичным представляется построение монографии, которое включает раздел, посвященный анализу геополитического и цивилизационного контекста развития Азиатской России; раздел, в котором анализируются процессы освоения восточных регионов России в сравнительной перспективе (в качестве объекта сравнения удачно, на мой взгляд, выбран процесс освоения американского Запада, получивший в историографии наименование «фронтира»); аналитический блок, посвященный рассмотрению процессов постепенного формирования и усложнения региональных структур Азиатской России; раздел, в рамках которого выявляется вклад восточных регионов в экономический, социокультурный, политико-правовой потенциал страны в целом. Подобный подход позволяет рассматривать развитие восточных регионов России в разных перспективах, сочетать взгляд «извне» и взгляд «изнутри».

В монографии проведено сравнительное исследование исторического опыта освоения Азиатской России и США, показавшее, что в обоих случаях задачи колонизации новых территорий определялись стремлением к увеличению национального дохода и решению геополитических задач. Однако обстоятельства, способы и результаты колонизации новых территорий России и США коренным образом различались. В отличие от русских, проделавших путь от Урала до Тихого океана менее чем за 70 лет, Соединенные Штаты Америки более полутора веков осваивали узкую 400-километровую прибрежную полосу и лишь в XIX в. стали быстро прирастать крупными фрагментами в результате аграрной колонизации, захватов и покупок территорий. Вместе с тем американская территория развивалась много интенсивнее Азиатской России, поскольку изначально была ориентирована на рыночные отношения, в Сибири же товарные отношения были развиты слабо. Периферийность американского «Дикого Запада» и Сибири являлась общей чертой и порождала автономистские тенденции, которые имели выход в США в федерализме, а в России вылились в движение сибирских областников, сторонников широкого местного самоуправления. Однако все это подавлялось административным путем как одна из форм недопустимого свободомыслия. Несмотря на различия в генезисе и динамике колонизации Азиатской России и американского Запада именно благодаря приращению этими территориями США и России в конечном счете удалось стать могущественными мировыми державами современности.

Авторы убедительно доказали существенную роль восточных регионов для укрепления экономики и государственности страны в целом, усиления национальных позиций в международной торговле и политике не только на Азиатском континенте, но и на западном направлении. Представляется в высшей степени обоснованным положение об Азиатской России как серьезном резерве развития, заблокировавшем в XVI—XVII вв. процесс вытеснения Московской Руси на историческую периферию. Приведен большой доказательный материал о влиянии Урала и Сибири на национальные процессы модернизации. В работе установлено, что в формировании предпосылок модернизации территориальный рост России, бурно происходивший с конца XVI в., играл весьма заметную роль. Разработан вопрос о взаимодействии модернизации и региональной динамики, идентифицированы каналы и формы взаимодействия модернизации и регионального развития, определена модернизационная составляющая в совокупности факторов регионального развития, с одной стороны, и региональная компонента в процессах модернизации — с другой. Доказано, в частности, что естественно-географические факторы в целом играли в процессе модернизации России совершенно исключительную роль. Формирование географической модели организации промышленного производства (и вообще того, что в XX в. будет названо политикой размещения производительных сил) на начальном этапе модернизации почти целиком определялось перевесом природно-естественных факторов продуктивности над социально-экономическими и технологическими. Заслуживает внимания наблюдение о значительной роли периферийных территорий в формировании импульсов складывания властно-политической структуры.

Существенное внимание уделено месту Северной Азии в процессах цивилизационной динамики. Следует согласиться с мнением авторов, что с XVI–XVII вв. в Северной Азии начинается новый этап цивилизационно-культурных взаимодействий, ведущую роль в которых играет славянская колонизация, способствовавшая интеграции данной территории в общеевропейский культурный контекст. Рассмотрены взаимодействия различных цивилизационно-культурных факторов, в частности исламского, буддийского, дальневосточного, выявлены формы и динамика межцивилизационных взаимодействий. Заслуживает доверия высокая положительная оценка этнокультурных контактов на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке как факторов обогащения культуры народов, укрепления их адаптационных потенциалов. Представляется взвешенной оценка результатов воздействия социалистической модернизации на процессы цивилизационной динамики. Авторы справедливо квалифицируют данные результаты как противоречивые, двойственные: культурное подтягивание, с одной стороны, и унификация, нивелировка этнических культур — с другой. Следует согласиться и с утверждением об объективности процессов культурной стандартизации в условиях становления индустриальной цивилизации.

В книге показан процесс возникновения в Азиатской России наиболее развитых форм политического и экономического регионализма из когда-либо появлявшихся в российской истории. В Азиатской России регионализм развился как естественный продукт значительной социально-территориальной дифференциации национально-государственной территории, нараставшей в процессе колонизации, и, отражая крупные, принципиальные сдвиги в социально-культурных способах жизнедеятельности населения восточных окраин, являлся реакцией на его практические интересы и нужды. Авторы убедительно доказывают, что регионализм восточных окраин являлся своего рода заместителем структур гражданского общества, которые в Европейской России не могли развиваться вполне свободно при том мощном институциональном давлении, которое было обусловлено традициями государственно-бюрократической опеки над общественной жизнью. Исторический опыт регионализма сегодня весьма актуален. Он показывает, что для России социально-территориальные неравенства и противоречия представляют не менее значимую проблему, чем традиционно понимаемое неравенство социальных статусов и состояний.

Авторы убеждены в том, что нынешнее нелегкое положение России как с точки зрения внутренних процессов, так и с точки зрения геополитической ситуации и стоящих на пороге вызовов глобализации, не является основанием для капитуляции, а напротив, требует обратиться к историческому опыту, который позволяет увидеть и убедиться в том, что Азиатская Россия не раз спасала страну в тяжелейших ситуациях, была не просто надежным тылом, а жизнесберегающей и восстанавливающей системой.

С давних времен обращение интеллектуальной элиты к государственной власти сложилось в России в устойчивую традицию. С проектами, записками, письмами, посвященными вопросам реформирования страны, обращались к царям, императорам, генеральным секретарям, политическим деятелям М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, М.М. Сперанский, В.И. Вернадский, П.Л. Капица, Н.Н. Моисеев и многие другие. Нельзя сказать, что власть имущие не обращали внимания и не реагировали на эти обращения, в противном случае Россия, видимо, имела бы несколько иную историю.

Надеемся, что монография будет востребована не только представителями научной общественности, но и теми, от кого в настоящее время во многом зависит судьба Азиатской России и всей страны — представителями всех ветвей и уровней власти. Эта книга не панацея, но мудрый собеседник и советчик, содержащий ответы на многие вопросы, встающие сегодня перед политической и экономической элитами как в центре, так и в регионах.

Авторы монографии квалифицированно, ярко и убедительно показали, как на протяжении пяти столетий Азиатская часть России формировала новую социокультурную, экономико-политическую целостность страны. Они всесторонне и аргументированно доказали, что в теоретическом и

практическом аспектах Азиатскую Россию можно рассматривать только как важнейший оплот и резерв развития Российского государства в прошлом, настоящем и будущем, а не как его «осколок» или «случайный придаток».

А.В. Трофимов

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арбатов А.Г. Национальная безопасность России в многополярном мире // Вестник Российской Академии наук. 2000. Т.70. № 11. С. 984–993.
2. Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington, 2003.

ПИОНЕРНЫЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Известный русский историк Н.М.Карамзин в свое время писал: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая..; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей... Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастие. Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось». Эти слова были написаны в декабре 1815 г., т.е. тогда, когда городу Екатеринбургу шел восемьдесят третий год со дня основания. С тех пор минуло почти два столетия, но слова эти и сегодня весьма актуальны и во многом верны.

В последние годы читатель, неравнодушный к истории Отечества, Урала, мог обратиться ко многим источникам, утоляющим в определенной мере информационно-познавательный интерес. В этом ряду вполне достойных и профессиональных публикаций по различным аспектам уральской истории, несомненно, выделяется и заслуживает особого внимания читателей книга «Екатеринбург-Свердловск-Екатеринбург. История городской власти (1745 — 1919). Документально-публицистические очерки». (Екатеринбург: ООО «Средне-Уральское книжное издательство. Новое время», 2003 — 272 с.).

Авторы книги А.И.Грамолин и Э.А.Коридоров посвятили свою работу исследованию опыта становления и развития самоуправленческих структур одного из крупнейших центров Среднего Урала — г.Екатеринбурга в период с 1745 по 1919 г.

История органов самоуправления имеет глубокие корни и традиции. К ней неоднократно обращались исследователи различного профиля: этнографы, социологи, юристы, и, конечно же, историки. Феномен такого явления, как самоуправление, заключается в том, что, возникая и действуя в рамках общегосударственного законодательства, эти структуры в каждом конкретном регионе имели свою специфику работы, связанную с географическим, экономическим, политическим положением,

а также ролью в Российском государстве на различных этапах его развития. Урал, как крупнейшая база горнорудной промышленности России, в этом отношении занимал особое место.

Само обращение к теме истории городской власти столь же актуально, сколь и обоюдоостро. Этого не могли не понимать авторы, приступая к такому масштабному труду. Действительно, только ленивый не ругает в последние годы власти всех уровней: от местной до центральной. Особенно обостряется критика в предвыборные времена. Но при этом у каждого, кто непредвзято задумается над проблемой, не может не возникнуть вопрос: а существовала ли в давние или недавние времена ситуация, когда власть не за что было критиковать? Один из популярных ныне ответов состоит в том, что у российской власти судьба такая — быть всегда «оторванной от народа» и его чаяний. Авторам «Истории городской власти» удалось достаточно убедительно показать, как в исторической ретроспективе становление самоуправления происходило именно в контексте решения насущных жизненных проблем города и его жителей. В книге красной нитью проходит мысль, что вклад городского самоуправления, т.е. местной власти, в развитие Екатеринбурга на протяжении почти двух столетий был во многом определяющим.

Оригинальность рецензируемой работы заключается в том, что она выполнена в виде сборника документально-публицистических очерков, в которых прослеживается путь органов самоуправления с момента создания города-крепости в XVIII в. до Гражданской войны 1918 –1920 гг. Несомненным достоинством книги является удачно избранный авторами алгоритм каждой главы, состоящий из таких разделов, как «События и судьбы», «Письма из прошлого», «Взгляд современника». Это позволило отойти от привычной для научного стиля сдержанности в изложении и привнести в повествование ощущение участия в происходивших событиях. Рубрика «Комментарии ученого» позволила соединить разносторонний фактологический материал и сделать выводы по вопросам эффективности работы той или иной управленческой структуры на определенном историческом этапе.

Главное место в своей работе авторы отвели повествованию о том, как создавались органы самоуправления в Екатеринбурге, их структуре и деятельности в решении таких вопросов как благоустройство города, медицинское обслуживание, социальное страхование, развитие предпринимательской деятельности, торговле, промышленному и культурному строительству. Все эти проблемы показаны на фоне основных событий российской истории, включая периоды эволюционного развития, проведения государственных реформ (екатерининская эпоха, время после отмены крепостного права), и годы революционных потрясений в начале XX в. Читатель узнает, как тщательно готовился город к встрече Александра I, как непросто строились взаимоотношения городского самоуправления с губернскими и горными властями, как протекала обычная жизнь горожан, которых волновали не только войны и революции, но и эпидемии, пожары, антисанитария...

На страницах книги подробно повествуется о том, как этапы стремительно развивающегося городского хозяйства в Екатеринбурге сменялись временем постепенного сворачивания общественной инициативы. Вполне понятны современным жителям города сюжеты из XIX в., посвященные попыткам демократизации городской власти, обернувшиеся в конце концов политическим кризисом.

Нелегко складывалась судьба Екатеринбурга. Возникали постоянные коллизии, обусловленные особым положением города, которому не суждено было стать обычным уездным захолустьем, в силу прежде всего геостратегического положения в сердце Каменного пояса. Не случайно поэтому город являлся полем борьбы губернских властей и горного ведомства и вполне естественно на первых этапах его существования побеждали последние.

О том, в какой непростой обстановке приходилось действовать городской власти, свидетельствуют многочисленные факты. Приведем лишь один. Для того, чтобы потратить 3000 руб. из запасного городского капитала на строительство водосточной канавы, городской думе пришлось испрашивать разрешение у главного горного начальника; тот, в свою очередь, переправил просьбу к министру финансов, и через год министр финансов вместе с министром внутренних дел коллегиально «не нашли причин» запретить рыть канаву. Было это всего-то какие-то 140 лет назад. Поэтому,

как резонно отмечается в книге, «работа городских властей была бы парализована, если бы все время неукоснительно соблюдались подобные процедуры».

Представленная в книге история городского самоуправления Екатеринбурга порой напоминает детективную фабулу. Она изобилует драматическими поворотами, многочисленными противоречиями реальной жизни, одно из главных и перманентных: где взять средства для решения многочисленных городских проблем. Со страниц книги на нас смотрят люди, внесшие значительный вклад в развитие города, порой ошибавшиеся, вступавшие в борьбу, отстаивающие свои, не всегда казавшиеся окружающим безупречными позиции. Но в большинстве своем заботившиеся о городе, его жителях или, говоря современным языком, ясно видевшие стратегическую цель и имевшие четкую линию действий. К ним относятся почетные граждане Екатеринбурга Е.Е.Богданович, А.И.Кожевников, А.А.Мыславский, Ф.А.Иванов, П.П.Вей-марн и др., чьими усилиями решались проблемы городского здравоохранения, образования, благоустройства.

В данном контексте одним из важнейших свершений городской думы авторы называют превращение в конце XIX в. г.Екатеринбурга в перспективный железнодорожный узел на пересечении важных магистралей. Именно городская власть тогда «педантично и неутомимо атакуя имперские канцелярии прошениями и ходатайствами, окончательно и бесповоротно предопределила, что уездный статус слишком тесен для Екатеринбурга».

Страницы книги насыщены конкретными историческими фактами и подробностями решения житейских, текущих проблем, которые как ни грустно весьма перекликаются по содержанию и остроте с сегодняшним днем (несмотря на изменившуюся технологическую оболочку). В этом плане некоторые проблемы с которыми сталкивается современное городское самоуправление и сами горожане как субъект действия городской власти: нехватка средств, не всегда их эффективное использование, пресловутое ЖКХ, дороги, освещение, чистота улиц и т.д. представляются в определенной мере сакральными — ибо не будь их и тогда исчезает сама сфера применения городского самоуправления, равно как и в глазах обывателя исчезает важный и по видимому необходимый источник некоторого раздражения в обыденной жизни.

Наряду с явными и прозрачными аллюзиями вполне понятными современному внимательному читателю, в книге можно найти массу фактов, позволяющих ощутить аромат эпохи, дух давно ушедшего времени. Действительно, постановление городской думы в 1885 г. «Об удалении женской прислуги из пивных лавок» сегодня покажется лишь курьезом. Однако современники событий относили его к числу самых значительных дел думцев, поскольку таким образом велась борьба с неконтролируемой проституцией.

Использование широкого круга источников, таких как монографии, периодические издания, архивные материалы помогло авторам воссоздать достоверную картину деятельности органов самоуправления города, её успехи и слабые стороны в решении текущих задач городского строительства. В качестве аргументации основных положений и выводов в книге приводятся малоизвестные статистические данные по состоянию основных инфраструктур горно-уральской столицы и населению. Авторы приводят перечень должностных лиц различного ранга, работавших в системе самоуправления города в рассматриваемый период: бургомистров, городских голов, гласных городской думы, составы городских дум. Многочисленные фотографии красочно дополняют текст данной работы. Отдельно следует отметить достойное полиграфическое исполнение, которое уверены удовлетворит книжных гурманов, и в очередной раз подтвердит тезис о том, что для хорошей книги одинаково важны как форма так и содержание.

Появление данной работы весьма симптоматично. Это пример того как осознание общности интересов, любовь к родному городу, уважение к его нелегкой, но славной истории объединило усилия представителей современной городской власти — автора проекта председателя Екатеринбургской городской думы третьего созыва Я.П.Силина, видных ученых-регионоведов в лице научного редактора заслуженного деятеля науки РФ, профессора УрГЭУ Е.Г.Анимицы, научных консуль-

тантов, профессиональных историков Е.Ю.Апкаримовой, И.Ф.Плотникова, авторов текста А.И.Грамолина, Э.А.Коридорова, представителей научных, образовательных, административных учреждений Екатеринбурга — В.И.Коновалова, А.В.Сороколетовских, Н.М.Севастьянову, С.А.Корепанову, Г.П.Лобанову, Е.М.Иванову, Н.Е.Цыпину, И.А.Гильфанову, М.Г.Плаксину, Ф.Р.Каримову, В.А.Терехович, что и позволило состояться этому поистине пионерному проекту.

В настоящее время книга доступна читателям библиотек, учащимся городских школ, колледжей, вузов. Действительно, к своему 280-му юбилею горожане получили замечательный подарок, достойный занять почетное место на полках личных литературных собраний. Остается ждать выхода второй части книги, посвященной современному периоду истории городской власти.

А.Т. Тертышный
А.В. Трофимов

ИДУЩИЙ СВОИМ ПУТЕМ

(Шпотов Б.М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М.: Книжный Дом «Университет», 2003, 383 с., илл.)

В книге доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН Б.М. Шпотова исследован жизненный путь одного из выдающихся представителей крупного американского бизнеса первой половины XX века — «автомобильного короля» Генри Форда. На основе архивных и исследовательских материалов Музея Генри Форда и Всемирной штаб-квартиры «Форд Мотор компани» в штате Мичиган, фондов российских центральных архивов, а также а также полновесной «отработке» англо- и русскоязычных научных публикаций по проблеме автору удалось не только дать подробное, всестороннее освещение сложной и драматической истории создания и развития «Форд Мотор компани», но и нарисовать яркий и точный психологический портрет ее «отца-основателя».

«Поставивший на колеса весь мир», Генри Форд еще при жизни стал легендой. Его заслуги в деле промышленного развития признали пять президентов США — от В. Вильсона до Ф. Рузвельта (сам Г. Форд в 1924 г. был выдвинут в президенты и имел все шансы с триумфом войти в Белый дом). Высшими орденами своих государств наградили Форда Б. Муссолини и А. Гитлер. Его благодарил и даже «благословлял» («May God preserve him») И. Сталин. По современным опросам общественного мнения в США, первый Форд — историческая личность масштабов Д. Вашингтона и А. Линкольна. Под влиянием мифа о Форде — механике-самоучке, своим талантом и энергией создавшим крупнейшую для начала XX в. «автомобильную империю» — находились и находятся до настоящего времени политики, представители различных сфер бизнеса, общественные деятели, миллионы простых людей во всем мире.

Автор монографии не ставит своей задачей оценить, «номинировать» или развенчать миф о Генри Форде — он анализирует причины его возникновения, эволюцию в различные исторические периоды, соотносит с их реалиями. В книге убедительно показано, что Форд олицетворял уникальное явление в истории американского и мирового бизнеса, когда воля и энергия одного человека, его идеи и убеждения создали гигантскую индустриальную империю и сыграли в её судьбе решающую роль. В глазах общественного мнения образ «мистера Форда» и возглавляемой им компании фактически слились воедино: «автомобильный король», если использовать, перефразируя, знаменитое

высказывание Людовика XIV, мог сказать о себе «компания — это Я». В соответствии с собственной «философией» бизнеса и его роли в обществе Генри Форд организовывал работу своей компании во *всех* сферах — от собственно производства до социальной политики. Выдающийся «полиноватор» он тем самым в значимой степени наметил будущее мирового промышленного производства.

Его идея «народного» автомобиля, оптимально сочетающего в себе низкую цену и качество (в новых критериях стандартизации и прочности) воплотилась в знаменитой модели «Т», ставшей знаком «революции в автомобилестроении», особым символом индустриальной цивилизации.

Стремление Форда добиться максимальной рационализации и эффективности собственного бизнеса выразилось, во-первых, в создании уникальной системы организации труда (пооперационное планирование всех участков и звеньев производственного процесса с «паспортизацией» производства и материально-технического обеспечения) и в итоге — в постановке и постоянном экспериментальном усовершенствовании такого новшества мирового значения, как сборочный конвейер; во-вторых, в формировании особых, также «революционных» по своей сути, — системы сбыта и «стратегии» маркетинга, «фирменной» организации продаж; в-третьих, — в беспрецедентных для своего времени кампаниях по внутренней экономии, сокращению отходов, повышению степени их утилизации.

Его понимание идей «социальной ответственности» бизнеса, «партнерских отношений на производстве», «окультуривания» рабочих воплотилось в специальных программах, направленных на повышение не только благосостояния, но и физического и даже морального здоровья рабочих и членов их семей. Не смотря на сложную и неоднозначную природу «школы американизации», «своей «социальной инженерией», заключает автор монографии, Генри Форд продемонстрировал, что не является ограниченным дельцом, пекущимся только о прибылях».

Б.М. Шпотовым убедительно показано, что масштаб и принципиальная новизна сделанного Генри Фордом I (даже если учесть таланты его сотрудников, негласный принцип внутренней политики компании «Все лавры боссу») — действительно, уникальны. Но автор монографии не склонен «канонизировать» этот вывод, ставить его во главу угла своих исследовательских алгоритмов. Его более интересуют сложные исторические закономерности фактического воплощения фордовской «философии бизнеса», претворения «жизненного кредо» человека и «автомобильного короля» Генри Форда.

Форд всегда шел своим путем, руководствуясь собственными представлениями, и в этом заключалась не только его сила, но и слабость. Современникам он казался сотканным из противоречий. Многое в деятельности первого Форда объяснялось его эксцентричностью, импульсивностью и самонадеянностью (порой и элементарным невежеством).

Убежденный сторонник принципа базовой модели автомобиля (как основы процветания компании), но и увлекающийся экспериментатор (не только в сфере автомобиле, но и самолето-, дирижаблестроения). Индустриальный магнат, который навсегда в своих пристрастиях и «в душе» оставался неисправимым «деревенщиком». Презиравший благотворительность, но последовательно выдвигавший программы борьбы с бедностью. Деятельный пацифист, призывавший «перековать мечи на трактора» (в том числе организовавший донкихотскую «миссию в Европу для примирения участников Первой мировой войны» (С. 193)), который в годы этой же войны взялся за военные заказы. Гуманист, но и инициатор одной из самых масштабных и агрессивных в истории Америки антисемитских компаний. «Социально ответственный» предприниматель и одновременно ярый противник рабочего движения, разгонявший профсоюзные митинги с помощью наемных громил. Всё это Генри Форд!

Б.М. Шпотову удалось показать, что в своих поступках Форд был *последователен и логичен*, действуя, в соответствии с твердыми и продуманными личными убеждениями. Генри Форд искренне верил в то, что, выпуская дешевый и качественный продукт, доступный миллионам покупателей во всем мире, выплачивая работникам достойную зарплату, осуществляя целый комплекс социальных программ, он выполняет — ни много, ни мало — важнейшую миссию по стимулированию социального прогресса и искоренению нищеты, по-своему борется за «счастье человечества».

В бизнесе он не признавал ни объективных препятствий, ни авторитетов. Форд активно, хотя и несколько сумбурно боролся со всеми, кто, по его мнению, мешал ему эту миссию выполнять — нерадивыми, «необучаемыми» сотрудниками компании и «поджигателями войны», политическими деятелями и «банковско-ростовщическим» капиталом (отождествляемым им с «мировым еврейством»), собственными недругами и профсоюзными активистами. Столкновение позиции Генри Форда с политико-экономическими реалиями окружающего мира породило целый ряд драматических коллизий в биографии и «судьбе» «автомобильного короля» и его компании, которые ярко и увлекательно описаны Б.М. Шпотовым.

Значительный интерес представляют те главы книги, которые посвящены экономической стратегии Форда и его методам управления компанией. Форд остался верен себе, осуществляя руководство компанией на основе собственных представлений о целесообразности и эффективности, не опираясь на современные ему экономические теории и принципы менеджмента. (Такая ситуация была возможна благодаря тому, что Форд являлся и высшим менеджером, и главным акционером своей компании, к созданию которой не привлекался банковский капитал). Благодаря всевластию Форда, пишет автор, его компания «стала эффективной и неэффективной одновременно».

На ранних этапах ее существования за счет творческой энергии и железной воли Форда, его гениальных инноваций в сфере техники и организации производства, компанией были достигнуты потрясающие успехи. Однако в последующие десятилетия присущие Форду волюнтаризм и самоуверенность привели к игнорированию изменившейся рыночной конъюнктуры, косности в управлении и, в конечном итоге, к закономерной утрате лидерства в американском автомобилестроении. Автор отмечает, что по мере исчерпания экономических возможностей и преимуществ, «иссяк социально-культурный потенциал» (С. 149) деятельности первого Форда.

Анализ всех сторон жизнедеятельности «Форд Мотор компани» — организации производства и сбыта, механизма реинвестиций, кадровой и социальной политики, корпоративного пиара и т.д. — делает монографию Б.М. Шпотова интересной не только для историков, но и для экономистов, а также для представителей различных сфер и слоев бизнеса (многое из исходившего от Форда лично и его компании, признает автор, воспринимается как «современные учебные пособия» (С. 101)).

Для отечественного научного сообщества особый интерес, безусловно, представляет раздел монографии «Форд и Россия», посвященный опытам деятельности компании в царской России и экономическому сотрудничеству Форда с «Советами». «История Форда в России» началась в 1908 г. с организацией торгового представительства компании и сбытовых контор в ряде крупнейших городов. Модель «Т» трудно пробивала себе дорогу на российском рынке, скромная, она не привлекала к себе внимания состоятельных русских — единственных потребителей автомобилей в стране (ввоз из-за границы лишал ее основного преимущества — низкой цены). К 1917 г. автомобили марки «форд» занимали по представительству у российских владельцев были на одном из последних мест.

Масштабное сотрудничество компании Форда началось только при новой власти. Трактор Форда был объявлен «идеальной машиной для коммунистического хозяйства». Оплата в 1926 г. 12 тыс. фордзонов с разрешения Г. Форда («никогда и никому кредита не дававшего») была произведена с отсрочкой. В 1922-1931 г. фордовские автомобили составляли около 80% советского импорта. Возникшая еще в 1915 г. идея строительства Ford Motor Company завода в России начала реализовываться с 1929 г. (подписание договора). Советский Детройт интенсивно перенимал разносторонние основы опыта американского «материнского» производства.

В 1920-1930-е годы Генри Форд в Советской России был одним из самых популярных американцев, а в словарный обиход советских технократов, наряду с «индустриализацией» и «электрификацией», вошло слово «фордизация», означавшее массовое производство высокотехнологичной продукции, эффективную организацию производственных и трудовых процессов, широкое внедрение в народном хозяйстве передовых научно-технических достижений. Основатели советской школы

научной организации труда и одиозные советские государственные деятели объявляли американца Генри Форда «учителем всех руководителей нашей промышленности».

Автор пытается дать объективную характеристику той роли, которую компания Форда сыграла в истории советского народнохозяйственного строительства 20-х-30-х годов. В монографии показано, что участие возглавляемой Фордом компании в советской индустриализации было масштабным и разноплановым: оно включало в себя не только крупные поставки автомобилей и сельскохозяйственной техники, но и технико-технологическое и организационное содействие в строительстве автомобильных заводов в Москве и Нижнем Новгороде, обучение советских специалистов на предприятиях Форда в Америке и т.д. По мнению автора, являющегося одним из ведущих отечественных специалистов в области изучения советско-американских экономических связей, систематизированные им данные позволяют сделать вывод, что, нацеленный на перспективу, бизнес Форда в советской России можно оценить скорее как помощь, чем прибыльное предприятие (С. 357). СССР был, как утверждает Б.М. Шпотов «открыт» идеям «индустриального гения» Форда (в чем-то его принципы оказались органичны советским постулатам), хотя налицо было и острая борьба западной и молодой советской производственных культур.

Рецензируемая монография Б.М. Шпотова «Генри Форд: жизнь и бизнес» (М., 2003), безусловно, займет достойное место в отечественной и мировой индустриальной историографии. Ей свойственен широкий проблемный контекст, связанный с современным пониманием и дискуссиями об особенностях индустриальной и постиндустриальной цивилизаций, а также национальных спецификах процессов индустриальных модернизаций. Богатейшая фактология, умение автора видеть и «любоваться» нюансами и деталями, «знаками» изучаемого времени, пожалуй, безукоризненно работают на общий замысел работы. Монография написана ярким, живым и образным языком, который «счастливо отмечает» лишь глубоко продуманные, «выношенные» и высокопрофессиональные исследования.

Л.В. Сапоговская
А.В. Иванченко

ФУТОРЯНСКИЙ Л. И. КАЗАЧЕСТВО РОССИИ В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. (Оренбург, 2003. 474 с.)

Леонид Иосифович Футорянский является одним из первых историков, который более сорока лет назад начал заниматься проблемами российского казачества. В те времена на казачество смотрели как на силу враждебную революции и социализму, и заниматься такой проблемой было даже опасно для исследователей. Тем не менее, Л.И.Футорянским по истории казачества было опубликовано почти 500 работ. Представленная на рецензию монография затрагивает одну из самых сложных и противоречивых страницу в истории казачества: участие этого сословия в Гражданской войне. Данная тема уже затрагивалась в работах различных историков, о чем автор подробно говорит во введении, но все эти работы были, как правило, посвящены участию в Гражданской войне казаков отдельных войск или охватывали только отдельные регионы. В данной работе автор поставил перед собой, и в ходе работы успешно решил, задачу всесторонне и объективно освятить проблему участия казачества в Гражданской войне во всероссийском масштабе. Автор подробно рассмотрел историо-

графию вопроса участия казачества в междоусобной войне, проанализировав основные работы многих авторов затрагивавших, в разное время, данную проблему. Здесь же дана характеристика архивных источников, автор в своей работе использовал материалы двадцати трех архивохранилищ различных регионов России.

Автор разделил свою работу на две части. В первой, названной им «В преддверии (26 октября 1917 — март 1918 гг.)», он рассмотрел деятельность различных казачьих организаций и съездов накануне и в период Октября. В это время казачество в массе своей стремилось к консолидации, делались попытки создать региональные и всероссийские казачьи союзы. Особое внимание автор уделяет казачьим частям Петроградского гарнизона, где в это время находилось три казачьих полка, которые заняли нейтральную позицию, благодаря чему Октябрьское восстание в Петрограде прошло достаточно быстро и практически без кровопролития. Большое место уделено также итогам выборов в Учредительное собрание по казачьим областям России в целом. На основе большого количества статистических данных, сведенных в семь таблиц, исследователь делает вывод о том, что итоги выборов в Учредительное собрание свидетельствуют, что казачьи области в целом не были бастионами реакции и не совпадают с понятием «Вандея». Большое место в данной главе отведено такому малоизученному вопросу, как участию казачьих частей в попытке А.Ф.Керенского подавить революцию в Петрограде, процессу борьбы за власть в различных казачьих областях в ноябре 1917 — марте 1918 г. и позиции занятой казаками-фронтовиками по этому вопросу. Здесь же делаются попытки произвести подсчеты численности белых и красных в казачьих областях в данный период и рассматривается история создания различных форм казачьего самоуправления и автономии в казачьих областях.

Исследователь сделал следующие выводы: военные действия на этом этапе, то есть в преддверии Гражданской войны, носили ограниченный характер; в боевые действия были вовлечены небольшие по численности силы красных и белых; жертвы этого периода с обеих сторон были незначительны; борьба в казачьих районах не носила в это время ожесточенного характера и не отличалась кровопролитием; советская власть устанавливалась в казачьих районах благодаря поддержке большинства населения.

Вторая часть книги называется «В развернувшейся Гражданской (1918-1920 гг.)», которая занимает три четверти монографии. В этой главе автор обращает внимание на такие проблемы, как обострение Гражданской войны и начало ее в казачьих областях России. Первым был этап партизанщины, этот этап был переходным от добровольчества в формировании воинских частей к мобилизационному принципу. Его прошли и та и другая стороны конфликта. Соединения этого периода носили неустойчивый характер, одержав успех части распускались по домам. Большое значение автор уделил земельному и продовольственному вопросам в казачьих областях, справедливо считая, что непродуманное решение этих проблем привело к обострению Гражданской войны в этих районах. Подробно рассмотрена роль интервенции стран Антанты в расширении масштабов боевых действий на казачьих окраинах и в целом в России. Л.И.Футорянский постарался скрупулезно, объективно и не становясь ни на одну сторону, изучить и проанализировать всю совокупность сохранившихся фактов о красном и белом терроре. Значительное место при этом было уделено проблеме «расказачивания». Споры по вопросу численности белых и красных казаков идут давно. Традиционно считается, что всю Гражданскую войну на стороне белых воевало большинство казачества. Автор приводит статистические сведения создания белых и красных регулярных частей и утверждает, что подавляющая часть казачества сражалась на стороне красных практически в течение всей войны, в рядах белых воевало не более 20% от того, что было выставлено в действующую армию в годы Первой мировой войны, приводится перечень белых и красных казачьих частей. Видное место уделяется так же таким проблемам как переходу казаков, поддержавших сначала белых, на сторону Советов; роли казачьей конницы на завершающем этапе Гражданской войны, когда в составе Крас-

ной армии казачьи формирование сыграли видную роль в Польской и Крымской компаниях. Особое внимание уделено так же деятельности казачьего отдела ВЦИК в годы войны.

Подводя итог вышесказанному, хочется сказать большое спасибо автору за то, что наконец-то появилась работа в которой сделан очень важный шаг по пути преодоления пропасти, которая разделила российское общество, и особенно казачество, в начале XX века, последствия этого раздела не преодолены до сих пор, но главное сделать первый шаг.

В качестве замечания можно упрекнуть автор только в том, что он довольно часто отсылает читателя к своим прежним работам, вместо того чтобы еще раз вкратце освятить затрагиваемую в них проблему. Недоумение вызывает так же приведение кратких сведений, в начале и конце книги, об участии казаков в сражениях Великой Отечественной войны, что явно выходит за рамки проблемы монографии.

С.П.Постников

Е.Ю.Рукосуев

ПАВЛЕНКО Г.К. ЮНЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ ТЫЛА. ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ УРАЛА — ФРОНТУ. 1941-1945. (Челябинск: ЧПО «Книга», 2004. 168 с.)

История Урала периода Великой Отечественной войны обогатилась новыми страницами с выходом первой в России исторической монографии о трудовом подвиге подростков государственной системы трудовых резервов одного из крупнейших регионов страны. В ней обобщен материал центральных и местных архивов, а также ранее введенных исследователями в научный оборот фактов.

В предисловии представлена историография проблемы. Книга состоит из пяти глав: Учиться, чтобы победить; Кадры решают все; Стань патриотом; Условия жизнеобеспечения подростков; Все для фронта и освобожденных районов. В них автор пытается проанализировать в динамике кадровые, учебные проблемы, вопросы материально-бытового и продовольственного обеспечения, состояние медицинского обслуживания, идеологическая и воспитательная работа среди молодежи.

В основу заголовка книги легли слова из выступления С.Д. Игнатьева, секретаря обкома партии Башкирии, перед отличниками училищ и школ ФЗО, которые содержатся в первой главе «Учиться, чтобы победить»: «Ваш труд является трудом гвардейцев тыла. И после войны вы будите занимать почетное место среди фронтовиков. Помогите отстающим товарищам добиться таких же результатов, и тогда вы будете вдвойне гордиться тем, что выручили товарища и способствовали увеличению боевой продукции».

Особый интерес вызывает глава «Условия жизнеобеспечения подростков», раскрывающая вопросы продовольственного, материально-бытового обеспечения, медицинского обслуживания, места и роли военно-спортивной подготовки в поддержании жизнеобеспечения подростков. Неумолимые факты и цифры повествуют о тяжести военного лихолетья, постигшей воспитанников ряда учебных заведений трудовых резервов. «Сохранившийся документ в архиве о меню на день в РУ-1 Челябинска холодит кровь в жилах, — пишет автор. — Завтрак: суп-затируха — мука 40 г, жир 5 г, соль 5 г. Обед: Первое: щи кислые — капуста 150 г, мука 5 г, жир 5 г, соль 5 г. Второе: рыба с кашей — рыба 50 г, пшено 40 г, жир 5 г, соль 5 г. Ужин: щи кислые — тот же состав» (с. 91).

Все тяжелые последствия войны раскрыты на фоне процессов, происходивших на фронте и в тылу. В этом плане этапы, региональные особенности, выделенные исследователем по учебно-производственному процессу (с. 39), по расстановке кадров (58), по продовольственному обеспечению (с. 94), по медицинскому обслуживанию (с.116) составляют научную новизну.

Обращают внимание сюжеты публицистического характера, в которых делается попытка объяснить психологию поведения подростков, мастеров, руководителей учебных заведений и дать оценку действиям партийных организаций всех уровней. Такие явления: как иждивенческие настроения в отношении создания подсобных хозяйств (с.87), безразличие к наведению порядка в общежитиях, к заготовке дров, угля, ремонту одежды и обуви, к соблюдению учащимися правил личной гигиены (с.104-105) и другие, Г.К. Павленко впервые пытается объяснить не только военным временем, но и наличием традиционной культуры, с которой многочисленными постановлениями боролись партийные органы, мобилизуя коммунистов и комсомольцев на внедрение новой культуры быта.

Яркие примеры трудового героизма молодежи училищ и школ ФЗО предстают со страниц книги. В годы войны воспитанники уральских учебных заведений трудовых резервов составили 59% от рабочих, принятых в промышленность, на транспорт и стройки Урала (с.38). «Но именно благодаря подросткам училищ и школ ФЗО, — как отмечает автор, — предприятия получили многих тысячников-стахановцев и ударников» (с.146).

В работе не идеализируется военное время и труд подростков. «Не все учащиеся трудовых резервов в условиях войны были «героями». Война — это трагедия, — пишет Галина Константиновна. — Не все взрослые выдерживали ее тяготы. Молодежь ряда училищ и школ ФЗО Урала в первый год войны от 30 до 50% дезертировала из учебных заведений».

В выводах исследователь предлагает не преувеличивать роль воспитательной работы, но и не умолять ее, не рассматривать средства идеологического воздействия в отрыве от решения других вопросов учебных заведений.

Аккорд финала в словах: «Все структуры государства, начиная от правительства, ГУТР при СНК СССР, областных и республиканских управлений трудовых резервов, и кончая партийными и комсомольскими организациями всех уровней, не забывали об училищах и школах ФЗО. Всеми усилиями сдвигали с мертвой точки казалось бы неразрешимые проблемы с жильем, продовольствием, с медицинским обслуживанием, кадровые вопросы. Конечно, заметные сдвиги стали происходить с завершением перестройки в хозяйственной жизни страны и началом коренного перелома на фронтах Великой Отечественной войны. Но иного и не могло быть». Благодаря всему этому «государство... смогло мобилизовать работников и учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО на защиту Отечества», на оказание помощи освобожденным районам (с. 147). Подростки военной поры, получившие закалку в трудовых резервах, составили костяк тружеников страны, восстановивших ее из руин, освоивших новые технологии 1950-60-х годов. И не их вина, что история не так распорядилась их страной и их судьбой, как им хотелось. Они — герои своего времени (с. 149).

Вместе с тем, содержание книги значительно выиграло бы, если бы в ней были шире представлены документы о выпускниках-производственниках и выпускниках-фронтовиках.

Монография богата персоналиями, статистическими данными и примечаниями. Она будет интересна историкам-исследователям, ее материалы можно использовать в лекционных курсах, на семинарских занятиях, на уроках истории во всех типах учебных заведений.

Г.Е. Корнилов

ГУСЬКОВА А. К. АТОМНАЯ ОТРАСЛЬ СТРАНЫ ГЛАЗАМИ ВРАЧА. (М.: Реальное Время, 2004. 240 с.)

В широком потоке публикаций по истории отечественного атомного проекта, охватывающих различный спектр событий и процессов, происходивших в период становления и развития крупнейших предприятий атомной отрасли, самостоятельное место занимает книга члена-корреспондента Российской академии медицинских наук Ангелины Константиновны Гуськовой. Это вполне оправдано и объяснимо. А.К. Гуськова относится к той плеяде атомщиков, о которых принято говорить — первопроходцы. История атомной промышленности России увидена в книге «глазами врача» — свидетеля и непосредственного участника многих этапных событий, ведь становление и развитие отрасли всегда было неразрывно связано с решением медико-биологических проблем ее безопасности.

А.К. Гуськова начинала свою «сложную дорогу жизни с радиацией» на знаменитом «Маяке» (Челябинск-40), первом в стране предприятии атомнйо промышленности (врач медико-санитарного отделения), затем с 1957 г. работала в клинике Института биофизики, в 1974-1998 гг. в качестве ее бессменного руководителя, около 20 лет (до 1979 г.) была главным радиологом страны. Авторитет А.К. Гуськовой признаны во всем мире. Она ведет обширную консультационную работу и заслуги перед наукой были по достоинству оценены в том числе Шведской Королевской академией, которая наградила ее (в числе всего девяти удостоенных) особо почетной Золотой медалью за радиационную защиту (медалью Зиверта), вручение которой символически проходило в Хиросиме.

Книгу предваряют воспоминания автора о легендарных И.В. Курчатове, А.П. Александрове, Е.П. Славском. Эти заметки, как автор подчеркивает, «очень личные», не только уместны, но и актуальны. Наблюдения врача всегда точны и взвешены даже при оценке явлений, не относящихся к профессиональной деятельности. Характеризуя выдающихся ученых и организаторов новой отрасли промышленности, А.К. Гуськова особо подчеркивает их стиль неброской ответственности в работе, готовность подчинять все интересам страны («высокое понятие государственности»), внимательное отношение к людям и научным идеям. В одном из завершающих разделов книга «Встречи на дорогах» А.К. Гуськова вновь возвращается к своим воспоминаниям о тех, с кем ей довелось встречаться и работать — теоретиками и представителями фундаментальных наук, таких как Н.А. Краевский, В.В. Португалов, И.А. Пигалев, В.К. Лемберг, первом директоре Института биофизики Г.М. Франк, первом научном руководителе работ по радиоэкологии В.М. Клечковском, первом директоре «Маяка» Б.Г. Музрукове, первым руководителем клиники Института биофизики Н.А. Куршакове, заместителе министра атомной промышленности Н.А. Семенове и многих-многих других людей, которые удивительно походили к «делу и ко времени». Тексты книги А.К. Гуськовой вообще «плотно населены», содержат большое количество имен — как интеллектуальной научной элиты и известных деятелей атомной отрасли, так и рядовых сотрудников всех структур и подразделений. Самое пристальное внимание уделяется автором судьбам ее многочисленных пациентов.

Книга А.К. Гуськовой впервые позволяет представить становление отечественной радиационной медицины, проследить важнейшие вехи ее развития. В главе «Принципы и опыт формирования медицинского сопровождения в системе специально создаваемых практических и научных учреждений отрасли» автор касается вопроса о роли в организации медико-биологических исследований учреждений отраслевого здравоохранения, АН и АМН, министерств обороны, морского флота, некоторых специальных учреждения медико-биологического профиля. Систематизация радиационных ситуаций и их клинических проявлений стали возможны лишь в 70-е гг. А.К. Гуськова обращает внимание на то, что развитие новой отрасли медицины отличалось принципиальной новизной проблем, недоступностью сведений, которые можно было почерпнуть из международного опыта,

и необходимостью одновременно с решением практических задач проводить специальные научные исследования и разработки, в которых остро нуждалась практика.

А.К. Гуськова довольно скрупулезно характеризует этапы формирования и развития основных структурных медицинских подразделений и мероприятий, связанных со становлением отечественной радиологии. Автор оценивает уникальный опыт, накопленный радиационной медициной, подводит некоторые итоги, определяет перспективы ее развития на будущее и влияние радиологии на другие медико-биологические направления. А.К. Гуськова обращает внимание на то, что с самого начала радиационная медицина была «многофункциональной и многопрофильной дисциплиной, для решения задач которой требовалось привлечение широкого круга специалистов медико-биологического и физико-технического профиля». Ее богатейший опыт был ценен не только для нее самой, но существенно повлиял на развитие смежных дисциплин биологического, клинического и гигиенического профиля. Очень многим обязаны радиобиологии и радиационной медицине генетика и гематология, эмбриология и онкология, промышленная и коммунальная гигиена, медицина труда и экология.

В восьми главах об основных группах предприятий атомной отрасли — от рудников и обогатительных комбинатов, радиохимических и химико-металлургических заводов, атомных реакторов и производств ядерных материалов до испытательных полигонов и субъектов атомной энергетики А.К. Гуськовой сквозь призму становления служб медико-биологического сопровождения рассматривается действие сложного комплекса факторов, повлиявших на становление и перипетии развития отрасли. Автор говорит о том, что «атомная отрасль и ее спутники сумели воспроизвести весьма совершенную модель взаимодействия в единой программе в трудное для страны послевоенное время» и делает вывод о необходимости изучения этого опыта «для создания нового , перспективного для страны направления технологического развития одновременно с обеспечением его безопасности». По страницам авторских очерков о предприятиях отрасли разбросаны интересные, можно сказать, уникальные сюжеты — о посещении автором бараков санчастей лагерных участков строительств, о начальном этапе строительства «за колючей проволокой» будущего Озерска, о замене в отрасли военизированной медицины структурами Министерства здравоохранения, о психологических факторах («пристрастные допросы») нарушения здоровья у кадров первопроходцев, о сложностях оптимизации необходимых технологий («плутоний в женских руках»), их корректировке иногда «на ходу», об этапах «опытного» обоснования пороговых уровней доз облучения, об аварийных ситуациях и др.

Подробно доктор Гуськова анализирует становление и развитие радиационной медицины на ПО «Маяк» (г. Озерск Челябинской обл.), особенно диагностику и лечение острой лучевой болезни. Справедливо утверждение автора, что самоотверженная работа медиков неотделима от истории создания атомного щита родины, хотя, как правило, освещается достаточно скудно, без надлежащей оценки огромной значимости медицины в судьбе людей, ковавших этот атомный щит. Многое автор объясняет существовавшим в те годы режимом строгой секретности, не позволявшим врачам, да и другим специалистам, вести личные дневники, делать записи, фотографии. Врачи не располагали, особенно в первые годы, достаточно подробной информацией даже по объему и нагрузкам на них самих. Количество циркулирующих документов было ничтожно мало, их заменяли устные распоряжения без записи задания.

Подробное и очень откровенное повествование о становлении подразделений основных производств на «Маяке» свидетельствует, что с учетом технического и медицинского опыта в во второй половине 1950-х годов были сформулированы основные санитарно-гигиенические требования к проектированию подобных заводов в Сибири. Темы научных исследований, по замечанию автора, определялись самой жизнью, не имели зачастую аналогов в мире и требовали самостоятельной, оригинальной постановки задач и разработки методов их решения. Следует подчеркнуть, что А.К. Гуськова, перечисляя коллег практически по всем направлениям исследований, отдает должное их колоссальному вкладу, самопожертвованию, бескорыстному служению науки. Оценивая перспективность использования ме-

дико-биологических данных по «Маяку» за 50-летний период, ученый приходит к выводу об уникальности этого опыта, не имеющего аналогов в мире.

Привлекают глубокие суждения автора о медицинских аспектах полигонных ядерных испытаний. Вполне оправданы замечания по освещению деятельности группы специалистов, обеспечивающих реализацию ответственного этапа в создании ядерных боеприпасов. Освещалась они, преимущественно, инженерно-техническими работниками самостоятельно или в виде интервью журналистам, не обладающим достаточными знаниями в области действия радиации. Не были журналисты достаточно компетентны и в суждениях о медицинских данных по состоянию здоровья участников в поздние сроки. Автор сожалеет, что испытатели в условиях особого режима секретности не раскрывали даже врачам отраслевого здравоохранения специфику деятельности, а это приводило к тому, что они обращались за медицинской помощью эпизодически, лишь по поводу острых или очень тяжелых заболеваний в самые разные медицинские учреждения.

Огромный интерес вызывают страницы книги об аварии на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года. Многое, относящееся к здоровью людей, принимавших непосредственное участие в ликвидации последствий аварии на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС, обросло за прошедшие годы неимоверным количеством слухов и домыслов. В результате катастрофы пострадали десятки и сотни тысяч, но еще больше испытали психологический стресс. Весь медицинский персонал московской клиники Института биофизики, которую возглавляла профессор А.К. Гуськова, с первых часов аварии приложили колоссальные усилия по лечению пострадавших работников станции и ликвидаторов. Автор основательно знает и глубоко понимает проблему изнутри и утверждает, что рассматривая вопросы здоровья населения и возможных рисков раковых заболеваний, якобы вызванных чернобыльской катастрофой, следует проявлять особую осторожность, так как даже малейшие ошибки или неточности в выводах могут вызвать если не панику, то излишнюю тревогу в обществе. Рекомендации А.К. Гуськовой, исходя из уроков Чернобыля, звучат как положения воинского устава. Они лаконичны и содержательны. За ними стоят годы изнурительного труда самоотверженных специалистов, совершенствования диагностики, кропотливого лечения участников и ликвидаторов аварии.

Свидетельством признания отечественной радиологии стали заметки автора об участии в работе международных организаций (НКДАР, МКРЗ), каждая из которых представлена автором как «высшая научная школа» по специальности с блестящим подбором учителей и коллег. Характеризуя работу Научного комитета по действию атомной радиации (НКДАР) при ООН, А.К. Гуськова подчеркивает, что начальный ее период свидетельствовал о «мудром преодолении учеными политического противостояния», их умении наладить работу в условиях «понятной недоговоренности между лицами, отягченными рядом режимных запретов в своих странах», стремлении аккумулировать столь нужный опыт в той области знаний и практики, где не могло быть «национальной арифметики».

Книга А.К.Гуськовой — глубокое исследование основных аспектов становления и развития отечественной радиационной медицины, внесшей достойный вклад с создание отечественного атомного комплекса. Для историков книга важна также как «источник личного происхождения» — мемуары. Но это мемуары особого рода — воспоминания «*переживаемого*, а не пережитого опыта» «участника событий, для которого еще не наступила пора отстраненности». Книга написана хорошим языком, глубокие аналитические построения органичны пафосу личного высказывания авторитетнейшего ученого, философскими жизненными наблюдениями «внимательно живущего» человека.

А.Э. Бедель

Л.В. Сапоговская

НАШИ АВТОРЫ

АКИШИН Михаил Олегович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Новосибирской государственной академии экономики и управления

АЛЕКСЕЕВА Елена Вениаминовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

АПКАРИМОВА Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ВОРОПАНОВ Виталий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-муниципального управления Челябинского филиала Уральской академии государственной службы

ГОРЕНБУРГ Дмитрий — доктор философии (политология), руководитель отдела России и Восточной Европы корпорации CNA (Центр военно-морских исследований США, Александрия, шт. Виргиния)

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории науки и техники, декан факультета гуманитарного образования Уральского государственного технического университета — Уральского политехнического института

ЗУБКОВ Константин Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

КАБАЦКОВ Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного технического университета

КОРНИЛОВ Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, заведующий кафедрой истории России Уральского государственного педагогического университета

ЛЕЙБОВИЧ Олег Леонидович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой культурологии Пермского государственного технического университета

OUR AUTHORS

AKISHIN Mihail Olegovich — Doctor of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Novosibirsk State Academy Economy and Management

ALEXEYEVA Elena Veniaminovna — Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Ural Branch

ALEXEYEV Veniamin Vasil'evich, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Ural Branch

APKARIMOVA Elena Yuryevna — Candidate of Historical Sciences, Research Associate of the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Ural Branch

CYPINA Elena Anatolyevna — Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Department of History and Politology at the Ural State Economic University

FELDMAN Michael Arkad'evich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Academy of State Service

GORENBURG Dmitriy — Ph.d. (Political Studies), Head of the Department of Russia and East Europe of corporation CNA (the Centre of the Naval Studies USA, Alexandria, sht. Virginiya)

KABACKOV Andrey Nikolaevich — Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the chair of Cultural Studies of the Perm State Technical University

KORNILOV Gennady Egorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research Associate of the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Chief of the Chair of History of Russia of the Urals State Pedagogical University

LEYBOVICH Oleg Leonidovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the chair of Cultural Studies of the Perm State Technical University

MAKUSHEV Anatoliy Aphonas'evish — Candidate of Historical Sciences, Department of Economic History and Information Technologies of Ogarev Mordovian State University (Saransk)

МАКУШЕВ Анатолий Афонасьевич — кандидат исторических наук, кафедра экономической истории и информационных технологий Мордовского Государственного Университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

НЕКЛЮДОВ Евгений Георгиевич — доктор исторических наук, доцент Нижне-Тагильской государственной социально-педагогической академии (г. Нижний Тагил)

НЕФЕДОВ Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом истории России XVI–XIX вв. Института истории и археологии УрО РАН

РЕДИН Дмитрий Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного университета

САБУРОВА Татьяна Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического универститета

СПЕРАНСКИЙ Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор, зав. отделом истории России XX века Института истории и археологии УрО РАН

СУШКОВ Андрей Валерьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ФЕЛЬДМАН Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Уральской Академии государственной службы

ЦЫПИНА Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Уральского государственного экономического университета

ШКЕРИН Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

NEFEDOV Sergey Aleksandrovich — Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Institute of History and Archeology, Russian Academy of Sciences, Urals Branch

NEKLYUDOV Evgeny Georgievich — Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor of the Nizhne-Tagil'sk State Pedagogical Academy

POBEREZHNIKOV Igor Vasil'evich — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History of the XVIth-XIXth centuries, the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Science, Ural Branch

REDIN Dmitriy Anatolyevich — Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Ural State University

SABUROVA Tatyana Anatolyevna — Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the chair of Russian History, Omsk State Pedagogical University

SHKERIN Vladimir Anatolyevich — Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Institute of History and archaeology, the Russian Academy of Science, Ural Branch

SPERANSKIY Andrey Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History of the XXth century of the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Science, Ural Branch

SUSHKOV Andrey Valeryevich — Candidate of Historical Sciences, Research Associate of the Institute to histories and archaeology, the Russian Academy of Science, Ural Branch

VOROPANOV Vitaliy Aleksandrovich — Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the chair of state-municipal management of the Chelyabinsk Branch of the Ural Academy of State Service

ZAPARI Vladimir Vasil'evich — Doctor of Historical Sciences, Professor, the Chief of the chair of History of Science and Technics, Dean of faculty of Arts education of the Urals State Technical University — the Urals Polytechnical Institute

ZUBKOV Konstantin Ivanovich — Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Ural Branch

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер 3

Статьи и сообщения

К. И. ЗУБКОВ. Церковь и государство в поле культурной диффузии: предпосылки петровской модернизации 4

В. А. ШКЕРИН. Государство и экономика: ведомственные противоречия в управлении Уральским горнозаводским регионом в XVIII — первой половине XIX в. 14

М. О. АКИШИН. Армия, общество, колонизация (Тобольский драгунский полк на Урале в первой половине XVIII в.) 25

Д. А. РЕДИН. Крупные заводовладельцы и торгово-предпринимательская заводская прослойка на Урале во второй половине XVIII в. (аспекты взаимоотношений) 32

Е. В. АЛЕКСЕЕВА. Экзогенные факторы и диффузионные механизмы развития Российской империи: историографические аспекты 39

Е. Г. НЕКЛЮДОВ. Государство и уральские заводчики: формы «нехозяйственного» управления горнозаводскими округами Урала в первой половине XIX века 60

В. А. ВОРОПАНОВ. О статусном положении гражданских судей в Российской империи первой половины XIX в. (на материале губерний Урала и Западной Сибири) 70

Е. Ю. АПКАРИМОВА. Власть и общество в уральской провинции во второй половине XIX — начале XX в. 81

Т. А. САБУРОВА. Взаимоотношения интеллигенции и власти в России второй половины XIX века: опыт моделирования 93

А. А. МАКУШЕВ. Бизнес и труд (на примере хозяйства предпринимателей Мальцовых в XIX — начале XX в.) 101

С. А. НЕФЕДОВ. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция 112

Е. А. ЦЫПИНА. Роль Красной Армии в становлении политической системы советского общества в 1920-е гг. (историографические проблемы) 126

М. А. ФЕЛЬДМАН. Власть и труд: теоретические споры в верхнем эшелоне большевиков по рабочему вопросу (осень 1927 г.) 136

А. В. СПЕРАНСКИЙ. Церковь и власть в годы Великой Отечественной войны: возрождение религиозных традиций 144

О. Л. ЛЕЙБОВИЧ. Власть и советская интеллигенция (молотовские медики в политической кампании 1947 г.) 160

А. В. СУШКОВ. Н.И. Беляев: политическая карьера члена высшего руководства СССР 178

В. В. ЗАПАРИЙ. Государство и бизнес: денационализация и трансформация системы управления металлургическим комплексом в 1990-е гг. 188

Д. ГОРЕНБУРГ. Региональный сепаратизм в России: этническая мобилизация или захват власти 200

А. Н. КАБАЦКОВ. Властные архетипы в постсоветском общественном сознании 225

CONTENTS

To readers 3

Articles and Reports

K. I. ZUBKOV. Church and the state in the field of cultural diffusion: preconditions of Peter modernization in Russia 4

V. A. SHKERIN. The state and economy: departmental contradictions in management of the Ural mining region in the XVIII — the first half of the XIX century 14

M. O. AKISHIN. Army, society, colonization (the Tobolsk dragoon regiment in the Urals in first half of the XVIII century) 25

D. A. REDIN. Outstanding plant owners and trading-enterprise factory stratum in the Urals in the second half of the XVIII century (aspects of interrelations) 32

E. V. ALEKSEEVA. Exogenous factors and diffusion mechanisms in the development of Russian Empire: historiographical aspects 39

E. G. NEKLYUDOV. The state and the Ural factory owners: forms of «uneconomic» management of the Ural mining districts in the first half of the XIX century 60

V. A. VOROPANOV. About status position of civil judges in the Russian empire of the first half of the XIX century (on the materials of provinces of the Urals and Western Siberia) 70

E. Yu. APKARIMOVA. Power and society in the Ural province in the second half of the XIX — beginning of the XX century 81

T. A. SABUROVA. Interrelations of intellectuals and authority in Russia of the second half of the XIX century: experience of modelling 93

A. A. MAKUSHEV. Business and Labour (for example of Maltsov's Household in the XIX — beginning of the XX century) 101

S. A. NEFEDOV. February 1917: authority, society, bread and revolution 112

E. A. CYPINA. The role of Red Army in the making political system of the Soviet society in 1920th (historiography problems) 126

M. A. FELDMAN. Authority and labour: theoretical disputes in the upper echelon of Bolsheviks on the working question (autumn 1927) 136

A. V. SPERANSKIY. Church and authority within the Great Patriotic war: revival of religious traditions 144

O. L. LEYBOVICH. The authority and the soviet intelligentsia (Molotov physicians in the political campaign 1947) 160

A. V. SUSHKOV. N. I. Belyaev: a political career of a member of the upper leadership of the USSR 178

V. V. ZAPARIY. State and business: denationalization and transformation of the control system by the metallurgical complex in 1990-th years 188

D. GORENBURG. Regional separatism in Russia: ethnic mobilization or capture of power? 200

A. N. KABACKOV. Imperous archetypes in postsoviet public consciousness 225

Публикации

Е. В. ВЕРШИНИН. Внутренние конфликты среди аборигенов Западной Сибири и русская администрация в XVII в. (новые документы) 236

А. Т. ШАШКОВ. Новые документы о новгородско-псковских и олонецких старообрядцах конца XVII в. 247

В. П. МИКИТЮК. Новые документы по истории органов городского самоуправления Урала начала XX в. (по материалам анкетирования гласных Екатеринбургской городской думы) 265

Г. Е. КОРНИЛОВ, А. В. СУШКОВ, Е. Ю. БАРАНОВ. Власть и общество (документы по социально-политической истории Свердловской области) 275

В помощь преподавателю вуза и школы

И. В. ПОБЕРЕЖНИКОВ. Диффузионные механизмы как фактор модернизации власти и общества: теоретико-методологические аспекты 302

Научная жизнь

А. В. ТРОФИМОВ. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников; Ин-т истории и археологии УрО. М.: Наука, 2004. 600 с. 315

А. Т. ТЕРТЫШНЫЙ, А. В. ТРОФИМОВ. Пионерный опыт исследования истории российского самоуправления 319

Л. В. САПОГОВСКАЯ, А. В. ИВАНЧЕНКО. Идущий своим путем (Шпотов Б. М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М.: Книжный Дом «Университет», 2003, 383 с., илл.) 322

С. П. ПОСТНИКОВ, Е. Ю. РУКОСУЕВ. Футорянский Л. И. Казачество России в огне Гражданской войны. Оренбург, 2003. 474 с. 325

Г. Е. КОРНИЛОВ. Павленко Г. К. Юные гвардейцы тыла. Трудовые резервы Урала — фронту. 1941-1945. Челябинск: ЧПО «Книга», 2004. 168 с. 327

А. Э. БЕДЕЛЬ, Л. В. САПОГОВСКАЯ. Гуськова А. К. Атомная отрасль глазами врача. М.: Реальное Время, 2004. 240 с. 329

Наши авторы 332

Publications

E. V. VERSHININ. Internal conflicts amongst aborigines of West Siberia and Russian administration in XVII century (new documents) 236

A. T. SHASHKOV. New documents about Novgorod-Pskov and Olonetsk old believers of the end of the XVII century 247

V. P. MIKITYUK. New documents about history of municipal self-government in the Urals in the beginning of the XX century (on questionnaire materials of Ekaterinburg duma glasnyh) 265

G. E. KORNILOV, A. V. SUSHKOV, E. YU. BARANOV. Power and society (documents about social-political history of Sverdlovsk region) 275

For Teacher of High and Secondary Schools

I. V. POBEREZHNIKOV. Diffusion mechanisms as modernization factor of relations of authorities and society: theorist-methodological aspects 302

Scientific Life

A. V. TROFIMOV. Asiatic Russia in geopolitical and civilizational dynamics. XVI-XX centuries / V. V. Alexeyev, E. V. Alexeyeva, K. I. Zubkov, I. V. Poberezhnikov; In-t of History and archaeology of the Russian Academy, Ural Branch. M.: Science, 2004. 600 p. 315

A. T. TERTYSHNYY, A. V. TROFIMOV. Pioneer experience of study of Russian self-government history 319

L. V. SAPOGOVSKAYA, A. V. IVANCHENKO. Going his own way (Shpotov B.M. Henry Ford: life and business. M.: Book House «University», 2003, 383 p., illustrations) 322

S. P. POSTNIKOV, E. YU. RUKOSUEV. Futoryanskiy L.I. The Cossacks of Russia in the heat of battle of the Civil war. Orenburg, 2003. 474 p. 325

G. E. KORNILOV. Pavlenko K. Young guardsmen of rear. The Labor reserves of the Urals- to front. 1941-1945. Chelyabinsk: ChPO «Kniga», 2004. 168 p. 327

A. E. BEDEL, L. V. SAPOGOVSKAYA. A. K. Guskova. The Atomic branch by physician«s look. M: Realnoe vremya, 2004. 240 p. 329

Our Authors 332

Научное издание

**УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 10-11.
(ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ)**

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии* УрО РАН

Технический редактор *Н. Гощицкий*
Компьютерная верстка *А. Кушак*

Подписано в печать 20.08.05 г.
Формат 60x84/8. Бумага Офсетная.
Гарнитура «Academy». Печать офсетная.
Усл. п. л. 18,06. Тираж 400 экз. Заказ № 903
Отпечатано в АО Полиграфист.

Издательство «Академкнига»
620034, Екатеринбург, ул. Толедова, 43а.